

АЛЕКСАНДР

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

БУШКОВ



ЛЕТАЮЩИЕ
ОСТРОВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

ЛЕТАЮЩИЕ ОСТРОВА

20
ЛЕТ
СВАРОГУ

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.

Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.

Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.

Сварог тут не исключение.

Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.

FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.

Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик



Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чёртова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
(готовится к выходу)
Радиянт
(готовится к выходу)



Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

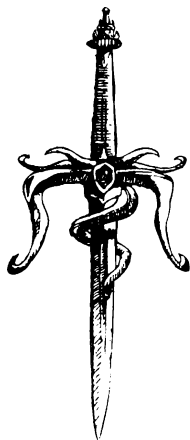


Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Летающие острова

Роман



МОСКВА



ОЛМА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2017

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Б90 Бушков А. А.

Летающие острова. Роман / Александр Бушков. — М. :
Абрис, 2017. — 528 с. — (Сварог — фантастический бое-
вик). — ISBN 978-5-00111-174-0.

...На земли Талара вторгаются Глаза Сатаны — зловещие создания,
умеющие принимать чужой облик. Закулисные игры ларов вынужда-
ют Сварога инкогнито отправиться туда и уничтожить врага, избавив
опустевшую территорию трех государств от чудовищ и исполнив про-
рочества...

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-174-0

© Бушков А. А., текст, 1996
© Торговый дом «Абрис», 2017
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2017
Все права защищены

— Ты говорила, что звезды — это миры, Тэсс?
— Да.
— И все такие же, как наш?
— Не знаю, но думаю, что такие же. Иногда они
похожи на яблоки с нашей яблони. Почти все краси-
вые, крепкие, но есть и подгнившие.
— А мы на какой живем — на красивой или на
подгнившей?
— На подгнившей.

Томас ГАРДИ
«Тэсс из рода д'Эрбервиллей»

Часть I

РАВЕНА, КРАСИВЫЙ ГОРОД





Глава I

ЗАГОВОРЩИКИ ПОД ШОРОХ СНЕЖИНОК

Темно-зеленая ель была великолепна. Сварог навидался их достаточно и мог оценить должным образом. Настоящая новогодняя елка, все другие, сколько их ни есть, напоминали бы драного помоечного котенка, оказавшегося рядом с тигром.

Ель вздымалась на добрых сто уардов и могла укрыть под кроной всю гвардию иного Вольного Манора. Она была настоящая. Ее ничуть не заботил тот факт, что она произрастала лигах в двух над земной твердью, посреди огромного летающего острова, где для новогодних праздников воздвигался зимний дворец Яны, — понятно, это был не дворец, а целый город. Сварог посмотрел в ту сторону. Ель была впечатляюща, но такая стройплощадка поражала гораздо больше. От полупрозрачного диска, повисшего высоко над новым островом, то и дело ударял вниз тоненький сиреневый луч — и секундой позже вырастало очередное строение. Если моргнуть, можно и не заметить, как возник поблизости павильон бордового кирпича с темно-синими башенками по углам и золотыми флюгерами. Вот только каждый раз над диском столь же мгновенно вспухало неслышным взрывом белое тяжелое облако, и несколько минут шел натуральный густой снегопад, после чего бесследно исчезало. Сварог, прилежно нахватавшийся азов и вершков, уже примерно соображал, в чем тут фокус.



Создаваемые с такой, казалось бы, легкостью куски жареного мяса и тонкие напитки, сигареты и дворцы хотя и возникали как бы из ничего, состояли из обыкновенных атомов, которые за секунду сколачивала в единое целое заданная программа. Каждое заклинание, если вкратце, и было такой программой, либо отысканной инстинктивно после долгих проб и ошибок за тысячелетия магической практики, либо созданной более прогрессивным способом — на здешних вычислительных машинах. Только-то и всего. Нечто вроде генов и хромосом, по которым природа создает флору и фауну.

Естественно, эти гены и хромосомы, эти программы нужно знать заранее, если хочешь что-то создать. Безликие «просто меч» или «просто дворец» никогда не возникнут по желанию неопытного мага — разве что есть программа, своего рода типовой проект сигареты, меча или дворца. Ну а штучная работа требует подробного знания. Так что создать хотя бы одну штучку «Мальборо» или орден Почетного легиона Сварогу не помогли бы ни весь апейрон Вселенной, ни все здешние машины.

Ну а снег и холод — неизбежный побочный продукт, как выхлопные газы при работающем моторе. Когда большое число атомов группируется в материальный объект, атомы не возникают из ничего — их, конечно, можно синтезировать, но гораздо проще и рациональнее попросту выдернуть из окружающего воздуха. На долю секунды возникает вакуум, который в полном соответствии с присловьем о не терпящей пустот природе мгновенно заполняется воздухом, и в результате неких процессов получается резкое похолодание в некоем объеме, снежная туча и снегопад. Для атмосферы — чересчур ничтожная потеря. Чтобы ее компенсировать, если уж вам непременно приспичило быть педантом-филантропом, достаточно послать драккар и обратить в пар десяток триаров морской воды.

Увы, эти сведения, почерпнутые из школьного курса для начинающих, убили всю поэзию и тайну, крившиеся прежде в глазах Сварога в магии...

— Терпеть не могу холода и снега. — Гаудин неуклюже поднял воротник роскошной меховой шубы. — Обычно Новый год всегда праздновали в Антлане, со снегом, конечно, но и с искусственным климатом, без этого дурацкого ветра. Так и швыряет в лицо чертов снег...

Искусственный климат должен был воцариться и здесь с окончанием строительства, как во всех летающих владениях



ларов, и Гаудин это прекрасно знал, но все равно ворчал, раздосадованный даже не погодой, а опозданием тех, кого они ждали. Сварог больше помалкивал. Не так давно он узнал, что его странствия по Талару происходили, оказывается, в разгар зимы. Именно так здесь и выглядел разгар зимы — ни морозов, ни снега, просто потом гораздо теплее, вот и все...

И все же лары, пять тысяч лет празднуя Новый год, отождествляли его со снегопадом. Лучшее доказательство, что их предки и впрямь когда-то прибыли сюда с Земли, сиречь Сильваны. Правда, на Сильване сейчас стоял то ли август, то ли сентябрь, но это лишь означало, что лары когда-то жили в тех местах, где в канун нового, по их счету, года лежал снег и стояли холода. А на Таларе, если верить древним преданиям, даже до Шторма не было настоящей зимы...

Сварог не выдержал, наклонился, скатал тугой хрусткий снежок и запустил в спину Гаудину, пониже воротника. Лорд удивленно обернулся:

— Что это вы?

— Так играют дети зимой, — сказал Сварог.

— Ну да, что-то такое я смутно помню, в Англанде, в раннем детстве... Глупость какая. Сейчас, в преддверии едва ли не самой важной в вашей жизни минуты, затевать варварскую детскую игру...

— Это я от застенчивости, право слово, — сказал Сварог, отряхивая влажные ладони. Гаудин хмыкнул:

— Я недолго вас знаю, граф, но успел понять, что застенчивость вам мало свойственна...

— Тогда считайте бушевавшие меня чувства тягостным недоумением. Коли застенчивость не подходит. Seriously, я в самом деле не пойму, отчего столь влиятельные персоны должны встречаться этак по-воровски. Как сказал бы старинный романист, в воздухе веяла неуловимая атмосфера зловещей тайны. Начальник разведки Империи, военный министр...

— У нас нет военного министра, потому что мы ни с кем не ведем войн, — мягко сказал Гаудин. — Лорд Фронвер всего-навсего заведует департаментом под номером три. И занимается тем, что примерно можно назвать «изучением проблем защиты и обеспечения безопасности в гипотетических кризисных ситуациях». Фактически он военный министр, вы правы, но не забывайте о тонкостях бюрократии и этикета...

— Понятно, — сказал Сварог. — Я в свое время вдоволь наслушался этих обтекаемых терминов, за которыми обычно



скрывается... изучение проблем. Терминами меня не удивишь. Но меня и в самом деле удивляет, почему такие люди, как их ни называйте, крадутся на незаконченную стройку...

Гаудин смотрел на заснеженную равнину, где один за другим возникали фантастические дворцы, изящные лестницы и бездействующие пока фонтаны, осыпаемые обильным снегопадом из низких, клубящихся, то и дело вспухавших над головой туч. Пожалуй, сейчас он был не просто меланхоличен по всегдашнему своему обыкновению — по-настоящему печален. Сварог терпеливо ждал, борясь с ощущением, что Гаудин напрочь забыл о его присутствии.

— Я в странном положении, признаться, — сказал наконец Гаудин, не поворачиваясь к нему. — Словно бы вынужден извиняться перед вами за какие-то замшелые пережитки старины, которые вы у нас обнаружили свежим взглядом... Собственно, это правда. Все так и обстоит. Я о пережитках. Помните, мы с вами как-то говорили о приключенческих романах и обнаружили, что те, которыми увлекаются наши мальчишки, и те, ваши, которым еще предстоит возникнуть, удивительно схожи? И в чем-то отражают жизнь. Так вот, как ни грустно мне в таком признаваться, кое в чем наша жизнь ничем не отличается от той, что кипит внизу. У нас есть много вещей и возможностей, которых внизу нет. И мы знаем больше. Вот и все. А в остальном — до жути похоже. Те же интриги, и у подножия трона, и поодаль от него, та же дворянская вольница, те же примитивные страсти и побуждения, имеющие подоплекой те же примитивные цели — борьба за титулы и отличия для себя и за опалу для врага... Мы точно такие же — только у нас есть развитая магия, компьютеры и межпланетные корабли. Понимаете?

— Кажется, да, — сказал Сварог.

— Иногда я не верю, что у нашего бытия есть цель, — тихо сказал Гаудин. — Я не осуждаю и не оправдываю существующий порядок, я просто не знаю другого и не собираюсь ломать голову, выясняя, возможен ли другой и каким он должен быть. Но мне иногда горько. До того, как вы появились, мне и мыслями не с кем было поделиться, хотя молодежь о чем-то таком шепчется... Вы знаете, почему при работе внизу мои люди вынуждены соблюдать строжайшую конспирацию и максимум осторожности? Да в первую очередь оттого, что всякий владелец манора вправе держать внизу свою агентуру. И согладатай



какого-нибудь чванного болвана, дурака-камергера, придворного соперника герцога Гленора или моего, при малейшей нашей оплошности настрочит донос. А его хозяин при малейшей возможности поднимет в Тайном Совете или Палате Пэров невероятный шум, вопя о систематическом и злонамеренном нарушении традиций... Беда традиций в том и состоит, что они не учитывают неизбежных изменений. И в том, что защита славных традиций — идеальнейший способ сводить счеты.

— Но вы же обязаны работать... — сказал Сварог. — Вы, черт побери, стоите на страже и все такое прочее...

— Стою, — усмехнулся Гаудин. — Но дело даже не в интриганах. Очень многие попросту хотят, чтобы наша работа велась так, как она велась тысячелетие назад. И ставят палки в колеса не из интриганства, а из самых благих побуждений... И они не в силах уяснить, что может возникнуть новая, не предусмотренная традициями опасность. Самый весомый аргумент у них один: мы достаточно могущественны, чтобы справиться с любой угрозой. Потому что справлялись до сих пор...

— Ну да, — сказал Сварог. — Человек с пулеметом на вершине горы посреди населенного дикарями острова...

— Любимая метафора Борна. И в ней, должен сознаться, есть своя правда... В общем, иногда работать нам невероятно трудно. Любой болван в силу древних вольностей и привилегий может шпионить за моими людьми, — Гаудин хищно ухмыльнулся. — Правда, у таких шпииков не написано на лбу, чьи они люди, и с ними могут произойти... прискорбные инциденты. Но все это ужасно отвлекает и усложняет работу.

— У вас что же, так никогда и не нашлось сильной руки, способной поприжать эту вольницу?

— Отчего же... Но наше положение в чем-то гораздо хуже положения земных королей. У них всегда найдутся союзники, которых можно натравить на титулованную вольницу, — свободные горожане, мелкие дворяне, купцы-банкиры, офицерство, всем обязанное одному лишь монарху... Ничего этого здесь нет. Здесь есть только владельцы замков — и их слуги. Конечно, попытки были... Но после смерти герцога Дальрета — кстати, до сих пор неизвестно, естественной ли — сменилось три поколения, и у нас прочно забыли, что такое твердая рука. Герцог рубил головы не колеблясь, но он взвалил на плечи чересчур тяжкую ношу и был очень уж одинок...



— Вообще-то рубить головы — не самый лучший выход... — осторожно сказал Сварог.

— Я знаю. Но иногда невыносимо тяжело смотреть на эти спесивые, тупые морды... Орк, по крайней мере, азартный игрок и авантюрист, он мне мешает, но виден насквозь, как и его цели. Гораздо хуже — тупые морды, обремененные родословной... Я не могу даже снабдить своих резидентов современными средствами связи — потому что раньше так не делали, и я обязан соблюдать традиции. Ну, хватит. Вам еще многое предстоит узнать. А сам я... я очень хотел бы доискаться, почему в вашем будущем не осталось памяти и о нас, и о Таларе. Вообще-то это еще отнюдь не означает, что в будущем Талар перестал существовать, вовсе не означает...

— Как это? — Сварог с любопытством наострил уши.

— Если допустить... Ага, вот они!

Синяя с золотом вимана, пробив низкие тучи, опустилась в нескольких шагах от них — Сварог даже отшатнулся, показалось, что летающий домик падает прямо на голову. Дверь распахнулась, и он, чуть не до колен проваливаясь в сугробы, метя снег полами шубы, неуклюже заспешил туда следом за Гаудином.

Едва дверь закрылась за ними, вимана тут же пошла вверх, вертикально, на огромной скорости, небо за высокими окнами из синего стало темно-фиолетовым, покрылось колючими звездами — вимана вошла в верхние слои атмосферы, и Сварог уже не мог определить, движется она или застыла на месте. Он сбросил шубу прямо на пол, следуя примеру Гаудина. Подошел к огромному камину — пламя, скорее всего, было иллюзией, опустился в тяжелое кресло. Молча взглянул на сидевших напротив. Все они выглядели немногим старше него, вовсе не казались надменными, но держались со спокойным, уверенным превосходством людей, привыкших, что от них зависит очень многое.

— Герцог Гленор, — сказал Гаудин.

Узкое породистое лицо, тяжелая челюсть. Совершенно невозмутимое лицо. Образец джентльмена. Должен чертовски нравиться женщинам — хотя кто способен понять женщин?

— Лорд Фронвер.

Больше похож на рассеянного ученого, чем на военного министра Империи. А поскольку он все-таки военный министр, с человеком столь обманчивой внешности ухо следует держать востро...



— Лорд Кримтон. — На вопросительный взгляд Сварога Гаудин добавил: — Лорд Кримтон — второй человек в департаменте, отвечающем за установки, концентрирующие апейрон, и заводы, где производится все необходимое. Промышленность, жизнеобеспечение, удовлетворение потребностей... И я ничуть не польщу лорду Кримтону, назвав его человеком, на котором и держится эта махина, — потому что официальный глава департамента... гм, мягко говоря, не уделяет департаменту должного внимания.

«Ну, понятно, — подумал Сварог. — Молодые дельные заместители, на которых все и держится, и сановное старичье, официально стоящее во главе. Знакомо. Чересчур. Самое печальное в таких ситуациях — у стариков не хватает ума ограничиться чисто парадными функциями, они стремятся давать ценные указания и вмешиваться во что ни попадя, отчего результаты выходят плачевные до жути».

Он внимательно посмотрел на Кримтона — этот больше всего походил на добродушного кабатчика, толстый и высокий, очень сильный на вид, кудрявый, с ухоженными бакенбардами, какие на земле обожают холить моряки. Только рот чересчур жесткий и маленький, портит весь образ. Но Сварогу человек этот, в общем,глянулся.

— Лорд Тигернах. Из Мистериора.

Ну, это ясно — синяя мантия, покрытая золотыми каббалистическими знаками, рядом, на столике, — черный колпак, увенчанный золотым полумесяцем. Маг выглядел не старше остальных, но волосы совершенно седые.

— Не будем терять времени, — сказал Гленор. — Лорд Сварог, здесь собрались люди, в чьих руках находится непосредственное управление разведкой, промышленностью и вооруженными силами. Нас можно заменить, можно при нужде действовать в обход нас, но пока что мы крепко держим штурвал... Мы не замыслиаем никакого заговора — еще и потому, что заговор, устроенный нами троими, никогда не увенчается успехом без помощи десятков сторонников на ключевых постах рангом ниже. Мы также не составляем какого-то тайного общества — еще и потому, что тайное общество, как правило, возникает ради какой-то конкретной цели. А мы, даже сегодня, пока что не можем назвать наши задачи и стремления конкретной целью. Скажем так — здесь собрались люди, обеспокоенные нынешним положением дел в Империи. И только. Возможно,



в будущем и придется создать что-то вроде тайного общества. Время покажет. Но сейчас я назвал бы нас людьми, стремящимися к реформам, — в обстановке, когда высокое начальство и значительная часть общества не желают никаких реформ.

— Реформы — это прекрасно, — сказал Сварог. — Простите, если я ляпну что-то нетактичное... но очень уж часто бывало, что реформаторы считали себя солью земли, а своих противников тупыми ретроgrадами, но впоследствии оказывалось, что все обстоит несколько... иначе. Иными словами, со мной уже однажды сыграли втемную. Больше что-то не хочется...

— Мысль вполне разумная, — кивнул Гленор. — Я вас понимаю. И не стану запугивать, но хочу, чтобы вы накрепко уяснили одно: речь пойдет о важнейших государственных тайнах. И хочу быть в вас полностью уверенным. Либо вы отклоняетесь и вернетесь к веселой доле придворного вертопраха, либо играете в нашей команде. Но пути назад уже не будет. Слишком многое поставлено на карту. И при необходимости мы найдем способ разделиться с вами так, что даже императрица не доищется правды.

— Это я понимаю, — сказал Сварог. — Но я до сих пор не слышал ничего конкретного...

— Это следует понимать как согласие?

— Да.

— Хорошо. Прежде всего определим четко: вы — не один из нас. Пока что. Вы — исполнитель, облеченный огромным доверием. Если вы обдумаете все трезво и беспристрастно, согласитесь сами, что просто-напросто не заслужили еще положения равного. Еще и оттого, что плохо знаете нашу жизнь. Разумеется, с помощью соответствующей техники можно набить вашу голову информацией. Но этот ворох разнообразных сведений будет бесполезным, а то и откровенно вредным без определенного жизненного опыта... Понимаете?

— Понимаю, — сказал Сварог. — И не собираюсь возражать.

— Отлично. Конечно, со временем вы можете достичь неких высот. Но пока что вам не следует претендовать на многое... Это не задевает вашего честолюбия?

— Да я вообще не знаю, честолюбив я или нет.

— Значит, честолюбивы, — усмехнулся Гленор. — В должной мере. И это меня устраивает. Вы прекрасно провели операцию там, внизу...



Теперь усмехнулся Сварог:

— Если бы я еще знал, что провожу операцию...

— Ну, вы знаете, почему получилось именно так. Насколько я понимаю, обиды не таите? Прекрасно. У вас есть вопросы?

— Я хочу понять наконец, как я здесь очутился и почему это сопровождалось... странностями.

— Ну, это просто объяснить, — сказал Гленор. — После того как мы провели скрупулезное расследование... Нашлись лихие экспериментаторы из молодых, замыслившие вернуть из неизвестного далека пропавшего без вести графа Гэйра. И выдернули вас. Характер вашей загадочной связи с графом Гэйром так и остался непоясненным. Или есть достижения, Кримтон?

— Увы, — пожал плечами Кримтон. — Опуская ученые подробности, в которых не сведущ не только лорд Сварог, но и прочие, постараюсь выразаться попроще... Лорд Сварог, исследование некоторых параметров вашего мозга, совокупности биологических излучений организма и генетического кода привело к поразительному выводу: данные характеристики и параметры во многом схожи с характеристиками и параметрами графа Гэйра. Хотя и не повторяют их. Кто-то из молодых выдвинул шальную гипотезу... Скажите, вы хорошо помните своего отца? Он не отличался какими-либо... странностями, необычными для окружающего времени способностями, которые могли казаться сверхъестественными?

— Вот это поворот! — сказал Сварог. — Значит, вы думаете... Нет. Как ни вспоминаю, ничего подобного не нахожу. Он погиб, когда мне было десять лет. Но я его хорошо помню. И ничего странного за ним не замечал.

— И все же я хотел бы отработать эту версию.

— Давайте отработаем как-нибудь, — пожал плечами Сварог. — Но мне плохо верится... Послушайте, показал бы мне кто-нибудь портрет вашего графа Гэйра. У меня в замке нет ни одного.

— Я распоряжусь, — кивнул Гленор. — Где-то должны остаться материалы. Что касается ваших первых часов здесь... Гаудин, вы ведь этим занимались, вот и расскажите.

— Ну, мой рассказ был бы гораздо более захватывающим, не ускользни от нас доктор Молитори, — усмехнулся Гаудин. — Доктор Молитори был агентом некоей силы... которую мы, отбросив дипломатию, прямо назовем Князем Тьмы. В реальном существовании этой силы в последнее время многие



сомневались, и это позволило означенной силе какое-то время действовать нагло и безнаказанно. И подчинять себе людей, превращая их в свои послушные орудия. К сожалению, не одних потомственных слуг родом из Антлана... Лорд Сварог, помните, как вас навещали двое гвардейцев?

— И одного из них называли герцогом...

— К превеликому нашему сожалению, — четко выговорил Гаудин, размеренно кивая. — Это действительно были гвардейцы, лары, и один из них был герцогом.

— Были?

— Были, — кивнул Гаудин. — Они успели покончить с собой. Как несколько других. Я взял лишь двоих, мелкую сошку, узнал не так уж много, но все же... Вами попытались завладеть, едва вы появились. Потому от вас и требовали так настойчиво назвать полное имя. Иначе не получить должной власти над человеком. О подробностях вам позже, если будет время, расскажет лорд Тигернах. Сейчас это несущественно. Итак, вами попытались завладеть — не вышло. Тогда Молитори попытались уничтожить вашу личность, ваше «я» — скорее всего, чтобы заменить какой-то другой личностью. Это ему тоже не удалось. Невозможно было попросту разбить вам голову первым попавшимся табуретом и уничтожить труп — слишком многие знали об эксперименте, в котором доктору Молитори отводилась ограниченная роль. И вас, скрепя сердце, выставили в замок Гэйров, чтобы при первой возможности потихоньку убрать. Вскоре для общения с вами доставили с земли ямурлакского вампира. Когда ничего не вышло, испортили яд. Вот и все, если вкратце.

— Странно.

— Что именно?

— Очень уж мелкого пошиба пакости, — сказал Сварог. — Мне всегда казалось, что у существа, именуемого Князем Тьмы, большие возможности...

— По части вмешательства в человеческую жизнь? Ну, не такие уж большие. Необходимы одушевленные инструменты. Чем они незауряднее, чем сильнее, деятельнее, умнее — тем ощутимее вмешательство, — Гленор посмотрел ему в глаза. — Вы хотели правды? Получайте, я хочу быть с вами предельно искренним, вы должны поверить, что вас больше не станут использовать, как вы изящно выразились, втемную... Так вот, дорогой мой. На каждого из ныне живущих и на земле, и в не-



бесах действует магия, колдовство, чары. И, чтобы они не действовали, человек должен защититься либо хорошо изученной магией, либо верой, либо соответствующими предметами. Так обстоит со всеми без исключения... кроме вас. Магия, колдовство, чары и тому подобное на вас не действуют. Вообще. Вас можно обмануть иллюзией — как это мог проделать ямурлакский вампир, в котором больше от примитивного гипноза, чем от настоящей магии. От вас можно что-то скрыть за магической завесой. Но на вас невозможно ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ. Те, кто умеет защитить себя и других от черной магии, долго учатся. А у вас это получается само собой. Врожденное, как цвет волос. Вот так, лорд Сварог. Теперь понимаете, почему у меня не дрогнет рука избавиться от вас в случае необходимости, несмотря на всю симпатию, какую я к вам испытываю? Ни о чем подобном вы не подозреваете, но вы — страшный человек. Вас невозможно подчинить. Либо вы ценнейший союзник, либо опаснейший враг. И я прошу вас оценить мою откровенность. Игра идет честная.

— Ну, спасибо, — сказал Сварог.

— Не забывайте, что при всем при том вы — обычный смертный. Бывают случаи, когда не поможет ни хельстадский пес, ни Доран-ан-Тег. Как и любому другому, вам следует опасаться удара ножом в спину или отравы в бокале. Мало того. Существуют способы воздействия на расстоянии, не имеющие отношения к Высокой Магии, — и они, подозреваю, могут оказаться против вас столь же эффективными, как против любого из нас...

— А конкретнее?

— Увы. — Гаудин по всегдашнему обыкновению грустно покривил губы. — Вот так, с маху, я не берусь перечислить... Слишком много старых фолиантов придется изучить, провести кое-какие исследования. К тому же неизвестно пока, какие штучки из тех, что считаются забытыми, сохранились где-нибудь в потаенных закоулках... Честное слово, я не кривлю душой, глупо было бы в данной ситуации. Всего лишь хочу вас предостеречь от излишней самоуверенности. Здесь тот же самый механизм: своя система оговорок, не уступающая по сложности любому головоломному купеческому контракту. Будь у нас хоть два-три дня, я мог бы сказать что-то конкретное, однако... — Он досадливо поморщился. — Нет времени, совсем. Чуть погода сами поймете. Человек не может быть



всеведущим. Две тысячи лет считалось, что «заклинания сухой ветки» исчезли безвозвратно, — и вдруг наш агент натывается на неграмотного крестьянина, владеющего всеми девятью... — Гаудин несколько натянуто улыбнулся. — Вообще-то вас порой спасало чистейшей воды везение. Помните ту тварь в Хеллстаде, что заинтересовалась вашим ожерельем настолько, что оставила вас в покое?

— И хотел бы забыть, да где там... — хмыкнул Сварог. — Мои люди откопали в старых книгах ее полное описание. Именуется эта тварь «аземана» и представляет собою довольно опасную разновидность вампира, владеющего, судя по всему, той самой техникой дистанционного воздействия, не имеющей ничего общего с магией. Вы могли отбиться от нее мечом — а могли и не успеть... И срабатывает против нее одно-единственное средство: вовремя подсунуть груду одинаковых, однотипных предметов, которые она, прах ее побери, тут же примет за бесконечно считать и пересчитывать, пока не наступит рассвет. В книге написано, в старые времена для защиты от нее путники прихватывали с собой горсть зерна, детских стеклянных шариков, пуговиц, пригоршню перца, наконец... Кстати, считалось, она вымерла еще до Шорма, даже в Ямураке исчезла начисто. В общем, вам невероятно повезло.

— А змеелюди? — жадно спросил Сварог.

— До них, откровенно признаться, еще не докопались. Я же говорил, слишком много старых книг пришлось бы перелистать.

— У вас что, такие данные в компьютеры не вводятся?

— Вот то-то и оно, что не вводятся, — нехотя произнес Гаудин. — Некоторые. Старинные книги сплошь и рядом таят массу загадок. Своеобразных мин, ловушек, сюрпризов, каверз. Даже те, что непосвященному покажутся вполне безобидными и не имеющими отношения к магии. Одни тексты опасно механически копировать. Другие можно сколько угодно читать глазами, но при попытке произнести вслух самые внешне безобидные фразы бывают сюрпризы, от смешных до печальных весьма. Наши далекие предки забавлялись с магией чересчур уж изощренно, безоглядно используя ее где только возможно... что их и привело к печально известному концу. Пользуясь случаем, хочу заодно предостеречь и от опрометчивых забав с древними инкунабулами. Мало ли что вам попадетсЯ внизу... Люди опытнее вас порой оказывались в нештучных хлоп-



тах... Давайте перейдем к делу. К тем самым важнейшим государственным тайнам, которые вы, судя по вашему лицу, отчаянно жаждете познать. И совершенно зря, замечу. У зрелого человека государственные тайны по размышлении вызывают лишь разочарование и печаль... Так вот, о нашем мире вы уже сейчас знаете примерно столько, сколько знает обычный лар, светский вертопрах, не обремененный государственной службой или страстью к познанию мира. Увы, таких среди нас — девяносто девять из сотни... Откровение первое: мы не всезнающие и не всеведущи. И наши средства наблюдения, вопреки устоявшемуся мнению, никак нельзя назвать всепроникающими. Иные районы Талара для нас закрыты. Мы не в состоянии видеть и слышать, что делается в Хелльстаде. Он словно бы прикрыт незримой броней. Техника, которую туда отправляют, моментально выходит из строя. Агенты, будь то лары или жители земли, либо пропадают без вести, либо возвращаются полупомешанными — и это притом, что обычные искатели удачи порой выходят из Хелльстада, не потеряв ни конечностей, ни здравого рассудка. При всем при этом наши коллеги из Мистериора клянутся, что Хелльстад никак нельзя назвать местом, где безраздельно царят силы зла. Что-то другое. Что, мы не в силах доискаться. Далее — Горрот. Там — иное. Мы можем смотреть и слушать, в Горроте сидит императорский наместник, любой из нас, явившись туда с соблюдением этикета, встретит надлежащий прием, наши тайные агенты возвращаются оттуда с полезной информацией — но сохраняется впечатление, будто там идет вторая, скрытая жизнь.

— А на чем это впечатление основано? — спросил Сварог.

— На чутье, — бледно улыбнулся лорд Тигернах. — На интуиции. Так опытный моряк по цвету неба предсказывает будущий шквал, хотя не в состоянии объяснить словами, что его гнетет...

— Мы в любой момент можем смести Горрот до последней былинки, — продолжал Гленор. — Но для этого нет веских, законных оснований. То, что Горрот расположен на землях, где когда-то обитал сильнейший из черных магов древности, известный как король Шелорис, — еще не основание. Стандартные процедуры никакой черной магии там не выявили. А интуиция Мистериора, да простит меня Тигернах, — чересчур зыбкий юридический фундамент... Далее. Ты не в состоянии проникнуть в тайны иных храмов — и Шагана, и иных братств



Единого, взять хотя бы братство святого Роха. Утешение одно — мы твердо знаем, что эти тайны не служат силам зла. Шаган каким-то чудом остановил на своих рубежах Глаза Сатаны...

— Пойдите, — сказал Сварог. — Там, в Пограничье, были люди Стахора...

— Эти мелочи вы потом обсудите с Гаудином. Мы же сосредоточимся на более серьезных проблемах. В конце концов, места, где бессильно наше могущество, не особенно нас беспокоят — это всего лишь мелкий укол для самолюбия. При необходимости сможем обрушить туда такую мощь, что любые опасения заранее беспочвенны... — Он помолчал, словно собираясь с духом. — Сейчас нас должно занимать одно — Глаза Сатаны. Ваш рассказ об одном из них, обернувшемся человеком, сам по себе мог бы переполнить чашу терпения, однако... Произошло нечто страшное, лорд Сварог. Два дня назад, близ рубежей Пограничья, на занятой Глазами Сатаны территории сбит боевой брагант...

— Ваш? — задал Сварог идиотский вопрос и тут же пожалел.

— Наш, разумеется. Ни у кого, кроме Империи, нет боевых летательных аппаратов... Брагантов было три. Когда первый вдруг рухнул и остальные пошли на помощь, один из пилотов успел передать, что хотел предварительно обстрелять Глаза Сатаны — там были пулеметы с серебряными пулями, — но оружие отказало. Потом связь прервалась. Точного места катастрофы никто не знал, пришлось искать...

— Я поднял по тревоге эскадрилью Серебряной бригады, — сказал Фронвер. — Это серебряные машины, оснащенные всем необходимым для действий против нечистой силы или черной магии. Случаи, когда их бросали в бой, можно пересчитать по пальцам одной руки. Конечно, они оказались на высоте. Они отыскивали место катастрофы, уничтожили там все шары на пол-лиги вокруг, сели и забрали трупы... одиннадцать человек, убитых неизвестным образом. Десять антланцев и один лар, лорд Кадор.

— Это, конечно, самое тягостное... — сказал Сварог.

— Бросьте шутить! — Гленор почти кричал. — Речь даже не о сословных предрассудках... Дело не в огласке. Впервые сбиты наши боевые машины, понятно вам? Мы ни в чем теперь не можем быть уверены. Мы привыкли считать их мыльными пузырями, опасными лишь для обитателей земли. Придется наспех



принимать колоссальные меры предосторожности. Я говорил с канцлером. Положение щекотливейшее, все здесь присутствующие это подтвердят. Теоретически мы способны уничтожить Глаза Сатаны в считанные минуты. Можно обрушить такой ливень серебряных стрел, что вся земля, занятая сейчас Глазами Сатаны, будет усыпана серебром по щиколотку. Но едва об этом зашла речь, канцлер подвергся сильнейшему давлению со стороны Магистериума (при слове «Магистериум» Тигернах выпрямился и поджал губы). Наши высокомудрые ученые категорически против уничтожения не исследованного ими до конца феномена, чью причастность к силам зла они столь же категорически отмечают. Позиции Магистериума в Тайном Совете и Палате Пэров нельзя назвать слабыми... Я с большим уважением отношусь к науке, но с горечью вынужден признать, что Магистериум, скажем честно, превратился в огромный склад бессистемно сваленной информации, и его сотрудники видят смысл жизни исключительно в тупом, бездумном накоплении знаний. Они трясутся над своим капиталом, как банкиры Балонга — над набитыми золотом подвалами Круглой Башни. Я искренне удивлен, почему лорд Кримтон до сих пор не поседел...

— Потому что стараюсь сохранять хладнокровие, общаясь с этой компанией, — усмехнулся Кримтон. — Но за будущее ручаться не могу, так что вскоре вы и в самом деле можете увидеть меня седым, Гленор... Все так и обстоит, лорд Сварог. Магистериум требует, чтобы никаких крупномасштабных операций не предпринималось, ибо им необходимо продолжить изучение Глаз Сатаны, чтобы наука не понесла невосполнимой утраты...

— А не может ли это объясняться... — неуверенно начал Сварог.

— Тем, что среди них оказались люди Князя Тьмы? — без улыбки закончил за него Гленор. — Выдвигалась такая версия. Но мы, мне кажется, выявили всех... Что обостряет ситуацию. Гораздо легче изболочить и схватить чужого агента, нежели переубедить фанатика, уверенного в своей правоте и не желающего понять, какой вред он приносит. Итак. Мы располагаем всеми техническими возможностями уничтожить Глаза Сатаны, но этому препятствует сложный клубок интриг. Против такого решения выступает не только Магистериум, но еще и те, кто считает, что нелишним будет сохранить на какое-то время Глаза Сатаны как средство давления на государства земли. Эти силы способны как провалить голосование в Палате Пэров, так



и помешать чисто технической стороне операции. Смешно и стыдно вспомнить, но в свое время появление Глаз Сатаны послужило еще и поводом для очередной грызни за власть и посты. Так уж устроен человек — даже если планета вдруг станет рассыпаться на кусочки, кто-то обязательно использует это как повод в интригах против начальника... И еще. Там действительно опустилась вимана, вернувшаяся из межзвездной экспедиции с мертвым экипажем. Первое время полагали, что она завезла эту нечисть на борту. Потом оказалось, что все гораздо сложнее. Там, где она села, есть Ворота...

— Вроде тех, сквозь которые я попал на Сильвану? — спросил Сварог.

— Именно. История Ворот запутанна и загадочна. До сих пор ничего почти неизвестно. Когда-то их имелось немало, они либо соединяли планеты, либо вели в совершенно неизвестные миры. Но после Шторма перестали действовать, и о них остались только легенды. Несколько недель назад Ворота, сквозь которые вы угодили на Сильвану, вдруг открылись. Ничего серьезного, мы полностью контролируем ситуацию. Ничего страшного не произойдет, если корабли царицы Коргала немного попирачатствуют на Ителе... Между прочим, демон, которого освободил неумышленно Борн, если верить древним легендам, как раз и открывал иные Ворота. Но и здесь ничего страшного не произошло. Демон на свободе, мы за ним приглядываем пока, однако никаких новых Ворот не открылось...

— Или мы не обнаружили пока открытия новых Ворот, — сказал Гаудин.

— Ну, это вопрос времени... Так вот, лорд Сварог. Глаза Сатаны идут через Ворота, и этому как-то способствуют действующие до сих пор бортовые агрегаты виманы. Это еще одна из причин, по которым Магистерииум возражает против крайних мер. И здесь я впервые готов признать его правоту. В этом именно пункте. Кто знает, какую катастрофу можно вызвать, бросив в бой технику... Нам пришлось обратиться к опыту прошлого.

— Когда все прочие средства были признаны бесполезными, — бросил маг.

— Да, именно, — с застывшим лицом произнес Гленор. — Лорд Тигернах, вам необходимо наше покаяние? Извольте. Мы в тупике. Мы чересчур доверяли науке и технике. Мы перестали верить в существование Господа и Князя Тьмы и вернулись



к этой вере не по велению души, а оказавшись припертыми к стене... Добавьте сами столько обвинений и прегрешений, сколько вам будет угодно, обличайте и мечите молнии праведного гнева... Но что этим исправишь? Мы выросли такими, нас такими воспитали. Я и теперь, признаюсь честно, не могу назвать себя истинно верующим — очень уж мы привыкли, что религия — удел невежественных обитателей земли... Упрекайте и клеймите нас, пока не сорвете голос... если считаете, будто этим что-то исправите. Стоит ли? Быть может, предпочтительнее забыть прошлое и постараться спасти настоящее?

— Я не собираюсь никого порицать или упрекать, — сказал маг. — Но поймите, слишком мучительно было видеть, как вы уходите все дальше по дороге, ведущей в никуда. Наши предки так и умерли, никого ни в чем не убедив...

— Прошу вас, оставим это, — сказал Гленор. — Потом, если хотите, я посыплю голову пеплом, надену сандалии и пройду пешком к храму святого Роха через весь континент... Я серьезно. Если покаяние хоть что-то искупит...

— Это вы сами для себя решите, — ответил маг. — Лорд Сварог, теперь, мне думается, вы получили кое-какое представление о возложенной на вас миссии...

— На меня?!

— Вспомните Кодекс Таверо. И пророчество о Сером Рыцаре и Принцессе Длинной Земли, Златовласой Привратнице...

— Помню, — сказал Сварог. — Однако мне говорили, будто не все пророчества Таверо исполнялись...

— Верно. Однако сбывшихся достаточно, чтобы относиться к Кодексу серьезно. Не могу сказать, что безоговорочно отождествляю вас с Серым Рыцарем, иначе — Серым Ферзем. Но очень уж многозначительны совпадения, и это вселяет надежды... Лорд Кримтон, кажется, приготовил какие-то научные объяснения?

— Скорее — научные гипотезы. Межзвездные виманы в свое время были снабжены дополнительными системами защиты. В иных случаях иные системы корабля мог отключить лишь определенный член экипажа, на чьи параметры организма они настроены. Совпадения крайне редки, но встречаются чаще, чем одинаковые отпечатки пальцев у двух разных людей. Если допустить, что Делия обладает теми же «параметрами ауры»... Термин совершенно не научный — но научный занимает добрых две строчки и состоит из прямо-таки непроизносимых терминов...



— Я, со своей стороны, назвал бы это промыслом божьим, — сказал маг. — Но суть важнее, чем любые слова...

— Вообще-то это авантюра, — сказал Сварог.

— Жуткая, — с застывшей улыбкой кивнул Гленор. — Если вы согласитесь, пойдете один... или вдвоем. С минимумом снаряжения, без всякой поддержки и прикрытия. Скрываясь и от людей из противостоящего лагеря, и от службы Гаудина. То, что вам предстоит совершить, вполне отвечает понятию «сделать невозможное». Но другого выхода нет. Что скажете?

Сварог молчал. Перед глазами у него всплыло злое и отчаянное лицо князя Велема. Потом он увидел сожженный в пепел Фиортен.

— Я не говорю, будто я — противник авантур, — сказал он. — Но кое-что меня смущает. Значит, я должен явиться пред светлые очи принцессы Делии Ронерской, с обаятельной улыбкой предложить ей оставить богатый и уютный папин дворец, чтобы отправиться со мной в путешествие, где на каждом шагу можно потерять голову? А если она пошлет меня ко всем чертям? Если она вовсе не мечтает спасти человечество? Если она эгоистка или просто трусиха?

— Конечно, — сказал Гаудин. — Но знаете, есть благоприятствующие моменты. Дело даже не в том, что внизу сохранились стойкие традиции рыцарских подвигов. Суть крайне меркантильна. Перед обитателями земли еще не встала вплотную проблема перенаселенности, но ее приближение наиболее опытные политики чувствуют давно. Количество крестьян, которые не могут дробить до бесконечности наделы, горожан, не имеющих работы, отпрысков благородных родов, обреченных майоратом на нищету, подходит к критической точке. Земля понемногу истощается, как ни спасайся трехпольем. Вот вам обратная сторона теплого, стабильного климата, позволяющего собирать два урожая в год. Там, внизу, этого еще не понимают во всей полноте, но начинают осознавать угрозу и облекать ее в четкие формулы... Территории, занятые Глазами Сатаны, — это бывшие королевства Хорен, Демур и Коор. Вы знаете, что такое реке патримон?

— Да, — сказал Сварог.

— Отлично. С точки зрения земного права, эти земли ничьи. Лоран потерял права на нынешнее Пограничье, убрав оттуда свою администрацию. Тот, кто изгонит нечисть, автоматически получает права на три королевских короны. И, если только у



него хватит сил удержать обретенное, может еще со спокойной совестью присоединить и Пограничье, и Ямурлак — Ямурлак, откровенно говоря, больше не опасен, его можно вычистить от остатков тамошней нечисти силами любого из земных королей. Лорд Сварог, если вы изложите Конгеру Ужасному наши планы, он выслушает вас крайне внимательно... А если вернетесь живым, воздвигнет вашу золотую статую на главной площади столицы. Возможно, даже конную. С поверженным драконом у ног, что-нибудь этакое символизирующим... Не уверен насчет статуи, но не сомневаюсь, что вам окажут самый радушный прием. Это не столь уж авантюрное предприятие. Главная трудность — ступив на занятую Глазами Сатаны землю, добраться до виманы. К сожалению, мы не можем запрашивать у Магистериума никакой информации о вимане, они моментально заподозрят... Лучше всего вам плыть с Делией в Шаган. Там можно найти помощь. Единственный шанс, зыбкий, проблематичный, но другого попросту нет. Иначе — смута с непредсказуемыми последствиями...

Сварог вдруг понял, что герцог выглядит не столь надменным, сколь невероятно уставшим.

— Хорошо, — сказал он. — Я всю предшествующую жизнь мечтал когда-нибудь спасти человечество. А совать голову в львиную пасть — мое любимое развлечение с детских лет. И колыбель моя висела над самой клеткой льва... Но вы гарантируете, что памятник будет непременно конный и непременно с драконом? Золото не столь существенно, я согласен и на бронзу...



НАПАРНИЦА С МЕЧТОЙ О ГЕРБЕ

— Как вы думаете, я держался не особенно хамски? — спросил Сварог. — Они, часом, не рассердились?

Гаудин хмыкнул:

— Им некогда злиться. Они ушли от канцлера весьма удрученными...

— А канцлер знает?

— Он — канцлер. Второе после императрицы лицо.

— И что?

— Сейчас он еще не знает, знает он или нет. Понимаете? Когда все окончится удачей... или поражением, тут-то и станет время канцлера. С самого начала одобrivшего дельный план или слыхом не слыхивавшего об этой аванюре...

— Это и называется большой политикой?

— Ну да, — хладнокровно сказал Гаудин. — Именно политика, именно большая. И я не стал бы в чем-то упрекать канцлера. Таков уж его пост — балансировать меж лагерями, кликами и сторонами, опекать юную императрицу, мирить, насколько возможно... У него хватает забот. Империя, пышно именуемая Империей Четырех Миров, скажем откровенно, контролирует только две планеты, на которых хватает сложностей...

— Да? — жадно спросил Сварог. — А что с двумя остальными планетами?

— Вам это сейчас совершенно ни к чему знать.



— Слушаюсь.

— Не обижайтесь. Ну к чему вам сейчас еще и это?

— Ладно, я знаю свой шесток, — сказал Сварог. — Лучше скажите — удалось выяснить что-нибудь насчет загадок, сопровождавших... экспедицию капитана Зо?

— Очень немного. Описанного вами странного ружья мы так и не нашли. Но пулемет отыскали. Очень похоже на работу гномов. Сами они ничего не в состоянии были изобретать, так уж сложилось, — зато с небывалой изощренностью совершенствовали изобретенное людьми. Пулемету не больше трех лет, возможно, последние поселения гномов еще сохранились где-то... Но остальное — сплошной туман. Мы нашли два десятка трупов этих странных воинов в плащах из горротского флага. Их косили из пулеметов в упор, вместе с верховыми ящерами, зрелище омерзительное... Кто это сделал и при чем тут Стахор, неизвестно. Я начинаю верить, что прав был Борн — кто-то подставил Гарпага, чтобы освободить демона. Кстати, этот ваш демон Ягмар, хранитель Ворот, традиционно считался фигурой вымышленной.

Я обложился ветхими свитками, штудирую легенды и предания, пытаюсь доискаться, что еще, помимо демона Ягмара, может оказаться не древней мифологией, а правдой. Не самое приятное занятие. Мороз пробирает, стоит представить, что Балор, к примеру, и в самом деле до сих пор спит где-то в пещере...

— Это еще кто?

— Очаровательная тварь. По легендам, у него был только один глаз, зато его огненный взгляд испепелял целые армии и сжигал дотла города... Хотите почитать?

— Вы же сами сказали — не стоит забивать голову перед серьезным делом, — буркнул Сварог. — Просветите лучше — в самом деле летописи древних времен уничтожены почти начисто, на девять десятых, или это очередное вранье и в ваших библиотеках есть все?

— Увы... О Морских Королях, например, вы не отыщете ни одной достоверной строчки, хотя они существовали, несомненно. Так и со многим другим. Одни предания и сказки. И мы здесь ни при чем. Ну, почти ни при чем. Любой умный король старается прополоть древние библиотеки, как грядку с морковкой. С тех пор как обнаружили, что бумага и пергамент удивительно быстро вспыхивают, это их качество использовали без



зазрения совести... Вы знаете, многие, как и я, уверены, что нашим далеким предкам вообще не стоило поселяться на этой планете, — добавил он без всякой связи. — Но это произошло так давно, двигавшие ими мотивы нам неизвестны... Пойдемте. Я вас познакомлю с моим человеком, отвечающим за Ронеро, а потом — с одной юной дамой, которая вас будет туда сопровождать.

Сварог, уже шагнув следом за ним к двери, остановился от удивления:

— Дама? Да еще и юная?

— Помощница вам не помешает.

— Но...

— Поверьте мне на слово, эта юная дама кое в чем превосходит мужчин.

— Ну, коли так... — проворчал Сварог, вспомнив Коргал. — Другое дело, конечно, и вообще...

Лорд Брагерт, несший на широких плечах тяжелый груз ответственности за Ронеро, оказался рыжим, молодым и веселым до легкомыслия. У Сварога даже создалось впечатление, что это мальчишка, упоенно играющий в сыщиков-разбойников. Но дело свое он знал неплохо — обстоятельно и подробно инструктировал Сварога, то и дело зажигая украшавшие его кабинет многочисленные экраны, чтобы наглядно все проиллюстрировать (Сварогу чертовски хотелось обойтись без мнемограмм, без этих знаний, насильно впихнутых в мозги, словно сало в шпигованного зайца, — и Гаудин после недолгого раздумья пошел навстречу).

— А теперь — гвоздь программы, — сказал Брагерт крайне торжественно. Он сидел на мраморном подоконнике и безмятежно болтал ногами, игнорируя укоризненные взгляды Гаудина. — Проникнитесь серьезностью минуты, лорд Сварог. Ее высочество принцесса крови и наследница трона, очаровательная Делия Ронерская! Вступают фанфары!

Никакие фанфары, конечно, не вступили. Брагерт величественно простер руку. Сварог снова не угадал, который из экранов вспыхнет. Пришлось развернуться вместе с вертящимся креслом.

— Прекрасна, не правда ли? — гордо спросил Брагерт с таким видом, словно это он создал на свет сие очаровательное создание.

— Да... — сказал Сварог.



Она была прекрасна, золотоволосая и сероглазая. Разумеется, это оказался не портрет, а украдкой сделанный снимок, цветной и объемный, понятное дело. Делия словно бы смотрела на них из окна — вернее, это они словно бы стояли у окна, а она, превращенная злым волшебником в статую, смотрела в их сторону чуть надменно и чуть лукаво — черный конь в темно-вишневой, шитой золотом сбруе, алый кафтан, синий гланский берет с красным пером, голова гордо поднята, золотые пряди струятся по плечам, руки в вышитых перчатках уверенно держат повод. Настоящая принцесса из сказки, способная десятками разбивать сердца и вдохновлять на немыслимые подвиги.

— Последняя королевская охота в Бритмилле, месяц назад, — сказал Брагерт. — На кабанов они охотятся по старинке — верхом, с пиками, мы у них давно переняли эту забаву, прекрасное и азартное занятие. Попробуйте как-нибудь на Сильване. Девушка с характером, не правда ли? Это вам не жеманница времен рафинированной Аурагельской династии...

— Характер чувствуется, — кивнул Сварог.

— Умна, образованна, немного гордячка, но это — семейное. Кровь Баргов да вдобавок бабушка из Горрота... Любownik — лейтенант гланского гвардейского полка, не первый любовник в ее молодой жизни, однако, должен подчеркнуть, что на фоне царящей при тамошнем дворе легкости нравов очаровательная Делия выглядит едва ли не святой. Ибо никогда не имела двух любовников одновременно и новый роман заводит, лишь подведя черту под предыдущим. Мне это в женщинах нравится. А вам?

— Да, пожалуй, тоже, — сказал Сварог.

— Надеюсь, и тамошняя легкость нравов придется вам по вкусу. Нельзя же работать круглые сутки? Крайности, понятно, оставим другим. Вроде вот этого, — он зажег экран. — Благообразная морда, верно? Герцог и министр. Предпочитает весьма юных девочек. А этот, для разнообразия, мальчиков. Вот эта милейшая герцогиня, извольте полюбопытствовать, пять лет назад предлагала совсем в ту пору молоденькой Делии полмиллиона ауреев золотом за одну ночь. Ну, когда герцогиню при большом стечении публики разорвали лошадьми на Монфоконе, герольды, понятно, объяснили народу, что герцогиня учинила государственную измену, хотела продать порты соседям, волхвовала на фарфоровое блюдо и восковые фигурки... Такое редко случается. Нельзя приставать к принцессе со



всяким противоестественным непотребством — а в остальном полная свобода, если потихоньку и без огласки... Конгер — человек умный. Снисходительно позволяет приближенным тешиться маленькими слабостями — зато, если возникнет необходимость срочно лишить кого-то головы, повод не нужно долго искать и мучительно выдумывать... Одним словом, равенский двор — тот еще зоопарк. Но, я уверен, Делия, когда вскоре настанет ее время, сможет взять его в руки.

— Вскоре? — поднял брови Сварог. — Королю, как вы только что сказали, едва за пятьдесят, и он, по-моему, мужик крепкий...

— Да у него рак печени, — безмятежно сказал Брагерт. — Самое большее через месяц он сляжет, а там пойдет быстро... Об этом еще не знает ни он сам, ни его лейб-медики — но мой-то врач знает... Случается, в таких случаях канцлер приказывает нам помочь врачами и лекарствами. Но Ужасному он что-то не намерен помогать...

— Почему?

— Высокая политика, — пожал плечами Брагерт. — Как специалист по Ронеро, могу строить версии — на мой взгляд, канцлеру не по вкусу чересчур тесное сближение Ужасного со Снольдером. Канцлер предпочитает властвовать, разделяя. А Делия терпеть не может Снольдер — ее стародавние распри больше волнуют, чем отца, она по молодости лет не политик... Что означает в будущем соответствующую смену сановников и ориентации...

Сварог взглянул на Гаудина. Тот оставался невозмутим. Интересно, есть где-нибудь во Вселенной места, где слова «высокая политика» и «дерьмо» — не синонимы? Ох, вряд ли...

Брагерт сказал:

— Если вы ждете от меня каких-то обобщений — могу сказать, что Ронеро не лучше и не хуже всех прочих государств. И потому, мысля глобально, не так уж и важно, под чью корону угодят три королевства... Признаться, я охотно отправился бы с вами в Равену. Так и не успел в свое время исследовать знаменитые столичные подземелья. Второй подземный город; лабиринты, катакомбы, где-то в глубине смыкающиеся с подземельями, построенными еще до Шторма, — кладезь тайн и открытый...

— Это лорду Сварогу вряд ли понадобится, — сухо сказал Гаудин. — Не думаю, чтобы у него нашлось время лазать по



подземельям. Особенно тем, что построены еще до Шторма. У него хватит своих опасностей.

— Кого вы ему даете?

— Мару.

Братерт присвистнул и сделал большие глаза:

— Я вас поздравляю, лорд Сварог. Вас ждут незабываемые впечатления.

— Ветрогон, конечно, — сказал Гаудин Сварогу в коридоре. — Но других к нам и не заманишь... Сюда, прошу вас. Познакомьтесь с будущей напарницей.

Войдя первым, Сварог недоуменно огляделся. Никакой дамы в комнате не обнаружилось — в кресле сидела лишь девчонка лет четырнадцати, с темно-рыжими волосами и темно-синими глазами. Костюм на ней был темно-коричневый, мужской — такой носят слуги в замках. Но, пожалуй, все же не горничная — волосы подстрижены по-мужски коротко, едва прикрывают уши, а глаза чересчур дерзкие и уверенные даже для балованной служаночки.

— Проходите. — Гаудин легонько подтолкнул его в спину. — Знакомьтесь. Это и есть Мара, ваша напарница. Мара, это лорд Сварог, твой командир.

Девочка встала и, вытянувшись по-военному, коротко поклонилась Сварогу. Теперь она походила на смазливую кадета.

Сварог растерянно обернулся к Гаудину:

— Это что, розыгрыш какой-то?

Гаудин усмехнулся одними губами:

— Представьте, не один человек простился с жизнью, потому что был настроен столь же несерьезно, как вы сейчас...

Мара смотрела на Сварога серьезно, не без дерзости.

— Нет, ну как это... — пожал он плечами.

— Встаньте к стене, — сказал ему Гаудин. — Вот так. — Достал из воздуха длинную серебряную шпильку, протянул Маре и что-то шепнул.

Девчонка подняла шпильку перед собой в вытянутой руке, держа двумя пальцами за середину. Выпустила. Глядя Сварогу в глаза, поддала в падении носком черного башмака.

Над ухом Сварога глухо стукнуло, скосив глаза, он обнаружил, что шпилька торчит в резной панели впритирку к его виску. Это впечатляло.

— Вам, понятно, метательное оружие ничем не грозит, — улыбнулся Гаудин. — Но житель земли был бы уже мертв...



Попробуйте ее взять, лорд Сварог. Просто скрутить. Но предупреждаю: всерьез, в полную силу.

Сварог отстегнул меч, поставил его в угол и двинулся вперед, чуть расставив руки, готовый мгновенно уйти в защитную стойку. Подошел так близко, что отлично мог рассмотреть нос в веснушках и густые ресницы. Девчонка, глядя ему в глаза, едва заметно напряглась. Сварог прищурился, сделал еще шаг.

Он так и не успел заметить ее броска. Только что стояла у стены — и вдруг ее там не стало.

На него налетел вихрь, и комната вздыбилась, выбив пол из-под ног. Когда его оставили в покое, он обнаружил себя лежащим в углу, позорно распластанным в нелепой позе. Вскочил. Девчонка стояла в прежней позе стойкого оловянного солдата, только глаза чуть заметно смеялись.

— Попробуйте еще? — любезно предложил Гаудин.

— Нет, спасибо. — Сварог сердито отряхнулся. — С меня довольно. Верю. Скажите, а она вообще-то живая? Настоящая?

У него возникло стойкое убеждение, что Гаудин про себя покатывается со смеху.

— Мара, покажи лорду Сварогу, что ты настоящая, — невозмутимо сказал Гаудин.

Клятая девчонка, покачивая бедрами, походкой манекенщицы подошла к Сварогу почти вплотную, закинула голову, приоткрыла рот, провела языком по губам и, прищурившись, послала ему столь зазывный и чарующий взгляд, что Сварога поневоле проняло, и всерьез. Она медленно подняла руки и сомкнула запястья у него на шее. Сварог с некоторой опаской отвел ее руки и мог бы поклясться, что Гаудин фыркнул под нос.

— Она живая и настоящая, — сказал Гаудин. — Когда-то мы пережили краткий период увлечения роботами и думающими машинами, но все кончилось серией весьма неприятных и печальных инцидентов, о которых мы как-нибудь поговорим за бокалом вина у камина... Когда случится спокойный вечер. Мара, подожди в коридоре.

Она бесшумно вышла. Сварог покрутил головой.

— Вот так, — сказал Гаудин. — Есть на Сильване одно отсталое племя. До сих пор по праздникам приносят своему идолу в жертву новорожденных. Хорошо хоть не убивают, просто оставляют возле истукана. Ну а мы их незаметно забираем. И некоторые попадают в нашу школу, где учат долго и стара-



тельно. Многие годы. И вырастают идеальные убийцы, лазутчики, телохранители, бойцы. Не смотрите на меня так. Они бы все равно умерли, оставь мы их там. А в школу мы отправляем одного из сотни, только тех, кто предрасположен к такому именно ремеслу, — есть способы определить безошибочно...

— М-да.

— Поверьте, безопаснее сцепиться с десятком Вольных Топоров, чем с этой девочкой.

— Да нет, я верю...

Гаудин поморщился:

— Лорд Сварог, умоляю вас, постарайтесь без слюнявой лирики... Ход ваших мыслей ясен: вам мерещится, что достаточно показать ей зверюшек в зоопарке, подарить куклу или почитать сказочки... Не уподобляйтесь сентиментальной старой даме. Лучше и не пробовать, все равно ничего не выйдет, это недвусмысленный приказ. Она не моральный урод и не чудовище — всего-навсего живет той жизнью, для которой создана. Разумеется, в ее личности осталось что-то от обыкновенного ребенка, но это еще и боевая машина с дюжиной покойников на счету. Вы для нее — командир, король, повелитель. Постарайтесь побыстрее с ней поладить. Наши люди успели привыкнуть к таким напарницам и напарникам, вам же придется учиться на ходу. Зато я буду за вас спокоен — если можно в этом деле оставаться спокойным, конечно. Итак, приказы не обсуждаются?

— Не обсуждаются, — хмуро сказал Сварог.

— Прекрасно. Я понимаю, что именно вы станете подсознательно беспокоиться за нее, — но это пройдет после первой же стычки, когда вы увидите ее в работе. Вы...

Быстро вошел Брагерт, глянул вопросительно.

— Докладывайте, — сказал Гаудин.

— Последнее сообщение из Равены. Сегодня ночью в королевском дворце произошло что-то вроде короткой стычки. Подробности пока неизвестны. Убиты несколько гвардейцев из охраны Делии. Сама она цела и невредима, ее видели утром. Вы велели докладывать обо всем...

— Хорошо, идите, — Гаудин задумчиво потер лоб. — Вот так и живем, лорд Сварог, — извольте теперь гадать, то ли это покушение на принцессу, то ли ночная жизнь дворца, никогда не блиставшая благонаравием... Забирайте Мару и отправляйтесь к себе в замок. Вечером я за вами прилечу. Спустим вас с



Снольдере поблизости от одного из портов, сядете на пароход, поплывете в Ронеро... Ступайте. Не обижайте Мару.

— Вот уж что мне в голову не придет... — искренне сказал Сварог, вспомнив беззвучный вихрь, швырявший его с потолка на стены.

Он вышел. Мара тут же поднялась со светло-коричневого дивана у стены и молча пошла рядом, стараясь попадать в ногу, украдкой косясь на него снизу вверх.

— Ну что ж, прелестное дитя... — сказал Сварог, ломая голову, как же с ней держаться. — Скажи-ка, куском теста человека можно убить?

— Запросто. — Она едва заметно улыбнулась. — Сначала...

— Избавь от подробностей. Тебе уже объяснили, что мы будем делать?

— Да.

— И как ты к этому относишься?

Она дернула плечом:

— Приказ есть приказ. Вы командир.

— Ты.

— Нет, командир вы.

— Ты не поняла. Предлагаю перейти на «ты».

— Есть.

— А тебе самой как больше нравится?

— Все равно.

— Стой, — сказал Сварог, и она послушно остановилась. — Это правда, что ты сейчас подумала: «И чего ты такой дурак?» Приказываю отвечать.

— Если приказываете, то что-то вроде я и подумала...

Сварог откровенно, не таясь, почесал в затылке:

— Послушай, прелестное дитя, как бы нам побыстрее найти общий язык? Чего ты не любишь?

— Когда мне рассказывают сказки с таким видом, словно отчего-то решили, что я не читала ни одной. Когда ко мне относятся несерьезно, — она запнулась, но все же закончила с непроницаемым видом: — Когда меня называют «прелестное дитя».

— А что ты любишь? Три-четыре позиции хотя бы.

— Летать по воздуху. Охотиться на кабана. Шоколад, горький. Мужчин, которые мне понравятся. — Она дерзко глянула Сварогу в глаза: — Да.

— Что — «да»?



— Отвечаю на твой последний вопрос.

— Это какой?

— Который ты не стал задавать — нравишься ли ты мне.

Сварог едва не подавился смехом, но справился:

— Послушай, а если я сейчас заржу, это будет означать, что я отношусь к тебе несерьезно?

Мара впервые задумалась:

— Наверное, да...

— Тогда не буду, прелест... тьфу, Мара. Или ты предпочитаешь, чтобы к тебе обращались как-то иначе?

— Мне нравится, когда меня зовут «кошка».

— Тебе удивительно подходит, — сказал Сварог.

— Я знаю.

— И подразумевается, конечно, не домашняя мурлыка, а?

— Конечно, — мимолетно улыбнулась Мара.

— А мечта у тебя есть, кошка?

— Конечно. Я мечтаю заслужить дворянство. Это невероятно трудно, но иногда удается, за особые заслуги трону... Тогда я сама смогла бы составить себе герб. Я бы взяла дикую кошку. Золотую. На синем.

Вот сейчас это и впрямь была мечтавшая о кукле девочка. Почти что.

— Считай, тебе невероятно повезло, — сказал Сварог. — Останусь тобой доволен — получишь дворянство.

Мара грустно сморщила нос:

— Одна императрица может возводить в дворянство.

— Это здесь, — сказал Сварог. — Я ведь еще и барон там, внизу, в Пограничье. Взаправдашний вольный ярл, каковой имеет право возводить в дворянство.

Она остановилась, обернулась, разинув рот, словно ребенок перед витриной кондитерской, уставилась широко раскрытыми глазами:

— Что я должна сделать?

Сварог с удивлением понял, что и в самом деле стал во мгновение ока господином, командиром и повелителем. Чуть смущенно пожал плечами, подтолкнул ее к распахнувшейся двери виманы:

— Да господи, ничего. Пошли. Когда вернемся, получишь дворянство. Ни за что, просто так. Обещаю.

«Не каркай, дубина, не каркай, — зло и тоскливо подумал он. — Ты вернись сначала. Барон, так твою... Ладно, пусть у нее



уже сейчас будет герб, потому что детям не следует играть в такие игры, и коли уж их затянуло в эту чертову мельницу, не тобой устроенную, пусть у одного хотя бы будет кукла...»

Он не врал девочке ни капельки — согласно законам Империи, оставался полноправным вольным ярлом, имеющим право возводить в дворянство, равно как и лишать такового (а также другие права и привилегии, см. Латеранское уложение которого-то года...). Когда он вернулся из Харлана, к его превеликому удивлению, самым серьезным и сложным предметом обсуждения стало как раз нечаянно свалившееся на него баронство, к которому департамент герольдии отнесся более чем серьезно. Почтенные старцы из капитула, оставив все прежние дела, совещались четыре часа без отдыха и перекуров — в присутствии подыхавшего от скуки Сварога, понимавшего из их разговоров не более одной десятой. Когда он, озверев, заикнулся было, что, в общем, не претендует на неожиданный манор и готов отречься, старцы удивленно воззрились на него, дружно бормоча что-то о легкомысленной молодежи, не уважающей традиций. И упоенно продолжали диспут, плавно переходящий в свару и обратно. От тоски Сварог понемногу стал их почитать. С одной стороны, прецедентов прежде почти не случалось. С другой — традиции должны быть соблюдены. Вокруг этих двух тезисов и крутилось все. Рехнуться можно было от параграфов, забытых имен, ссылок на императорские указы и исторические примеры, которыми щедро осыпали друг друга сановные старцы, похоже, впервые за несколько сот лет столкнувшиеся с чем-то по-настоящему увлекательным. Наконец большинством голосов решено было не отдавать столь занимательную игрушку Палате Пэров и Тайному Совету, а разобраться своими силами — чтобы было что вспомнить и рассказать внукам... После второго голосования старцы, опять-таки большинством голосов, постановили, что лорд Сварог, граф Гэйр, лейтенант лейб-гвардии и камергер, имеет право отныне присовокупить к своим титулам еще и «барон Готар» — со всеми вытекающими отсюда правами и вассальными обязанностями по отношению к Императрице Четырех Миров.

А коллизии, буде таковые возникнут, станут разрешаться тем же департаментом герольдии, истосковавшимся по настоящему делу...

— Ты не шутишь? — настойчиво спросила Мара, сбив его с мысли. — Обещаешь?



— Тьфу ты, — сказал Сварог и, не раздумывая, потащил меч из ножен. — А встаньте-ка вы на колени, любезная моя. — И прикоснулся концом клинка к ее плечу. — Я, барон Готар, в силу данной мне власти и согласно древним традициям, жалую вас дворянством, дабы вы несли это высокое звание с честью и в час развлечений, и в час испытаний... Ну вот и все, можешь встать, кошка. Сочиняй герб.

Ее глаза сияли таким счастьем, что Сварог, которому доставить ей это маленькое удовольствие было не труднее, чем выкурить сигарету, почувствовал себя крайне неловко — словно перевел старушку через дорогу, а она вдруг принялась совать ему миллион в твердой валюте. Вот и пригодились для чего-то полезного дурацкое баронство...





Глава 3



ОТЕЦ

Заложив руки за спину, Сварог подошел к мраморным перилам и задумчиво посмотрел вниз. С ярко-зеленой лужайки перед фронтоном замка доносились азартные возгласы и гулкое веселое гавканье. Там схватились две ярких индивидуальности, и коса нашла на камень — Мара пыталась сграбастать Акбара за шкуру или хотя бы коснуться ладонью, но огромный черный пес переигрывал ее на всем поле. Бешено метался вокруг так, что Мара казалась окутанной черным туманом, и, как бы ни крутилась рыжая кошка в немыслимых стойках и блоках, руки встречали либо пустоту, либо жуткие клыки, щелкавшие рядом с ее пальцами. Она чуть ли не плакала от обиды и злости, но не сдавалась. «Дети», — проворчал Сварог, вернулся в библиотеку и сел за стол, совершенно не представляя, чем ему за столом заниматься.

Вообще-то в доме был порядок. Пес немного скучал, рос не по дням, а по часам, носился по всему поместью, возникая, как обычно, в самых неожиданных местах. Карах прижился в домишке дворецкого — в замок он и носа не казал, ссылаясь на какие-то неизбежные сложности в отношениях с фамильным домовым, проистекавшие из непонятных Сварогу древних традиций маленького народца. И набивался сопровождать Сварога в новых путешествиях. Сварог туманно пообещал — но это было еще до разговора с Гленором и его друзьями. Караха никак нельзя брать с собой в Ронеро, Польза от него там оказалась бы немалая, но как прикажете его замаскировать в огромном городе?



Хуже всего обстояло с Меони. Черт его знает, что с ним такое приключилось после всех странствий, но отныне Сварог относился к девушке, как к младшей сестренке, без капли влечения. Она, явно ожидая другого, ничего не понимала, а Сварог ничего не мог ей объяснить — не получалось, хоть и пробовал пару раз, слова выходили какие-то дурацкие, невнятные и чужие, она обижалась и грустила, стараясь этого не показывать. Вот с Макредом не было никаких хлопот — он добросовестно устроил фейерверк по случаю пожалованного Сварогу ордена, самолично выбрал из слуг управителя и отправил его в Готар и, не моргнув глазом, принял к сведению, что в замке будут обитать отныне хелльстадский пес и ямурлакский домовый. Сварогу казалось даже, что дворецкий гордится всеми выходками и свершениями хозяина — эксцентричность здесь весьма ценилась, а отблеск славы дворянина падал и на слуг.

Пожалуйста, легок на помине — Макред возник в дверях библиотеки, одной рукой держа у груди, строго параллельно полу, массивный серебряный поднос:

— Милорд, личный посыльный герцога Фронвера только что доставил пакет. На словах ему велено передать: это все, что герцогу пока что удалось раздобыть. Вы должны знать, о чем речь.

— Ну да, знаю, — сказал Сварог. — Девчонка поужинала?

— Еще нет, милорд, она только что прошла в оружейную и забавляется там с фамильной коллекцией. Как вы полагаете, стоит за ней присмотреть, чтобы случайно не поранилась? Все оружие отточено...

— Она не поранится. Не тот ребенок.

— Да, ребенок, я бы выразился, крайне энергичный и своеобразный. Милорд, осмелюсь спросить, не означает ли ее появление, что вы опять собираетесь... путешествовать?

— Боюсь, так оно и будет, — сказал Сварог. — Давайте пакет. Можете идти.

Он снял с подноса желтый цилиндрический сверток. Обертка сразу же рассыпалась при его прикосновении в мгновенно растаявшую пыль, оставив на ладони синий стержень с черной головкой — здешнюю видеокассету. Сварог сунул ее в круглое отверстие, придавив пальцем черную головку до упора, коротким мысленным приказом нажал клавишу. Попятился, не оглядываясь уселся в кресло, закурил.

Экран вспыхнул, налился неправдоподобно сочными красками. Молодой человек в светло-сером и алом, снятый сбоку



двигавшейся рядом с ним камерой, быстро шагал по аллее, меж двух рядов усыпанных крупными алыми цветами кустов, придерживая меч левой рукой и широко отмахивая правой. Взглянул прямо в объектив, взмахнул ладонью, словно собирался отдать честь, но передумал в самый последний момент, улыбнулся во весь рот. По улыбке и взгляду Сварог понял: смеется женщина, и отнюдь не чужая.

Сварог застыл с сигаретой у рта.

А фильм продолжается, тот закуривает, держа сигарету до жути знакомо — меж безымянным и средним, а большой и указательный сомкнуты в колечко — вот он стоит, опершись локтем на крышу низкого синего браганта, вот он беседует с кем-то незнакомым, движения размашистые, но четкие, и оттого кажутся отрепетированными, выверенными. Все. Экран вспыхивает беглым мерцающим светом. Сварог вернул запись чуть-чуть назад, остановил кадр.

Вопреки всем ожиданиям, он не почувствовал ни особого удивления, ни потрясения. Был к чему-то подобному подсознательно готов. Возможно, уже догадывался сам, но не хотел облекать догадки в четкие мысли и слова...

Пропавший где-то в Море Мрака лорд Сварог, граф Гэйр. Он же — военный летчик майор Сергей Васильевич Сварог, пропавший без вести где-то над ближневосточными песками, там, где официально словно бы и не было никогда ни его самого, ни друзей, ни их истребителей. Его жесты, его походка, его голос, поворот головы, манера курить и смеяться, стоять, опершись локтем.

Отстранение, механически Сварог подумал, что все сходится и все объясняется. И то, что отец был сиротой, и то, что случайно встреченный Сварогом полковник, окончивший летное училище в том же выпуске, не помнил среди своих одноклассников никакого Сергея Сварога, и даже то, что отец любил мурлыкать под нос совершенно неизвестные мелодии. И его прямо-таки фанатический интерес к астрономии и истории — должно быть, настойчиво искал хоть малейший след, пытался определиться в пространстве и времени...

Понять чужой язык, врать в чужую жизнь, озаботиться нужными документами, создать биографию и сделать так, чтобы никто никогда не задавал вопросов, — пустяки для мага. Особенно если он оказался в мире, где конкурентов и соперников в колдовском искусстве у него нет. Безусловно, какое-то



время он укрывался где-то, присматриваясь, приглядываясь, изучая. У него была масса времени, ему не грозила ни голодная смерть, ни бдительный участковый...

Означает ли его вторичное исчезновение, что сила, вышвырнувшая его в другое время, в чужой мир, достала и там? Безусловно, на Землю двадцатого века он попал помимо своего желания... Безусловно, к его исчезновению из двадцатого века приложили руку вовсе не земляне.

Сварог в свое время кое с кем встречался, осторожно, на полуднамеках поговорил с теми, кого словно бы и не было никогда в Сирии.

Именно потому, что их там словно бы и не было, отцовский «МиГ» искали очень долго и очень старательно. Местные командос, обыскавшие огромные пространства, были отнюдь не лопухи и в песках чувствовали себя увереннее, чем дома. Но не нашли ни единого обломочка. И вертолеты вернулись ни с чем. Никакого воздушного боя не было, «фантомы» «вероятного противника» в этом квадрате не появлялись. Перелета к противнику не было. Просто-напросто еще один из множества самолетов, которые взлетели однажды да так и растаяли в небе, как потом оказалось. Случается, иные находят — через десять, двадцать, полсотни лет. Других, скорее всего, так и не найдут никогда.

В какую же графу занести «МиГ-ППФ» с сирийскими опознавательными? Истребитель в тогдашнем тамошнем камуфляже — светло-коричневые пятна вперемежку с темно-коричневыми, на фюзеляже и крыльях — зелено-бело-черные круги с тремя красными звездочками на белом кольце, и на киле — сирийский флаг...

Выключив экран, Сварог встал, прошелся взад-вперед вдоль высоченных книжных полок. Никакой радости — одна вялая грусть, вызванная неразрешимостью загадки. Почему он стал именно военным летчиком? Имело это какой-то смысл и цель?

Резная дубовая дверь тихонько приоткрылась. Вошла Мара, остановилась на пороге и тихо спросила:

— Тебя ждать в спальне?

Сварог подошел к ней, указательным пальцем задрал ей подбородок, заглянул в глаза, прикидывая, что в библиотеке могло бы сойти за розгу. Она медленно опустила ресницы.

— Знаешь, я не святой, но с женщин натурой никогда не брал, — сказал он. — Даже за дворянство. У меня в Готаре это делается бесплатно.



Она моментально открыла глаза. Видно было, как на юном дерзком личике отражается усиленная работа мысли, в ускоренном темпе сменяют друг друга обида, злость, воинская дисциплина. Сварог с интересом ждал, видя, что она оскорблена в лучших чувствах. Хорошо еще, что она приучена свято соблюдать субординацию, а значит, головой вперед в угол улетать не придется.

Наконец она выпрямилась, как струна, тихо бросила:

— Дурак.

И в мгновение ока бесшумно исчезла в коридоре. Сварог ухмыльнулся ей вслед, не на шутку подозревая, что общение с ним неизбежно повлияет на девчонку в худшую сторону — в том смысле, какого боялся Гаудин. «Вот и прекрасно, — подумал он с чувством глубокого удовлетворения. — Нельзя делать из детей боевые машины, девочки не должны быть идиотскими ниндзями, которых невозможно представить на карусели или хотя бы с мороженым в руке, пусть уж мужики убивают друг друга, у них хорошо получается, насобачились...»

— Прибыла вимана лорда Гаудина, милорд, — сказал появившийся неизвестно когда Макред.

— Прекрасно, — кивнул Сварог. — Отвлеките пса, чтобы не увязался следом. Заприте Караха... Макред, вы, конечно, понимаете, что я улетел на Антлан охотиться на кабанов?

— Не нужно, милорд, — сказал Макред.

— Что?!

— Прежний граф Гэйр всегда улетал охотиться на Антлан, до тех пор пока... Дурная примета. Если вы не возражаете, милорд, почему бы вам не отправиться на пляжи Ракамерати?

— На ваше усмотрение, — сказал Сварог. — Да, Макред... Вы очень удивитесь, узнав, что прежний граф Гэйр — мой отец?

— Я этому ничуть не стану удивляться, милорд, — сказал дворецкий. — Та же походка, тот же голос... Даже, осмелюсь заметить, та же привычка сорить пеплом мимо пепельницы, на ковер, когда вы читаете в библиотеке.

— Вот не замечал.

— Ваш отец тоже никогда не замечал, милорд...





БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Предусмотрительно отослав Мару в другую комнату, Гаудин с невозмутимым видом повествовал, поглядывая на Сварога:

— С возведением в дворянство, лорд Сварог, порой случаются любопытнейшие курьезы и казусы. Взять хотя бы короля Гитре из Вольных Маноров. Казна у него была пуста, и никакой надежды пополнить ее не имелось. Тогда он в течение года за приличные денежки возвел в наследные принцы девятнадцать благородных дворян из Ронеро, Горрота и Снольдера. Благо у него и законных наследников не имелось. Естественно, ни один из новоиспеченных принцев понятия не имел, что существуют еще восемнадцать. Полученные денежки король стал транжирить с таким размахом и фантазией, что уже через два месяца скончался от излишеств. Можете себе представить, что творилось в столице, когда туда примчались девятнадцать наследных принцев и узнали, что их — девятнадцать. С прискорбием должен сказать, что на трон так и не взошел ни один — кто-то из влиятельных баронов объявил себя дальним родственником покойного короля. Правда, у него хватило то ли благородства, то ли благоразумия всего лишь выслать из королевства облапошенных претендентов. Самое смешное, согласно действующему праву они до сих пор сохраняют права на титул наследного принца, все девятнадцать, так что будущая история королев-



ства, боюсь, таит еще немало потрясений... Но барон Эдис, тоже из Вольных Маноров, переплюнул короля Гитре. Пьяница выдающийся, даже на фоне тамошних нравов. Однажды, после парочки утренних кувшинов на опохмелку, он пришел к выводу, что для его достоинства унизительно править сивопым мужичьем. И восхотел править исключительно благородными дворянами. Будучи скор в поступках, не стал мешкать и с соблюдением всех правил возвел в дворянство все население своего манора, три тысячи четыреста с чем-то человек.

— А здесь что самое смешное? — без улыбки спросил Сварог.

— То, что не более двух десятков новоиспеченных дворян, обретя золотые пояса, разбежались искать счастья за пределами баронства. Бойкая молодежь, понятно. Остальные почесали в затылках, на скорую руку, как сумели, составили себе гербы, после чего вновь принялись пахать и лепить горшки — жить-то на что-то надо... За такие именно фокусы у владельцев Вольных Маноров и отобрали право возводить в дворянство. Достойно сожаления, что эту меру не распространили и на Пограничье.

— Я уловил ваши тончайшие намеки, — сказал Сварог. — Но, насколько могу судить, не нарушил традиций и законов...

— О, разумеется. Изящно отыскиали лазейку, совершив именно то, против чего я вас и предостерегал.

— Вы же сами советовали побыстрее с ней поладить.

— Я и раньше знал, что вы не дурак...

— Спасибо.

— ...но были и останетесь мальчишкой, — спокойно закончил Гаудин.

— Я себя, наверно, уже не переделаю.

— Вот это-то и опасно, — вздохнул Гаудин. — Ну хорошо, оставим это. Поговорим о деле. Информации у вас достаточно, а остальное узнаете на месте. Серьезного мага сделать из вас за это время было невозможно, пришлось обучить на скорую руку самым необходимым вещам — до боевого применения коих, искренне хочу верить, не дойдет... Теперь — политика. Большая политика. Через двадцать девять дней — Новый год. По давней традиции, в последний день старого года канцлер представляет императрице, Тайному Совету и Палате Пэров развернутый доклад о состоянии дел в Империи. И если мы скроем от него историю со сбитыми брагантами... вернее, скрыть не удалось, он и сам уже знает, конечно, но если мы не



представим официальную бумагу... Впрочем, если мы ее представим, лучше не станет, получится превеликий шум и долгие дискуссии с непредсказуемыми последствиями. Поэтому Глаза Сатаны должны исчезнуть без следа еще до Нового года. Так что у вас примерно двадцать семь дней. Чтобы попасть во дворец, к Делии, достаточно будет нескольких часов. Плавание пароходом по Ителу до моря и по морю в Шаган отнимет у вас не больше двух недель — погода стоит благоприятная, в это время штормы у берегов континента редки. Времени у вас достаточно. Если все пойдет гладко... — Он помолчал и вдруг признался, сделав над собой некоторое усилие: — Знаете, я пытаюсь молиться. Получается плохо, мы почти забыли, как это делается. Подозреваю порой, что и Гленор пытается...

Рядом звонко щелкнули каблук. Это вошел пилот:

— Милорд, вы были правы. Нас преследуют. Вимана без ходовых огней, держится примерно в двух лигах от нас. Насколько я могу судить, наблюдение с их стороны чисто визуальное.

— Вот так, — криво усмехнулся Гаудин. — Нет закона, запрещающего бы летать за другой виманой. Кому-то страшно хочется узнать, куда мы собрались... Катрик, установите «паутину».

— Но, милорд...

— Я отвечаю. Поставьте «паутину» и увеличьте скорость, пусть врежутся на полном ходу...

— А это законно? — спросил Сварог, когда хмурый пилот вышел.

— Совершенно незаконно, — признался Гаудин с хищной улыбкой. — Более того, подобное воздушное хулиганство решительно запрещено. Однако станции наблюдения подчиняются мне. И наш преследователь, кто бы он ни был, жаловаться ни в коем случае не побежит, можете мне поверить...

Он движением век погасил свет в салоне и напряженно уставился во тьму за окном. Сварог смотрел туда же. Ярko светили звезды, слева, довольно далеко, россыпью огней сиял чей-то манор — судя по обилию и разноцветью, там задавали бал. На фоне звезд вдруг вспыхнула путаница ярко-сиреневых линий, и в самом деле похожая на паутину, горела секунды три, потом погасла, в том месте зажглись малиновые вспышки, тут же провалившиеся вниз.

— Ну вот, самая обычная вимана, — сказал Гаудин. — Ничего страшного — повиснут на «уровне безопасности», спаса-



тели чуть помедлят, ибо получили от меня недвусмысленный приказ... Не надо столь удрученно морщиться. Тот, кто вывел из строя ваш ял, поступил не в пример подлее. Я надеюсь, вы в меру злопамятны? Ничего, право, нет плохого в том, чтобы быть в меру злопамятным и мстительным... Главное — не увлекаться.

...Огромный снольдерский речной пароход, белый с тройной алой каймой по бортам, гордо именовался «Морской Король» и выглядел скорее длинным, трехэтажным барским особняком, по капризу свихнувшегося архитектора украшенным парой высоченных гребных колес и двойной трубой с фигурными коваными раструбами. По здешним меркам лайнер был сама роскошь и возил исключительно чистую публику, дворян и Сословия — а прочих деликатно отпугивал запредельными ценами на билеты. В каюте Сварог обнаружил даже ванну, воду забирали из реки системой хитро устроенных труб и подогревали паром.

В дополнение ко всем роскошествам на пароходе, вне всякого сомнения, имелись и шпики в широком ассортименте, от речной полиции до заграничной разведки, их просто не могло не оказаться на судне, совершавшем регулярные рейсы меж портами двух сопредельных держав, соперничавших исстари. Сварог попытался было вычислить хотя бы одного-единственного топтуна, но быстро оставил это занятие — пришел к выводу, что хорошего шпики ни за что не вычислишь с маху, а иной насквозь подозрительный субъект, неустанно зыркавший по сторонам колючими глазками, вероятнее всего, окажется везущим большие деньги или ценные бумаги агентом богатого банкирского дома. Он сам, кстати, в таком именно обличьи и выступал, щеголяя в бархатном хомерике с увесистым кошельком на серебряном поясе, в сопровождении рыжеволосого «племянника». Ну а замок его сундука был бы не по зубам любому здешнему шпику — что вряд ли кого-то насторожило бы, купцы обожают хитроумные запоры...

Единственное неудобство — то и дело приходилось уворачиваться от попыток настоящих купцов втянуть его в какую-нибудь сделку. Вот и сейчас, в ресторане, он едва отвадил почтенного дельца, предлагавшего партию тканей со склада в Балонге. Купец наверняка был настоящий и серьезный, но дешевизна партии наводила на мысль, что в Балонг этот товар попал от мореплавателей, кои любят именовать себя джентльменами



удачи, хотя судебные протоколы и прочие юридические бумаги упорно именуют их несколько короче и непригляднее...

Купец перестал настаивать, когда до него дошло, что Сварог все понял. И тонко намекнул, что чрезмерная осторожность и излишняя в торговых делах шепетильность способны лишь навредить. Разведя руками, Сварог сообщил, что маменька воспитала его в духе именно чрезмерной шепетильности, а поскольку старушка крепкая, до сих пор держит в руках бразды и ключи от главной кассы, дело, собственно, и не в воспитании даже... Купец сочувственно похлопал его по плечу и обнадежил: мол, все мы смертны, а старушки особенно... Сварог согласился, допил свой графин «Оленьей крови» до самого доннышка и покинул ресторан.

Привлеченный короткой, непонятной возней, сопровождаемой странными звуками, он поднялся на верхнюю террасу и обнаружил в уголке любопытную картину. Какой-то субъект сидел, привалившись спиной к вычурным перилам, и, закатив глаза, держался обеими руками за живот. Он-то и издавал эти странные звуки, и вид у него был самый что ни на есть печальный. Над ним, заложив руки за спину, стояла Мара и откровенно любовалась своей работой. Судя по золотому шитью на синем хомерике, мелко завитой светлой бороде и таким же кудрям, субъект был купцом из Балонга.

— Прелестно, — сказал Сварог, подходя. — Не слышу объяснений.

— Терпеть не могу, когда мне руки в штаны суют, — объяснила Мара. — Да еще потные.

— Это, конечно, аргумент, — сказал Сварог. Купец что-то забормотал. Сварог наклонился к нему послушать. Выпрямился, хмыкнул:

— Видишь ли, он страшно извиняется — он-то был уверен, простая душа, что ты — мальчик...

— Да? — фыркнула Мара. — В таком случае добавлю-ка я ему еще немножко...

— Отставить, — сказал Сварог, наклонился к стонущему купцу. — Между прочим, в Ронеро только что ввели новую статью насчет педиков. Там что-то веселое и увлекательное насчет тисков на известное место и раскаленного железа... Пожаловаться в Равене портовым властям? Ты ж, сукин кот, самым нахальным образом развращал мою юную, непорочную племянницу, полагая ее племянником...



Насчет нового закона он врал, конечно. Но от ронерского короля Конгера, последние двадцать лет вполне заслуженно носившего прозвище Ужасный, можно было ожидать любого сюрприза — и купец в ужасе закатил глаза. Ободряюще похлопав его по плечу, Сварог кивнул Маре, приказывая следовать за ним, и пошел прочь. Отойдя подальше, остановился и спросил с интересом:

— А разве боевая машина имеет право возмущаться, когда ее лапают?

— Если это не входит в правила игры, — сказала Мара. — Глупости, отлежится и подумает о жизни... Смотри, скоро причалим. Последний снольдерский порт, завтра утром — Равена...

— Не боишься?

— Я не умею, — сказала Мара. — Взрослые почему-то удивляются, когда я это говорю, но я и в самом деле не умею бояться...

— Ничего, подрастешь — научишься, — сказал Сварог. — А то, знаешь, тем, кто не умеет бояться, в первую очередь и прилетает в лоб что-нибудь тяжелое...

— Если бы в нашей работе нужно было уметь бояться, нас бы этому научили.

Логично. Увы, жизнь сплошь и рядом протекает не по логике. Сварог не стал ей этого объяснять, просто взъерошил темно-рыжие волосы на затылке и уставился на берег — «Морской Король» и в самом деле приближался к пристани, где уже выстроились в готовности повозки с углем, ящики с вином и носильщики. Пассажиры степенно стояли в сторонке.

— Смотри, — тихо сказала Мара. — Вон там, у штабеля, — милорд Брагерт.

— Действительно, — всмотревшись, кивнул Сварог. — Интересные дела...

У штабеля окованных железом ящиков стоял Брагерт собственной персоной — в строгом коричневом хомерике без шиття, с объемистым кошельем у пояса. Программа такой встречи никак не предусматривала, и Сварог озабоченно нахмурился.

Брагерт тоже их высмотрел. Он был на удивление серьезен и мрачен. Едва опустили трап с фигурными балясинами перил, Брагерт поспешил на борт, взбежал на верхнюю палубу с вовсе неуместной для серьезного купца прытью и направился навстречу Сварогу, распростерши руки, горестно вопя на весь парход:



— Вы были правы, почтенный Торма, а я жестоко ошибся! Этот мошенник и впрямь задал стрекача со всей наличностью да еще взгрел из кассы все латеранские векселя! Ужас! Разорение! Пойдемте скорее, посмотрим, что можно спасти!

Сварог изобразил соответствующее случаю потрясение чувств. Они чуть ли не бегом направились в каюту. Слышавшие вопли Брагерта купцы поглядывали кто сочувственно, кто со злорадством, радуясь, что их самих беда обошла, а благородные дворяне брезгливо уступали дорогу, вздернув подбородки, демонстрируя всем видом, что они-то бесконечно далеки от торгашеских делишек и сопутствующих тому невзгод. Мельком Сварог заметил, что любитель мальчиков в синем хомерике торопится к трапу, подталкивая кулаком в поясицу согнувшегося под тяжестью его сундука носильщика, — а ведь плыл в Равену. Видимо, решил не испытывать судьбу...

Мара захлопнула за ними дверь каюты и осталась снаружи нести караул. Когда они остались одни, Брагерт ничуть не просветлел лицом.

— Плохие новости, лорд Сварог. Не особенно, но все-таки, — сообщил он, плюхаясь на мягкий диванчик. — Гаудин меня вчера забросил сюда, бродил, как зверь по клетке, в ожидании вашего парохода... Скверное донесение получили. На таможне в Равене лежит розыскной лист на почтенного купца Торма и его юного племянника.

— Кем выдан? — спросил Сварог спокойно.

— Полицией казначейства.

— Понятно. То есть, я хотел сказать, совершенно непонятно.

— Еще бы. Если уточнить, что за полицией казначейства может скрываться кто угодно — от морской разведки до Королевского Кабинета. И наоборот. Хватало примеров. Предписывается вас обоих немедленно задержать. Основания не указаны, но в данном случае это и не обязательно. Полиция казначейства ищет купца, самое обычное дело — неуплата налогов, нарушение таможенных правил, мошенничество, ложное банкротство... Если подходить буквоедски, вы можете обжаловать это в столичной Купеческой палате — выдачу на вас розыскного листа, в котором не указано вины, но самозванцу соваться в Палату с такими жалобами как-то не с руки...

— Как насчет совпадения? — спросил Сварог.

— Исключено. Когда в таких вот случаях подбирают имена, тщательно проверяют, чтобы не случилось совпадения. Еще



один Торма Трай, да еще с племянником, точно так же плывущий в Равену на снольдерском судне, — нет, не верю я в совпадение... — ухмыльнулся он. — Собственно, все не так уж плохо. Описания внешности нет. Никакого. Только имя, сословие и упоминание о безымянном племяннике... можно сказать, ровно столько, сколько может узнать средний колдун, применив Заклятье Ключа. Если он видел вас в хрустальном шаре, именно так и получится: облик ваш знает, фальшивые имена тоже, а вот глубже проникнуть не способен. Официально-то мы давно изъяли все хрустальные шары, а владевших должными заклательствами переловили, но разведке не пристало верить официальным сообщениям... Колдуны вас, часом, где-нибудь по дороге не тревожили?

— Нет, — сказал Сварог. — Если только ваша методика не дает сбоев, никакого колдуна я ни разу поблизости не чувствовал. И Мара тоже. Как насчет утечки... — и он многозначительно показал пальцем на потолок.

— Исключено.

Сварог сказал без выражения:

— Если мне память не изменяет, в проникновение за облака людей Князя Тьмы тоже не верили сначала...

— И все же, — твердо сказал Брагерт.

— Ну, что ж... Как нам теперь быть?

— Либо отступить...

— Не пойдет, — сказал Сварог.

— Либо сменить одежду, статус, документы и плыть дальше, бодро притворяясь, будто ничего не произошло... Мы подумали и решили, что самый простой и оттого действенный выход для вас — стать самим собой.

— Графом Гэйром? — слегка удивился Сварог.

— Ну что вы! Бароном Готаром. Одним махом снимает все сложности... — Брагерт расстегнул свой кошель, достал золотой дворянский пояс с массивной вычурной пряжкой. — Вот ваш компьютер, Гаудин решил-таки снабдить, после таких новостей, когда стало ясно, что задание ваше чуточку осложняется... И разрешил дать вам шаур, сделали, какой вы просили. — Он положил на диван ремни с кобурой, из которой выглядывала рукоятка небольшого черного пистолета. — Не оставляйте его где попало: как только окажется от вас далее, чем на пять уардов, тут же рассыплется в прах, мирно и бесшумно... Если что, достаточно отбросить подальше — и ника-



ких улик. Вся одежда, какую вам придется изготовить, будет с защитным слоем, выдержит меч, копьё... Только лоб постарайтесь не подставлять...

— Лихо, — сказал Сварог. — У меня создалось впечатление, что Гаудин беспокоится, а?

— Вы бы на его месте не беспокоились?

— Брагерт, — сказал Сварог, — есть что-то, что Гаудин от меня в этом деле скрывает?

— Ничего конкретного, право, — ответил Брагерт почти сразу же. — Слово дворянина. Не считаете же вы нас настолько подлыми?

— Не считаю, — сказал Сварог. — Но не могу отделаться от ощущения, будто от меня что-то скрывают.

Брагерт досадливо поморщился, глянул на часы, на дверь каюты. Слегка понизил голос:

— Я бы это назвал иначе. Вас не во все посвящают. По-моему, это логично и вполне объяснимо. И есть чисто человеческие причины... Вам самому было бы приятно сознаться кому-то в слабости? Ну, не слабости, не знаю, как назвать...

— Я знаю, — сказал Сварог. — Как бы тут дипломатичнее... Рубите мне голову, но я убежден, что налицо некоторые расхождения меж декларируемым могуществом и реальностями...

Ему показалось, что Брагерт вздохнул словно бы облегченно:

— Я-то ожидал больших ересей, лорд Сварог... Ну да. Ну и что? Любое государство во все времена чуточку преувеличивало свои возможности, и сановники это любили, и отдельно взятые ведомства, от конюшенного до военного... Речь, правда, не о могуществе. Что касается военной, технической и научной мощи, во всем этом мы неизмеримо превосходим землю. Другое дело, что возможности восьмого департамента чуточку пониже декларируемых. И еще. Мы частенько сталкиваемся с тем, чего не понимаем и не знали прежде. Это не столь уж великая тайна, известная многим и на небесах, и на земле. Вы ведь это хотели услышать? Ну и услышали. Изменилось что-то в вашем отношении к нам или к миру?

— Нет, пожалуй, — сознался Сварог.

— Вот видите... — Он отвел взгляд, машинально покосился на дверь каюты. — Скажу больше. Несколько дней назад наши средства постоянного слежения зафиксировали ночью над Равеной крайне любопытное явление. Одно из тех явлений, что недоступны взору непосвященного и фиксируются лишь осо-



быми приборами. С вашего позволения, я не буду подробно описывать его суть — слишком сложно и по-ученому заумно. Скажу коротко: имело место применение неизвестной нам черной магии.

— А дальше?

— Нет никакого «дальше». Такие вещи случаются, хоть и крайне редко. Явление фиксируют, регистрируют, описывают — и начинается долгое, нудное расследование. Иногда оно завершается успехом. Иногда так и не удается отыскать концов. Мы многое забыли и многое утратили. Как писал Асверус: «Портной над нами подшутил, оставив ножниц след, — и вот природы дивных сил как будто вовсе нет»... А они есть, только мы разучились их опознавать, не говоря уж о том, чтобы пользоваться ими... — Его лицо стало задумчивым и грустным. — Знаете, лет пятнадцать назад случился интересный инцидент. В Магистериуме испытывали новое устройство для исследования космоса, какой-то чертовски сложный телескоп, не оптический, на ином принципе. И один их молодой магистр забавы ради навел его на Талар. И увидел совершенно другой мир — иные континенты, моря, города... До сих пор не улеглись страсти. Никто не понимает, что, собственно, он видел. И что это за мир. А повторить эксперимент так и не удалось — шла настройка, аппаратура работала в самых причудливых режимах, записи не велось. В конце концов наши ученые мужи ради вящего спокойствия постановили считать, что имели дело с иллюзией, созданной настраиваемой аппаратурой. Электронный мираж — такие тоже бывают... Правда, магистру этот случай сломал всю карьеру — он не успокоился, бросил все прежнее, стал сущим анахоретом, до сих пор пытается воспроизвести условия эксперимента, ни о чем другом и думать не хочет. Так что ничего особо страшного не происходит, лорд Сварог. Чуть-точку стыдно было Гаудину признаться перед вами, чужаком, в том, что он не столь могуществен, как принято считать. Вот и все. И нет пока оснований думать, что наблюдавшийся феномен как-то связан с вашей миссией. Когда о вас и слыхом не слыхивали, случались феномены и удивительнее. И давно уже молчаливо признано, что не стоит особенно ломать над ними голову. Магистр, став одержимым одной-единственной навязчивой идеей затворником, — еще не худший исход. Не так давно один из экспертов, занимавшихся островом Диори, сошел с ума. По его теории, мир, в котором мы живем, являет собой



замкнутую временную петлю. И развалины города на равнине Бри Лейт якобы развалины нынешней Латераны. Нынешней.

— А может...

— Вздор, — твердо сказал Брагерт. — Ничего похожего. Но теория изложена ярко и убедительно, как с сумасшедшими порой бывает, кое-кто верит до сих пор... Скользкая дорожка, одним словом.

Я все это наговорил исключительно для того, чтобы вы не чувствовали себя жертвой хитрющих интриганов и не ломали чересчур голову над неизвестными явлениями... Работайте спокойно, вот и все. Как с Марой, все нормально?

— Да пожалуй, — пожал плечами Сварог. — Притерлись вроде.

— Вы ее, главное, не обижайте.

— Обидишь ее, как же... — Сварог прислушался. — Колокол?

— Ага, сейчас станут убирать трап. Ну, я пошел. Удачи!

Хлопнула дверь, и еще долго было слышно, как Брагерт, удаляясь, поносит на чем свет стоит жуликоватого приказчика. Сварог впустил Мару и запер дверь на засов. Задернул синие вышитые занавески, повертел в руках пистолет-шаур — конечно, в десять раз удобнее того, прежнего, — взял пряжку-компьютер, закрыл глаза, сосредоточился.

Совсем другое дело, если тебе старательно вложили в голову полный курс обращения с этой штукой, до последней запятой. Мысленные команды, вставшая перед глазами зеленовато мерцающая схема. Стой себе зажмурившись, едва заметно пошевеливая пальцами. А для непосвященного, стороннего наблюдателя — сущее колдовство, вдруг, откуда ни возьмись, на полу возникает одежда, дворянские высокие сапоги из мягкой кожи, бадагар с пышным сиреневым пером, меч. Вот только холодом тянет все явственнее, снег, неизбежный спутник такового вот сотворения, тает на полу десятками мокрых пятнышек...

— А драгоценностей не будет? — спросила Мара чуточку разочарованно. — Мы же дворяне.

— Мы бедные дворяне, — сказал Сварог. — Совсем даже худальные. Хотя, конечно, все не так: покойный барон, скопидом такой, все мало-мальски ценное держал в ронерских банках, так что до своих закровов еще нужно добратсья... Но как только доберемся, куплю тебе драгоценностей, хочешь?

— Хочу.



— А тебе можно?

Мара чуточку замялась, подумала:

— Ну, вообще-то, если правила игры требуют... Мы же дво-
ряне, и по документам, и на самом деле...

«Будет тебе еще одна кукла, — подумал Сварог. — Бьюсь
об заклад, будь твоим начальником кто-нибудь другой, ему и в
голову не пришло бы подарить тебе колечко, а у тебя язычок не
повернулся бы попросить — уставы не велят... Вот и ладненько.
Ребенку нужны куклы».

Он взял платице, бросил Маре:

— Топай в ванную. Вещички купеческого племянника сразу
выброси мне.

— Я могу и здесь...

— Опять?

Она удалилась в ванную. Вскоре оттуда вылетели в при-
открытую дверь вещи «племянника», потом раздался шум
льющей из крана воды. Купеческая одежда кучей лежала
на полу. Короткое заклинание — и она исчезла без следа, как
дым.

— А говорят — Джеймс Бонд, Джеймс Бонд... — провор-
чал Сварог, бегло пробежал документ с печатями, удостове-
ряющий личность барона Готара, вольного ярла. Племянница
(как и «племянник» допрежь) по малолетству имела право об-
ходиться вовсе без документов. Сварог зажег масляную лампу
со стеклянным колпаком и фарфоровым абажуром, белым,
в сиреновой цветочек — в каюте заметно стемнело, наступал
вечер. Натянул красно-зеленые штаны, селадоновую рубашку
с кружевным воротником и манжетами, посмотрелся в зерка-
ло — что ж, получился вполне добротный барон, не хуже иных
прочих. Растянулся на постели и закурил.

Скрипнула дверь ванной.

— Интересно получается, — сказал Сварог, не глядя в ту сто-
рону. — Люди Гаудина, прохвосты, мою подпись на документе
подделали. Я же и есть барон Готар, сам должен подписывать
всем подорожные, и себе в том числе. Снабжать меня бумагой
с моей же собственной подделанной подписью — это уже осо-
бый цинизм. Как думаешь?

Посмотрел в ту сторону. Аккуратно уложил сигарету в сто-
явшую на полу пузатую медную пепельницу:

— Та-ак, кошка. Это как прикажете понимать?

— А ты не знаешь? — спокойно спросила Мара.



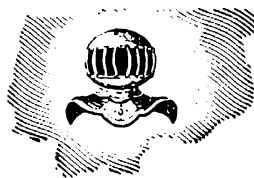
Платице лежало на кресле, а она стояла, завернувшись в широкое льняное полотенце, безмятежно смотрела на Сварога, чуть склонив голову к левому плечу, совершенно женским, уверенным взглядом, не допускавшим двойных толкований. Потом преспокойно убрала руки, и полотенце соскользнуло на пол.

— Кошка... — грозно начал Сварог, героически пытаясь отвести взгляд. Не получалось, хоть ты тресни.

— Ой, да брось, пожалуйста, разыгрывать святого Амакоса, — тихо сказала Мара. — Сними лучше свои кружева идиотские.

Сварог сел и медленно стянул через голову рубашку. Он честно пытался бороться с собой, но не выходило. Никак. Он никогда не числил себя в сексуальных маньяках и половых неврастениках, да вот беда — представшая его взору фигурка была уже отнюдь не детская. Просто юная женщина точно знала, чего хотела. И никакого совращения малолетних. Вот и все, если вкратце. Чтобы не хотеть ее, нужно оказаться либо импотентом, либо идиотом, а о партийной организации здесь вряд ли услышат в течение пары-тройки ближайших тысячелетий...

Стоя на коленях у постели, Сварог в последнем приступе благонравия попытался внушить себе, какая он скотина, но самобичевание очень быстро вылетело из головы. Мысленно махнув на все рукой, он коснулся губами нежной кожи. Мара, не открывая глаз, легонько прижала ладонями его затылок, и он ощутил щекой нежный изгиб бедра. Дальнейшее случилось легко и нежно, и, пока его язык господствовал над влажными тайнами, мучительное наслаждение пронизывало тело так, что хотелось кричать, кровь колотилась в виски, и он впервые потерял голову. Кажется, она стонала. Кажется, ее тело медленно выгибалось и опадало, как колеблемый ветром стебель цветка. Плохо соображая, зная лишь, что обрел наконец необъяснимое, долгожданное, Сварог лег с ней рядом, слушая тяжелое дыхание, обнял по-настоящему и ни о чем больше не сожалел.





ПРИНЦЕССА, КОТОРОЙ НЕТ

... **Т**ак уж ему везло, что, выйдя утром из каюты уже в дворянском облике, при мече, золотом поясе и баронском перстне, он нос к носу столкнулся с капитаном. Капитан в великолепном мундире, синем с серебром, тоже при дворянском поясе, мече и графском перстне, остановился с маху, не скрыв изумления. Он прекрасно помнил Сварога как почтительного купца, и теперь недоуменно шевельнул пышными усами:

— Оказывается, и на моей скромной посудине случаются чудеса. Как я успел заметить, ваш племянник уже превратился в очаровательную благородную девицу, теперь, понятно, очередь за вами...

Сварог с ходу преподнес ему историю барона Готара — совершенно правдивую (он лишь ввел в нее юную племянницу, бедную сиротку, вдруг оказавшуюся законной наследницей богатого поместья).

Капитан задумчиво шевелил усами. Сварог сообщил, что на означенное поместье претендует еще дальний родственник, от которого следует ждать любой подлости, и девчонку необходимо было доставить в Равену окольными путями, в замаскированном виде. Выслушав вежливо и внимательно, капитан фыркнул:

— Век живи — век учись. Каждый день узнаешь что-то новое, увлекательное — еще и этим моя служба мне мила...

Вежливо раскланялся и ушел, прежде чем Сварог успел подвергнуть его небольшому испытанию с помощью магии, дабы



узнать, до какой степени капитан во все это поверил. Ситуация создавалась щекотливейшая. Они были уже в Ронеро, но пароход оставался кусочком снольдерской территории, где капитан второй после бога. Правда, все обстояло не так уж плохо. Для таларского дворянина позором считается стать полицейским осведомителем. Зато заграничный шпионаж — занятие по той же древней традиции вполне дворянину, самому титулованному, приличествующее. Значит, самое большее, что может сделать капитан, если он имеет отношение к секретным службам, — упомянет о странном бароне в своем донесении, вернувшись в Снольдер. И только. Нет, все обойдется...

Он поднялся на верхнюю террасу, отыскал Мару, молча встал рядом. Она подняла на Сварога лукавые глаза:

— Выспался? Ну вот, а ты боялся...

Сварог, по-прежнему ни о чем не сожалевший, вдруг заподозрил, что начинает краснеть: щекам стало что-то очень уж подозрительно горячо. Он повернул рыжую синеглазую кошку лицом к себе и крепко поцеловал. Отстранил, взглянул серьезно и внимательно. Судя по ее удивленным глазам, ее еще ни разу не целовали на палубе роскошного парохода, и вообще, похоже, обходились гораздо незамысловатее и проще, чем следовало бы обходиться с красивой девушкой в развеваемом легким утренним ветерком красивом коротком платице ронерской дворянки. Сварог прекрасно знал, что такое спецназ, и потому ничуть не надеялся на мгновенное перевоплощение ее в нормальную девушку — такое случается только со сказочными принцессами, да и то заколдованными, но некие надежды на будущее все же питал. Воевать должны мужчины.

Сварог притянул ее к себе, и она неумело приподнялась на носках, обхватив его за шею. Сзади деликатно покашлиали. Они отскочили к вычурным перилам, и капитан во всем великолепии прошествовал мимо, позвякивая золотыми шпорами и бормоча словно бы себе под нос:

— Бедные сиротки, конечно, одиноки и печальны, и утешить их — долг подлинного дворянина...

— Может, следовало бы его убрать? — деловито предложила Мара. — Я могу незаметно, никто ничего не заподозрит, он вообще умрет через неделю...

Перемена была столь резкой, что Сварог с досадой махнул рукой.

— Я что-то глупое предложила?



— Нерациональное, — сказал Сварог, чтобы не вдаваться в дискуссии. — Нет ни смысла, ни потребности... Красивый город?

— Да. Только стратегически уязвимый.

— Не без этого...

Равена, как и прочие столицы, размещалась по обоим берегам Итела. Пароход уже пересек городскую черту, и по обе стороны уплывали назад высокие каменные дома под острыми черепичными крышами, берега были забраны в серый гранит, и над крышами дрожали потоки раскаленного воздуха, пронизанного едва заметными дымами: город просыпался, повсюду готовили завтрак. Кое-где по-над берегами еще стелился сильный рассветный туман, знаменовавший здешнюю зиму. «Зима, тоже мне, — подумал Сварог, глядя на низкие портовые здания, проступавшие сквозь зыбкое полупрозрачное марево. — Ни снега, ни настоящих холодов. Только-то и всего, что самую чуточку прохладнее, да облака, когда зарядят зимние дожди, выглядят унылее и угрюмее, чем летом». Правда, он еще не видел нынешнего лета своими глазами, и эта фраза была вычитана из здешнего романа.

— Тебе не холодно?

— Разве это холод? — удивленно взглянула Мара. — Вот на Сильване... И потом, нас учили переносить холод.

— А как получилось, что вас так рано научили...

— Заниматься любовью? — непринужденно закончила за него Мара. — Это просто. Видишь ли, женщина показывает гораздо лучший результат, если незадолго до того была с мужчиной. Наука. Так нам объясняли на лекциях, и я пришла к выводу, что наука права.

— Ну да, наука, — проворчал Сварог. — Чему бы путному учили, яйцеголовые...

Мара потупилась в наигранном смущении:

— Но я вчера ночью поняла, что многому нас довольно бездарно учили...

— Кошка, во второй раз ты меня покраснеть не заставишь.

— Но в первый раз ты и в самом деле покраснел. Этак пикантно запунцовел...

— Р-разговорчики, — сказал Сварог. — Меня, понимаешь ли, по-другому учили. Хватит. Давай о делах. Если, паче чаяния, нас вздумают задержать на таможне, будем прорываться. Жестко.



— А это будет рационально?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Я обдумал. Графиня, к которой мы едем, особа при дворе влиятельная. Из ее особняка нас согласно здешним законам смогут извлечь только по «золотому листу», именем короля. И заниматься нами будет личная королевская полиция. А у нас найдется чем расположить к себе короля...

— Если прикажешь, я его расположу к нам очень быстро. Нас учили...

— Молчать, — сказал Сварог. — Тебе известно, что такое ревность?

— Но какое отношение это имеет к работе? — искренне удивилась Мара.

Сварог мысленно плюнул и промолчал.

Таможенное дело здесь пребывало отнюдь не в зачаточном состоянии и было поставлено на совесть. Причал оказался обнесен солидной решеткой в два человеческих роста, и покинуть его можно, только пройдя через низенький и длинный кирпичный домик (и у домика, и по ту сторону решетки там и сям прохаживались стражники в темно-бордовом, выглядевшие отнюдь не лопухами). Сварог не без грусти вспомнил патриархальные обычаи харланской столицы. Здесь была более цивилизованная страна — следовательно, взятки брали не в пример изящнее и культурнее, хорошо еще, что дворян первыми пропускали в таможду. Внутри домик был разгорожен вдоль кованой решеткой в половину человеческого роста, перемежавшейся десятком широких столов, за которыми восседали чиновники в темно-зеленых вицмундирах таможенного департамента, судя по знакам различия — мелкая сошка.

— Пустяки, — тихо сказала Мара, наморщив нос. — Если что, хватай твой любимый топор и иди первым, я прикрываю...

Сварог положил перед пожилым узколицым чиновником свою подорожную. Тот внимательно прочитал ее, потом еще раз, гораздо медленнее, уставился в потолок, перевел желчный взгляд на Сварога:

— Так... Барон Готар — это вы и есть, надо полагать?

— Да уж надо полагать, — сказал Сварог.

— Где же это у нас Готар?

— В Пограничье, — сказал Сварог, чуть насторожившись.

Чиновник задумчиво уставился в потолок:



— Слышал что-то такое, как же... Ни суверена, ни порядка, ни надлежащей администрации... Весело живете?

— Как посмотреть, — сказал Сварог. — С утра всякую шваль вешаем, не одних только канцелярских крыс, хотя, если придет такая потребность, любую чернильную душу с Конопляной Тетушкой повенчаем и слез лить не станем...

Стоявший за спиной чиновника стражник откровенно заржал.

Чиновник поджал губы, с ног до головы оглядел Мару:

— Дочка?

— Племянница, — сказал Сварог.

— Понятно. Троюродная, надо полагать? Или родство еще более дальнее? Что ничуть на теплоту тесных родственных отношений не влияет, вовсе даже, я бы сказал, наоборот...

Стражник приготовился заржать, но встретил взгляд Сварога и с ходу передумал. У Сварога же возникли стойкие подозрения, что дело нечисто. Сначала показалось, будто таможенник примитивно требует взятку, но тут же стало ясно, что все гораздо серьезнее.

Судя по жалкому серебряному шитью — всего-то по три коротеньких веточки остролиста на каждом рукаве и узенькая кайма на воротнике, — таможенник пребывал в убогом чине канцеляриста, сиречь третий от конца согласно здешней Табели о рангах. Пояс на нем был не дворянский, а серебряный, Сословия Чернильницы. Чиновник столь ничтожного класса, к тому же не дворянин, ни за что не стал бы держаться столь нагло с благородным, пусть даже захудалым бароном из Пограничья. Скорее наоборот — именно дворяне из Пограничья не в пример более свирепо относятся к малейшему посягательству на их честь. Будь Сварог обычным вольным ярлом, чиновник давно лишился бы половины зубов — он вдобавок ко всему ни разу не назвал Сварога ни «вашей милостью», ни даже «лауrom». И неприятности у ярла были бы минимальными — благородные свидетели подтвердят, что чернильная крыса сама спровоцировала барона столь хамским обращением, грузный маркиз возле соседнего стола уже сделал Сварогу недвусмысленный знак, могущий означать лишь одно: «Да заедьте вы ему в ухо, ваша милость!» Сварог ограничился тем, что придвинулся к столу и грозно сказал:

— Шевелись, крыса чернильная, уши обрежу!

Чиновник, опустив глаза, стал копаться в бумагах.



А Сварог вдруг ощутил, как по вискам ему словно бы провели чем-то мягким и пушистым, невидимой кроличьей лапкой.

Вот оно что. Здесь, в зале, был колдун, осторожно прошупывал Сварога Заклятьем Ключа. Наверняка и Мару тоже. Дохленький колдун, признаться. Интересно, где он? Кто-нибудь из праздно бродивших по залу стражников?

— Ну? — спросил Сварог. — Скоро ты там?

— Порядок в нашем деле необходим, ваша милость, — ответил чиновник, не поднимая глаз от вороха печатных бумаг. — А то случаются... бароны и племянницы...

Невидимая пушистая лапка продолжала оглаживать виски.

— Ну? — повторил Сварог. — Как там в вашем розыском списке? Насчет протiwоестественных сношений с чиновниками — типа мужеложества или взятки — про меня ничего не написано? Не грешен?

Стражник заржал. Канцелярист поднял глаза:

— Добро пожаловать в славное королевство Ронеро, ваша милость.

— Благодарю, — сказал Сварог. — Это вы, кажется, со стола обронили?

Он положил прямо на розыскные листы медный полугрош — самую мелкую монетку, какая ходила здесь в обращении. Чиновник очутился в пикантном положении: взять грошик — засмеют сослуживцы, гордо смахнуть со стола — можно и получить по морде. Поэтому он притворился, будто никакой монетки на столе и нет. Стражник распахнул решетчатую дверь, и Сварог с Марой сделали первые шаги по королевству Ронеро в качестве совершенно благонадежных приезжих. Два носильщика волокли следом не подлежащий досмотру сундук благородного лаура — в котором и не имелось ничего предосудительного, кстати.

В Равене наличествовали извозчики — еще один отличительный признак цивилизации. И торговались они вполне цивилизованно — угадав приезжего, заламывали несусветную цену. Сварог, однако, не видел смысла экономить, и через пару минут они с Марой уже сидели в запряженном парой каурых габоilere. Извозчик болтал безумолку, расписывая достопримечательности и исторические места, мимо которых они имели честь проезжать. Сварог ему не мешал — это было даже



интересно и позволяло, не вызывая подозрений, вертеть головой во все стороны. В какой-то миг он вопросительно глянул на Мару, та чуть заметно кивнула и подняла указательный палец.

За ними следили. Уардах в сорока позади, не обгоняя и не приближаясь, тащился всадник на чалой лошади, судя по одежде — небогатый дворянин. Он подхлестывал лошадь, когда экипаж рысью пронесился по улицам, где не было ни достопримечательностей, ни исторических мест, и натягивал поводья, когда извозчик ехал медленнее...

Из чистого любопытства он попросил возницу сделать крюк и проехать по набережной — чтобы взглянуть на Мост Короля Уитреда, самый большой на планете, соединявший берега Ите-ла вот уже четыреста лет (а река здесь была шириной лиги в полторы). Как обычно и водится, ни снимки, ни видеозаписи не могли передать очарования и мощи серой гранитной громады, вздымавшейся на овальных быках настолько высоко, что под мостом свободно могли проплывать не особенно крупные корабли. Это был целый городок — с многочисленными лавками, тавернами и мастерскими по обе стороны проезжей части, с несколькими храмами, полусотней статуй и монументов. По стародавней традиции городок этот пользовался всеми правами квартала — с соответствующими чиновниками, полицией, отличительным знаком и прозвищем для обитателей. Как не единожды случалось в истории (и не только таларской), стойкая молва гласила, что без помощи дьявола архитектор никак не мог обойтись...

Наперерез им промчался что есть духу трубивший в рог всадник — судя по черно-синей накидке, расшитой золотыми лилиями, королевский герольд. Извозчик мгновенно натянул вожжи. Двигавшиеся навстречу экипажи тоже остановились, не доезжая до перекрестка.

— Что такое? — спросил Сварог.

— Король изволит следовать, ваша милость.

Вслед герольду проскакали двое в красных мундирах и коротких черных плащах — ликторы, личная стража. За ликторами — четверка синих мушкетеров. Вскоре раздалось басовитое урчание мотора единственного в Ронеро автомобиля, а там показался и он сам, неспешно миновал перекресток, — огромная, синяя с золотом карета с чистейшими, почти невидимыми стеклами, королевским гербом на дверцах, посеребренными колесами и двумя лакеями на запятках. Шофер сидел снаружи,



на чуточку переделанном облучке, и выглядел раз в десять спесивее любого короля — учитывая уникальность его профессии, даже простительно. Насколько Сварог помнил, это был какой-то герцог. Автомобиль, понятно, снольдерской работы.

За стеклами Сварог увидел четкий орлиный профиль Конгера Ужасного и златовласую головку Делии. Лицом к ним на переднем сиденье застыли, напряженно выпрямившись, двое раззолоченных придворных. У дверцы скакала черноволосая красавица в парадном мундире полковника синих мушкетеров — Арталетта, герцогиня Браг, незаконная дочь Конгера. Следом — еще четверо мушкетеров и блестящая кавалькада придворных. Лошади извозчика вели себя на удивление спокойно — как и все остальные, бывшие на улице в этот миг, запряженные в экипажи и верховые.

«Охрана чисто символическая, — отметил Сварог. — В то время как даже министру полагается по чину восемь Ликторов. Ну, сие нам знакомо, ничего странного. Короли и императоры, носившие заслуженные титулы Жестоких, Ужасных и Грозных, как правило, доживали до преклонных лет и умирали естественной смертью, почти не сталкиваясь с покушениями и серьезными заговорами — зато мягких и либеральных венценосцев били табакерками в висок, тащили на эшафот, свергали и изгоняли...»

— Куда это он? — спросил Сварог.

— В храм Хорса, — охотно ответил извозчик. — Не в пример батюшке, король наш — человек богобоязненный, храмам покровительствует весьма благочестиво и всем богам оказывает почит...

Сварог усмехнулся. Просмотренное им у Гаудина досье короля являло образ далекого от всякого благочестия циника и материалиста, истребившего в борьбе за престол четырех родных братьев, разогнавшего ротой черных драгун уитенагемот, преспокойно казнившего десять лет назад великого понтифика храма Симаргла, когда тот сунулся в большую политику, и, наконец, в прошлом году присвоившего дворянское достоинство любимой охотничьей собаке...

— Выдумали черт знает что, — ворчал извозчик. — Если этих вонючих телег станет много, куда лошадей деть прикажете? Все снольдерцы, чтоб им провалиться. Никогда от них ничего хорошего не было и впредь не будет. Понаехали. Поналетели. Самолеты приволокли. Позавчера летали над пред-



местьями, всю скотину распугали, народ, кто потемнее, по сараям да по колодцам начал прятаться. Доиграемся до второго Шторма, верно вам говорю, ходят слухи, и памятник Морским Ястребам хотят убрать — ввиду нашей нынешней тесной дружбы со Снольдером, дабы не омрачать дружбу воспоминаниями о прошлых войнах...

— Что за памятник?

— А вот сейчас и увидим, если пожелает ваша милость. Гей!

Он свернул влево, на гранитную набережную, остановил лошадей. Посреди полукруглой площади стоял высокий черный камень, отесанный с одной стороны. На отесанном месте сиял золотом силуэт корабля, а выше, на диком камне, прикреплен золотой ястреб с мечом и якорем в лапах.

— Видите вон то здание, ваша милость, с колоннами? Школа гардемарин «Морской ястреб». Так вот, когда восемьдесят лет назад снольдерский флот напал на Равену, войск в городе почти что и не было, одни гардемарины. Отыскалась пара пушек. И эти парни, ваша милость, держались трое суток, пока не подошла армия, держались против трехпалубных фрегатов и морской пехоты, подо-жгли три корабля. Из них, понятно, девять десятых выбили начисто, из гардемарин... А теперь эти снольдерские летуны над столицей порхают, как у себя дома. Неужто снимут памятник? У меня прадед боцманом служил на «Бешеном коне» — был такой учебный корвет при школе. И когда гардемарины собрались пустить брандер на адмиральский корабль, прадед по нахальству характера такого случая упустить никак не мог.

— И что? — спросил Сварог.

— А как оно бывает с брандерами? Гвануло прежде, чем они успели спустить шлюпку — и не осталось ни снольдерского корыта, ни гардемарин, ни прадеда. Хорошо еще, дед мой к тому времени уже имелся на свете... Адмиральский фрегат потом подняли, кое-что в Морской музей поместили. Музей смотреть будем, ваша милость?

— Да нет, — сказал Сварог. — Поезжай-ка ты прямиком в особняк графини Дино. Оружейников, четыре.

— Слушаю, ваша милость. Обратите внимание на данную достопримечательность, каковую у себя в Пограничье вам, уж простите, видеть никак не доводилось... Видите на крышах два золотых шпиля? По обе стороны площади? По особо торже-



ственным дням вон оттуда и досюда, над всей, считай, площадью загорается как бы великанское окно, и любой, какого бы сословия и гильдии ни был, может лицезреть торжественное шествие Императрицы Четырех Миров со всем двором... Жаль, ваша милость, что вы этакое не видели. Вот где красота и великолепие...

— Да уж могу себе представить, — сказал Сварог. Он сам два раза присутствовал на таких шествиях — но никто ему не говорил, что церемония порой транслируется на землю. Хотя о телевизорах для земной знати слышать доводилось.

В дальнем конце площади неотвязно маячил конный шпион.

Особняк графини Дино стоял посреди большого сада, окруженного кирпичной стеной с частоколом железных шипов поверху. У массивных воротных столбов из розового песчаника, увенчанных гербами с графской короной, азартно резались в кости слуги графини и ронины-прихлебатели — понятно, разбившись на две кучки согласно сословию. Слуги крыли друг друга последними словами и хватали за ливреи, дворяне погромыхивали мечами, но сквернословия и рукоприкладства, как люди благородные, меж собой не допускали. Гам стоял на всю улицу. Сварог воочию убедился, что Ронеро держит первенство на континенте по беззаветной любви к азартным играм, пари, состязаниям и головоломкам. Понятно теперь, почему именно в этом королевстве уголовное право было обогащено Игорным кодексом.

Никто и ухом не повел, когда габолер остановился у ворот. Возможно, они не заметили бы и королевского автомобиля.

Сварог подумал, покопался в кошельке, вытащил золотой аурей, хорошенько прицелился и угодил в нос самому шумному лакею. Настала тишина, возникло замешательство, и все взоры обратились к экипажу. Сварог спрыгнул на вымощенную тесаным камнем мостовую, протянул руку Маре и громко сказал, не посмотрев на челядь:

— Доложить графине — барон Готар. Сундук в дом. Живо. Головы поотрываю.

Один лакей опрометью помчался в дом, остальные, толкаясь и мешая друг другу, подхватили сундук. Дворяне приосанились и отвесили церемонные поклоны — народ был довольный и обтрепанный, но при золотых поясах, понятно.

Показался шпион. Он медленно проезжал мимо, старательно притворяясь, что не видит ни ворот, ни публики.



Высмотрев среди дворян самого задиристого на вид и потертого, Сварог ловко сунул ему за обшлаг несколько золотых:

— Кажется, лаур, я вам остался должен за вчерашнюю гульбу?

И показал глазами на шпиона. Потертый, ничуть не удивившись, вышел на середину улицы и заорал что есть мочи, глядя мимо всадника:

— Эй, лаур, ты кого имел в виду, столь гнусно ухмыляясь?

Шпион, прижав руку к груди, стал было вежливо уверять, что он вообще не ухмылялся, тем более гнусно, но потертый с большой сноровкой сдернул его за ногу с лошади, подскочили остальные, и мгновенно завязалась свалка со звоном клинков и невнятными выкриками. Ухмыльнувшись, Сварог взял Мару под руку и повел к дому по дорожке из красного кирпича. Навстречу уже несли лакей:

— Просят пожаловать, ваша милость...

Графиня встретила их, стоя у подножия ведущей в особняк лестницы — что согласно здешнему этикету означало весьма радушный прием. Сварог удивленно приподнял брови. Он почему-то решил, что резидентом Гаудина окажется суровая старуха, этакая Екатерина Медичи на излете века, искусенная в интригах и ядах, с кинжалом в рукаве и суровым взором.

Перед ним стояла светловолосая и сероглазая особа в коротеньком розовом платье, прехорошенькая, но легкомысленная и ветреная на вид, как десяток синих мушкетеров. Быть может, бабушка-интриганка попросту прихворнула?

— Барон Готар к вашим услугам, ваша светлость, — сказал Сварог, кланяясь. — Могу ли я узнать...

Большие серые глаза, которые пуританин назвал бы бесстыжими, а поэт — игривыми, моментально изучили его с головы до ног.

— Другой графини нет, — сказала особа. — Вы ведь это хотели узнать? Я — Маргилена, графиня Дино, самый лучший и самый верный конфидент милорда Гаудина.

Сварог невольно покосился на торчавшего тут же лакея.

— Что я с тобой сделаю в случае чего? — безмятежно спросила графиня.

— Под землей отыщите и мужское достояние в мясорубку засунете, ваша светлость, — серьезно ответил лакей.

— Именно... — Графиня подняла тонкий указательный палец, украшенный огромным бриллиантом. — Не беспокойтесь, барон, люди у меня надежные. Прошу в дом.



Она пошла впереди, как и полагалось радушной хозяйке. Первые разведанные, добытые Сварогом в Ронеро, заключались в открытии того факта, что ножки у графини были великолепные. Что до мини-платьев, виной всему была Яна, появившаяся как-то на экране телевизора в крайне короткой юбке. Женская половина земной аристократии, чуткая к малейшим веяниям моды, мгновенно сделала выводы и подхватила почин, благо не имелось на сей счет никаких запретов ни религиозного плана, ни бытового. Уже через месяц дело приняло официальный оборот — высочайшими указами земных королей длина платьев и юбок была должным образом регламентирована: крестьянки повинны носить платья до пола, женщины семи Высоких Сословий — до колен. Для дам-дворянок установили лишь верхнюю границу приличий, а в остальном они были вольны. Впервые услышав об этой истории, Сварог развеселился было, но вскоре пришел к выводу, что новый обычай ничуть не умнее и не глупее всех прочих традиций, сопровождавших дворянство в его путаной и бурной истории. По крайней мере, он приятнее, чем, например, золотые блохоловки французских придворных дам...

Графиня провела их в золотисто-сиреневую гостиную, усадила за стол. Лакей принес поднос с пузатой черной бутылкой «Кабаньей крови» и радужными бокалами тончайшего гаарского стекла знаменитой марки «Золотой мыльный пузырь». Пить из них было даже жутковато — казалось, бокал вот-вот разлетится в пыль под тяжестью налитого вина. Сварог покопался в угол, на огромный выключенный телевизор, посмеявшись про себя.

В последние годы канцлер, по словам Гаудина, разработал некую программу, имевшую целью немного сблизить дворянство земное и небесное. Благородные обитатели Талара совершенно бесплатно получили телевизоры. У королей они работали восемь часов в сутки, у герцогов — семь. И так далее. Экраны появились в сословных и гильдейских Собраниях и на площадях столиц. Канцлеру это ровным счетом ничего не стоило, а дворянство ухватилось за невиданную привилегию когтями и зубами, интригуя и борясь за право смотреть телевизор лишние полчаса с тем же пылом и жаром, с каким сражалось за королевскую милость, поместья и чины. Высочайше пожалованной привилегией можно объявить, строго говоря, что угодно. Главное — провозгласить, что это привилегия, да оформить все должным образом. Программы, правда, были убогими, но



и наверху, в летающих замках, они не умнее и не содержательнее, столь же пустые, нескончаемые сентиментальные сериалы, боевики да песенки. Сплошь и рядом на землю идет то же самое, что и для хозяев летающих маноров. А наверху, в свою очередь, зачитываются земными пустенькими романчиками, вовсю их экранизируя.

Графиня изящно закинула ногу на ногу, вынула из золотой шкатулки длинную сигарету, каких здесь не делали, — демонстрировала самый что ни на есть великосветский стиль. Сварог галантно поднес ей огонь на кончике пальца.

— Ого... — Она прикурила, не особенно и удивившись. — Значит, вы не просто пограничный барон... Что ж, следовало ожидать. Пойдите-ка... — вдруг уставилась она на Сварога с восторженным ужасом. — Но ведь это означает... Серый Рыцарь?!

— Иногда я подозреваю, что так все и обстоит, — сказал Сварог дипломатично. — Если только Таверо не был шутником.

— Ну что вы... — Она кивнула в сторону Мары. — Быть может, мы отправим детку посмотреть драгоценности или платья, а сами займемся делами?

Детка глянула на нее искоса, потом уставилась на украшавшие стены шпаги и стилеты определенно не без намека.

— Видите ли... это, в общем, никакая не детка, — сказал Сварог. — Это моя полноправная помощница.

— Ах, вот оно что. — Графиня с интересом обозрела Мару. — Понятно, а я-то ломала голову, зачем она с вами... Милорд Гаудин мне немного рассказывал, но я, признаться, не думала, что они такие обыкновенные и милые... Опять?! — Она гневно оглянулась на дверь.

Вошел богато одетый и крайне унылый субъект лет сорока, затоптался у входа:

— Душа моя, осмелюсь напомнить, сегодня двадцать первое... Маргилена...

Графиня смерила его ледяным взглядом:

— Если вы, золотко, еще раз осмелитесь ввалиться, когда я принимаю гостей, ваше скромное украшение окончательно зарастет паутиной... Брысь!

Унылый субъект покорно вывалился спиной вперед, распахнув задом створку двери.

— Это, если так можно выразиться, супруг, — безмятежно пояснила графиня. — Понятно, я не чудовище, когда-то сле-



дует, отринув любовников, исполнить супружеский долг, дело святое... Эта беспросветно скучная и наводящая тоску процедура свершается два раза в месяц, двадцать первого и сорок шестого, и в означенные дни, с раннего утра, сей обуянный похотью сластолюбец не дает мне прохода, стеная и оглаживая. Великие небеса, в доме не протолкнуться от смазливых служанок — нет, подавай ему меня. Извращенец. Вообразите, он иногда усаживается в саду, под окнами моей спальни, и хнычет, словно фамильное привидение Верготов. Многих это только развлекает, но попадают тонкие натуры, их эти всхлипы нервируют... Вам такой концерт понравился бы?

— Нет, конечно, — сказал Сварог, прилагая титанические усилия, чтобы собрать мускулы лица в неподвижную маску.

— Вы смейтесь, если хотите. Милорд Гаудин вечно надоедливо смеется. Однажды он так хохотал, что пролил мне на живот чашку горячего шоколада. Вам, конечно, весело, а каково было мне, с моей необычайно нежной кожей? Целый месяц после этого меня любили в самых невероятных позициях, чтобы не задеть обожженного живота...

— Умоляю вас... — сказал Сварог жалобно, чувствуя, что вот-вот смахнет со стола взрывом хохота драгоценные невесомые бокалы.

— Но это все чистая правда, — заверила графиня. — Я, разумеется, не дура, иначе ни за что не попала бы в конфиденты. Просто я, как выражается милорд Гаудин, яркая индивидуальность, с чем полностью согласна, да и вы, наверное, тоже... И еще. Всеми этими прибаутками я, уж простите, пыталась оттянуть весьма тягостный разговор о наших делах...

— Почему — тягостный?

— Потому что ее нет, она исчезла...

— Кто?

— Делия, — сказала графиня.

— Полчаса назад я ее видел в автомобиле короля.

— Это не она.

— А кто?

— Не знаю, — сказала графиня, и в ее глазах Сварог увидел страх. — Двойник, нежить, морок, наваждение... У меня есть человек, прекрасно умеющий распознавать такие создания, под какими масками они ни прятались бы. Наследственность, знаете ли. Говорят, его прабабка была колдуньей.

— А верить ему можно?



Графиня бледно улыбнулась:

— Можно. Это барон Гинкер, протектор Равены. Работает на милорда Гаудина лет десять. Кстати, я его жду с минуты на минуту.

— Что случилось? — спросил Сварог, ежась от неприятного холода.

— Не знаю. Никто не знает. Несколько дней назад в королевском дворце что-то произошло ночью. А утром на месте Делии оказалась... эта тварь. Король, насколько можно судить, ничего не замечает, как и все остальные, а судя по вашей реакции, и люди милорда Гаудина пребывали в неведении. Барон, это не двойник-человек. Она как две капли воды похожа на Делию, она вполне материальна, я сама касалась ее руки... Но это не человек, Гинкер клянется. С того утра она и близко не подходит к лошадям и собакам. Лошадей и собак не обмануть никакой магией, они почуют мгновенно... Она перестала носить серебряные браслеты Делии, фамильные.

— А что дворцовые маги? Их, насколько я знаю, двое при короле.

— Один исчез бесследно. Второй держится так, словно ничего не произошло.

— А любовник Делии, гланский лейтенант?

— Исчез. Пропали еще человек десять — ликторы Делии и люди из дворцового караула.

— А что говорят при дворе?

— Ничего. Большинство и не подозревает о случившемся. А туманные слухи, бродившие среди меньшинства, очень быстро прекратились. Должно быть, оттого, что для них совершенно не было пищи. Глухо упоминалось о ночной драке — и на этом все кончилось. За годы правления нашего короля случались вещи и загадочнее — но всегда была конкретная информация. Сейчас же никто ничего не понимает...

— Ваш барон Гинкер не пробовал деликатно намекнуть королю?

Графиня молча взглянула на него.

— Понятно, — сказал Сварог. — Жить барону еще не надоело... К кому король способен прислушаться?

— Пожалуй, к официальному легату императрицы. Но это же нереально, как я поняла?

— Совершенно, — сказал Сварог. — Кстати, я тоже нереален. Меня здесь нет. Я вам мерещусь.



— Вот видите... Дела скверные, барон. Даже если все поголовно догадаются, что это не Делия, а неведомая нечисть в ее облике, подавляющему большинству будет все равно. Кроме разве что искренних друзей — но их у Делии очень и очень мало, как и случается обычно с принцессами. Не столь уж важно, от кого получать милости и кому служить, принцессе или оборотню. Понимаете? Лишь бы только была уверенность, что оборотень не исчезнет через неделю, а продержится долго. Или вы лучшего мнения о человечестве?

— Ну что вы... — сказал Сварог угрюмо. — Кто за всем этим стоит? У вас нет предположений?

— Ни малейших, — призналась графиня. — Случай настолько небывалый, что я поостереглась строить гипотезы... Ждала вас. Быть может, следует срочно связаться с милордом Гаудином?

— Не получится, — сказал Сварог. — Нет у меня такой возможности. Едва я пересек ронерскую границу, все оборвалось. Я действую в одиночку. Увы, не могу объяснить причин...

— Помилуйте, догадаться нетрудно, — сказала графиня. — Вы ничем от нас не отличаетесь, уж простите. Интриги, козни, тайна... Все то же самое, господа, все то же самое... Эти слова обожают грустно изрекать мой наводящий тоску супруг, обнаружив у дверей моей спальни очередные сапоги. Все то же самое. Миссия ваша насквозь неофициальна, и ее следует держать в тайне от любого — ну что тут непонятного?

Сварог задумчиво наклонил бутылку над своим бокалом, глядя на густое, багровое вино. Не получилось лихой прогулки. Неужели Гаудин не знал? А что он мог сделать, даже если бы знал?

— Единственная надежда — король. Не так ли? — спросил он.

— Да. Уж он-то любит Делию без памяти...

— А нам осталась самая малость — раздобыть веские доказательства...

— Самая малость, — с бледной улыбкой подтвердила графиня.

Золотой колокольчик у входа звякнул. Графиня живо подбежала и распахнула дверь:

— Барон, вы опоздали на три минуты! Если бы я назначила свидание в своей постели, вы и тогда опоздали бы?



— Признаюсь с прискорбием — да, — поклонился вошедший. — Даже манящий образ вашей постели, милейшая Маргилен, не в силах победить безжалостную старость, прочно овладевшую вашим покорным слугой...

Пожалуй, он кокетничал и прибеднялся. Это был пухлый лысый коротышка лет шестидесяти, слабый и неопасный на первый взгляд, но на щекастой физиономии Тентира холодно голубели колющие и внимательные глаза, а обманчиво вялые движения скрывали, похоже, недюжинную силу и проворство, вполне пригодные и для улаживания дам, и для схватки на мечах.

— Барон Гинкер, — представился толстяк. — Имею несчастье заведовать одной из столичных полиций. Вы позволите узнать ваше очередное имя?

— Барон Готар. Имя настоящее.

— А это осмотрительно?

— Пожалуй, да, — сказал Сварог. — Вообще-то у меня есть еще несколько имен...

Гинкер цепко взглянул на него:

— Я бы рискнул предположить, что среди ваших титулов отыщется и графский... Впрочем, это лишь предположения, о которых я уже забыл. И другими вашими именами интересоваться не намерен. Могут подвесить на дыбу, знаете ли, и если сболтнешь что-нибудь ненароком, выйдет плохо и тебе, и людям. Императорский замок высоко, а пыточные гораздо ближе...

— У вас же, насколько я знаю, пытка для дворян лет пятнадцать как отменена, — сказал Сварог.

— Вы не обидитесь, если я рискну предположить, милейший барон, что в нашем окаянном ремесле вы — человек новый и неопытный? Нет? Отлично. Так вот, есть печальные прецеденты, когда пытка применяется ко всем без исключения, без оглядки на вольности и привилегии. Наш случай к такому как раз и принадлежит, ибо напрямую затрагивает короля, а следовательно, все мы прямехонько попадем либо в Королевский Кабинет, либо в Багряную Палату, каковые не связаны никакими установлениями, кроме воли монарха... При этой юной особе можно говорить непринужденно?

— Да, — сказал Сварог.

— Понятно. — Гинкер с непонятым выражением лица оглядел Мару. — Милочка моя, вы эту прекрасную фамильную



вилку из парадного сервиза вертите просто так или готовы при нужде вогнать мне ее в глаз? Метнувши?

— В сонную артерию, — сказала Мара. — Если в глаз, вы ж начнете вопить, хотя бы несколько секунд, а если в сонную — это мгновенно...

И они вежливо раскланялись, созерцая друг друга не без уважения.

— У вас очаровательная спутница, барон, — сообщил протектор. — Живая, непосредственная... Я краем уха слышал о любопытном учебном заведении, которое она, я полагаю, окончила. Мне не помешало бы нечто подобное, но вряд ли удастся преодолеть косность мышления министра полиции... Что вы знаете, барон? — спросил он, резко меняя тон.

— Ровно столько, сколько известно графине.

— Уже легче. Итак, суммируя и обобщая... Полагаю, уже можно примерно — подчеркиваю, примерно — набросать эскиз происшедшего. Мелкие, несущественные подробности я опущу. Около четырех часов ночи неподалеку от апартаментов принцессы Делии имело место некое оживление, переместившееся затем в старое крыло дворца, оттуда — к Полуденным воротам, по улицам Медников и Всех Добродетелей, вплоть до переулка Белошвеек, где то ли прекратилось, то ли удалилось в неизвестном направлении, изменив свой характер и суть. Это теоретическое описание. Практика же означает, что ночью группа неизвестных лиц попыталась ворваться в покои принцессы. Защищавшие ее ликторы и гланские гвардейцы Лохерварского полка вместе с принцессой и ее близким другом, лейтенантом вышеназванного полка Данаби, с боем отступали к Полуденным воротам через старое крыло, теряя убитых, а возможно и раненых, которых нападавшие потом добились. Рискну предположить, что стража Полуденных ворот, по некоторым сведениям, оказалась на стороне Делии. Отступавшие, теряя людей, достигли переулка Белошвеек, где разыгралась последняя схватка, унесшая жизнь лейтенанта Данаби. Правда, свидетели, которых я имел глупость оставить на свободе, назавтра бесследно исчезли... Дальше — неизвестность. Принцесса исчезла. Во дворце не было ни переполоха, ни общей тревоги. Девяносто девять человек из ста уверены, что ночью произошла пьяная драка меж гвардейцами соперничающих полков. Король лично повелел сохранить все в тайне, дабы не выглядеть в глазах соседей варварами, способными учинить спьяну



резню во дворце монарха. Родственникам убитых приказали держать язык за зубами. На месте Делии отныне — ничто. Вот и все, если вкратце. У вас, конечно, будут вопросы?

— Вы совершенно уверены, что на месте принцессы — «ничто»?

— Уверен.

— Откуда вы это знаете?

— Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

— Хорошо... — сказал Сварог. — Все равно я быстро смогу проверить и сам... Почему Делия и ее люди пробивались прочь из дворца? Надежнее и естественнее было бы забаррикадироваться в комнатах, дожидаться, когда поднимется шум на весь дворец, сбежится стража... Почему она бежала из дворца любящего отца, где ей, теоретически рассуждая, ничто не могло грозить?

— Эта загадка до сих пор мучает и меня, — признался протектор. — Невероятно нелогичный поступок, полностью противоречащий здравому смыслу и опыту телохранителей, гвардейцев. По-моему, существует одно-единственное объяснение: обстоятельства нападения были таковы, что пришлось действовать вопреки здравому смыслу. За пределами дворца было безопаснее, чем в нем. Но что они увидели, я не берусь гадать. Они могли броситься прочь из дворца, увидев короля, пришедшего во главе отряда убить дочь. Но король в ту ночь не покидал своей спальни, мне достоверно известно... Быть может, гвардейцы увидели... неких существ... не принадлежащих нашему миру...

— Для кого происшедшее может оказаться как нельзя более выгодным?

— Для многих. Начиная от Снольдера, озабоченного позицией Делии, и кончая представителями двух-трех знатных родов, имеющих кое-какие права на престол. Однако я вновь осмелюсь увести ваши мысли на дорожку, ведущую в направлении иного мира... И снольдерская разведка, и мечтающие о троне потомки прежних династий — все это наше, человеческое. Меж тем происшедшее пахнет древним, забытым чернокнижным искусством. Не случайно один из двух придворных магов исчез, а другой, по всему видно, перепуган насмерть. Нынешние наши маги — бледные тени древних. Предсказания погоды, заговоров и покушений, не более того. Здесь постарались на совесть и безжалостная поступь истории, и



некоторые имперские департаменты... Нас, я бы сказал, очень старательно избавляли от высокого магического искусства, великодушно позволив прозябать кое-где по тихим углам жалким ремесленникам.

— Вы полагаете, здесь замешаны... мы? — спросил Сварог прямо.

— Не исключаю. О, разумеется, не официальные... инстанции. Иначе вы-то уж знали бы. Просто частные лица, преследующие частные цели... Хотя, по слухам, в Горроте еще не перевелись знатоки древнего искусства. Так что все возможно.

— Арталетта?

— Не думаю. Арталетта то ли вполне довольна своим нынешним положением, то ли попросту не рискнула бы затевать собственную игру. Я непременно знал бы. Кстати, она довольно косо поглядывает на новую Делию, возможно, чувствует что-то... И самое печальное — я не могу искать принцессу с помощью своих людей. Кто-то из моих мальчиков непременно работает на конкурентов, если до кого-нибудь из моих придворных соперников дойдут слухи... Ни одна из наших тайных служб — а их в Равене действует восемь — не получала приказа искать принцессу. Потому что принцесса жива, здорова и находится на прежнем месте. Зато... — он сделал паузу, — зато настоящую Делию, сбиваясь с ног, ищут иностранцы. В определенных кругах наблюдается прямо-таки небывалое оживление. Даже те известные мне агенты сопредельных держав, кого я привык считать спокойными и серьезными людьми, словно рехнулись вдруг и носятся по столице как угорелые. Знаете, кого они все так старательно ищут? «Девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию». Эту девушку ищут снольдерцы, горротцы, гланцы, лоранские шпионы, ганзейцы, даже люди небезызвестного герцога Орка. Такое впечатление, будто известие о происшедшем, оставшись тайной для нас, моментально распространилось среди соседей-соперников. Наши же службы, повторяю, еще ничего не знают обо всей этой суете — хотя через пару дней непременно узнают. Единственная отечественная контора, участвующая в поисках, — канцелярия адмирала Амонда.

— Кто это?

— Командир Синей Эскадры. Вероятно, он что-то пронюхал быстрее других. А это довольно удивительно — последние пять лет он пребывал в опале, безвылазно сидел у себя в Дже-



тараме и в столицу приезжал всего три раза. И тем не менее его люди ищут Делию не менее рьяно, чем, допустим, агенты снольдерского Морского бюро. Зрелище презабавное, несмотря на весь трагизм ситуации. Скоро одна половина населения столицы будет спрашивать другую: «Вы не видели девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию?» А это обязательно случится, как только весть о странных поисках дойдет до наших милых сыскарей... Во всем этом есть и хорошая сторона — тогда и у меня будут развязаны руки, смогу на законном основании бросить на поиски всех своих прохиндеев. Вот только не опоздать бы...

Сварог осторожно спросил:

— Тысячу раз простите, но вы уверены, что...

— Что меня не водят за нос? Что все именно так и обстоит? Любезный барон, я занял свой нынешний пост тридцать лет назад, еще при старом короле. И пребываю в должности все эти годы, не видя пока что ни малейших признаков опалы. Это вам о чем-нибудь говорит?

— Пожалуй...

— Вообще-то я рискнул и послал нескольких своих людей... о нет, не на поиски. Им предстоит узнать, что кроется за стремлением иностранных шпионов отыскать девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию. Правда, это не многим отличается от поисков, по правде говоря, совсем не отличается. Но мои люди этого не знают. Что не мешает им работать со всем усердием... Больше всего я опасаясь, что Делия оказалась хитрее всех нас, то есть — отыскала укрытие, сама мысль о котором нам и в голову не придет. Извечная проблема профессионалов и дилетантов. Профессионал, будь он семи пядей во лбу, давно загнал свой ум в некие шаблоны. А она — новичок. Мы, вполне возможно, по три раза на дню проходим в двух шагах от ее убежища...

— Послушайте, я ведь тоже новичок, откровенно вам признаюсь, — сказал Сварог.

— Ну да? Прекрасно. Попробуйте предложить версии...

— Бежала за границу...

— Было! Версия отработана во всех разновидностях. Не покидала она Равену, головой клянусь!

— Она вовсе не покидала дворца...

— Было. Покинула.

— Скрывается в казармах гланской гвардии...



— Было. Нет ее там.

— Погибла... — с трудом выговорил Сварог. — Ночь, закоулки, бандиты...

— Исключено. Она жива.

— Во что она была одета, по крайней мере?

— Мужской дворянский костюм. Шляпа и сапоги, понятно. При ней должен быть меч, два кинжала, ожерелье, несколько перстней. По крайней мере, именно этого недоисчитываются. Но это еще ни о чем не говорит. Ожерелье могли украсть лакеи, а меч она могла кому-то подарить. Маловероятно, и все же... Самое странное во всей этой истории — то, что принцесса, мало что знающая о внешнем мире, ухитрилась спрятаться столь надежно. Я все не считаю ее тепличным цветком, но бытие принцессы — это жизнь, заключенная в строго очерченный круг определенных людей, знаний и опыта. Она не знает, как расплавиться в лавках, не знает и цен, понятия не имеет, как остановить извозчика, отдать письмо на почту, кликнуть полицейского, отличить приличный квартал от подозрительного, получить комнату в гостинице, наконец, у нее никогда не было при себе денег... И все же она ухитрилась исчезнуть бесследно.

— Есть еще одна версия, — сказал Сварог медленно. — Мне тяжело об этом говорить...

— Князь Тьмы и его прихвостни? — моментально подхватил барон. — Мимо.

— Почему?

— Вы знаете, что такое гиман?

— Нет, — сказал Сварог.

— Это оберег. Обработанный в виде креста Единого, фигурки святого или просто отесанный камешек. Сделан он из каменной хижины Круахана — одного из самых почитаемых в Глане святых отшельников, жившего в те полузабытые времена, когда наши предки относились к религии не столь равнодушно. У Данаби был гиман. И он его подарил Делии. Ее может убить обычным оружием любой бродяга, но ни сам Князь Тьмы, ни его многоликие прихвостни не смогут к ней и приблизиться. Маргилена, будьте серьезнее. Я старый человек и знаю, о чем говорю. Я знал человека, рискнувшего с гиманом на шее проникнуть на занятые Глазами Сатаны земли и вернуться оттуда невредимым...



— Я вам верю, барон, — сказал Сварог. — Я очень хочу вам верить... Вы, конечно, проверили район, где она исчезла, этот самый переулочек Белошвеек?

— Конечно. Там побывали все. Вам когда-нибудь доводилось видеть оживленную улицу, где девять десятых прохожих — тайные агенты и шпики, вышедшие на задание? Несмотря на всю серьезность ситуации, забавнейшее зрелище...

— Остается одно, — сказала графиня. — Катакомбы под столицей.

— Плохо верится, — сказал барон. — Те, что служат пристанищем всякому жулю, известны мне наперечет. Я бы знал, появившись там принцесса. А отдаленные, на глубине, те, что молва полагает созданными еще до Шторма... Во-первых, никто не знает туда дороги. Во-вторых, там, где тысячи лет не ступала нога человека, могут поселиться другие жильцы... Возможно, человеку с гиманом на шее там безопасно, но и ему нужно что-то есть и пить... — Он вдруг повернулся к Маре: — А что думает наша юная соратница?

— Я бы спряталась в публичном доме, — сказала Мара.

— Неплохо. Там стали искать в последнюю очередь. Однако уже искали. В борделях. В бедных кварталах, где народ простой и бесхитростный, — там со старинным рвением почитают трон, как нечто святое, и охотно спрятали бы королевскую дочку... Искать даже на дворцовой кухне... Увы, есть только одна ниточка. Покойный Данаби. Его сослуживцы написали в Глан. По тамошним обычаям, родственники по клану не мстят за убитых на войне или в честном поединке, но обязаны отомстить за убитого подло, коварно. Двое братьев Данаби, как мне удалось установить, плывут в Ронеро. Прибыв сюда, они примутся искать убийцу...

— И будут искать год, — хмуро сказал Сварог. — Что ж, остается взглянуть на то, что обретается вместо Делии. Нам трудно будет попасть во дворец?

— Днем — нет ничего проще, — сказала графиня. — Если нужно, я немедленно еду туда и беру вас с собой. Только одеться следует побогаче, понятно.

— Черт, у меня же нет баронской короны...

— Полтора года назад этикет слегка изменили, — сказала графиня. — Теперь корона нужна только на больших приемах. У вас есть другая одежда?

— Конечно. Вот только... Что там обо мне подумают и за кого примут?



— То есть как это — за кого? — удивилась графиня. — За моего нового любовника, естественно. А мой новый любовник — явление столь же обыкновенное, как полицейский на перекрестке. Мне случалось появляться во дворце и в сопровождении несравненно более экзотических личностей... Боюсь вас огорчить, но вы рядом со мной будете выглядеть скучнейшей деталью пейзажа. Я прикажу заложить коляску?

— Приказывайте, — сказал Сварог.

Графиня выпорхнула за дверь. Протектор поклонился Сварогу и степенно вышел следом. Избегая встречаться взглядом с Марой, Сварог потянулся к невесомой рюмке, но, испугавшись, что она разлетится в руке, подхватил бутылку и с давней сноровкой сделал добрый глоток прямо из горлышка. В голове молниями вспыхивали лихие, фантастические планы — вот он с помощью уличного фонаря и местного аналога азбуки Морзе сообщает Гаудину о случившемся, вот он врывается в тронный зал и кричит королю: «Да ты присмотрись получше, кого пригред на груди!» Потом он взял себя в руки и скрупулезно перебрал в памяти все, чему его научили, вернее, запихнули в голову это умение готовеньким.

Его обучили, как с помощью «третьего глаза» увидеть за внешним обликом подлинную сущность, присутствие черной магии и нечистой силы, где таковое имеет место. Обучили отводить глаза окружающим, так что тем казалось, будто Сварог стал невидимым или преспокойно уходит. Обучили лечить наложением рук раны от любого здешнего оружия — и даже смертельные, если приступить немедленно и у пациента не задет мозг. Обучили безошибочно распознавать, когда человек говорит правду, а когда лжет. Мгновенно освоить обращение с любым механическим агрегатом («А вдруг понадобится удирать от погони на паровозе или, берем более прозаичный случай, чинить корабельную паровую машину?» — сказал Брагерг. Гаудин сначала скептически покрутил головой, но, подумав, согласился). Чуть опасность — правда, представляла она не в конкретном образе, а в неосязаемом виде грубо, остро входившего в сознание предчувствия беды. Незузнаваемо изменять свой облик и облик других — с помощью весьма нехитрой магии словно бы надевать маску (правда, следовало сторониться зеркал, беспощадно отражавших истинное лицо).

Вот вместе и взятые по отдельности, эти хитрости и премудрости могли принести немалую пользу. При других обстоя-



тельствах. Сейчас он был бессилен. Никто не предвидел, что ему понадобится умение отыскать в огромном городе надежно спрятавшегося человека...

Посмотрел на Мару, искренне надеясь, что не выглядит очень уж беспомощно. Она ответила спокойным взглядом, чуть пожала плечами с бравым видом. Подавив мгновенно схлынувшую вспышку раздражения, Сварог спросил:

— Тебе приходилось когда-нибудь терпеть поражение?

— Ни разу, — улыбнулась она. — Впереди меня все разбегалось, а позади меня все рыдало...

— А, ну да. Головой-то тебе работать не приходилось...

— Это твоя задача, — спокойно ответила девчонка, и Сварог мысленно признал ее правоту. — Ну что тут беспокоиться? Мы не потерпели еще поражения, потому что и не начинали работать.





ПОИСКИ НАЧИНАЮТСЯ

Выйдя на крыльцо, Сварог поманил в сторонку того самого задиристого и потрепанного прихлебателя:

— Ну, что там обнаружилось?

— Это был человек адмирала Амонда, ваша милость. Мы его вынудили назвать имя и место службы — не драться же с неизвестным... Служил в канцелярии Синей Эскадры.

«Ничего не понимаю, — подумал Сварог. — Получается, этот опальный адмирал знал заранее о прибытии новых участников игры?!»

— Лишнего не сболтнет? — спросил он.

— Уже не сболтнет, — ухмыльнулся дворянин. — Мы ж его проткнули. С соблюдением всех традиций. Вызывали все по очереди, и на третьем дуэлянте, то бишь на мне, везение его кончилось. Полиция его уже увезла. Не будет никаких хлопот, все чисто. Благородному Доверу этот скот пропорол бок, хоть и неопасно для жизни, да неприятно...

— Ладно, черт с ним, — сказал Сварог. — Вот вам на поправление нервов и лекаря для благородного Довера...

Одернул пышный камзол, поправил шляпу, пробормотал:

— Надев широкий бадагар, шпионы едут на бульвар...

И сел в коляску рядом с графинею. Мара в новом платье чинно выпрямилась на переднем сиденье. Человек шесть прихлебателей верхами двинулись следом в качестве почетного эскорта. Черная закрытая карета протектора, запряженная



четверкой, развернулась и умчалась в противоположную сторону.

— Что собой представляет этот ваш барон? — спросил Сварог.

— Неужели вы к нему не применили... должное искусство?

— Применил. Во-первых, он мне не врал, а во-вторых, и в самом деле обладает кое-какими магическими способностями, очень слабыми, правда. Но меня и ваше мнение интересует. Есть вещи, которые и с помощью магии сразу не откроешь...

— Человек, сумевший тридцать лет продержаться на посту протектора. Этим кое-что сказано, не правда ли? Лет десять работает на милорда Гаудина. При известных обстоятельствах барон Гинкер, не сомневаюсь, способен продать даже вас. Но для этого еще должен отыскаться покупатель, которому вас можно продать безнаказанно, а такого покупателя я в окружающей реальности что-то пока не вижу... — фыркнула графиня. — Рассказать вам, как он придумал себе порок? В Равене есть роскошный особнячок, тихий притон для великосветских педиков. Так вот, милейший барон демонстративно оказывает ему покровительство и бывает там что ни день. На самом деле он вовсе не педик и, вместо того чтобы предаваться срамным грехам, встречается там со своими шпиками. Зато все враги свято верят, что отыскали его уязвимое место — о чем не раз наушничали королю. Но его величество, знающий истинное положение дел, лишь посмеивается в усы... А настоящий грешок барона где-то укрыт. И никто не знает, какой. Но что-то есть, я уверена, и милорд Гаудин со мной соглашается, правда, даже ему не удалось отыскать следов...

— Понятно.

— И еще, — сказала графиня. — Он безоговорочно поставил на Делию, так что вывернется вон из кожи, чтобы ее отыскать, а еще лучше — оказаться ее единственным спасителем...

Какое-то время они ехали молча, и Сварог с простительным провинциалу любопытством созерцал уличную толчею.

— Графиня, что же вы их не приоденете? — спросил он, кивнув на гордо восседавших в седлах потертых вассалов.

— Все равно пропьют и проиграют, мерзавцы, как их ни одевай, — безмятежно сказала графиня. — Что поделать — младшие сыновья дворян моего графства, приходится кормить-поить согласно древним традициям... Граф Леверлин даже как-то написал эпиграмму на того вон усатого, была дуэль...



— Вы знаете Леверлина?! — оживился Сварог.

— Ну естественно! Как я могу не знать члена столь старинной фамилии? Он часто бывает при дворе. А вот его отец — суший затворник. Чудак и патриархальный оригинал. Не принимает дам, одетых по последней моде, помешан на традициях. У него в столице есть загородный дом — куда мне, как и многим, дорога закрыта. Вообразите, его супруга и дочери до сих пор носят платья старого фасона, бедняжки! Но Леверлин-младший... — Она мечтательно прищурилась. — Это моя головная боль и беда. Его невозможно пленить, понимаете? Проведя со мной безумную ночь, он преспокойнейшим образом исчезает на месяц. Поэт, что вы хотите... Я не могу сердиться на поэтов. — Она продекламировала нараспев:

От череды непризнанных открытий —
ознобом по спине.

Что ж над бокалом вы молчите?

Позвольте мне —

за все, что нам когда-то снилось,
да не сбылось.

За все, что, как бы мы ни бились,
не удалось.

За то, что снегопадом шалым —
печаль в лицо...

— Между прочим, эти строки посвящены мне. Барон, вы когда-нибудь видели снегопад?

— Приходилось.

— Это красиво?

— Иногда — очень.

— Леверлин не раз бывал на Сильване, видел снег, а я вот никак не выберу времени...

— Вы не знаете, он в Равене сейчас?

— На прошлой неделе его видели в Ремиденуме, — сказала графиня. — Он недавно вернулся откуда-то с орденом Полярной Звезды, можете себе представить? Наместник прислал ему патент. Но Леверлин ничего не рассказывает, такой таинственный... Вы, случайно, не знаете, за что его могла наградить императрица? Ходят туманные слухи о каком-то загадочном побоище в Харлане, но милорд Гаудин притворяется, будто ничего не знает... Где вы с Леверлином познакомились?



— В Готаре, когда я там, выражаясь высоким стилем, водворял справедливость, — осторожно сказал Сварог. (Нужно же блюсти мужскую дружбу и солидарность, ей не следует знать, что бывают случаи, когда и Леверлина удастся пленить — правда, не в переносном, а в самом прямом смысле...) — Графиня, у вас, часом, не сожалеют о прежнем бароне? Насколько я знаю, он тоже бывал при дворе...

— Да что вы! Жуткая была свинья. Он, приехав в Равену, только тем и занимался, что плодил новоиспеченных дворян за приличные денежки, и добро бы якшался с приличными людьми... Многие даже хотели вызвать его на дуэль, но ему удавалось как-то изворачиваться... Вам только спасибо скажут. Что это с вами?

— Ничего, — сказал Сварог. — Красивая вывеска, верно?

Они как раз проезжали мимо стоящего особняком двухэтажного дома из желтого песчаника. Над дверью укреплены бронзовые изображения кружки и кровати — старинный символ гостиницы с трактиром, а серебряная каемка свидетельствует, что заведение предназначено для благородной публики и владелец его принадлежит к Серебряной гильдии. А рядом красовалась вывеска, больше походившая на подлинное произведение искусства. Золотые буквы «ЖЕНА БОЦМАНА», стилизованные под старинный алфавит Ангел, повисли над сине-зелеными волнами с белыми гривками пены. Вдали, на заднем плане, плывут корабли под разноцветными гроздьями тугих парусов, а справа изображена юная красавица с распущенными волосами, в морском кафтане с широкими общлагами и лихо сбитой на затылок лангиле. Картина подернута нежной дымкой, той самой, которую загадочным образом умели вызывать на свои полотна старые итальянские мастера — которым еще предстоит родиться через тысячелетия.

У входа гордо стоял увалень в новехонькой ливрее, прислуживавший некогда в корчме тетки Чари в Руте. Даже не будь его, Сварог все равно сообразил бы, что заведение принадлежит старой знакомой: юная морячка на вывеске выглядела именно так, как, должно быть, выглядела лет двадцать назад вдова пиратского боцмана. Значит, бой-баба все же перебралась в Ронеро, как и собиралась.

— Вот об этом я с вами и хотела поговорить, — сказала графиня. — Каюсь, нарочно велела кучеру ехать этой улицей... Ху-



дожник, нарисовавший эту картину, — талантливый юноша. Вот только, к его несчастью, родился в семье члена Бронзовой гильдии. Что, как вы понимаете, если и не закрывает ему дорогу в Сословие Свободных Искусств, то, по крайней мере, делает ее невероятно долгой... Художники, как и многие другие, неохотно допускают чужаков туда, где пахнет славой и деньгами...

— Прекрасно вас понимаю, — сказал Сварог.

— Прекрасно. Вас не затруднило бы возвести его в дворянство? После того, как ваш предшественник одарил гербами целое скопище случайной швали, столь благородный жест бесспорно создаст вам репутацию покровителя искусств, подлинно светского человека...

— Ради вас, графиня, я готов и на большее.

— Невероятно талантливый мальчик. У меня дома стоит моя статуя его работы, я вам потом покажу.

— Я подозреваю, этот юноша еще и красив? — ухмыльнулся Сварог.

— Ох... — вздохнула графиня. — Такой милый, очаровательный, робкий мальчик... И гордый, никогда не брал моих подарков. Итак, на вас можно рассчитывать?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Купи газету, — велела графиня сидевшему на козлах лакею.

Тот свистнул мальчишке-разносчику, швырнул ему монетку и подхватил протянутый лист.

— Мне — то же самое, — сказал Сварог.

Газеты здесь существовали лет сто. Правда, они несколько отличались от тех, к которым Сварог привык, но, как он был уверен, в лучшую сторону. Масса конкретной, точной информации, детальное и дельное изложение событий — и полное отсутствие интеллигентских соплей, какие в прежнем мире Сварога бывали размазаны на целую полосу. Никто не расплывался мыслью по древу, не разоблачал покойных королей, не учил читателя жить и не навязывал своих точек зрения как единственно правильных. Придворная хроника, правда, была скучновата, как и неперменные колонки «Сегодня в наш город прибыли» и «Сегодня наш город покинули», что с лихвой искупалось невероятным количеством головоломок и шарад, порой весьма недурственных и заковыристых. Были там и результаты скачек, всех мыслимых боев — гусиных, петушинных, собачьих, итоги неисчислимых лотерей и спортивных состя-



заний. Положительно, Равена ничем не уступала ни Монако, ни Лас-Вегасу (где равенские жители наверняка освоились бы моментально).

По дороге то и дело попадались целые гирлянды вывесок букмекерских контор с неперменным добавлением, представленным внизу крупными буквами: «ЗДЕСЬ ВЕДУТ ДЕЛА ЧЕСТНО». Для неграмотных вывески были продублированы красными квадратами с черными контурами лошадей, гусей, игральных костей и кошельков. Понятное дело, патенты на право открыть игорный дом или букмекерскую контору стоили огромных денег и направляли в королевскую казну нескончаемый ручей золота. К вящему огорчению почтенных олдерменов из ратуши — они в свое время проглядели этот источник дохода, и ронерские короли, люди неглупые, объявили игорный промысел «коронной привилегией», прежде чем магистраты гербовых городов успели опомниться и отхватить свой кусок.

Коляска подъехала к золоченой ограде королевского дворца. Четверо Золотых Кирасир, несших стражу у распахнутых ворот, не шелохнулись, не повели и бровью — вышколенные дворцовые стражи, привыкшие оборачиваться живыми статуями. Правда, патриархальными нравами здесь и не пахло — стоило Сварогу пройти под руку с графиней в высокие ворота и сделать несколько шагов по широкой аллее, обрамленной подстриженными в виде львов темно-зелеными кустами, он заметил внутреннюю охрану. Рослые молодцы с равнодушными лицами, в сверкающих золотом голубых ливреях камер-лакеев, прохаживались там и сям, словно бы не замечая ничего вокруг, небрежно поигрывая длинными, увенчанными королевским гербом тростями из лакированного дерева. Сварог уже был наслышан о мастерстве здешних оружейников, наловчившихся прятать в такие трости и клинки, и пистолеты. Камер-лакеи попадались навстречу в самых неожиданных местах, кое-где их было больше, чем степенно гулявших придворных, — король, переживший четырех братьев-соперников, неплохо знал историю. А история учит: на одного венценосца, настигнутого кинжалом убийцы посреди оживленной городской улицы, приходится десятка полтора, убитых в собственном дворце, а то и в собственной спальне...

Где-то поблизости негромко играл оркестр. Очаровательно улыбаясь встречным дворянам, графиня быстрым шепотом то и дело наставляла:



— Можете вертеть головой, вы же провинциал, никто не удивится. Обнажите голову — на этом месте испустил последний вздох Эльгар Великий, традиция предписывает... Вон на том мостике, каменном, с барельефами, гвардейские офицеры закололи графа Сувазана, фаворита, дурно влиявшего на Магона Третьего... А в той вон беседке во времена Хродгара Красавчика барон Боклю застал с любовником свою ветреную супругу и зарубил обоих одним ударом, на каменной скамье до сих пор видна щербина от меча. Кое-кто уверяет, что призраки влюбленных до сих пор появляются в Календы Фиона, но я сама не видела...

Сварог старательно вертел головой, занятый своими мыслями.

— Обычно Делия в это время гуляла в сосновой роще, — тихо сказала графиня, когда они вышли к фонтану. — Эта поступает точно так же...

Все встречавшиеся им дружески раскланивались с графиней, устаивая Сварога лишь мимолетными взглядами, — но это, конечно же, не означало, что о его появлении не станут судачить. Более того — весть о его прибытии непременно попадет в газеты. Знать бы только, кто равнодушно пробежит взглядом колонку «Сегодня в наш город...», а кто...

— Помилуйте, какая неожиданная встреча! — раздался веселый голос.

Перед ними стоял герцог Орк — в зеленом бархатном костюме, с неизменной серьгой в ухе. Улыбнулся Сварогу весьма дружелюбно:

— Очень рад вас видеть, лаур, вот только не припомню вашего имени, уж не посетуйте...

— Барон Готар, к вашим услугам, — сказал Сварог, оценив его предусмотрительность.

— Ах да, в самом деле... — Он цепко глянул на Мару: — Эта очаровательная юная дама, должно быть, ваша племянница?

— У вас отличная память, — сказал Сварог.

— Рад познакомиться, лауретта. — Герцог поклонился Маре самым изысканнейшим образом. — Вы, кажется, спешите куда-то? Не смею задерживать, да и сам спешу... Принцесса Делия сейчас в сосновой роще. Да, принцесса Делия... — повторил он со странной интонацией. — Барон, навестите меня нынче же. Найдется о чем поговорить. Адмиральская, шесть. Для вас я всегда дома. Честь имею.



Он поклонился и зашепшил навстречу блондинке в палевом платье, показавшейся на боковой аллее.

— А с ним у вас какие отношения, графиня? — с интересом спросил Сварог.

— Никаких. Я лучше пойду в королевский зверинец и отдамся первому же леопарду. Будет гораздо безопаснее.

— Ого...

— Это страшный человек, — тихо сказала графиня.

— Почему?

— Потому что никто не в состоянии понять, что ему в конечном счете нужно от жизни. От таких следует ожидать всего, и финал бывает самым неожиданным...

Сварог вспомнил, что уже слышал от Гаудина что-то похожее.

Мимо плещущих фонтанов, украшенных позеленевшими медными статуями, и игрушечных замков в рост человека они прошли в основую рощу. Роща, конечно, была ухоженная и благоустроенная — мощеные дорожки, беседки, павильоны... Придворных здесь, в отличие от аллей, оказалось превеликое множество, и Сварог вскоре высмотрел центр притяжения — по дорожке прогуливалась Делия в сиреновом платье, увлеченная беседой с высоким представительным стариком в коротком синем плаще и мундире камергера, сплошь затканном золотыми королевскими лилиями.

— Герцог Сенгал, — тихо пояснила графиня. — Через подставных лиц владеет крупным торговым домом «Субур Насс и сыновья». Милорд Гаудин в последнее время начал им всерьез интересоваться.

— Почему?

— Иные корабли герцога подозрительно зачастили к берегам Диори. Давно уже идут слухи, что на Диори, если повезет сохранить голову на плечах, можно отыскать что-то связанное с магией Изначальных. Тех, кто населял Талар до прибытия наших предков...

— Я знаю, что такое Изначальные, — сказал Сварог. — Слышал краем уха...

— Между прочим, Сенгал из тех, кто держит сторону Делии. В последние дни они почти неразлучны.

— В последние дни? — задумчиво повторил Сварог.

— Он идет к нам...

Герцог раскланялся с графиней, и завязалась пустая светская болтовня, но у Сварога осталось твердое убеждение, что



Сенгала интересует главным образом Мара. Видимо, то же подметила и графиня, она быстро сказала:

— Займите беседой прелестную племянницу барона, герцога, я обещала представить барона принцессе. Нужно поспешить, пока вокруг нее никого нет...

Герцог охотно подал руку Маре и повел ее прочь. Сварог уставился ему вслед, сосредоточился...

За плечами герцога трепетали широко распахнутые крылья странных очертаний, не похожие ни на птичьи, ни на нетопырьи, сотканные словно бы из буроватого тумана, окаймленного широкой черной полосой. Временами угольно-черные вспышки превращали крылья в лоскуты непроглядной Тьмы. Как Сварог ни рылся в памяти, ассоциаций и параллелей подыскать не мог — эта разновидность зла знатокам Гаудина оказалась неизвестной. Но в том, что Сварог видит перед собой Зло, сомневаться не приходилось. Судорога невольного омерзения прошла его от макушки до пят, и он поскорее вернул себе обычное зрение. Итак, неведомое зло, имевшее прямое касание к черной магии, — но магия эта странная, неизвестная, не значившаяся в каталогах восьмого департамента...

— Что с вами? — прошептала графиня. — Быстрее, пока она одна!

И незаметно подтолкнула его локотком под ребра.

— Разрешите, ваше высочество, представить барона Готара...

Сварог низко поклонился, прижав шляпу к груди обеими руками, как того требовал этикет (наверняка эта церемония была придумана в старые времена, чтобы руки у подошедшего к царственной особе оказались занятыми). Выпрямился.

Делия была в точности такой, как на снимке. Только еще красивее. Она выглядела живой и настоящей, двигалась, улыбалась и дышала, как живой человек, ее грудь размеренно вздымалась, вокруг витал нежный аромат лучших духов...

Сварог всмотрелся.

Он приготовился увидеть все, что угодно, — и ничуть не удивиться при этом. Сколь угодно жуткое, омерзительное, непонятное...

И не увидел ничего.

Совсем ничего.

Мелодичный голос Делии доносился из пустоты, приятно пахнущей тонкими духами. До резей напрягая «третий глаз», удалось рассмотреть полупрозрачный контур. Так



рисуют человечков дети — ручки-ножки-огуречик... И все. Подобная разновидность нежити восьмому департаменту неизвестна.

От того места, где едва виднелся «человечек», уходила куда-то слабо светившаяся нить. Куда-то? Прямо в ту сторону, где уединился с Марой герцог Сенгал...

Рядом с ним вновь оказалась прекрасная принцесса, смотревшая на него чуть-чуть удивленно:

— С вами все в порядке, барон? У вас странный вид...

Графиня молниеносно пришла на помощь, хотя наверняка ничего еще не успела понять:

— Барон дрался на поединке, рана еще не зажила... — Она ухватила Сварога под локоть. — С вашего позволения, ваше высочество, мы удалимся, я отведу барона в беседку...

Видя, что они уходят, к принцессе обрадованно хлынули придворные, и никто уже не обращал на Сварога внимания. Следом за графиней он добрел до беседки и облегченно плюхнулся на позолоченную скамейку.

— Что с вами? — спросила графиня. — Действительно, лицо у вас, как у приговоренного к смерти... Ну? Что вы увидели?

— Ничего, — сказал Сварог. — Это и есть самое странное, понимаете? Это не оборотень, не замаскированная колдунья, там вообще ничего нет. Никакой индивидуальности, никакой личности, если можно так выразиться. Я не понимаю, что это такое. Однако оно как-то связано с Сенгалом...

Графиня устала на него, по-детски приоткрыв рот:

— И что же делать?

— Искать настоящую Делию, — сказал Сварог.

— Барон, вы великолепны!

— Это я от безнадежности, — ответил он. Появилась Мара, уселась рядом и тихонько фыркнула, оглядываясь на аллею.

— Ну, и о чем мы там так мило ворковали? — спросил Сварог, в трех словах изложив ей результаты своих исследований.

— Приглашал в любое удобное для меня время осмотреть его коллекцию драгоценностей, — доложила Мара. — Пожилал взглядами, брал за ручки, в аллее обнял и погладил, подлец, по бедру. По девственному. И все это было проделано с большой сноровкой и изяществом.

— А ты?

— А я смущенно опускала глазки и лепетала, что кто-нибудь может увидеть.



— Ну понятно, — сказала графиня. — Высмотрел провинциалочку, жеребец. Он у нас славен мастерским совращением юных красоток. Может, так и сделаем, барон? Пошлем к нему девочку? Ведь разнежится, старый глист, язык распустит...

— У меня и мертвый заговорит, — заверила Мара.

— Нет уж, — сказал Сварог.

— Ну, тогда можно его попросту убить, — предложила графиня.

Мара оживилась.

— Зачем?

— Предположим, именно он — главный виновник происходящего. Или один из главных. Если он вдруг умрет, среди сообщников обязательно начнется тихая паника, они засуетятся, покажутся на свет, наделают ошибок. Исчезнет эта странная связующая нить меж ним и двойником, которую вы усмотрели...

— В этом что-то есть, — сказал Сварог. — Вот только сначала нужно найти сообщников и присмотреться к ним...

— Правда, у него охрана немногим хуже королевской. Даже здесь за ним ходят.

— Ну, это работа для меня, — сказала Мара. — Он у меня...

— Не спешите, милые дамы, — сказал Сварог. — Дедушка довольно неприятный, я согласен, но нужно осмотреться... Сделаем так. Если у вас нет других планов, вы едете домой, а меня по дороге высаживаете на Адмиральской.

— Герцог — опасный человек...

— Потому-то я с него и начну, — сказал Сварог.





Глава 7



БЕСПУТНЫЙ ВНУК ДОБРОПОРЯДОЧНОЙ БАБУШКИ

На Адмиральской Орк занимал довольно скромный двух-этажный особнячок из темно-красного камня. Но место было выбрано крайне умно: нечетной стороны улицы не было вообще, там протянулся незастроенный пока пустырь. А на четной с одной стороны высилась глухая стена чьего-то богатого поместья, с другой — уныло красовались остатки фундамента начисто сгоревшего дома. Того, кто вздумал бы следить за особняком Орка, увидят за версту. И не подтянешь незаметно отряд для внезапного нападения.

Сварог помахал вслед коляске, за которой браво рысила кучка прихлебателей — как они коней-то до сих пор не пропили? Поднялся на узкое крыльцо, дернул широкую вышитую ленту звонка. Внутри звонко брякнул колокольчик, дверь, обитая медными гвоздями шляпка к шляпке, моментально распахнулась.

За ней стоял украшенный кинжалами и пистолетами субъект со столь располагающей к себе физиономией, что руки сами тянулись убрать подальше кошелек и подвинуть поближе рукоять меча.

Сварог глянул через его плечо. В прихожей стояли еще пятеро, не менее благообразные.

— Ну? — спросил привратник.



— Барон Готар, — сказал Сварог.

— Проходите, ваша милость, как же, имеем указание... Вот к этому прохвосту не поворачивайтесь той стороной, где у вас кошелек — у него грабки работают независимо от ума. А к этому, я невероятно извиняюсь, не стоит поворачиваться жопой. Вот в это кресло располагайтесь. Ваш стакан. «Кабанья кровь» или «Слезы красавицы»?

— «Слезы», — распорядился Сварог, преспокойно усевшись. — Где герцог?

— Наверху, изволит охаживать маркизу. Не беспокойтесь, получили строжайший приказ в случае вашего появления незамедлительно сдергивать его сиятельство с любой маркизы. Грошик, живо!

Тот, кого называли Грошиком, опрометью кинулся на второй этаж. Сварог отпил великолепного белого вина — нет, дряни они здесь не держали, — оглядел выжидательно уставившихся на него головорезов и спросил:

— А не скажете ли вы мне, бравы ребяташки, как бы вы искали в городе девушку, как две капли воды...

Тот, что впускал его, прямо-таки взвыл:

— Ваша милость, и вы туда же?! Да не знаю я, с ног вконец сбились!

— Поднимайтесь сюда, друг мой, — раздался с галереи голос Орка. Он стоял, в картинно-небрежной позе опершись на перила, без кафтана, в кружевной рубашке. — Рад вас видеть.

— А маркиза? — спросил Сварог.

— Подождет, стервочка. Поднимайтесь.

Он провел Сварога в небольшую красную гостиную, указал на кресло:

— Садитесь. Наливайте, что хотите, выбор богат... Итак, рад вас видеть, лорд Сварог... и весьма удивлен был, увидев вас. Неужели Гаудин вас так быстро завербовал? Да не мнитесь вы, как застенчивая целочка! Все равно не поверю, что вы заявили сюда поправить расстроенные нервы. В компании с одной из гаудиновских кошек-убийц и его верной Маргилены? Не смешите! Тоже ищите Делию? Значит, они решились все же очистить три королевства? И благородство сего предприятия вас не могло не увлечь...

Сварог сказал наугад:

— Вы представляете, что Гаудин сделает, если...

— Представляю, — сказал Орк. — Прекрасно представляю. На свою беду, я переиграл с образом волка-одиночки, и пози-



ции мои довольно шатки... Но я и не собираюсь вам мешать, граф! Я вам готов со всем усердием помогать в меру сил и возможностей. До некоей точки...

— И карты на стол? — спросил Сварог.

— Все до одной, — заверил Орк. — Помните, я предлагал вам вместе приняться за серьезные дела? Повторяю предложение.

— Конкретно?

— Предположим, вы находите Делию, достигаете Ворот и отправляете эту нечисть в небытие... Что потом? Кому будут принадлежать освободившиеся земли? Ронеро? А с какой стати? Только потому, что она умная и красивая? По-моему, ей можно предложить другую, довольно выгодную сделку: мы спасаем ее и делаем так, что ее восстанавливают в правах. И все.

— Кому же достанутся три королевства?

— Нам с вами, — сказал Орк. — Там три королевских короны. Три плохо делится на два, но это лишь начало. Будут новые приобретения, и они позволят поделить короны более гармонично.

— Лихо, — сказал Сварог.

— Только не подумайте, что это — авантюра. Я долго все обдумывал. Вы на собственном опыте убедились, что законы Империи не запрещают ларам становиться на земле баронами... и королями. Подданные у нас будут, немало найдется охотников поселиться на освобожденных от нечисти землях. Там множество городов, пусть и пришедших в запустение. Замки и пашни, богатые рудные залежи. К нам хлынет масса народа, от герцогов до навозников. Вы ведь, наверное, согласитесь, что у обитателей летающих замков совершенно нет будущего? Думали об этом?

— Думал, — сказал Сварог. — Согласен.

— Вот видите. При умелой постановке дела к нам присоединится и часть ларов. О, я вовсе не собираюсь свергать нашу очаровательную императрицу. Нет необходимости. Пусть блистает, как ей и положено. Есть более деликатные способы неспешно и надежно взять их за глотку... Понятно, потребуются долгие годы. Но у нас, в отличие от земных жителей, впереди — несколько сотен лет. Для одного — неподъемный труд, а вот вдвоем стоит рискнуть. И на Сильване есть люди, с которыми можно договориться. Между прочим, две планеты прекрасно делятся на два.



— А зачем? — спросил Сварог. — Можете вы объяснить более-менее внятно, зачем затевать все это?

— Не могу. Но у меня есть два веских аргумента. Во-первых, никому не станет хуже. Вы ведь понимаете, что лары искусственно тормозят на земле развитие науки и техники?

— Я подозревал, — сказал Сварог.

— Правильно подозревали. Добрая половина наших агентов занята исключительно тем, что бдительно надзирает за состоянием науки, техники, инженерного дела. Вам не доводилось еще видеть снольдерских паровозов? Они двигаются по четырем рельсам.

— Но зачем?

— Лишний расход металла, лишняя нагрузка на промышленность, и без того слабую. О, никто не предписывал и не указывал... Просто серьезные ученые, именитые, титулованные, с помощью всей здешней математики доказали: паровоз, если поставить его всего на два рельса, непременно сойдет с них, едва тронувшись с места. Объяснять вам, кто мягко и ненавязчиво сделал этих светочей науки высшими авторитетами, или сами догадаетесь? А пароходы? Знаете, отчего до сих пор не приделали к ним винт? Да потому, что еще один непрекращаемый авторитет в области судостроения наглядно доказал королю несостоятельность такого движителя. Он спустил на воду судно, где винт был приделан спереди — огромный, в тех же масштабах, что на самолете... Ничего удивительного, что первое же испытание этого монстра показало полную несостоятельность винта в роли судового движителя. Примеров множество. Можно отыскать перспективных молодых гениев, пока они еще юные и голодные... О, их никто не убивает. Достаточно осыпать золотом и направить их энергию на создание заведомо мертворожденных идей и проектов. Или спойть. Или устроить карьеру, богатую невесту, пост при дворе, дабы отвлечь от работы. И, наконец, можно забрать наверх, поймав на самую страшную приманку — обилие знаний. Бедняга глотает знания, пока не сообразит, что все усвоенное он применить на отсталой земле просто не в состоянии. И в Магистериуме появляются новые преданные служители...

— Позвольте, почему же Снольдеру не воспрепятствовали делать пулеметы и самолеты?

— Потому что и пулеметы, и патроны к ним, и самолеты производят чуть ли не вручную, по штучке. Они дороже зо-



дота, и наладить сколько-нибудь массовое производство нет возможности. Зато налицо резкий технологический разрыв: в иных странах еще в ходу арбалеты, в другой — смастерили вооруженный легким орудием автомобиль. Отчего возникают самые разнообразные коллизии, соперничество...

— И что же ваше «во-вторых»?

— Во-вторых... Во-вторых, никто не задумывается, что поток апейрона, на коем зиждется благополучие ларов, может и иссякнуть. Пока такие предположения не вышли из стадии тщательно засекреченных гипотез, но игнорировать их нельзя. Даже если это произойдет через сотни, тысячи лет, нужно подготовиться. Магия подчиняется, если подумать, тем же законам, что и солнечная активность, глобальные изменения климата... Как вам мои аргументы? И еще. Каких бы ошибок мы с вами ни натворили — лучше действовать ошибаясь, чем сохранять старый порядок вещей. Империя в нынешнем ее виде себя изжила.

— А я-то считал вас вертопрахом... — сказал Сварог.

— Многие до сих пор считают меня пустым авантюристом, и это мне только на руку... Что скажете?

— Это серьезно, — сказал Сварог. — Весьма серьезно... А как нам быть с Князем Тьмы? С Горротом, наконец?

— Не преувеличивайте ужас, исходящий от Князя Тьмы. А Горрот... Горрот на какое-то время может стать надежным союзником и противовесом иным силам. Как и тот, чье имя вы произнесли с таким отвращением.

— Бывают противовесы, с которыми лучше не связываться, — сказал Сварог. — Сунешь пальчики в рот — и не заметишь, как челюсти руку по плечо заграбастают...

— В таком предприятии невозможно обойтись без риска. У вас, лорд Сварог, есть одно ценнейшее качество: на вас не действует...

— Я знаю.

— Ого! Они решились вам это рассказать?! Не ожидал от них, право... Но так даже лучше. Теперь вы понимаете, что станете равноправным партнером. А Делия... Ну почему она непременно должна остаться в живых после совершения столь славного подвига?

— Вам ее не жаль?

— Вы пришелец, — сказал Орк. — Вы недавно здесь. Будь вы с раннего детства воспитаны, как лар, на многое смотрели бы иначе. Вы собственно, юнец-лар. В юности мы все жалостливы



и сентиментальны. Но став старше, осознаем: за время твоей жизни на земле сменится два десятка поколений, у нас еще не появится новой морщинки, а тысячи девушек, не менее очаровательных, чем Делия или Арталетта, превратятся в седых старух. Внизу живут быстро... Что вам Делия? Через тридцать лет вы ничуть не изменитесь, а она или ваша Мара... — улыбка Орка стала слегка напряженной. — И потом, вы — мой должник, лорд Сварог. Вы не знали? Навьи, которых вы спалили в поместье Мораг, были, строго говоря, не ее, а мои. Проба сил, легкая разминка. Вы мне помешали, уничтожив навьев и убив Гарпага, который мне еще пригодился бы...

— А вы знаете, кому служили Мораг и Гарпаг?

— Они служили в первую очередь мне. А кому они поклонялись в свободное время, меня ничуть не интересует. Все эти байки насчет Зла и Добра...

— Где остальные навьи?

— Вы же спалили всех, — пожал плечами Орк.

«Врет, — подумал Сварог, придавая лицу безразличие. — Никак не могло случиться, чтобы воскрешением навьев занимались одновременно два разных человека. Возможно, Орк причастен ко всему случившемуся в Ямурлаке. Если Борн и Фиортен на его совести, это многое меняет. Меняет все. Очень уж коварная вещь — уступки. Сначала вступаешь в вынужденный союз с тем, кто тебе весьма не по нраву, переступаешь через Борна, потом — через золотоволосую принцессу, ну а там легко и незаметно привыкаешь переступать через трупы, не ужасаясь ни их количеству, ни знакомым лицам. А за пределами доски настойчиво маячит черная тень...»

— Что вы знаете об исчезновении Делии и этом... двойнике? — спросил Сварог.

Орк вертел стакан, не спуская глаз с его круглых боков, украшенных желтыми и синими стеклянными медальонами.

— Лорд Сварог... — сказал он, не поднимая глаз. — Вы прекрасно понимаете, что я не буду брать с вас никаких клятв. Если вы решите меня обмануть, вас не остановят никакие здешние клятвы, а тех, которые вы не смогли бы нарушить, я не знаю, не могу даже сказать, есть ли такие... Вы знаете достаточно. Делия нужна мне для моих целей. Если вы станете мне мешать, превратитесь во врага. Я рискую — и рискну. Однако вы должны осознать: если вы обманете, станете мне противостоять, у вас не будет более страшного и упорного врага, чем я. У меня останет-



ся в жизни одна цель — уничтожить вас. И если не удастся до вас добраться... или — пока не удастся добраться до вас самого, я буду уничтожать все, что вам дорого. Я никогда не шучу такими вещами и не бросаюсь словами зря...

— Я это прекрасно понимаю, — сказал Сварог. Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Это Сенгал, — сказал наконец Орк. — Мне на Диори не повезло, а вот его люди что-то нашли и ухитрились унести ноги. Молва упорно твердит, что именно на Диори скрывались последние Изначальные, что остров отнюдь не случайно покрыт вековыми льдами, возникшими вовсе не благодаря усилиям природы... Я потерял два корабля из трех и половину людей с третьего... Ладно, это моя головная боль. Сенгалу повезло. Вопреки всем байкам, самое ценное, что можно отыскать на Диори, — книги. Магические книги Изначальных. Сенгал добыл, самое малое, одну. Между прочим, он умеет читать на языке Изначальных. Я тоже. И даже некоторые земные книжники... Но во дворец к Сенгалу не смогли проникнуть даже... словом, люди, умеющие одолевать ограждающие вход заклятия. Его библиотека словно закрыта невидимой стеной.

— Вы имели в виду людей Стахора?

— Да. Итак, книга у него. Созданный им двойник Делии — продукт иной, чужой магии, искусства Изначальных. Сенгал держит при себе какого-то стагарского колдуна, вдвоем они неплохо сработали... Вы, должно быть, поняли уже, почему настоящую Делию ищут все разведки Талара? К Кодексу Таверо серьезные люди всегда относились с большим доверием. Кстати, предсказания лишены непреложности. Рядом с Делией может и не оказаться Серого Рыцаря...

— Значит, многим стало известно о двойнике?

— Конечно. В любом государстве найдутся люди, обладающие познаниями в магии, достаточными, чтобы распознать на месте прежней Делии... Словом, к вашему появлению тайны, считайте, и не осталось. Один Конгер ничего не подозревает. И если Сенгалу удастся отыскать настоящую принцессу раньше нас, после смерти короля на трон взойдет кукла. Кукла Сенгала... Отправьте к нему вашу девчонку. Возможно, ей удастся добыть книгу, а самого герцога...

— Нет.

— Да вы понимаете... К чему это чистоплюйство?

— Предложите что-нибудь другое, — сказал Сварог.



— Придется... — махнул рукой Орк. — Я по примеру Гаудина сам начал дрессировать юных красоток — конечно, пантерам Гаудина они в подметки не годятся, но для здешних сойдут... Одна такая прибудет дня через три — пришлось отправлять ее чертовски кружным путем, чтобы Гаудин не разнюхал. Кроме того, через несколько дней сюда придут люди Стахора и привезут милейшую зверюшку, которая непременно вынюхает Делию. Ах, если бы вы знали, до чего умен и изобретателен Стахор, работать с ним — удовольствие.

— Зачем же я вам, если все решено?

— Ну, во-первых, лучше работать вдвоем. Во-вторых... Я тоже серьезно отношусь к работам Таверо. И склонен думать, что Серый Рыцарь — это все-таки вы. Возможно, без вас просто не обойтись. Ее же нужно как-то доставить к Воротам, и идти придется через Шагана. В Шаганае недолюбливают и меня, и Стахора. Я предельно откровенен, как видите. Что, по рукам?

— По рукам, — сказал Сварог.

«Похоже, я наконец научился лгать с непроницаемым лицом, — подумал он, выходя из особняка Орка. — Но что прикажете делать? Орк начал первым. И связался с черными силами, от которых нужно держаться подальше...»

Сварог задумчиво шагал по улицам, высматривая извозчика, но они, как назло, сквозь землю провалились. Смеркалось. Фонари на ночь зажигали далеко не на всех улицах, и здесь их почти не было, но грабителей Сварог не особенно боялся — на трезвых и вооруженных рыцари удачи предпочитали не нападать...

Он не сразу сообразил, чего ему хочется, а сообразив, не на шутку удивился.

Так и подмывало претворить в жизнь весьма странное желание: вынуть из кармана кошелек, бросить его на землю и побыстрее уйти, не оглядываясь. Самому ему такое и в голову не пришло бы. Кто-то внушал ему такую мысль...

Улочка, по которой он шагал, была безлюдна, по обе стороны расположились купеческие лабазы — глухие стены без окон, такие, что и пушкой не прошибешь, высоченные заборы, усыпанные битым стеклом.

Медленно вынув кошелек, Сварог бросил его на землю и пошел прочь. Сосредоточился. Резко шагнул вбок. Теперь тот, кто крался за ним следом, видел быстро удалявшегося двойника, а самого Сварога видеть не мог. Если только незнакомец



был слабее в магии. Однако здесь попадают крепенькие самородки, как ни бдят наверху...

Нет, самородок все же оказался слабеньким. Худая фигура в низко нахлобученном на глаза бонилоне, явно не замечая Сварога, кинулась к кошельку. Сварог подождал, пока тот подберет туго завязанный кожаный мешочек, вышел из невидимого состояния. Аккуратно взял воришку правой рукой за глотку, а левой за правый локоть, спиной вперед протащил, наступая, до ближайшей стены, притиснул к ней и вежливо спросил:

— Тебя мама не учила в детстве, что воровать нехорошо?

Пленник так ошалел, что не сопротивлялся вовсе. Сварог рассмотрел молодое худое лицо с редкими кошачьими усиками, бляху Бронзовой гильдии — содержатель домашней птицы, надо же...

Застучали копыта — неведомо откуда возник разъезд городской стражи. Двое всадников проскочили мимо и остановились поодаль, третий присмотрелся, держа копье наготове:

— Что такое?

— Морду бью, — сказал Сварог. — Свои счета. Он не жалуется. Ты ведь не жалуешься?

Пленник молчал.

— Видите, не жалуется, — сказал Сварог. — Сами обойдемся, без всякой полиции...

Стражник оглядел обоих. Вообще-то «бордовые», служившие при ратуше, старались, как могли, вытаскивать горожан из стычек с дворянами, но пленник Сварога не просил помощи, и это сбивало с толку. Всадник махнул рукой, не желая впутываться в непонятное дело:

— Ладно, только чтобы без трупов...

Все трое пустили коней рысью и исчезли за поворотом.

— Сдай я тебя как вора? — спросил Сварог.

— Магистратский суд, — уныло ответил пленник.

— А как колдуна?

— Королевский суд, а то и Багряная Палата...

— Оценил мое великодушие?

— Оценил.

— Не благодаришь, пощады не просишь... — задумчиво сказал Сварог. — Гордый или понимаешь, что придется отслужить?

— Понимаю. Только уговор — без мокрого... И без педерастических штучек.



— Сплю я только с женщинами, а убивать умею и сам, — сказал Сварог. — Попробуешь убежать, только хуже будет.

— Понял...

— Тогда шагай рядом, как застенчивая невеста, и рассказывай — как ты докатился до такой жизни и почему тебя, соколика, до сих пор не изловили охотники за колдунами. Только без вранья, не пройдет...

Тот нехотя и вяло принялся рассказывать. Выяснилось, что зовут его Паколет, потомственный вольный горожанин, двадцати четырех лет от роду. Родитель с мамашей пятнадцать лет назад подались искать счастья на Бран Луг, да так и сгинули — ни весточки, ни их самих, хотя бабка уверяет, что живы и не особенно бедствуют. Кое-какое колдовское умение досталось как раз от бабки, ухитрявшейся всю жизнь остаться незамеченной охотниками за колдунами и передавшей это умение внуку. С честным трудом, бойцовыми гусями, которых бабка разводила, как-то не заладилось. Военная служба не привлекала, на Острова не тянуло, особых талантов, позволивших бы попытать удачи и сменить гильдию, не отыскалось. Одним словом, получился прибалтанный шалопай. Первое время вертелся возле гусиных боев и игорных домов, но потом стало ясно, что его способности вот-вот вывяжут. И хорошо еще, если сразу прикончат, — могут втянуть шестеркой в крайне серьезные дела, где конец будет еще печальнее. Шустрый юноша осторожно, не увлекаясь, стал заниматься кражами, благо бабка неосмотрительно передала внуку старинную колдовскую премудрость — открывать без ключа любой замок. Стоило прохвосту наложить руки и сосредоточиться, как сам собой отворялся любой хитроумный запор...

Конечно, выложил он не все — но рассказал достаточно. И не врал, как мгновенно определил Сварог.

— Вот такие дела... Что предлагать будете, ваша милость?

— Предлагать... — рассеянно повторил Сварог. — Друг ты мой, а есть ли у тебя настоящая мечта?

«Нужно сколачивать команду, вот что. Леверлина в Равене может не оказаться. Дворяне Маргилены не годятся — люди верные, но свыклись с блаженной жизнью мелких прихлебателей. Одной Мары мало — не всюду ее пошлешь. Нужны четыре-пять человек, накрепко привязанных к нему надеждами на будущее вознаграждение, не особенно благонравных и решительных. Но вербовочного пункта не откроешь и объявление в газету не дашь...»

— Мечта? — задумался Наколет. — Да надоела такая жизнь, вот и все. Купить бы хороший домик под городом с куском земли, нанять бабке служанку, чтобы смотрела за любимыми гусями... Я бы давно это устроил, да бабка на ворованные деньги не соглашается. И плешь давно проела, требует завязать. Говорит, людям вроде нас, с нашими способностями, ворованное счастья не приносит, а сулит одни беды. Вообще-то не она одна так говорит...

— Домик — это пустяки, — сказал Сварог. И деньги будут... ну, не то чтобы благородные, но добытые честно.

От прежнего барона ему досталось четверть миллиона ауреев в золоте и камешках. Богатства эти покойник с хомячьим упорством стаскивал по зернышку в три равенских банка, и Сварог оказался единственным наследником.

— А что делать?

— Сам не знаю, — сказал Сварог.

— Я не заложу. В полицию как-то не с руки, могут и вычислить, что за душой. Пока обходилось, да бабка что-то загрустила, говорит, не к добру все это. Самое время к кому-то прибиться. А от вас, ваша милость, черным вроде бы не пахнет...

— Говорю тебе, сам еще не знаю, что будешь делать, — сказал Сварог. — Зайдем сейчас в одно заведение, кое-что и обсудим.

Остановившись у ярко освещенного входа, прямо под вывеской, изображавшей жену боцмана, Сварог подтолкнул локтем привратника:

— Не узнаешь? Зазнался?

— Ваше сиятельство!

— Тихо, — сказал Сварог. — Здесь я — барон Готар.

— Тетка Чари вас как раз поминала, а вы — вот он...

— Она здесь?

— Скоро будет. Прошу, ваша милость, прошу! Этот с вами? Ну тогда ладно... Да, а капитан Зо жив оказался, слышали?

— Слышал, — сказал Сварог.

Они с Паколетом уселись в дальнем углу. Заведение первого разряда — высокие зеркала, чистехонькие скатерти на столах, резные дубовые панели, позолота, хрустальные люстры... Ничего похожего на продуваемый сквозняками, разошедшийся и прогнивший дом в Руте. Паколету было неуютно, но Сварог толкнул его ногой под столом и шепнул:

— Делай вид, что ты переодетый граф...



Он сунул мордотому лакею золотой и велел отправить кого-нибудь в дом графини Дино, передать, что барон жив и здоров, но задержится. Потом заказал хороший ужин, благо и сам успел проголодаться. И понемногу, в промежутках между блюдами, рассказал почти все — о том, что произошло с принцессой, о том, что он ее ищет, о том, что с найденной принцессой предстоит отправиться в три королевства. И даже о том, что он — лар. Он лишь не стал посвящать собеседника в сложности большой политики...

— Хитрющий вы человек, ваша милость, — сказал Паколет с крайне печальным видом. — Теперь я к вам пришит намертво. И не сбежишь, и не продашь. Выложи я все это любой серьезной конторе, проживу ровно столько, пока они не убедятся, что больше я ничегошеньки не знаю... Таких свидетелей на этом свете ни одна полиция долго не держит...

— Зато будет домик, — сказал Сварог. — А хочешь — дворянство. Уж извини, я за тобой не гнался, за шиворот не хватал, сам на меня набежал... Боишься?

— Еще бы.

— Это хорошо, — сказал Сварог. — Главное, чтобы ты боялся в меру. И люди, что будут работать со мной из одного страха, мне не нужны. Лучше уж сразу распрощаемся и разбежимся по-хорошему. Так что — подумай.

— Уже подумал. Ронерцы, ваша милость, люди азартные и рискованные, а равенцы — особенно. Вот оно что... Может, с бабкой посоветуемся? Увидит, что я взялся за благое дело, — дурного не присоветует...

— Непременно, — сказал Сварог. — Ты, значит, слышал что-то краем уха?

— Ага. Мудрено было бы не услышать. Тихари оживились неслезанно, и наши, и от сопредельных соседей, и от соседей дальних, и вообще непонятно кто шныряет... Перетрясли всю «ночную парикмахерскую», то есть...

— Тех, кто кошельки по ночам, — догадался Сварог. — И днем тоже... Что у вас обо всем этом говорят?

— Да болтают, что отыскалась какая-то девка, как две капли воды похожая на принцессу. Велено ее изловить и доставить ко двору, чтобы работала двойником. В старину у каждого приличного короля, а то и вельможи, были двойники — здорово помогает против покушений. Ну а в том, что такую девку ищут соседи, нет ничего удивительного — она и им пригодится на предмет



заговоров. Только наши, кто поумнее, считают, что все запутанней — очень уж много шума из-за какой-то похожей девки... Значит, говорите, она еще в городе? Нам бы еще парочку латро*...

— В каком смысле?

— В смысле — солдат. Я так понимаю, вы хотите собрать человек несколько на манер верных оруженосцев? Лучше всего поискать Вольных Топоров или отставников из армии. Тех, кто сейчас не у дел, а денег не скопил и сидит на мели. И не юнцов, а людей в среднем возрасте — они битые-перебитые, любопытствовать отучились давно и за приличную плату работают, как обученный мясницкий пес: зря не гавкают, мимо ноги не цапнут и спят на одно ухо...

— Неплохая мысль, — кивнул Сварог. — Где их проще всего искать стоит?

— На постоялых дворах и в порту. Хозяйственные, что скопили денежек и решили расплываться с акиллой ради домика в предместье, тут не годятся. Нужны те, кто прокутился и ждет удачи. Прикажете поискать?

— Не спеши, — сказал Сварог. — Хозяйка этого заведения получше тебя разбирается и в портах, и в латро...

— Она и впрямь такая, как на вывеске?

— Вон она идет, оглянись и сравни.

Паколет обернулся:

— Ну, если она и впрямь жена боцмана, боцман не на торговом корыте служил и ловил отнюдь не рыбку...

— Уж это точно, — сказал Сварог.

К ним приближалась тетка Чари, в черном атласном платье пониже колен, с бляхой Серебряной гильдии на груди, чуточку даже помолодевшая и выглядевшая гораздо пикантнее. Лакея, по неловкости налетевшего на нее спиной, она, совершенно как в былые времена, ткнула кулаком в поясницу и тихо пожелала схватить якорь в задницу. Остальные зашмыгали по залу еще проворнее. Нет, от прежних ухваток она отрекаться не собиралась.

— Вот так гость! — на лице была искренняя радость. — Не помню только, как вас титуловать...

— Барон Готар, — сказал Сварог.

— Ах ты! Значит, это вы того кабана и проткнули? Слышала, как же. Туда ему и дорога. — Она села рядом со Сварогом, махнула лакею: — Ратагайского сорокалетнего, живо! — и показала пальцем на потолок: — Значит, добрались благополучно? По правде говоря, и обрадовалась же я, узнавши...

— Как вы ухитрились?



Тетка Чари понизила голос:

— Я тут привадила одну клушу. Баронесса, из титульных. Муж служит по таможенному департаменту, вдруг да пригодится когда-нибудь... Ну, подарочки-наливочки... И позволила она мне в знак особого расположения глянуть в телевизор. А в телевизоре показывают торжественный выход императрицы, и за ней среди прочих шествует один крайне мне знакомый путешественник, быстро промелькнул, да у меня глаз острый. Нет, как вы на графа Гэйра похожи...

— Оказалось все же, сын, — сказал Сварог.

— А я что говорила? Неспроста было такое сходство... Знаете, что Зо живехонек, и на дне там лежал вовсе не «Божий любимчик»?

— Знаю.

— Ну вот, а наделали шума, не опознав толком стены. Что с вас взять, сухопутных, да и воздушных вдобавок... Капитана Зо на дно пустить трудно, я еще тогда сомневалась — Она покосилась на Паколета. — А это тоже милорд? Нет, местный, по роже видно... Выходит, вы опять в делах и хлопотах?

— И в нешуточных, — кивнул Сварог. — Вы-то как?

— А что я? Недельки через две, как вы нас покинули, собралась и я в дорогу. Вот, позавчера открылись, последний политес навели. Чуть не все накопления убухала. Тут, как видите, трактир, рядом и на втором этаже — комнаты для проезжающих из чистой публики, и никаких клетушек с девками, и никакой дурной травки. Конечно, к себе приличный постоялец может водить, кого хочет, лишь бы выглядели пристойно и гостили тихо. А вот травку — ни в каких видах. Перека вон в ливрею обрядила, идет она ему, как зайцу лангила. Сама приписалась в Серебряную гильдию, подол чуть не до колен, лет двадцать назад бы такую юбчонку... Полицейские уже в гости заходили, не ниже квартального, дворяне в трактир потянулись, постояльцы есть, денежка закапала... — Она вздохнула. — И отчего-то, граф, моментально накатила дикая скука... Думала, жить станет весело и легко, а скука уже заедает до полной невозможности, что дальше будет, и думать боюсь...

— Присоединяйтесь ко мне, — скорее шутя сказал Сварог. — Весело будет, ручаюсь...

— А что вы такое затеяли на сей раз? Знаю я ваши дела — если хоть немного удались в папашу...

Вот уж в ней Сварог был уверен, не выдаст и не подведет. Склонившись через стол, он фразах в десяти изложил суть



дела. Тетка Чари ошарашенно слушала, потом запустила столь соленую руладу, что два лейтенанта Малиновых Драгун за соседним столиком покосились на нее с уважением и завистью.

— Живут же люди! — восхищенно охнула она. — С ума сдвинуться, что заворачивают! — и поскучилась. — Скука скукой, да не сняться мне с вами, граф, отяжелела в корме, с мели не сойду, да и страшновато опять пускаться в такие дела... Но помочь — всегда пожалуйста. Денег у вас, конечно, завались, значит, одалживаться не будете... Может, что узнать, потолкаться в порту? Я уж там кое-кого встретила...

— Мне бы наемника, — сказал Сварог. — А лучше двух. Серьезных, солидных и готовых на все без лишних вопросов и колебаний.

— Парочку сразу не обещаю, а один найдется прямо сейчас. У меня на постое. Второй этаж первым отделали, и пока трактир еще не открылся, я уж три недели постояльцев пускала... Товар первостатейный. Въехал он сюда, что твой герцог, весь в золоте да три недели золотишко это и спускал, пока не остался в одном исподнем. Капрал Шег Шедарис, из Вольных Топоров. А почему первостатейный? Потому что пятнадцать лет в Топорах и живой, до капрала дослужился. Трусов они быстро раскусят и моментально выгонят, так что, если мужик полтора десятка лет отмахал железом и остался не особенно и продырявленным, при трех медалях, это о нем малость говорит... И потом... Пропился он, обормот, до исподнего, сапоги спустил и опустевший сундук — но из оружия и амуниции хоть бы дрянный шомпол тронул... Я уж его, грешным делом, хотела к хозяйству с какого-нибудь боку присовокупить, мужчина видный и с понятием насчет скучающей вдовы... Да уж ладно, забирайте. Сейчас-то разговора с ним не получится, похмелился последним поясом с серебряными цацками, а завтра я его возьму в оборот, полечу рассольчиком... Нет, ну дела! Принцессу я видела. Красивая девка, жалко. Вы в порту не искали? Да нет, в порту знали бы, то есть я бы непременно знала... Да, а ведь у нас в Руте через неделю после вашего отбытия была добрая потеха! Князь со своими орлами налетел-таки на Готар, все из себя в боевом азарте, а в Готаре старого барона уж под забором закопали, управители от нового, то есть от вас, вовсю распоряжаются, народишко от ваших щедрот до сих пор не протрезвел — одним словом, полные реформы со снижением податей и хмельными надеждами...



15 И 14

— **В**от тут останови, — сказал Паколет извозчику, спрыгнул и завоzilся у щеколды.

Во дворе бдительно загоготали проснувшиеся гуси.

— Подождешь, — приказал извозчику Сварог. Тащиться назад пешком не хотелось.

— Отчего же не подождать, хоть до утра, если монета ответственная... — Извозчик поудобнее устроился на облучке, свесил голову на грудь и моментально задремал.

Следом за Паколетом Сварог вошел на темный двор, замощенный досками. Справа, в загородке из жердей, беспокоились гуси, гоготали и вытягивали шеи в дыры. В маленьком деревянном домике горела тусклая лампа, свет пробивался под дверь мерцающей полоской. Над входом висели в ряд пучки сушеных трав — корнями вверх.

Они вошли. В комнате бабушки не оказалось никаких атрибутов колдовского ремесла — обычная комнатка небогатой опрятной старушки. Сварог ступил на домотканый коврик, лежавший у низкого порога — и в комнате раздался высокий, певучий звук, словно кто-то задел висевший на стене виолон. То ли пение потревоженной струны, то ли стон. Сварог прыгнул в сторону, и непонятный звук оборвался.

Старуха медленно встала. С морщинистого лица на Сварога смотрели молодые глаза строгой учительницы. И тут же низко поклонилась, прижав обе руки к груди:

— Добро пожаловать, светлый король...



— Ух ты, сработало! — восхищенно прошептал за спиной Паколет. — А я думал — чудит бабка...

— Вы, бабушка, меня ни с кем не путаете? — спросил Сварог.

— Камень не путает, — сказала старуха.

Теперь Сварогу припомнилось, что нога и в самом деле наступила на какой-то лежавший под ковриком посторонний предмет. Он нагнулся, поднял край половичка — там лежала широкая каменная плитка, плоская, почти квадратная.

— Осколок Асконского камня, — как о чем-то совершенно будничном, сказала старуха. — А камень этот, ваше величество, исстари славился тем, что стонал, едва его касался тот, кому на роду написано стать королем. А мне вот на роду написано умереть вскоре после лицезрения короля, над чьей головой засияет множество корон. Ну что ж, грех жаловаться, пожила...

— Бабка, ты что плетешь? — забеспокоился Паколет. — Не из таких переделок выходили...

— Помалкивай, — отрезала старуха спокойно. — Только и умеешь глаза отводить, чтобы кошельки вытаскивать. Потому и дальше не продвинулся... Ему на роду написано быть королем, мне — прожить, сколько отмерено, и ни часом дольше, а тебе, мошеннику, — раз в жизни послужить хорошему делу... Садитесь, ваше величество.

— Спасибо, конечно, — сказал Сварог, усаживаясь. — Только не верится что-то, хоть и предсказывали уже однажды. Плохо представляю, что мне делать с коронами, особенно если их много.

— Что делать — это уж ваша забота, — сказала бабка. — Кто ж вам это подскажет? Только берегитесь мостов...

— Мне и это уже говорили однажды, — сказал Сварог. — Стоп, стоп... А ведь вас свободно можно назвать бабкой-гусятницей?

— Так и зовут.

— Тогда вам привет от старой пряжи по имени Грельфи.

— Значит, жива еще? — кивнула старуха. — Вот кому повезло, никаких тревог и хлопот — утдила век доживать при императорском дворе. Ах, как мы с ней, будучи молодыми, спешили радоваться жизни... Так радовались, что этот вот шалопай, — она кивнула в сторону Паколета, — княжеским внуком мог бы быть, хоть незаконным, да княжеским... Ну да вам это скучно покажется. Подумаешь, две девки с ветром в голове... Вы ведь за серьезным делом пришли? У вас на душе тревога...

Сварог рассказал.



— Вот оно что, — задумчиво сказала старуха. — То-то от королевского дворца в последние дни веет таким злом, что людям понимающим оно прямо-таки видится в облике черного ветра...

— Можете вы ее отыскать? — спросил Сварог.

— Попробую увидеть, где она, что вокруг нее... Достаньте ее вещичку, любую, хоть носовой платок. Попытаюсь. Человека с гиманом трудно отыскать белым колдовством, сразу вас предупреждаю, но черной магией, хвала Единому, и вовсе невозможно...

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Значит, Сенгал ничего не добьется. А Орк со Стахором — тем более.

— Сенгал-то не добьется, магией Изначальных он ее не достанет. Что до горротцев — тут, ваше величество, вы крупно ошибаетесь. Они — самые опасные. Потому что никакая это не черная магия...

— Как так? — не на шутку удивился Сварог. — Всем известно...

— Заблуждение — это и есть то, что всем известно, — сказала старуха. — Стахор вовсе не черный маг. Ну да, Горрот разместился на месте древнего королевства Шелориса. Ну и что? Под Джетарамом, глубоко в земле, покоится капище Черного Бела, но нынче там черной магией и не пахнет... Стахор оказался умнее многих и хитрее. Пока другие гонялись за тайнами старинной черной магии, он искал знания, забытые и новые, искал там, где до него никто искать не додумался. И набрал нешуточную силу. Так я чувствую, а словами объяснить не могу, не знаю я столь ученых слов... Берегитесь Горрота. Будь это магия, с ней не в пример проще и легче было бы справиться, а знания побиваются лишь знаниями. Идите, ваше величество, побыстрее раздобудьте вещичку от принцессы — коли уж вы появились, мне осталось недолго, нужно успеть, сколько смогу...

— Ну, дела, — сказал Паколет во дворе. — Что же, мне теперь вас вашим величеством называть?

— Зови просто — командир, — сказал Сварог. — Смекнул?

— Ясно. Вот только не нравится мне, что бабка о смерти заговорила. Ох, не нравится. Бабка сроду не ошибалась...

— Должны же и колдуньи когда-нибудь ошибаться, — Сварог похлопал его по плечу. — Сам я до сих пор сомневаюсь насчет королевских корон над моей непутевой головушкой... Ну, держи ухо востро. Связь через «Жену боцмана».



Он под гогот гусей захлопнул калитку, шагнул в накренившуюся на рессорах коляску, откинулся на обитое кожей сиденье.

Извозчик мгновенно проснулся:

— Едем, ваша милость?

— Едем, — сказал Сварог. — Давай на Королевскую. Особенно графини Дино. Знаешь?

— Еще бы. С неделю назад возил туда художника, так ейные дворяне, пока ждал, у меня с упряжи три серебряных бляхи срезали, так мимолетно, что и концов не найти...

— Кстати, почему улица так называется? Короли там в самом деле жили?

— Да нет, ваша милость. Жила там лет двести назад одна кондитерша, и была она, надо полагать, весьма соблазнительная — раз тогдашний король к ней, одевшись ловчим, ездил пять раз на неделе. Шило в мешке не больно-то утаишь, со временем опознали его величество, прозвали улицу Королевской, а потом оно так приклеилось, что старое название забыли, а новое в официальные бумаги залетело да так и осталось... Гуся ездили подбирать, ваша милость?

Он принял Сварога за любителя гусиных боев, каким оказался сам, и пустился в длиннейшие рассуждения о любимом виде спорта. Как всякому фанату, ему наплевать было, что Сварог молчит, — болтал за двоих, вполне серьезно подавая за Сварога реплики и вопросы, свято веря, что судьба послала ему родственную душу и оба оживленно беседуют.

Сварог лениво глазел по сторонам. В небе сиял Юпитер — стояло полнолуние, вернее, полноюпитерье, или, совсем точно, полносемелие (Юпитер здесь именовался Семел). Далеко перевалило за полночь, но жизнь продолжалась, самая разносторонняя, а то и непонятная, как всякая ночная жизнь. Наслаждаясь свободой, разгуливали «ночные дворяне». Дело в том, что по здешним законам должника дворянского звания кредиторам изловить было непросто. С восхода солнца до заката (отмечаемых ударами колоколов Главной Башни) дворянина можно арестовать в его собственном доме только за строго определенные преступления (в число коих неоплата долгов не входит). Точно так же его нельзя сцапать за долги на улице — с заката до восхода. Легко сообразить, что неисправные должники днем отсиживались дома, а с первым ударом закатного колокола величаво выплывали на улицы, от чего возникали разнообразные детективные коллизии: шпики кредиторов шныряли по пятам,



стараясь подпоить или иным способом удержать потерявшего бдительность должника на улице — до рассветного колокола. Дошло до того, что на иных злостных неплательщиков стали принимать ставки — сколько они продержатся в столь пикантном состоянии. А там, понятно, пошли и махинации...

Улицы заливало алое сияние; тени пролегли невероятно четкие. Кто-то устроил серенаду под окном, наглухо задернутым тяжелыми портьерами. Они, однако, порой вздрагивали, когда уголок легонько приподнимала девичья рука. А через несколько домов кто-то непринужденно разлегся посреди улицы, пристроив под локоть оплетенную бутылку. Прогуливались парочки, кого-то оттеснили подальше от уличного фонаря и лупили доской от забора, из распахнутых дверей кабачков и заведений для гусиных боев валили табачный дым, пьяные песни и ругань, а из распахнутого на третьем этаже окна донеслись нежные звуки флейты. В доме напротив жена торжественно встречала загулявшего супруга — звонко разлеталась глиняная посуда, грохотали опрокинутые табуреты. В переулках кое-где звенели мечи, вдоль стен пробирались личности, пытавшиеся прикинуться невидимыми, проезжали тяжело груженные купеческие возы и шибавшие в нос издали бочки золотарей, скакали дворяне, рысили полицейские...

Район был не из респектабельных, но Сварогу такая жизнь нравилась. Было в ней что-то от того загадочного, бурного, кровавого и романтического времени, когда жестокие пираты писали недурные стихи, талантливые поэты выполняли грязные шпионские поручения, ваятели, не догадываясь, что потомки провозгласят их безгрешными гениями, вспарывали животы недругам и совращали кто слуганок, кто мальчиков, священники наблюдали звездное небо и защищали осажденные крепости. Собственно, здесь сейчас именно такое время и стояло. Быть может, ему когда-нибудь предстояло заслужить у потомков титул Великой Эпохи. А может, уместиться в паре строчек пухлого академического труда. Король Конгер удостоится короткого абзаца в учебнике, а имена тайных агентов и потаенные политические игры, как водится, канут в небытие. И никому не будет дела до людей, сто лет назад мучительно старавшихся переиграть противника, потому что прошлые заботы и тревоги покажутся устаревшими и мелкими в сравнении со своими...

Сварог прекрасно понимал, что многое от него не зависит, как ни пытайся воспрепятствовать. Но Орка он обязан был взять на себя и выставить из Равены. Во-первых, Орк с помощью горротцев может найти Делию первым. Во-вторых, он станет серьезнейшей помехой, едва поймет, что Сварог все же начал свою собственную игру. Выставить Орка из Равены, но так, чтобы герцог не заподозрил Сварога, — сущая головоломка... Головоломка...

Нагривать на него протектора? А если у герцога есть заступники не хуже? Распустить о нем некий невероятно компрометирующий слух, такой, что он будет вынужден убраться сам? Но какой?

И тут Сварога осенило. С озарениями так и обстоит — либо они вообще не появляются, либо настигают, как удар молнии. Чем больше Сварог обдумывал идею, тем сильнее она ему нравилась. Он бесцеремонно оборвал рассказ извозчика о потрясающем гусе по кличке Серая Смерть:

— Сейчас открыты какие-нибудь мастерские?

— Это которые?

— Ювелиры, медники... — Сварог лихорадочно думал. — Вот именно, ювелиры!

— Целый квартал. Там день и ночь делают головоломки, не из жести и кости, как для простонародья, а дорогие, для благородной публики. Ночная смена подмастерьев непременно трудится...

— Гони! — приказал Сварог.

Он метался по кварталу ювелиров, как вихрь. Подмастерья получали монеты горстями — с пожеланием помнить, что его здесь никогда не было. Сварог не сомневался, что они промолчат: ювелиры были народом серьезным и сплетничать о клиентах, даже самых странных, не любили. Вдобавок им подвернулся удобный случай заработать втайне от хозяина...

Впрочем, он принял все меры предосторожности, размещая заказ по частям. В одной мастерской ему из тонкого серебряного листа за квадранс смастерили коробочку размером с портсигар и крышку для нее. В другой столь же быстро нарезали из такого же листа пятнадцать квадратиков по указанной Сварогом мерке. В третьей на квадратиках выгравировали цифры — от единицы до пятнадцати.

Получилась выполненная наспех и грубовато, но готовая к немедленному употреблению головоломка под названием



«пятнадцать». Прибыв наконец в особняк графини, Сварог расспросил дежурившего в прихожей дворянина и совершенно точно выяснил, что в Ронеро такая головоломка совершенно неизвестна. «А ведь выгорит, — подумал он весело. — Определенно выгорит...»

— Ваша милость, а что с ней делают? — приставал заинтересовавшийся дворянин.

— Через часок объясню, — отмахнулся Сварог.

— Ну, наконец-то! — В прихожей появилась графиня, небрежно запахивая халат из розовых кружев — не халат, а одно название. Дворянин превратился в статую. В другое время и Сварог не остался бы равнодушным, но сейчас мысли подчинены одной цели...

— Маргилен, милая, — сказал Сварог, сжав ее руку. — У вас найдется в доме большая, пустая комната?

— Ну, танцевальный зал... Больно!

— Простите... Пойдемте туда, немедленно!

— Сумасшедший, у меня такая нежная кожа... Подождите, я возьму лампу. Нет, по этой лестнице. Мара уже спит, а я ложусь поздно, да и интересно было, куда вы запропастились...

Слева отворилась дверь, выглянул граф в халате, но, узрев супругу под руку со Сварогом, сделал вовсе уж скорбное лицо и тихонько юркнул назад.

— Все еще ждет? — спросил Сварог.

— Конечно. Пришлось его ублажить на скорую руку, но сей похотливый субъект не успокоился. Однако уже двадцать второе, так что ждать ему придется долго... Сюда. — Она вошла первой, поставила лампу на ближайшее кресло. — Ничего, что темновато?

— Пустяки, — сказал Сварог, достал из кармана головоломку и положил ее на паркет. Оглянулся, сел в кресло. — Вам лучше уйти, вы легко одеты, а здесь сейчас станет холоднее...

— Чепуха. Если вы затеваете что-то интересное, я хочу посмотреть. — Она решительно опустила в соседнее кресло. — А это будет страшно?

— Боюсь, это будет скучно, — сказал Сварог. Действительно, копировать вещи с помощью заклинаний — скучная работа и еще более скучное зрелище. В особенности если заниматься этим приходится долго. Но ничего не поделаешь, надо стараться. И Сварог трудился, как отбойный молоток. Выходило штук двадцать в минуту. На паркете росла груда плоских серебряных



коробочек, посверкивавших в алом свете, лившемся сквозь высокие окна, они громоздились друг на друга, вырастали кучи, рассыпались, звеня. В зале стало холоднее, повсюду летали снежинки. Графиня стоически терпела, но в конце концов не выдержала:

— В самом деле, не столь холодно, как скучно... Вы до утра собираетесь их штамповать? Я-то полагала, магия — крайне увлекательное зрелище...

— Не всегда, — сказал озябший Сварог. Осмотрел кучу, глянул на часы. — Штук пятьсот. Хватит для начала...

— И что теперь будет?

Сварог встал, разминая спину, чувствуя себя так, словно затащил мешок с углем на верхушку Главной Башни.

— Если я все правильно рассчитал, будет превеселое зрелище, — сказал он. — Утром прикажите сложить все это в мешки, кроме одной, и пришлите ко мне самого толкового вашего человека. — Он удовлетворенно оглянулся на кучу. — Да, для начала хватит. Результаты, правда, придется ждать пару дней...

— За это время я умру от любопытства. — Она поежилась. — Если раньше не умру от холода. Пойдемте, выпьем по бокальчику. Вы увидите нечто, ужасно вам знакомое. Там нет окон, и я упростила Гаудина поставить эти великолепные лампы с непроизносимым названием, а еще выпросила замок, каких у нас не делают, ключ только у меня, и при случае я там спасаюсь от сладострастного супруга, когда на него нахлынет это извращение — волочь в постель собственную жену. Снимите сапоги — там ратагайский ковер. Входите, входите. — Она подтолкнула его в темноту, захлопнула дверь, и их окутал непроницаемый мрак, только под потолком светился рядок вентиляционных отверстий. — Не вздумайте смотреть «кошачьим глазом», все впечатление испортите. И так!

Вспыхнули неяркие электрические лампочки, упрятанные в синие, желтые и красные стеклянные шары. Сварог оторопело огляделся.

Довольно большая комната. Стены, потолок и пол выкрашены в нежно-розовый цвет. Посередине — круглый ковер со сложным ало-голубым узором и пушистым ворсом по щиколотку. В углу статуя розового амарского мрамора, рядом — вычурный синий шкафчик. И все.

— Узнаете? — радостно спросила графиня. — Только статуя там была другая.



— Честное слово, не узнаю что-то, — растерялся Сварог.

— Великие небеса! Да это же будуар Аспалины. Точная копия!

Тут до него стало помаленьку доходить:

— Ну да. Телевизор. Сериал. Серий пятьдесят?

— Восемьдесят, — поправила графиня, извлекая из шкафчика бутылку келимаса* и золотые чарочки. — «Любовь и смерть среди роз». Неужели не видели?

— Как-то не довелось...

— Жаль. Такой увлекательный фильм... А как вам моя статуя? Работа Гая, того самого мальчика...

Статуя изображала обнаженную графиню, стоявшую в непринужденной, изящной позе, с виноградной гроздьёй в одной руке и копьем в другой.

— Слушайте, да это же талант! — вырвалось у Сварога.

— А я вам что втолковываю? Статуя весьма — копьем я, словно Ашореми, без промаха поражаю сердца неосторожных, а гроздь сладкого винограда... — Она вызывающе прищурилась. — Вам объяснять?

— Не нужно, — сказал Сварог.

Ему уже стало ясно, что невинным из этой комнаты не уйти. Но он не особенно печалился по этому поводу — на него наконец подействовал должным образом халат-одноназвание.

— Про меня говорят, что я грациознее всех умею лежать на ковре, — сказала графиня. — Оцените, правда ли это. Да разметайтесь непринужденнее и вы, вы же устали...

Сварог разметался непринужденнее, посмотрел на нее:

— Молва не врала...

— Вы настоящий кавалер, — сказала графиня. — А ваш Гаудин всегда принимался хохотать. И говорил, что я — самая большая чудачка, какую он видел в жизни. И непременно добавлял: но очаровательная до жути. Вы согласны с последним утверждением?

— Всецело, — сказал Сварог. — И давно уже ломаю голову — как получилось, что именно вы стали с ним работать?

— Потому что я незаменима. Вы, мужчины, существа прямолинейные и простодушные. Какой бы магией ни обладали. Когда вы затеваете заговор или тайную интригу, вас видно за кобонд*. А меня никто не принимает всерьез, ни друзья, ни враги. И я добиваюсь успеха там, где мужчины расшибают лбы. Как-никак моими усилиями были добыты бумаги торгового дома «Браллер». Слышали?



— Конечно, — лихо солгал Сварог, блаженно вытянувшись на мягчайшем ковре. — А в истории с алмазными подвесками королевы вы принимали участие?

— Нет, — удивилась графиня. — Даже не слышала. Вы про какую королеву? Наша умерла, когда я была еще ребенком...

— Я и забыл, это совсем другая история... — сказал Сварог.

— Вы надо мной смеетесь?

— Над собой, скорее...

— А она не будет ревновать, ваша юная головорезка... или головорез, как правильно?

— Не знаю, право, — сказал Сварог. — А ревновать она не будет. Не умеет. К сожалению.

— Ах, в-о-от как... К сожалению? — Графиня склонилась над ним, лукаво улыбаясь, легонько провела ладонью по его щеке. — Простите, барон, ничего не могу поделать, дабы сохранить вашу невинность... Моими любовниками либо бывают, либо нет. А притворяться в глазах двора моим любовником, не будучи таковым... Подобного цинизма, крайне для меня унижительного, я в жизни не допущу. Закройте глаза. Я посмотрю в ваше мужественное лицо, потом нежно поцелую, и вы не должны думать ни о чем, кроме меня...

Сварог устало закрыл глаза. Когда к его губам прильнули нежные губы, успел подумать, что он — порядочная скотина. Но руки как-то сами собой протянулись, комкая невесомые кружева.

...Снилось что-то смутно-тревожное, бесформенно-кошмарное, он с трудом вынырнул и не сразу вернул себя к реальности — перед глазами маячили ало-голубые узоры, и он не сразу вспомнил, где находится. Он пребывал в полном одиночестве, если не считать мраморной графини, с загадочной улыбкой протягивавшей ему кисть винограда.

Сварог собрал крайне живописно разбросанную одежду, облачился, отыскал закатившийся под ковер баронский перстень. Осушил чарочку келимаса, подумал, подошел к мраморной графине и погладил ее по щеке.

— Ваш виноград прекрасен, — сказал он. — Чем больше ешь, тем больше хочется. Интересно, почему мы все такие клятые кобели, честное слово, мне стыдно, но ведь это ненадолго...

— Ты прелесть.

Он обернулся, как ошпаренный. В дверях стояла вторая графиня, живая, веселая и свежая.



— А мы тут, видите, самокритикой балуемся... — смущенно сказал Сварог.

— Вы ею всегда только балуетесь, — сказала графиня, подошла и чмокнула его в щеку. — Я весела и счастлива, как видишь. Ты меня очаровал. Отныне изволь обращаться ко мне на «ты», как подобает любовнику. На «вы» я только с теми, кто еще меня не любил, да с супругом. Ну, и с королем, конечно. Прими рапорт, мой генерал. Я послала человека к Гинкеру. Твои загадочные коробочки увязаны в мешки, а одна пребывает отдельно. Один из моих верных прохвостов, самый толковый, ждет. Исключительно толковый малый, однажды подделал вексель Банка Круглой Башни, а это надо уметь... Послушай, я умираю от любопытства.

— Пойдем, — сказал Сварог.

В танцевальном зале стояло несколько угловатых мешков, и возле них ожидающе прохаживался дворянин, тот, самый потрепанный и задиристый. Сварог открыл коробочку и сказал:

— Вот это — головоломка. Как по-вашему, что с ней нужно делать?

Дворянин был ронерцем и потому раздумывал не более минуты:

— Тринадцать... Пятнадцать... Ага, вот так... — Он довольно ловко стал двигать квадратики грязноватым пальцем. — Нужно их передвинуть так, чтобы цифры стояли по порядку, верно? Не вынимая?

— Совершенно верно, — сказал Сварог. — Вы сейчас отвезете мешки в лавки, где торгуют головоломками. По мешку в лавку.

— Ваша милость, лучше бы сначала выправить патент, это ж приличные деньги...

— Это долго?

— За полчаса можно справиться.

— Валийте, — сказал Сварог. — Можете взять патент на свое имя, мне безразлично. И меня не интересуют вырученные от продажи деньги.

— Благодарю, ваша милость! Прикажете бежать?

— Стоп, — сказал Сварог. — Теперь начинается самое главное. — Он выстроил квадратики по порядку, от первого до пятнадцатого, потом поменял местами «15» и «14». — Насколько я знаю, решение задач на премию у вас обставляют так, что сжульничать невозможно? Стряпчий, свидетели...



— Верно, ваша милость.

— Найдите такого стряпчего. Пусть оформит все, как надлежит, — ну, вам лучше знать... И объявите: тот, кто вернет квадратики в прежнее положение — из этого, именно из этого! — получит тысячу ауреев золотом. Все поняли? Выполняйте.

Дворянин махнул лакеям, они взвалили брякающие содержимым мешки на плечи, и вся компания скрылась. Сварог самодовольно улыбнулся, гордый собой.

Память у него была необычайно цепкая, и в ней, словно в рыбацкой сети с мелкими ячейками, застревало превеликое множество самых разных сведений, случайно прочитанных или услышанных...

Когда в семидесятых годах девятнадцатого века в США придумали эту игрушку, моментально проникшую в Европу, разразилось форменное национальное бедствие. Играли все — в городах и деревнях, на заседаниях германского рейхстага и в лондонском Сити. Хозяева контор и магазинов специальным приказом запрещали клеркам и продавцам брать в руки «пятнашку» в рабочее время. Когда за решение одной из позиций была назначена большая премия, торговцы забывали открывать магазины, крестьяне — кормить скотину и пахать, машинисты — останавливать поезда на станциях. Люди ночами простаивали под уличными фонарями, двигая квадратики.

А та позиция, та задача, между прочим, оказалась неразрешимой. Но математики доказали это гораздо позже, и чума под названием «пятнадцать» свирепствовала еще долго. В Равенне, никаких сомнений, горячка вспыхнет еще более азартная...

— Я обижусь и рассержусь, — напомнила о себе графиня.

— Маргилена, дорогая, — сказал Сварог, — как по-твоему, сколько времени пройдет, пока эта игрушка завоюет столицу?

— Великие небеса, да уже к вечеру ее начнут продавать сотнями! Через два-три дня она будет в кармане у каждого...

— Великолепно, — сказал Сварог. — Видишь ли, если поменять местами «15» и «14», невозможно вернуть квадратики в прежнее положение, не вынимая их из коробки. Невозможно. Научно доказано.

— Что-то я не пойму... Ну и что?

Сварог ухмыльнулся:

— Пока ученые математики обратят внимание на очередную забаву, много воды утечет... И скажи-ка ты мне, как поведут себя славные равенцы, если через пару дней пройдет слух,



что по наущению горротцев герцог Орк, убив автора, украл секрет решения и хочет тайно увезти?

Графиня оторопело уставилась на него, охнула и неудержимо захохотала. Сварог подхватил ее в объятия и долго хлопал по спине, пока не успокоил.

— Ой. Ой. Ой... — Она торопливо приводила в порядок прическу. — Да его дом разнесут по камешку, а самого разорвут на мелкие кусочки, если он не отдаст секрета... Горротцев будут ловить на улицах, начнется такое... Ты великолепен! И ведь Орк ни за что не догадается...

— Очень надеюсь, — сказал Сварог. — Наверху на его авантюры и без того смотрят косо, если он окажется замешан в такой скандал, вмешается наместник и своей властью выставит его отсюда...

Графиня вновь залилась хохотом. В дверь обеспокоенно просунулся унылый граф Дино.

— Брысь! — цыкнула Маргиленa, замахиваясь коробочкой, и граф улетучился, как призрак. — Попросить кого-нибудь, чтобы проткнули болвана на поединке? Да нет, жалко дурака...

— Ну, он тебя, наверное, страшно любит... — сказал Сварог с дешевым великодушием счастливого соперника.

— Да мне от него тошно! Он лампу всегда гасит, неловко ему, изволите ли, видеть! И спину царапает!

— Тогда понятно... — сказал Сварог. — Милая, я страшно жрать хочу.

— Ну, еще бы, целый день мотался по городу... Пойдем, я уже распорядилась. Супруга пригласим к завтраку, счастлив будет, болван... — Она вышла в коридор и громко постучала в одну из дверей. — Граф, мы вас приглашаем к завтраку, поторопитесь!

В сопровождении сияющего графа они спустились в столовую.

— Мара еще спит? — спросил Сварог. Облизнулся, накладывая себе на тарелку зажаренных до хрустящей золотистой корочки голубей.

— Боюсь, совсем наоборот.

— Как это понимать?

— Она давно уехала к Сенгалу. Смотреть коллекцию драгоценностей, понимаете ли... Мы все с ней обсудили и решили, что второго такого случая не представится. Со смазливymi ма-



долеточками наш герцог превращается в тряпку, веревки вить можно...

Сварог встал, не отодвигая кресла. Зазвенели, разбиваясь, бокалы, вино потекло по вышитой синей скатерти, шарахнулись лакеи. Графиня тоже встала, побледнев, попятилась, не сводя с него огромных испуганных глаз. Он чувствовал, как лицо стянуло в дикую гримасу, как кровь барабанит в виски.

Граф отважно бросился наперерез, и от его дурацко-унылой физиономии, исполненной к тому же отваги, Сварог как-то опомнился, сник. Сел за стол, оттолкнул тарелку с голубями, ни на кого не глядя, потянулся к бутылке, отыскал на столе целехонький бокал. Воображение услужливо подсовывало ему яркие, четкие, замысловатые картинки происходящего сейчас в доме герцога, он выругался, яростно засопел от злости и стыда.

— А ты, оказывается, бешеный... — все еще со страхом, но и с ноткой восхищения проговорила Маргиленa. — Я думала, убьешь... Я ведь ее не принуждала, она сама предложила, еще раньше. Великолепный случай подвернулся, грех не использовать...

Он сердито отставил опустевший бокал. Разорвал пополам голубя, механически вгрызаясь. Кусок не лез в горло. Проглотил с трудом, не жуя, вновь потянулся к бутылке.

— Прости меня, ты не от ревности страдаешь, — тихо сказала Маргиленa. — У тебя просто взяли попользоваться красивую игрушку, и тебе жутко обидно. Послушай, тонкая натура, когда вчера ночью ты с превеликой готовностью взялся меня улаживать, ты как-то не особенно задумывался о верности и ревности? И сейчас, если заглянуть в самые глубины души, рад, хотя тебе стыдно и обидно, рад, что свалилась гора с плеч, решение взял на себя кто-то другой, и может получиться что-то полезное для дела...

Сварог исподлобья глянул на нее.

— Не нужно в меня ничем швырять, — сказала она. — Во-первых, я смертельно обижусь, а во-вторых, я совершенно права. Никого ты еще не любишь. И я вообще любить не умею, чудовище этакое. Ну не получается никак. Зато и ревновать не способна совершенно, настоящей ревности без настоящей любви не бывает. А ты ревновать пытаешься, не полюбив. В точности, как мой болван, — она кивнула на сидевшего с унылой миной графа, отрешенного, как буфет с серебряной посудой. — Только наоборот — этот любит, а ревновать не умеет...



Она была умна, она была кругом права, но легче от этого не стало. Сварог уже справился с приступами слепой ярости, порывом немедленно мчаться куда-то и что-то делать, но где-то в области сердца засела противная заноза. Мы все такие, какие есть, и все наши беды оттого проистекают, что мы хотим видеть других такими, какими хочется нам, — но чтобы мы сами при этом нисколько не менялись...

— Ей ничего не грозит? — спросил он, не поднимая глаз от тарелки. — У этого скота есть магические книги, какие-то загадочные подручные...

— Все равно он ум теряет, заполучив в постель юную красотку, — ответила Маргиленна довольно уверенно. — В прошлом году одна бойкая особа стянула у него пригоршню драгоценностей — и ничего, преспокойно скрылась... Вряд ли он опытный маг, просто ему свалилась в руки удача, а магические книги — вещь сложная, трудная для овладения и опасная. Начитавшись их, могучим не станешь... В общем, мы договорились — если она не вернется к четверем, буду что-то предпринимать.

— Интересно, что? — ядовито спросил Сварог.

— К четверем придет Гинкер. Если понадобится, он пошлет в особняк герцога своих людей — по официальной просьбе озабоченного дядюшки... У Сенгала при дворе хватает врагов.

— Может, не ходить вокруг да около? — спросил Сварог. — Обвинить его в занятиях предосудительной черной магией, опечатать библиотеку, арестовать...

— А Делия тут же за него вступится. Та Делия, что сейчас во дворце... Станет твердить, что его оклеветали, а книги подбросили. Король ее любит, верит...

— Верно, — сказал Сварог. Посмотрел на часы — четырнадцать, полдень. — Прикажи оседлать мне коня.

— Но ты...

— Да успокойся, никаких глупостей. Займись текущими делами, чтобы не торчать здесь...

— А я придумала великолепный способ еще сильнее разжечь страсти вокруг твоей головоломки, — похвасталась графиня. — Велю распустить слух, что дворянин, решивший задачу, проведет со мной безумную ночь.

— А мне вы разрешите участвовать, дорогая? — оживился граф. — О какой головоломке идет речь?

Сварог глянул на него, фыркнул весело и пошел к двери.



КАПРАЛ, КОТОРЫЙ УЦЕЛЕЛ

К «Жене боцмана» он подъехал, чуть успокоенный прогулкой на полном галопе, но все еще был мрачнее тучи. Перек, поручив его коня конюшенному мальцу, повел Сварога на второй этаж, не задавая вопросов. Показал на дверь в конце коридора, под шестнадцатым номером, неуклюже поклонился и, прежде чем уйти, шепнул:

— Сегодня в пятом поселились какие-то шпики. Пожилой, представительный, и два молодых мордоворота на подхвате. Пожилой подошел к хозяйке и как ни в чем не бывало заявил, что ему позарез нужно поговорить с бароном Готаром...

— Ясно... Ты посматривай, — сказал Сварог и толкнул кулаком дверь шестнадцатого номера.

На массивной кровати лежал в одних коротких черных кальсонах кандидат в рекруты — лет сорока, с меланхоличным, обветренным солдатским лицом и короткими пышными усами, нечесанный не менее недели. На груди и плечах был вытатуирован синим распростерший крылья Симаргл. Такой тут был обычай — солдаты, моряки и странствующие торговцы накалывали на теле два-три изображения бога, в которого верили, чтобы обнаруженный труп могли похоронить по соответствующему ритуалу. Поперек шеи наколота синяя полоса шириной в палец, а пониже огромные буквы РУБИТЬ ЗДЕСЬ — это уже были солдатские хохмочки. Усатый, не шевельнув и пальцем, уставился на Сварога так, словно пытался сообразить, не чудится ли ему после долгой гульбы.



Сварог придвинул ногой табурет, сел и не спеша осмотрелся. Рядом с кроватью на полу стояли все необходимые медикаменты — высоченный кувшин с черным харпедельским пивом, стеклянная банка, где в прозрачном рассоле плавали среди смородиновых листьев и стеблей укропа тугие аппетитные огурчики, и блюдо с копченой поросятиной, потому что нужно же когда-то и поесть. В одном углу рядами и шеренгами, сомкнутым строем македонской фаланги теснились разномастные и разноцветные бутылки, немногим уступавшие фаланге в численности. В другом аккуратно стояла выдавшая виды кираса с лежавшим на ней рокантоном, а рядом аккуратно сложено все прочее: меч в потрепанных ножнах, боевой топор, две седельные кобуры с пистолетами, связка метательных звездочек, нанизанных на бечевку, как бублики, какие-то угловатые мешочки, кожаные свертки.

— Здорово, — сказал Сварог.

— Хур Симаргл, — проворчал лежавший. — Вы мне, часом, не мерещитесь?

— Нет.

— Докажите.

— Как? — спросил Сварог.

— Если вы настоящий, то должны знать что-то такое, чего я не знаю, — со знанием дела объяснил латро.

Сварог подумал, взял из угла виолон, покрытый растрескавшимся лаком, повозился со струнами и забренчал:

Вам жить, а мне — не очень,
тот близок поворот.

О, как он строг и точен,
незримого расчет.

Зверей стреляют разно,
есть каждому черед.

Весьма разнообразный,
но волка — круглый год.

Волк любит жить на воле,
но с волком скор расчет —

на льду, в лесу и в поле
бьют волка круглый год...

Незаметно он и сам увлекся, прогоняя дурное настроение:



Не плачь, о друг единый,
коль летом иль зимой
опять с тропы волчиной
услышишь голос мой...

— В жизни не слышал, — проворчал лежащий. — Душевная песенка. Вы, значит, и есть тот самый граф?

— Он, — сказал Сварог. — Откуда родом?

— Отсюда, из Гонеро. Из Гальмагеры. Это у харланской границы. Был гуртовщиком. Серебряная гильдия. А у хозяина была дочка. Он нас как-то застукал и полез в зубы...

— А ты — его?

— А я — его. Тогда он меня жердью. А я схватил топор, и как-то так пришлось по голове, с первого раза... Мяслики — люди серьезные и мстить умеют, не бегая по королевским судам. У него одних братьев четверо да двое зятьев. Схватил документы, прыгнул на хозяйского коня — и помчал по жизни. Подался через границу, а в Харлане как раз стояли три роты Топоров...

— Потом?

— Харлан, Острова, Вольные Маноры, полдесятка войн, Сильвана. Три медали — харланская «Скременные топоры», гланское Железное Кольцо и снюльдерская «Дубовый лист». Есть орден от царя Гипербореи.

— Неплохо, — сказал Сварог. — Тетка Чари тебе рассказала про принцессу?

— Ага. Будем искать?

— Будем, — сказал Сварог. Выудил острием кинжала приглянувшийся огурчик, стянул зубами с лезвия и с хрустом сжевал. — Найдем принцессу и поедем с ней в три королевства. Сушие пустыки, верно?

— Сушие пустыки, — согласился капрал. — Плата?

— Сам назначишь. В пределах разумного.

— Нечистая сила и черная магия попадутся?

— В немереном количестве.

— Тогда — пятнадцать желтяков в день. Я таких денег стою. Дворянство дадите, помимо золота?

— Чтобы потом приехать в золотом поясе в родные места и с форсом проехать мимо кое-каких домишек?

— Именно.

— Дам, — сказал Сварог.



— По рукам. К завтрашнему дню буду готов к употреблению. Нужно только купить одежду.

— Держи, — Сварог положил рядом со жбаном кошелек, прикоснулся к шляпе указательным пальцем и вышел. Капрал ему понравился. Как раз такой и нужен — пехота-профи. Все это прекрасно и могуче — боевые слоны, гуляй-города, танки, баллисты и браганты, но главную ношу всегда выволакивала на себе пехота, точку ставила пехота, и так будет вечно...

Чуть подумав, он прошел на другой конец коридора и толкнул дверь пятого номера. Заперто изнутри. Постучал кулаком.

Лязгнула щеколда. Дверь чуточку приоткрылась, выглянул крепкий парень, купеческий приказчик на вид. Не тратя времени на приветствия и объяснения, Сварог подшиб его приемом, двинул коленом ниже пояса и кулаком отправил к окну через всю комнату. Вошел, локтем притворив за собой дверь. Вынул пистолет и остался стоять у двери.

Из смежной комнаты неторопливо вышел пожилой смуглолицый мужчина в расстегнутом бархатном хомерике, медленно показал Сварогу пустые руки и сквозь зубы бросил стоившему у окна незадачливому крепышу:

— Молчать.

Тот моментально затих. Повинуясь указательному пальцу пожилого, с трудом поднялся и, согнувшись, потащился в соседнюю комнату.

— Прошу вас, граф Гэйр, — сказал пожилой. — Садитесь. Я очень хотел вас увидеть, но не ожидал, что вы явитесь столь быстро и энергично...

— Я сегодня не в настроении с утра, — проворчал Сварог. — Так что не взыщите, — и сел спиной к окну.

— Надеюсь, ваше дурное настроение не повлияет на вашу способность трезво, взвешенно принимать серьезные решения?

— А у меня есть такая способность?

— Безусловно.

— С кем имею честь?

— Я — граф Раган. Заведую Седьмым коллегиям министров иностранных дел Снольдера. Заграничная разведка короля. И приехал сюда, чтобы просить вас о небольшом одолжении.

— Вовсе даже маленьком, — кивнул Сварог. — Три королевства, освобожденные от непрощенных жильцов, должны отойти к Снольдеру?



— Я восхищен вашей проницательностью.

— Это было нетрудно... — сказал Сварог. — Интересно, как вы меня отыскиали?

— Во время ваших подвигов в Харлане вы невольно обратили на себя внимание. Кстати, я уполномочен передать вам личную благодарность его величества за устранение нешуточной угрозы, нависшей над рубежами Снольдера. Король заранее согласен на то, чтобы награду вы выбрали себе сами — ордена, земли, титул герцога, а то и принца фамилии, управление одним из освобожденных от Глаз Сатаны королевств или всеми тремя сразу со званием и привилегиями вице-короля...

— Как вы меня отыскиали? — повторил Сварог.

— Милорд, я не знаю, как вышло, что прежний граф Гэйр исчез, а вместо него появились вы. И не намерен ломать над этим голову — я не теоретик, я практик. И по роду своих занятий обязан интересоваться серьезными людьми, активно вмешивающимися в серьезные дела. Операция по уничтожению харланских навьев была крайне серьезным делом. Вас запомнили. Тогда еще, правда, не знали толком, кто вы такой... Но потом капитан Зо написал доклад. Вы не раз появлялись в свите императрицы — я регулярно смотрю телевизор, уделяя особое внимание придворной хронике... Внезапно вас обнаружили на нашем пассажирском судне, идущем в Ронеро. Я поручил своим людям в здешней полиции казначейства внести вас в розыскные листы. Хотелось взглянуть, как вы отреагируете, узнав об этом. И посмотреть, узнаете ли вы об этом... Вы очень быстро узнали. Моментально сменили личину, не задерживаясь и не сворачивая с дороги. Речь могла идти только о тайной разведывательной миссии. Оказавшись в Равене, вы немедленно принялись разыскивать принцессу Делию. Милорд, мы, как и многие, очень серьезно относимся к Кодексу Таверо...

— Прекрасно, — сказал Сварог. — А если бы нас сцапали на таможне?

— Через час вас отпустили бы, согласившись, что произошло недоразумение, — только и всего...

— А почему — именно вы?

— Простите?

— Почему именно вы должны завладеть тремя королевствами?

— Потому что мы — самая развитая и цивилизованная страна планеты. Не подумайте, что я панибратствую, но если



кто-то и более близок к ларам, так это мы, согласитесь. У нас есть авиация, двигатели внутреннего сгорания, мы осваиваем электричество, пусть в ничтожных масштабах.

— Но сословное деление — в точности такое, как у прочих.

— Естественно, — сказал Раган. — Но наши крестьяне давно стали арендаторами. Меж тем в Харлане и Вольных Манорах еще действует крепостное право, а здесь, в Ронеро, на аренде сидит не более половины крестьян, и дворянский их владелец до сих пор может пороть по своему хотению... Мы — самая передовая страна.

— Понятно, — сказал Сварог. — Заняв три королевства с их рудниками и стратегическими портами, вы несказанно увеличите свое влияние на континенте. Возможно, в перспективе — единое государство, всеобщий мир и прочее...

— Вы удивительно быстро все схватываете.

«Всеобщий мир — вещь неплохая, — подумал Сварог. — Вот только крови во имя всеобщего мира проливается гораздо больше, чем во имя войны. И при всеобщем мире под отеческой опекой Снольдера не приписанные к сословию гениальные скульпторы будут по-прежнему первыми сдвигать шляпу при встрече с третьим помощником младшего королевского повара. А те, из кого получились бы талантливые физики, инженеры, писатели и врачи, так и не научатся читать и до смерти будут крутить хвосты коровам, если их угораздит родиться в крестьянском домишке... Конечно, и под ронерским скипетром будет именно так. Все равно нельзя считаться самыми цивилизованными и передовыми оттого только, что у вас есть электронная машинка для облупливания крутых яиц и колбаса двухсот сортов, а у соседей ничего этого нет...»

— А вам не кажется, что это будет нечестно по отношению к Делии, без которой ничего и не добиться?

— Великие небеса, при чем тут честность, когда речь идет о высокой политике и серьезной стратегии? Что до прелестной Делии... Если она будет вести себя разумно, ее оставят в живых. Ей можно объяснить, что конкретный и осязаемый ронерский трон предпочтительнее далеких земель. Как-никак мы, отыскав ее, спасем ей жизнь, что само по себе немало.

— Не пойдет, — сказал Сварог.

— Это следствие вашего скверного настроения или осознанное, взвешенное решение?



— Осознанное и взвешенное, — сказал Сварог. — Послушайте, вам не страшно впутываться в дела ларов?

— Страшно, — признался Раган. — Но кое-какие обстоятельства придают мне смелости. Иные детали вашей миссии позволяют судить, что сейчас за вашей спиной — не официальная мощь Империи, а воля отдельных сановников. Что там, наверху, у вас есть свои сложности и запутанные политические интриги. Что вы представляете вовсе не императрицу и не институты власти... Ну а там, где ссорятся и интригуют большие люди, и малым мира сего предоставляется шанс ухватить свой кусок... Простите за некоторый цинизм и бесцеремонность, но вы сейчас встали на одну доску с нами...

— Не спорю, — сказал Сварог. — И все же давайте пожмем друг другу руки и разойдемся по-хорошему.

— Никак невозможно. Я не авантюрист-одиночка. Вы служите посланным вас, а я служу своей стране. Слишком многое поставлено на карту, и потому возможны любые неожиданности...

Сварог ухмыльнулся:

— Что ж, если так чешутся руки, попробуйте меня убить...

— Никто не говорит о таких крайностях. Вас защищает ваше положение, вы ведь тоже не авантюрист-одиночка. Но другие, лишённые ваших привилегий и преимуществ...

Сварог наклонился к нему:

— Слушайте, вы! Я офицер императорской гвардии. Я друг императрицы. И если вы пальцем тронете кого-то из моих друзей, пошлю свои корабли и оставлю от вашей столицы кучу пепла. Возможно, у меня и будут из-за этого серьезные неприятности. А может, и нет...

Он оценил графа по достоинству. Тому было страшно, очень страшно, но отступать Раган не собирался.

— Вы не поняли, милорд. Повторяю, речь не идет о крайних мерах. Но мы можем мешать — бескровно, зато нешуточно... Что, если достаточно серьезные инстанции обратятся к наместнику императрицы с покорнейшей просьбой повлиять на графа Гэйра, устраивающего авантюры, коих благородным ларам никак не следует устраивать? Не исключено, что наместник и не подозревает о вашем присутствии здесь...

Сварог сжал зубы. Угроза и впрямь нешуточная. Наместник, конечно же, сообщит обо всем министру двора, и весть о пребывании здесь Сварога долетит до тех, кто способен все погубить. То самое, чего боялся Гаудин... И все же время есть —



Раган не станет поднимать шума раньше времени. К наместнику он побежит не раньше, чем сам найдет Делию — или узнает, что ее нашел Сварог. Есть время, есть...

— Вы меня лучше не злите, — сказал Сварог. — Уж если разговор у нас пошел циничный и бесцеремонный — что мне мешает прикончить вас здесь же?

— Здравый смысл. Вы не станете навлекать лишние хлопоты на хозяйку этого уютного заведения. Надеюсь, у вас не возникло детской мысли сообщить мой здешний адрес местной полиции? Видите ли, есть неписанные правила чести для благородных людей из серьезных контор... Разведчиков моего ранга не арестовывают, это было бы слишком вульгарно. Равным образом и начальник какой-нибудь из ронерских разведок чувствовал бы себя у нас в полной безопасности. Этикет... Граф, я не расцениваю ваш отказ как сигнал к немедленному открытию военных действий. Но вы, конечно, понимаете, что мы постараемся предотвратить любые... неожиданности. В конце концов, если придется выбирать меж возможной потерей для нас трех королевств и жизнью одной-единственной особы, мы предпочтем скорее, чтобы эти земли остались в прежнем состоянии, так никому и не доставшись. А там видно будет...

До этих его слов еще оставалась зыбкая надежда на компромисс. Теперь она растаяла. Слова графа означали примерно следующее:

«Пусть весь мир летит к чертям, лишь бы мы остались при своем корыте». А такая философия всю сознательную жизнь выводила Сварога из себя — но раньше у него не хватало возможностей мешать тем, кто по этой философии живет...

— Ладно, — сказал Сварог. — Надеюсь, неясностей меж нами не осталось.

— Надеюсь, — любезно поклонился граф.

«Врагов прибавляется, — думал Сварог, спускаясь по лестнице. — Главная сложность, кажется, не в том, чтобы отыскать Делию, а в том, чтобы, найдя ее, сохранить это в тайне от своры конкурентов...»

Проходя через трактир, он присмотрелся — ага, так и есть! В высоком зеркале отражались двое дворян, они старательно, споря и мешая друг другу, гоняли пальцами квадратики в корбочке...

В особняке графини произошли некоторые перемены. По саду прохаживались несколько незнакомых Сварогу дворян в



запыленной дорожной одежде. В отдалении, возле конюшен, слуги прогуливали коней, прежде чем напоить. Все новоприбывшие увешаны оружием.

— Ничего, что я проявила инициативу? — спросила Марги-лена, когда он вошел. — Вызвала из графства десятка два отборных прохвостов, еще до твоего приезда. Только что добрались.

— Все правильно, — сказал Сварог. — Мало ли какие гости могут нагрязнать. Покажи-ка мне эту штуку, никогда прежде не видел.

Графиня положила ему на ладонь круглый камешек в замысловатой оправе: знаменитый таш.

На острове Дике добывали камни с весьма необычными свойствами, в том числе и эти, черные с золотисто-зелеными прожилками, сидевшие в породе гнездами, как горный хрусталь. Как объяснили Сварогу в Магистерии, минерал этот приобрел свои загадочные свойства предположительно под тысячелетним воздействием проникавшего в земную твердь потока апейрона. Если разрезать камешек пополам, отшлифовать половинки в виде полусфер, заключить их в оправу, сплетенную из полосок латуни, меди, стали и золота, а потом коснуться свинцовой иглой — два человека с помощью этого устройства смогут переговариваться, даже находясь на противоположных концах планеты. Можно разделить камень и на десять частей — смотря сколько абонентов вы намерены иметь. Львиная доля добытого камня уходила, понятно, на нужды военных и полиции, но кое-что доставалось и почтарям с дворянами. В чем тут секрет, Магистерии так и не доискался, но в утешение себе вспоминал, что точно так же обстоит и с электричеством, и с антигравитацией, которыми широко пользуются в быту, так и не проникнув в их суть...

Попадались минералы и с более удивительными свойствами — но в том-то и пикантность, что эти свойства обнаруживались чисто случайно, методом тыка. И, вполне возможно, иные камни, пока употреблявшиеся одними ювелирами, скрывали и более поразительные качества...

Сварог вернул графине таш. Она, улыбаясь во весь рот, показала в сторону:

— Вот, полюбуйте. Одна из первых жертв чумы.

В уголке сидел граф Дино и, отрешившись от всего сущего, гонял квадратики указательным пальцем.

— А вот и я, — раздался знакомый голос, весьма веселый.



В дверях стояла Мара. Сварог хмуро уставился на нее, отметил распухшие губы, наливавшиеся на шее синяки и перстень на пальце — огромный желтый алмаз, окруженный сапфирами. Открыл было рот, но перехватил иронический взгляд графини и заткнулся, не произнеся ни слова. Молча подошел, сдернул чересчур широкий для ее пальца перстень и с размаху запустил в распахнутое окно.

— Но это же военный трофей, — грустно сказала Мара. — Я вполне заслужила.

Вопрос, конечно, философский: неосознанное бесстыдство не есть ли невинность? Но Сварога не тянуло к философии. Он смотрел на искусанные губы, невинное личико, и сердце щемило в приливе двух противоположных чувств: то ли обнять ее, то ли врезать как следует.

— Обошлось? — спросил он сухо.

— Как нельзя лучше для меня и как нельзя хуже для него. — Мара потеряла шею ладонями. — Синяки останутся. Фантазия у него самая гнусная...

— Избавь меня от подробностей.

— Это же для пользы дела. — Она всерьез недоумевала. — Нет, ты в самом деле сердисься? Но это же для пользы дела, мне хорошо только с тобой...

Графиня за его спиной откровенно фыркнула.

— Ступай в ванную, отмойся, — сказал Сварог.

— Как по-твоему, что это такое? — Мара растегнула поясик и подхватила на лету выпавшую из-под платья книгу в темно-красном переплете, усыпанном странными белыми знаками. — У него это была единственная на незнакомом мне языке... Не есть ли это то самое, что мы искали?

— Господи боже мой, — сказал Сварог оторопело. — Он же обязательно заметит...

— Он уже ничего не заметит. — Мара выдернула из-под воротника приколотую там обыкновенную швейную иглку и, держа двумя пальцами, показала ему: — Когда я ее во-ткнула, он не заметил... Нас хорошо учили. Ну, я пошла в ванную.

И преспокойно удалилась. Сварог наугад раскрыл книги. Красные страницы из непонятного материала, не похожего ни на бумагу, ни на пергамент, ни на ткань. Густые строчки белых непонятных знаков. Вполне возможно, он держал книгу вверх ногами. А может, читать ее следовало, держа горизонтально, и строчки должны были идти параллельно переплету... Он поч-



ти пробежал по коридорам, остановился перед зеленой с золотом дверью, за которой шумела вода, громко спросил:

— Значит, ты его прикончила?

— Входи.

Он чертыхнулся, вошел. Мара блаженно вытянулась в огромной мраморной ванне, укутанная снежно-белой пеной. Улыбнулась подняла из пены тонкую сильную руку:

— Снимай все и полезай сюда.

— Рассказывай! — рявкнул Сварог.

— Это и называется ревность? Глупо...

— Кто тут командир?!

Она осеклась, личико стало замкнутым и строгим:

— Есть, командир. Когда я приехала, он почти сразу потащил в спальню...

— Без этих подробностей.

— Слушаю. Одним словом, вдоволь наигравшись, он разнежился и стал предлагать переселиться к нему. Я навела разговор на книги, потом на магию, и он похвастался, что у него есть настоящая магическая книга Изначальных с острова Диорн. Мы пошли в библиотеку, и он показал эту самую книгу. Иголку я прихватила с собой, в волосах спрятала, и когда он опять взыграл, прижал меня к полкам, незаметно воткнула... Есть разные точки. Можно сделать так, чтобы человек умер через неделю, через месяц. Я сделала так, чтобы он умер сразу. Оделась, забрала книгу — перстень он сунул еще раньше — и ушла. Заклинания с библиотеки он снял, когда мы туда входили, а потом, понятно, вновь поставить их не успел... Никто меня не остановил. У него там обретается странный тип. Несомненный стагарец, причем колдун — мочки ушей обрезаны, на щеке, вот здесь, маленькое синее клеймо...

— Знаток морского волшебства? Мы вообще-то на суше...

— Чем-то неприятным от него веет, — сказала Мара. — Морское волшебство, меня учили, не доброе и не злое. Но если очень постараться, получится крен в какую-то одну сторону, так что они разными бывают, стагарцы... Он видел, как я уходила. Вроде бы ничего не заподозрил, но все равно уставился, как заправский волк... Если он слабый колдун, никто не обеспокоится. Решат, что сердчишко старика не выдержало достойных пылкой юности ветреных забав... А если и догадаются, все равно ничего не изменить. Не оставлять же им было книгу?

— Действительно...



— Ты меня даже не похвалил.

— Хвалю, — без всякого выражения сказал Сварог.

Судя по выражению ее лица, она осталась недовольна:

— И перстень отобрал...

— Лежи, отмокай, — сказал Сварог и вышел.

В гостиной сидел барон Гинкер, издали разглядывая лежащую на столе книгу. Увидев Сварога, закивал с ласковой укоризной, словно журил внука за съеденное без спросу варенье:

— Круто начинаете, милый. Хотя, если подумать, черт с ним, туда и дорога...

— Пошлите туда людей, — сказал Сварог. — Наверняка его уже обнаружили, начался переполох, сообщили квартальному, так что мы ничем не рискуем...

— Послал полчаса назад. И сам сейчас поеду туда. Давно хотелось покопаться в его бумагах...

— Я с вами, — сказал Сварог. — А как насчет...

— Вот, возьмите. — Барон вытащил синий платочек из тончайшего шелка, вышитый золотом. — Между прочим, камеристка уверяет, что за последние дни уже несколько платков пропало...

Когда черная карета барона остановилась у высоких решетчатых ворот, там уже стояли две таких же, с медными полицейскими эмблемами на дверцах. Конный полицейский грозил плеткой столпившимся на почтительном расстоянии зевакам из низших гильдий. На крыльце особняка шептались с многозначительным видом несколько личностей в гражданском, одетые под горожан среднего достатка, с бляхами Серебряной и Бронзовой гильдий. Барон приоткрыл дверцу, поманил толстым пальцем. Один из гражданских подбежал, забрался в карету:

— Стагарца не нашли, ваша милость. Успел смыться. Объявлять в розыск?

Барон посмотрел на Сварога. Тот чуть заметно кивнул.

— Объявляйте, душа моя, — сказал барон. — В список номер один, по всей форме. И чтоб живым непременно. Вот его милость объявляет приличную награду.

Гражданский выскочил на улицу и стал что-то втолковывать конному полицейскому.

— Будем ловить, — сказал барон.

— Барон, а слухи вам распространять приходилось? — спросил Сварог.



— Тем живем, голубчик. Самые разнообразные. Зависит от обстоятельств.

— Не распустить ли слух, что убрали его снольдерцы?

— Не стоит, — сказал барон. — Королю такие слухи ужасно не понравятся. Сейчас главное — пустить следствие мимо вашей девочки, и без того есть риск, что сопоставят, опознают ваши цвета. В Равене, помимо моей полиции, работают еще Багряная Палата, Королевский Кабинет, сыскной отдел городской стражи, полиции Торговой палаты и министра финансов, четыре контрразведки — морская, армейская, генерала гвардии, Мост Печалей. И все они смертью Сенгала непременно займутся... У нас, душа моя, и без того все за всеми следили, ну а теперь — особенно.

— Вам виднее, — сказал Сварог. — Скажите, а где для меня смогут прочитать эту абракадабру?

Он достал прихваченную с собой книгу, наугад перелистал красные страницы. Барон немного отодвинулся:

— В полиции у меня таких умников нет, хвала Единому... Нужны книжные черви, причем не состоящие на определенной службе. Королевская библиотека, Морской архив, Ремиденум...

«Все дороги ведут к Леверлину», — подумал Сварог. Повторил задумчиво:

— Все следят за всеми? А за домом Маргилены? Я до сих пор не замечал, кроме одного случая...

— Разумеется, следят. Только весьма искусно.

— Что бы такое придумать, чтобы сбивать их с хвоста при нужде? Пока меня не особенно беспокоили, но скоро, чую, станут наступать на пятки...

— Что же вы сразу не сказали, голубчик? Найдем парочку подходящих мест, из тех, что сами используем. Кстати, уж простите, но поступили вы необдуманно, приказав в первый же день прикончить того шпика.

— Я не приказывал...

— Увы, вассалы нашей очаровательной Маргилены недостаток ума возмещают двойным усердием... Хорошо еще, это был человек адмирала Амонда. Адмирал в опале, так что жалоб и скандала не будет...

— Что он собой представляет, этот ваш адмирал?

— Ужасный человек — прямой и бесхитростный. Отсюда следует — невозможно предсказать, что он выкинет, совершен-



но непонятно, зачем он вообще ввязался в эту игру... — Он прислушался. — Ну вот, дождь начинается.

Действительно, по крыше кареты застучали крупные капли, а вскоре хлынул ливень, мутные косые струи заволокли улицы, по брусчатке текли потоки, унося мусор. Зеваки наконец-то кинулись врассыпную. Враз промокший до нитки полицейский в цивильном с тоской взирал на карету.

Барон чуть опустил стекло, махнул рукой. Тихарь обрадованно припустил к особняку, разбрызгивая лужи.

— Отвезти вас домой?

— Если вас не затруднит, подбросьте к Королевской улице. Нужно побыстрее отвезти платок...

— С удовольствием. Самому хочется побыстрее все закончить. Только, извините, не к самому дому — чтобы не сболтнуть потом, представления не имею, куда вы ездите, и все тут...

— Откуда такой пессимизм, барон?

— Сердце что-то не по-хорошему давит последние недели, — признался Гинкер. — Все уговариваю себя, что покойная бабушка тут ни при чем, что это не предчувствие, а самовнушение, да щемит по-прежнему...

...Дождь лил до самого вечера. Стало темнеть, пришла ночь, а ливень все хлестал по крышам и кронам деревьев, по мостовой и дорожкам. Сварог долго стоял у высокого окна и смотрел, как на фоне Юпитера, размытым алым пятном мерцавшего сквозь облака, покачиваются черные верхушки каштанов в парке. Неподалеку, в беседке, горела яркая лампа, оттуда доносились лихие песни — прихлебатели отыскивали выброшенный Сварогом перстень, и, узнав, что могут оставить его себе, моментально нашли дорогой безделушке применение, обменяв на соседний кабачок с винным погребом (хозяин коего не прогадал, а вот потерявшая братия совершенно не подумала, что погреб непременно опустеет, и очень быстро).

В воротах маячили две закутанные в плащи фигуры — приехавшие сегодня дворяне встали на стражу.

Ливень этот весьма Сварогу не нравился. Потому что ничуть не походил, как он выведal, на традиционные зимние дожди — долгие, но мелкие, моросливые. Поневоле наворачивались нехорошие догадки. В такую погоду от полицейских не дождешься рьяной работы, как ни погоняй, попрячутся по трактирам и кофейням, — а стагарцы, сказала Мара, обожают смываться от погони с помощью подобных фокусов...



Не зажигая лампы, Сварог побросал одежду на кресло и залез под одеяло, натянув его до горла. Заноза в сердце ныла по-прежнему, тупо и назойливо. Никто больше, кроме него, не комплексовал и не печалился, он тоже старательно пытался махнуть на все рукой и забыть, но что-то плохо получалось. А две его боевых подруги, чтоб им провалиться, смешливо переглядывались за ужином и о чем-то шушукались весь вечер. Подыскать бы вместо них еще парочку капралов... Он уже видел в наплывавшей полудреме двух немногословных, выдавших виды мужиков, одного в кирасе, другого в кольчуге...

Вздрогнул и открыл глаза. За приоткрытым окном шумела, плескала, хлюпала вода, а в полумраке к нему подступали две смутно белевших фигуры. Сварог дернулся было, но фигуры с визгом и хохотом с размаху бросились на постель, одеяло улетело куда-то, и тут же выяснилось, что ночные гости вполне материальны. Он и без того давно убедился, сколь решительны и напористы эти особы в достижении поставленной цели — но это уж было чересчур...

— Как это все понимать? — Он изо всех сил старался держаться сурово и серьезно, но трудно оставаться суровым, когда тебя бесцеремонно щекочут, вольничая невероятно рискованно и беззастенчиво.

— Как обдуманное нападение, — промурлыкала ему на ухо графиня. — В нашем маленьком войске наметилась глупая напряденность, и я спешу погасить ее в зародыше — так решил военный совет из двух крайне расположенных к вам и совершенно не ревнивых красавиц. Другого способа вернуть вам утраченное душевное равновесие мы просто не видим. Разумеется, вы вправе орать на весь особняк, что вас насилуют...

И за него принялись обстоятельно, нежно, целеустремленно. Действительно, глупо было бы созывать воплями лакеев, однако светское воспитание — вещь упрямая, и он какое-то время отстранялся, чувствуя себя конфузливой невестой во время энергично протекавшей брачной ночи, но вскоре мужское начало взяло верх. Когда нежные женские губы ласкают шею, а другие, щекоча кожу быстрыми поцелуями, решительно продвигаются вниз по незащищенному кольчугой животу, светским человеком остаться невозможно. Тем более — лихому барону из Пограничья.

Словом, настоящим мужиком себя чувствуешь, когда сумасшествие схлынет и к тебе прильнут две умиротворенные и



довольные тобой женщины. Все сложности улетают за окно, в мокрый сумрак.

— По-моему, душевное спокойствие в армии восстановлено, — сказала графиня. — Как ты думаешь, Мара?

— Мне тоже так кажется.

Сварог и сам так считал, но помалкивал из скромности. К тому же ему стало казаться, что в стороне двери что-то начинает светиться...

Графиня отчаянно завизжала. Спрыгнула с высокой кровати и притаилась за ней, стоя на коленях. Мара тоже встрепенулась сначала, но быстро овладела собой, вскочила и выставила вперед кинжал.

Сварог сунул руку под подушку, на ощупь отыскал пистолет.

От двери к ним медленно скользил призрак герцога Сенгала с зеленовато-бледным лицом, в распахнутой на груди белой рубашке, покрытой пятнами крови.

Слышно было, как серебряная пуля с сухим треском ударила в дверь. Призрак плыл к постели.

— Это не обычное привидение, — сказала Мара.

Сварог уже и сам это видел... Графиня тихонько застонала.

— Верни книгу, — сказал призрак замогильным, конечно же, голосом.

— Успокойся, — сказал Маргилене Сварог. — Это одна видимость, иллюзия, никакой магии...

— Отнеси книгу ко мне домой, — сказал призрак.

Сварог выбрался из постели и поднял графиню с колен, уже не обращая внимания на дикий гость:

— Успокойся. Это вроде телевизора, только без всякого телевизора, понятно?

Из сада донеслись крики и бряцанье оружия. Прощлепав босыми ногами по полу, Сварог распахнул створку и крикнул:

— Что там такое?

Сквозь пелену дождя к окну подбежала темная фигура с обнаженным мечом:

— В саду полно призраков, барон!

— Марш в дом, и черт с ними! — рывкнул Сварог. — Ничего страшного, просто пугают! — Погладил графиню по плечу. — Одевайся, нужно же что-нибудь придумать...

— Ой!

— Маргилена, ничего страшного...



— Да нет, я ногу уколола. Что ты здесь разбросал?

Пройдя прямо сквозь призрака, Сварог натянул штаны, взял со стола лампу и снял с нее стеклянную крышку. Моментально стало светло. Призрак немного поблек, но не исчез, расхаживал по комнате и страшал всяческими карами, если ему немедленно не принесут домой украденную книгу. Очень быстро Сварог обнаружил и поднял с пола шарик размером с лесной орех — похоже, стеклянный, мутно-зеленый, с тупыми толстыми выростами.

— Это тебе знакомо? — спросил он графиню.

— Первый раз вижу.

Сварог в сопровождении неотвязного призрака прошел к столу, примостил шарик меж выпуклых узоров резьбы и обрушил на него рукоять кинжала. Шарик мерзко хрустнул, но уцелел. Раскололся лишь после страшного удара обухом Доран-ан-Тега. И моментально исчез призрак.

— Что за пакость? — поежилась графиня.

— Подарок от неизвестного изобретателя, — сказал Сварог. — Дружеское напоминание о том, что книги красть нехорошо.

Выглянул в сад. Меж деревьев плавали светящиеся силуэты, призывая на голову убийцы проклятье всех богов и требуя вернуть книгу. Кто-то пробрался в сад и, без сомнения, раскидал там эти шарики, а один ухитрился запустить в окно спальни, благо было приотворено. Это не магия, а создание пытливого человеческого ума — значит, нужно быть осторожным вдвойне.

— Орлы! — крикнул Сварог за окно. — Перстень пропили? Извольте-ка отработать! Зажечь факелы и искать маленькие стеклянные шарики. Найдя, разбивать. Шевелись!

Милое предупреждение, но за ним может последовать что-нибудь посерьезнее. Бабка-гусятница была кругом права... Он сердито захлопнул окно. В саду вспыхивали факелы — графинины дворяне уже поняли, кто нынче здесь командует. Маргилен, завернувшись в атласное одеяло, сидела на постели, рассматривая ступню, ухитрившись и в этой позе остаться грациозной. Мара же, не озаботясь одеванием, сердито расхаживала взад-вперед, похлопывая по ладони лезвием кинжала.

— Знать бы, кого следует убить... — бросила она.

— У меня такое впечатление, что никто никого не убьет, пока не будет найдена принцесса, — сказал Сварог. — Но, как пишут в романах, интрига завязывается... Маргилен, перево-



ди дом на режим осажденной крепости. Охрану днем и ночью, собак привязать...

Ему казалось, что он стоит голым посреди людной площади: все его видят, стерегут и высмеивают каждое движение, а он, стыдливо прикрывшись обеими руками, лишен даже удовольствия треснуть по ближайшей ухмыляющейся морде. Условия для работы самые антисанитарные. Если так пойдет дальше, наводнившие город шпики станут вежливо раскланиваться с ним на улицах и подносить зажженные спички. А ничего еще не сделано, если честно...





ЦИТАДЕЛЬ УЧЕНЫХ ПОЗНАНИЙ

Никто посторонний с ним утром не раскланивался, понятное дело. Но едва коляска, в которой сидел он с Марой, выехала из ворот, следом поехала другая. Очень скоро сзади, на почти-тельном расстоянии, обнаружились три всадника — каждый держался сам по себе, словно бы не замечая ни Сварога, ни конк-урентов. Процессия получилась самая сюрреалистическая.

— Отравить бы их как-нибудь, — мечтательно сказал Сварог. — Только ведь не получится. Ну-ну! — перехватил он выразительный взгляд Мары. — Если мы их перережем, появятся и другие, всего и результатов... Ну-ка, кошка, сосредоточились...

И они выпрыгнули из неспешно тащившейся коляски — но для непосвященного наблюдателя все выглядело так, словно они остались там сидеть. Именно так посчитали шпик в экипаже и двое всадников, проследовав мимо стоявших у края тротуара Сварога с Марой и не видя их.

А вот третий всадник задержался. Бросив поводья на шею коню, он возился с застежкой перчатки — и Сварог не сомневался, что этот шпик их видит. Либо владеет должной магией и столь примитивными штучками ему глаз не отведешь, либо призвал себе на помощь некие достижения науки — похоже, не только на небесах магия и наука определенным образом связаны... Судя по густым и темным, подстриженным в кружок волосам и вислым, нафабранным, с острыми кончиками усам, всадник был чистокровным горропцем.



— Пойдем, — сказал Сварог и взял Мару за руку. — Чуть погодя и его стряхнем с хвоста. А пока представь, что мы мирно гуляем по городу, и я за тобой ухаживаю, как за самой обыкновенной девушкой.

— А как ухаживают за обыкновенными девушками?

Сварог вдруг вспомнил, что начисто почти забыл, как это делается. Очень уж давно не доводилось ухаживать романтично.

— С ними гуляют по городу, покупают цветы... Целуют в подъездах...

— Но ведь целоваться гораздо удобнее в постели.

— Действительно, — сказал Сварог. — Да вот заведено так... — Романтический настрой улетучился, и он махнул рукой. — Лучше отделайся-ка от хвоста, только незаметно, и чтобы остался жив. Ты хвасталась, будто что-то такое можешь...

— Запросто, — сказала Мара, достала из кармана горсть монет, выбрала два медных тяжелых грошика. Один тут же сунула в рот, повернулась и пошла навстречу всаднику.

Сварог смотрел во все глаза, но не уловил момента. Всадник вдруг схватился за глаз обеими руками, а мигом позже его конь, получивший в глаз вторым медяком, мотнул головой, дико заржал, вздыбился, исполнил пару пируэтов и опрометью понесся вдоль улицы. Шпик едва держался в седле, уцепившись одной рукой за гриву, а другой все еще зажимая глаз. Со стороны все выглядело невинно и буднично — норовистая лошадь вдруг испугалась чего-то и понесла. Прохожие привычно шарахались к стенам, а уличные мальчишки с дикими воплями понеслись следом, выкрикивая обидную дразнилку.

Они быстрым шагом завернули за угол и оказались на рыночной площади. Сварог остановился.

— Почему встали? — недоуменно воззрилась Мара.

— Из хитрости, — сказал Сварог. — Любой нормальный человек на нашем месте сейчас неся бы во все лопатки, путая след. Так наш преследователь и решит. А мы люди ненормальные и потому останемся на месте, пока он носится по соседним улицам. Клянусь своим баронством, непременно собьется со следа и забредет черт-те куда...

Однажды, в курсантские годы, именно эта тактика и спасла его от патруля, свято верившего, что беглец никак не должен стоять на месте. А Сварог, свернув бегом за угол, тихонько



укрылся меж гаражами — и патруль, азартно грохоча сапогами, промчался мимо в неизвестные дали.

Они стали бродить меж прилавков, не привлекая ничего внимания: скука — исконно дворянская привилегия, и, маясь от таковой, дворянин может забрести куда угодно. Никто и не удивится, лишь бы благородный лаур и вправду выглядел ходячим воплощением ипохондрии. И Сварог старался, отрешенно вороша кончиком пальца кукурузные початки, обозревая с безгливой миной кочаны капусты и связки лука, словно диких животных. Торговцы облегченно вздыхали, когда он проходил, — благородные дворяне еще и обожали чудить, славясь в сей области неистощимой фантазией.

Господские кухарки старательно наполняли снедью свои вместительные корзины, не особенно трясясь над хозяйскими денежками. Народ победнее увлеченно торговался. Шныряли подозрительные субъекты с беспокойными глазами, и кто-то уже вопил, хватаясь за карман, откуда только что испарился кошелек, и в ту сторону недовольно трусил рысцой городской стражник в лиловом мундире с городским гербом на груди, придерживая у бедра неточенный отроду меч. Меж рядами расхаживали фигляры, скучными голосами распевая скверно зарифмованные песни, расхваливавшие достоинства окрестных лавок и тамошних товаров — старинный рекламный трюк, ничуть не увядший и с появлением газет (а сочинением этих сомнительных шедевров подрабатывали студенты Ремиденума).

Внезапно резкие аккорды виолончели перекрыли этот ленивый, устоявшийся гомон. Сварог оглянулся в ту сторону. На пузатой бочке с неразборчивыми синими клеймами стоял юноша в поношенном коричневом костюме с золотым дворянским поясом и бадагаре без пера. Он бил по струнам, и кое-кто из окружавших бочку пятился, словно от знакомой неприятности, кое-кто проворно скрылся за лотками, а один, юркий, неприметный, бегом пропустил за угол.

День назывался четвергом,
рассвет был алым.
Змея вползала в тихий дом,
змея вползала...
Рассвет будил грядущих вдов
тревожной нотой.
Змея ползла среди холмов,



змея пехоты...
Коварный лев тянулся вновь
к чужой короне,
и, чуя будущую кровь,
храпели кони...

Юный дворянин пел с бледным, отчаянным лицом, и площадь затихала, только на прилегавших улицах слышался стук колес. Определенно здесь случилось нечто из ряда вон выходящее, плохо вязавшееся с мирными торговыми буднями, достаточно взглянуть на лица стоящих поблизости — испуганные, напряженные, злые. И отнюдь не удивленные.

Свистела первая стрела
холодной былью.
На стебли лилий тень легла,
на стебли лилий.
Друг другу мстя за прошлый гнев,
за все разбой,
готовы лилия и лев,
готовы к бою...

И вдруг пожилой пузатенький оружейник подхватил — столь же вызывающе, зло:

Войну зовем своей судьбой,
но — вот наука! —
закончить внукам этот бой,
закончить внукам...

И еще несколько голосов вплелись:

Король, куда же вы ушли?
Бароны, где вы?
Ведь тот костер, что вы зажгли,
погасит дева...

Неподалеку от Сварога появился давешний брюхатый стражник — и с ним еще один, пощуплее. У этого из поместительного кармана торчал аппетитно пахнувший коричневый хвост копченой рыбыны. Сварог слышал, как тощий тихо спросил:



— Может, посвистеть, кум?

— Убери ты свисток, медальку все равно не заработаешь, — пропыхтел толстый. — Тут политика. И золотой пояс. Пусть коронные мозоли набивают. И пошли-ка отсюда, кум, так оно для жизни спокойнее...

И оба, стараясь не спешить, стали удаляться. Чтобы не влипнуть неизвестно во что, да еще, как оказалось, политическое, Сварог подхватил Мару под локоть и показал взглядом на одну из улочек. По брусчатке лязгнули подкованные копыта — подскакали трое в красно-черном, патрульная полиция протектора. Прежде чем скрыться в тихом переулочке, Сварог еще успел увидеть, как на пути у всадников загадочным образом возникла пивная бочка на высоких колесах, а юношу слушатели сдернули с бочки и, прикрывая спинами, бегом выпроваживали в сторону проходного двора. Они переглянулись, и Мара молча пожала плечами. Молодой фонарщик, переждавший события за этим же углом, пояснил:

— Нездешние, ваша милость? Это, извольте знать, баллада графа Асверуса «Лилия и лев», высочайше запрещенная к распеванию и печатному распространению. Поскольку сейчас у нас со Снольдером нежная дружба, Сорокалетней войны, надо полагать, и не было вовсе...

Коснулся шляпы, тряхнул кудрями и зашагал прочь, дерзко насмываясь на мотив только что прозвучавшей песни.

...Они еще немного попетляли по улицам, и Сварог, пропустив парочку свободных извозчиков, махнул третьему.

Ремиденум, цитадель знаний и учености, внушал уважение. Попасть туда можно было только через широкие ворота (пусть и лишившиеся к нынешнему времени створок). Над воротами красовался древний, выщербленный и оплывший от старости герб — три совы в дроглоре. Тут же развевался флаг: фиолетовый с золотой каймой и теми же тремя совами — белыми, опять-таки с золотой каймой. На низком бочонке сидел стражник в наряде времен Троецарствия, пьяный, судя по виду, еще с прошлого года. Завидев Сварога с Марой, он оживился, вытащил из-за бочонка подержанную алебарду и заорал:

— Стойте, благородные господа! Поклонитесь, что не состоите в родстве с презренным Тиморусом!

— Клянусь, — сказал Сварог. Подумал и достал серебряный аурей, каковой стражник принял как ни в чем не бывало. — Любезный, а почему совы у вас на флаге таких колеров?



Стражник заученно отчеканил:

— Потому что ученые познания, ваша милость, приносят и процветание, символизируемое цветом золота, но частенько влекут и смерть, символизируемую белым, и забывать об этом не след.

За воротами начинался целый городок — кривые узенькие улочки, старинные здания со стрельчатыми крышами, причудливыми флюгерами, тяжелыми окованными ставнями и водосточными трубами, заканчивавшимися драконьими мордами из позеленевшей меди. Архаические фонари в виде перевернутых пирамид помнили, пожалуй, не то что Троецарствие, а еще и Сандоварскую битву. Повсюду виднелись бюсты и статуи ученых мужей, державшие в руках разнообразные атрибуты их учености. Компаниями прогуливались студенты в коротких фиолетовых плащах и такого же цвета четырехугольных берегах, напоминавших пухлые подушечки. Кое-кто из них и в самом деле, как мимоходом удалось расслышать, вел чинные и глубокомысленные ученые беседы, но большинство решали головоломки, шествовали в кабак, перекликались из окна в окно и с хохотом пересказывали подробности вчерашних похождения.

Сварог понял, что поиски наугад бесполезны. И отвел в сторону первого попавшегося сcholara, с рассеянным видом подпиравшего уличный фонарь.

— Граф Леверлин! — воздел глаза к небу рыжий юнец. — Ваша милость, вы, конечно же, не похожи на сердитого кредитора из винной лавки или полицейского насчет вчерашней мочальной бороды, неведомо как выросшей у памятника королевы Боне, но не есть ли вы разгневанный отец благонаправной девицы вкупе с оною?

— А в глаз тебе дать, фиолетовый? — деловито спросила Мара. — Меня, случилось, оскорбляли, но чтобы обзывать благонаправной девицей...

— Мои извинения, юная дама... Кто-нибудь говорил вам, что вы прекрасны, как утренняя заря?

Сварог громко сказал «гм».

— Восторги неуместны, осознал и каюсь, — сказал рыжий. — Надеюсь, вы простите сии дерзкие слова несчастному маркизу, лишенному наследства, но не способности радоваться прекрасному. Не должны ли дворяне помогать друг другу, господа? Ибо неумеренность накануне, как подмечено мудрецами еще в незапамятные времена, уравнивается разумной умерен-



ностью наутро — но грубый материалист, хозяин подвального «Перо и астролябия» требует осязаемых подтверждений данной философской сентенции.

Сварог подал ему золотой аурей.

— Боюсь, что неумеренность вновь одержит верх над рассудочностью, — признался повеселевший студент. — Сверните за угол, миновав три дома, зайдите в четвертый по левой стороне. Поднимитесь на третий этаж и отыщите комнату, где на двери приколочена бляха гильдии пожарных. Чтобы вас не приняли за кредитора или иного врага человечества, постучите вот так: тук-тук, тук. Мое почтение!

Он коснулся берета и с видом обладателя всех сокровищ короны величаво спустился в подвальчик, над которым и в самом деле красовались огромные проржавевшие перо и астролябия — старинная вывеска из тех времен, когда содержатели трактиров прекрасно обходились без писаного текста. Поразмыслив, Сварог пошел следом и вскоре вышел с двумя пузатыми черными бутылками «Кабаньей крови».

На одной из дверей третьего этажа и в самом деле была приколочена бляха Бронзовой гильдии с изображением вишапа и двух скрещенных пожарных топоров. Сварог постучал — тук-тук, тук. Дверь моментально распахнулась, высунулся Леверлин, в расстегнутой рубашке:

— Где тебя черти... Дружище, какими судьбами? О, прости-те, лауретта... — Дверь захлопнулась. Вскоре он появился в аккуратно застегнутом кафтане. — Прощу!

Внутри царил самый причудливый беспорядок — вороха книг, пустые бутылки, мечи, диковинки вроде яркой раковины или человеческого черепа, державшего в зубах за шпенек кокарду городской стражи. Несмотря на весь хаос, было чисто и подметено, чувствовалось, что случаются эпизодические вторжения домовитых особ женского пола.

— Я тут жду одного болвана, — непринужденно сказал Леверлин, словно они расстались только вчера. — Вышел в подвальчик и пропал, как король Шого. Но ты позаботился, я вижу? Ох... Помнишь ли ты восхитительные погребя Коргала? Кстати, как тебя зовут?

— Барон Готар, — сказал Сварог, располагаясь в кресле и с приятностью взирая на друга.

— Отлично, не нужно привыкать к новым именам. Из чего следует, что ты не особенно скрываешься?



— Как знать...

— Понятно. Стаканы вчера были в камине, они и сейчас там, благо не топлено. Сударыня, хотите леденец? — Он протянул Маре фаянсовую вазочку. — Меня опекает хозяйка кондитерской, почтенная пожилая особа, никак не могу втолковать ей, что не ем леденцов...

— А что такого натворил некий Тиморус? — спросил Сварог.

— Был пятьсот лет назад такой министр. Возымел предерзостное желание лишить Ремиденум старинного права на колокол. Потом его казнили — не за эти поползновения, понятно, за вульгарное казнокрадство. Но в Ремиденум до сих пор запрещен доступ особам, состоящим с ним в родстве. Традиция...

Мара, похрустывая леденцами, медленно обошла комнату, оглядываясь. Вытащила из-под груды книг меч с посеребренной рукояткой и крестовиной в виде орлиных лап, взвесила в руке.

— Лауретга, вы не порежетесь? — забеспокоился Леверлин.

Мара молча взмахнула мечом, несколько раз крутанула, выпуская рукоять из пальцев, перехватывая в воздухе. Меч со свистом порхал вокруг запястья, словно легкий прутик. Положила его назад, очаровательно улыбнулась Леверлину.

— Ого, — сказал Леверлин, внимательно посмотрел на нее, потом на Сварога. — Дружище, ты снова во что-то серьезное ввязался? Твоя юная спутница похожа на гланскую дворянку — там даже девиц сызмальства учат владеть оружием... Ты что, из Глана к нам нагрянул?

— Не совсем, — сказал Сварог. — Но в хлопотах и неприятностях по самые уши. Садись и слушай.

В прошлое свое путешествие Сварогу без конца приходилось рассказывать свою собственную историю. Теперь — историю Делии. Как и в прошлый раз, он уже наловчился излагать суть кратко и доходчиво.

— Странно, — тихо сказал Леверлин, когда Сварог замолчал. — Очень странно...

— Почему?

— Потому что жизнь и без того странная... — уклончиво ответил Леверлин. — Что ж, многое становится понятным. Даже по Ремиденуму стали шнырять темные личности и разыски-



вать девушку, как две капли воды похожую на принцессу Делию. Одного мы даже взяли в серьезный оборот, но он, очень похоже, и сам не знал, для кого трудится и зачем...

— Может, она...

— Здесь ее нет. Ручаюсь. Слышал когда-нибудь о тайных студенческих братствах? Как бы много ни было в этом игры, одно положительное качество имеется: в Ремиденуме от посвященных ничего нельзя удержать в тайне. Я бы знал... Пожалуй, нам придется потруднее, чем в Харлане.

— Нам?

— А что, ты намерен выпить вина и распрощаться? — ухмыльнулся Леверлин. — Как студент Ремиденума и дворянин, никак не могу остаться в стороне. И не напоминай, что мне могут оторвать голову. Мне ее могли оторвать двадцать раз по гораздо более ничтожным поводам... Покажи-ка книгу. Великие небеса... Ты представляешь, что таскаешь под полкой?

— Немного.

— Такие книги следует сжигать, не раскрывая, — тихо сказал Леверлин. — То, что в ней таится, — не наше, не человеческое, но от этого оно не стало менее опасным. Приходилось слышать сказочку про незадачливого ученика чародея?

— Ну а все же — где мне ее могут прочитать?

— Я могу ее прочитать, — досадливо поморщился Леверлин. — В конце концов, читать — не опасно. Гораздо опаснее неумело претворять в жизнь прочитанное... Видишь ли, как ни парадоксально, у нас не осталось ни одного письменного источника, созданного нашими предками до Шторма, зато известно около восьмидесяти книг и документов Изначальных, исчезнувших примерно за двадцать тысяч лет до Шторма. Обнаружилось несколько хранилищ. Правда, научная ценность равна нулю — в основном это подробные и скучные летописи и хозяйственные документы. Магические книги Изначальных, всплывавшие на поверхность, рано или поздно сжигались. А их язык одно время стал тайным языком алхимиков, а лет триста назад возникла вдруг глупая мода — дворяне его учили, чтобы слуги и низшие не могли понимать. Словом, я ее возьму в отчий дом, доверяешь? В отцовской библиотеке есть хорошие словари, кое-какие исторические работы. И его духовник — человек ученый. Вдвоем сделаем, что сможем. Посидим ночь, не впервые. Приезжай завтра утром. А я вас сейчас провожу, возьму извозчика и незамедлительно отправлюсь в родовое



гнездо. — Он надел плащ и берет, прицепил меч, сунул книгу под колет. — Ничего, если завтра я тебя использую в чисто эгоистических целях? Мой почтенный родитель, увидев орден за харланское дело, до сих пор с сомнением крутит головой, невзирая на патент... А я вновь в шаге от очередного изгнания.

— Сделаю, что могу, — сказал Сварог. — Старина, я...

— Не нужно делать столь растроганную физиономию, — усмехнулся Леверлин. — Я тебе еще в прошлый раз сказал, что можешь на меня положиться. Вот и полагайся. Я рад вновь оказаться посреди очередного волнующего приключения, когда вокруг не протолкнуться от темных сил и злодеев с мечами... Лауретта, хотите, я как-нибудь расскажу вам о моих прошлых приключениях и спою свои баллады? О, не сверкайте так глазами и не рубите меня ни вдоль, ни поперек... Я смущенно умолкаю. Ты счастливец, милорд. Допьем бутылочку перед дорогой?

— Послушай, а что такое Сорокалетняя война? — спросил Сварог. — Сегодня на рынке спели вполне приличную балладу, вызвавшую странный переполох...

— А... Снова? Сорокалетняя война случилась в пятьсот десятом и продолжалась не сорок лет, а сорок два, но история любит круглые цифры... Когда умер наш тогдашний король, снольдерская королева, его сестра, согласно некоторым законам могла претендовать на трон. Естественно, снольдерцы пожаловали в гости — в количестве двадцати полков. А новый наш король, дядя покойного, был личностью совершенно ничтожной и почти сразу же бежал в Харлан. И сорок два года шла война — то вяло, то ожесточенно. Уже и королева умерла, сменились поколения, а перестать все как-то не могли. Потом появилась графиня Браг — между прочим, прабабушка Арталетты — и ввиду полнейшего бессилия мужчин взяла дело в свои руки. И прекратила эту вялотекущую войну, как ни удивительно. Конная статуя на Королевской площади — это и есть памятник в честь Золотой Девы, как ее прозвали за доспехи.

— А ее, часом, потом не сожгли? — спросил Сварог, вспомнив про Жанну Д'Арк и подивившись параллелям.

— Нет, с чего ты взял? Она стала герцогиней, кончила дни в мире и покое, в почтенных годах. Асверус родился как раз в год окончания Сорокалетней войны. Теперь баллада запрещена...

— Случайно, не за нее графа ткнули кинжалом?



— Нет, что ты. — Леверлин оглянулся и вытащил из кучи потрепанную книжечку. — За «Беседу двух пастухов о правлении короля Горомарте». Вот.

Если б вздора не вешали
нам пророки-болтуны
да, нажившись от казны,
впредь ее не истощали,
если б, наконец, блюли
все закон святой и строгий
и король не рвался в боги,
а министры — в короли...

Строки эти, понятно, не понравились ни королю, ни первому министру, и кто из них послал убийцу, уже, пожалуй, не доискаться... Пойдемте? Кто там стучит?

Он открыл дверь и, чуть растерянно отступив, пропустил в комнату девушку лет девятнадцати в зеленом платье, с бляхой Бронзовой гильдии, приколотой на груди, — значит, она сама была мастером, кондитером, судя по знаку. Девушка была премиленькая. Она присела в поклоне, держа перед собой большой пакет.

— Госпожа Рита Гей, почтенная хозяйка кондитерской с Жемчужной улицы, — невозмутимо сказал Леверлин. — Госпожа Гей, простите, я оставляю вас здесь, а сам крайне невежливо покину жилище до завтрашнего полудня. Барон прибыл, чтобы отвезти меня на коллегium министерства финансов — министр заявил, что без меня не начнут обсуждать доклад о повышении морских тарифов... Только, умоляю вас, не смазывайте замки пистолетов взбитыми сливками. И не говорите, будто я шучу. У вас удивительный дар использовать предметы не по назначению, и не спорьте. Разве не вы насыпали в камин угля? Камин — идеальное место для хранения стаканов, там их ни за что не разобьют...

— Очень почтенная дама, — сказал Сварог, когда они вышли на улицу.

— Весьма. Если бы не ее склонность кормить людей леденцами, она смело могла бы считаться дамой, безукоризненной во всех отношениях... Как тебе Ремиденум? Если возникнет нужда, спеши с принцессой сюда. Спрячем. Университет имеет право на герб, флаг и колокол, его привилегии не смеют на-



рушать и короли. Здесь учатся отпрыски лучших фамилий со всего континента, даже с Сильваны, никто не посмеет ввести сюда полицию или войска...

— Это прекрасно, — сказал Сварог. — Но, как я успел приглядеться, ваш университет легко блокировать и взять измором...

— Здесь можно просидеть год. Припасов хватит.

— Главная моя задача — не отсидеться, а незамеченным скрыться из города с принцессой, — сказал Сварог.

— Бежать из города лучше всего под хороший переполох, — сказал Леверлин. — Кстати, о переполохе — будь уверен, мы внесем свой вклад в шумиху вокруг коварных горрогцев, укравших секрет головоломки.

— И коварного Орка.

— И коварного Орка... Жаль, конечно, что позиция оказалась нерешаемой, — у нас уже начались пари, господа студенты рассчитывали на премию и иные профессора тоже...





САМОЛЕТЫ КАК СИМВОЛ КОЛДОВСТВА

Бабка-гусятница печально развела руками:

— Нет, ваше величество, никак не получается. Не могу я взять в толк, где она. Вроде бы среди людей, в шумном месте, но не поймешь — мужчины это или женщины, первый раз со мной такое. Обычно определяешь по вещи сразу: что вокруг, кабак это, лавка, ученая библиотека или солдатский лагерь... Шумное место, грешное. Магией, кстати, там и не пахнет. Но что это за место — не знаю, хоть казните... С предсказанием будущего или разными штуками, помогающими при бегстве, у меня выходило обычно не в пример лучше.

Сварог угрюмо ссутулился на табурете:

— Но она в Равене все же?

— В Равене, ваше величество. Жива и здорова, не скажешь, что под замком. Паколет расстроился ужасно, когда у меня не получилось, бегаёт по городу, пытается что-нибудь выведать. Оно и хорошо, что его тут нет. Я пока вам наследство отдам, светлый король. — Она вытащила из сундука легкий на вид холстинный сверточек. — Чтобы со мной не стигнуло без всякой пользы. Кому и отдать, как не вам?

— Ох, опять вы... — с досадой сказал Сварог. — Тот домишко, напротив вашего, кажется, пустует? Сегодня же его куплю и посажу там охрану...

— Чему быть, того не миновать.

— Посмотрим. Сегодня же там сядет охрана.



— Сядет, сядет... — ласково, как несмышленишу, закивала ему старуха. — Но судьба моя — умереть с зимними дождями вскоре после лицезрения короля, явившегося в простом облике, и ничего тут не поделаешь. Записано так — и не чернилами писано, не на бумаге...

Украдкой вздохнув, Сварог спросил:

— Можно подыскать какие-нибудь заклинания против изобретательных горроотских выдумок?

— Против всего и вся на свете, кроме вас, можно подыскать заклинания, — ничуть не удивилась бабка. — Вот только надо заранее знать, против чего идешь... Понимаете? Если, к примеру, человек не знает, что на свете существует град, как он отыщет заклятье против града? Или от меча, в жизни меча не выдавши? Только сильные маги могли — но их давно повывели...

...Их встречали согласно древнему этикету, давно канувшему в забвение: двое церемониймейстеров с жезлами сопровождали коляску от ворот до парадного крыльца, с торжественными лицами шагая у дверей и время от времени возглашая:

— Благородный гость графа! Благородная гостья графа!

Один из них вызвал дворецкого, четверо графских дворян отсалютовали мечами, и дворецкий повел Сварога с Марой по анфиладе покоев, обставленных старинной мебелью, — слава богу, ничего не возглашая. Сварог подумал: «Если здесь и обитали привидения, они были столь же старомодными и чопорными, не употребляли вульгарных слов, стенали вполне благовоспитанно и не выставляли напоказ ржавые цепи». Он ничуть не удивился бы, встретив домового, обряженного в отглаженную ливрею с гербовыми пуговицами.

— Их сиятельство старый граф ждет в библиотеке, — сказал дворецкий.

— Но нам нужен молодой...

— В этом доме подчиняются распорядку, заведенному старшим графом, ваша милость, — отрезал дворецкий со столь непреклонной учтивостью, что Сварог замолчал.

Старый граф поднялся ему навстречу из-за огромного коромандельского письменного стола — высокий и худой, прямой, как луч лазера, очень похожий на Леверлина, только длинные волосы совершенно седые. Подлинный аристократ — потому что выглядел величественнее любого дворецкого, а этого было невероятно трудно достигнуть. Рядом с ним стоял столь же старый человек в коричневой сутане с крестом Еди-



ного на груди — три перекладыны и цветущее дерево вместо четвертой, верхней. Сварог порадовался, что не зря листал старые книги и нарядил Мару в платье до пола, фасона времен королевы-матери, — юность старого графа пришлась на эти именно бурные годы.

Все действующие лица разглядывали друг друга с соблюдением максимально возможной учтивости.

— Во времена королевы-матери столь юные девушки не стриглись столь коротко, — сказал наконец старый граф. — Коса считалась неременной принадлежностью всякой подлинной дворянки.

Он не предложил сесть, что было плохим признаком.

«Выставят», — подумал Сварог.

И сказал столь же холодно-учтиво:

— Возможно, вину этой юной дамы искупает то, что в дворянство она была возведена считанные дни назад...

— Это совершенно меняет дело, — согласился граф. — Однако для подобных случаев были предусмотрены накладные косы. Вы об этом не знали?

— Не подозревал...

— Надеюсь, ко времени вашего второго визита упущение будет исправлено... если таковой визит состоится. Позвольте предложить вам кресла и представить моего духовника отца Калеба, священника храма на улице Смиренных Братьев (отец Калев молча склонил голову). У меня к вам несколько вопросов, барон... барон Готар, как мне доложили. Что до вашего баронства, не вижу ничего дурного в том, что старинный обычай ваганума был соблюден должным образом. Насколько мне известно, все происходило в полном соответствии с традициями. Да и предшественник ваш являл собой образец редкостной скотины, позорившей звание дворянина. Однако... Время от времени я смотрю телевизор...

— Вы?! — искренне удивился Сварог. Насколько он был слышан, граф считался яростнейшим противником всех и всяческих новшеств, в доме у него не было ни ташей, ни карбильских ламп.

— Как лояльный подданный императрицы, я обязан повиноваться высочайшим указаниям. Смею вас заверить, я смотрю лишь придворную хронику, пренебрегая пошлейшими фильярскими зрелищами. И едва лишь мне представится случай лицезреть императрицу, я немедленно выскажу все, что думаю



о ее непозволительно коротких юбках — разумеется, в тех выражениях, какие титулованный дворянин может употреблять в присутствии венценосной особы. Но мы отвлеклись... В числе сопровождающих императрицу придворных мне довелось видеть и вас — в гвардейском мундире, со знаками камергера. Я не покажусь вам чрезмерно назойливым, если попрошу представиться полным титулом?

— Отнюдь, — сказал Сварог. — Лорд Сварог, граф Гэйр, барон Готар, лейтенант Яшмовых Мушкетеров, камергер двора, кавалер ордена Полярной Звезды...

В глубине души он рассчитывал произвести впечатление — но вышло, похоже, совсем наоборот.

— Ваше небесное великолепие! — сварливо сказал граф. — Позвольте на правах старшего по возрасту выразить вам свое решительное порицание. Появлением на земле без надлежащей свиты и несоблюдением должного этикета вы позорите ваши титулы и положение. Говорю это вам совершенно откровенно. Буде вы чувствуете себя оскорбленным, прошу назвать вид оружия, какой вы предпочитаете, и с таковым проследовать со мной на лужайку перед домом. Если вы верите в Единого, отец Кaleb выслушает и мою, и вашу исповедь, как требует дуэльный кодекс. Если же вы поклоняетесь ложным богам, предоставляю вам время, дабы совершить языческие ритуалы...

— Я вовсе не чувствую себя оскорбленным, — сказал Сварог. — Ваши справедливые упреки наполняют мое сердце раскаянием... — больше всего он боялся, чтобы Мара не фыркнула.

— Рад, что вы, в противоположность большинству нынешних молодых людей, способны испытывать раскаяние... Поймите, юноша: дворянин может странствовать переодетым в костюм человека, стоящего ниже его на общественной лестнице, лишь в двух случаях: когда речь идет о выполнении возложенной лично венценосной особой миссии либо, — он сложил губы таким образом, что это могло означать и улыбку, — либо когда дело касается любовной интриги. В вашем случае, насколько я понимаю, дело обстоит иначе, и это позволяет мне выступить с упреками...

«Ну, я ж тебя», — подумал Сварог, почтительно склоняя голову.

— Ваше сиятельство, буквально на днях Геральдическая Императорская Коллегия постановила: лица, обладающие и зем-



ными и небесными дворянскими титулами, вправе держать себя с соблюдением того этикета, каковой требуется для обладателя какого-то одного титула.

Что было чистой правдой. Вот разве что единственным обладателем и земного и небесного титулов был сам Сварог...

— Это совершенно меняет дело, — сказал граф. — Прошу простить за поспешность. Однако очередного выпуска альманаха Гербальдической Коллегии я еще не получал, что и подвигло на непродуманные высказывания... — Он торжественно выпрямился. — Можете всецело располагать мною, барон. Любое мыслимое содействие, какое только потребуется...

— Благодарю, — сказал Сварог. — Любое мыслимое содействие оказывает ваш сын.

Граф пошевелился — для него это явно было внешним признаком волнения.

— Следовательно, я могу с полным доверием отнести к его патенту на орден? Признаться, я не считаю этого шалопая способным на подделку бумаг императорской канцелярии, но вся эта история весьма загадочна — столь высокий орден на груди юнца столь сомнительной репутации... Поневоле закрадываются сомнения...

— Отбросьте сомнения, — сказал Сварог. — Вам известно, что случилось недавно в Харлане?

— Разумеется.

— Мы там были вдвоем. И это все, что я могу сейчас сказать.

— Барон, вы меня невероятно обрадовали...

— Будьте к нему снисходительнее, — сказал Сварог. — Он серьезнее, чем вам кажется.

— Быть может, в таком случае следует поручить ему тяжбу?

— Вы с кем-нибудь судитесь?

— Да, только что подал бумаги в коронный суд. Видите ли, барон, появление в Равене этих новомодных самолетов открыто и недвусмысленно нарушает «Закон о колдовстве», принятый триста восемьдесят четыре года назад королем Стениором Четвертым, Согласно этому закону, любое лицо, будь то ронерский подданный или иностранец, поднявшееся на глазах свидетелей в воздух, неважно, силой заклятья или с помощью каких-либо приспособлений, подлежит в зависимости от своего общественного положения либо сожжению, либо за-



ключению в тюрьму, либо баниции с неперменным условием. Я — достаточно просвещенный человек и понимаю, что колдовством здесь и не пахнет. Но поскольку закон до сих пор не отменен должным указом, он продолжает действовать. Поле для скачек, на котором нашли пристанище самолеты нашего нахального соседа, не принадлежит ни королевскому домену, ни ратуше — это выморочная коронная земля, подчиняющаяся юрисдикции коронного судьи Равены. Каковой в соответствии с «Законом о колдовстве» обязан немедленно принять меры к задержанию вышеозначенных лиц и преданию их суду с предварительным уничтожением вещественных доказательств путем публичного сожжения...

— Великолепная мысль, граф, — сказал Сварог. — С вашего позволения, я немедленно готов обсудить ее с вашим сыном, как и другие, не менее серьезные вопросы, ради которых я и прибыл.

— Не смею вам мешать, барон. — Когда Мара поднялась вслед за Сварогом, граф поспешно добавил: — Простите, лауретта, но я вынужден просить вас остаться и удовольствоваться моим обществом. Юная незамужняя дама не может находиться без камеристки в комнате, где присутствуют холостые дворяне...

Мара обреченно уселась вновь. Сварог ободряюще ей подмигнул и пошел за дворецким. Видимо, он не опомнился еще от беседы со старым графом — войдя в указанную ему комнату Леверлина, начал было велеречиво:

— Позвольте, граф, узнать результаты возложенного на вас поручения... — спохватился, досадливо махнул рукой. — Тьфу ты...

— Вот так и живем, — сказал Леверлин. — Рискнешь остаться на обед — каждая новая тарелка будет ставиться перед тобой под звуки четырех фанфар и вопли мажордома. «Жаркое его небесного великолепия!», «Салфетка его небесного великолепия!» Останься обедать, умоляю!

— Черта с два, — сказал Сварог. — Спасибо, что предупредил... Итак?

— Ты не станешь на меня сердиться?

— За что?

— Да сожгли мы твою книгу, — сказал Леверлин. — Под утро мы с отцом Калемом, найдя искомое, посоветовались и решили — лучше этому ученому труду вылететь в трубу с пеплом. А гореть она не хотела, крайне неприятное было зрелище...



— Да черт с ней, раз вы нашли... — сказал Сварог нетерпеливо. — В чем там секрет?

— Целая глава была посвящена искусству создания виденного тобою двойника — под благозвучным названием «чегаортетайн». Подробности этого процесса не стоит повторять, да и вряд ли они тебя заинтересуют... Кроме одной, самой существенной и объясняющей кое-что. Жизни такому двойнику отведено на три недели. Три и семь — Изначальные, похоже, придерживались той же магии чисел, что иные наши колдуны... Три недели. Отсюда следует: примерно через шестнадцать дней пребывающее сейчас во дворце создание перестанет существовать — и зрелище будет красочное, с эффектами... Правда, есть средство сохранить двойника неограниченно долгое время. Для этого нужно, чтобы прообраз, настоящая Делия, был с соблюдением особого ритуала принесен в жертву в присутствии двойника. Тогда подменыш обретет плоть и кровь, долгую жизнь всецело подвластную создателю куклы... Если с книги не сняли копии и никто после смерти Сенгала не знает ритуала, мы наполовину выиграли. Но я склонен допускать худшее...

— Я тоже, — сказал Сварог. — У Сенгала не могло не остаться сообщников. Такое предприятие требует организации...

— И что ты намерен делать?

Сварог достал сигарету и пустил дым в потолок:

— А ничего. Они сами загнали себя в ловушку. Им непременно придется доставить Делию во дворец, к двойнику, а не наоборот. Если ее отыщут раньше нас, именно те, кто собирается «закрепить» двойника, вмешаются люди протектора. Если ее отыщут те, кому она нужна, как ключик к трем королевствам, бабка-гусятница сумеет определить ее новое укрытие. И мы перехватим их по дороге. Наконец, нам самим может повезти. Видишь какие-нибудь изъяны в моей задумке?

— Пожалуй, нет. Разве что ее попытаются убить...

— Убить ее попытаются не раньше, чем она попадет ко мне. Никак не раньше...





Глава 12



«Я ЕЕ НАШЕЛ!»

Сварог по сути бездельничал. Он навестил сначала Орка, потом снольдерского любителя риска, разговаривал с обоими недолго, чуть ли не стоя, создавая впечатление, что невероятно спешит. Уже возле особняка Орка к нему обрадованно сели на хвост потерявшие было след шпики — с которыми он учтиво раскланялся из коляски. Того, получившего от Мары монетой в глаз, он больше не видел — но один из новых, хоть и не похожий внешне на горротца, при каждом резком движении девчонки торопился отъехать подальше, что выдавало его принадлежность к белому флагу с черным солнцем.

Остаток этого дня и весь следующий Сварог болтался без дела по дому графини, готовому к любым неожиданностям: у ворот и в саду прохаживались вооруженные дворяне, вдоль стен, позвякивая скользившими по натянутым канатам цепями, бегали здоровенные псы мясницкой породы, черные, гладкошерстные, с отрезанными ушами и хвостами. Гребень стены покрылся железными «ежами», ворота закрыты плетенками из колючей проволоки. Все слуги вооружены. Особняк стал наглядной иллюстрацией к историческому роману о войне Кабанов с Волками, когда лихие налеты среди бела дня на городские дома недругов были делом самым обычным. Войдя в азарт, Маргилена велела было выкатить из каретного сарая две старинные фамильные пушки, но Сварог ее отговорил, пожалев пауков, давно устроивших в жерлах дачи. По городу ползали пущенные



людьми Гинкера слухи — что барон Готар собирается перевезти в дом графини сокровища своего предшественника и загодя принял меры предосторожности. На самом деле Сварог, превращая особняк в крепость, хотел заставить своих конкурентов решить, будто найденную принцессу он намерен укрывать у графини. Между тем укрыть ее должна была бабка-гусятница...

Конкуренты не дремали. В окошках дома напротив порой довольно откровенно поблескивали стекла наведенных на особняк подозрительных труб. Время от времени по улице проезжали и проходили субъекты, чья профессия сомнений не вызывала. Все эти знаки внимания Сварога мало занимали и ничуть не трогали. Он довольствовался тем, что без особой необходимости частенько обходил посты. И ждал. То есть делал единственное, что мог. Если так вели себя и остальные главные игроки, ситуация не имела в шахматах ни аналогии, ни названия — участники игры отошли от доски, а их пешки, кони и слоны совершенно самостоятельно носились по черным и белым квадратам, не нанося урона противнику.

Тяжба старшего графа прямо-таки молниеносно закончилась его полным поражением. Король Конгер Ужасный, узнав о поступившей к коронному судье жалобе на нарушение «Закона о колдовстве», не стал ни гневаться, ни ввязываться в затяжную возню судейской бюрократии. В тот же самый день снольдерские самолеты перелетели на заброшенный ипподром, принадлежавший самому королю, а королевские домены, считалось, вне всяких законов, кроме воли венценосца... Изящный ход, беспроигрышный и не ведущий за собой никаких репрессий. Узнав о нем, Сварог совершил действия, недвусмысленно квалифицировавшиеся законами Ронеро как «оскорбление величества словом». Но поскольку свидетелями были люди верные — Мара и отрешенный от всего сущего, кроме «пятнашки», граф Дино, — Конгеру так и не довелось узнать, что некий барон назвал его в сердцах сукиным котом и осколком феодализма. Впрочем, последнее оскорбление вряд ли понял бы и король, и зловещая Багряная Палата...

За бабку-гусятницу Сварог не беспокоился — он приезжал туда, убедившись, что слежки нет. Трудом барона Гинкера из домика напротив выставили хозяина-огородника, сполна заплатив ему за недвижимость и намекнув, что его развалюха понадобилась конторе, о которой и думать страшно, не то что называть вслух. Со строжайшим напутствием держать язык за



зубами огородник был выставлен в противоположный конец города, где купил домик не хуже и затаился, как мышка, а на его бывшем подворье поселились несколько неразговорчивых верзил — в количестве, достаточном для круглосуточного наблюдения за бабкиным домом. Сварог хотел избежать любых неожиданностей — и потому у бабки поселился приехавший из деревни родственник, скрывавший под кафтаном пистолет, налитую свинцом дубинку и полицейскую бляху. Капрал Шег Шедарис, трезвехонький, как стеклышко, приобрел новую одежду, пробавлялся двумя кружками пива в день и готов был прыгнуть в седло по первому зову трубы. Леверлин сидел в Ремиденуме, ожидая боевого клича. Тетка Чари купила на деньги Сварога десяток выезженных лошадей и держала у себя в конюшне. Сварог запасся у Гинкера полицейской бляхой, офицерской, с золотой каймой. Одним словом, все было расписано, как по нотам. И Сварог задавался одним-единственным вопросом: есть ли у конкурентов столь же детальные планы на случай, если он найдет принцессу первым? Пожалуй, есть, и вопрос следует сформулировать иначе: насколько действенными окажутся их планы, учитывая, что конкуренты все же действуют шпионским образом на территории чужой державы?

А ночи, две подряд, выдались бурными. Прекрасно спевшиеся боевые подруги заявлялись к нему с темнотой — и, несмотря на все приятные стороны этих вторжений, Сварогу приходилось нелегко. Пожалуй, он охотно раскрыл бы графу Дино секрет решения — но решений-то не существовало... Что до головоломки, она завоевала Равену в двое суток, и страсти по-немногу накалялись... Сейчас, стоя ранним утром на галерее, Сварог думал почти весело: когда бомба взорвется, от особняка Орка останутся одни стены...

— Когда же мы будем драться? — спросила бесшумно подошедшая Мара.

— Надеюсь, до этого вообще не дойдет, — сказал Сварог, ухитрившись не вздрогнуть от неожиданности и чертыхнувшись про себя. — Один умный человек написал как-то, что лучший полководец — тот, кто выигрывает сражение, так и не развязав битвы...

— Никогда не слышала.

— Он давно жил, — сказал Сварог.

Проще говоря, он еще и не родился, но не стоит объяснять боевой подруге эти сложности. К тому же Сварог не уверен был



до конца, что это — прошлое. С тем же успехом и долей вероятности окружающее могло оказаться пресловутым параллельным пространством, очередной копией Солнечной системы, живущей по иным картам, иному календарю и иным часам.

— Вообще-то в этом утверждении есть резон, — сказала Мара. — Для больших сражений это, возможно, и годится. Но я не возражала бы против легкой разминки...

— Не накаркай, — сказал Сварог. — Я очень хотел бы убраться отсюда тихо и благопристойно, не протыкая по дороге встречных. — Он повернул голову на стук колес. — Поздравляю. Кажется, в романах это и называется «интрига завязывается». — Он перегнулся через перила и закричал дежурившим у ворот дворянам: — Пропустить!

Паколет влетел в ворота, размахивая большим синим конвертом «соколиной почты», держа его на виду скорее для сторонних наблюдателей — так что это, вероятнее всего, была уловка. Опрометью бросился на галерею, к Сварогу, перепрыгивая через три ступеньки. Сварог напряженно ждал с колоющимся сердцем, надеясь на лучшее, но из суеверия ожидал самого худшего.

Паколет остановился перед ним, тяжело дыша, словно сам бежал всю дорогу в оглоблях вместо извозчичьей лошади. Счастливо улыбнулся во весь рот, отступил, опять придвинулся, большими пальцами взъерошил свои редкие усики. Сварог взял его за локоть и потащил в комнату с занавешенными окнами.

— Командир!

— Ты не спеши, — посоветовал Сварог, сам охваченный радостным возбуждением. — Членораздельно, спокойнее...

Паколет швырнул бесполезный конверт:

— Ваше величество!

— Спокойно! — рявкнул Сварог. Подействовало. Спокойно, даже чуточку равнодушно Паколет сказал:

— Нашел я ее. Бабка не догадалась, а я догадался, как-никак бабка у нас примерная гусятница, а я — ночной парикмахер и всякое повидал... Эти, которые не мужчины и не женщины, — притон для педрил! Понимаете, почему бабке не удалось? Вы ж сами с магией знаете, командир! У нас эта мода давненько приугасла, пока лет двадцать назад не занесли из Балонга...

Кажется, Сварог понял. Запах мысли. Возьмите у матери-собаки щенка, хорошенько натрите его кошачьей шкуркой, положите назад — и какое-то время мать будет в полном недоумении,



не в силах определить, к какой же породе относится это странное существо. Потому что для собаки запах важнее того, что она видит глазами. Так и с колдунами. Они чувят запах — в данном случае запах мысли. У женщины свой запах мысли, у мужчины свой. И колдун, если нет практики, непременно сойдет со следа...

— На Морской, неподалеку от переуллка Белошвеек, есть притон, — продолжал Паколет. — Столь высокого пошиба, что это уже не притоном называется, а салоном, где собираются сплошь благородные. Хозяином там разорившийся барон. Полиция не препятствует, потому как туда похаживает сам барон Гинкер. Грешен, командир, я там частенько брал кошельки, так что место знакомое. У педрилы мозги, как бы вам объяснить, сдвинуты с обычного ритма, его «оседлать» легче... Ну вот, когда мне эта мысль стукнула в голову, поднял я бабку спозаранку, сожгла она тот платочек, сделала «черный настой», сунул я склянку в карман, помчался на Морскую, подошел к дому — и фыркнул настой так, что пробка вылетела, и залило мне весь бок...

— Иди переоденься в мужское, — бросил Сварог Маре. — Возьми свое оружие, какое есть.

Фокус с «черным настоем» он тоже знал. Настой на пепле из сожженной вещи разыскиваемого человека, если его готовил знающий дело колдун, багровеет и пенится, стоит ему окатиться неподалеку от хозяина вещи. Этот прием не годится для поисков наугад — попробуйте обойти большой город вроде Равены, вытаскивая скляночку под каждым окном, у каждой калитки... Зато этот метод прекрасно срабатывает, когда есть подозрения на какой-то определенный дом. В старину этим широко пользовались, чтобы уличить преступника, если находилась оброненная им вещь, а женщины, заподозрив конкретную соперницу, бежали к колдуну с платком мужа и ловили его на горячем.

Неужели Гинкер, владелец этого притона, ведет двойную игру? Или дело в той самой логике непрофессионалов и он сам ни о чем не подозревает? Бордель для педрил — последнее место, которое ассоциируется со словом «женщина». А темнее всего — под пламенем свечи. Слухи об этом роскошном притончике гуляли при дворе, могло дойти и до Делии...

Вот и все. Бабка-гусятница приютит. Лошадей у тетки Чари в избытке. Нынче же днем группа всадников с железными документами и выправленными по всей форме подорожными покинет город. А отъехав в безлюдные места, сядут на пароход



и поплывут в Харлан — туда ближе всего, там заправляет Хартог, не столь давно взошедший на престол, чтобы успеть преисполниться неблагодарности. И дальше — море...

Сунув Паколета за стол в красной гостиной напротив равнодушного ко всему на свете, кроме «пятнашки», графа Дино, поставив перед верным мошенником бутылку и стакан, Сварог побежал к себе в комнату, переоделся в простой дорожный костюм. Собирать ему было почти что и нечего — Доран-ан-Тег, пару пистолетов да несколько туго набитых кошельков и кое-какие бумаги. Застегнул кожаный колет, глянул в зеркало — еще один дворянин-путешественник, какие в превеликом обилии снуют по дорогам королевства. Застегнул на груди перевязь, так, чтобы ножны меча оказались за спиной, а рукоять торчала над плечом. Оказалось, так носить меч и в самом деле гораздо удобнее — выигрываешь секунды, можно, выхватив, нанести удар без всякого замаха...

— Вот и все?

— Вот и все, Маргилен, — сказал Сварог, обернувшись. — Сюда мы в любом случае не вернемся, хотя шпики должны думать иначе...

— И это все, что ты можешь сказать? Сварог смотрел в ее печальные серые глаза и лихорадочно искал слова. Ну что тут скажешь?

— Ты удивительная женщина, — сказал он. — Серьезно.

— Я знаю. И постараюсь никогда ко мне не возвращаться. Во-первых, я не умею долго спать в одиночестве и терпеть не могу воскрешать былые привязанности. Очень быстро забываю прошлое. Во-вторых, для тебя время идет по-другому, ты и не заметишь за хлопотами, сколько лет пронеслось, — а с нами обстоит чуть иначе. Береги девочку. Удачи... Серый Рыцарь.

Приподнялась на цыпочки, чмокнула его в щеку, отвернулась и вышла из комнаты. Сварог подумал, что лучшего прощания нельзя и выдумать.

Когда они втроем сели в коляску, Сварог спросил:

— Ты меч в руках когда-нибудь держал?

— Вот уж чего не доводилось, — сказал Паколет. — Драться могу неплохо и с ножом тоже управлюсь. Если честно, найдется за мной и полдюжины порезанных, и даже один жмурик. Но вот военного оружия в руках не держал...

— Тогда не стоит и пробовать, — сказал Сварог. — Будешь пока что пребывать в обозе.



Хвосты они рубили там же, где и в прошлый раз, когда ехали к Леверлину. В одном из хитрых домов, охваченных вниманием барона Гинкера, — входил в сапожную лавку, ныряешь в дверцу за прилавком, и сидящий в задней комнате посвященный человек бегом провожает тебя по лабиринту переходов, лестниц, коридорчиков, тупиков и дворику, пока не окажешься за квартал отсюда, на совершенно другой улице, вовсе даже перпендикулярной той, где размещен исходный пункт. Помимо сапожной лавки, имелись другие входы и выходы, так что лабиринтов было несколько — и все они затейливо вмонтированы в самые обыкновенные доходные дома, так что жильцы ничего не подозревают и привыкли к шмыгающим мимо незнакомцам.

...Паколета оставили в обозе, сиречь в карете отца Калеба. Леверлин и капрал Шедарис заняли позицию у задней калитки, выходившей в безлюдный переулок, где не было домов — лишь стена чьего-то парка. Сварог же с Марой поступили, как вежливые люди: подошли к парадным воротам в стене, окружавшей ухоженный сад и двухэтажный красивый домик с желтой черепичной крышей.

Рядом с воротами блестела начищенная медная ручка звонка в виде бутона розы, но переигрывать с вежливостью не стоило — условного сигнала они не знали, а на беспорядочный трезвон наверняка вышел бы неприветливый тип в ливрее без герба и сообщил, что господа в отъезде, а ему настрого велено никого не пущать, чтобы не пропадали серебряные ложки... Поэтому Сварог, определив по заклепкам калитки, где с внутренней стороны находится засов, оглянулся и, убедившись в полном отсутствии свидетелей, нанес в то место страшный удар топором. Толкнул калитку ногой, и она бесшумно распахнулась на добротно смазанных петлях.

Они прошли по дорожке, никого по пути не встретив, как ни в чем не бывало вошли в дом. В прихожей и в самом деле обнаружился хмурый верзила в ливрее без герба, уставившийся на них несколько оторопело:

— Как это вы сюда? Здесь владение...

— Друг мой, — мягко прервал его Сварог. — У вас есть нравственный стержень или высокие идеалы?

Верзила не испугался бы удара, но таким вопросом он на миг был приведен в состояние полного оупения. Сварог ударил его локтем в подбородок, подставив подножку, потом, когда верзила уже валился, резко выпрямил руку и добавил



ребром ладони по черепу. Прислушался. Где-то поблизости жеманно смеялись, на втором этаже лениво позвякивали струны виолончели — но никаких признаков оживленного веселья. Должно быть, не время.

Верзила зашевелился. Сварог дал ему время привыкнуть к новой ситуации и спросил:

— Где хозяин? — для вящего эффекта приблизив к горлу лезвие топора. — Хозяин где? Зарежу, сучий потрох...

Тот на всякий случай вовсе не произнес ни слова, только показал рукой на второй этаж.

— Вставай и ведай, — приказал Сварог, убирая топор.

Верзила встал, потирая то челюсть, то висок, покорно пошел впереди. Мара замыкала шествие. Сварог не волновался ничуть — скорее, в голове была совершеннейшая пустота.

Распахнулась дверь, в коридор выпорхнули двое некрашенных юнцов в женских платьях. Сварог молча показал им кулак, и они понятливо юркнули назад, спасаясь от грубой прозы жизни. Верзила молча тащился впереди.

— Эй, ты, часом, не онемел? — любопытствовал Сварог.

Верзила угрюмо проворчал:

— У нас сегодня барон Гинкер ожидается, шли бы вы подобру-поздорову, пока не огребли хлопот выше ушей...

Сварог молча ткнул его обухом в поясницу, и тот пошел быстрее. Остановился перед дверью в конце коридора и наладился было нырнуть в нее первым, но Сварог его на всякий случай придержал. Сам нажал на ручку, осторожненько заглянул внутрь. Спиной к нему сидел в кресле старик и что-то увлеченно писал, временами воздевая глаза к потолку и помахивая пером. Походило на творческие муки поэта. Удовлетворенно кивнув, Сварог хотел войти.

За его спиной раздался непонятный звук, оханье. Сварог резко обернулся. Верзила оседал, выронив литой медный кастет, а Мара преспокойно убирала за голенище кинжал. Сварог, досадливо поморщившись, вошел и, чтобы не довести седовласого до инфаркта, громко сказал:

— Гхм!

Тот обернулся. Судя по его изменившемуся лицу, муза резко упорхнула. Предупреждая вопросы, Сварог вразвалочку подошел, прислонил топор к столу и надежно сграбастал старика за худую черепашую шею. Придавив немного, отпустил. Сказал веско, с расстановкой:



— Душу выну. Сволочь. Тварь. Задавлю. Где принцесса, мать твою?

Глаза старика невольно скосились в сторону приоткрытой двери в глубине комнаты. Сварог обернулся туда — и очень вовремя. Она уже надвигалась с занесенным мечом в руке — очаровательная, долгожданная, прекрасная в гнев... Сварог мысленно умилился и отпрыгнул, крикнув Маре:

— Стоять! Старика держи!

Делия сделала выпад. Уклонившись, Сварог схватил ее за рукав у запястья, отработанно взял на прием, выкрутил руку — меч лязгнул об пол, — левой обхватил поперек груди, прижал к себе. Делия молча, яростно вырывалась, колотя его затылком в грудь.

— Я тебя отшлепаю, — сказал Сварог. — На друзей с мечом бросаться нехорошо.

Она чуточку унялась. Сварог ногой отшвырнул подальше ее меч и спросил:

— Звезда моя, будете вести себя примерно, если я разомкну нежные объятия?

Делия ответила словами, каких благовоспитанная принцесса и знать-то не должна, не то что произносить без ошибок, нисколько не путая ударения.

— Ладно, рискнем, — сказал Сварог, не без сомнений отпускающая девушку.

Она с кошачьей грацией прыгнула вбок, прижалась к обитой зеленым штофом стене, выхватила кинжал из-за голенища высокого сапога — она была в мужском охотничьем костюме — и стояла так, быстрыми взглядами во все стороны оценивая обстановку. Конечно, она была и испугана, и рассержена, но видно, что начала уже думать, гадать, шевелить мозгами и прикидывать шансы — по лицу видно. Сварог, глядя на нее не без эстетического наслаждения, благодушно спросил:

— Ваше высочество, отчего вы на меня так уставились?

— У вас улыбка совершенно идиотская, — сердито и настоятельно ответила Делия.

— Возможно, — сказал Сварог. — Я так долго и старательно вас искал... Бросьте в меня кинжалом, принцесса. Прямо в мою честную, открытую физиономию. Многое поймете.

— Я и в самом деле могу бросить...

— Умоляю вас это сделать.

Ее лицо стало жестким, решительным, но в лицо все же бросать не стала — нацелилась в ногу. Кинжал отлетел в сторону, зазвенел на полу.



— Попробуйте еще? — предложил Сварог.

— Вы лар? — спросила она недоверчиво.

— Ну, наконец-то, — сказал он. — Я — лорд Сварог, граф Гэйр, между прочим, яшмовый мушкетер императрицы, и я вас ищу который день... Пойдемте.

— Почему я должна вам верить?

— Да потому, что больше некому верить, — сказал Сварог. — У вас под дверями что, очередь просителей, наперебой предлагающих им верить?

— Я никому теперь не верю...

— И вы намерены провести в этом приятном заблуждении остаток дней, не покидая сего милого заведения?

«Сейчас, — подумал Сварог, — или она сломается, или придется наплевать на этикет и волочь ее в карету силой, потому что время уходит и возможны любые неожиданности самого пакостного характера».

И она сломалась. Уронив руки, устало вздохнула:

— Я так больше не выдержу. Хочется хоть какой-то определенности, ничего не понимаю...

Жалеть ее, а там более утешать было некогда, Сварог решительно подошел, взял за руку:

— Нужно спешить. Я вам все расскажу в карете.

— Во дворец? — В ее глазах вспыхнула надежда.

— Нет, — сказал Сварог. — Вам же нельзя во дворец. Убьют.

— Я знаю, — вяло кивнула Делия.

— Тогда идите. Заберите оружие. Где ваша шляпа? — Он повернулся к Маре. — Быстренько сходи в комнату, принеси...

Когда Делия уже направилась к выходу и вернулась Мара, Сварог вдруг подумал, что старый владелец заведения что-то подозрительно притих. Подошел к столу. Почтенный старец откинулся на спинку кресла, и глаза у него уже стекленели. Догнав Мару, Сварог воззрился на нее с немим вопросом. Она преспокойно пожала плечами:

— Зато никому не расскажет. Надо бы найти тех двух, да некогда, пусть живут...

И ужасаться ее манере работать было некогда. Сварог, махнув рукой, поспешил за принцессой.

Гинкер появился, когда они уже спустились в прихожую. Он увидел принцессу, он ее узнал. И стало ясно, что двойной игры он не вел и о присутствии Делии на своей явочной квар-



тире не подозревал. Какой-то миг казалось, что он уже не оправится, рухнет замертво. Но старые царедворцы — народ все же закаленный...

— Сколько лет вы были протектором, тридцать? — безжалостно ухмыльнулся Сварог. — Ваше счастье, что не я тут король...

— Логика непрофессионала... — еле выговорил барон. — Я же говорил...

— Да, помню. — Сварог упер указательный палец ему в грудь, повыше ониксовой пуговицы в золотой оправе. — Слушайте внимательно. Двойнику во дворце осталось жить недели две. Потом весьма эффектно издохнет. Так что не вздумайте начать свою игру... Мы уезжаем из города, как вы понимаете. И чтобы...

— Я не ребенок, — угрюмо отозвался барон.

— Вот и прекрасно. Я с вами свяжусь, если будет такая необходимость. Где тут проход к задней калитке? Пойдемте, принцесса.

Они вышли из безлюдный переулочек — к огромному облегчению Леверлина и капрала.

— Но зачем мы уезжаем? — остановилась вдруг Делия. — Вы же сами сказали только что — этой... осталось две недели. Вы же о ней говорили? Граф Леверлин, вы?! А это... — Она уставилась на Шедериса, явно прикидывая, граф это или герцог. — Вас я не знаю...

— Ничего, это верный человек, — сказал Сварог, побыстрее уводя ее от калитки. — Увы, принцесса, нам придется покинуть город. И потому, что чересчур опасно ждать здесь две недели, и потому... — Он решил ковать железо, пока горячо. — Вы знаете пророчество Таверо о златовласой принцессе, которой суждено спасти три королевства? Отлично. Вам никогда не приходило в голову, что это — о вас?

— Я иногда набиралась дерзости так думать...

— А если вы узнаете, что Серый Рыцарь — это я и есть?

— Послушайте, — сказала Делия устало. — Я сейчас готова верить всему и спасти что угодно от кого угодно. Только побыстрее увезите меня, куда угодно. Я... — Она уткнулась в плечо Сварога и захлебнулась плачем.

Леверлин рванулся к ней, но Сварог, одной рукой обняв принцессу, остановил его жестом:

— Ничего страшного, дружище. У человека наконец появилась в жизни какая-то определенность, и он понял, что находится среди друзей...



БЕСПРИЮТНЫЕ

В карете она немного успокоилась. Сидела, тесно прижавшись к Сварогу (не от избытка чувств к благородному избавителю, а по причине насквозь прозаической — шестерым там было не повернуться), и, уставясь на плотно занавешанное окно, вполголоса рассказывала.

Ночью в коридоре появились какие-то странные существа (Сварог из деликатности не стал уточнять, как вышло, что принцесса оказалась ночью в коридоре). Делия сама видела, как синий мушкетер, которого они схватили, рухнул, почернев и ссохшись, как головешка. Но против гланцев и их освященных в древних храмах Единого мечей страшилища оказались бессильны. Тогда, после короткого замешательства, на охрану принцессы набросились самые обычные люди, державшиеся до того позади. Ими командовал герцог Сенгал, и с ними была еще... она сама. Словно отражение ожило и покинуло зеркало. Лейтенант Данаби действовал, особо не рассуждая, и решил пробиваться наружу. Сначала они хотели пробиться в казармы гланской гвардии, но быстро поняли, что врагов слишком много и все пути отрезаны. Тогда кинулись подальше от дворца. В переулке Белошвеек разыгралась последняя схватка, из которой живой вышла одна Делия. Она тоже не особенно рассуждала — просто единственным знакомым ей в этом районе ориентиром был домик-притончик (о нем рассказывали придворные сплетницы, а как-то и показали во



время верховой прогулки). Пробираться в одиночку к главному казармам она не рискнула и правильно сделала — уже через пару минут после того, как она перемахнула через стену в сад, по переулку стали шнырять всадники. В саду она просидела до рассвета, потом пробралась в дом и наткнулась на старика хозяина. Иллюзий она не питала и прекрасно понимала, что старый педрила, промотавший все состояние на скаковых лошадей и мальчиков, видит в ней лишь козырь для азартной игры с баснословным выигрышем при удаче — но так, если подумать, было даже лучше. А выбирать не из чего...

Сварог переглянулся о Леверлином. Описанные Делией создания как две капли воды походили на статую странного существа из замка Мораг, оставшегося загадкой даже для Гаудина. Впервые у Сварога зародились подозрения, что все происшедшее отнюдь не замыкается на чернокнижнике-герцоге, отыскавшем древний магический трактат. Но он пока что не стал ни с кем делиться своими догадками. И не стал расспрашивать Делию, почему она так и не попыталась связаться с дворцом, решив отложить это на потом.

— Знаете, почему я вам верю? — спросила вдруг Делия. — Не только оттого, что с вами знакомый мне граф Леверлин. Вы — самая странная компания, какую я в жизни видела. Шайки злодеев такими не бывают...

«Интересно, что ты вообще видела в жизни, кроме дворца, балов и охот, — подумал Сварог. — И где исхитрилась узреть шайку настоящих злодеев, кроме как на экране телевизора и иллюстрациях к приключенческим романам? Но наблюдение верное — компания и в самом деле странноватая...»

— Хорошо, — сказал он, чтобы отвлечься от серьезных и тягостных раздумий. — С этой минуты я присваиваю нашему славному отряду наименование Странной Компании. Принцесса, вы не откажетесь стать шефом полка? Хотя этот полк не тянет даже на гран-платунг, иным не уступит...

Делия устало улыбнулась, больше из вежливости. Все же она отлично держалась — время такое, эпоха жеманных, хрупких, бледненьких принцесс на горошине если и наступит, то очень не скоро. Да и наследственность неплохая. Говорят, Конгер сжал ее на коня раньше, чем научилась ходить.

— Что мы будем делать? — спросила Делия.

— Мы будем делать сущие пустяки, — сказал Сварог. — Сейчас мы вас спрячем. Вернее, все спрячемся. А потом по-

стараясь сделать все, чтобы репутация Таверо не пострадала. Всей Странной Компанией свалимся в гости к одной милой старушке, переждем немного и отправимся к харланской границе, нынешний герцог обязан мне троном и вряд ли успел стать неблагодарным.

— А потом?

— Не стоит загадывать. Пока что наш сияющий идеал и светлая мечта — харланская граница...

— Я могла бы обратиться к гланской гвардии. Они не могли не почувствовать неладного. Они-то поверят...

— Вполне возможно, — сказал Сварог. — Но, насколько я знаю вашего батюшку, он, будучи уверенным, что настоящая принцесса пребывает во дворце, станет решительным, недоверчивым и несговорчивым. Выйдет большая кровь и сумятица, мы ничего не добьемся, кроме риска для вас получить случайную стрелу. Или пулю. Или — не случайную... А время все равно работает на нас. Эта тварь во дворце долго не протянет. Надеюсь, ее конец будет достаточно зрелищным, чтобы у свидетелей возникли кое-какие вопросы...

...Он не обратил сначала внимания на дым — в Равене чашенько где-нибудь горело. Но чем ближе карета подъезжала к Королевской, тем сильнее несло гарью. Сварог высунулся из окна, глядя вперед. Сердце неприятно колыхнулось в груди.

Пожарные как раз отъезжали. Гнедые упряжки четверкой уносили вскачь огромные бочки на колесах, сверкающий начищенными медными частями замысловатый насос и две длинные повозки, набитые отчаянными усачами в красных кафтанах. Над головами у них торчали длинные багры. Судя по чистой одежде, им не пришлось лезть в пожарище.

Зевак оказалось не особенно много, и гуртовались они на почтительном расстоянии. Забор и калитка почти не обгорели, но во дворе что-то еще чадило, лениво догорало, жидкие струйки дыма колыхались на слабом ветерке. Во дворе, к удивлению Сварога, шумно гоготали неведомо как уцелевшие гуси. У калитки растерянно топтались шпики, бдившие в доме напротив, — бдившие, как оказалось, из рук вон плохо...

Сварог втянул голову внутрь кареты. Встретил взгляд Паколета и медленно кивнул.

— Бабка! — Паколет рванулся наружу, но Сварог поймал его за руку, стиснул:

— Сиди! Может, обошлось...



Распахнул дверцу и выскочил. Завидев его, гинкеровские шпики оживились. Старший, Мушери, благообразный седой прохвост, выступил вперед, одергивая кафтан, словно военный мундир. Похоже, он радовался, что прибыл наконец кто-то, имеющий отношение к начальству, и можно свалить все с плеч:

— Несчастье, ваша милость...

— Вижу, что не карнавал с плясками, — сказал Сварог. — Что случилось? Вы куда смотрели, свинячьи выкидыши?

— Ваша милость, полыхнуло сразу, как только эта стерва вошла в калитку, и полминуты не прошло...

Рапорт его был профессионально четким и подробным без многословия, но рассказывал Мушери ни с чем не сообразные, вовсе уж фантастические байки. По его словам, все началось с того, что в калитку без стука прошмыгнула женщина, одетая небогатой горожанкой, — и через несколько секунд полыхнуло, домик загорелся, как пучок сухой соломы, причем не было взрыва. Он, Мушери, не вчера родился и знает, что существуют разнообразные горючие смеси, применяемые в военном деле, но у загадочной гостьи не было ни в руках, ни под платьем никакого сосуда, они бы заметили. Да и бабка ничего такого дома не держала.

С приездом пожарных обнаружились новые странности. Домик сгорел дотла, но примыкающие к нему загородни с гусями и сараюшки остались целы. На пожарище обнаружили два обгоревших трупа и моментально опознали: бабку по фарфоровым расписным бусам, а неотлучно пребывавшего при ней сыщика — по золотому зубу и казенному оружию. Зато странная женщина исчезла бесследно. На улице она не выскакивала. С двух сторон к бабкиному двору примыкали высоченные заборы соседей — и шпики непременно заметили бы человека, взбиравшегося на забор. С четвертой же стороны... Сварог все прекрасно видел и сам. С четвертой стороны к бабкиным невеликим владениям прилегал высокий отвесный холм, звавшийся Тель-Варрон, Варронский холм. В незапамятные времена с королевского замка на вершине этого холма и пошла столица — серо-коричневые развалины и сейчас еще виднелись там, почти сглаженные временем. Ни одна женщина — да и любой обыкновенный человек, будь то молодой, полный сил скалолаз, — не смогла бы в мгновение ока вскарабкаться на высоченный откос, по которому за все время существования замка так и



не смогли подняться неплохо вооруженные осадной техникой враги. Мушери определенно считал, что это была не женщина, а создание из тех, кого не следует помянуть к ночи... И еще. Все произошло молниеносно. Кинжал стовревшего полицейского пребывал в ножнах, пистолет — сзади, за поясом. Ни он, ни бабка даже не пытались спастись — трупы лежали посередине комнаты. Мушери развел руками с видом совершенно безраздушным и исполненным искреннего, нешуточного изумления, до сих пор не прошедшего. Двое его людей, не таясь, сложили пальцы в фигуры, отгонявшие, согласно поверью, злых духов. Дальнейшие расспросы бесполезны — к чему теперь мелкие детали происшедшего?

— Что теперь передать барону? — озабоченно спросил Мушери.

— Все так и передайте... — сказал Сварог.

Медленно вернулся к карете, хлопнул дверцей. Переодетый кучером отец Калей, не дожидаясь распоряжений, хлестнул лошадей. Сварог поднял голову, встретился взглядом с Паколетом.

— А ведь чувствовала... — мертвым голосом сказал тот и умолк. Сварог понурил голову, уставился на квадратные, по моде, носки своих сапог, но все равно знал, что все смотрят на него. Нельзя было сидеть вот так, молча, словно надгробное изваяние на собственной могиле, — он был командиром, и следовало заботиться о боевом духе своего невеликого воинства.

— Ничего... — сказал он, радостно отметив, что его голос звучит не столь уж беспомощно. — Вы, принцесса, не один день просидели под носом у тех, кто вас яростно искал. Что вам стоит провести несколько часов в одном доме с начальником снюльдерской разведки, который вас тоже ищет? Дело почти что привычное...

— Великие небеса, мне все равно, — устало отозвалась Делия, попытавшись, впрочем, улыбнуться.

— «Жена боцмана»? — моментально догадался Леверлин.

— Ну да, — сказал Сварог. — По моим подсчетам, уже сегодня возможны выражения бурного негодования тех, кому никак не удастся справиться с «пятнашкой». Если же добрые жители столицы окажутся терпеливыми, дворяне Маргилены немного помогут, они уже действуют по всему городу. Будет переполох, и всем станет не до нас. А пока что я приму небольшие меры предосторожности, так что не пугайтесь происходящего с ва-



шими соседями, потому что с вами будет происходить то же самое. Это к каждому относится.

Заклинания на изменение облика все жегодились. Теперь напротив него сидела мужеподобная рыжая девица, в которой только по одежде можно было узнать прежнюю Делию. Вместо Мары — светловолосая дурнушка с блекло-синими глазами и жидкой челкой. Паколет, наоборот, из светлого стал чернявым и косоглазым. Капрал и Леверлин тоже стали совершенно непохожи на себя прежних, как и сам Сварог. Все это была не более чем иллюзия, которую могли разоблачить немногие люди в столице — и каждое зеркало...

— Присмотритесь друг к другу, чтобы привыкнуть, — сказал Сварог. — И держитесь подальше от зеркал, зеркала нас отразят в самом что ни на есть подлинном виде...

— Надеюсь, я сейчас не особенно уродлива? — спросила мужеподобная рыжая девица с таким видом, словно ее сейчас только это и волновало.

— Вы очаровательны, принцесса, — сказал Сварог, отчаявшись понять женщин.

Он смотрел, как Странная Компания, фыркая и похохатывая, переглядывается, привыкая заново друг к другу. Похоже, они чуточку развеселились. И не все понимали, что за них взялись всерьез, что они проиграли первый тайм...

Через полчаса Сварог убедился, что проиграл и второй.

«Жена боцмана» уже догорала. Он увидел пламя, едва карета вывернула на широкую Адмиральскую. Поскольку дело происходило почти в центре города, пожарных, зевак и полицейских собралось превеликое множество. Толпа запрудила улицу, пешая и конная полиция вкупе с городской стражей тщетно отжимала ее от сиявшей пустыми провалами окон, лениво дымившей каменной коробки, закопченной и мокрой. Пожарные, уже проделавшие главную работу, бдительно прохаживались вокруг, разбивая баграми тлеющие головни и заливая их из ведер. Отстраненно и холодно Сварог констатировал, что в обоих случаях соседним домам повезло: огонь на них не распространился, чудесным образом ограничив ярость границами конкретного владения... Возможно, неведомые поджигатели именно так и задумывали — и умели управлять этими странными пожарами. Сварог ничего еще не знал о случившемся в «Жене боцмана», но в совпадения нисколько не верил — домик бабки-гусятницы и «Жена боцмана», един-



ственные в городе места, где он мог надежно укрыться, не могли вспыхнуть оба сразу, почти в одно и то же время, вследствие глупой случайности...

Хорошо еще, никаких подозрений бесприютная Странная Компания не вызвала — перед толпой остановились, не в силах пробиться, десятка три разномастных экипажей. Старикашка в лиловом с серебром вицмундире тюремного ведомства, департаментский секретарь, громко разорялся насчет своей прерванной поездки, вызванной государственной необходимостью. Но на него не обращали внимания, не говоря уж о том, чтобы расступиться и дать дорогу, — его собственный кучер сбежал с козел таращиться на пожар, как все прочие возницы да и их господа. Так что Сварог, энергично ринувшийся сквозь толпу, подозрений не вызывал — одни шумные протесты, тут же утихавшие, едва те, кого он расталкивал кулаками и рукоятью меча, оглядывались и убеждались, что имеют дело с дворянином.

Вывеска, произведение искусства, сгорела начисто, осталась лишь железная рама. Выгорела и каменная конюшня, где стояли лошади Сварога. На мокрой брусчатке, дымя и шипя, испускали последние искры разномастные головешки — в точности Свароговы педантично расписанные планы, если мыслить образно. Некуда податься. К Маргилене возвращаться никак нельзя, проще сразу повеситься на ближайшем фонаре, благо есть перекладыны...

Покосившись влево, Сварог отшатнулся и хотел было замешаться в толпу, но вспомнил, что сейчас он неузнаваем. Шагах в десяти от него понуро стоял начальник снольдерской разведки. Судя по его костюму, неполному и пребывавшему в жалком виде, граф спасался из горевшего дома через окно, изрядно перемазавшись при этом в известке и кирпичной пыли. Тут же торчали два его молодчика, грязные и хмурые, бдительно зыркая по сторонам. Значит, снольдерцы тут ни при чем...

С превеликой радостью Сварог углядел тетку Чари, перепачканную в грязи и копоты, но невредимую. Она что-то объясняла бравому усатому квартальному — точнее, энергично и обстоятельно, с привлечением всех красот и перлов морского лексикона высказывала свое мнение о поджигателях и объясняла, что с ними сделает, если они ей ненароком попадутся. Квартальный почтительно слушал, явно стараясь запомнить



как можно больше шедевров изящной словесности, рожденной вдали от твердой суши.

Его позвал пожарный, и он отошел. Воспользовавшись удобным моментом, Сварог протиснулся поближе, дернул тетку Чари за прожженный рукав:

— Пора сматываться, госпожа гильдейская трактирщица...

Она недоуменно уставилась на незнакомца. Должно быть, узнала голос:

— Граф?!

— Я самый. Пошевеливайтесь. За мной.

И вновь ввинтился в толпу, как бурав в мягкую сосновую доску. Тетка без расспросов и охов-вздохов поспешила следом. Открыла дверцу кареты, миг ошарашенно взирала на сидевших там, потом решительно полезла внутрь. Сварог задержался возле козел.

— Куда же теперь? — тихо спросил отец Калев. — Быть может, в один из наших храмов? Братья вас охотно спрячут...

— Опасно, опасно... — сказал Сварог. — И для нас, и для братьев. Кто-нибудь умный быстро выстроит логическую цепочку, если не выстроил уже. Мы пока что отвечаем на их ходы, а нам пора делать свои, неожиданные и непредусмотренные...

От лошадей, притомившихся за день, остро шибало потом. От колеса кареты, приходившегося Сварогу по грудь, несло дегтем. Толпа, где все стояли к нему спинами, напоминала прессованную ветчину. На душе было смутно и паскудно, но безнадежности Сварог не чувствовал, он еще долго готов был барахтаться в этом чертовом горшке со сметаной, пока не получится масло...

А высоко в небе равнодушно и неспешно проплывал чей-то замок — возможно, его собственный. И никто из стоящих на улице не обращал внимания на скользившую по земле округлую черную тень — самое обычное зрелище, — никто не задирал голову, чтобы полюбоваться на столь обыденную деталь небосклона. Пожар, даже погашенный, был гораздо интереснее — старое развлечение, никогда не приедавшееся.

— Итак? — тихо спросил отец Калев.

— Итак, я делаю ход, — сказал Сварог.

Он сказал, куда следует ехать, забрался в карету. Сел прямо на пол, потому что больше некуда было, но и на полу оказалось не уютнее, со всех сторон стискивали сапоги и ножны мечей. Пахло гарью, пылью и сапогами — но, увы, такие картины и



запахи, каким бы эпохальным событиям они ни сопутствовали, никогда не войдут ни в школьные учебники, ни в романы. Мушкетерские лошади никогда не воняли потом, мушкетерские слуги не воняли чесноком, а мушкетерские дамы никогда не ловили на себе блох...

— Перек сгорел, — печально сказала тетка Чари. — На море из жутких передрыг выкарабкивался, а тут вот сгорел. Из подвала не успел выскочить, когда эта стерва...

— Кто? — насторожился Сварог.

Подробности заключались в следующем: тетка Чари, проходя по коридору первого этажа, вдруг нос к носу столкнулась с совершенно незнакомой женщиной, видом и одеждой напоминавшей гильдейскую шлюху среднего пошиба — как раз такую, что могла бы невозбранно разгуливать по Адмиральной. Незнакомка, как крыса, прошмыгнула мимо хозяйки в первую попавшуюся дверь, и не успела тетка Чари изумиться такой наглости, как за этой дверью словно бы произошел беззвучный взрыв, хлынуло пламя...

— В конюшне кто-то успел распахнуть ворота, кони и разбежались, — сказала тетка Чари. — А вот Перек сгорел. Да и я чудом выбралась. На кораблях пару раз приходилось гореть, привыкла сразу улепетывать подальше, хоть на палубе и не разбежишься особенно. Сиганула в окно...

— А эта женщина так и не появилась потом?

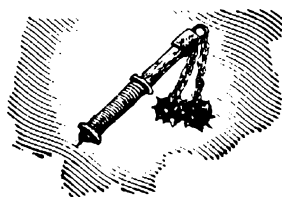
— Да не могла она выбраться, — сказала тетка Чари. — Никак не могла. Едва она дверь за собой захлопнула, внутри полыхнуло, да так, что ослепнуть можно...

— Слышал кто-нибудь о чем-то подобном раньше? — спросил Сварог.

Никто не отозвался.

— Ну ладно, — сказал он. — Павшие духом есть?

Даже если таковые и были, никто не признался вслух в своей к ним принадлежности.





ВИВАТ, БОГЕМА!

Где краса былых прелестниц,
их прически и наряды,
их духи?
Воздыхатели у лестниц,
и пылающие взгляды,
и стихи?
Где старинные напевы,
где забытые актеры и таланты?
Где бывшая слава, где вы,
разодетые танцоры,
музыканты?

Сварог мимолетно оглянулся через плечо, посмотрел в комнату. Там царил подлинно творческая атмосфера: Гай Скалигер, автор вывески «Жены боцмана» и статуи Маргилены, стоял у мольберта, Леверлин, чтобы Делии не скучно было позировать, услаждал ее слух балладами собственного сочинения под собственную же игру на виолоне, а Делия сидела в ветхом кресле с облупившейся позолотой, и на лице у нее была даже не печаль — тягостное ожидание, жажда каких угодно перемен. Увидев ее лицо, Сварог почувствовал что-то вроде бессильного стыда и отвернулся, оперся на шербоватые перила дряхлой, зато каменной галереи. Из-за этой галереи и из-за того, что дом был целиком каменным, прежний хозяин драл с постояльцев нещадно, но Гай, приняв от Маргилены деньги за статую, купил



весь дом и занял один этаж, оставив в двух других прежних постояльцев, собратьев по ремеслу, — совершенно бесплатно.

Сюда, на Бараглайский Холм, Странная Компания внедрилась моментально и непринужденно, не вызвав ни у кого подозрений. Здесь и своих таких имелось превеликое множество — приходивших неизвестно откуда и уходивших неизвестно когда бродячих актеров, алхимиков, искавших эликсир бессмертия и любовный напиток, странствующих музыкантов, непризнанных ученых, циркачей, акробатов, изобретателей жутких на вид агрегатов непонятого даже самим создателям назначения, художников и поэтов. А также тех, кто считал себя художником, поэтом или скульптором — но без всяких к тому оснований. Народец был пестрый — от бывшего дирижера Королевской оперы, обнищавшего к старости, до торговца «напитком удачи» — шумный, много и изобретательно пьющий, беспокойный, но неопасный. Шпикив на душу населения здесь насчитывалось гораздо меньше, чем в других районах города, — во-первых, не настали еще времена, когда полицейские власти начнут тотально шпионить за творческими людьми и богемой, а во-вторых, любой «тихарь», работавший со здешним людом, подвергался нешуточной опасности рехнуться окончательно. Богема крепко пила, а подвыпив, каждый давал волю самой необузданной фантазии, меняя по три раза на дню свою собственную биографию и мнение о соседях. В сторону приукрашивания и запутанности, понятно. Чтобы отделить правду от пьяных побасенок, требовались титанические усилия. И давно известно было, что шпикив переводят сюда в наказание. Одним словом, на Тель-Бараглае жилось не в пример спокойнее — если не особенно распускать язык самому.

Графы, герцоги, маркизы,
благородные личины,
господа,
чьи причуды и капризы
смерть уносит в час кончины
без следа,
чьи свершенья и утраты
в годы мирного покоя
и войны
в край, откуда нет возврата,
неподкупною рукою
сметены...



Они прекрасно вписались в здешнюю пеструю коловертъ. Разорившийся маркиз откуда-то с полудня, с границы Фагерстарских Болот (это Сварог) и его домашние актеры, пустившиеся на поиски счастья вместе с бывшим хозяином, потому что так оно привычнее. Столица всегда манит надеждами на фортуна. Поди проверь и заподозри, если капрал Шедарис за время скитания в Вольных Топорах обучился жонглировать чем попало (лучше всего у него выходило с пустыми бутылками), Мару завтра же взяли бы в любой балаганчик метательницей ножей, талантливый карманник Паколет легко мог сойти за фокусника (если вы думаете, что ваши часы у вас в кармане, то вы больше так не думайте!), Леверлину не нужно было особенно напрягаться, чтобы выдавать себя за бродячего менестреля. Даже Сварог мог при нужде побренчать на виолоне, не вызвав дождя гнилых яблок. А тетка Чари была незаменима, если возникала необходимость послать кого-то к русалочьей матери и дать в лоб, не впутывая мужчин. Никакие чары не могли скрыть осанку и манеры Делии, но на Бараглайском Холме они подозрений не вызывали — здесь можно было встретить титулованных особ с родословной не короче. Через два дома от Гая обитал восемнадцатый герцог Немер, старший сын, лишенный наследства и изгнанный из родового гнезда суровым папашей за неодолимую страсть к игре на театре. А на соседней улице частенько обреталась у любовника-скульптора под видом третьеразрядной артистки молодая вдовствующая графиня. Хватало, конечно, и самозванцев, жаждавших после пятой бутылки поведать всем и каждому о своих гербах и генеалогическом древе, идущем прямым от Дорана или Морских Королей, — но в том-то и юмор, что среди таких болтунов могли оказаться и люди, нисколько не вравшие...

Все, что любим и покоим,
все, что дорого и мило
в суе —
лишь разведка перед боем,
чтобы смерть нас подманила
к западне.
Мы галопом до упаду
мчимся вдаль легко и резво,
без преград,
и на всем скаку — в засаду.
Повернуть бы, да отрезан
путь назад...



— Весьма актуально, — проворчал под нос Сварог, глядя на Равену.

Вид с Бараглайского Холма открывался великолепный — Тель-Варрон с его грудой старинных камней, страшный холм казней, Монфокон с огромной каменной виселицей, возведенной некогда знаменитым архитектором, впоследствии люто запившим и в приступе белой горячки кинувшимся головой вперед с высшей точки своего детища (стоявшего с тех пор четвертую сотню лет).

В другое время, беззаботное, можно любоваться видом без конца. Расстояние и высота скрывали от глаз грязь и чад, а от носа — ароматы кухонь и выгребных ям, не видны облупившиеся фасады и выщербленные стены, нищие и шлюхи. Все дома были маленькими и красивыми, утопали в кудрявой тугой зелени особняки и дворцы знати, малиновым затейливым тортом красовалась ратуша; далекие прохожие, всадники и экипажи казались пестрыми куколками, Ител — бирюзовым потоком жидкого стекла, корабли в порту — изящными моделями. Даже серые воздушные шары, висевшие на пристани вдоль берега, почти правильным полукругом отсекавшие часть левобережного города по суше, выглядели вполне безобидно. Ветра не было, и тросы натянулись вертикально. Над бортом одной из плетеных корзин вдруг блеснул солнечный зайчик — подозрная труба...

Сварог зло стиснул зубы. Половина левобережья, как раз та, где они находились, была блокирована обстоятельно и надежно. Шары висели над городом день и ночь, разве что несколько раз в сутки лебедки опускали тот или иной к земле, чтобы сменить наблюдателей. На реке стояли под парами баркасы речной полиции, готовые перехватить любую лодку, и на пресловутый «покров ночи» рассчитывать нечего — Сварог знал: с Дике привозили какой-то слоистый, словно слюда, минерал, и из него делали очки, позволявшие видеть во мраке.

На земле кольцо замыкали конные жандармы Багряной Палаты и кавалеристы столичного гарнизона: черные драгуны, серебряные кирасиры и гран-ала короля — триста преданных Конгеру, как псы, безземельных дворян и ронинов. В город пропускали всех. Из города выпускали по пропускам с некоей печатью короля — заставляя к тому же всех выезжающих смотреться в зеркало. По столице бродили упорные слухи, что некая разбойничья шайка, обнаглев до предела, в сговоре с каз-



начеями похитила из сокровищницы один из знаменитых алмазов ронерских королей. Параллельно гуляла другая сплетня: что насчет алмаза все враки, а на самом деле из тюрьмы бежал черный колдун, собиравшийся напустить мор на столицу и продать побережье чужеземцам. Судя по некоторым деталям, оба слуха распускала полиция.

Внутри, в кольце, никаких облав не проводили. Более того, полицию протектора определенно не брали в игру. И это беспокоило Сварога больше всего — то, что жизнь внутри кольца облавы протекала как ни в чем не бывало, не прерываемая суетой жандармов. Король вряд ли причастен к подмене собственной дочери этим монстром с коротким периодом распада, выражаясь терминами ядерной физики. Значит, кроме Сенгала, был еще кто-то влиятельный и достаточно близкий к трону, добившийся неизвестными аргументами согласия короля на подобную облаву, не случавшуюся лет десять, со времен мятежа Белых Повязок. Интересно, что за ложь преподнесли королю, чем его напугали? Конгера не обвести вокруг пальца примитивной интригой... В первую ночь на Бараглайском Холме Сварог, размышляя, заподозрил даже, что и короля подменили какой-нибудь иллюзорной тварью. Специально спустился в город, подстерег направлявшийся в храм Хорса королевский автомобиль и проверил догадку с помощью должных заклинаний. Нет, король был настоящий, прежний.

Но почему же они ждали, неизвестные охотники? А может, и не ждали вовсе. Может, как раз старательно искали — способами, не имевшими ничего общего с обычным полицейским сыском. Или — эта мысль была Сварогу особенно неприятна, но могла оказаться святой истиной — попросту ждали прибытия кого-то такого, чего-то такого, способного обнаружить дичь быстро и безошибочно. А в игре — не только король, но и Горрот. Вернее всего, люди Стахора приняли поначалу убийцу Сенгала за обычных местных интриганов, почему и устроили рассчитанное на дешевый эффект «явление призрака». А потом обнаружили свою ошибку... Загадочные поджигательницы, живые факелы, таинственным образом исчезающие с пожара, свидетельствовали, что игра пошла по крупной и кое-кто не боится рассекретить свои последние достижения. Сварог не видел фигур противника, вообще не представлял, кто против него играет и на какие новые ходы способны эти фигуры.



Правда, его тоже потеряли из виду, но от этого не легче. Он заперт в Равене. И он и Мара в состоянии отвести глаза любому — но там, где людей много, где расположились караулы и оцепления, любой, стоящий в отдалении, обязательно заметит беглецов. К тому же Делия отводить глаза не умеет, а без нее бежать бессмысленно. Нет, все-таки идиотская штука эта магия с тысячами оговорок, строгих правил, неперменных условий и прочих поправок к конституции. Где хваленое всемогущество магов? Впрочем, легенды вряд ли врут: просто ни одно ремесло не терпит самоучек и торопыг, овладение серьезной магией, как любое мастерство или изящное искусство, требует долгих лет и упорных трудов...

Мир, ты всех нас убиваешь,
так хоть было б в этой бойне
чем платиться.
Но таким ты пребываешь,
что отрадней и достойней
распроститься
с этой жизнью многотрудной,
для утрат нам отведенной
и пустою,
безутешной и безлюдной,
и настолько обойденной
добротою...

Как бы там ни было, Орк здесь ни при чем. Равенский азартный народ не обманул ожиданий Сварога. Когда слухи о кознях горротцев и Орка, укравших загадку головоломки, в должной степени овладели должным количеством умов, бомба взорвалась. Ярость усугублялась тем, что каждый, тщетно ломавший голову над разгадкой, чувствовал себя обворованным...

Железная ограда вокруг горротского посольства устояла — но ворота вылетели, и, прежде чем прискакала королевская конница, ни одного целого стекла в посольстве не осталось. Поджечь его, правда, не успели, но парадную дверь из резного красного дерева привели в жалкое состояние. Зато от особняка Орка остались лишь обгорелые стены. Впервые в жизни Орку пришлось позорно бежать, и скрыться в резиденции наместника, каковой, несомненно, будучи не в восторге от такого гостя, побыстрее отослал его наверх.



Отогнанные от посольства разгоряченные равенцы еще пару часов рыскали по городу, выискивая горротцев и колошматя всех, кто имел несчастье быть похожим на подданного Стахора. Потом на улицах появились разъезды лазоревых кирасир. Мрачные бородатые верзилы никого не учили жить и не воспитывали, они просто проезжали шагом с палашами наголо, строго поглядывая из-под украшенных крыльями шлемов, но горячие головы поняли их совершенно правильно и понемногу рассосались с проезжей части. Кое-кого сцапала опомнившаяся полиция, кое-кого отходили плетми, не арестовывая, но особых репрессий не последовало. Конгер умел выпускать пар народного недовольства и терпел подобные массовые гуляния, пока они не заходили слишком далеко. Уже в тот же вечер по городу распространяли печатную прокламацию горротского посла, клявшегося, что его держава не имеет никакого отношения к покраже секрета головоломки и не намерена вмешиваться во внутренние дела славного ронерского королевства, своего душевного соседа. Послу, разумеется, никто не верил, но общественное мнение пришло к унылому выводу, что концов теперь все равно не найти. Газетка, всем давно известная как рупор полиции, громогласно заявила, что удивлена глупостью своих сограждан: секрет головоломки есть вещь совершенно нематериальная, и украсть его просто невысказанно, ибо он остается при каждой головоломке. Это была чистейшая правда, но ей тоже не верили по двум причинам: во-первых, из-за репутации газеты, во-вторых, всякому, не отыскавшему решения, не в пример приятнее было полагать себя обкраденной жертвой темных сил, нежели тупицей. В общем, переполох был знатный, и Сварог окончательно укрепился в убеждении, что стал, учено говоря, важным фактором международной политики — вот только пользы от этого не было никакой, кроме изгнания Орка...

Приходя в нее, мы плачем,
и горьки с ней расставаясь
поневоле;
Путь наш муками оплачен,
долгий век — одно название
долгой боли.
Смертным потом и слезами
достаются наши крохи
утешенья.



Но всегда приходят сами
и до гроба с нами вздохи
и лишения...

«Господи, хоть бы переменял пластинку», — тоскливо подумал Сварог. Хотел даже посоветовать это Леверлину вслух, понятно, в более понятных этому веку терминах, но удержался. К поэтам и художникам он относился с толикой суеверного уважения — потому что они умели то, чего он не умел и никогда не будет уметь. Быть может, сотни лет спустя Леверлин станет для нынешнего столетия кем-то вроде здешнего Шекспира. Любое столетие и любое общество обожают покойных талантов. Бумаги графа Асверуса продаются сейчас на вес алмазов — и, по слухам, кто-то из архивистов Багряной Палаты обогатился несказанно... Возможно, лет триста спустя почтенные седовласые леверлиноведы будут паразитировать на его творческом наследии, скрупулезно подсчитывая, сколько раз Леверлин употребил слова «любовь» и «печаль», спорить, не следует ли считать точку на семьдесят пятой странице, седьмая строка сверху, непроставленным восклицательным знаком или мушиной кашашкой. И появится толстенный труд, доказывающий, что авторы десяти предыдущих фолиантов заблуждались, и ночь с семнадцатого на восемнадцатое Датуша Леверлин провел не в трактире «Золотой кот», а под арестом за драку с пожарными. Чем черт не шутит, появятся еще и костюмные фильмы с душещипательными романами, и все это будет сплошное вранье от чистого сердца, романтики ради. А к кондитерской Риты Гей будут водить туристов, и в примечаниях к пятому тому мелким шрифтом будет упомянут некий барон Готар (он же Гомар или Потар, в точности неизвестно, см. шестой том). Этак, чего доброго, и сам, ничуть на себя не похожий, угодишь в исторический многосерийный боевик...

Мысли эти чуточку развеселили Сварога, и он, бросив последний взгляд на озаренный заходящим солнцем город, на чьи-то болтавшиеся в вышине замки, вернулся в комнату. Гай складывал кисти, портрет был почти готов, и написан он был на железном листе. Опечаленный гибелью вывески «Жены боцмана», Гай намеревался впредь работать исключительно в изобретенной его учителем технике — картина пишется красками особого состава на металлическом листе и подвергается обжигу по известной лишь мастеру технологии. После чего ее



можно топить и жечь, сколько заблагорассудится, — все равно урона не будет никакого.

Делия уже удалась в сопровождении Леверлина. Сварог рад был, что они ушли. Никто из Странной Компании не прекнул его и словом, никто не приставал с расспросами насчет планов на будущее. И это было хуже всего — их вопрошающие, полные надежды взгляды, бросаемые украдкой, когда им казалось, что Сварог ничего не замечает...

— Мы вам еще не надоели, Гай? — спросил Сварог, располагаясь в древнем, но прочном кресле.

— Так интереснее жить, барон, — пожал плечами Гай.

Он был совсем юн, этакий кудрявый фавн. Пожалуй, трудно представить его красневшим перед крайне эксцентричной графиней по имени Маргилен, но Сварог успел уже убедиться, что юноша тверд характером, упрям и целеустремлен. Отнюдь не ангел, плоть от плоти и кровь от крови этого мира. Но вряд ли продаст. Во-первых, понимает, что свидетели подобных закулисных интриг долго не живут, а во-вторых, исчезновение Сварога в подвалах автоматически лишит художника полученного от барона дворянства, не подтвержденного пока что юридически, ибо означенному барону пока как-то не с руки навещать Геральдическую коллегия. А без герба Гай, несмотря на все свои таланты, обречен на Бараглайский Холм.

— Ну а все-таки? — спросил Сварог скорее лениво.

— Вы догадываетесь, как вас будут искать... традиционными методами?

— Примерно, — сказал Сварог. — Сначала четко определяют, где нас никак не может оказаться. И начнут искать там, где мы оказаться можем. Если речь идет о традиционных методах...

— В любом случае наш сумасшедший Бараглай — последнее место, куда они заявятся. Я в свое время прочитал парочку старинных книг... В мозгах здешних жителей царит такая каша, что собьется со следа любой нынешний маг. Вас это утешает, барон?

— Не особенно, — сказал Сварог. — Что мы с вами знаем о нетрадиционных методах? Да и время, время поджигает...

— Жаль, что здесь нет моего учителя. Мэтр Тагарон избрел судно для подводного плавания. Правда, он так и исчез, ничего не добившись, ходили слухи, что он строит свое судно где-то на Островах, но о нем и до его исчезновения болтали столько, что даже мы, его ученики, не знали, где правда, а где фантазия...



— Подводная лодка мне не помешала бы, — согласился Сварог. — А вот как насчет подземных ходов? Я наслушался немало историй, рассказывают даже о подземных городах и пещерах размером с приличное княжество...

— Кто знает? — пожал плечами Гай. — Это уже из области прочно забытого. Вполне возможно, что не все построенное под землей строили гномы, но гномов давно нет, а сказки — материя туманная...

— Может, мне поговорить с Анрахом?

— Попробуйте. У него богатая библиотека. Если только он не испугается.

— Чего?

Гай внимательно посмотрел на него:

— Конечно, традиции обязывают вассала быть откровенным с сюзереном...

— Вот и привыкайте к дворянским обычаям, лаур Скалигер.

— А если эти секреты окажутся опасными для самого сюзерена?

— Живем только раз, — сказал Сварог.

— А что вы скажете о возможной ссылке на Сильвану?

— Насколько мне помнится, маркиз Вильмор даже оттуда ухитрился сбежать...

Гай не знал, что Сварог — лар. А Сварог не торопился просвещать.

— Барон, за интерес к иным старинным книгам можно попасть даже не на Сильвану, а в замок Клай. В летучую тюрьму ларов. Оттуда уже не сбежишь.

— И туда можно угодить за интерес к сборникам сказок о подземельях?

— Легенды о подземельях могут оказаться главой какой-то другой книги, невероятно предосудительной.

— Хм, тоже верно...

— Между прочим, мэтр Тагарон бежал еще и потому, что всерьез опасался замка Клай.

— За подводное судно?

— И за него тоже. Но в замок Клай он не попал, такие вещи не скрывают, совсем наоборот... А на Островах и в самом деле есть где спрятаться. Правда, беглецу-отшельнику уже не построить никакого судна, да и науками не больно-то займешься — нужны книги, лаборатории, инструменты... Он дружил с Анрахом. Меня в эти дела не посвящали, я ими и не особенно



интересуюсь, кстати. Мое дело — кисть и резец. Быть может, вы посчитаете меня циником или трусом, но я не собираюсь совершенствоваться в изящных искусствах в замке Клай, где узникам предоставлены все блага, за исключением свободы... Меня два года назад допрашивали. После исчезновения Тагарона. Допрашивала полиция ларов, умеющая мгновенно отличать правду от лжи.

— И все же вы нас прячете?

— Мне необходимо дворянство, — сквозь зубы сказал Гай. — Пришлось рискнуть. Вот таков уж я, таким и принимайте. Хорошо еще, что мэтр Тагарон не интересовался археологией...

— А это тоже чревато?

— Ох ты! — в сердцах сказал Гай, со звоном поставив на стол бокалы. — То ли смеяться над вами, барон, то ли, наоборот, завидовать — как беспечно живут в Готаре, не слыхивали о запертых темах... Впрочем, это понятно: какая в Готаре археология? Нет, разумеется, и у вас, если как следует поплевать на ладони, прежде чем взяться за лопату, да как следует помолиться, чтобы не заметили с зорких небес, можно ожидать открытий... Но кто там у вас возьмется копать? В общем, археология — самое опасное занятие в нашем печальном и развеселом мире. В равной мере это касается и рудознатцев, знаете, тех, что ходят с рогулькой...

— Послушайте, я все-таки не из зверинца вырвался, оставив хвост в вольере... Но все же — при чем здесь рудознатцы?

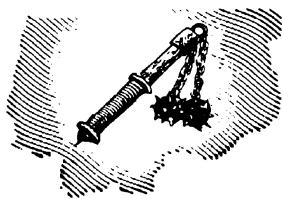
— Рудознатцы — инструмент двойного назначения. Могут к вящему процветанию державы искать воду или золото, но способны с тем же успехом высмотреть в недрах нечто предосудительное. Далее, по нисходящей, следуют механики, прочие изобретатели. За ними антиквары, конечно, — он пояснил, не дожидаясь вопроса, подметив удивленный взгляд Сварога: — Видите ли, порой, хотя и крайне редко, самые поразительные открытия делались в антикварных лавках. Или у букинистов. Даже если допустить, что верна лишь десятая часть гипотез и догадок, земля таит множество удивительных вещей — и то, что принадлежит жившим до Шторма, и памятники более древних эпох, когда здесь не было человека. Правда, положено считать, что мы жили на Таларе всегда. Существует официально утвержденное прошлое, и не годится осквернять стройные, изящные конструкции грубыми по причине своей реалистичности пристройками... Понимаете?



— Лучше, чем вам кажется, — кивнул Сварог.

— Возможно, в запретах и есть какой-то смысл... Под землей хватает такого, чему лучше всего там и оставаться. Знаете историю про кошку из черной бронзы, которую мирные крестьяне выворотили плугом под Боирмо? На ночь лучше не рассказывать.

— Вот и не рассказывайте, — проворчал Сварог, вставая. — Что ж, уговорили. Пойду поговорю с Анрахом, да и книгу нужно вернуть...





Глава 15



ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗОЛОТА

Он не стал проходить через комнаты. Опасался встретить кого-то из своих. Грустно быть генералом разбитой армии, но гораздо хуже — вождем обреченной на бездействие. Вышел на галерею и стал опускаться по наружной лестнице. Один из воздушных шаров как раз раскачиваясь пошел к земле. Сварог покосился в сторону Монфокона — несмотря на изрядное расстояние, виселица четко рисовалась на фоне ало-золотистого заката. И вокруг — пять высоких изящных башен с круглыми площадками наверху, напоминавшими исполинские гвозди. Еще одно изобретение Конгера — осужденного заводят наверх, запирают изнутри люк, и он остается на площадке. Сиди, созерцай город и потихоньку подыхай от голода и жажды, пока окончательно не отдашь богу душу. Не хочешь так прозябать — бросайся головой вниз с высоты уардов сорока, не зря земля вокруг заботливо выложена булыжником. Бывает, осужденных приковывают наверху, чтобы не сиганули. Бывает, ставят жбан воды. Но всем отрезают языки, чтобы не беспокоили воплями окрестных жителей...

Сварог зашел в таверну с учитывавшей специфику района вывеской «У бархатного занавеса». Отстранил парочку то ли шлюх, то ли ряженных великосветских любительниц острых ощущений, мимоходом дал по морде скульптору-педикю, на свою беду потянувшемуся было погладить Сварога ниже спины, мимоходом похлопал по спине лысого сизоносого трагика и заверил, что тот гений и нынешнее его бедственное положение



ние, ясный день, суть происки бездарных завистников — словом, держался, как свой человек, и потому не привлек внимания. Кабатчик, подобно своей клиентуре, тоже имел во взгляде этакую творческую отрешенность, проблеск безумия. Любой корчмарь с годами приобретает философский взгляд на жизнь, а уж тот, что содержит кабачок для богемы, быстро отучится удивляться чему бы то ни было...

Днища стоявших за его спиной бочек были расписаны самыми разными сюжетами, и хозяин эти творения подгулявших художников берег свято — вполне могло оказаться, что лет через полсотни его внукам отваят за что-нибудь из этого золотом по весу. Бывали прецеденты.

Сварог купил бутылку «Драконьей крови», отлитую с полукруглой ручкой, что было удобно как для ношения, так и для кабацких драк. Лениво поинтересовался:

— Ну, как оно, если — в общем и философски глядя?

— Да сплошная хреновина, — сказал хозяин. — Философски глядя. Полгорода вон заперли. Ночью по улицам призраки шастают. Дождемся, гномы из-под земли полезут...

— Они ж вымерли начисто, гномы, — сказал Сварог.

— Это такой народец, что пакостить будет, даже начисто вымерши... Племянник у меня не смог поехать за вином в Традесант, не выпустили. Алмаз короны, ха! Бабушке моей рассказали бы, любила покойница байки слушать и сама травила, что твой боцман... — Он перегнулся поближе к Сварогу и понизил голос: — Вот насчет колдунов — это верно. Колдуны появились. Выходит, не всех извели...

Сварог насторожился, но виду не подал. Выложил на стойку пяток серебряных сестерциев и показал на помещавшуюся особняком бочку с розовым дургарским — оно было не по карману доброй половине присутствующих, но своих денег стоило. Хозяин налил серебряную высокую чарку — не долил, понятно, чисто автоматически — и перед лицом очевидной прибыли невольно стал еще словоохотливее:

— Если ищут алмаз, зачем заставляют смотреться в зеркало? Нет, маркиз, верно вам говорю про колдунов. Человек опытный такие вещи чувствует за версту — по тому, что носится неуловимо и воздухе... В городе вид Немого Пса. А если эта зверюга бродит ночами и выискивает кого-то, как встарь, жди беды.

— Врут, — сказал Сварог, в жизни не слышавший про Немого Пса. — Пить меньше нужно, не увидишь ни псов, ни крыс...



— Кто его знает... Только Немого Пса видел и Буга-Скрипач, а он при белой горячке зрит исключительно лягушек, привычка такая у человека... Да и от белой горячки его отделяло добрых полведра. Как увидел Пса, бежал от Мельничной до холма, побросав бутылки — полные, заметьте, от него такого при любых горячках не дождешься, будь они белее снега... Влетел ко мне — краше в гроб кладут, а уж я его всяким видал. Клянется, что Пес шлялся по Мельничной и вынюхивал, тварь, улицу, да обстоятельно так. А за ним тащились бесшумно трое в плащах и каталанах, и кому это быть, как не Проклятым Егерям? Значит, жди беды. И все оттого, что до сих пор где-то лежат не погребенными косточки герцога Юнтеса...

Сварогу стало скучно, он допил вино, вышел на улицу и направился вниз, к самому почти подножию холма, где обитал учтивый народ, огульно окрещенный «алхимиками». Обособился он не без причины. Во-первых, ученые эксперименты там порой завершались крайне шумно, и осколки после взрывов разлетались крайне далеко. А во-вторых... После разговора с Гаем о некоторых весьма небезопасных научных дисциплинах Сварог стал подозревать, что «алхимики» обособились не из мизантропии — их туда выжили, на окраину...

Начинало темнеть, кое-где появились фонарщики с высокими лестницами. Помахивая бутылкой, Сварог спустился по мощеной пологой улочке, напоминавшей ему ялтинские, свернул налево — и едва не выхватил пистолет, когда наперерез ему метнулся из переулка жаркий язык пламени — но это всего лишь репетировал в гордом одиночестве уличный глотатель огня.

— Смотри, забор не подпали, опять по морде получишь, — сказал Сварог, уже знакомый с местной скандальной хроникой. Снова свернул налево, поднялся на высокое крыльцо каменного домика, дернул старинную ручку звонка в виде змеи, глотающей собственный хвост, — символ то ли познания, то ли вечности, то ли того и другого, вместе взятого. В глубине домика задрезбезжалю, гулко пролаяла собака, смолкла. Скрежетнул засов, на пороге появился мэтр Анрах, всмотрелся, узнал:

— А, маркиз... Заходите.

Камин ярко пылал, и на столе горела лампа под колпаком из тончайшего фарфора, белого, с просвечивающими синими рыбами и алыми водорослями. Чертовски уютная была лампа, и дорогая. Судя по ней и кое-каким другим вещичкам, Анрах звал и лучшие времена.



Сварог по заранее рассчитанному маршруту прошел к столу и сел. Здоровенный пастушеский пес, серый, кудлатый кураш, молча поднялся, отошел подальше и шумно улегся в углу, положив голову на лапы. Сварог все время чуял на себе его спокойный загадочный взгляд — но так случалось каждый раз, когда он сюда приходил, и он привык.

Хозяин поставил на стол пузатые серебряные чарочки, отодвинул толстую потрепанную книгу — названия на черной кожаной обложке не было. Сварог содрал лезвием кинжала смолу с высокого горлышка бутылки, раскачал кончиком пробку, выдернул.

— Прочитали? — спросил Анрах.

Сварог достал из кармана небольшой толстый томик: «Записки искателя затонувшего континента Альдарии, составленные по опыту трех своих собственных морских путешествий, а также по рассказам и свидетельствам, почерпнутым из бесед со сведущими людьми». Тисненное серебром название занимало всю обложку, едва осталось место для маленького якорька внизу.

— Каково же ваше мнение?

— Занятно, — сказал Сварог. — Но аргументов маловато. Если они вообще есть... Альдария должна была существовать, потому что должна же она была существовать, черт возьми! К этому, если вдумчиво прочесть, все аргументы и сводятся. Записки Гонзака, подтверждающие его теорию, у него, конечно же, украли...

— Действительно, — кивнул Анрах. — Боюсь, что бедного профессора разыгрывали все, кому не лень. Грех не подоить богатого бездельника, готового раскошелиться на подозрительных «лоцманов» и еще более подозрительные «древние карты». Да и «записки Гонзака», цитируемые им, ничуть не похожи на стиль Гонзака и пестрят скорее сегурским жаргоном... Хорошо еще, что для профессора все кончилось благополучно и кровопускание устроили только его кошельку, а не ему самому...

— А что, были примеры и печальнее?

— Случались. Взять хотя бы Гонтора Корча. Не слышали? Лет десять назад у него вышла крайне интересная книга, «Ночные колеса». О ночных извозчиках. То, что они сами рассказывали. В основном, конечно, смешные и грустные истории из жизни гуляк и бытия ночной столицы. Влюбленные парочки, ночные бандиты, охота за должниками... Но попадаются весьма странные и загадочные случаи, которых извозчики, люди недалекие, сами выдумать никак не могли... Прочитайте, если



попадется. Ночные извозчики — это целый мир, микрокосм со своими легендами, фольклором, даже со своими призраками и специфическими суевериями. С этой же точки зрения Корч хотел описать и Фиарнолла, крупнейший торговый порт на восходе. Упоминается в хрониках уже четыре тысячи лет назад. Между прочим, Корча и автора «Альдариин», несмотря на все несходство, объединяет одно — оба отчего-то придерживались сенсационной версии, имевшей одно время хождение, но быстро забытой — будто роверен Гонзак пропал вовсе не в наших полуночных губерниях, а где-то неподалеку от Фиарнолла. Но Корч из Фиарнолла не вернулся. В портах, случается, самый разный народ исчезает бесследно. А уж в Фиарнолле... Ходят слухи, там едва не лишился головы даже небезызвестный герцог Орк...

Сварог поморщился и поспешил увести разговор от Орка:

— Что же, по-вашему, могло случиться с Корчем?

— Да что угодно. Бандиты, похитители людей. Микрокосм... Ваше здоровье!

Он был низенький, лысый, крючконосый, с венчиком седых курчавых волос вокруг лобастого черепа. И суетился сегодня как-то особенно оживленно, глаза так и поблескивали.

— Новое приобретение? — спросил Сварог. — Ра-ритет?

— Новый маленький успех, который в то же время стал грустным разочарованием. С успехами такое случается. — Не дожидаясь вопроса, он просеменил к книжной полке, схватил прислоненную к переплетам картинку в узкой медной рамке. — Вот, взгляните.

Сварог взглянул. Человек в темно-желтом камзоле сидел на красивом вороном коне, и в обоих не было ничего удивительного. Он пожал плечами:

— После общения с Гаем могу сказать одно: этой картинке лет сто...

— Сто двадцать.

— И называется такая манера, по-моему, кирленской школой.

— Верно, — кивнул Анрах. — Никто ничего не замечал сто двадцать лет... Извольте ли знать, сто двадцать лет назад благородный граф Кэнш, с большим сходством изображенный на этом портрете — что подтверждается другими известными полотнами, — сопровождал на прогулке благородного барона Торадо, к которому питал давнюю неприязнь и место коего в канцелярии министра финансов давно стремился занять. Они



были вдвоем, без слуг. В лесу на них напали волки. Графу Кэншу удалось ускакать. Барона волки загрызли. Король, благоволивший к барону, но не особенно расположенный к графу, отрядил тщательнейшее следствие, в конце концов очистившее графа от всех и всяческих подозрений. Слишком многие свидетели, в том числе верные слуги барона, видели, что при графе, когда он уезжал с бароном, не было и перочинного ножика. Слишком опытными были королевские егери, выступившие в роли экспертов по звериным укусам. Волки, никаких сомнений. В те времена они еще водились в Роблейских лесах во множестве. Граф получил место... А совсем недавно я наткнулся на этот портрет, считавшийся пропавшим.

Он сделал эффектную паузу, и Сварог, чтобы доставить старику удовольствие, поторопился спросить — с искренним, впрочем, любопытством:

— И что же в этом портрете особенного?

Анрах подал ему большую лупу в затейливой серебряной оправе с литой ручкой:

— Присмотритесь получше к этому прекрасному коню. Точнее, к его морде.

Сварог присмотрелся, опустил лупу. Снова посмотрел:

— Послушайте... Это что, фантазия художника?

— Это добросовестность художника, — торжествующе возвестил Анрах.

— Но у этого, с позволения сказать, коня самые натуральные волчьи зубы!

— Правильно, — сказал Анрах. — Никакой это не конь. Он называется шарук и водится на Сильване, в Великих Степях. Говорят, тамошним кочевникам иногда удается их приручать, и это, несомненно, правда, судя по происшедшему. Шарук и в самом деле внешним видом не отличается от коня, но зубы у него скорее волчьи. Это плотоядное животное, и, кстати, грешит людоедством. Представления не имею, как графу удалось его раздобыть и незамеченным переправить на Талар — на Сильване он никогда не бывал, должно быть, не вошедшие в Историю доверенные лица постарались. Никто ничего не заподозрил — кто станет заглядывать в зубы самому обычному коню? Это на картине он горячится, закусил удила, открыл пасть... Граф очень быстро от него избавился — есть упоминание о пожаре в конюшне. А добросовестный художник, родной племянник графа, погиб при странных обстоятельствах. Картина попала к антикварам всего месяц назад, когда разо-



рившиеся потомки графа распродавали имущество... Понятно, почему граф ее не уничтожил — любил, должно быть, иногда разглядывать, гордясь своим хитроумием...

— Где же здесь разочарование?

— Все действующие лица давно мертвы, — сказал Анрах. — Уличать преступника бессмысленно, а его потомки ни в чем не виноваты...

— Да, верно. Прошное хранит немало загадок... — сказал Сварог, перебрасывая мостик к тому, что его занимало.

И Анрах облегчил ему задачу:

— Вас интересует что-то конкретное?

Сварог посмотрел ему в глаза и сказал насколько мог равнодушно:

— Древние подземные ходы, ведущие на тот берег.

— Не самая любопытная загадка древности, — сказал мэтр после короткого раздумья, — но в сочетании с известием об установленной недавно блокаде части города она становится весьма любопытной... Вам очень нужно на тот берег?

— А вы горите желанием помочь закону? — спросил Сварог.

— Я не горю желанием ни помогать закону, ни нарушать его. Мне было бы легче беседовать с вами, маркиз, знай я, кто вы такой на самом деле...

— А если для меня это, наоборот, создаст трудности?

— Я ведь не начинал этого разговора, — тихо сказал Анрах. — Вы сами начали... — и он оглянулся в угол.

— Не тревожьте собачку, — сказал Сварог. — Я непременно успею выстрелить первым. Люблю собак, не хотелось бы... Так вот, я не крал никаких алмазов. И я не черный маг, я вообще не маг.

— Насчет алмаза — сущая ерунда, это ясно любому мало-мальски сообразительному человеку, — кивнул Анрах. — Алмаз очень легко спрятать — но на заставах никого не обыскивают, а если и обращают внимание на вещи, то только те, что способны послужить укрытием человеку — ящики, бочки... Между прочим, черные маги ничуть не боятся зеркал, если предстают в своем истинном облике. Отсюда легко сделать вывод, что кордоны и прочие полицейские забавы преследуют одну-единственную цель: задержать кого-то, кто изменил облик... Даже не схватить — задержать в Равене...

Он подошел к каминной полке и снял с нее замысловатый предмет, с равным успехом способный оказаться и старинным



пистолетом (джетарамские оружейники любили делать такие замысловатые устройства), и деталью самогонного аппарата. У него имелась выступающая трубка с отверстием, и смотрело оно прямо на Сварога.

— Пистолет? — спросил он.

— Пистолет, — кивнул Анрах.

Сварог ухмыльнулся и вынул свой. Огляделся, выискивая что-нибудь подешевле, чего не жалко попортить. Выстрелил в полено у камина, и оно дернулось под бесшумным ударом серебряной пули, чуть подпрыгнуло на медном листе, защищавшем пол от случайных угольков.

— У меня — лучше, — сказал Сварог.

— Впечатляет, — признался Анрах. — Между прочим, в руках у меня старинный секстан, совершенно безобидный. Уж простите... Хотелось увидеть даже не ваше оружие — вашу реакцию на нацеленный ствол... Понимаете ли, маркиз, вы мне сразу показались чуточку странным. Мало найдется провинциальных дворян, знающих слова «микрокосм» и «абиссальный». Я стал к вам присматриваться. Вы всегда старались двигаться по комнате так, чтобы не отразиться ненароком в зеркале — значит, истинный облик у вас другой, не тот, что я вижу. Но вы без всякой опаски берете в руки серебро, — он кивнул на чарочки, — и пес вовсе не настроен к вам враждебно — он просто чувствует, что с вами что-то не так, но это не имеет никакого отношения к черной магии. И, наконец, только что завершившаяся мизан-сцена. Я служил в молодости в кавалерии, повоевал, знаете ли. Под прицелом моего «оружия» вы держались удивительно безмятежно. Словно заранее знали, что пули, сиречь метательное оружие, не причинят вам вреда. Так может вести себя только лар. Правда, насколько я могу судить по нашим беседам — а я порой ставил ловушки, простите, — вы не знаете иных вещей, очевидных для всякого лара. И все же готов прозакладывать голову — вы родились не на Харуме...

— Вы ведь рисковали, — проворчал Сварог. — Я мог и выстрелить.

— Нет. Я вам зачем-то нужен. Представления не имею, почему вы оказались в таком положении, да и не хочу этого знать... Но вы ищите помощи. Увы, это еще не означает, что вы ее здесь найдете. Я не сведущ в том, что вам нужно. И не хочу ввязываться в историю, за которой, несомненно, кроются интриги скучающих небожителей. Для вас это — непонятные мне игры, а для



меня все может кончиться печально. В моем возрасте, знаете ли, начинаешь ценить жизнь и привыкаешь бережно расходовать оставшееся время, стараясь растянуть подольше...

— Понятно, — сказал Сварог. — Вас тоже допрашивали по делу Тагарона?

— Да. Я на заметке, понимаете ли...

— Так, — сказал Сварог. — А если я вам скажу, что перед вами — Серый Рыцарь?

Вот теперь он изумил старика по-настоящему. Как серпом по известному предмету.

— Такими вещами не шутят, молодой человек, — тихо сказал Анрах.

— Я не шучу, — сказал Сварог. — И это не игра. Вот только совершенно не представляю, как мне это доказать. Нет на мне ни узоров, ни заверенных нотариусом особых примет... Быть может, есть какой-то способ проверить?

— Только один, — грустно усмехнулся Анрах. — Когда Серый Рыцарь совершит что-то из предсказанного ему...

Сварог развел руками:

— Пока что похвастаться нечем... До трех королевств мне еще только предстоит добраться.

— Вам еще и до принцессы предстоит добраться. Если вы и в самом деле Серый Рыцарь, вас определенно стараются не пускать во дворец...

Сварог ухмыльнулся:

— Во дворце уже нет принцессы. Она в другом месте, мэтр. Помните, у Таверо? О призраке все станут думать, что это и есть настоящая принцесса...

— Действительно... Великие небеса, как же мне, старому дураку, раньше в голову не пришло?! — Он, похоже, преисполнился решимости и азарта. — Если вы и в самом деле Серый Рыцарь... Скажите: это вы пустили в оборот головоломку с пятнадцатью цифрами?

— Я, — не без удовольствия сказал Сварог. — Хотелось насолить кое-кому, чтобы мне не мешали...

— Кто вам мешал?

— Многие, — сказал Сварог. — Люди Стахора, граф Раган, из Снольдера, герцог Орк...

— Со Стахором ясно, — громко, задумчиво сказал себе под нос мэтр Анрах, направляясь к книжным полкам и доставая огромный фолиант. — Раган, Раган... Ничего похожего... Вы знаете герб Орка?



— Еще бы. На золотом фоне — черный волк и белая восьми-конечная звезда.

— Все сходится, — с некоторой торжественностью произнес мэтр Анрах. — Простите, но я не мог предполагать, что это произойдет со мной, да еще так просто и буднично... Что Серый Рыцарь однажды вечером постучит ко мне в дверь...

Сварог поднял брови. Похоже было, что существовал некий тест, позволяющий безошибочно опознать Серого Рыцаря, — и Сварог это испытание выдержал. Но в чем секрет?

— Я к вашим услугам, — еще торжественнее возгласил Анрах. — Сейчас же засяду за книги, и если только удастся что-то найти... Буду сидеть всю ночь.

Сварог блаженно расслабился, видя, что все сложности позади. Напрашивалось единственное объяснение — есть другой тест Кодекса Таверо, более полный, и Анраxu он знаком.

Полагалось бы откланяться и убираться восвояси, старику и так придется провести бессонную ночь — но Сварог остался сидеть, вертя в руке серебряную пузатую чарочку, покрытую эмалевыми узорами. Очень уж уютно пылал огонь в камине, здесь было покойно и тихо, а в доме Гая маленький отряд Сварога, не жалуясь и словом, ждал приказов волевых решений, по капельке теряя надежду...

— Послушайте, — сказал он вдруг. — Подводная лодка Тагарона — это легенда или реальный проект?

— В теории все звучало весьма убедительно, — ничуть не удивившись, ответил Анрах. — Вспомнили о подводной лодке, размышляя, как выбраться отсюда?

— Да, подумал, как прекрасно было бы незаметно и тихо ускользнуть, скрывшись под волнами...

— Увы, Тагарон так и не успел ничего построить.

— А почему его... преследовали?

— Запрещенный движитель. То есть — винт. Удивлены? Многие, втихомолку проделав расчеты, убедились, что винт все же прекрасно подходит в качестве движителя. Понятно, если расположить его сзади. — Анрах почесал в затылке. — Ладно, теперь уже все равно, вы меня втянули в игру гораздо опаснее...

Он подошел к шкафу, открыл скрипучую дверцу и бережно достал двумя руками великолепно сработанную модель длинной с локоть. Сварог заинтересованно присмотрелся. Лодка больше всего напоминала пузатое веретено с бочкообразной рубкой, рулями — один горизонтальный и два вертикальных — и



крохотным винтом. Осторожно, кончиком пальца Сварог крутанул изящно выточенный бронзовый винт, шестилопастный, размером с ромашку. Винт легко и послушно повернулся на оси.

— Все правильно, ни малейшего изъяна в конструкции, — сказал он. — Но интересно бы знать, какой двигатель ваш Тагарон собирался поставить. Паровой не годится. А другие... Снольдер хранит их секрет как зеницу ока.

— Есть еще и третий путь, — усмехнулся Анрах. — Самый опасный, правда. Двигатель есть, только он забыт. Вернее, некие могущественные силы постарались, чтобы он канул в забвение. Но обрывки прежних знаний порой всплывают в самых неожиданных местах, и многое зависит от простого везения... Тагарон не сказал мне главного, не хотел впутывать, но у меня осталось впечатление, что описание двигателя он нашел. Вероятнее всего, в старинной книге. Хотя есть еще в иных храмах настенные надписи, понятные только тем, кто владел тайными жреческими языками. В седой древности — когда, никто не знает точно, — существовали некие довольно простые устройства, преобразующие энергию апейрона в механическое движение. Судя по некоторым намекам авторов старинных хроник, ими пользовались в первое тысячелетие после Шторма, до... — Он замолчал, явно не в силах себя заставить произнести запретное слово.

— Я понимаю, — кивнул Сварог.

— Болтают, достаточно лишь проволочек из определенных металлов, не обязательно драгоценных, нескольких самоцветов, особых стеклянных приспособлений, которые под силу любому стеклодуву... Хотя, конечно, все не так просто, я уверен. Но Тагарон мог отыскать описание. Если так, ему пришлось бежать, и незамедлительно.

— Как же у вас не обнаружили модель?

— А меня про нее не спрашивали с пристрастием, — ухмыльнулся старик. — Никто, должно быть, о ней и не знал — так, смутные подозрения, доносы... У нас обожают писать доносы наместнику — как во все времена, впрочем, тут наше столетие ничем особенным не выделяется. Конечно, если бы спросили прямо, я бы не смог утаить, сами понимаете... Но, признаться, к делу Тагарона был причастен лишь самым краешком. Один из многих знакомых, беглый допрос проформы ради. Я вообще-то был на заметке, но опять-таки в качестве малозначительного свидетеля...



— Бурное у вас прошлое, я смотрю, — усмехнулся Сварог.

— Ну что вы... Это из-за истории с дурачком с Волчьей. Не слышали?

— Нет.

— А история занятная. Жил-был дурачок, сын мастера из Серебряной гильдии. Совершенно безобидный, в лечебницу не отдавали, благо семья зажиточная, могли прокормить. Сидел себе целыми днями на заднем дворе и лепил из глины все, что на дурацкий умишко взбредет. Особенно любил делать домики. Дурак дураком, но лепил весьма-таки искусно, во всем остальном был совершеннейший кретин и неумеха, кроме этого. Родня не препятствовала — двор большой, место есть, чем бы ни тешился, лишь бы на улицу не выходил... Много у него было налеплено всякого, и в том числе — огромная модель Равены. Года два трудился, получилось недурственно для дурачка. Конечно, модель была весьма приблизительная, и все же... Просиживал он над ней часами: куколок по улицам переставляет, спички бросает, иногда, простите, на крыши мочится — и так далее, всех деталей я и не знаю, никто ж не присматривался... А потом занесло во двор одного головастого студента из Ремиденума. У всех, кто был причастен к той истории, до сих пор осталось стойкое убеждение, что кое-какими официально запрещенными способностями студент тот обладал. Подробности темны и туманны — но, в конце концов, студент обнаружил, что многие забавы дурачка потом отражаются на жизни реального города. Грубо говоря, дождь идет там, где он пописает, дому, который разломает, либо сгореть суждено, либо появится в нем какая-то беда... Словом, прослеживается четкая взаимосвязь, и это не совпадение, не натяжка. Студент, очень похоже, языка за зубами не удержал. Полицейскую логику для данного случая понять предельно легко.

— А ежели этот дурак завтра по королевскому дворцу — по модели, то есть — поленом стукнет?

— Совершенно верно, — поклонился мэтр Анрах. — Уловили мгновенно. Прискакали люди из Багряной Палаты, исчез дурачок, исчезли вообще все обитавшие в доме, да и парочка соседей вдобавок — из тех, что язык за зубами не удержали. И студент исчез, даром что сын маркиза. Велено было считать отныне, что не было никогда такого дурачка, и глины не было, и отца с матерью, и вышеупомянутых соседей. Всем все привиделось. Краем уха я слышал потом, что модель месяц держали в подвалах Багряной Палаты, водили туда особо доверенных



профессоров... — он злорадно ухмыльнулся. — Но поскольку дело было чересчур уж серьезное, приобрело размах — оказалось позже, что и Багряной Палате все эти чудеса привиделись, и затерялся наш дурачок где-то за облаками... Но не уверен, что и там отыскиали разгадку. Помню превосходно этого парня: кретин законченный, слова не мог членораздельно выговорить, мычал и гутукал, не более того... Если вам так уж интересно, поинтересуйтесь у знакомых, чем эта история кончилась...

Сварог пропустил мимо ушей очевидную иронию. Не из одного благодушия — с ним творилось что-то странное и неладное. Он тряхнул головой, проморгался как следует. Но это подступило вновь — на миг исчезли уютная комната с пылающим камином, собака, мэтр, ряды книг на массивных полках. И вместо всего этого врывалась, прямо-таки впечатывалась то ли в зрачки, то ли в сознание... скупо освещенная улица, темный дом. Под черепом пугающе, необъяснимо пульсировал настойчивый зов. Все чаще надвигались, все дольше задерживались перед глазами эта улочка и этот дом. И Сварог отчего-то не испытывал страха, хотя в его нынешнем положении следовало бы пугаться всего непонятного.

— Что с вами? — встревоженно спросил Анрах.

Сварог зажмурился. Теперь улица и дом с высоким крыльцом, с горбатой крышей неотвязно стояли перед глазами вместо ожидаемой темноты. Открыл глаза — комната, никаких видений. Но зов не утихал, Сварог знал теперь, что кто-то угодил в беду, и это не морок, не иллюзия, не ловушка. Знал, и все тут. Стоило ему вновь зажмуриться, перед глазами вспыхнули, накладываясь на потускневшее слегка изображение незнакомой улочки, две руны — «ра» и «агор». И знак из Древесного алфавита — Тар, символ самшита.

— Все в порядке, — быстро сказал Сварог, открыл глаза, попытался улыбнуться самым естественным образом, и это, видимо, у него неплохо получилось — Анрах спокойно взял у него модель и пошел прятать обратно в шкаф. Пес бдительно приоткрыл глаза, шевельнул ушами и вновь погрузился в чуткую собачью полудрему, не видя поводов для вмешательства.

Чем бы ни было это видение, оно пришло извне. Кто-то звал его, попав в беду, кто-то из своих — это сочетание рун и знака было паролем Гаудина. Знак соответствовал нынешнему дню недели — через полчаса, когда настанет полночь, вместо Тара к рунам добавится Шел... Сварога твердо заверили, что никто посторонний не в силах этот пароль разгадать, а на чем зиждется



эта уверенность, он расспрашивать не стал, чтобы не забивать голову совершенно бесполезной информацией. И он знал, что времени у него мало. Неужели Брагерт прибыл в Равену? И попал в беду?

Он встал, отодвинув стул:

— Мне пора. Очень на вас надеюсь, хотя понимаю, что никаких гарантий быть не может...

Он быстро сбежал по каменным ступенькам, посмотрел вправо-влево, словно ожидая подсказки. И она тут же последовала — в виде непонятного ощущения, неизвестно откуда взявшейся стойкой уверенности, что идти следует непременно налево, мимо заброшенной пивоварни, сгоревшей от молнии пару лет назад, мимо полуразвалившегося забора, неизвестно зачем ограждавшего заросший лопухами и лебедой пустырь, мимо низенького домика, где из-за плотно зашторенных окон все же пробивались мерцающие разноцветные вспышки и на десять уардов вокруг тянуло замысловатой смесью химической вони — там в поте лица трудился алхимик. На ходу Сварог оглянулся и обычным зрением, не задействуя «кошачий глаз», посмотрел на дом Гая. На третьем этаже слабо светилась парочка окон — Мара дежурила.

Оставалось надеяться, что дом, куда его ведут, расположен внутри «волчьих флажков». В одиночку, ночью, он, правда, миновал бы любые кордоны, но сие — лишние хлопоты...

Спустился с холма. Дальше потянулись прилично освещенные улицы. Какой-то частичкой сознания Сварога прочно завладел чужой зов — не лишая свободы воли, что с ним было бы невозможно, его тем не менее словно бы вели за руку, прямо-таки автоматически разворачивая на перекрестках. Ночная жизнь продолжалась, ничуть не нарушенная грандиозной облавой, — люди во все времена обладали великолепной способностью как бы не замечать непонятных им загадочных забав власти, если только это не касается тебя самого и в твою персональную морду не тычут казенной алебардой... Заслоняя звезды и огни на городских холмах, чернели воздушные шары. Дворяне в этих кварталах почти не обитали, так что серенад под балконами не наблюдалось. Но пьяных гуляк попадалось немало, проезжали редкие извозчики, неподалеку под фонарем лениво рубились двое дуэлянтов, прошла ватага вездесущих студентов Ремиденума, прикидывая, похоже, что бы им учинить для нарушения ночного покоя мирных обывателей. В глубине темной подворотни торчала кучка определенно уго-



ловного элемента — они, притихнув, заинтересованно уставились на Сварога, но ближе не подошли — с трезвым и вооруженным решили не связываться. Пару раз попадались конные полицейские — обычные разъезды, не усиленные, тройки черно-красных.

Свернул налево, к горбатуму каменному мостику над узенькой речушкой. Чутьочку насторожился, заметив справа темную фигуру, но тут же убрал руку с меча — человек стоял спиной к нему, пригнувшись, напрягшись, вцепившись обеими руками в высокий парапет, не обращая внимания на довольно громко прозвучавшие шаги Сварога. То ли поэт в наплыве вдохновения, то ли собрался топиться. Если верно второе, незадачливый самоубийца нездешний — даже Сварог знал уже, что в самом глубоком месте древней поусохшей речушки не глубже, чем по пояс, и тонут там исключительно пьяные вусмерть. Пусть пробует, сколько душе угодно, не стоит и отговаривать...

Он уже миновал непонятного субъекта, когда тот резко присел за парапетом и, вытянув шею, стал вглядываться куда-то.

— Не клюет? — спросил Сварог лениво.

— Что?

— Рыбка, говорю, не клюет? Ничего удивительного, ее тут и не водится...

Не вставая с корточек, незнакомец сказал настороженно:

— Полиция.

— Где? — оглянулся Сварог, но ничего такого не усмотрел ни вблизи, ни поодаль.

— Это я — полиция, — сказал тот. — Агент третьего разряда, необмундированная служба. Вот думаю, свистеть или не стоит... Вы их видите, лаур?

— Кого? — Сварог тоже уставился в том направлении.

— А вон там, где напротив фонаря — тумба. То ли свистеть, то ли драпать со всех ног...

Сварог всмотрелся. На том берегу, куда он как раз собирался перейти, урдах в ста от моста, справа, и в самом деле красовалась напротив фонаря круглая кирпичная тумба, предназначенная для афиш и полицейских объявлений. Не было нужды подключать «кошачий глаз», света и так хватало, чтобы рассмотреть высоченного короткошерстного пса с широкой тупой мордой, медленно ступавшего посреди пустой улицы. Морда опущена к самой земле, мотается вправо-влево — пес что-то вынюхивает, несуетливо, целеустремленно, с медлительно-



стью нерассуждающей машины. Ни капли охотничьего азарта. А следом, шагах в трех, движутся три фигуры в плащах и катапанах, и этот кусочек ночной жизни выглядит весьма странно из-за полной своей непонятности...

— Так есть они там, лаур? — шепнул агент третьего разряда. — Или мерещится?

— Не мерещится, — сказал Сварог. — Странная собака, не знаю я такой породы...

Шпик не то засмеялся, не то всхлипнул:

— Еще бы! Немой Пес и Проклятые Егеря, как на картинке... Я на своем участке видел всякое, а вот нечистой силы не доводилось...

Нечистая сила? Позвольте не согласиться, господин тихарь. Сварог уже произнес про себя заклинание, но перед его взором осталась та же картина, все так же ступает по брусчатке непонятный пес, а следом, словно ведя его на невидимом поводке, спокойно шагают хозяева, ничуть не похожие на «ночных парикмахеров». В самом деле, сущие егеря, топящие жертву. Сварог не стал гадать, кем эта жертва может оказаться. Просто ему все это пришлось не по нутру. В последнее время ему категорически не нравилось все непонятное — по причине тесной связи с его персоной.

— Никакой там нечистой силы нет, — сказал Сварог. — Свисти давай. — Он пошарил по карманам, отыскал не востребовавшую бароном Гинкером полицейскую бляху и помахал ею под носом тихаря. — Свисти, говорю!

И пошел дальше. Свернул в проулок. Только сейчас раздалась пронзительная трель, она тянулась, как длиннющий товарный состав, — должно быть, у шпика оказались хорошие, непрокуренные легкие, и воздуха он набрал полную грудь. Сварог приготовился было услышать отдаленные ответные свистки и стук копыт, суетливую музыку ночной облавы — но свист оборвался столь же резко, как и возник, раздался столь жуткий вопль, что у Сварога стянуло кожу на затылке. И — полная тишина, изредка нарушавшаяся странными звуками, в которые не хотелось вслушиваться, не говоря уж о том, чтобы попытаться их опознать. Любое живое существо, слышав такое, обязано взять ноги в руки, врубить инстинкт самосохранения и утешать себя мыслью, что в иных обстоятельствах графу позволительно улепетывать не хуже простолюдина. Если нет свидетелей, а оставшийся за спиной противник непонятен насквозь, к тому же впереди ждут более важные дела...



Опомнился и сбавил скорость он квартала через три. У моста, если прислушаться, вроде бы стучали копыта, но Сварог не сомневался, что шпика больше нет. Такой крик обычно бывает последним в жизни...

То самое место, несомненно. Фонарь со старинной перекладиной, заканчивающейся двумя медными шарами — для удобства фонарщика, чтобы упирать лестницу. Дом с высоким крыльцом. Ни в одном окне нет света. Сварог двигался без лишней суеты, он не верил, что это засада, но «кошачий глаз» все же действовал, толкнул ногой легко распахнувшуюся дверь и с пистолетом в руке ворвался в обширную прихожую, где печально смотрели со стен оленьи головы и ни одна живая душа его не подстерегала, а нечистью и не пахло.

Проскочив в комнату, он еще, как положено, быстро взял на прицел угол-другой, но и там никого не оказалось, так что он устыдился этих шерифских штучек, коим добавляли комизма задевавшие за каждый косяк ножны меча, опустил пистолет и приоткрыл дверь в другую комнату, рукой уже, не пинком.

На широкой кровати в углу лежал человек, и по тому, как он в совершеннейшем мраке моментально нашел Сварога взглядом, Сварог определил, что неизвестный видит в темноте не хуже его самого. Последовало короткое молчание — Сварог не знал, что теперь делать, а лежавший не торопился облегчить ему задачу. В конце концов Сварог спросил:

— Это вы меня... звали?

Лежащий улыбнулся довольно странно — одни губы раздвинулись, а лицо в этом словно бы и не участвовало. Ему было лет тридцать на вид — значит, могло оказаться и все триста, если это все же лар, — а его дворянская одежда, как отметил уже немного приобвыкшийся на земле Сварог, носила следы недавнего пребывания в Горроте: отвороты высоких дорожных ботфортов украшены бляшками из шлифованной яшмы, и воротник кафтана по горротской моде вырезан по краям полукружьями. Незнакомец лежал неподвижно, как статуя, даже головы не повернул, скашивая глаза на Сварога.

— Я вас звал, — сказал он, и при этом его нижняя челюсть почти не шевелилась. — Возьмите стул и сядьте поближе, а то утомительно все время коситься... Вот так. Я совершенно не представляю, сколько мне осталось, поэтому слушайте не перебивая. Лорд Раутар. Восьмой департамент. О вас я знаю от Брагерта. У меня нет связи с Гаудином, у вас ее тоже нет, но вы



проживете дольше... Когда доберетесь, передайте Гаудину, что у Стахора в Горроте — Ледяной Доктор. Запомнили? Ледяной Доктор. Оба слова — с большой буквы, это прозвище. Когда он не поверит, а он, конечно же, не поверит, попросите его посмотреть запись. В кошельке на столе найдите снольдерский двойной гриван. Знаете, каков на вид двойной гриван?

— Да.

— Он там один, не ошибетесь. Это видеокассета. Пусть посмотрит в замедленном действии, лучше всего покадрово, как взорвалась стена крепости. У меня все.

Он умолк и облизнул губы. Деловито попросил:

— Возьмите кинжал, разрежьте мне одежду... хотя бы на ноге.

Сварог двумя пальцами оттянул ему суконную штанину и осторожно надрезал.

— До голого тела.

— До голого...

— Пощупайте пальцами. Что чувствуете?

— Тело как тело.

— А я уже не чувствую, как вы прикасаетесь... — медленно сказал Раутар. — Поднимите мою руку. Любую.

Сварог взял его за запястье, приложив ровно столько сил, сколько требуется, чтобы поднять безвольно лежащую руку. Но его пальцы, не ожидавшие такой тяжести, дернулись вверх, сомкнулись в воздухе — а рука и не шевельнулась...

— У вас что, руки привязаны? — недоуменно пригляделся Сварог.

— Нет. Это золото, а оно тяжелое. У меня внутри. И скелет, и череп — сплошное золото. Потому мне и не пошевелиться. Прощупайте мне ладонь.

— Ладонь как ладонь, разве что холодная, — пожал плечами Сварог. — И самые обычные кости прощупываются.

— Ничего удивительного, они не изменили формы, только стали целиком золотыми. Боюсь, следом настанет черед мышечной ткани, а там — то ли кровь, то ли мозг. Право, не знаю, что раньше заместится золотом. Да и не хочется гадать...

— Но как это с вами... — Все это было настолько жутко, что Сварог не смог удивиться, а думать не стал ради экономии времени.

— Я работал в Горроте. И со свойственным мне оптимизмом — на что, впрочем, давал право кое-какой жизненный опыт — полагал, что Ледяной Доктор меня не раскроет. Но он



как-то меня вычислил. Мне не препятствовали уехать из Горрота, все началось уже здесь, вчера.

Сварог вдруг спросил:

— Откуда вы знаете, что это — золото? Не свинец?

— Потому что все симптомы как две капли воды походили на случай с лейтенантом Аттисом. Два года назад. Только тогда мы так и не поняли, что с ним случилось. Думали, просто прихворнул. Вечером я ушел из его комнаты, там, в гостинице, а утром обнаружил... золотую статую. То же самое...

— Послушайте, — у Сварога вспыхнула надежда, — как вас должны были забрать? Вимана?

— Да. Но она будет ждать в Снольдере.

— Плохо... Все это — магия?

— Нет. Могу ручаться, что это — чистейшей воды наука...

— Но ведь... — сказал Сварог растерянно. — Я в этом не разбираюсь, однако... Для превращения элементов нужны ядерные реакции или основанная на апейроне магия...

— Значит, возможны и «холодные» реакции. Если вы — гений. А Ледяной Доктор — гений.

— Как же он сумел...

— Право, не знаю, — сказал Раутар. — И если его когда-нибудь изловят, во что я свято верю, не стоит его расспрашивать — нужно примитивно прикончить на месте. Гений, лишенный даже крох морали и человечности, должен как можно быстрее отправиться в небытие. Вот никогда бы не подумал, что стану морализировать, да обстоятельства заставили...

— Но нужно же что-то делать, — сказал Сварог. — Есть резиденция наместника...

— Пока вы разбудите в эту пору какую-нибудь повозку, пока довезете до резиденции, пока они свяжутся — будет поздно. К тому же меня нет здесь, как и вас. Я — призрак. Это создаст дополнительные сложности, потому что сохранить все в тайне нужно в первую очередь не от дешенных...

— Понятно... — зло сказал Сварог.

— В общем, давайте без лирики, граф. Расскажите лучше кратко, как у вас дела, а я пока отдохну — чертовски трудно шевелить челюстью, словно гирию к ней привязали...

Сварог кратко рассказал последние новости.

— Ничего не понимаю, — сказал Раутар.

— Больше всего мне не понравились эти типы, работающие под призраков, — егеря с собакой. Орк говорил что-то о горротской зверюге, способной отыскать принцессу...



— У вас есть варианты на крайний случай?
— Поднять смуту, — сказал Сварог. — С участием принцессы и тех полков, что ей поверят.
— Вы рискуете потерять Делию.
— Я еще больше рискую, сидя на Бараглайском Холме. И она тоже.

— Резонно, — согласился Раутар.

И надолго замолчал. Только глаза двигались. Сварогу понемногу начинало казаться, что это и есть симптомы конца, он хотел потрогать запястье Раутара, но не смог себя заставить. Сгорбившись, сидел на массивном табурете, вяло проклиная про себя тот день и час, когда во все это ввязался, плохо представляя границы понятия «все это» и уныло сознавая, что никогда уже не спрыгнет с этой карусели...

— Можно рискнуть, — сказал Раутар. — Под церковью святого Круахана начинается древний подземный ход на тот берег. Насколько я помню, церковь внутри «волчьих флажков». Но я в натянутых отношениях с Братством святого Роха, и на меня ссылаться в их присутствии не следует...

— Как найти ход? — жадно спросил Сварог. — Есть у меня один человек...

— Не знаю. Если быть точным, ход там когда-то был, уж это известно достоверно. Но существует ли он сейчас... Чертовски древний ход, иные подозревают, что он существовал еще до Шторма... Вам пора идти.

— А вы? — вырвалось у Сварога.

— Я? Дом принадлежит мне. Рано или поздно какой-нибудь прохвост сюда обязательно заберется. И разбогатеет. Родится еще одна легенда, Равена на них богата... возможно, легенды и не будет — если тот, кто найдет золотого человека, окажется умным и лишенным привычки болтать во хмелю. — Он коротко рассмеялся. — Не удивляйтесь, лорд Сварог. Я живой человек, и мне страшно. Но когда вы доживете до пятисот пятнадцати, привыкнете ко многому относиться философски... Идите. Не забудьте монету. Обычные деньги заберите тоже, пригодятся, беглецу полезно иметь как можно больше денег. Увы, больше ничем не могу быть полезен...

Сварог высыпал на стол монеты, поворошил. Отыскав квадратную с круглой дырочкой посередине, украшенную двумя вздыбленными снольдерскими львами, сунул ее в узкий потайной карманчик. Остальные сыпал в кошелек, не глядя сунул его за голенище. Полагалось что-то сказать, но мысли



блуждали в сплошном сумбуре, и ничего не подворачивалось на ум.

Словно отгадав его мысли, Раутар усмехнулся:

— Право же, я в лучшем положении: моя смерть у меня перед глазами и не таит никаких неясностей, а ваша — где-то в неизвестности...

Пожалуй, это оказалось лучшее прощальное слово, какое Сварог слышал, — злая шутка человека, имевшего право быть беспредельно циничным... Не бабы и не романтики, в самом деле. Сварог выпрямился, отдав ему честь на ронерский манер — согнутая в локте рука брошена к сердцу, ладонь выпрямлена дощечкой, — поклонился и вышел, задев ножами косяк.

Ужасно не хотелось возвращаться через мостик, но в обход пришлось бы очень уж далеко. Сварог шагал быстро и настойчиво, держа пистолет в опущенной руке, подбадривая себя мыслью, что выдававшие себя за призраков, все четверо вкупе с собакой, весьма даже смертны.

Он задержался на мосту. Тишина, не видно ни полиции, ни горротцев. Темные брызги крови уже подсохли на древнем камне. Судя по их обилию и разлету, выглядит все так, словно таинственный зверь, налетев на незадачливого агента, с размаху рванул его клыками не хуже, чем мог бы рвануть кусок ветчины не жравший неделю бродяга. Вот так. И если ужасаться по всякому поводу, проще и практичнее сразу приладить петельку на ближайшие ворота.

Обратный путь, как часто бывает, показался не в пример длиннее. Поэтому, когда на Сварога выехал из переулка вдрызг пьяный всадник из благородных, пустившийся то ли задрать, то ли жаловаться на жизнь, то ли все вместе, Сварог, не особенно размышляя, поймал его за руку, выдернул из седла, без всяких угрызений совести вскочил на коня и помчался к Барглайскому Холму, слыша, как пьяный шумно ползает по мостовой и орет отчего-то: «Измена!»

Конь оказался свежим, застоявшимся, и Сварог в считанные минуты пролетел по крутым улочкам, рассмотрелся издали к дому Гая — на внутренней лестнице мерцает тусклый светильник, все спокойно, — спрыгнул, хлопнул коня ладонью по крупу, и тот потрусил прочь. Даже если не воссоединится с хозяином, бесхозным долго не останется — как-никак столица, цивилизованный град, где отношение к чужому добру, особенно к тому, что бродит без присмотра по ночам, насквозь философское.



Направился в дом, стал не спеша подниматься по внутренней лестнице, скупое, в самую плепорцию для влюбленных, освещенную керосиновой лампой, висевшей на крюке меж вторым и третьим этажами. Наконец-то добрался домой — вот именно, домой, он давно привык возводить любое временное пристанище в гордое звание дома, тогда становится не так грустно жить, наоборот, бывает чуточку веселее. Мимоходом он подумал, что настоящего-то дома, собственно говоря, философски глядя со всех точек зрения, у него никогда и не было. Нынешний замок, порхавший сейчас где-то за облаками, на эту роль что-то не годится. А вскоре и этот дом придется покинуть. Но развить эту мысль он не успел — поднялся на площадку, а там на низких перилах сидела Мара в своем натуральном обличье, закинув ногу на ногу, задумчиво поглаживая лежавшую рядом игрушку из своего богатого арсенала, больше всего напоминавшую морского ежа, бьющегося в падучей.

— Любопытно, где изволит шляться благородный лаур? — поинтересовалась она, не усмотрев на лице Сварога особой озабоченности. — А меж тем добродетель юной девы, несмотря на ее нынешний дурнушечий облик, подвергается постоянной угрозе со стороны творческого люда, так что колено означенной девы покрыто мозолями от частого соприкосновения с буйствующей плотью. Однако, смею заметить, к иной плоти дева была бы не в пример более благосклонна, буде плоть таковая недвусмысленно заявила бы свои права способом, не допускающим двойного толкования...

Сварог поднял ее с перил, и какое-то время она молчала — по чисто техническим причинам, если только уместно столь сухое определение, когда в твоих объятиях юная женщина, сводящая с ума и необычностью своей, и диким сочетанием разнообразных противоречий... вот только на шее у тебя и Странная Компания, и все отсюда проистекающее, а где-то лежит золотая статуя, и кровь подсыхает на мосту...

Тонкие пальчики, способные и нежно приласкать, и моментально отправить в мир иной, скользнули ему под рубаху способом, не допускающим двойного толкования, но Сварог героически превозмог себя, отстранил ее и распорядился:

— Доклад по гарнизону.

Она моментально перестроилась, хотя и не всецело:

— Вокруг — тишина. Гарнизон частично отошел ко сну.

— Точнее?



— Хозяин отошел ко сну. Бабкин внучек отошел ко сну. Жена боцмана, по некоторым данным, читает очень вольному топору наставление по морскому делу. Граф Леверлин до сих пор беседует с ее высочеством о придворном этикете. Одним словом, все при деле. Одна я сторожу, как верный солдат... или как дура.

Сварог усмехнулся. Относительно Делии и Леверлина он и сам третий день питал стойкие подозрения. Вообще-то ее последнего любовника не так давно убили у нее на глазах... Ну да будем реалистами. Принцессы — своеобразный народ. А лучшего способа отвлечься от всех горестей и не сыщется, пожалуй.

— Если милорд соизволит расстелить здесь свой плащ, нет нужды идти в комнаты.

— Ты серьезно или притворяешься? — спросил Сварог, распустив шнуры плаща и сбросив его на пол. Лег, оперся на локоть и устало зажмурился.

— Насчет чего? — Она перестала расстегивать платье.

— Так спокойна и безмятежна...

— А что тебя удивляет? — искренне изумилась Мара, опускаясь рядом. — Согласна, положение не из веселых, но дулом в спину пока что не тычут. Что-нибудь придумаем, ты у нас по этой части мастак...

Сварог покосился на нее. Она закинула голову, опустила длинные загнутые ресницы, приоткрыла рот — безмятежно ждала поцелуя. Детский возраст — это детский возраст. Ребенок ни за что не поверит в собственную смерть — особенно когда вокруг наблюдаются сплошь чужие...

— Возможно, мы завтра уйдем, — сказал Сварог.

— Куда? — Мара мгновенно открыла глаза. Он кратко изложил.

— Гениально! — Мара обхватила его за шею и звонко расцеловала. — Я всегда верила, что ты у меня великий полководец.

— Может, там и нет хода...

— Должен быть, раз он нам так нужен, — сказала Мара. — Монашеские братства — сплошные кладези секретов, их даже Гаудин опасается раздражать... Вина принести по такому случаю?

— А когда оно мешало? — хмыкнул Сварог. Она гибко выпрямилась, запахивая платье. И тут же неуловимым движением подхватила с перил своего стального ежа, замерла, моментально обернувшись готовой к прыжку дикой кошкой. Сварог



вскочил, выхватил пистолет. Сам он не слышал ни единого постороннего звука.

— Идет, — шепнула она. — Один.

Сварог нашел стволом пистолета бесшумно ступавшую вверх по лестнице грузноватую фигуру. А мигом позже узнал. Мара тоже. Слегка растерянно покосилась на Сварога.

Барон Гинкер в строгом темном камзоле, опустив руки по швам, глядя перед собой, поднимался по ступенькам беззвучно, как дым. Что-то с ним было не так. Мара отступила на шаг, медленно, без единого лишнего движения, словно перелилась, перетекла в сторону упругая капелька ртути.

Теперь и Сварог понял. Керосиновая лампа светила барону в спину, хоть и тускло, слабо — но от каменных перил легла негустая тень, а вот барон совершенно не отбрасывал тени. Он поднимался, медленно и бесшумно, прижав руки к бокам, как исправный солдат на смотре, глядя перед собой, вышел на площадку, теперь их разделяли шесть-семь ступенек лестничного пролета, и Сварог увидел, что барон бледен, как стена, а в правом виске у него чернеет дыра с опаленными краями. Глядя иным, магическим зрением, видел перед собой то же самое — призрака с простреленным виском. Поднял было пистолет, но тут же вспомнил, что серебро не способно причинить призраку вреда и сам призрак никому не способен причинить вреда — разве что порой своими речами, но тут уж вина не его, потому что истины, изрекаемые иными призраками, вовсе не ими самими придуманы...

Барон остановился пятью ступеньками ниже, поднял голову. В глазах — ни малейшего отблеска мысли.

— Что случилось, барон? — произнес Сварог, удивившись, сколько буднично звучит его голос.

— Они ломились в кабинет, — произнес барон странно глухим голосом, словно бы это были и не колебания воздуха, а нечто иное, воспринимавшееся не слухом, а мозгом. — Засовы уже поддавались. Я выбрал меньшее зло. Нельзя было попадать к ним живым.

— К кому? — спросил Сварог.

Кто мог ломиться в кабинет к протектору столицы? Разве что Багряная Палата...

Барон молчал. Лампа вдруг вспыхнула ярче, заколыхались тени, наливаясь чернотой. Высоко над головой в незастекленном окошечке свистнул ветер — неприятно, шипяще.



— Закажите по мне заупокойную, — сказал барон. — Именем Творца.

— Хорошо, — сказал Сварог. — Если вы мне расскажете, что происходит во дворце. Кто прячется за сценой.

Барон молчал, глядя умоляюще.

— Что они от вас хотели? — спросил Сварог.

— Я ошибся, как никогда в жизни. И ухитрился погубить себя сам. Все короли любят, когда их полиция раскрывает заговоры. И я решил придумать заговор. Очень хорошо все продумал, тщательно. Взял одно из пугал древнего чернокнижья, поселил его в столице, подобрал кандидатов в сообщники, тайные служители. А оказалось, что придуманное существует на самом деле. И они пришли, прежде чем я успел...

— О чем вы?! — спросил Сварог.

— Заупокойную.

— Обещаю.

— Именем Творца?

— Именем Творца.

— Улица Зеркальщиков, сорок пять, — сказал барон. — Вдова Гуродье, собственный дом. У нее все мои бумаги. В том числе и план «заговора». Имена, разумеется, притянуты мною, но картина оказалась точной. Я хороший полицейский, хоть вы и смеялись надо мной тогда... Заберите все бумаги. Это плата...

— Чем они мне помогут сейчас?

— Сейчас — ничем. Пригодятся когда-нибудь потом.

— Хорошо, — сказал Сварог. — Теперь скажите мне вот что. Когда мы с вами говорили...

Он на миг отвел глаза, создавая сигарету, а когда поднес ее ко рту, призрака уже не было. Только пламя колыхнулось в высоком стеклянном колпаке лампы да ветер взвыл посреди безветренной ночи.

— А ведь у меня по всем порогам и подоконникам была мелом проведена черта с соответствующими знаками, — сказала Мара. — Против таких вот визитеров. Ты, наверное, подошвой стер впотьмах... — Она опустила на плащ, тряхнула головой. — Нужно сходить подновить, а то еще кого-нибудь дождемся...

— Пора убраться из этого красивого города, — сказал Сварог в сердцах.

— А кто спорит? Вот только... — она задумчиво покачала головой. — Настоящий это призрак нашего безвременно усоп-



шего сообщника, впутавшегося в какое-то темное дело, или очередная пакость неизвестных доброжелателей?

— А смысл?

— Пакость и есть пакость, какой в ней высший смысл?

— Вот тут ты права, — сказал Сварог. — Сколько ни ломал голову, в толк не возьму, зачем этот чертов стагарец устроил такой долгий ливень. Неужели только для того, чтобы убежать подальше? Жаль, что ни ты, ни я не умеем насыпать ветер. Чтобы оборвало к чертовой матери эти клятые воздушные шары да унесло подальше.

— А смысл?

— Много ли смысла в пакостях? — усмехнулся Сварог.

— Нерационально. Не в шариках дело. В такой ситуации нужно стрелять и резать без всякой поспешности только тех, кто стоит на дороге. — Похоже было, визит призрака отбил у нее на сегодня охоту к лирике. — Помню, в Снольдере два месяца назад мы искали один документ...

Сварог хмыкнул:

— Насколько я тебя знаю, два месяца назад из-за каждого угла торчали ноги...

— Да ну, — скромно сказала Мара, мечтательно глядя сквозь него. — Документ был в шкапулке, и ее нужно было забрать из загородного дома. Я чинно и благонаравно поднялась на третий этаж, забрала шкапулочку и вернулась к лошадям, никуда не сворачивая и не отвлекаясь. И каждый, у кого хватило ума спрятаться в камин или выпрыгнуть в окно, остался жив. А кто не спрятался, я не виновата. — Она бросила на него быстрый лукавый взгляд. — Бедный, я тебя опять пугаю?

— Удивляешь, — сказал Сварог чистую правду.

— А еще?

— Возбуждаешь. И удручаешь.

— Это еще почему?

— Твое ремесло...

— Милый мой созерен, мы опять приближаемся к точке, где перестаем друг друга понимать...

— Ладно, замнем, — сказал Сварог, устало погладив ее руку. — Слушай, а мечта у тебя есть?

Она чуточку замаялась, но все же выложила:

— Хочу стать королевой.

Сварог хотел фыркнуть, но потом подумал, что мечта эта — не лучше и не хуже любой другой. На то она и мечта. Особенно здесь, где престолы частенько брались «на шпагу». Если вспом-



нить, сколь предосудительные субъекты ухитрялись нахлобучить все же на темечко корону, Мара с ее детской мечтой выглядит светлым ангелом...

— Осталась самая малость, — сказал Сварог. — Выйти замуж за короля.

— Ну уж, таких пошлостей мне не нужно. В интересах дела еще можно под кого-нибудь примоститься, но ради собственного блага никак не стоит...

— Что я в тебе ценю, так это — непринужденность...

— Я человек независимый, — сказала Мара. — И хочу завоевать себе королевство сама. Конечно, смешно распахивать рот на большое, но найдутся и маленькие, по моим хрупким плечам. В Манорах. Есть еще Сегур. Я там была однажды — очаровательный остров. Жалкая кучка гвардейцев и король-растяпа, без единого наследника.

— А потом?

— Что — потом?

— Ну, завоевала ты королевство. А дальше что?

— Надеваю я корону...

— Ну?

— Сажусь я на трон...

— Ну? — с интересом повторил Сварог.

Она задумалась, нахмурилась:

— Да ну тебя! Все испортил!

— Я тут ни при чем, — сказал Сварог. — Видишь ли, мечты имеют паршивое свойство — сбываться. Поэтому всегда нужно иметь что-то про запас.

— А у тебя-то самого есть мечта? — прищурилась она.

— Выбраться отсюда. Чтобы Делии удалось...

— Это не мечта, а отличное выполнение задания, — безжалостно отрезала Мара. — А мечта?

— Мечты, похоже, нет... — растерянно сказал Сварог, подумав как следует.

— Вот видишь. А у меня есть. Чья взяла?

Сварог покрутил головой:

— Слушай, много вас таких?

— Хватает. Человек пятьдесят. Большинство, конечно, довольно тупые приложения к мечам, но есть и умные. Я, да будешь тебе известно, существо особо строптивное, своенравное и самостоятельное. Это я не сама придумала, а бесстыдно подслушала. Из-за моей репутации Гаудин и поручил мне за тобой присматривать. Что ты поднял брови выше макушки? Ну



да, милорд, ваше небесное великолепие, вы здесь командуете, вы умеете бить людей топором по голове, и вы великолепно справились в Харлане. Но вам еще долго предстоит учиться прокладывать себе дорогу по трупам, не распуская при этом сопли и не гадая, была ли у проткнутого вами бедолаги седенькая бабушка... А я этим умением давно овладела. — Она скромно потупилась. — Надеюсь, я не нанесла урона твоей мужской гордости? Всегда готова искупить женственной покорностью...

И с интересом наблюдала за ним. Однако Сварог уже понял, что лучший способ сохранить лицо при общении с напарницей — это выглядеть совершенно бесстрастным.

— А тебе не приходило в голову, что Гаудин использовал удобный случай, чтобы от тебя отделаться?

— Гаудин — сплошная меланхолическая загадка, — сказала Мара. — Меланхоличность касается облика, а загадочность — ума и характера. Какие ходы он просчитывает наперед и сколько их, угадать невозможно. Сейчас мы выполняем задание. Я не сомневаюсь, что игра затеяна всерьез и ставки высоки, — но одновременно наше задание хитрыми ходами, непонятными и неизвестными нам с тобой, связано с достижением и других целей. Нет, я не утверждаю, будто так и есть. Но допустить стоит... Большинство его поручений — с двойным и тройным дном.

— Должность у человека такая... — сказал Сварог задумчиво. И направился на террасу — подышать прохладным ночным воздухом на сон грядущий. Окрест стояла тишина, только через два дома отсюда на гребне крыши раздавалось звяканье виолона и явственно долетало меланхолическое пение:

Этот витязь бедный
никого не спас,
а ведь жил он в первый
и последний раз.
Был отцом и мужем
и — судьбой гоним —
больше всех был нужен
лишь своим родным...

У трубы виднелась темная фигура, сидевшая верхом на коньке, как на лошади.

— Твой-то опять надывается, — лениво сказал Сварог бесшумно появившейся рядом Маре.



— Я вот в него сейчас чем-нибудь попаду... — безжалостно заявила сподвижница.

Сварог фыркнул. Обитавший неподалеку юный уличный певец, сосед лишнего наследства восемнадцатого герцога Немера, положил глаз на Мару (отчего-то очаровавшую его даже в своем новом облике, не столь уж и прекрасном) и регулярно угощал серенадами.

— Сейчас я его...

— Отставить, — сказал Сварог. — Традиция такая, терпеть нужно...

От него осталась
жажда быть собой,
медленная старость,
замкнутая боль.
Неживая сила,
блики на воде.
А еще — могила.
Он не знает, где...

— И так тошно, а тут еще тоску наводит...

— Помолчи-ка, — сказал Сварог, насторожившись. — Ви-дишь?

— Что?

— Вон, левее, прямо над мостом...

— Ничего там нет, — уверенно сказала Мара.

Сварог протер глаза, поморщился:

— Ну как же нет? Что-то вроде орла.

— Ничего я там не вижу.

Сварог не настаивал. Однако был уверен, что ему нисколько не почудилось: над городом, очень низко, кружили уже три огромных черных птицы, почти не шевеливших крыльями, подобно парящим орлам, временами заслоняли далекие огни домов, уличные фонари. И летали они, не выбираясь за пределы оцепленной зоны...

— Нет там ничего, — пожала плечами Мара. — Пошли спать, а?

— Пошли, — сказал он решительно. И подумал: нет, пора отсюда убираться, такие собаки и такие птицы ничего хорошего не сулят...



ПРАВО УБЕЖИЩА

Харчевня именовалась без особых — «Кошка и кастрюля». Кошек, помимо той, что на вывеске, обнаружилось целых три — зажавшихся до того, что они дремали под столами, брезгливо игнорируя брошенные им в приступе пьяной любви к животным мясные огрызки.

Мара легонько придавила одной хвост носком башмака, но та открыла один глаз, лениво вытянула хвост из-под подошвы и вновь задремала.

— Не мучай животное, — мельком заметил Сварог без особой укоризны.

— Настоящая кошка должна быть зверем, — Мара нацелилась на кошачий хвост уже каблуком, — а эта...

— Если она заорет, привлечешь к нам внимание.

Вот это моментально подействовало, и Мара унялась. Сварог глянул на распахнутую дверь — отец Кaleb все не появлялся, а пора бы... Ввалилась компания, еще с порога заоравшая, что вина им нужно много, а вот закуска вовсе и не обязательна. Судя по гильдейским бляхам, явились речники топить в чарке горе — «Кошка и кастрюля» располагалась неподалеку от одного из портов, и попавшие в кольцо блокады речные суда обязаны были встать на мертвый якорь, а паромы — прервать сообщение меж берегами. По этой причине речной народ пил с утра до вечера, но в обличении властей не поднимался выше Речного департамента, августейшую особу не затрагивая, — в любом порту хватало шпиков.



Сварог думал о своем — пытался понять, почему их с Марой бросили. Какие бы там сложные интриги ни плелись среди правящей верхушки, они не объясняли бездействия и деликатности Гаудина, столь несвойственных начальнику тайной полиции, особенно в столь серьезном деле. Гаудин уже должен был знать о призраке, подменившем принцессу. Мог бы и направить связного, мог бы помочь. Противники Гаудина были владетельными особами, но их люди оставались шпионами-любителями, а у Гаудина имелась в руках Контора. Как показывает исторический опыт, Контора побивает в три хода дилетантов любого ранга...

Поневоле подворачивалась невеселая, но веская гипотеза — Гаудину сейчас не до земной тверди, что бы эпохальное там ни происходило. На тверди небесной случилось нечто столь серьезное и важное, что лихая компания Сварога обречена на автономное плавание. Вульгарно говоря, наверху шерсть летит клочьями. Так частенько случается, стоит юной императрице надолго увлечься силванскими охотами — впрочем, придворные баталии с тем же успехом разыгрываются и в отсутствие старого и сурового, собаку съевшего на кознях и интригах монарха...

Что, если точнехонько так все и обстоит? При этой мысли стало невероятно неуютно. Но он браво плюнул под стол — благо нравы грязной харчевни позволяли — и подумал, что уж если его за тридцать с лишним лет не смогли угробить в обители развитого социализма, здесь и подавно не слопают, подавятся...

— Ты что это под стол плюешь, барон? — спросила Мара.

— Придумал, как организовать ситуацию, когда всем станет не до облаты и не до нас.

— Как?

— Поджигаем королевский дворец. Со всех восьми концов.

— Лихо. — Мара посмотрела на него с уважением. — Только мне придется изрядно повозиться, чтобы состряпать «слезы дракона». Есть такой горючий состав. Даже на воде полыхает так, что любо-дорого. Значит... Смолы немеряно здесь же, в порту, пробежаться по аптекам пошлем Паколета, нашатыря на Бараглае полно у любого алхимика...

— Да погоди ты, — сказал Сварог. — Я же шутил.

— Да? А план не столь уж наивен. Послушай, если и в самом деле...



Сварога спасло появление отца Калеба, одетого арматором средней руки. Харчевня, хоть и захудалая, делилась на две половины: «пьяную» и «деловую». В первой вино трескало ради самого процесса, а во второй — потягивали, обсуждая дела. Сварог обосновался в «деловой», где разговоры шепотом были в порядке вещей, и те, кто беседовал, сдвинув над столом головы, выглядели не заговорщиками, а совершенно приличными людьми — например, контрабандистами, а то и «ночными рыбаками».

— Братья согласились вам помочь, — сказал отец Кaleb. — Однако должен предупредить: к вам до сих пор питают некоторое недоверие, причины которого мне непонятны...

— Пусть питают, — сказал Сварог. — Лишь бы помогли.

— Вам сказали правду. Под церковью святого Круахана и в самом деле начинается подземный ход. И он не моложе самой церкви. А она стояла на этом месте еще до Шторма. Разумеется, ее не раз перестраивали, а то и отстраивали заново... Словом, предприятие крайне опасное.

— Вы боитесь, что ход засыпан?

— Я боюсь, что он цел, — сказал отец Кaleb. — Очень уж хорошей славой окутаны старинные подземелья. Сами братья туда не спускались, и это кое о чем говорит. Когда тысячи лет из поколения в поколение передается совет держаться от подземелий подальше, слухи рождаются не на пустом месте.

— Насколько я знаю, гномы вымерли, — сказал Сварог. — И еще. Никто ведь не слышал за последние тысячелетия, чтобы из подземелий выползло нечто... необычное.

— Это еще ни о чем не говорит. Из Хелльстада за всю его историю тоже почти не выползло ничего необычного. Но попробуйте туда сунуться... История планеты длинна. До людей у нее были другие хозяева — а до тех властвовал кто-то еще. Там, внизу, может оказаться целый мир, о котором мы ничего не знаем, — и, если хотя бы сотая часть легенд правдива, этот мир любовью к человеку не проникнут.

— Не слишком ли много страхов вокруг подземного хода, соединяющего берега?

— Даже в обычных катакомбах, оставшихся после добычи камня, в туннелях, где проходят подземные стоки и водопровод, случаются странные и страшные вещи.

— Вы пришли меня отговаривать? — спросил Сварог.

— Я не вправе. Но братья просили передать: они ни за что не отвечают. Это может оказаться смертельно опасным.



— Да что вы говорите! — хмыкнула Мара. — А мы-то до сих пор занимались безобидной игрой в «четыре волчка»...

— Не перебивай старших, — хмуро сказал Сварог. — Простите, святой отец, но она права. В нашем положении не придерничают.

— Я все понимаю. Но опасаясь за вас. Вчера к братьям пришел и попросил убежища стагарский колдун — насколько я понял, тот самый, что жил у Сенгала. Убежище ему по старинному обычаю предоставили, хотя и посадили под замок до тех пор, пока не найдут способа переправить его дальше. Так вот. Он невероятно напуган и, представьте, знает о ходе, берущем начало в церкви. Но бежать по нему категорически отказался, предпочтя запертую снаружи келью и ожидание...

— Я бы его сразу пристукнул, — сказал Сварог. — Подослали, быть может?

— Нет, — усмехнулся отец Калеб. — Братья не склонны к излишней доверчивости и жизнью умудрены. Наша церковь в свое время побывала и гонимой, что не прибавило ни беззаботности, ни легковерия. Есть клятвы, которые стагарцы не нарушают, и лгать после их произнесения не способны. Братья подвергли его должному испытанию. Скорее он производит впечатление человека, слишком поздно осознавшего, во что он впутался.

— Иногда и я сам на себя произвожу такое впечатление — проворчал Сварог.

— Вечная беда стагарцев — они столь часто балансируют меж добром и злом, что иногда достаточно одного опрометчивого шага...

— Могу я с ним поговорить, перед тем как спущусь в подземелье?

— Отчего бы нет... С наступлением ночи...

— Послушайте, мне только что пришла в голову гениальная мысль, — сказал Сварог со скромностью Ньютона, секунду назад получившего по темечку историческим яблоком. — Почему необходимо дожидаться ночи, чтобы спускаться в подземелье? Там же темно и так, в любое время суток...

— Действительно... — механически кивнул отец Калеб, но тут же его лицо вновь приняло озабоченное выражение.

...Отбытие их с Бараглайского Холма прошло незамеченным широкими кругами богемы. Отец Калеб, вновь обрядившийся



кучером, пригнал вместительный рыдван, в каких ездили горожане средней руки. Творческие люди весьма ревниво следят за успехами и жизнью тех своих коллег, кто хоть чуточку имеет, но отъезда третьеразрядной балаганной труппы (равно как и ее прибытие несколько дней назад) никого не интересовал. Поскольку неоплаченных счетов за ними не числилось, лавочники и трактирщики и не встреपнулись. Один квартальный стражник бдительно заявился окинуть рыдван зорким оком — но, получив двойной серебряный аурей, смягчился и пожелал счастливого пути (Сварог сообщил ему, что они намерены немного подработать на купеческой свадьбе).

Мэтр Анрах появился во дворе, когда Сварог уже собирался последним залезть в дряхлый экипаж. Подойдя, виновато развел руками, тихо сказал:

— Ничего не нашел, уж не посетуйте...

— Зато я, кажется, нашел, — сказал Сварог.

— Что ж, ни о чем не стану спрашивать, но... — он помялся, — не знаю, поможет ли это вам... Почти все авторы при упоминании о подземельях советуют беречься зеркал.

— Что они имеют в виду?

— У меня осталось впечатление, что они не знают этого сами. Просто повторяют пришедшее из глубины веков предупреждение. Вы учтите на всякий случай...

— Учту, — сказал Сварог. — Прощайте. Может, встретимся когда-нибудь...

Залез в рыдван, окинул взглядом свое воинство. Воинство держалось бодро и браво, на сей раз без всякого наигрыша — впереди замаячила надежда, а это перевешивало все связанные с оною возможные опасности. Капрал Шедарис держал на коленях последнее достижение пытливой конструкторской мысли — громадный четырехствольный пистолет, каковой извлек, едва оказавшись в повозке.

— Ты его спрячь пока, — сказал Сварог. — Уличных боев, право слово, не предвидится.

Капрал не без сожаления упрятал громоздкое чудо техники в мешок. Паколет поерзал на лавке:

— Наши ребята плели про катакомбы всякие страхи...

— Вот и проверим, — сказал Сварог, взглядом приказав ему заткнуться.

Покосился на Делию — она выглядела так, словно и радоваться хотела, и боялась обмануться.



— Ничего, ваше высочество, — сказал Сварог. — В следующий ваш проезд по улицам этого беспокойного города встречать вас будут совершенно иначе, клянусь...

Он и сам искренне верил в то, что говорил. Делия устало улыбнулась ему, а тетка Чари вздохнула:

— Великие небеса, как спокойно и беззаботно жилось в пиратах... Нет, понесло же меня на сушу...

— Зато на суше не утонешь, — сказал Сварог.

— Да уж, кому быть повешену...

— Бросьте, — сказал он. — Я всегда успею возвести вас всех в дворянство. А дворян вешать не положено. С ними обходятся со всем возможным почетом, голову сносят церемониальным мечом и непременно на золоченой колоде. Это вам не грязная веревка, натертая прошлогодним дешевым мылом...

Шуточка была цинично-казарменная, но такие лучше всего и действуют в подобных переделках...

Церковь святого Круахана, сложенная из темно-красного кирпича, вздымала к небу три колокольни с острыми шпилями и немного походила на крепость — малым количеством окон и толщиной стен. Последний раз ее отстраивали из развалин пятьсот лет назад, до Латеранского трактата, и это сказалось на настроении зодчих. Впрочем, и новые храмы, принадлежавшие Братству святого Роха, были построены так, чтобы отсидеться в них при осаде: загадочное братство, посвятившее себя борьбе с черной магией, не без оснований опасалось коварных сюрпризов.

Чем оно занималось, плохо представлял даже Гаудин — по наблюдениям Сварога, державший в отношении Братства почтительный нейтралитет. Но если где-то обнаруживался пробитый серебряной стрелой маг или таинственно сгорала подозрительная антикварная лавка, грешившая продажей книг из Черного Перечня, можно было прозакладывать голову, что в девяти случаях из десяти здесь не обошлось без нелюдимах братьев в коричневых рясах...

Один такой встретил их у входа — мрачный широкоплечий монах, на которого даже бывалый капрал косился с уважением. На поясе у него висел скрамасакс в железных ножнах и три символа Братства — серебряный клеверный трилистник, бронзовая фигурка коня и вырезанный из дерева сжатый кулак.

Не задавая вопросов, он повел их в обход алтарного зала, низкими коридорами без окон — в подземные этажи. К ста-



гарцу и в самом деле относились без всякой доверчивости: у входа в келью, где его поместили, сидел еще один монах, столь же внушительного сложения, держа меж колен внушительный посох, окованный с одной стороны широкими медными кольцами (вполне возможно, и с выкидным клинком внутри, монахи это практиковали и были мастерами гойкара).

Сварог вошел, оставив остальных за дверью. В углу ровно, без копоты, горел масляный светильник. Табуретов здесь было два, так что Сварог немедленно сел на свободный и без церемоний принялся разглядывать стагарца — нарочито неторопливо, хмуро, чтобы тот понервничал и понял, что убивать его не будут, но и марципанами потчевать не собираются.

Он был не старше Сварога. Мочки ушей, должно быть, обрезаны в самом раннем детстве — не видно шрамов, кажется, что уши были такими отроду. Значит, потомственный колдун — это-то Сварог о стагарцах знал. На левой щеке — маленькое синее клеймо, неизвестный Сварогу знак. Морской колдун смотрел исподлобья и благостностью характера, сдается, не отличался.

— Ну что, сукин кот? — ласково спросил Сварог в качестве вежливого приветствия. — Докатился? Или, выражаясь изысканнее, накликал на свою жопу приключений?

Стагарец глянул сущим волком и тихо напомнил:

— Я под защитой храма. Как приверженец Единого Творца.

— Твое счастье, — сказал Сварог. — Но меня что-то не тянет пускать пузыри от умиления. Скажи-ка лучше, как это ты, приверженец Единого, ухитрился во все это вляпаться?

Хмурый колдун, прямо-таки передернувшись, заторопился:

— Я потому и бежал, когда понял, во что ввязался...

— А лучше было не ввязываться вообще, — наставительно сказал Сварог, подумав, что и сам бы охотно последовал сему золотому правилу, да вот никак не удается. — Давай поболтаем. Я уже знаю, что Сенгал решил подменить принцессу призраком. Но подробности и цели мне неизвестны. Как и твоя роль в этом.

— Я познакомился с ним на Стагаре, и он уговорил меня отправиться с ним на Диори. Похоже, он знал, где лежит клад. Но не знал языка Изначальных.

— И ты ему по-дружески переводил. Совершенно бескорыстно, а? По доброте душевной?



— Он обещал мне книги. Я возвысился бы над всеми, даже над Варгасом с Совиного Мыса. Вам не понять...

— Что ж, я многого не понимаю, — сказал Сварог. — И в особенности не понимаю дураков, которые ввязываются в такие вот игры — свято веря, что никто не станет убирать лишних свидетелей по миновании в них надобности...

— Ну, я еще долго был бы ему нужен, — усмехнулся стагарец чуточку раскованнее. — Хватило бы времени, чтобы вовремя почуять опасность и приготовить дорожку для бегства. А что до его замыслов... Простите за цинизм, но я не здешний. Вассальной присяги здешнему королю не давал, и принцесса мне чужая. Каждый за себя, в конце-то концов.

— Насколько я знаю, эгоистов на Стагаре не особенно любят. И подобный образ мыслей там не в чести.

— Но за него вовсе не зачисляют в выродки без всяких колебаний. Вы не читали Федра? Душа — это колесница, влекомая двумя лошадьми, черной и белой, они тянут в разные стороны и плохо подчиняются вознице...

— Ладно, — сказал Сварог. — С земляками тебе самому разбираться... А Федра я не читал. Давай о делах. Значит, Сенгал с твоей помощью решил подменить принцессу... Отсюда и начнем.

— Род Сенгала имеет кое-какие права на трон. Как десяток других родов. Если бы пресеклась династия Баргов...

— Без подробностей. Я и так верю.

— Если бы подмена прошла гладко, с соблюдением всех условий...

— То есть — с убийством настоящей принцессы?

Стагарец сделал пренебрежительный жест, означавший что-то вроде: «Стоит ли о таких мелочах?»

— То существо... оно, будучи оплодотворенным смертью оригинала, могло бы существовать десятки лет, став полностью послушным своему хозяину. Конечно, при регулярном соблюдении иных ритуалов. Король очень болен, хотя об этом никто почти не знает. Сенгал женился бы на «принцессе». Это создание совершенно нематериально, но ребенок, которого все считали бы родившимся у королевы, был бы сыном Сенгала, самым настоящим.

— Нужно признать, покойный искренне заботился о будущем своего потомства, — сказал Сварог. — Ну, а теперь выкладывай — что там у вас пошло наперекося?

Стагарец сказал после долгого молчания:



— Я знал, что магические книги Изначальных добротой не дышали. Но не ожидал такого дуновения зла. Впервые встревожился, когда мы готовили... подмену. Потом стало еще хуже. У Сенгала были и другие помощники, кроме меня. Порой даже кажется, что те, которых он считал своими слугами, становились хозяевами. Когда в решающую ночь появились эти твари, сомнений не осталось. Сенгал стал орудием. Я это понимал, а он — нет. Я ко многому отношусь без особых предрассудков, но предавать душу в когти Великого Мастера...

— Подробнее.

— Да зачем вам это? Вы что, Катберт-Молот? Тоже мечтаете пора-зить сатану сияющим копьём? Да и нет там особых подробностей. Сенгала все больше подминала Черная Благодать (Сварог впервые слышал это название, но не подал виду). В решающую ночь во дворце появились люди, которых я никогда прежде не видел, но гадать, кому они служат, не было нужды. Все получилось наполовину. Этот гланский рубака все сорвал. Слуги Великого Мастера не могли подступиться ни к нему, ни к принцессе, а когда Сенгал наконец пустил в ход обычных солдат, было поздно, она успела скрыться. Сенгал паниковал. Время существования двойника, не оплодотворенного смертью оригинала, ограничено, строго отмерено. Сюда слетелись шпионы от всех соседей. Потом Сенгала убила ваша девка...

Сварог, не вставая, ловко пнул его в голень:

— Выбери выражения, тварь!

— А что, называть ее парнем или деточкой? — огрызнулся стагарец, шипя от боли и потирая ногу. — Девочка — это косы, невинность, куклы-конфеты... Определение «дикая кошка» вас не коробит?

— Не коробит. Значит, ты оставался с патроном до самого конца. Хотя прекрасно понимал уже, кто правит бал. А когда он умер...

— Когда он умер, исчезло лежащее на его библиотеке заклятье, и книги можно было унести. Жаль, напихать под одежду удалось немного, а книга Изначальных исчезла вовсе... Ну что вы так смотрите? Я ведь не выдал вашу кошку, а мог бы...

— Не мог. Побоялся бы, что Великий Мастер за отсутствием других козлов отпущения выместит зло на тебе. И припустил со всех ног... А ливень зачем устроил?

— Чтобы затруднить погоню. И потом... Сенгал отчего-то решил, что вы — из Снольдера. И хотите увезти принцессу на



самолете. Я в то время ему поверил. И хотел, чтобы вы пока что оставались здесь. Чтобы все остались в столице, пока я успею скрыться. Не ожидал, что за меня возьмутся столь рьяно. Гоняли, как зайца, и азартнее всего охотились горротцы, что было едва ли не хуже Великого Мастера... Ну что вы так смотрите? Я ведь мог и сдаться погоне. Отказ от злого дела — уже само по себе есть служение добру...

— Снова Федр?

— Нет, Амруаз.

— Знаешь, я что-то с этим Амруазом решительно не согласен, — сказал Сварог. — Ладно, эти тонкости оставим святым братьям... Пусть они и с тобой разбираются, я здесь не хозяин. На твоё счастье. Скажи-ка лучше, отчего это ты не захотел бежать подземным ходом?

— Наверху, несмотря ни на что, безопаснее — вот вам и вся суть...

Видно было, что ничего он больше не скажет. Конечно, если позвать загрубевшего душою Шедариса, умеющего развязывать языки пленным вопреки рыцарским правилам войны... Но вряд ли позволят монахи. Следовало бы сунуть стагарцу нож под ребро вящего спокойствия ради — но убивать «на всякий случай» Сварог еще не привык.

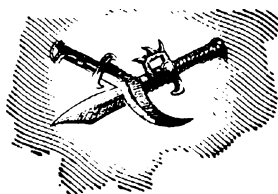
— Ну, живи уж, сукин кот, — сказал он задумчиво.

Встал и вышел. Странная Компания, незаметно для себя подровнявшаяся воинской шеренгой, встретила его вопросительными взглядами.

— Ничего интересного, — сказал он чистую правду, повернулся к монаху. — Ведите нас, святой брат.

— Вы все обдумали?

— Все, — сказал Сварог решительно.





ХОЗЯИН ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Монах шел впереди с керосиновой лампой в поднятой руке. Они спускались все ниже и ниже — по винтовой лестнице, по сводчатым переходам, по галерее, проходившей над большим залом, усеянным невысокими каменными надгробиями. Воздух стал тяжелым, душноватым. Сварог слегка помахивал Доран-ан-Тегом, вновь привыкая к нему после долгого бездействия. Рубин в намерении кроваво отблескивал.

— Где кончается ход, никто не знает, — тихо сказал великан-монах. — Если уж вас не удалось отговорить, остается только молиться за вас...

Сварог подумал, что впервые за него кто-то будет молиться, но промолчал, чтобы не суесловить.

Они остановились в сводчатом склепе. Там было две двери — та, в которую они вошли, и вторая, толстенная и тяжелая, дерева почти не видно из-под железных полос, усеянных серебряными трилистниками и силуэтами коней.

Она была заперта на обычный висячий замок, не такой уж и большой — на купеческих лабазах можно увидеть гораздо внушительнее. Монах снял с пояса связку ключей и забренчал ими, перебирая.

— Дверь хорошо сохранилась для пяти тысяч лет, — сказал Сварог, не вынеся молчания.

— Ее периодически чинили и меняли, — отозвался монах. — Но никто никогда не спускался вниз. Оттуда тоже ни разу не появлялось... никого и ничего. Но это не успокаивает...



Он наконец нашел нужный ключ, вставил его в продолговатую скважину, повернул, разнял замок и дужку. Потянул дверь за чугунную ручку, и она отворилась с визгом, скрежетом.

— Вот теперь можешь доставать свою артиллерию, — сказал Сварог капралу.

Тот с превеликой готовностью извлек пистолет, накрутил ключом пружины во всех четырех колесцовых замках, опустил кремни к колесикам. Мара вынула меч. Монах молча роздал каждому по пучку добротного сделанных просмоленных факелов, чиркнул огромной серной спичкой, и все зажгли по одному.

Ничего страшного за дверью пока что не наблюдалось — довольно широкая каменная лестница, полого уходящая во тьму, по ней можно идти троим в ряд.

— Ну, с богом, — сказал Сварог. — Держать строй, что бы ни случилось.

— Дверь я буду держать открытой сутки, — сказал монах. — А там — уж не посетуйте...

Сварог молча двинулся первым, подумав, что при нужде он вынесет эту дверь топором в три минуты. Под сводами хватало места, чтобы шагать во весь рост. Пыли вокруг вопреки ожиданиям почти не было, и плохо верилось, что этой аккуратной кладке, где не выкрошился ни один кирпич, пять тысяч лет. Время от времени Сварог поднимал руку, они останавливались и настораживали уши, но, ничего не услышав, продолжали спускаться по невысоким ступеням. Ход плавно заворачивал вправо. Сварог оглянулся вверх — дверной проем светился далекой тусклой звездой. А там и скрылся за поворотом. Понемногу Сварог стал соображать, что спуск этот — нечто вроде винтовой лестницы огромного диаметра.

И вдруг она кончилась — последняя ступенька была уже не ступенькой, а каменным полом большого зала. Сварог первым шагнул в проем — и ослеп, вспышка белого сияния ударила в мозг. Шарахнулся, наугад махнув перед собой топором крестнакрест, слыша сзади крики и оханье, попытался все же что-то рассмотреть сквозь плававшие перед глазами разноцветные круги — и тут же, ожесточенным морганием смахивая застилавшие глаза слезы, заорал что было сил:

— Стоять! Спокойно! Друг друга порежете!

Потому что единственная опасность, какая им угрожала, — зацепить клинком друг друга. Светло стало оттого, что под



потолком вспыхнуло не меньше десятка молочно-белых полусфер. Они вошли — и автоматически зажегся свет, крайне смахивавший на электрический. Только и всего.

Сварог оглянулся — его воинство, за исключением Мары и Делии, сгрудилось в проходе, не ступая в зал, выставив перед собой мечи и четырехствольную пушку. Раненых не видно, зато в испуганных числятся все.

— Назад, — кивнул Сварог. И сам вслед за Марой и Делией вернулся на лестницу.

Свет в зале тут же погас. Стоило Сварогу шагнуть со ступеньки на пол, лампы вспыхнули вновь. Облегченно переведа дух, Сварог так и не смог отделаться от безмерного изумления — очень уж эти штучки, автоматика высокого класса, не вязались с тем, что они оставили наверху. Тот, кто все это построил, знал и умел не в пример больше. Что же, история в свое время повернула вспять? И буксовала пять тысяч лет? Станный для истории поворот. Впрочем, не такой уж странный, если учесть иные разговоры о странностях технического прогресса, рожденных волей человека...

— Впечатляет, — сказала Мара.

— Смелее, — подбодрил Сварог остальных. Они ничего еще не понимали, но, видя его спокойствие, один за другим выходили в зал, гася факелы, притаптывая их сапогами. Сварог оглядывался. На противоположной стене — огромное запыленное зеркало от пола до потолка. Слева — несколько дверей с закругленным верхом, то ли из темного стекла, то ли металлические. Справа — восемь или девять ступенек ведут в огромный полукруглого сечения туннель, освещенный такими же светильниками, — отсюда видны два. Пол выложен белыми, черными и красными каменными плитками в форме ромба, в нишах меж зеркалом и ступеньками стоят белые статуи рыцарей в латах (доспехи совершенно незнакомого фасона). Стены мозаичные, зелено-бело-черные — совершенно абстрактные узоры, никаких аналогий в современном декораторском искусстве. Это ничуть не походило на жилое помещение — контора, вокзал, присутственное место... Сварог вытащил компас. Все правильно — если войти в туннель и свернуть направо, как раз попадешь на тот берег. Если только туннель достаточно длинный и не сворачивает.

Контора, вокзал... Метро? Он тряхнул головой — казалось, вот-вот над головой захрипит динамик, послышится грохот



поезда, и из шеренги дверей напротив к туннелю хлынет поток пассажиров. Оглядел своих — окажись они в аэропорту или на станции метро, выглядели бы не менее нелепо. И Сварог видел, что они ощущают эту нелепость, пусть и не представляя, в чем она заключается. Соприкоснулись два разных мира.

— Здесь все настолько не такое... — тихо сказала Делия. — Мы с отцом были во дворце императрицы, но там другое... Там мы не чувствовали себя чужими...

Сварог решительно направился к зеркалу. Он не ошибся — под ним и в самом деле что-то лежало на полу. И эта находка Сварогу весьма не понравилась. Белые человеческие кости — кисть пятипалой руки, все еще сжимавшая длинный, без пятнышка ржавчины кинжал с изогнутым лезвием и чашеобразной гардой, украшенной изумрудами. Концы лучевой и локтевой костей выглядели так, словно руку у ее обладателя попросту оторвали еще при жизни — и она пролежала здесь неизвестное количество веков, а то и тысячелетий, пока плоть не исчезла. Рука с кинжалом выглядела здесь совершенно инородным телом — как и компания Сварога.

Стоя почти вплотную к зеркалу, Сварог взглянул в него. Почему нигде нет пыли, кроме как на зеркале? Зеркало не понравилось еще больше, чем сжимавшие оружие кости. Вроде бы зеркала темнеют, старея, да еще пыль толстым слоем — и все равно, как-то не так оно отражало, словно бы и не себя Сварог там видел, отражение держалось в глубине, да и колыхнулось вовсе не в такт его движениям...

Он всадил в зеркало лезвие топора — сам не понимая, что делает и зачем. Показалось даже, топор сам ударил, потянув за собой руку. Сварог отпрыгнул — но никакого ливня рушащихся с дребезгом осколков не последовало. Остался глубокий косой разрез — но не знавший преград топор вошел едва до половины лезвия... Разрез медленно, но явственно для глаза затягивался, отражения в темной глубине дернулись, словно отступая. Сварог выругался вполголоса. Остальные напряженно уставились на него издали. Из разреза тремя медленными полосами поползла тяжелая густая жидкость, черная с алым отблеском. Казалось, силуэтов в глубине зеркала прибавилось, они собрались в кучку.

— Пошли отсюда, — сказал Сварог, первым направляясь к ступенькам. — Боевой порядок!



Боевой порядок был оговорен заранее — Сварог впереди, Мара с Леверлином прикрывают Делию, тетка Чари прикрывает бесполезного в серьезном бою Паколета, а Шедарис прикрывает тыл.

Они шагали по туннелю — мимо часто попадававшихся ниш со статуями и черных проемов, за которыми уходили вниз невысокие, по пояс человеку, неосвещенные туннели. Они-то и беспокоили Сварога больше всего — оттуда в любой момент могло выпрыгнуть что-нибудь скверное. Судя по пройденному расстоянию, над головой уже — река.

Снова десяток ступенек — вверх. Там туннель продолжает-ся. Но его перегораживает белая стена.

Нет, не стена...

Туго натяните поперек туннеля частую рыболовную сеть, вместо узелков на пересечениях нитей поместите белые шарики размером с горошину. Потом уберите сеть — а шарики останутся висеть в воздухе в строгом порядке, удерживаемые неизвестной силой. Именно так преграда и выглядела.

Сварог остановился перед ней. Сквозь нее просматривался туннель, преспокойно уходящий вдаль, и уардах в ста — очередной подъем.

Тронул шарики рукояткой пистолета, надавил. Потом проделал то же самое пятерней.

Шарики слегка отодвигались — до некоего предела затем невидимая натянутая сеть упруго возвращала их в прежнее положение, стоило убрать руку. Он просунул меж шариками палец — палец невозбранно прошел на ту сторону. Махнул топором.

Парочку шариков ему удалось разрубить — но кусочки висели на прежнем месте, преграда не понесла ни малейшего урона. Сварог зажег огонь на кончике пальца и ткнул им в ближайший шарик — никакого эффекта, не загорается, не плавится, даже не накаляется... Тупик.

Все молчали.

— Возвращаемся? — предложил Леверлин неуверенно.

— А куда потом? — безнадежно спросил Сварог.

Подошел к ближайшему проему, заглянул внутрь. Ход косо уходил вглубь, где он кончался, и кончался ли вообще, Сварог не мог рассмотреть и с помощью «кошачьего глаза». Жестом призвал к полной тишине, оторвал с пояса чеканную серебряную бляшку, прочитал заклинание, усиливавшее слышимые



окрест звуки, размахнулся что было мочи и запустил бляшку в проем, просунув следом голову. Прошло несколько секунд, а она все катилась, подпрыгивая и постукивая, потом провалилась куда-то, упала с небольшой высоты, звякнула, долго еще катилась, крутясь и подпрыгивая — и наступила тишина. Похоже на вентиляционные каналы — и пол там, внизу, тоже каменный... Рискнуть? Если там тупик, в крайнем случае с помощью топора нетрудно будет вырубить ступеньки, вылезти назад, калек и увечных в его отряде нет...

Он медлил, не зная, на что решиться. А с решением не следовало тянуть. Армию, неважно, громадная она или крохотная, спланирует осязаемый враг или конкретная цель. А блуждания наугад по неизвестным подземельям даже хуже военной неудачи. Но еще хуже — оставаться на месте...

И тут же, словно кто-то, имевший склонность к издевке, прочитал его мысли и выловил из них сожаление по отсутствующему врагу, со стороны покинутого ими зала послышались легкие шаги, настолько тихие, что Сварог их нипочем не услышал бы, но заклинание еще действовало. Остальные не слышали — только Мара неуверенно встрепелась да Паколет, внук во многих отношениях примечательной бабки, повернулся в ту сторону и достал из-за голенища нож.

Вскоре ее увидели все — рыже-белая пятнистая кошка ростом с теленка, напряженно вытянувшись в струнку, медленно поднялась по ступенькам и остановилась в отдалении, нехорошо прижав уши, поводя злыми желтыми глазами. И стала приближаться упругими шажками. Хвоста у нее не оказалось, но это не помешало с ходу определить, что настроение у нее самое скверное и миром вряд ли разойтись.

За спиной у Сварога кто-то коротко ахнул.

— Тихо, — сказал он, не оборачиваясь. — Кошки не видели? Самая обычная кошка, только здоровая...

Говоря это, он уже поднимал пистолет.

Кошка прынула вбок так стремительно, неуловимо для глаза, что он сам едва не ахнул. Похоже, она прекрасно понимала, что сулит наведенное в лоб дуло, — и пуля звучно ударила в стену, посыпались крошки мозаики. Еще два выстрела столь же бесцельно попортили стены, кошка увернулась, перемещаясь к ним короткими, неожиданными зигзагами, таившими в себе нечто гипнотизирующее. Никак не удавалось угадать, где она окажется в очередной миг, пуля за пулей летели мимо.



Слева грохнул пистолет Шедариса — кошка увернулась, зло прошипела, оскалилась. Густая струя порохового дыма повисла в воздухе, и Сварог отскочил вбок, крикнул:

— Не стрелять! Сомкнуться!

Кошка остановилась, зашипела, стала приседать. «Сейчас прыгнет, — понял Сварог. — И начнется». Он перехватил топориче обеими руками, у самого обуха: главное, удачно подставить лезвие...

Мимо него метнулась маленькая фигурка — Мара бросилась вперед, выставив руки, словно ныряя в бассейн, перекувырнулась в воздухе, на миг исчезнув из поля зрения, вновь возникла, приземляясь на пол совсем в другой стороне, извернулась, с силой метнув в немыслимом пируэте что-то пронзительно прожужжавшее... Кошка повалилась на пол как подрубленная, стараясь освободить стянутые чем-то передние лапы, забилаясь, выгибаясь и рыча, но Мара уже вскочила, выбросила руку, сверкнуло что-то туманно-серебристое, бешено крутаясь. Из горла кошки торчала половина глубоко ушедшей метательной звездочки.

Сварог метнулся вперед, обеими руками обрушил топор. Мара тут же рванула его назад за пояс — но кошачья лапа в агонии успела скребнуть по сапогу, прорвав голенище поперек.

— Не надо было лезть, — спокойно сказала Мара. — Ногу не задело? Вот и прекрасно. Подумаешь, вздорное животное. Сама справилась бы.

И резко обернулась к ступенькам. Тут же оба поняли, что не ослышались: бухающий шлепок повторился, и еще раз, и еще с ритмичностью метронома, приближаясь неторопливо, звуча столь мощно, что пол едва заметно сотрясаясь под ногами. «Идет ее хозяин, — испуганно подумал Сварог. — Если хозяин под стать своей зверюшке...»

Но ничего не было видно. Потом на доступном взгляду участке туннеля, на каменном полу, еще довольно далеко пока, появилась черная с алым отливом лужица — это из ниоткуда, из воздуха упала огромная капля, он кровоточил. Появилась вторая, третья, все в равных промежутках, шаги гремели под сводом...

Пустив в ход заклинание, Сварог увидел. Огромная неуклюжая фигура едва не задевала макушкой потолок, ручищи свисали до колен, и вся она словно сплетена была из перепутанных как попало мохнатых веревок, лишавших чудище четких



очертаний. Там, где положено быть голове, виднелось что-то похожее на округлый бугор, на нем светилась горизонтальная алая щель — то ли единственный глаз, то ли пасть. Сварог не смог определить, что это такое — азов магии, напиханных ему в голову, словно изюм в булку, решительно не доставало.

Он выстрелил. Великан, чуть вздрогнув, размеренно шагал вперед. Сварог не снимал палец с курка, но вскоре сообразил, что это бесполезно. Дюжина серебряных пуль давно заставила бы сдохнуть любую нечисть и остановить создание из плоти и крови. Либо это что-то третье, либо Сварогу никак не удавалось угодить в уязвимые места. «Берегитесь зеркал», — вспомнил он.

— Ты его видишь?

— Конечно, — сказала Мара.

— Что это?

— Представления не имею, насчет такого нас не учили...

У них еще было время. Немного, правда. Но скоро оно подойдет вплотную, и никто его не видит, только Сварог с Марой... Что же, поставить все на единственный козырь — топор Дорана? Но зеркала он не смог прорубить, застрял на половине...

Сварог махнул Маре и бросился назад, к ошетилившимся мечами спутникам, недоуменно вертевшим головами. Следом грохотали шаги, послышалось что-то вроде удовлетворенного, утробного ворчанья. Сварога вел инстинкт, а не рассудок — такое с ним случалось не впервые, и всегда он оставался цел...

Он молча указал Маре на ближайший проем, и она ногами вперед метнулась туда. Слышно было, как она, гремя чем-то, звонко царапая металлом о металл, катится вниз. Стук подошв. Краем глаза Сварог заметил вспыхнувший далеко внизу свет, и почти сразу же раздался крик Мары:

— Сюда все!

Ничего не стоило говорить — он лишь мотнул повелительно головой, и все, один за другим, бросились в проем без промедления и дискуссий. Замешкавшегося Паколета Сварог сцапал за шиворот и отправил вниз, как мешок. Оставшись в одиночестве, оглянулся.

Великан задержался возле кошки с отрубленной головой — вокруг нее уже натекла черная с алым отливом лужа, — взвыл, замахал лапами, метнулся вперед. Но Сварог вперед ногами бросил тело в туннель, покатился на спине по наклонному,



гладкому металлическому скату, гремя мечом, прижав к груди топор и прикидывая трезво: неизвестному монстру сюда ни за что не пролезть, если только он не умеет вытягиваться шлангом...

Спрыгнул с высоты примерно трех четвертей уарда, легко удержался на ногах. И оказался в широком туннеле, параллельном только что покинутому ими, но короткому, с тупиками в обоих концах. Лестница с железными фигурными перилами ведет вниз.

Прислушался. Наверху ревел великан, судя по звукам, наотмашь валил кулаками в стены. Но спускаться что-то не торопился. Не следовало вообще-то тыкать оружием во все непонятное, но Сварог еще более уверился, что топор рубанул сам по себе, хотя таких штучек за ним раньше и не водилось. Топор принадлежал еще более далекому прошлому, чем туннель, — но от обеих эпох остались лишь легенды, поди усмотри связь, поди пойми с ходу...

Он без промедления стал спускаться по лестнице, громко напомнив про боевой порядок. Впереди услужливо вспыхнул свет. Что-то вроде лестничной площадки, круглый зальчик со статуей посередине — черный камень, обнаженная женщина на спине могучего оленя — снова лестница, несколько раз изгибавшаяся под прямым углом. Сварог уже понимал, что на тот берег вряд ли попасть. Выбраться бы наверх... Он приободрился, подумав, что есть шанс оказаться вне кольца блокады. Самое приятное — никто больше не беспокоит, не навязывает с рыком и воем свое общество...

В очередной раз вспыхнул свет. У Сварога уже не было сил удивляться, но он все же удивился.

Они стояли на перроне. Вот вам метро, вот вам и станция. Два ряда рельсов уходят в туннель, справа и слева. И у перрона стоит поезд, светло-синие с красным вагоны, не тронутый ни ржавчиной, ни гнилью.

— Это же поезд! — воскликнула Мара.

— Только без паровоза, — кивнул Леверлин. — Я их видел в Снольдере. И даже ехал однажды.

— Я тоже, — сообщил Шедарис. — Даже два раза. Когда там служил. Паровоза и в самом деле не видать, а рельсов только по два. Как же он не падает?

— Образованные вы у меня ребята, — сказал Сварог задумчиво.



Подошел к краю перрона, заглянул в вагон. Он был полон скелетов, кости грудями валялись и на скамьях, и на полу. Не видно ни клочка одежды, но не похоже, чтобы мертвых кто-то трогал после того, как случилось Нечто и поезд навсегда остался на станции — просто останки естественным образом переходили в состояние скелетов, костяки разваливались, черепа падали, раскатывались...

— И вон там... — показала Мара.

На перроне, у ведущей вверх лестницы, лежало еще десятка два скелетов — да, судя по их позам, Сварог угадал верно, и мертвецов никто не трогал. Что же здесь произошло? Быть может, за красивым псевдонимом Шторм скрывается некая красивая, насквозь обыкновенная война? Следов пламени нет, поезд не обстреливали. Нейтронная бомба? Кто бы тратил их на метро... Газ? Бактерии? Газ давно разложился бы, а вот бактерии — твари живучие...

— Подземелья когда-нибудь связывали с распространением неизвестной заразы?

— Пожалуй, нет, — подумав, сказал Леверлин. У Сварога чуточку отлегло от сердца. И он повторил вслух:

— Значит, была война?

Он и не ждал ответа, понятно, но Леверлин сказал тихо:

— Возможно, и война...

Сварогу показалось, что теперь он может объяснить кое-какие факты, мучившие его прежде полной несуразностью, объяснить существование кое-каких предметов и явлений, вроде бы и не полагавшихся данной эпохе. У него и раньше были подозрения, но внятно выразить их он не умел. Дело вовсе не в прогрессивном влиянии высокоразвитых ларов. Газеты, консервы, общее состояние умов... Несмотря на замки, доспехи и пирамиду феодальных отношений, порой жизнь Ронеро смутно напоминала Сварогу покинутый им двадцатый век — только лишенный кое-каких технических достижений. В образе мыслей, в укладе жизни было нечто, свойственное более поздним столетиям, это улавливалось подсознательно, не находя выхода в словах...

Лары здесь ни при чем. Они-то как раз тормозят прогресс. Сварог только теперь понял, что в Равене наблюдал вокруг себя то, что можно назвать мучительным, неосознанным повторением прошлого, новым витком спирали. Шторм смел с лица земли не примитивное общество, как написано в изданных



наверху школьных учебниках, а то, что принято называть технологически развитой цивилизацией. То ли война, то ли неизвестное глобальное бедствие отшвырнуло обитателей планеты на тысячелетия назад — но не всех, а только тех, кто остался на земле...

Сколько же лжи в том, чему его прежде учили? Пожалуй, не меньше, чем в покинутом, полузабытом уже мире...

Над широкой лестницей висела продолговатая вывеска, желтая с черной каймой. Знакомые руны, разве что начертанные каким-то неизвестным шрифтом. Черные руны на желтом фоне: «Келинорт». Название станции, несомненно. Город был здесь и до Шторма. Отчего-то вывеска рядовой станции забытого метро потрясла его больше, чем набитый скелетами поезд.

— Поздравляю, — сказал Леверлин. — Одну смертную казнь мы уже заработали. За лазанье по запретным подземельям.

— Что бы тебе раньше сказать, — хмыкнул Шедарис. — Глядишь, испугались бы и не полезли.

— Ничего, мы еще кучу приговоров заработаем, — сказал Сварог. — Со мной это несложно...

Они стояли кучкой на перроне, словно и в самом деле ждали припозднившегося поезда. Шедарис присмотрелся к скелетам и сообщил:

— Не нравится мне это.

— Что?

— А то, что при них нет ни монетки, ни пряжки. Поезд-то уцелел, почти как новенький...

Сварог мысленно с ним согласился. Одежда, понятно, истлела. Но металлических или пластмассовых предметов должно было остаться немало — часы, портсигары, авторучки, украшения, пуговицы, очки, кошельки, прочая мелочь... Ничего. Ни единой вещички. Если Нечто уничтожало и неживую материю, оно обязательно растворило бы и поезд, и все вокруг, оставив голый камень...

— Лучше бы нам отсюда убраться, — сказал Паколет. — Неровен час, вынырнет еще что-нибудь препрехабное...

— Пошли, — просто и буднично сказал Сварог.

И первым шагнул на лестницу, руководствуясь примитивной логикой: чтобы выбраться из метро на поверхность земли, нужно идти все время вверх... Ну да, за поворотом на стене обнаружилась желтая стрела с черными буквами: «Выход в город».



Очередной лестничный переход упирался в кирпичную кладку — судя по манере исполнения, эта чужеродная заплатка принадлежала гораздо более поздним тысячелетиям. Сварог не ждал, когда сзади послышатся разочарованные вздохи — он был зол из-за очередного провала, а потому с маху обрушил на стену топор, твердо решив прорываться с боем, что бы там ни оказалось по другую сторону. Иного выхода все равно нет.

Впрочем, он не крушил напропалую — аккуратно вырубил прямоугольный кусок скрепленных добротным раствором красных кирпичей размером с дверь.

Кусок рухнул на ту сторону — совершенно беззвучно, словно был сделан из пенопласта. Времени удивляться не было — на той стороне Сварог увидел темный, пыльный сводчатый подвал, загроможденный бочками и ящиками насквозь привычного вида. И махнул своим.

Он последним выскочил на ту сторону — прямо по вырубленному куску. И вдруг тот шевельнулся под ногами, поднялся навстречу, как подъемный мост. Сварог едва успел прыгнуть в сторону. А кирпичи легли на место и мгновенно слились со стеной в единое целое, так, что никаких следов от топора и не осталось. Взлетела пыль, все торопливо принялись сдерживать чиханье.

— Теперь ясно, что имели в виду те, кто уверял, будто подземелья надежно запечатаны... — сказала Делия шепотом.

Сварог огляделся. Откуда-то просачивался полосочкой бледный свет. На одной бочке стояла пустая бутылка из-под дешевого вина и лежали огрызки яблок, самое большее суточной давности. Так что подвал был обычным подвалом, отделенным лишь несколькими ступеньками от того уровня, который на географических картах принято называть «уровнем моря».

Он поднялся по четырем деревянным ступенькам, потрогал дверь — потянул на себя, толкнул от себя. Заперта снаружи на толстенный врезной замок. Сварог нацелился было рубануть по нему, но решил не поднимать шума и подозвал социально близкого элемента Паколета — чтобы заодно и проверить на практике его дар бесценный, полученный от предков.

Дар не подвел — Паколет наложил на замок ладони, возвел к потолку глаза, на лице изобразились вдохновение и сосредоточенность, и в замке что-то хрупнуло, скрежетнуло (должно быть, давно не смазывали). Сварог потянул дверь на себя, она и открылась.



Петли завизжали, как убегающая от сексуального маньяка голливудская блондинка. И кто-то, стоявший спиной к двери над раскрытым ящиком, обернулся, охваченный вполне понятным испугом: не каждый день из запертого, единственного входа в подвал лезут непрошенные гости. Чтобы паника не распространилась дальше, Сварог бомбой влетел в комнату и аккуратно оглушил хозяина. Огляделся. Больше всего это напоминало заднюю комнату какой-нибудь лавки: стол с весами и счетами, полки с кулками, бочоночками, мешками. Окно тщательно занавешено. Сварог отогнул уголок занавески, осторожно выглянул — по улице идут люди, проезжают экипажи. Что за улица, он определить не смог. Хотел позвать Паколета, но тот присел над ящиком, заинтересованно изучая содержимое — мешочки с какой-то сушеной травой, один развязан. Тем временем в комнату вошли остальные. Сварог кивнул Маре на дверь, ведущую, скорее всего, в лавку. Она проскользнула туда.

— Понятно... — сказал Паколет, вставая. Подошел к столу и хозяйственно прибрал в карман все лежавшие там деньги, пояснив: — Мы монету не чеканом, а расходы еще будут... В полицию хозяин все равно не побежит.

— Почему? — спросил Сварог.

— Потому что в ящике — «чертов табачок». Травка с Островов. Курительная дурь. Пять лет каторги с конфискацией движимого и недвижимого, а также урезанием уха. — Он обозрел лежащего. — А у него уши целы, так что ему их будет жаль...

Вернулась Мара и отрапортовала:

— Лавка. Я ее заперла изнутри и опустила шторы. Там за прилавком торчал какой-то хмырь. Сейчас он под прилавком и упакован тщательно, как дорогой товар.

Лежащий стал подавать признаки жизни. Перевернулся на спину, увидел вооруженных незнакомцев и определенно заскучал.

— Ничего, бывает, — дружелюбно сказал Сварог. — Мы тебе не мерещимся, мы всамделишные. Вон там, в ящике, у тебя что?

Тот мрачно забубнил, что ящик, во-первых, вовсе и не его, пришли совершенно незнакомые приличные люди и попросили поддержать пару часов; а во-вторых, пять минут назад ящика тут вообще не было, и каким чудом он в комнате оказался, непонятно, так что это происки конкурентов...



— Молчать, — сказал Сварог, и запутавшийся в противоречиях оратор послушно притих. — Где твое заведение? Адрес у тебя какой? Я имею в виду адрес вот этой лавки, где мы сейчас.

— К-каштановая, двадцать пять...

Увы, они оставались в блокаде...

— Значит, так, — сказал Сварог. — Ты никому не рассказываешь, что мы заходили, а мы никому не рассказываем, какие гербарии ты тут держишь. Надеюсь, твое воображение способно оценить простоту и выгоду этой нехитрой сделки?

Лежащий подтвердил энергичными гримасами и дрыганьем конечностей, что все понимает и принимает с восторгом. После чего его связали и присовокупили к лежащему в лавке, заткнув рот. Сварог принес из лавки несколько бутылок вина, прикрыл за собой дверь. Ни на кого не глядя, принялся старательно вытаскивать концом кинжала осмоленную пробку, боясь вопросов. Точнее, одного-единственного: «Что будем делать?»

Но вопросов не было. Лишь Мара вздохнула:

— Прогулялись...

Боевые соратники расселись кто где и столь же старательно сражались с пробками. Паколет с Шедарисом, как люди бесхитростные и простые, чуть ли даже не из народа, делали это зубами, заставив Делию грустно возвести очи горе.

— Прогулялись бездарно, бесцельно и бесплодно, — сказал Сварог. — Но я, знаете ли, от всего этого окончательно расвирепел и стал усиленно думать. По земле и под землей нам не пройти. По воде тоже. Но воздух-то остается, друзья мои! Почему я раньше не подумал про самолеты? Должно быть, оттого, что это означает наделать шума. Но в нашем положении не выбирают...

Остальные смотрели на него так, словно он предложил спереть королевский дворец. Для всех, даже для Делии, самолеты были невероятной экзотикой, ничуть не соотносящейся с реальной жизнью, чересчур уж абстрактным понятием. Только Мара оживилась.

— Самолеты находятся на старом ипподроме, — сказал Сварог. — Правда, он за пределами «волчьих флажков», но это лишь создает дополнительную трудность, не более того. Если уж уходить с шумом и оглаской, какая нам разница? Я смог бы управлять любым не хуже снольдерцев.



— Охрана там большая, — задумчиво сказал Левердин. — Всем сразу глаза не отведешь. Если только у тебя нет чего-нибудь в запасе...

— Нет, — сказал Сварог. — Невидимыми можем делаться только мы с Марой, вам я могу лишь изменить внешность...

— Вот видишь. Ипподром окружен так, что каждый пост видит соседей, — возможно, как раз на случай визита умельцев, умеющих отводить глаза караулу.

— Вот именно, — сказал Шедарис. — Старая хитрость. Раньше, когда колдунов водилось не в пример больше, они запросто проскакивали через посты, вот и выдумали давным-давно особую систему расстановки караулов. Помогает, между прочим, я на Сильване убедился, да и здесь всякое бывало...

— Так... — сказал Сварог. — А если смастерить какую-нибудь чертовски авторитетную бумагу от короля? Там, кроме снольдерской охраны, хватает и местных солдат...

— Мы же не знаем, какие на сей счет у них приняты предосторожности, — покачал головой Леверлин. — Шег, что бы ты сделал на месте начальника охраны?

— Самое простое, — не задумываясь ответил капрал. — Четко оговорил бы, кто может пройти внутрь и с какой бумагой. А в случае сомнительной бумаги задержал бы голубчиков и связался с теми, кто эту бумагу выдал.

— Вот то-то, — сказала Мара. — Самого короля они наверняка пропустят, но по поводу бумаги от него снесутся с дворцом...

— Значит, нужно брать языка, — сказал капрал. — Лучше офицера. Они ж сменяются, а потом свободно шляются по окрестным трактирам. Дело нехитрое — в кожаный мешок насыпается крошенный табак, самого дешевого сорта, накидывается на голову, язык и пискнуть не успевает. Применим испытанные меры убеждения, он и расколется.

— И, если он обманет, сами влезем в капкан, — сказала Делия. — Как бараны.

— Есть способы обезопаситься, — капралу его идея определенно нравилась. — Оставляем в надежном месте надежно упакованным. Пугаем мнимыми сообщниками... Командир, ведь нет другого выхода?

— Так говорите, самого короля они пропустили бы? — задумчиво произнес Сварог. — А я ведь могу и королем прикинуться, я его видел, так что получится...



— А кортеж? — пожала плечами Делия. — У отца решительно не в обычае разъезжать верхом с крохотной свитой. Последний год он появлялся в городе только в автомобиле. Нужен или пышный, многочисленный кортеж, или, по крайней мере, автомобиль — а он единственный в стране. Пожалуй, и в самом деле придется брать пленного. — Она слабо улыбнулась. — Кто бы подумал, что мне придется заниматься такими вещами в собственном королевстве...

— Подведем итоги, — сказал Сварог. — Нужен либо пышный кортеж, либо автомобиль. Ни того, ни другого у нас нет. Только возможность прикинуться королем... и принцесса, черт возьми!

Делия заинтересованно повернулась к нему.

— Знаете, в чем ваша сила? — спросил Сварог. — Никому нельзя сейчас доказать, что во дворце на вашем месте пребывает двойник. Но если где-то вне дворца появитесь вы, именно вы — любой, не знающий, где сейчас находится принцесса из дворца, вас за настоящую и примет! У нас есть поддельный король и самая настоящая принцесса, а это неплохой задел...

— Великолепная ситуация, право же! — рассмеялась Делия. — Та принцесса, которую считают ненастоящей, хотя на самом деле она настоящая, должна изображать ту, которую считают настоящей, хотя на самом деле она ненастоящая...

— Казуистика прелестнейшая, — кивнул Сварог. — Здорово закручено. Так вот, у меня родилась авантюра. Совершенно безумная, а потому имеющая все шансы на успех. По-моему, успехом заканчиваются два рода авантур — либо те, что совершаются в глубочайшей тайне, либо, наоборот, невероятно дерзкие и шумные, происходящие с такой наглостью, что никто и предвидеть не в состоянии... Я намерен устроить переполох на всю столицу, действовать наглайшим образом, нарушая все законы. Ни у кого нет возражений? Судя по вашему одобрительному молчанию, вы всю жизнь мечтали попасть в «злодеи короны»?

Он сделал паузу, оглядел внимательно и строго свое прижитое воинство. Слава богу, в его рядах не было ни романтиков, ни ловцов приключений — такие обычно гибнут первыми, предварительно ухитрившись завалить все, что только можно. Мара при исполнении, у Делии и Паколета нет другого выхода, тетка Чари с Шедарисом вышли из всех передрыг, обучившись

великому искусству всегда оставаться в живых. Один Леверлин выпадал из общей картины — но и в нем Сварог был уверен.

Он вздохнул и начал:

— Попрошу слушать внимательно, старательно выискивая слабые места и непродуманные ходы. Прежде всего, Делия, вы набросаете возможно более точный план королевского дворца. Игра начинается с того, что мы с Марой входим в боковые ворота. В любом дворце, помимо парадных входов, есть боковые ворота, и не одни...





О ПРАКТИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕРЫХ МЕДВЕДЕЙ

В любом дворце есть боковые ворота, и не одни — для лакеев низшего ранга, мастеровых, поставщиков провианта и топлива, печников и золотарей... Это в королевские покои пробраться крайне трудно, а калитки для челяди весьма доступны. Они охраняются теми же синими мушкетерами и золотыми кирасирами — но попадают туда на стражу в виде наказания и к своим обязанностям относятся не в пример халатнее.

Не понадобилось даже отводить глаза. Сварог с Марой, одетые горожанами средней руки, с бляхами мясников, с небольшими мешками за спиной, провели в ворота пегую корову, самую настоящую и купленную на свои деньги. Человек, ведущий животину на дворцовые кухни, выглядит вполне благонадежно и благонамеренно, благодаря корове став даже более незаметным, чем если бы он шел сам по себе. Их мешки проверять не стали — обычно проверяют, что человек выносит (особенно если он идет оттуда, где многое можно вынести), а входящий с мешком подозрений не вызывает, благо здесь еще не водятся террористы с бомбами. Кирасиры и ухом не повели, терзая «пятнашку».

Корову они сбывли с рук очень быстро — остановили какого-то кухонного мужика и велели отвести в хлевы при кухне, как заказанную якобы господином третьим помощником распоря-



дителя. Потом отыскиали укромный уголок в зарослях черемухи за деревянным сортиром, развязали мешки и из зарослей вышли уже синими мушкетерами. Появление таковых в районе кухонь и кладовых никого не должно было удивить — синие мушкетеры частенько туда заходили, привлеченные изрядным количеством молодых смазливых прислужниц, не имевших привычки отказывать господам гвардейцам. Юный вид Мары подозрений не вызывал — король частенько в виде особой милости приписывал отпрысков знатных родов к гвардейским полкам с правом ношения мундира. Не вызывал подозрений и Доран-ан-Тег в руке Сварога: господа мушкетеры, будучи поголовно дворянами, любили носить вне строя фамильные реликвии вроде старинных мечей или прославленных в родовых хрониках протазанов.

Приходилось пробираться по довольно людным местам «благородной» половины дворца — с применением того, что в колдовском лексиконе именуется «отводить глаза». Даже если кто-то незамеченный оказывался поодаль, вне зоны воздействия, он видел издали двух шагавших с деловым видом мушкетеров, и не более того. Дворец со всеми своими службами, особняками, парками и прудами раскинулся на полусотне югеров, а синих мушкетеров насчитывалось не менее двух тысяч — так что запомнить всех поголовно не могли и здешние «топтуны».

— Я начинаю думать, что ты гений, — сказала Мара. — Никто и не почесался...

— Не накаркай, — сквозь зубы сказал Сварог. Они как раз проходили мимо одной из бесчисленных лестниц собственно дворца — правда, с той стороны, что считалась задворками королевской резиденции. У перил стояла Арталетта в полковничьем мундире, как обычно. Сварог мимоходом оглянулся на нее — и ощутил легкое беспокойство.

Она не должна была их видеть, они заметили девушку еще издали и приняли должные меры. Но черноволосая красавица вдруг встрепенулась, подошла к самым перилам, уставилась прямо на Сварога, от растерянности остановившегося, и лицо ее приняло странное выражение — нет, она все же не видела их, но, нет сомнений, усмотрела что-то. Сварог опомнился и ускорил шаг. Оглянулся издали — Арталетта даже шагнула вниз по ступенькам, остановилась, встряхнула головой, словно отгоняя наваждение, лицо ее стало растерянным, она колебалась...



— Ходу, — сказал Сварог. — Что-то с ней не то. Они пересекли двор, спустились по широкой лестнице и вошли в ворота королевского зверинца, совершенно не охранявшегося. Огромный буро-коричневый мамонт с Сильваны для замысла Сварога не подходил, и они миновали огромный вольтер, огороженный рядами торчащих из земли шипов, прошли мимо диких кабанов с отрогов Каталаунского хребта, взятых сюда за устрашающую величину, мимо зебр, львов, верблюдов, меланхолично висевшего на ветке удава, обезьян, касатки в огромном пруду, крайне несимпатичного крокодила, диких быков, содержащихся для травли собаками.

И вышли к экспонату, которому помимо своей воли предстояло стать их сообщником. Большой кусок земли был огорожен высоким железным забором из прутьев толщиной с человеческую ногу. Внутри возвышалась настоящая скала с вырубленной каменотесами пещеркой. У входа валялись кости, несло тухлятиной. Хозяина не видно — сидит внутри. Сварог перенес все внимание на ворота.

Ограда никак не могла обойтись без ворот — чтобы сначала запихнуть в них живого пещерного медведя, а потом вытащить, когда он подойдет. Ворота, как и ограда, были сработаны на совесть, не по силам даже серому медведю из гланских гор — но у них имелись трубообразные петли, до которых легко добратъся снаружи...

Вокруг полное безлюдье. Сварог кивнул Маре. Она вытащила тонкие веревки из-под кафтана, ловко забросила арканы на верхушки воротных столбов, затянула петли. Сварог, как правский лесоруб, засунул топор за пояс сзади, взобрался наверх и, удерживаясь одной рукой, снес петлю метким ударом. Вновь сунул топор за пояс, подтягиваясь на руках, перебрался по верху ворот ко второй петле, срубил и ее, побыстрее съехал вниз по второму аркану, обжигая руки даже сквозь кожаные перчатки. Ворота тяжело колыхнулись, держась лишь на двух нижних петлях. Сварог чувствовал себя, как во сне, когда можно творить все, что угодно, заранее зная, что ничего за это не будет.

Теперь начиналась ювелирная работа. Сварог снес одну нижнюю петлю, в два прыжка достиг второй — ворота уже тяжело, неспешно заваливались внутрь, — срубил и ее, отскокил.словно в замедленной съемке, ворота величаво обрушивались внутрь вольтера. Теперь следовало улучить момент, когда



они окажутся над самой землей, заклинанием лишить их веса, а едва они лягут в воздухе горизонтально, не успев подняться высоко, вес тут же вернуть — чтобы и не воспарили над зверинцем, вызвав ненужный ажиотаж, и упали наземь без особого шума.

Получилось. Ворота упали с высоты локтя — почти бесшумно, но земля от удара тяжело содрогнулась. И пещерный медведь с тяжеловесной грацией вылетел наружу разобраться в происходящем — возможно, в наследственной памяти у него хранились нехорошие воспоминания о землетрясениях в горах. Или о сотрясавших землю лавинах и обвалах. Серая косматая гора высотой в холке не меньше пяти уардов.

Похоже, он удивился, обнаружив вдруг, что в ограде зияет дыра, — стоял, ворочая лобастой башкой, прижав уши, и без того почти незаметные. Возможно, его сунули сюда совсем крохотным и он не представлял, как распорядиться с маху столь неожиданно свалившейся свободой. Коротко, недоуменно рыкнул, глядя на людей без всякого страха.

— Обижай его быстренько, — сказал Сварог.

Мара прицелилась и угодила медведю в нос метко брошенной мушкетной пулей, тяжелым свинцовым шариком. Что было и больно, и обидно. И они припустили прочь, как в жизни не бегали. Отвести глаза можно только человеку, с животными это не проходит. А убивать зверя никак нельзя — он им нужен был в качестве живого источника паники.

Сварог оглянулся на бегу — медведь косолапил за ними не столь уж резво — в конце концов, обида была не смертельная, и для вечно сытого, разленившегося зверя отыскиались на свободе занятия поинтереснее, чем гнаться за двумя нахальными человечками. Вокруг была масса незнакомого зверья, воспринявшего освобождение медведя довольно бурно — мамонт трубил, львы ревели, остальные орали всяк на свой лад, обезьяны верещали, как демократы на митинге, грозно фыркали кабаны, имевшие с медведями свои счеты, даже удав быстренько убрался повыше к верхушке дерева. Медведь решительно развернулся к вольеру мамонта, решив, видимо, что неразумно оставлять в тылу такую громадину, не напутав ее, как следует. Хотя они были с разных планет, склоку затеяли моментально, без всякого удивления друг другом — медведь ревел, мамонт трубил, оба старались перекричать соперника, а все остальные дикими воплями развязали форменное светопреставление. Медведь и



мамонт грузно металась по разные стороны шипов, прекрасно соображая, что эту преграду им не одолеть, но разойтись миром упорно не желали. «Если это не переполох, уж и не знаю, чем вам угодить...» — подумал Сварог, кивая Маре. Она выхватила из-за голенища заряженный мелкой дробью пистолет, опустила курок на колесико и послала заряд медведю в ляжку.

Вот тут он вспомнил про обидчиков. Но они уже промчались мимо обратившегося в соляной столб егеря, выскочили в ворота и кинулись вверх по лестнице. Егерь обогнал их, вопя во всю глотку. Он оказался крутым профессионалом — выскакивая из зверинца, успел захлопнуть за собой ворота, как-то сейчас медведь и пытался вынести. Судя по грохоту, через минуту-другую ворота должны были рухнуть, потому что были деревянными и довольно легкими, без оковок.

В окрестностях понемногу разгоралась паника. Поблизости резко затрубил военный рожок, отовсюду слышался топот и громкие команды — как водится в таких случаях, полностью противоречившие ситуации, так как никто еще не понял, что стряслось.

Сварог с Марой честно пытались внести ясность, вопя на бегу:

— Звери вырвались! Зверинец разбегается!

Где-то в стороне улепетывали егеря, крича примерно то же самое. Чем только распространяли панику все дальше и шире. Правда, паника не была такой уж всеобщей — кучки ливрейных «топтунов» и гвардейцев сбегались к зверинцу, слышались выстрелы, но гораздо больше пока что было тех, кто сломя голову несясь, сам не зная куда.

Сварог с Марой вбежали во двор, кинулись к желтому каменному сараю, где помещался автомобиль. Стерегли его, как рассказала Делия, довольно бдительно. Когда навстречу из двустворчатых распахнутых дверей кинулись пятеро синих мушкетеров с мечами наголо, Сварог просто не успел бы отвести им глаза — для этого нужно сосредоточиться. Он ушел в сторону, ткнул пробежавшего мимо по инерции гвардейца рукоятью топора в поддых. Роли были расписаны заранее, но он все же задержался, готовый прийти на помощь Маре, — она осталась одна против четырех.

Но тут он впервые увидел, на что способны эту жуткие детишки Гаудина. И невольно залюбовался, глядя, что творит



Мара. Это был страшный балет, неуловимый глазом танец из изящных, отточенных пируэтов, переворотов, уходов, уклонов и выпадов. Порой Мара пропадала из поля зрения, обнаруживаясь совсем в другом месте, и мечи гвардейцев раз за разом пронзали и рассекали пустоту, словно они, опасаясь задеть девочку, валяли дурака. Зато ее удары были скупыми и меткими.

Высший класс боя — ее меч ни разу не скрестился с клинками нападавших. Против нее осталось трое, потом двое, потом один, потом ни одного — и все произошло так быстро, что Сварог лишь теперь осознал, какая Багира досталась ему в спутницы, напарницы, любовницы...

Убегал в сарай. Роскошный королевский автомобиль, вымытый и начищенный, сверкал в гордом одиночестве посреди огромного помещения. Солнечные лучи, проникавшие сквозь высокие окна, играли на позолоте, серебре и самоцветах, на тонких, как яичная скорлупа, стеклах.

Сварог взобрался на место водителя. Мара уселась рядом. Деля не смогла внятно объяснить насчет ключа зажигания — где вы найдете принцессу, изучавшую бы конструкцию своего парадного экипажа? Это было самым уязвимым местом во всем плане, но Сварог рассуждал логически: ключ зажигания просто-напросто не нужен единственному в стране автомобилю, королевскому, избавленному, казалось бы, от угрозы угона, как не нужен он паровозу или океанскому лайнеру. А в крайнем случае можно оборвать провода и замкнуть напрямую...

Он оказался прав. Ничего похожего на скважину для ключа. Никаких циферблатов и лампочек. Две педали, почти горизонтальный руль в виде штурвала, пара рычагов да круглая красная рукоятка — на особицу от остальных. Сварог отвел ее вниз — и под ногами у него мощно заурчал мотор.

Дальше было совсем просто. Даже если бы его не наделили должным заклинанием, он и сам справился бы. Автомобиль медленно выкатился во двор. Сварог объехал неподвижное тело, прибавил газу и помчался по широкой аллее. Глянул влево, в сторону зверинца. Там продолжалась заваруха — мелькнула меж сараев серая косматая туша, пальба гремела беспрестанно, надрывались горнисты и барабанщики, дико ржали лошади. Хамство, конечно, невероятное, вопреки всякому этикету и уголовным уложениям, — но все для пользы трона, если подумать...



На них показывали пальцами, застывали обалдело, но никто и не пытался заступить дорогу. Сварог их понимал. Примерно так они себя чувствовали бы, завидев королевский трон, совершенно самостоятельно несущийся по аллее. Все равно, что угнать «Шаттл» и рассекать на нем над Чикаго...

Дворцовые ворота были распахнуты, как всегда в эту пору, а стоявшие там кирасиры привычно обратились в статуи, не присматриваясь, кто сидит за рулем. Сварог вежливо раскланялся с ними, пролетая мимо. Мара хохотала и кричала, что она его любит беззаветно. На площади кто-то бухнулся на колени. Сварог свернул на широкую Адмиральскую и затормозил в условленном месте. Ждавшая его здесь пятерка, не тратя времени на бурные проявления радости, кинулась внутрь, а улица, остолбенев, наблюдала, как королевский автомобиль уносится прочь, оставляя длиннющий шлейф из криков, суеты, ржания понесших лошадей, звона разбитого стекла и грохота перевернутых лотков. Сварог искренне надеялся, что этот день войдет в легенды и хроники, не говоря уж о полицейских протоколах.

Все было готово. Шедарису Сварог загодя придал облик короля Конгера, смастерив самую богатую одежду, на какую был запрограммирован его компьютер. Остальные тоже были облачены роскошно. За время ожидания они, слава богу, внимания не привлекли — «королю» завязали лицо платком, словно у него болели зубы. В конце концов, им предстояло лицедействовать всего несколько минут. Погоня, не стоит обольщаться, помчится вслед довольно скоро, но переполох, несомненно, перекинется на соседние и близлежащие улицы, и, как это всегда бывает, десять надежных свидетелей укажут десять разных направлений... А многочисленные охотники за Делией и вовсе не успеют ничего сообразить.

Вот и граница блокированного района. Улица перегорожена рогатками, какие на войне применяют для защиты флангов от неприятельской кавалерии. Стоят кучки черных кирасиров и жандармов Багряной Палаты в ало-золотом. В стороне, на тротуаре — громоздкий ворот с прикрепленным к нему канатом воздушного шара и пулемет на грубой железной треноге, нацеленный вдоль улицы. Сварог сбавил ход, медленно подвел машину к препятствию, привстал и рывкнул:

— Очистить дорогу! Король!

Шедарис приблизил лицо к стеклу и грозно нахмурился, а в другом окне показалась Делия.



Должно быть, так выглядел бы визит товарища Сталина в захолустный милицейский участок. Казалось, люди здесь ни при чем — рогатки словно вихрем вынесло на тротуары. Сварог торжественно проехал мимо и прибавил газу.

Мотор вдруг чихнул, и на миг Сварога обдала волна панического ужаса — если кончится бензин или сломается любая пустяковина, все пропало...

Нет, обошлось... Впереди показались две стройные башенки, ограждавшие вход на ипподром. Домов вокруг стало меньше, а садов все больше — это начались кварталы цеха садовников и огородников, в свое время поселившихся вокруг ипподрома из-за кладезей навоза, да так и оставшихся, когда ипподром понемногу пришел в запустение.

Сварог снял правую руку с руля и перекрестился. Мара передвинула поудобнее рукоять меча.

У высоченных стен ипподрома, напивавшихся вековой копотью, стояли военные палатки из синей парусины, до крайности напюфиленной Сварогу джинсовку. На воткнутых в землю пиках развевались флажки с эмблемой Пятого драгунского полка — желтые с черным задорным петушком и цифрой «5». Кое-где горели костры с кипевшими на них котелками, лениво бродили драгуны в расстегнутых камзолах, без шлемов и портупей, но караулы стояли плотным кольцом, а у самых ворот, кроме драгун, разместились еще снольдерские мушкетеры в синих камзолах с красными рукавами и красных штанах.

Сварог плавно остановил машину, прыгнул и, не глядя особенно по сторонам, рявкнул:

— Караульного офицера!

Сбежались свободные от стражи драгуны, но близко, конечно, не подошли, толпились на почтительном отдалении, подталкивая друг друга локтями. Из машины вышел «король», орлиным взором озирая в раз присмиривших зевак, следом появилась принцесса. Сварог одернул кафтан с лейтенантским шитьем и рявкнул еще громче:

— Караульный офицер — к его величеству!

Вперед протолкался бледный драгунский капитан, отдал честь, но по причине восторженного обалдения не смог рапортовать.

Чтобы помочь бедняге, Сварог гаркнул:

— Вызвать командира к его величеству!



Его величество тем временем направился прямо в ворота, сопровождаемый очаровательной дочерью и немногочисленными свитскими. Драгуны расступились, вытягиваясь в струнку. Снольдерцы чуть помедлили, тоже отступили, но во фронт все же не встали, ненавязчиво дав тем самым понять, что у них есть собственная гордость и они, вообще-то, имеют честь служить под знаменами другого монарха. У Сварога руки чесались отобрать у одного из них начищенный пулемет, но это означало бы провалить все. Он догнал Шедариса и шепнул на ухо:

— Не перепутай самолет, королевская морда...

Король величественно кивнул, не поворачивая головы. Они вышли на огромное овальное поле, поросшее высокой травой, уже пожухшей по зимнему времени. Сварог увидел самолеты, стоявшие в две линии: деревянные лакированные бипланы, окрашенные в ярко-красный цвет, с гербом Снольдера на хвостах. Маленькие одномоторные истребители и двухмоторные бомбардировщики раза в три побольше. Удивившись было — к чему им истребители, если самолеты есть только у них? — Сварог тут же вспомнил, что воздушные шары и планеры есть во всех почти странах, снольдерцы, должно быть, люди предудетельные...

Поодаль маячили снольдерские мушкетеры, но близко не подходили, не получив пока что четкого приказа. Однако все равно словно бы невзначай перехватили мушкеты и пулеметы так, чтобы держать незваных гостей под прицелом.

Их догнали драгунский полковник — уже в летах, низенький, уса́тый, с заметным брюшком, и другой полковник, снольдерский, молодой лощеный красавец. Сварог отстал от «венценосца» и свиты, задержал обоих офицеров, недвусмысленно раскинув руки:

— Господа...

— Что случилось? — выпучил глаза драгун. — Почему его величество без кортежа?

— Его величество пожелал вдруг осмотреть самолеты, — сказал Сварог нейтральным тоном опытного царедворца.

— Простите, лаур, но это так неожиданно... — пожал плечами молодой мушкетер.

Сварог посмотрел на них, кивнул с печальным видом, очень даже воровато оглянулся на удалявшегося «короля» и словно бы украдкой постучал себя по лбу средним пальцем, сделав соответствующую физиономию.



Драгун громко охнул. Мушкетер поднял брови.

— Как гром с ясного неба... — удрученно сказал Сварог. — Во дворце паника... Господа, умоляю вас не показывать вида... Мушкетер неуверенно начал:

— Откровенно говоря, лейтенант, полученные мною приказы не предусматривают столь скоропалительного визита...

Сварог грустно вздохнул:

— Короли выше приказов, лаур. Особенно те, что неожиданно захворали. Я уверен, лаур, вас высоко ценят при дворе вашего монарха, но короли не станут ссориться из-за одной отрубленной головы, тем более, учитывая обстоятельства... Прошу вас, оцените ситуацию должным образом... Его величество весьма плох...

Полковник смотрел вслед «королю». Ход его мыслей Сварог просчитывал прекрасно. Свой монарх был далеко, а неожиданно рехнувшийся Конгер, и прежде слывший лютым, здесь, в нескольких шагах. Безумные короли сносят головы не хуже нормальных, а жаловаться на тех и на других бесполезно, не говоря уж о том, что лишившийся головы бедолага жалобу принести не сможет по чисто техническим причинам...

И мушкетер, судя по его лицу, капитулировал.

— Уберите ваших людей подальше, — сказал Сварог. — Проведите, покажите, дайте объяснения, как ни в чем не бывало. Скоро придут лейб-медики, за ними послали...

Полковник взял свисток, висевший у пояса на позолоченной цепочке, продудел какой-то сигнал, пронзительной трелью разлетевшийся по всему ипподрому. Его солдаты, опустив оружие, потянулись к воротам.

— Пойдемте быстрее, — сказал ему Сварог, повернулся к драгуну. — А вы возвращайтесь к своим людям. Пока его величество не выйдет с ипподрома, никого не впускать. Нашлись заговорщики, они могут воспользоваться печальной неожиданностью. Лейб-медики придут в синей карете, всех остальных, невзирая на лица, встречать огнем. Надеюсь, ваши люди помогут? — повернулся он к мушкетеру.

Тот кивнул:

— Заговорщики или кто бы там ни был — но на ипподром они не попадут. Новых приказов отдавать нет нужды, достаточно уже имеющихся.

Драгун бежал к воротам. Полковник-мушкетер направился со Сварогом к самолетам. Все в порядке — любую погоню



встретит пулеметный огонь. Неудобно немножко, но что прикажете делать, если другого выхода нет? Все шло так хорошо, что Сварог про себя возблагодарил Господа.

Шедарис прекрасно все рассчитал — он стоял перед последним в ряду, самым дальним от ворот самолетом, бомбардировщиком, где их не могли увидеть оставшиеся у ворот. Правда, по самому верхнему ряду трибун прохаживались караульные, но они были слишком далеко для прицельного выстрела из любого оружия, да и все внимание их было обращено наружу.

Сварог не торопился праздновать победу. Здесь не может не оказаться людей из снольдерских тайных служб, приставленных блюсти секреты самолетов, самого на сегодняшний день передового оружия. Солдаты предпочитают не ломать голову над сложностями — а контр-разведчик, наоборот, обязан видеть подвох буквально во всем. Вряд ли это сам полковник — но при нем, быть может, втайне от самого полковника, состоит какой-нибудь лейтенант, а то и сержант, а то и последний бензиночерпальщик, самолетный хвостокрут... Все остальные аэропланы могут броситься в погоню — дежурная смена летчиков где-то поблизости, не может ее не быть...

«Король» величественным жестом дал понять, что хочет подняться в самолет, и полковник приставил к двери позади крыла удобную деревянную лесенку с поручнями. Шедарис не покоролевски проворно взобрался по ней и исчез внутри — так уверенно, словно всю жизнь прослужил в авиации. Следом поднялась Делия. Но Сварогу полковник решительно заступил путь:

— Простите, лаур...

— О, разумеется, — кивнул Сварог, разглядывая металлические тросы и распорки, соединявшие крылья. Едва полковник скрылся в самолете, обернулся к Маре: — Можешь его обидеть, но не до смерти...

Остальные заворуженно таращились на огромные, изящно завершенные пропеллеры в рост человека. Мара взлетела по лесенке. Медленно досчитав до пяти, Сварог кинулся следом. За ним карабкались остальные.

Внутри все обстояло как нельзя более благолепно: полковник лежал лицом вниз и не шевелился, а Мара вязала его по рукам и ногам его же собственным парадным кушаком с золотыми кистями. Сварог пинком оттолкнул лесенку, захлопнул низкую дверцу, закрыл ее на засов и, пригибаясь, чтобы не задеть головой низкий потолок, укрепленный изнутри шпангоу-



тами, направился в нос, в застекленную пилотскую кабину. По дороге он узрел справа и слева два бортовых пулемета.

Вдоль фюзеляжа тянулись длинные ящики, заканчивающиеся изогнутыми трубами, уходившими в пол — должно быть, там и помещались бомбы.

Пилотская кабина из-за сплошного почти остекления походила на дачную веранду. Там стояло одно-единственное, прикрепленное к полу кресло, в которое Сварог немедленно и уселся. Возле двух курсовых пулеметов сидений не было — должно быть, из-за малой скорости и неуклюжести аппарат никогда не занимался пикирующими атаками.

Приборов, понятно, минимум — компас, запаянная сверху трубочка, полная золотистой жидкости, — явно указатель топлива — да указатель высоты со стрелкой и циферблатом, рассчитанным на лигу (выше, как Сварог помнил, аппаратам тяжелее воздуха подниматься запрещалось). Два рычага газа, рычаг руля поворота, две внушительные педали управления элеронами, две красные рукоятки с треугольными ручками — бомбосбрасыватели. А справа торчит из пола высокий бронзовый стержень, явно пустотелый, на нем металлическая полусфера срезом вверх, а на срезе — затейливая скважина. Для ключа зажигания. Хорошо, что с ними Паколет, иначе ничего не вышло бы... но подчинится ли ему это устройство?

Сварог подвигал педалями и рычагом, оценивая натяжение тросов, сопротивление элеронов и кия. То, что он мгновенно осваивался с любым земным механизмом, еще не означало, что он сможет управлять самолетом, словно заправский ас...

Оглянулся — Странная Компания, за исключением Мары, взирала на него восхищенно и уважительно. Мара взирала на него нетерпеливо.

— Неужели полетим? — охнул Паколет.

— Поползем, — хмыкнул Сварог. Встал, подошел к гнутой стеклянной стене, оглядел поле, соседний самолет, прикидывая, где у него бензобак. Повернулся к Маре. — Сними любой пулемет с турели. Шег, доставай арбалет. Вам обоим предстоит цирковой номер...

Он кратко объяснил им суть, задумчиво взглянул на бесчувственного полковника. Если дома и не смахнут блестящему гвардейцу голову, карьера бесповоротно загублена. Следует причинить как можно меньше вреда тем, кто ни в чем не виноват...



— Готово, — сказала Мара. — Этого выкидываем?

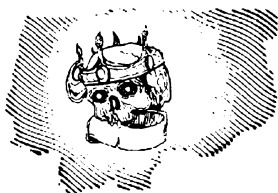
— Оставляем, — сказал Сварог. — Ну, по местам. Последний парад наступает. Приказ один — держитесь за что попало, вон ручки повсюду понатыканы, наверняка для того и приспособлены.

У ворот раздались выстрелы — должно быть, явилась погода, и ее увлеченно расстреливали.

— Давай, — сказал Сварог Паколету, садясь за рычаги.

Паколет с вдохновенным видом возложил ладони на скважину. И тут же звонко застреляли моторы, Сварог понемногу прибавлял газу, проверяя их на разных оборотах, колыхнулись винты, превращаясь в туманные круги. Моторы следовало прогреть хоть немного, а это означало — ждать... Темные фигурки забегали по гребню, замахали руками. Сварогу не хватило терпения. Самолет дрогнул, развернулся вправо. Трава полегла под тугой воздушной волной, Сварог сбросил обороты, остановил машину.

Слева застрочил пулемет — Мара, высунув ствол в распахнутую дверцу, расстреливала шеренгу истребителей, Сварог видел, как из пробитых баков брызнули прозрачно-золотистые струйки бензина, как, оставляя за собой черную полосу дыма, пролетела в ту сторону зажигательная стрела. И вспыхнуло яркое пламя. Он вновь подумал: «Ну, если это не переполох...» И самолет покатился по полю, набирая скорость. Сварог понимал, что уничтожить все истребители не удастся, но стараться следовало на совесть, напакостить, сколько возможно. Слева брызнул бензин из железных бочек, сложенных штабелем. Оглянувшись и убедившись, что Мара уже захлопнула дверцу и никто не выпадет, Сварог решительно прибавил газу, нажал на педали, ощутив себя на миг невесомым — и от радости, и оттого, что бомбардировщик наконец оторвался от земли...



Часть II

**ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО
БЕГСТВА**





Глава 1



ПАРЕНЕК ОТ СОХИ

Люди, бежавшие к ним от ворот, вдруг стали крохотными, с жуткой быстротой проваливаясь вниз вместе с землей и травой. Кажется, они стреляли на бегу, ну да, их окутал пороховой дым. Мелькнули и исчезли башенки, увенчанные жестяными конями в облупившейся позолоте, сады слились в пухлую зелено-желтую массу, улицы стали узкими, дома крохотными, все казалось с высоты чистеньким и аккуратным, как будто там и в самом деле не было ни грязи, ни беспорядка...

За спиной слышались оханье и визг — Сварог мог и ошибиться, но особенно звонко визжала в восторженном ужасе некая принцесса. Сделав широкий разворот, он вновь пролетел над ипподромом, дернул красную рукоятку, потом вторую. Оглянулся — но различил лишь верхушки разрывов, бурых фонтанов вздыбленной земли и не смог определить, насколько удачно сбросил бомбы. Глянул на компас, поднял машину выше и вошел в разворот. Равена медленно уплывала назад, а с нею — все связанные с этим прекрасным городом печали и тревоги, освобождая тем самым место для новых, что не замедлят явиться, да и наверняка нагрянули уже... Отбросил совершенно неуместное сейчас желание высмотреть сверху особняк Маргилены, вывел газ на максимум.

Иллюзий он не питал и не полагал себя лучшим бомбометателем континента. Вскоре же все уцелевшие самолеты взойдут в воздух. Даже если и нет соответствующего приказа. Чести снольдерской армии нанесена оглушительная оплеуха



из разряда тех, что смываются только кровью — угнан самолет, да вдобавок злодейски похищен командир полка...

Хорошо, что за гулом моторов невозможен вдумчивый разговор, да его команда и не рискнет отвлекать его разговорами в такой момент. Но кто-то из них наверняка уже сейчас понял, в каком направлении движется самолет — по курсу, строго перпендикулярному тракту, ведущему к харланской границе. Вопросы непременно прозвучат — но позже. А сейчас, слава богу, не нужно объяснять им, что все его прежние планы исхода из Равены были рассчитаны на спокойный потаенный уход — а не на эффектный, привлечший внимание всей столицы лихой прорыв. Даже если везение будет невероятным и до харланской границы самолет долетит беспрепятственно, там все будет готово к встрече, и бомбардировщик нос к носу столкнется с парочкой свежих эскадрилий. Камень по прозвищу таш ничем не уступит рации. На месте снольдерцев Сварог, наплевав бы на все договоры, преследовал бы беглый аэроплан над харланской территорией. Значит, они именно так и поступят. Харлан отпадает. Тянуть нужно в противоположную сторону — к границам Вольных Маноров. К отрогам Каталаунского Хребта. Тогда противник будет один — ронерские пограничные войска. Зато места там малонаселенные, диковатые, почти сплошь горы да леса... А если возникнет крайняя необходимость... Не хотелось и думать о том, что он понимал под «крайней необходимостью», — но, в конце концов, однажды он уже вернулся оттуда и, что характерно, живым. Да еще ценка вынес...

Уходили минуты, сливаясь в квадрансы. Бомбардировщик летел над желтыми сжатыми полями, буро-зелеными равнинами, лесами, трактами и городками. Порой Сварог оглядывался, но погони не усматривал. Странная Компания уже привыкла немного к экзотическому для них (и для Сварога, впрочем, тоже) средству передвижения. Мара исчезла в хвосте, у третьего пулемета, стрелявшего назад и вверх, а капрал Шедарис с бравым видом обходил бортовые огневые точки, проверяя, удобно ли будет стрелять из столь непривычной позиции. Полковник давно пришел в себя, перестал уже биться и дергаться, но тарашился исключительно свирепо. Сварог мельком посочувствовал ему — и резко обернулся.

В монотонно-ровное гудение моторов вдруг вплелись пулетные очереди, короткие, явно пристрелочные, раздалось несколько длинных, за спиной, и в кабину потянуло тухлой гарью дымного пороха.



Леверлин показал Сварогу три пальца. Сварог глянул туда. Черная полоса густого дыма дугой выгибалась к земле, и на конце ее алел истребитель. Работа Мары. Два других, смущенные столь профессиональной встречей, торопливо разомкнули строй, уходя в стороны, отказавшись от погони...

Справа показались еще два. Истребители с явным преимуществом в скорости, да и в маневренности, понятно, но ни один из четырех пока что не стрелял. Сварог спохватился, что не знает, сколько на каждом пулеметов, — но это опять-таки из разряда несущественных подробностей...

Леверлин с Шедарисом палили из бортовых пулеметов — в белый свет, как в копеечку. Сварог им не препятствовал — пусть считают себя при деле, чем меньше праздности в такой ситуации, тем лучше... Пулемет Мары изредка огрызался короткими очередями, но вся эта пальба, и умелая, и дилетантская, пропадала втуне — истребители держались на безопасном расстоянии. Какой у них запас хода? Радиус действия? Приказ? Они обязательно предпримут что-то, когда поймут, что вскоре придется поворачивать восвояси... или будут преследовать, пока не выжгут горючее, оставив каплю для посадки? Как-никак, в отличие от Сварога, они летят над официально дружественной территорией...

Оставалось одно — лететь в избранном направлении, каждый миг ожидая атаки. Мелькнула было идея уходить на бреющем, но Сварог тут же отбросил ее, как волонтаристскую — разрыв в скорости не так уж и велик, они его не потеряют, а вот расстреливать его сверху им будет даже удобнее...

Как всегда, подлости начались в самый неожиданный момент. Истребители вдруг рванулись к нему со всех сторон, со всем проворством и виражами, какие позволяла конструкция. Сдвоенные желтые вспышки очередей тускло замерцали над тупорылыми капотами, пороховой дым тут же сносило ветром назад, так что они могли лупить длинными. Сварог всем телом ощущал, как содрогается тяжелая машина под ударами пуль, стекло справа — беззвучно за гулом моторов — разлетелось, осколки брызнули по кабине, все кинулось на пол, кроме Леверлина с Шедарисом, навалившихся всем телом на приклады пулеметов...

Сварог бросил самолет вниз. Маневр был далек от изящества и грациозности, остро ощущалось, как огромен и неуклюж этот патриарх авиации, способный лишь на самые примитивные пируэты. Но и лететь, как по ниточке, было не-



стерпимо, да и опасно. Еще один преследователь угодил под пулемет Мары — новый чадный шлейф потянулся к земле. Три оставшихся висели на хвосте. По кабине они больше не били, но фюзеляж содрогался от частых попаданий. Сварог не понял сначала, куда они так старательно метят, а потом догадался — когда самолет стал вдруг хуже слушаться рулей, а столбик бензина в стеклянной трубочке с ужасающей быстротой пополз вниз, вниз, вниз...

Они пробили бензобак. И задели тросы управления. Будет ли пожар? Судя по двум вспыхнувшим истребителям, будет вскоре.

Сварог решительно повел самолет к земле, гася скорость. Истребители стгоряча проскочили вперед, возвращались по широкой дуге. Сбивая их с толку, Сварог резко отвернул с потерей высоты. Уровень бензина падал, падал, падал. В пробоинах туго посвистывал ветер, земля летела навстречу, то и дело вздыбливаясь, кренясь — это самолет кренился вправо-влево, летели навстречу кроны деревьев, лес казался бесконечным, и уже крепко припахивало гарью. Сварог увидел испуганное лицо Делии, Паколета, обеими руками пытавшегося вцепиться в гладкий дощатый пол и обжигавшего пальцы о россыпи катавшихся по кабине горячих гильз. Краем глаза заметил алое пятно — промелькнувший наискосок истребитель.

И сосредоточился на одной цели — посадить машину. Глаза ломило от напряжения, он немигающим взглядом уставился вниз. И решительно сбросил газ, усмотрев обширную прогалиню посреди темно-зеленых сосен, повел самолет туда.

Винты из туманных дисков вновь стали лопастями, беспомощно дергавшимися в тщетных попытках совершить хотя бы один полный оборот, уцепиться за воздух. Рассекаемый ими воздух упруго гудел, Сварог отжал рычаги так резко, что в обычных условиях самолет камнем рухнул бы на верхушки сосен, но на борту был лар, и бомбардировщик шел вниз по отлогой кривой, и пулеметов больше не слышно, ни своих, ни чужих...

Вот теперь разрыв в скорости стал разительным. Истребители исчезли — заложили чересчур размашистый вираж и проскочили мимо. Правый мотор уже дымил вовсю. Толчок последовал такой, что Сварог едва не вылетел из кресла, — колеса коснулись земли. Лар обязан уцелеть при падении, но нигде не заповедано, что он обязан уцелеть с максимальным комфортом для своей драгоценной персоны... Сварога трясло и под-



брасывало, но он, по крайней мере, сидел и мог цепляться за рычаги. Другим пришлось худо, их перекатывало по полу... Самолет остановился. Сварог вскочил:

— Уходим, быстро! Мара, пулемет!

Пахло бензином, гарью, пороховым дымом. Правое крыло уже полыхало вовсю, и от него занимался фюзеляж. Сварог выхватил кинжал, разрезал веревки на ногах полковника, поднял его за шиворот, толкнул к двери. Показал на него пальцем Леврелину, чтобы присматривал.

Шедарис пытался извлечь из гнезда второй пулемет, но у него никак не получалось. Сварог подхватил свой топор, подтолкнул капрала к выходу, вышвырнув пинком мешок с боевыми пожитками Вольного Топора. Стоял у двери и смотрел, как они один за другим спрыгивают на землю и бегут что есть мочи. Выпустил Мару с пулеметом на плече, спрыгнул последним сам, пошатываясь после всей этой воздушной акробатики. Глянул вверх.

Над лесом показался истребитель — алая изящная игрушка, удивительно медленно, на взгляд привыкшего к другим скоростям Сварога, плывший над клочковатыми верхушками сосен.

— К лесу! — заорал Сварог.

Отобрал у Мары пулемет, задрал к небу тупорылое дуло и давил на спуск, пока не окутался клубами дыма. Очередь получилась неприцельной, но должный эффект возымела: истребитель шархнулся вправо и ушел за лес, как раз в тот момент, когда у Сварога кончились патроны.

Он с облегчением отшвырнул эту бандуру, вдвое длиннее и тяжелее обычных пехотных, от которой больше не предвиделось никакой пользы. Не спеша направился к лесу, где пряталась под деревьями его команда. Все бдительно косились на полковника, даже со связанными руками сохранявшего гордый и непреклонный вид.

— Ну, что вы скажете о моем искусстве водить самолет? — спросил Сварог не без капли тщеславия. — Даже колеса не подломил, садясь...

Слышно было, как где-то в отдалении кружат истребители. Бомбардировщик вовсю пылал, охваченный огнем от стеклянной кабины до кончика хвоста.

— Ты был великолепен, — сказала Мара голосом восторженной школьницы, серьезным до полной иронии.

— Вы тоже, — великодушно признал Сварог. — Ни одного обморока, и раненых не видно. Орлы вы у меня, орлицы и орлята...



На поляне идиллически догорал бомбардировщик. Громыкнули взорвавшиеся наконец бензобаки. Пленный полковник стал громко требовать, чтобы ему развязали руки и дали меч — если, конечно, среди пленивших его (следовала гирлянда сочных эпитетов) и в самом деле есть дворяне, с которыми благородному графу не зазорно скрестить клинок.

Сварог хмуро сказал Шедарису:

— Дай его сиятельству по шее. Но тактично, со всем уважением.

Шедарис тактично размахнулся раскрытой ладонью, но Леверлин перехватил его локоть:

— Командир, это все-таки пленный и дворянин!

— Тогда отставить, — кивнул Сварог капралу. Шедарис угрюмо проворчал что-то насчет того, что он и графьев вешал на воротах и не обязательно за шею, но кулак убрал. Тем временем Сварог критически оценивал ситуацию: свободы у них было столько, что даже чересчур, а вот из средств передвижения оказались только собственные ноги. Была у них и карта, довольно подробная, — вот только они не представляли, где именно ухитрились приземлиться. Следовало продвигаться к ближайшим населенным пунктам, где найдутся продажные лошади, — а также полиция, солдаты и прочие прелести цивилизации. Таши работают мгновенно, а погода прекрасная, и вдобавок к переговорным камням уже, несомненно, дрыгают суставчатыми лапами все телеграфные башни — и сообщение опередит даже всадника, не говоря уж о пеших...

И все же это лучше, чем уныло сидеть в городе. Гонишься ты за кем-то или сам бежишь от погони — жизнь в обоих случаях обретает смысл и ясность...

— Кто-нибудь представляет, где мы находимся? — спросил Сварог. Все молчали.

— Похоже, Горталан, — сказал наконец Леверлин. — Горталанская провинция. По-моему, я сверху видел Горт, очень уж характерная архитектура губернаторского дворца, ни с чем не спутаешь. Но, миновав Горт, мы еще долго летели...

— Восходные области Горталана, — кивнула и Делия. — Или уже начались закатные области Селона.

Сварог развернул карту. Чтобы не тратить зря времени, ища глазами незнакомые названия, попросил:

— Ткните кто-нибудь пальцем в Горт.

Леверлин ткнул пальцем. Сварог удовлетворительно хмыкнул. Места довольно обитаемые, хватает населенных пунктов,



отмеченных как города. А истребителей уже не слышно, подались восвояси на последних каплях...

— Ну, так, — сказал он. — Прикинем начерно. Если подумать, мы все в одинаковом положении — и дичь, и погоня. Гнались за нами чужеземные летчики, которые вряд ли знают эти места. Они в азарте вниз не смотрели, им самим предстоит определяться на местности... И объясняться с властями там, где сядут. А в столице какое-то время будут прикидывать, как лучше организовать облаву местными силами и какую легенду местным властям подбросить... Словом, я уверен, что несколько часов у нас есть. А может, и больше. У беглецов сто дорог, а у погони одна. Тут им не Равена... Учитывая, что мы можем и...

Он осекся, покосившись на пленного: тот кипел от злости, но уши наострил. Следовало сначала разобраться с этим балластом — убивать его было бы подло, но и таскать с собой глупо.

Сварог повернулся к нему:

— Как думаете, если попадете к своим, вам сразу отрубят голову или сначала устроят допрос с пристрастием на предмет возможного соучастия? Обстоятельства против вас...

Судя по взгляду полковника, тот не ожидал от родной юстиции ни беспристрастности, ни гуманизма.

— В любом случае карьера ваша напрочь погибла, — сказал Сварог. — Мне очень жаль, что так получилось, но у нас не было выбора... Будете сдаваться погоне или предпочтете новые бумаги — дворянские, заметьте, — новую одежду и возможность начать жизнь сначала? Вы старший сын или ронин?

— Ронин, — глядя в землю, сказал полковник. Выждал положенное время, чтобы сохранить лицо и гонор, потом процедил с таким видом, словно оказывал величайшее одолжение: — Давайте бумаги. Ясно уже, что вы необычный шпион, тут пахнет чем-то посложнее. Но я все равно вас когда-нибудь найду, и тогда мы поговорим как надлежит...

— Поговорим, — сказал Сварог легкомысленно. — А сейчас будет у вас дворянская грамота, уедете куда-нибудь на Острова, если голова у вас на месте, сделаете карьеру... До сих пор, признайтесь, карьеру делали благодаря древности рода, а? Что?!

Резко обернулся. Прямо на него двигалась Делия, странно задрав голову, шагая походкой механической куклы.

— Что?! — встревожился Сварог.

Она явственно закатывала глаза, побледнела, но все же нашла силы произнести с неподражаемым аристократизмом:



— Простите, граф, после всех этих воздушных кувырканий неудержимо тянет блевать...

После чего шумно вломилась в кусты, скрывшись из глаз, и, судя по звукам, деликатно приглушенным, впрочем, обрела покой и нервную разрядку. Успокоившись, Сварог спросил:

— Еще кто-нибудь хочет? Валяйте, пока есть время...

Паколет, словно только и ждал разрешения, кинулся за ближайшее дерево. Остальные держались. Тетка Чари даже гордо подбоченилась, что воздушные кувыркания — мелочь в сравнении со штормягами, пережитыми в качестве как жены боцмана, так и вдовы такового. Сварог показал Маре взглядом на полковника и сказал вслух:

— На полчаса.

Милая девочка поняливо кивнула, упруго шагнула вперед и неуловимым взмахом руки отправила полковника в беспмятство.

— А теперь — рассыпаться, смотреть в оба за окрестностями и не мешать, — приказал Сварог. — Если кто-нибудь заберется на дерево, вообще прекрасно.

Он снял пояс, уселся поудобнее, прислонившись спиной к дереву, положил пальцы на пряжку-компьютер и мысленно вошел в его память, отрешившись от всего окружающего. Вокруг сразу стало холодно, даже снежинки запорхали, тут же тая. Невольно постукивая зубами от холода, Сварог работал, как машина.

Он изготовил на всю компанию дорожную дворянскую одежду с легким уклоном в милитаризм. Черные перья на шляпах, камзолы с широкими рукавами, которые легко закатать перед рубкой, сапоги армейского образца: кроены без различия на правый и левый, чтобы не терять ни секунды при побудке, а напяливать первый подвернувшийся на любую ногу. Сделал соответствующее количество кусков пергамента и пустил кататься по ним «волшебную палочку», имевшую вид пистолетного шомпола — на сей раз она штамповала паспорта отдаленного княжества Памрод, дворянские грамоты и отпускные свидетельства. При таком наборе подорожных благородным лаурам не требовалось. Внешне все выглядело совершенно благолепно: дворяне из небогатого Памрода, отслужив свое в одном из ронерских полков (он выбрал для пущей надежности прочно застрявший на харланской границе Седьмой драгунский), возвращались домой. Полковника, правда, он сделал ло-



ранским дворянином, согласно подорожной направлявшимся в Балонг, — а там пусть выкручивается сам, не дитя малое.

Замерз ужасно. Собрав своих орлов, роздал одежду и отправил в разные стороны переодеваться. Оставшись один, сначала попрыгал вдоволь, махая руками и ухая. Согревшись и бормоча: «У нас лакеев нет, знаете ли, принцессы и те сами переодеваются...» — сложил рядом с полковником новую одежду, меч, свернул бумаги трубочкой и сунул тому, все еще бесчувственному, за отворот кафтана. Не без сожаления положил рядом один из своих кошельков, какой полегче.

Старую одежду отнесли к обгоревшему остову бомбардировщика, все еще тлевшему и дымившему, кинули на угли. После чего, не дожидаясь команды, все сомкнулись в шеренгу, вопросительно глядя на Сварога, и он отметил, что его орлы-орлицы начинают проявлять известную сыгранность, превращаясь в настоящую воинскую команду. Он прошелся перед строем — не особенно увлекаясь, два шага влево, два шага вправо — и сказал:

— Прекрасное зрелище. Семь дворян — и ни одного коня. Ну, что нам врать по этому поводу, придумаем на ходу, а теперь — форсированным маршем двинемся вперед. До ближайшего населенного пункта, где можно купить или украсть лошадей. Первое предпочтительнее, не стоит шуметь, да и опытных конокрадов среди нас не вижу... Марш!

И первым направился на полночный закат, держа курс на ладонь правее клонившегося к горизонту солнца. Вскоре Мара спросила, держась рядом и не обгоняя:

— А почему — туда?

— А потому что никакой разницы, — мудро сказал Сварог.

Возражений и дискуссий не последовало. Минут десять они шагали по лесу, становившемуся то гуще, то реже. Близости цивилизации пока что не замечалось, но отчаиваться не стоило.

Сварог поймал себя на мысли, что ожидает увидеть вскоре телеграфные провода, рельсы и асфальт, — и плюнул беззлобно, посмеявшись над собой.

Мара бесшумно догнала его, сказала тихо:

— Такое впечатление, что за нами следят...

— Ничего я что-то не чувствую, — сказал Сварог. — Может, полковник очухался и прет следом, кипя мстью? Поглядывай назад.

Но тут же оказалось, что смотреть следует вперед — кусты впереди вдруг затрещали, колыхнулись, и из них вылез здо-



ровенный детина с румяной физиономией сельского жителя. Видно было, что двигается он нарочито медленно, дабы стгоряча не влепили пулю. На плече он без усилий держал одной рукой пулемет — стволом назад, с примкнутым магазином.

Сварог аккуратно взял его на мушку. Остальные ошетились во все стороны пистолетами и мечами. Но вокруг стояла тишина. Сварог мог бы поклясться, что верзила был один.

Незнакомец ухмылялся напряженно-примирительно. Сварог рассмотрел его повнимательнее. Совсем молодой, в темно-зеленом крестьянском платье с фригольдерской бляхой и кожаной каталане, украшенной зубами небольшого зверя, — какого именно, Сварог не брался с ходу определить. Из оружия, кроме пулемета, только скрамасакс на поясе (на ношение коего крестьянину требовалось особое разрешение). Откуда у крестьянина пулемет?

Молчание затягивалось, время не терпело, и Сварог спросил:

— Ну?

— Пулемет не купите? — осведомился детина. — Без подначки, всерьез.

— Проходи, — сказал Сварог. — Не подаем. И не покупаем ничего. Не сезон.

— Тогда по-другому, — сказал тот. — Может, вам нужен компаньон с пулеметом? Согласен и за харчи.

— Самим жрать нечего, — прищурилась Мара.

— Не с тобой разговаривают, сопля, — сказал верзила.

— Молчать, — сказал Сварог подавшейся вперед Маре. — А скажи, голубь, как это ты на нас набрел?

— Гулял по лесу и увидел, как вы тут развлекаетесь, — он показал пальцем в небо. — Шуму наделали на всю округу. Давно хотел посмотреть на эти штуки. А что, завлекательно... Только падать оттуда, должно быть, невесело..

— Деревни поблизости есть? Или города?

— Гутиорс, — верзила показал пальцем направление. — Минут сорок шагать, если быстро.

— Деревня?

— Город. Королевский. Дыра, конечно, в сотню домов, но что касается статуса — полноправный королевский город. Аж три кабака и бургомистр.

— А лошадей там достать можно?

— Смотря каких. И смотря сколько.



— Верховых. Хороших. На всю компанию. И желательно бы еще заводных.

— Вряд ли у них столько наберется на продажу. Разве что поискать по окрестным поместьям, тут многие конные заводы держат, и ярмарка была месяца полтора назад, а до новой еще месяц, так что имеет смысл...

— Понятно, — сказал Сварог. — Ну что ж, в указанном направлении — шагом марш. А ты, найденыш, шагай рядом и подробно рассказывай. Откуда пулемет, отчего ты завел столь барские привычки — гулять по лесу... И почему корона на бляхе у тебя отнюдь не ронерская. Постарайся произвести на меня хорошее впечатление, тебе же лучше...

Он взглянул на Мару, и та понятиливо опустила веки, взяв неожиданного спутника под чуткую ненавязчивую опеку. Сварог размашисто шагал, чуть петляя меж деревьев, слушая верзилу и частенько поглядывая на него — чтобы проверить искренность.

Верзила звался Бони Скатур Дерс (Сварог уже знал эту систему.) и происходил из карликового королевства Арир, принадлежавшего к Вольным Манорам и славного лишь тремя достопримечательностями: королевской коллекцией штопоров для винных бутылок, единственным в Вольных Манорах фригольдерским селом Скатур и редким консерватизмом монархов в выборе имен — вот уже почти шестьсот лет на престоле восседали исключительно Арсары, вплоть до нынешнего Сорок Второго.

А дней десять назад Арсар Сорок Второй решил, что с его королевства довольно и двух достопримечательностей... Как и в большинстве Маноров, хорошей пахотной земли там было мало, а со Скатаура, обладавшего многими старинными привилегиями, никак нельзя было драть три шкуры. Но хотелось ужасно. Очень уж богатые были угоды. Маленькие тираны, как известно в сто раз хуже больших — в крохотном королевстве не в пример труднее уберечься от алчного взора монарха...

И была задумана ловушка, в которую Скатур не замедлил угодить, прямо-таки влетел на полном ходу. В один далеко не прекрасный день туда нагрянул один из королевских камергеров. Для начала он отказался соблюсти ритуал вежливости и уважения к статусу фригольдеров, затем, объявив, что желает осчастливить Скатаура своим пребыванием, выступил с кучей оскорбительных и совершенно неприемлемых для фригольдеров требований вроде девок на ночь для себя и своих сержантов и мытья ног в доме старосты.



Камергеру вежливо напомнили о статусе села. Камергер совсем невежливо оскорбил статус. Возникла перепалка, в ходе которой старосту съездили плетью по голове. Фригольдеры сгоряча ударили в набат, благо у Скатура имелось и право на колокол. Королевские сержанты из эскорта камергера начали палить во все стороны — как теперь понятно, не сгоряча, а во исполнение строгого приказа, — убив и ранив несколько человек. Двоим из сержантов удалось ускакать, а остальным выдали сполна. Самого господина камергера, надежно привязав, стали опускать в колодец вместо ведра, чтобы поостыл малость. То ли купавшие чересчур увлеклись, то ли сердце у старика не выдержало — после очередного подъема обнаружилось, что сановник не подает признаков жизни. Его добросовестно попытались откачать, но камергер оживать отказался. После чего его бесславно кинули под забор и, немного опамятавшись, пришли к выводу, что самое время запирать ворота и садиться в осаду. Во взаимоотношениях королей и фригольдеров такое случалось далеко не впервые, процедура была отработана. Происшедшее сулило долгие неудобства, но было злом привычным, как град или бешеные волки в окрестных лесах. Согласно освященному столетиями опыту, все должно было кончиться парой недель осады, кое-какой кровью, неизбежным выкупом и очередным подтверждением вольностей. В конце концов, камергер нарывался сам.

Но не прошло и получаса, как стало ясно, что игра идет по непредвиденному раскладу — ворота уже горели, полыхали первые дома, а в село ворвались дворянская дружина, панцирная королевская пехота и самый страшный враг, все уничтожавший на пути, — ополчение из крепостных крестьян. Сроду не слышавшие о классовой солидарности, они люто ненавидели фригольдеров, поскольку те были как бы свободными, а они сами — насквозь подневольными...

Скатурцы дрались хорошо, быстро сообразив, что драка пошла на уничтожение, но они оказались застигнутыми врасплох и совершенно не готовыми к бойне. А противник планомерно выжигал все перед собой уничтожая все живое... Угодья и скот виделись не в пример лучшей добычей, нежели отнюдь не бедные крестьянские дома...

Верзила Бони был гуртовщиком, повидал свет, гоняя скот на продажу и в Ронеро, и в Снольдер, и в Харлан, возил оттуда потребные товары, видел море, бывал на иллюзорских пастбищах, единожды проезжал даже через Ямурлак, а однажды чуть



не улетел с купцами на Сильвану. Тяги к плугу он не испытывал ровным счетом никакой, наоборот, предпочитал бродячую жизнь в седле и шумную жизнь в сопредельных великих державах, проявляя живой интерес к достижениям технического прогресса (хотя о существовании таких терминов, понятно, и не подозревал). Когда старейшины решили тайком, на всякий случай приобрести пулемет, именно Бони выполнил эту деликатную миссию и обучился стрельбе. Это искусство он и продемонстрировал, насколько мог, на улицах горящего Скатура. У него еще оставалось полтора магазина, когда стало ясно, что все кончено. Никого не осталось в живых, кроме горстки успешных прорваться в лес (в одном месте подступавший вплотную к окружавшей село стене). Расстреляв еще полмагазина, Бони пробился сквозь оцепление, поймал коня и помчался в полную неизвестность. У Волчьих Голов он остаться не захотел, перешел ронерскую границу, лишившись по дороге коня, и положение у него стало — хуже не придумаешь. Во-первых, бумаг с собой не было ровным счетом никаких, а те, кто мог бы под присягой засвидетельствовать его личность, обитали слишком далеко отсюда, и добраться до них было трудновато. Горстку беглецов из Скатура Арсар Сорок Второй вполне мог объявить даже и не скатурцами вовсе, каковые поголовно погибли в результате развязанного ими самими мятежа, а королевскими крепостными или беглыми каторжниками. Кто взял бы на себя труд проверять, как там обстояло на самом деле? До имперского наместника тоже нужно сначала добраться...

Во-вторых, беспаспортный, безденежный, бесправный бродяга, незаконно перешедший границу чужой страны, заведомо обречен на неисчислимые неприятности, но если у него при себе имеется пулемет, положение становится и вовсе погибельным. Безопаснее, пожалуй, носить с собой алмаз величиной с кулак. Любой встречный, располагавший влиянием или попросту преданной охраной, моментально попытался бы завладеть столь ценной в хозяйстве вещью, как пулемет, приняв самые крайние и незамысловатые меры к тому, чтобы нынешний владелец сокровища замолк навсегда... И потому Бони решил пробираться в Пограничье — там хватает опасностей, но и законов не особенно-то много, что позволяет отвечать ударом на удар, не опасаясь полиции и судебных крючков. Оказавшись невольным свидетелем лихого приземления самолета, беглец рассудил с крестьянской сметкой — кем бы ни была эта стран-



ная компания, она наверняка сама находится в положении дичи и потому не горит желанием строить козни против беззащитного путника, который может оказаться и полезным...

Парень не врал, Сварог мог утверждать это со всей уверенностью. Разве что умалчивал об иных деталях, но это-то вполне простительно в его положении. Вреда от него в ближайшее время не предвидится, а пользу и в самом деле принести может — парень неглупый, выдавший виды, точно так же оказался вне закона, да и пулемет, пусть с единственным магазином, им не помешает...

— Ну, а почему именно в Пограничье? — спросил Сварог. — Можно было наняться и к ганзейцам...

— В Пограничье еще остались вольные эрлы. Они же ярлы — кому как больше нравится. А мне позарез нужно дворянство. Отслужил бы, как мог, со всем прилежанием. Хватило времени кое о чем подумать, пока метался по лесам. Будь я дворянином, на законном основании устроил бы Сорок Второму роскошный ваганум, так что никакого Сорок Третьего не было бы и в помине.

— Так на это нужны деньги, — сказал Сварог. — И немалые. Арир — это... гм, это не Готар какой-нибудь...

Бони покосился на него:

— Да знаю я парочку «придорожных банков»...

— Это еще что?

Шагавший слева от Сварога Шедарис пояснил:

— У гуртовщиков с купцами концы отмахивать приходится длинные, и не всегда по цивилизованным местностям. Вот они и прячут денежки в подходящих местах неподалеку от дороги. Придорожный банк, она же «пыльная казна».

— Точно, — сказал Бони, и его простецкое лицо на миг стало хищным. — Все равно теперь денежки эти бесхозные. Чтобы нанять хороший отряд, может, и не хватит, да я бы из шкуры вывернулся, чтоб подработать...

— Если бы раньше не прикончили, — хмуро сказал Шедарис. — Или возьмет ярл у тебя пулемет, а вместо дворянства отблагодарит кордом в спину...

— Риск, конечно, есть, — согласился Бони. — А что делать? Я ему, суке, за Скатур... Ладно. Теперь вроде бы ваша очередь? Вы-то кто?

— Странная Компания, — хмыкнула Мара.

— Это я и сам вижу. А поточнее можно?

Сварог промолчал, кивнув Маре. Она наставительно сказала:



— А поточнее, прелестное дите природы, — прикончить нас стремятся чуть ли не все вокруг, а вот друзей что-то не наблюдается...

От любопытства Бони даже не обиделся за «дите»:

— Не тяни kota за хвост, лауретта, душевно тебя прошу. А то нечестно получается — я-то вам все выложил...

— Ты читать умеешь?

— По-печатному. И от руки, если не коряво. Я человек бывалый, писать бы еще обучиться...

— А сказки и пророчества читал?

— Больше слушал, — признался Бони. — У нас в Скатуре старики мастера... — он помрачнел. — Были...

— Про Серого Рыцаря слышал?

— Доводилось. Это который должен извести Буркалы Сатаны? Занятице не для трусов...

— Так вот, — скучным голосом сказала Мара. — Это — Серый Рыцарь. Это — его верные сподвижники. И все они держат путь в три королевства. И либо ты присоединяешься к этому увлекательному предприятию, либо скромно делаешь в штанишки и пускаешься восвояси, потому что забот и без тебя хватает...

— Шутишь?

— Только у меня и хлопот — с тобой шутить. Всю жизнь мечтала, повизгивая от нетерпения...

— Да не шутит она, не шутит, — мрачно подтвердил Шедарис. — Вот тебе и Серый Рыцарь, и прочие семью семь удовольствий... Может, и в самом деле проще тебе будет податься восвояси?

Бони смерил его гордым взглядом:

— Что? Я, значит, трус, а ты, выходит, рыцарь Шугута с семью мечами? Топорик, а ты про Вурдалачью Ночь не забыл?

Шедарис, скрипнув зубами, схватился за меч.

— Отставить, — бросил Сварог. — Не до шуток.

Бони даже остановился от удивления:

— Нет, серьезно? Слушайте, тогда ведь и принцесса должна быть... — Он оторопело переводил взгляд с Мары на Делию, пытаясь угадать. — Ваше высочество... — взгляд его окончательно остановился на Делии.

— А может, это не она, а я — принцесса? — спросила Мара. — У тебя, уж прости, вид не тот... — отмахнулся Бони.

— Пойдите, так ведь Серый Рыцарь — оттуда... — Он невольно глянул в небо. — И будущий король вроде Дорана,



старики говорили, а они знают такое, что нигде не прочтешь, очень уж старая у нас деревня... — И он вдруг широко ухмыльнулся с бравым видом. — Похоже, подворачивается прекрасный случай насчет дворянства...

— Ты его заработай сначала, — криво усмехнулся Сварог.

— Наизнанку вывернусь, — истово сказал Бони. — Все. Гоните — не уйду. Три королевства там или четыре... Весь ваш, до печенки. То-то вы к харланской границе, чтобы через Ямурлак и Пограничье...

Сварог помрачнел — верзила ухитрился затронуть болезненное место. Впрямую об этом еще не говорили, но подразумевалось, что у него есть точный план, как попасть в три королевства. А плана как раз не было, вернее, его приходилось срочно менять, потому что старый ничего случившегося не предусматривал...

Чтобы сменить тему, Сварог быстро сказал, положив пальцы на пряжку:

— Ладно. Насколько я понимаю, ты все прикинул и понимаешь, на что идешь?

— Понимаю. — Бони расстегнул камзол и вытащил висевшую на шнурке бесформенную фигурку. — Могу поклясться Великой Матерью. В наших местах Великую Мать почитают, не псину какую-нибудь.

Сварог махнул рукой:

— Без церемоний. Верю. Но если что...

— То — еще как, — подхватила Мара.

— И моментально, — пообещал Шедарис, на лету ухвативший оскорбительный намек на Симаргла, но сдержавшийся.

— Хватит вам, — рявкнул Сварог. — Если еще хоть раз придется вас разнимать — обоих вышвырну без отпускного свидетельства! Усекли?

Определив на глазок рост Бони, он принялся на глазах у всех мастерить соответствующую одежду. Бони зачарованно уставился на него:

— Ну ничего себе... А лошадей, значит, вы этак не можете?

— Увы, — сказал Сварог с искренним сожалением. — Зато пароход твердо обещаю, как только доберемся до реки. — Он бросил Бони охапку одежды. — Но насчет лошадей самим придется озаботиться.

— Проезжал я в Харлан по этим местам. Окрестные дворяне приторговывают... Да, а погоня за вами есть? По земле, я имею в виду. Как это у вас обстоит в небе, я уже видел...



— Если погони нет, наверняка будет, — сказал Сварог. — Поэтому из Гутиорса нам следует убраться как можно скорее. До наступления ночи отыскать лошадиного барышника...

— Да знаю я тут одного, — сказал Бони. — У самого-то денег не было, вот я и нацеливался, когда стемнеет, разжиться коняшкой возле кабака. На мне и без того грехов достаточно, чего бояться... Одному-то это провернуть легко, а вот восьмерым потруднее. Придется честно покупать.

И полез в кусты переодеваться. Остальные обступили Сварога, глядя вопросительно.

— Он не врет, — сказал Сварог. — Возьмем. Правда, первое время придется присматривать...

— Присмотрим, — заверила Мара.

А тетка Чари мечтательно сказала:

— Поскорее бы добраться до Итела и сесть на пароход. На воде как-то спокойнее...

«И любой там, наверху, при некоторой сноровке сможет нас рано или поздно вычислить», — мысленно добавил Сварог. Мысленно же чертыхнулся, сказал:

— Предложите светлую идею. Как так вышло, что восемь благородных дворян и дворянок путешествуют пешком?

Странная Компания прилежно погружилась в раздумье. Первой отозвалась Делия:

— Означенные дворяне вязались в некое пари с другими дворянами, поставив на кон лошадей. И проиграли. Подробностей выдумывать не стоит — нет нужды растолковывать их каждому встречному-поперечному. Главное, никто не удивится. Все в духе Ронеро, встречались пари и диковиннее...

— Великолепно, — искренне сказал Сварог. — Кроме того, у нас в запасе есть прием, великолепно сработавший нынче же утром. Вы, принцесса, всегда можете изображать в этих местах себя самое. Вы на охоте, далеко забрались...

— К вашим услугам, — серьезно сказал Делия. — Если только нам не приготовят какого-нибудь пакостного сюрприза...

— Будьте уверены, — сказал Сварог. — У меня стойкое впечатление, что пакостных сюрпризов нам приготовят кучу. Но и мы, как показали последние события, способны на сюрпризы. Это немного утешает, вам не кажется?

Она слабо улыбнулась:

— Пожалуй...



Глава 2



ГОРОДОК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Из кустов вылез Бони, завернул пулемет в свой старый камзол, и они двинулись вперед. Вскоре вышли на мощный тракт — как раз неподалеку от каменного мерного столба, круглого, украшенного медным государственным гербом, позелевшим от бремени лет. Далеко впереди виднелись крайние дома городка, и шагать, видя конкретную цель, стало веселее. Шедарис даже замурлыкал бодрую песенку:

Эх, носы не вешать,
когда нас станут вешать...

Ехавший навстречу на одноколке крестьянин оглядел их с большим любопытством, но приставать с вопросами, понятно, не посмел. Примерно так же повел себя и габелар, торчавший с пикой у входа в город, — но этого они зацепили сами, осведомившись о ближайшем постоялом дворе, достойном благородных особ. При этом Сварог громко проворчал, обращаясь к своим, но рассчитывая в первую очередь на скучавшего стража, враз наострившего уши:

— Все традиции мы соблюдали, господа. Дали ему уехать со всеми выигранными лошадьми, но если он нам тут попадется, имеем все основания затеять поединок... Любезный, тут не проезжали два дворянина с восемью лошадьми в поводу?

— Никак нет, ваша милость! — браво рывкнул тот.



— Ну, если приедут, вы нас найдите, в долгу не останемся, — благосклонно пообещал Сварог. — Я ему покажу, как копей выигрывать... Пойдемте, господа.

Отыскав постоянный двор с лирическим названием «Свинья и сквородка», навестили нужные места, умылись, расположились в зале для благородных, блаженно вытянув ноги, а слуги уже проворно таскали на стол блюда, тарелки, кувшины и бутылки. Между делом Сварог успел преподнести хозяину историю с проигранными конями, принятую тем безоговорочно, но со специфическим выражением лица, гласившим, что слышал хозяин и не такое, и каждый сходит с ума по-своему, а благородные лауры — тем более, с присущей им фантазией. И пообещал послать мальчишку за лошадиным барышником.

Дела понемногу налаживались. Долгое время все старательно жевали, глотали и отхлебывали. Потом стали понемногу отваливаться от стола, только Бони неумоимо похрустывал косточками аппетитно зажаренных в сметане зайцев, урча, что следует отъестся за все прошлые скитания, и здешняя жратва, как ни крути, получше украденных гусей, зажаренных в лесу на костре и слопанных без крупинки соли.

Сварог лениво смотрел в окно. За окном была крохотная площадь, украшенная крохотной ратушей и тремя громадными свиньями, блаженно развалившимися как раз посередине. Он машинально извлек из воздуха сигарету, прикурил от указательного пальца, дернулся было, но вспомнил, что кругом свои, и глубоко затянулся. Бони уставился на него, перестав даже от изумления чавкать, потряс головой, вновь захрустел косточками и зачавкал — но уже гораздо более философски.

— Вино, признаться, не из лучших, — грустно сказал Леверлин. — С тоской вспоминаю погребца Коргала...

— Это где? — поинтересовалась Мара.

— На Сильване. Там мы с графом Гэйром одержали...

— Одну из самых блистательных своих побед, — проворчал Сварог. — Граф, вы были неподражаемы...

— Потом расскажете? — чуть ли не одновременно потребовали Мара с Делией.

Сварог чуть смутился, фыркнул, отвел глаза — передернулся от пронзительного свинячьего визга. Глянул в окно.

Свиньи уже улепетывали в разные стороны с удивительным для таких туш проворством, а виновник переполоха, конный габелар, уже слетел с седла, прогрохотал сапогами по невысо-



кому каменному крыльцу и, растворив парадную дверь молодецким пинком, скрылся в ратуше. Конь, оставшись в одиночестве и непривязанным, постоял немного, подумал и лениво побрел прочь.

Сварог насторожился. Нравы в такой глуши, конечно же, насквозь патриархальные — но не настолько же, чтобы нижние чины королевской полиции пинками открывали двери в ратушу? Для такого поведения и такой спешки должны быть веские основания. А в совпадения он верил — но не до такой же степени...

Насторожились все. Те, кто сидел к окну спиной, равнялись на реакцию тех, кто сидел к окну лицом. Бони вскочил, шумно отпихнув задом кресло.

— Сидеть! — тихо распорядился Сварог. — Не дергаться и не суетиться. Чтобы крупно обидеть здешнюю армию, нам достаточно будет пары минут. Гарнизоны поблизости есть?

— Ближайший лигах в пятидесяти, — сказал Бони.

— Ну вот... Спокойно. Представим, что мы в театре и смотрим увлекательную пьесу.

— Вам, городским, хорошо говорить, — проворчал Бони, послушно усаживаясь.

— А я, куда только ни заносило, в театре так и не сподобился побывать. Поэтому вы представляйте, будто вы в театре, а я представляю, будто угодил на состязание обжор...

И он уцапал с блюда последнего зайца. Какое-то время не происходило ровным счетом ничего. Потом из ратуши вылетел габелар, ошалело оглянулся в поисках коня и, придерживая меч, побежал куда-то, совсем не в ту сторону, куда конь ушел. Вверху тягуче заскрипело. Сварог подошел к окну, распахнул высокую створку, выглянул.

Сине-черный флаг на вершине непропорционально высокого шпиля ратуши колыхнулся, дрогнул, толчками пополз вниз, задерживаясь под скрип тросика по плохо смазанному блоку, рывками проваливаясь, пока не исчез из виду. Тихо подошла Делия, остановилась рядом. Она была бледна.

— Это еще что такое? — растерянно спросил Сварог. — Для спуска флага должны быть веские основания, даже я знаю...

— Неужели отец... Если сейчас поднимут белое полотнище...

Сварог попытался с ходу прикинуть, что может означать внезапная смерть короля лично для них. Если она естествен-



ная — никому, возможно, не станет дела до беглецов. А если продолжают непонятные игры...

Делия тихо охнула.

Вверх ползло алое полотнище. Флаг, несомненно, долго пролежал свернутым в забытие и запустении — явственно виднелись выцветшие места поперечных сгибов, полотнище выглядело каким-то скукоженным, и если бы не легкий ветерок, придававший ему минимум достоинства, повисло бы нелепым кулком в попытках принять прежнюю, более привычную форму.

— А это еще что означает? — в полном недоумении спросил Сварог.

— Шаррим, — тихо сказал Делия. — Я и не помню, чтобы...

— Последний раз это было двадцать семь лет назад, — сказал подошедший Леверлин, — когда король... гм, только становился королем. Нет, как же серьезно за нас взялись, уважать себя начинаешь...

— Да что это такое на наши головы, в конце концов? — нетерпеливо спросил Сварог, уже понимая по их лицам, что начались шорпизмы, и определенно пакостные.

— А это такая облава, — кривя губы, сказал Леверлин. — Чрезвычайное положение — то ли по этой провинции, то ли по всему королевству. Никто отнюдь не имеет права покидать городов и сел, где в данный момент находится. А тех, кого застало в пути, — их по прибытии надлежит на всякий случай задерживать. Пока не выяснится точно, кого именно ищут. Словом, замереть всем, кроме беглеца. И погони, понятное дело. Вообще-то мы успели проскочить в город, но кто его знает... Последний раз шаррим объявляли... — он покосился на Делию, вдруг опустившую глаза, — когда некий государственный муж хотел задержать беглецов...

— Я с этой пакостью сталкивался пять лет назад, когда служил в Харлане и Мораг ловила заговорщиков, — хмуро сообщил Шедарис. — Вот не думал, что ради меня...

— Значит, нам отсюда не выйти? — спросил Сварог. — Из города, я имею в виду?

— Только с боем, — пожал плечами Леверлин. — Теперь на всех дорогах появятся кордоны...

— Не обязательно, — возразил Шедарис. — Если это полное «замри», передвигаться будет только погоня...

— Не легче, — сказал Леверлин. — Мы все еще без коней. И покупать их теперь — привлечь внимание...



— Ну и что? — безмятежно спросила Мара. — Если ближайший гарнизон в полусотне лиг? Городишко этот наша компания при нужде положит к ногам за пять минут.

— Почему бы и нет? — оживился Леверлин. — Габеларов здесь человек десять, это даже не смешно. С нашим бравым командиром, его жутким топором, пулеметом и всеми нами, скромно скажу, не лишенными известной удали, одолеть такое воинство удастся вмиг. Пошарив по конюшням, найдем потребное число лошадок. Можно даже оставить расписку. А там видно будет.

— Мой любимый лозунг... — проворчал Сварог. — Ладно, подождем пока захватывать города. Диспозиция следующая: Леверлин направляется к выходу из города, тетка Чари — к другому, там они беспечно прогуливаются, высматривая, не покажется ли какая погоня. Шедарис с Паколетом, поодиночке, столь же беспечно мотаются по городу, высматривая конюшни, дислокацию габеларов и все прочее, представляющее интерес. Я иду на разведку в ратушу. Остальные сидят здесь. Бони, кончил бы ты жрать.

— Это я от волнения, — сказал Бони, торопливо откладывая толстенную донольскую колбасу.

— Если кто-то попытается вас здесь взять, не стесняйся, берись за пулемет. И если здесь начнется стрельба, все остальные бросают текущие дела и сбегаются сюда. Ну, расходимся.

Он выходил последним. Мара догнала его в дверях.

— Отставить, — тихо сказал Сварог. — Кошка, я верю, что ты и в одиночку можешь завоевать этот город, но такие подвиги пока что не нужны. Береги Делию. Главное, береги Делию. И приглядывай за нашим новым другом.

Он захлопнул за собой тяжелую дверь. В общей зале маялся хозяин. Завидев Сварога, охнул:

— Что же это творится, ваша милость?

— Да ерунда все, — отмахнулся Сварог и вышел.

Пересек площадь, огибая свиней, вошел в ратушу, наугад распахнул несколько дверей, натываясь то на писцов, с празднично-обалделым видом восседавших за столами, то на дорожную пошлину, по милому провинциальному обычаю взятую натурой и сваленную кучами — мешки и мешочки, бутылки с вином, локти материи, живой спутанный баран, печально взиравший на Сварога снизу вверх. Наконец в одной из комнат, богаче остальных обставленной, Сварог обнаружил унылого толстяка



с медальоном бургомистра на шее, серебряной чернильницей на золотом поясе и золотыми перстнями на пальцах. В перстнях поблескивали драгоценные камни — дворянин, из ронинов, вероятнее всего.

Сварог придвинул ногой кресло, сел, развалился и начал капризно-нагло:

— Это что же у вас такое творится, если барона, вдобавок вольного ярла, вдруг задерживают в такой дыре и заявляют, что он, видите ли, эту дыру покидать не вправе? Со мной же отряд, и не такое выдавший, я ж ваш городишко запалю с восемью концов и отвечать не буду, герцог заступится... Я ж тебя заставлю собственную чернильницу выхлебать...

— Лаур, я вас прекрасно понимаю, — заторопился бургомистр, выставляя напоказ пухленькие пальцы. — Поверьте, уж я-то прекрасно понимаю все чувства дворянина...

Сварог притворялся, будто лишь теперь заметил дворянские перстни:

— Ох, простите, лаур, я уж было хотел обойтись с вами, как с быдлом... Но, право, неприятно чертовски. У меня любовница, само очарование, не виделась две недели, я истосковался, лечу на крыльях любви, и вдруг...

— Шаррим, — развел руками бургомистр. — Монаршья воля, барон.

— Да, конечно, — сказал Сварог утрюмо. — Но вы бы видели ее стан, ноги. Я схожу с ума — соперники, долгое отсутствие... Худшие подозрения в измученной душе, теперь еще и задерж-ка... Ну что там стряслось?

— Сам теряюсь, — бургомистр аж трижды развел руками. — Как гром с ясного неба! Таш лежал у меня дома, я его с собой не таскаю — провинция, знаете ли, вызовы редки, а самому докладывать нечего. И вдруг он начинает пищать, домоправительницу перепугал до смерти, давненько не слышала этого писка, вызова, не сообразила поначалу. В передней был габелар, сунул его в карман, прискакал ко мне... Его превосходительство губернатор передал королевский приказ: немедленно объявить шаррим. Я, грешным делом, стал уже забывать, что это за шаррим такой, его превосходительство тоже, по-моему, не сразу вспомнил... И — никаких объяснений.

— Вы не расспрашивали?

— Его превосходительство? Ох, лаур, не с моего шестка... Впрочем, было заявлено: объяснения и более точные инструк-



ции воспоследуют. Великие небеса, а у меня осталось шесть габеларов! Да их и была-то дюжина. Четверо уехали по деревьям со сборщиком податей, двое с такого похмелья, что под угрозой смертной казни не встанут. Господа гвардейцы тоже, наверное, уже в лежку, на них рассчитывать нечего...

— Какие гвардейцы? — насторожился Сварог.

— Вчера утром приехали, да пока что и задержались. Малиновые драгуны. Десять рядовых с кадет-лейтенантом, ремонтеры. Чепраки без королевской короны, значит, они вне строя — ибо ремонт лошадей в мирное время к понятию воинской командировки не относится, а считается поездкой по текущим делам полка, я сам немного служил, знаю... А когда господа малиновые драгуны вне строя, перепить их могут разве что синие мушкетеры. Признаться, я опасаясь за трактир, он у нас лучший из трех... В общем, у меня шесть разленившихся дуболомов. Что, если его превосходительство прикажет выставить заставы? И как мне с шестью людьми обеспечить задержание беглецов? Я представления не имею еще, что за беглецы, но ясно, что терять им нечего, и они мне такое устроят при попытке задержания... Может, собрать городское ополчение? Конечно, смех один, два года не было ни смотров, ни учений...

— Если узнаете что-то новое, обращайтесь ко мне, — сказал Сварог. — Я обитаю вон там, напротив. И людей у меня... кое-какое количество. Видавших виды. Всегда готов услужить, как дворянин дворянину.

— Великие небеса, вы меня чрезвычайно обяжете!

— Пустяки, — великодушно сказал Сварог.

— Итак, я на вас полагаюсь, лаур?

— Разумеется, лаур!

Сварог раскланялся и удалился. По дороге из ратуши он думал: хорошо это или плохо, что покуда не сообщили повсюду их приметы? Пожалуй, плохо. Это означает, что те, кто послал погоню, прекрасно знают: облик у беглецов может меняться и оказаться каким угодно. Конечно, же, успели допросить стражу на ипподроме...

— Командир!

Он поднял голову и узрел запыхавшегося, но жутко довольного Паколета.

— Командир, там...

— Тихо, — сказал Сварог. — Марш в трактир.



Подтолкнул верного прохвоста к двери и направился туда сам. Сзади позвали:

— Ваша милость!

Сварог неспешно обернулся. Бургомистр поспешал к нему, размахивая коротенькими ручками. По площади тащилась телега-двуколка, груженная осыпанными мучной пылью тугими мешками. Свиньи лениво возвращались к месту постоянной дислокации. Бургомистр ловко увернулся от телеги, столь же привычно пнул ближайшую свинью, подбежал к Сварогу, схватил за рукав и азартно зашептал:

— Ну вот, хоть что-то изволили прояснить его превосходительство... К нам скачут синие мушкетеры, королевский полк... Не весь полк, конечно, отряд, но командует им сама герцогиня Браг... Они еще далеко правда, но скачут лихо, подмены по всему тракту...

— А кого ловят, так и не сказали? — спросил Сварог.

— Дали понять, что это известно герцогине, а нас пока что не касается...

«Арталетта-то здесь причем? — подумал Сварог. — Ничего не понимаю...» Сделал бдительную физиономию и сказал таинственно:

— Лаур бургомистр, эти малиновые драгуны вам так-таки и не кажутся подозрительными?

Бургомистр опешил, потом испугался, потом увлекся этой мыслью:

— Думаете, лаур? — судя по тону, он был из тех градоначальников, кто всю жизнь мечтает поймать шпиона или «злодея короны». — Вообще-то что-то с ними не то — кадет-лейтенант на девок ничуть не реагирует, у одного рядового книга в кармане, у другого компас зачем-то... Во времена моей военной молодости гвардеец и книга были вещами несовместимыми... Великие небеса! У меня шесть пентюхов, а тех одиннадцать и оружием по уши увешаны...

— Придется вас выручить, — сказал Сварог. — Проверим, чем эти так называемые драгуны дышат. Ребята у меня тертые, службу знают... Так что если в том районе вдруг начнется шумное веселье типа заварушки, не паникуйте и не вмешивайтесь.

— Понимаю, — бургомистр часто-часто кивал. — А позволительно ли будет спросить: вы, лаур, часом не имеете ли отношения к службам, кои облечены миссией и высочайшим доверием...



Сварог значительно воздел указательный палец, и бургомистр умолк, подтянулся в тщетной попытке принять воинский вид.

— Разрешите идти?

— Разрешаю, — сказал Сварог. Посмотрел вслед толстяку, пожал плечами, произнес с непонятной интонацией:

— Провинция...

И вошел в дом. В общем зале уже выпивали человек десять горожан, здраво рассудивших, что смутные времена непонятно отчего грянувшего чрезвычайного положения лучше всего коротать за чаркой. Трактирщик шустро подбегал:

— Что там, лаур? Я в окно видел, вы с бургомистром говорили...

— Тс! — сказал Сварог. — Из королевской сокровищницы украли фамильный брильянт.

— Розовый?

— Желтый. С того вон таракана величиной.

— А дальше? — хозяин обозрел указанного матерущего таракана.

— А дальше король разгневался, ясное дело, — сказал Сварог. — Ловить велел. Поймаю, кричит, в масле сварю, и ради пущего зверства — в трактирном, которое безбожно водой разбавляют.

Хозяин даже не обиделся, жадно внимая:

— И ловят?

— Себя не помня от рвения, — сказал Сварог, похлопал его по плечу и прошел в залу для благородных, где к нему навстречу бросился Паколет:

— Командир, там...

— Малиновые драгуны, — сказал Сварог. — Десять штук. Плюс кадет. Плюс коняшки. Где они обосновались?

— В «Кошке и окороке». Лошади там же, в конюшне. Драгуны пьют, но на ногах еще держатся вполне уверенно.

— Будем бить, — весело сказал Бони.

— Командир, а может, ты их как-нибудь усыпишь? — воодушевился Паколет. — Бабка сама не умела, но говорила, что если умеешь, дело нехитрое...

— Точно, — сказал Бони. — У нас один...

— А я вот не умею, — сказал Сварог. — Придется бить, в самом-то деле... Только без особых увечий, а то от нашего удальства посторонним и так выходят сплошные неприятности...



— Сделаем, — кивнул Бони с загадочной ухмылкой.

Паколет помчался снимать с караулов Лаверлина и тетку Чари. Шедарис вскорости объявился сам — он независимо от Паколета набрел на «Кошку и окорок». Когда все собрались, Сварог, самую чуточку хмельной от азарта, сказал:

— Вопросов два. Принцесса, умеете ли вы быстро и ловко седлать коня? И знакомо ли нашему Паколету благородное искусство кабацкой драки?

Принцесса и Паколет кивнули.

— Тогда диспозиция проста, как здешний бургомистр, — сказал Сварог. — Принцесса с Шедарисом идут в конюшню, быстренько седлают драгунских лошадей, вообще всех пригодных, какие там попадутся. Мара следит, чтобы им в этом не помешало всякое хамье, — только не увлекаться, кошка. Все остальные со мною, бравым, во главе, сидят в трактире, и, если конокрадские развлечения будут замечены раньше времени, по моему сигналу начинают швыряться стульями, но тактично...

...Песню о короле Амдараке и мельничихе они слышали, не дойдя еще до «Кошки и окорока» уардов пятьдесят. Драгуны орали весьма немелодично, но с поразительным задором. Шла истинно гвардейская гульба, но табуреты и посуда из окон пока что не летали. Назначенная в конокрады троица с деловым видом направилась в конюшню и исчезла за широкой двустворчатой дверью. Тут же там кто-то охнул, и настала тишина, только слышно было, как всхрапывают кони, а один, норовистый, зло завизжал. Самое время пустить в дело фамильное искусство графов Гэйров. Сварог прижал ко рту ладони, сложив пальцы домиком, дунул в ту сторону, шепнул надлежащие слова. Храп и перестук копыт тут же прекратились. «Цены мне нет, — гордо подумал Сварог, направляясь в трактир. — Но среди славных предков, чует душа, были-таки конокрады...»

Гвардейцы вперемежку с визжащими девками устроились за тремя сдвинутыми столами, вокруг которых зияла почти-тальная пустота — местные теснились по углам. Только пятеро гуртовщиков устроились поближе к драгунам. Девки при них не было ни единой, и, судя по хмурым лицам верзил в серых кафтанах со снольдерскими гильдейскими бляхами, им пришлось поперек души проведенная драгунами тотальная мобилизация доступного прекрасного пола. Видно было, что здесь и до Сварога вызревала добрая потасовка.



Сварог сел так, чтобы видеть в окно дверь конюшни. Драгуны на его компанию пока что внимания не обращали, да и остальные тоже. Хозяин принес вина. Облик у хозяина был страдальческим — в предчувствии неминуемого погрома заведения.

Садясь, Сварог мимолетно взвесил в руке табурет — в самый раз. Бони с Паколетом сноровисто проделали то же самое. Тетка Чари задумчиво коснулась заткнутых за голенище грушевидных нунчак — похоже, тех самых, которыми усмирjala пьяниц в Пограничье. Мешок Шедариса, завернутый в плащ пулемет Бони и виолон Леверлина оставили в снях. Все было в порядке.

— Жалко будет, если уйдем тихо, — сказал Бони. Сварог хмыкнул.

— Разносить трактир в черепки — это высокое искусство, — поведал Бони. — Как у вас в городах говорят, изящное. Мы, скатурцы, всегда разносили соседние, на любой ярмарке, а вот в нашем селе такое никакому соседу учинить не удавалось...

— Ты ногами под столом не дрыгай, — сказал Сварог. — Попадешь по топору, он тебя без ноги оставит.

Верзила охнул:

— Командир, на свете есть только один такой топор...

— Подкованный ты парень, я смотрю, — сказал Сварог.

— Память о старых временах, командир, лучше всего у крестьян и сохраняется. А также песни, предания, заклинания и обряды. Города живут быстро и беспamięтно, а у нас жизнь течет по налаженному кругу, и мало что меняется за века. Был у нас один старичок, он бы, не сходя с места нарисовал карту Талара до Шторма. — Бони понизил голос. — И про те времена, что стояли до летучих замков, можно было кое-что услышать. Жаль, я бродяжничал, раньше-то и не особенно слушал, а теперь спросить не у кого...

Сварог смотрел в окно.

— Кто его знает, чем все кончится, — сказал вдруг Бони. — Так что предупреждаю заранее: как только достану эту штуковину, тут же перебирайтесь мне за спину, а то и сами попадете под веселье...

Он вытащил толстый железный футляр, в каких охотники носят порох и кремни, свинтил крышку, медленно перевернул, крайне осторожно вытряхнул оттуда что-то завернутое аккуратно в обрезок шерстяной ткани, продолговатое. Костя-



ная дудочка, очень старая на вид, вся покрытая тонюсенькими темными трещинами. Столь же осторожно уложил ее назад, пояснив:

— От деда осталось. Вот кто умел...

Сварог вопросительно поднял брови. Леверлин, напротив, преспокойно спросил с видом знатока:

— Самопляска или пугалочка?

— Самопляска, — Бони глянул на него с уважением. — Видел?

— Читал.

— Ну да, в городах у вас все эти дела давно повывели под корень, а в деревнях, особенно в глуши, кое-что и припрятали со старых времен от бдительного небоскрежного ока... Если потихоньку, только для своих — ни тебе огласки, ни урона. — Покосившись на Сварога, он смущенно откашлялся. — Да какая там магия, пустячки для домашнего хозяйства...

— Не у вас одних, — хмыкнул Сварог, глядя на Паколета. — Ох, не у вас одних. И Шедарис мимоходом проговорился про пустячки Вольных Топоров, и в городах кое-что осталось. И даже...

Он резко обернулся к окну — в конюшне вдруг бухнул мушкетный выстрел. Один из драгунов вскочил, отпихнул девку и с видом моментально протрезвевшего помчался к выходу. Вскоре Сварог увидел, как он несется по двору и исчезает в конюшне. Остальные драгуны, покосившись вслед, из-за столов не полезли, но все же иные выжидательно поглядывали в окно. Почему выстрел всполошил именно этого усача? Его мушкет, что ли? Шедарис как-то хвастался, что знаток определит выстрел знакомого оружия посреди любой канонады...

— Начали, — сказал Сварог, приподнимаясь.

— погоди, командир, — Бони решительно взмыл с табурета. — Нельзя порочить славное искусство, дай-ка я сам разожгу...

Он подошел к столу драгун, раздвинул двух так, чтобы ему хватило места опереться на столешницу обеими руками, слегка склонился вперед и заговорил.

Говорил он спокойно, негромко, чуточку скучающим тоном. Речь его была выдающимся в своем роде образцом ораторского искусства, она изобиловала метафорами, гиперболами, синонимами и эпитетами, блистала незатертыми сравнениями, затрагивала генеалогию до седьмого колена, сексуальные привычки, нравы и обычаи драгун вообще и малиновых в частности, при-



чем в изложении Бони генеалогия, привычки, нравы и обычаи были таковы, что, будь все правдой, драгун не пустила бы на порог любая уважающая себя тюрьма, резонно опасаясь за моральную чистоту уже квартировавших там убийц и разбойников.

Гуртовщики восхищенно внимали. Даже Сварог заслушался. Малиновые усахи, преодолев оцепенение, начали наконец понимать, что все изложенное столь высоким штилем относится именно к ним. Их физиономии сравнялись цветом с мундирами, а там и побагровели вовсе уж грозно. Еще миг — и они с ревом рванутся из-за стола...

Бони опередил. Схватив две глиняные пивные кружки, он без замаха припечатал их к усатым харям справа и слева от себя — только брызнули черепки пополам с темным пивом. Молниеносно ухватил одного малинового за ворот и ремень, выдернул из-за стола и запустил к гуртовщикам. Те, ничуть не растерявшись, приняли неожиданный подарок судьбы в кулаки.

Сварог рванулся из-за стола, а за ним и сподвижники. Бони уже пересчитывал табуретом драгун, временами ловко отстраняясь, чтобы пропустить разбегавшихся с визгом девок. Мелькали кулаки и табуреты, порхали кружки и тарелки, с грохотом падали столы, гуртовщики напирали с тыла сомкнутым строем, выказывая немалый опыт в таких забавах, ужом вертелся Паколет с кочергой, Сварог, как и подобает полководцу, держался поодаль, отшвыривая случайно налетевших на него драгун, косился в окно.

Драка незаметно обернулась хаотичной свалкой всех против всех — вмешались горожане, внеся полную неразбериху, потому что дрались и меж собой, и с гуртовщиками, и с драгунами. Самый рослый гуртовщик, получивший от Паколета кочергой, кинулся на него, но был повергнут табуретом Леверлина, а второй отоварен теткой Чари, сверкнули два-три клинка, зазвенела сталь о сталь. Девки заполошно визжали где-то под окнами, но хозяин не спешил вмешаться — как водится, решил поставить в счет все убытки проигравшей стороне, тем, кто останется на поле боя...

Обе створки конюшенной двери распахнулись во всю ширь. Пригибаясь, чтобы не задеть за притолоку, рысью выехала Делия, держа в поводу двух оседланных коней, за ней показалась Мара.

Сварог, крутнувшись на месте, сбил драгуна ударом пятки под коленку и заорал:



— Уходим! Лошади поданы!

Его brave сподвижники, отмахиваясь кочергой, нунчаками, кулаками и табуретом, выдрались из гущи боя. Известно, какой здесь сработал инстинкт, но вслед за ними кучей кинулись вдогон все остальные, и военные, и статские. Сварог, перехватив топор правой рукой за самый конец рукоятки, без замаха разрубил пополам стол, что для непосвященных выглядело крайне эффектно — для посвященных, впрочем, тоже.

Драгуны и гуртовщики, по-братски перемешавшись с обывателями, застыли. Воцарилась тишина, только на полу охали увечные. Даже девки на улице притихли. Копыта стучали у самого крыльца, слышался боевой клич Вольных Топоров:

— Хуу-гу!

И тогда пронзительно засвистела костяная дудочка. Бони дул в нее, надувая щеки, старательно перебирая пальцами по отверстиям, раскачиваясь в такт. Понемногу стало получаться что-то похожее на плясовую. И в ритме этой плясовой, напоминавшей ратагайский улах, драгуны с гуртовщиками, включая горожан, как-то странно задержались, с общим выражением предельного изумления и ужаса на лицах принялись притопывать, довольно-таки слаженно хлопая в ладоши и поводя локтями, выстроились в две неровные шеренги — и, повинуясь дудочке, пошли откалывать удалые коленца, налетая на столы, топчя черепки посуды. Лежавшие, словно увлеченные вверх рывками невидимых веревок, поднялись один за другим, охая и крихтя, столь же заливчато пустились в пляс. Один даже орал дурным голосом:

Ой, лайди-дада-дуду,
шла девица по воду,
а за девкой юной
мчали два драгуна...

Бони не торопился уходить. Сварог за ворот вытянул его на крыльцо, только там верзила оторвал дудку от губ, ловко спрятав в футляр и заорал в распахнутую дверь:

— Это вам Скатур, а не что-нибудь!

Сварог прыгнул в седло, сделал Шедарису знак из арсенала жестов-команд Вольных Топоров, чтобы капрал скакал замыкающим, выхватил плетку из-за голенища, ожег коня. Гнедой помчал по немощеной широкой улице. Краем глаза Сварог



еще заметил остолбеневшего на крыльце ратуши бургомистра, но помахать ему рукой уже не успел.

Они скакали прочь из города, гиканьем распуская встречных. Встречные дисциплинированно шарахались к стенам и заборам, не пробуя никого задержать — и вряд ли что-нибудь сообщая.

С габеларом, торчавшим на окраине, хлопот не было никаких — слышав гром копыт и вопли, он загодя спрятался за пустую бочку и притворился, что его тут вовсе и нет. Мимо него промчались на всем скаку и неслись галопом по тракту минут пять. Потом Сварог натянул поводья, свернул в лес, прыгнул и закинул уздечку на сук.

— Почему стоим? — спокойно спросила подъехавшая Мара.

— Буду вас переодевать, — сказал Сварог. — Благо бургомистр за нами погоню не пошлет и время есть. По нашу душу скачут синие мушкетеры в неизвестном количестве, о чем уже извещены господа губернаторы. Вот я и решил, что нам гораздо приличнее будет щеголять в мушкетерской форме. Пока догадаются... Насколько я помню, за этакое самозванство по закону что-то суровое полагается, но мы уже столько законов нарушили... Между прочим, принцесса, погоней командует ваша сводная сестренка.

— Ну она же не знает... — грустно усмехнулась Делия.

— Конечно, не знает, — сказал Сварог. — Не стоит сразу думать о человеке плохо. И ее гвардейцы, я уверен, отличные ребята. А это еще хуже — потому что они костями лягут, чтобы исполнить свой долг, но нас-то это никак не устраивает...

— Почему мы так спешим? — тихо спросила у него Делия. — Я вовсе не отказываюсь плыть в три королевства, но Леверлин говорил, что э т о... что оно через несколько дней исчезнет само. Многие сообразят наконец, в чем дело, нас перестанут ловить, и мы сможем ехать спокойно. В конце концов, можно найти надежное место и переждать.

Сварог почувствовал жгучий стыд — за тех, кто его сюда послал. Она была умна. И предлагала дельную вещь. Но ей никак не следует знать, что заоблачные интриги, если подумать, ничуть не сложнее и не благороднее тех, что плетут внизу. В чем-то заоблачные примитивнее даже. И победу, как тысячу раз случалось в истории и тысячу раз еще случится, позарез необходимо подогнать к торжественной дате, к празднику. И все потери заранее разрешено считать неизбежными...



И самое грустное — если рассказать ей правду, она наверняка все поймет и отсиживаться в лесной сторожке не станет. Не та девочка. Только вот язык не поворачивается. Старинную легенду-предсказание о Сером Рыцаре и Златовласой Принцессе, яркую, красивую, романтическую, язык не поворачивается опаскудить скучными позднейшими примечаниями о буднях секретных служб и придворных интригах. Интересно, сколько у Сварога было предшественников, рассуждавших точно так же? Видимо, немало — потому что красивых легенд о романтическом прошлом так и осталось не в пример больше, чем скучных мемуаров, срывающих покровы, маски, расставляющих все точки...

— Мы не можем ждать, — сказал он, уставясь на свои сапоги. — Никак не можем...

Делия кивнула и ничего больше не спросила. Сварог устало обрадовался ее молчанию. Зря радовался. Потому что заговорил Леверлин:

— Мы все дальше удаляемся от харланской границы...

— Вот именно, — кивнул Сварог. И решился: — Как ты сам думаешь — подпустят нас к харланской границе? Или к рубежу Вольных Маноров?

— Да нет, — сказал Леверлин довольно спокойно. — Эти границы и обложат в первую очередь. А посему... Тебе не кажется, что нам все же следовало бы знать твои планы на ближайшее будущее? — Он усмехнулся. — Думаю, все присутствующие и так понимают, что в нашем путешествии можно и сложить голову. Но, как ни странно, иногда на душе становится гораздо спокойнее и легче, если знаешь точно, где тебе предстоит рисковать головой...

Остальные молчали, но Сварог понимал: они думают то же самое.

— Ну ладно, — сказал он. — Я ведь с самого начала не обещал вам легкой жизни... Нам нужно добраться до Итела. Там у нас будет паром. Погрузим и лошадей...

— А если реку блокируют? — спросил Шедарис.

— Это против правил, — сказала тетка Чари. — Середина реки свободна для судоходства, — и тут же понурилась: — Правда, можно подыскать и параграф, по которому допускается... В Морском кодексе их пруд пруди.

— И в «Законоуложении о королевских преступниках» не меньше, — сказал Леверлин. — Учитывая, что ни одно посольство за нас не вступится...



— Если река перекрыта, высадимся на берег, — сказал Сварог. — Прижмут к Ямурлаку — пойдем через Ямурлак, не такие уж страшные места, скорее скучные. (Бони энергично закивал.)

— А если нас прижмут к Хелльстаду?

После короткой паузы Сварог сказал:

— Тогда пойдем через Хелльстад. Я там уже был — и жив, руки-ноги целы. Выбора-то нет, господа мои, никого я не держу...

— Ну и пойдем через Хелльстад, — безмятежно сказала Мара. — По-моему, предсказатели свое дело знали. Если уж там написано, что серому Рыцарю вкупе с принцессой суждено дойти и избавить...

То ли она по младости лет не боялась и Хелльстада, то ли все великолепно рассчитала — после девчонки, готовой идти навстречу любым опасностям, трудно как-то признать себя трусом.

— И все-таки Хелльстад — это, знаете ли, Хелльстад... — пробормотал Леверлин. — Вот если бы было написано, что и спутникам Серого Рыцаря суждено добраться...

— И что характерно, я никого не принуждаю, — буркнул Сварог.

— Ну вот что, — решительно сказала тетка Чари. — Кто не рискует, не ездит в карете четвериком. Гербы, они так просто не даются...

Бони молодецки шваркнул каталану оземь:

— И живем мы один раз... Хочу герб. И лягу костями. Хотя, конечно, лучше бы и герб заработать, и костями не лечь, — он с вызовом уставился на Шедариса.

Тот покривил губы:

— Если пошел такой расклад, мы не трусливее деревенщины...

— Влип я с вами, — грустно сказал Паколет. — Воровал бы себе по мелочи, так вы в легенду тащите...

Сварог, стараясь делать это незаметно, облегченно вздохнул.



Глава 3



БЕРЕГ ПРАВЫЙ, БЕРЕГ ЛЕВЫЙ

Сварог, широко расставив ноги, смотрел с пригорка на великую реку. Ител могуче струил воды, и другой берег был далек, на той стороне крохотной полосочкой зеленели леса, и от реки, спокойной, изначальной, явственно веяло мудрым равнодушием к суете суши. Попробуйте победить воду... Ее можно разложить на кислород и водород, вскипятить, заморозить, выпить — но все это будут булавочные уколы, мелкие пакости. Потому что все реки впадают в море, а море можно высечь, если в коронованную голову взбредет такая фантазия-дурь, но даже бог, не самый слабый, не сумел некогда выпить море. И Морские Короли, сдается, вовсе не были Королями Моря...

Таковы уж реки, особенно великие, — они, гипнотизируя, незаметно погружают в философические раздумья. Освобождаясь от наваждения, Сварог пошевелился, топнул ногой и промурлыкал неведомо откуда привязавшееся:

А вот они, условия,
а вот она, среда,
а в общем, для здоровья
полезны холода...

И задумался о вещах практических. Он был чуточку горд собой. Правда, ни в одном языке нет звучного, емкого и похвального определения для человека, сумевшего хорошо руководить долгим бегством... Но делу это не мешает. Пока что им все удавалось, только три лошади из двенадцати потеряли



подковы и их пришлось оставить, потому что в тороках драгун не нашлось ни подковых гвоздей, ни нужных инструментов, а Сварог их делать не умел. Да еще Паколет немилосердно натер задницу так, что скакал, стоя в стременах. Зато ни одного коня они ухитрились не загнать. Четырех самых плохих поменяли в первом же городке после Гутиорса, попавшемся на пути, влетев туда как вихрь и так торопя местного бургомистра грозным рыканьем вперемешку с заверениями, будто они и есть часть отряда Арталетты, что бедняга, должно быть, опомнился не раньше, чем бешеная кавалькада напрочь исчезла из виду и на большой дороге осела поднятая копытами пыль.

Еще два городка они миновали на рысях, выпрашивая сменивших следом бургомистров, не появлялись ли здесь искомые беглецы. Выяснилось, что в одном городке ничего подозрительного усмотрено не было, зато в другом обалдение от неожиданно грянувшего шаррима достигло должного пика, обернувшись приступом шпиономании: бургомистр, пытаясь, успел поведать Сварогу, что отдельные бдительные граждане углядели в поле небольшой отряд горротских кавалеристов в полной форме, ускакавших после произведенного в их сторону неприцельного мушкетного выстрела. Сварог прокричал, что благодарит за службу и приказывает бдить далее, но про себя лишь посмеялся — в здешних краях, удаленных от Горрота на тысячи лиг, зрелище горротских кавалеристов в полной форме повинно было проходить по ведомству белой горячки.

После второго городка он приказал сворачивать в лес и забирать на полуночный закат, подальше от больших дорог. Не стоило зарываться. Преследователи меняли лошадей гораздо чаще и очень скоро должны были узнать о своем «авангарде». И тогда неминуемо поступит новый приказ — допустим, предписывающий задерживать любых синих мушкетеров, если только с ними нет Арталетты. Сварог мог, конечно, придать облик Арталетты Делии, но предугадать все каверзы невозможно: скажем, в отряде настоящей Арталетты эталоном подлинности мог служить невероятно уса́тый сержант или какой-нибудь рыжий горнист...

Вряд ли осталась без должного внимания выдумка Сварога, с помощью которой он захватил самолет. И поскольку в его положении для надежности следует предполагать самое худшее, допустить, что их будут выслеживать с помощью магии, вроде бы повсеместно запрещенной, искореняемой и



преследуемой, но упорно и неожиданно вновь и вновь являвшей себя миру в самых разных обличьях и по самым разным поводам...

Основания для таких тревог имелись. Несколько раз Сварог испытывал странные и неприятные ощущения, он не смог бы описать их словами. Но именно эта странность, пугающие нахлывы необъяснимого, то заставлявшие затылок деревенеть, то ледяным обручем стискивавшие грудь, как раз и позволяли верить, что это не родилось в его мозгу, а пришло извне. То, что магия не могла причинить ему вреда, еще не означало, что его нельзя выследить с помощью магии...

Однажды Мара пожаловалась на схожие ощущения. Паколет молчал, однако пару раз оглядывался что-то очень уж испуганно, когда бояться вокруг было нечего...

Остаток дня, весь следующий и утро очередного они пробирались без дорог, выдерживая направление по компасу. Два раза натыкались на дровосеков-углежогов, безвылазно сидевших в чащобе второй месяц и оттого слыхом не слыхавших о городских развлечениях вроде шаррима. Один раз сами вспугнули кучку всадников в зеленом, моментально припустивших в дубраву и потому вряд ли принадлежавших к породе тех, кто преследует.

И вышли к Ителу. Куда именно вышли, никто не знал, но погрешность была небольшая — лиг пятьдесят в ту или другую сторону...

Ощутив рядом чье-то присутствие, обернулся, но Мара, как и следовало ожидать, успела бесшумно подобраться вплотную. И невинно шурилась, глядя снизу вверх и случайно якобы касаясь бедром.

— Гарнизон? — спросил Сварог официальным тоном.

— Сидит под деревом при выставленном часовом и травит байки для поднятия воинского духа. Повелитель мой, нет ли у нас получасика свободного времени? — Она оглянулась на густые заросли орешника и потянулась с мечтательной улыбкой, полузакрыв глаза. — Для жутко конфиденциального разговора...

— Нет у нас получасика, — сказал Сварог. — И вообще, суровые условия походной жизни...

Мара прищурилась:

— Между прочим, когда мы ночевали на заброшенной ферме не далее как вчера, наша златовласка и граф нашли способ



скрасить суровые походные будни. О вдове боцмана и ее воздыхателе я и вовсе умолчу, как девушка скромная и застенчивая. Окружающие опасности лишь возбуждают, милорд...

— То-то ты всю ночь вертелась, — сказал Сварог задумчиво. — Под нашим общим-то плащом. Я думал, бдишь...

— Следовало бы догадаться. Но ты был настолько угнетен лежащим на твоих плечах грузом ответственности...

Сварог тяжело вздохнул:

— Ты хоть понимаешь, что мы, голову даю, пойдем через Хелльстад?

— Тем более. — Мара гибко прильнула к нему и зашептала на ухо: — Да не заводи ты себя, дурак, мы ведь везучие, вся банда. Мы притянули друг друга, как магнетики, а это неспроста, великие дела обещает...

И странный образ возник перед ним на мгновение — непонятный зал, где все красное и черное, и высокие стрельчатые окна в золотисто-алых витражах, и странные плоские чаши на круглом столе, и холод, холод, пронизавший все вокруг, даже место, занятое Сварогом в пространстве...

Охнув, как от боли, он прижал Мару к себе, словно заслоняя.

Она удивленно отстранилась:

— Что с тобой? Затрясло всего...

— Ничего, — сказал Сварог, опаматовавшись от наваждения. — Следующая ночь твоя, разрешаю сделать ее сколь угодно бурной. А сейчас поднимай народ. Идиллически поплывем по речке-реченьке...

Он спустился к самой реке, внимательно посмотрел на спокойную воду у берега, определив, что здесь достаточно глубоко, сосредоточился, зашевелил губами, старательно повторяя не столь уж сложные слова, служившие, собственно, чем-то вроде детонатора, запускавшего неведомый сложный механизм. В конце концов, многие ли из тех, что выключают свет в доме, представляют хотя бы чуточку сложность электромагнетизма и двойственную природу электрона? Если вообще слышали о том, что электрон двуличен...

Темное облако возникло над берегом и тут же взорвалось во все стороны невесомыми тучами снежинок, таявших еще в полете. Гулкий, тугой всплеск сотряс воду, взлетели брызги, окатившие Сварога, попавшие за шиворот, в сапоги. Он отпрыгнул, выругав себя за неосторожность.



А на воде уже слегка покачивался колесный пароход с перекинутыми на берег широкими сходнями — синий с двумя красными полосами, высокой черной трубой, увенчанной затейливо вырезанным раструбом из толстой жести, красными кожухами гребных колес, начищенной медью на капитанском мостике и высокой мачтой с тремя зарифленными прямыми парусами. Звался он «Принцесса» (определенно шуточки Брагерта), и под косым бушпритом сияла свежей позолотой фигура девушки в старинном платье и короне, выполненная в старинном же стиле знаменитой мастерской Итилосо Лаваронского. На носу красовалась «чертова флейта» — стандартная военно-морская ракетная установка с пятью направляющими в виде разрезанных вдоль труб, снабженными огромными колесцовыми замками. Две пушки у бортов, пулемет на мостике, корму ограждает высокий фальшборт — как и было задумано на всякий случай, места для лошадей хватит. Флагшток гол — но где-то на мостике есть флаги на все случаи жизни. Чистенький и новенький, как игрушечка, пароходик, похожий и на патрульное судно речной охраны, и на ганзейский гукор. Одна беда — прежний план предусматривал наемных кочегаров, а теперь придется управляться собственными силами...

«Принцесса» стояла правым бортом к берегу. Якорь опущен — или, как это говорится, отдан. Пытаясь вспомнить, как по-морскому именуется правый борт, да так и не вспомнив, Сварог взбежал по трапу, поднялся на мостик, уважительно оглядел высокий штурвал со множеством пузатеньких ручек, массивный компас, сверкающую воронку переговорной трубы, ведущей в машинное отделение. Заглянул в высокий шкафчик: в нижнем отделении стояли свернутые в трубочки флаги, в верхнем лежали судовой патент и прочие бумаги. Поразмыслив, он выбрал флаг Ганзы — авось не узнают и не обидятся, а если обидятся, переживем, — поднял его на флагштоке, заполнил соответствующим образом документы. Одежду вновь придется менять — ронерские синие мушкетеры выглядят столь же нелепо на ганзейском корабле, как ганзейские матросы на страже возле опочивальни Конгера. Значит, снова придется возиться. Сварог, мужской и дамский портной, а учитывая и Делию, еще и поставщик двора...

Он оглянулся. Странная Компания в полном составе — один Шедарис отсутствовал — сгрудилась на берегу, восхищенно разглядывая «Принцессу».



— Ну, соколики, каков пароход? — молодецки подбоченившись, крикнул сверху Сварог. — Ведите лошадей! Адмирал командует отплытие!

— Отход, — громко поправила тетка Чари.

— Разговорчики, боцман! — крикнул Сварог весело. Ему не пришлось встречать с фамильными заклинаниями Гэйров — строевые кони повиновались без особых капризов. Их тщательно привязали к ввинченным в планшир кольцам, и Сварог распорядился:

— Мара — к машине. Паколет шурует уголек. Вам тоже придется поработать лопатой, любезный граф, потому что Шедариса я поставлю к «флейте», а Бони к пулемету...

— Впервые сожалею об отсутствии военного опыта, — хмыкнул Леверлин.

— Поэтам полезно изучить изнанку морской романтики, — безжалостно сказал Сварог. — Насколько я помню, во дворце у Грайне ты как-то растапливал камин, так что справишься. Общие принципы те же. Тетка Чари — к штурвалу. Я, как вы понимаете, командую, то есть с решительным видом стою на мостике.

— А я? — спросила Делия.

Сварог подумал и заключил:

— Вы тоже стоите на мостике, но вид у вас не столь решительный, потому что у вас нет офицерского чина, а я, как-никак, лейтенант лейб-гвардии... По местам. А я пока что займусь портняжным ремеслом.

Когда он закончил и поднялся на палубу, из трубы уже поднимался дымок, на глазах густевший, ветерок сносил его на берег — поэт с прохвостом шуровали на совесть, да и уголек был отборный. Сварог склонился к надраенной медной воронке и, насаживаясь с непривычки, заорал с нее:

— Как дела?

В ответ раздался почти неузнаваемый голос Мары:

— Еще квадранс — и можем ехать.

Наверху, на берегу, раздался пронзительный свист, сделавший бы честь Соловью-разбойнику. Конь вскинулся, прядая ушами. Сварог показал Бони на пулемет, бросил тетке Чари: «Поторопите кочегаров, кто его знает...», сбежал по сходням, поднялся вверх по пологому откосу, пробежал уардов пятьдесят меж редкими соснами и, жадно хватая ртом воздух, кинулся бегом на вершину довольно высокого и крутого холма, где стоял Шедарис.



Капрал застыл статуей, прижимая к глазу подозрную трубу. Сварог привез ее с собой из-за облаков, и она, ничем не отличаясь с виду от изделий земных мастеров, была раз в десять сильнее любой харумской.

— Что там? — тронул Сварог за плечо напрягшегося капрала.

Тот протянул трубу:

— Левее солнца, левее тех двух горушек, правее распадка, у самого горизонта...

Сварог довольно долго водил трубой, пытаясь привязаться к перечисленным Шедарисом ориентирам. Поймал место. У самого горизонта четко выделялись на зеленой равнине синие крапинки. Они двигались, они порой отбрасывали мгновенные, ослепительные солнечные зайчики — так сверкает солнце на стволах мушкетов и отполированных рокантонах, так сияет только амуниция отборных гвардейских полков, начищенная с особым рвением и шиком...

Сварог прикинул расстояние и махнул рукой, опустив трубу:

— Даже галопом до берега — не менее получаса. До них лиг пятнадцать, и галопом они не смогут, кони наверняка устали...

— Не в том дело.

— А что тебе не нравится?

— Тебе не кажется, что они идут очень уж целеустремленно? — спросил Шедарис, наедине всегда называвший Сварога на «ты». — Прямо по нашему следу, сдается...

— Собаки? — предположил Сварог без всякой уверенности.

— Хотелось бы думать... Только не похоже, командир. Что-то не слышал я про собак, натасканных на следы подков. Которых к тому же и понюхать не довелось.

— Действительно...

— Знал я на Сильване одного лейтенанта. У него для таких случаев была дощечка, а на дощечке на гвоздике вертелся деревянный барашек. И эта бляшка всегда показывала лбом на беглецов, в ту сторону, откуда крадутся неприятельские разведчики, на близлежащее жилье... Ну, без заклинаний в таком деле не обойтись, конечно, что-то лейтенант знал...

— Он не с ними, случайно? — хмыкнул Сварог.

— Да нет, — серьезно сказал Шедарис. — Случилось одно жаркое во всех смыслах дельце, спорили вместе с домом и лей-



тенант, и барашек. Один там рылся потом, да где уж, все — в головешки... Может, таких барашков или иной пакости по свету много разбросано?

— Может, — сказал Сварог с сердцем. — Хороших вещей на свете всегда мало, а этакой дряни...

Он поднял трубу, на сей раз не в пример быстрее отыскав синие крапинки. Они почти не увеличились и вряд ли шли галопом, но двигались столь же целеустремленно. Сварогу поневоле вспомнился глорх-болтун и собственные следы, тут же высветивавшиеся в виде черных аккуратных отпечатков...

— Ну, если они и в Хелльстаде не отцепятся... — начал он, спохватился и умолк.

— Ну что ты, командир, как истеричная дама, — усмехнулся Шедарис одним ртом. — Ясно же, что идти нам непременно через Хелльстад, все настроились, не бойсь...

— Пошли, — сказал Сварог и стал спускаться с холма.

Шедарис ничуть не удивился возникшему из воздуха пароходу — равнодушно, привычно протопал по сходням и надолго прилип к ракетной установке, поворачивая ее во все мыслимые положения, опускакая и поднимая замки.

Тетка Чари пребывала на мостике в полном одиночестве, поворачивая вентиляционные трубы, напоминавшие кобр с раздутыми капюшонами.

— Это вы зачем? — спросил Сварог.

— Ох... Вы ж говорили, что умеете управлять этой посудинной.

— Штурвал крутить смогу, — сказал Сварог. — И знаю, где что дергать у машины.

— То-то и оно... Трубы надо поворачивать по ветру, чтобы не загасило топку...

Сварог сконфуженно пожал плечами — ну да, обретенные магическим путем знания порой зияли пробелами, можно мгновенно обучиться стрелять из пулемета, но нельзя мгновенно стать опытным стрелком... Спохватился:

— А где принцесса? И Бони?

— Я их погнала вниз. Пусть пошуруют, пока не разведем пары.

— Ох... Бони еще ладно...

— А что? Девка крепкая, с охоты не вылезает, и откормлена лучшими харчами. Вчера на нас с Шегом на ферме, где ночевали, чуть не до утра с потолка пыль сыпалась. Их высочество



с графом на втором этаже расположились, а мы, как легко догадаться, на первом...

— Нет у вас почтения к аристократии, — грустно сказал Сварог.

— Голубчик, мы у Инбер Колбта герцога по доске за борт отправили. Спровадили, только пузыри пошли, в точности такие, как от простого народа бывают...

На палубе появились Бони и Делия, густо припорошенные угольной пылью.

— Простите, принцесса, обстоятельства... — сказал Сварог, пытаясь не рассмеяться.

Делия бросила с великолепной небрежностью:

— Я нахожу, что попасть пикой в кабана на всем скаку гораздо легче, нежели углем в неподвижную топку... Не удручайтесь, милорд. Было очень романтично.

— И вашим будущим биографам не придется высасывать из пальца колоритные детали, — сказал Сварог, откровенно улыбаясь. — Идите переодевайтесь, господа. Отваливаем.

Минут через пять все уже щеголяли в зеленой с черными рукавами форме ганзейских моряков. Сварог сдвинул на затылок твердый кожаный ланглатан с медным гербом Ганзы и золотым капитанским шитьем, приосанился и гаркнул:

— Самозванцы, вперед!

Бони с Шедарисом убрали сходни, перешли на нос и налегли на брусья кабестана. Заскрежетала цепь, из воды показался новехонький якорь, течение стало понемногу разворачивать корму, относя пароход от берега.

— Куда? — спросила тетка Чари.

— Вниз по реке, — сказал Сварог. — До границы Вольных Маноров рукой подать, и если нам там устроили западню, мы это быстро обнаружим...

Тетка Чари прокричала команду в воронку. Колеса дрогнули, пошли на первый оборот, плицы замолотили по воде, слегка забеспокоились лошади — и «Принцесса» величаво (как хотелось думать Сварогу) двинулась вниз по реке. В лицо повеяло прохладным ветерком, и в жизни словно бы прибавилось смысла — вода всегда ассоциируется со свободой, на воде не бывает шлагбаумов и волчьих ям, хотя засад хватает...

— Вообще-то декорации довольно идиотские, — сказала тетка Чари, ловко перехватывая пузатенькие рукоятки штурвала. — Ганзейская посуда, везущая десяток лошадей под



седлами военного ронерского образца... Впрочем, чего только ганзейские корыта не возят, мы однажды перехватили одно с породистыми кошками в клетках, груз с Сильваны для знатных дам. Пришлось забрать судовую казну и отпустить восвояси. Кошечки, конечно, стоили больших денег, да везти их, чтобы продать, — вовек потом от шуток не отмоешься...

— Нам бы только не встретиться с настоящими ганзейцами, — сказал Сварог задумчиво. — Выйдут лишние хлопоты. Те, кто нас ловит, и так опознают под любой маской, сдается мне...

— Почему вы так решили? — спросила Делия. Сварог ответил вопросом:

— У вас в последнее время не было ощущения, что во дворец запустило коготки постороннее колдовство?

— Нет, — после короткого молчания ответила она. — До этой проклятой ночи ничего подобного...

Сварог сердито фыркнул, но тут же вспомнил, что и люди Гаудина, которых не могло не быть во дворце, ни о чем подобном не доносили. Что Гаудин представления не имел о принцессе-подменыше.

— Вот разве что серебряная комната... — неуверенно сказала Делия.

— Какая? — насторожился Сварог на всякий случай. — Что с ней?

— Весь последний месяц в покоях отца обкладывали серебром одну небольшую комнатку. Потолок, пол, стены, внутреннюю сторону двери. Сначала прикрепили тонкие каменные плитки, и не из простого камня, а уж на них укладывали серебряные пластины. На клею из Гарамы. Никто не знает, что туда намешивают гарамцы, но клей — вечный... А окно заплели сеткой из серебряной проволоки, в три слоя, отстоящих друг от друга довольно далеко — там глубокий проем, стены толстенные. Старая часть дворца... Серебряные пластины чуть ли не в джайм толщиной. И это странно.

«Еще бы, — мысленно согласился с ней Сварог. — Чтобы защититься от нечистой силы, хватит и тонюсенького слоя, достаточно просто-напросто посеребрить стены, как серебрят рукояти мечей для небогатых дворян и медную посуду для тех, кто не в силах позволить себе большего, а марку держать хочет. Гальванопластики здесь, понятно, не существует, но сусальное золото и серебрение — не тайна как для честных ремесленни-



ков, так и для фальшивомонетчиков. Мудрит что-то Конгер. А с ума он не сошел и всегда знал точно, чего хочет. Чего он хотел на этот раз?»

— А камень был какой? — спросил он.

— Бельзор. Непонятно...

Тетка Чари присвистнула. Сварог растерянно кивнул:

— Действительно...

Бельзор — еще одна разновидность чудо-камней, добываемых на Островах. Добывают его горняки с заткнутыми ушами, и на тамошние прииски с превеликой охотой берут глухих, потому что люди с нормальным слухом долго не выдерживают, несмотря на высокую плату и хитромудрые затычки для ушей...

Бельзор именуют «оружием камнем». Невидный, темно-коричневый с редкими белыми крапинками, мягкий и слоистый, как слюда. Этот минерал был бы совершенно бесполезным, не надели его природа преудивительнейшим качеством. Чтобы высечь из кремня искры, нужно скребнуть по нему железом. Чтобы бельзор издал дикий поросячий визг, достаточно чиркнуть по нему ногтем.

Никто не знает, почему так получается, это самый обычный камень. Должно быть, и Творец любит порой пошутить. Или создавал этот камень с дальним расчетом, неисповедимым для смертных... Легко понять, что работающие с бельзором мастерские располагаются за городской чертой — никаких официальных предписаний на сей счет нет, но любой, вынужденный жить по соседству с таким заведением, подождет его через неделю и непременно будет оправдан в суде...

— Значит, ваш папаша хочет там устроить сокровищницу, — сказала тетка Чари. — Только и всего. Где же еще принимают бельзор, как не в «денежных комнатах»?

— У нас прекрасная сокровищница, — покачала головой Делия. — Прадед достроил. Она и без того выложена бельзором, за девяносто лет туда ни один вор не смог забраться. Правда, дедушкин министр финансов украл пару миллионов — но путем махинаций с документами, а это совсем другое...

— Интересно, что ваш дедушка с ним сделал? — фыркнул Сварог.

— Шкуру содрал, конечно, — безмятежно сказала Делия. — Дедушка был крут.

— Содрал в прямом смысле или в переносном?



— В обоих. Так что не удивляйтесь, милорд, моей стойкости в борьбе с невзгодами. У меня великолепная наследственность. Кто-то из первых Баргов, кажется Могарек, месяц прятался в лесной хижине, питаясь сырыми зайцами и молодым крыжовником, но своего часа дождался и столицу отвоевал назад... Но все-таки, как вы думаете, зачем отцу такая комната?

— Я вижу единственное объяснение, — сказал Сварог. — Ему нужна была комната, где в стене не проделаешь незаметно дырочку.

— Это и так ясно, — пожала плечами Делия. — Но зачем?

— Чтобы не просунули трубочку, не приснули ядом...

— Глупости, — сказала она. — Отыщется сотня случаев подсунуть яд проще и незаметнее... Странно...

— А знаете, что лично мне кажется странным? — спросила вдруг тетка Чари.

— Что?

— Полнейшая пустота на реке. Ни единого суденышка.

— Этот чертов шаррим...

— Шаррим, между прочим, не должен распространяться на середину реки, поскольку там — нейтральные воды. Мы — на самом кратком речном пути, соединяющем закатный и восходный берега континента. Обычно здесь не протолкнуться от иностранных судов. Раз двадцать приходилось проплывать по Аки и Рону и всегда стоит чуть ли не толчея... А сейчас — пусто, словно проплыл Великий Кракен. Или согласно девятому параграфу Кодекса о речном судоходстве перекрыты ронерские границы. Особые условия, дающие право на исключения... — Она повернулась к Бони. — Ступай-ка ты, соколик, в кочегарку. Посиди там, вдруг понадобится выжать полный пар. А с пулеметом и командир справится.

— Я в истопники не нанимался... — слабо, скорее для самоутверждения, ерепенился Бони.

— Принцесса тоже не нанималась — и ничего, кидала. Марш!

Бони потащился вниз. Микрофоны, осенило Сварога. Выложенная бельзоров комната — прекрасная защита от любопытствующего нахала, которому вздумается продырявить стену тонюсеньким сверлом и просунуть микрофон на тонюсеньком проводке... Стоп! Земные разведки микрофонами не располагают пока что. А для восьмого департамента микрофоны с проводами — позавчерашний день. И если Конгер ухитрился не-



ведомыми способами дознаться о существовании микрофонов, мог заодно и узнать, что они бывают без проводов, так что любой бельзор будет бессилён... Действительно, странно. Ладно, это проблемы Конгера, тут со своими бы разделаться...

— Накаркала я, — без выражения сказала тетка Чари.

— Что? — встрепнулся Сварог.

Она кивком показала вперед.

Над горизонтом, где зеленоватая вода сливалась с голубым небом, создавая некое подобие лоранского флага, меж крутыми, обрывистыми берегами, взметнувшимися на добрую сотню уардов, чернело шесть дымков с разлохмаченными вершинами, в равных почти промежутках протянувшихся поперек реки.

— Торжественная встреча, — сказала тетка Чари. — Медяшка надраена, пушки заряжены...

— Может, совпадение какое? — уныло предположил Сварог, сам в совпадения не веривший.

— Когда шесть выпелов поперек фарватера? Голубчик, нас в лихие времена столько раз ловили и поджидали в засаде, что я такие вещи спиной чувствую. — И вопросительно взглянула на него, понимала субординацию насквозь и оттого не стала ничего предлагать сама, оберегая авторитет командира. Правда, единственными свидетелями их разговора были капрал и Делия, но это ничего не меняло.

— Полный вперед, — сказал Сварог. Перехватив ее неодобрительный взгляд, пожал плечами. — Лучше уж убедиться поскорее. Если что, быстренько повернем, а буде окажется, что и вверх по течению приготовлена столь же теплая встреча, причалим к тому берегу и поскачем на отдохнувших лошадках...

— И весело поедем в Хелльстад? — тихо спросила Делия. — Потому что другого пути просто не будет...

— И весело поедем в Хелльстад, — сказал Сварог, подвигал пулемет на громоздком станке, вверх-вниз, вправо-влево. — Шег, без команды не стрелять!

— Понял, — бросил капрал, не оборачиваясь. Он уже уложил в желоба ракеты и замер, хищно пригнувшись, держа обе руки на огромных барашках поворотных винтов.

Сварог, вытянув шею, взглянул на головки громоздких ракет. Покрутил головой. Капрал уложил одну с красным оперением и три с желтым. Красное оперение означало картечь, а желтое — «гаррогельский огонь», студенистую адскую смесь,



браво горевшую даже на воде, нечто вроде здешнего напалма. Шедарис готовился воевать обстоятельно и серьезно, на совесть отработывая будущий герб...

Проследив направление его взгляда, тетка Чари хохотнула и заунывно процитировала:

— «Применение „гаррогельского огня“ судном, не входящим в состав военных флотов держав Виглафского Ковенанта, влечет за собой причисление означенного судна к пиратским независимо от флага и обстоятельств применения. Экипаж поголовно карается повешением или пожизненными каторжными работами». Вот не думала опять попасть под пятый параграф...

— Со мной вас всех ждет масса удовольствий и острых ощущений... — задумчиво сказал Сварог, выругав про себя отвечавшего за боеприпасы «Принцессы» Брагерта. Ну, в конце концов, не выбрасывать же за борт «желтоперки»?

На душе у него стало скверно. Беспокоила не засада как таковая, а выбранное для нее место — аккурат лигах в трех от того места, где беглецы вышли к реке. Снова совпадение? Бабушке вашей скажите...

Он взял подзорную трубу, раздвинул во всю длину. Дымки из тонких ниточек стали уже канатами.

Шесть больших пароходов стояли на якорях, развернувшись форштевнями против течения, навстречу беглецам, — внушительные военные корабли с двумя пушечными палубами, выкрашенные в бледно-зеленый цвет, чтобы сливались с волнами для взгляда далекого наблюдателя. Кормовых флагов Сварог не видел, однако и так не сомневался, что корабли — ронерские.

Пожалуй, были серьезные шансы проскочить с разгона меж любыми двумя и пересечь ронерскую границу, прежде чем крейсера снимутся с якорей. Паровая машина на «Принцессе» самую чуточку совершеннее харумских, уголь самый качественный...

Но мешает немаловажное препятствие — нынешний экипаж «Принцессы» не способен на лихие гонки. Кочегары из людей Сварога никудышные, они быстро устанут, и оторваться от крейсеров не удастся, и неизвестно, сколько еще засад впереди, а до моря — добрых полгоры тысячи морских лиг, то есть вдвое больше сухопутных... Харланская речная граница наверняка перекрыта еще тщательнее. Словом, все дороги ведут через Хелльстад...



Все это молниеносно пронеслось в голове у Сварога, пока «Принцесса», браво вспенивая воду, прошла полсотни морских уардов.

— Сигнальные флаги есть? — спросила тетка Чари.

— На веревках меж...

— На кораблях веревок нет, — машинально поправила она. — Тросы, линии, концы, штаги...

— В общем, флагов там только два вида, и оба клетчатые, — сказал Сварог. — Бело-черные и желто-черные.

— Понятно. Сигнал лечь в дрейф... или, учитывая, что мы на реке, — стать на якорь. Иначе будут топить.

— Да? — сказал Сварог. — Ну и хамье... Пусть догонят сначала. Поворачивайте, пора вновь переходить в кавалерию.

Над дымами поднимался синий шар — с одного корабля как раз запускали привязной аэростат. Он вдруг замер, как-то неуверенно дернулся — заметили, бя! «Принцесса» сбавила ход и начала поворот. Под форштевнем третьего слева крейсера что-то багрово сверкнуло, и небольшой предмет — то ли шляпка, то ли бочка — с шелестящим ревом понесся в сторону «Принцессы», оставляя за собой двойную полосу черного дыма, протянувшуюся над самой водой.

Сварог показал туда, на тетка Чари уже круто положила штурвал на левый борт. Впрочем, новейшее изобретение здешнего военно-морского гения резко замедлило ход, не достигнув цели — кончилось горючее.

Торпед здесь не было по причине отсутствия в обиходе винта. Но пытливая конструкторская мысль отчаянно искала лазейки, голь на выдумки хитра, и кто-то головастый додумался до брандера с ракетным двигателем. Запас топлива был невелик и моментально выгорал, управления не имелось никакого, и все же это оружие неплохо показывало себя, будучи примененным против крупных мишеней, стоящих бортом, на спокойной воде, на короткой дистанции. Однако встречное течение, как Сварог только что убедился своими глазами, враз притормозило «торпеду» и сбило с курса. Видимо, кто-то от излишнего рвения выпалил в божий свет, как в копеечку, не успев толком подумать.

Торпеда, уже не дымя и не грохоча, беспомощно качнулась на воде, течение подхватило ее и кормой вперед понесло к крейсерам. Теперь, когда именно к ним оказался обращен длинный шест контактного взрывателя с переключателем на кон-



це, там, должно быть, почувствовали себя неуютно — наставляла их очередь уворачиваться.

Нет, уворачиваться они не стали — слаженно грохнул залп носовых орудий, сразу же накрывший несчастную торпеду, и ее собственный заряд взорвался с нехилым грохотом, взмыл пенный фонтан, волна от взрыва кинулась догонять «Принцессу», но безнадежно отстала. «Принцесса» неслась на полном ходу, явственно задирая нос, как в переносном, так и в прямом смысле, крейсера, уже снявшиеся с якоря, маячили далеко позади. Шедарис, оказавшийся не у дел, торчал у перил по левому борту, далеко высунувшись над водой и глядя назад. Делия тоже смотрела назад с чрезвычайно азартным видом, словно спокойно сидела на ипподроме. Только Сварогу некогда было глазеть на погоню, он лихорадочно размышлял, гадая, есть ли у засады связь с конной погоней и сколько людей может оказаться у Арталетты. Там, на берегу, не удалось сосчитать хотя бы приблизительно. Вряд ли особенно много, не больше платунга. Большому отряду трудно передвигаться галопом, он неминуемо станет растягиваться, да и кормить коней, менять их большому отряду гораздо труднее...

— Ага! — воскликнула тетка Чари.

— Что? — очнулся Сварог.

Она показала на гребень обрыва, где торчал высокий столб, раскрашенный в красно-белую полосу:

— Помню я этот маяк. Сначала проглядела впопыхах, а теперь понятно, где мы есть (Сварог торопливо развернул перед ней карту). Вот тут примерно. Масштаб, правда, мелковат, но определенно мы где-то здесь...

— Отлично, — сказал Сварог. — Значит, до хелльстадской границы всего ничего.

— Тыфу ты, вот не думала, что придется мне такому факту радоваться...

— Между прочим, с капитаном Зо я познакомился как раз в Хелльстаде, — сказал Сварог.

— По реке-то и мы в Хелльстаде ходили, — вздохнула тетка Чари. — И на «Беспутной русалке», и на «Морском крокодиле». На воде безопасно, хоть и маячит по берегам... всякое. Иногда. А порой — одно сплошное благолепие, тишина и красивые пейзажи... Командир, не пора ли к берегу? А то впереди показалось что-то, ужасно смахивающее на дымки...



— Берег крутой, — сказал Сварог, напряженно вглядываясь в откосы. — Рано, коням не взобраться. Понесло же меня мерить реку в длину...

— Нужно же было рискнуть. Никто не знал про засаду.

— Положительно, господа, мне хочется подраться, — вмешалась Делия. — Бежим, бежим...

— У вас в этом мире другое предназначение, принцесса, — терпеливо сказал Сварог, не отрывая взгляда от берега. — Да и не стоит драться при таком соотношении сил, сплошной позор получится, право...

Дымки впереди росли, да и крейсера сзади не отставали. Сзади ударила пушка — опять-таки от чистого усердия, бомба впустую рванула над водой. Кони затоптали, прижимая уши. Наконец Сварог увидел справа вполне подходящее для конного десантирования место и показал туда. Склонился к переговорной трубке, заорал, надсаживаясь с непривычки:

— Глуши машину! Все наверх! Приехали!

Снизу высыпали перемазанные кочегары, крайне обрадованные окончанием аврала. Следом показалась Мара, тоже порядком припорошенная угольной пылью.

— Когда все сойдут, откроешь кингстоны, — бросил ей Сварог.

Не стоило смущать преследователей зрелищем парохода, раставившего подобно призраку. Так что «Принцессу» ждала участь крейсера «Варяг».

Пароход ткнулся скулой в берег. Проскрежетала якорная цепь, отчаянно затрещал кожух правого колеса — несколько плиц сломалось, но это уже не имело значения. Бони, не обделенный силушкой, в одиночку перебросил на берег тяжеленные сходни.

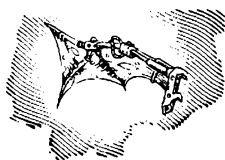
Высадка десанта проходила в бешеном темпе, но без всякой суматохи. Шедарис топтался у ракетного станка, ему ужасно хотелось пострелять напоследок, и Сварог его вполне понимал — довольно унижительно бежать столь долго, так ни разу и не огрызнувшись...

Оглянулся. Крейсер, подходивший сзади, дымил лигах в двух, а подходившие спереди были еще дальше. Ну не ждать же их специально, чтобы доставить себе удовольствие? Особенно если учесть, что пушек и ракет там не в пример поболее, и хватает своих азартных парней.



Решительным жестом Сварог приказал капралу убираться на берег. Тот подчинился, оглянувшись горестно на новехонький ракетный станок, так и не побывавший в деле. По сходням прочапал копытами последний конь, палуба опустела. Сварог кивнул, и Мара скрылась в трюме. Крейсер, пеня воду, целеустремленно пер к ним. Дымки впереди тоже приближались со всей возможной резвостью, но погоня, как ни понукали там кочегаров, оказалась в ремизе.

Из люка выскочила Мара, подняла большой палец. Столь знакомый жест, оказавшийся седой древностью таларского происхождения, отчего-то огорчил Сварога, и он грустно подумал, что капитаном ему довелось пробыть всего ничего. Но не было времени лелеять печали, палуба ощутимо кренилась, а он не собирался доводить капитанский гонор до абсурда, отправившись на дно вместе с кораблем. Подтолкнул Мару к трапу, схватил Доран-ан-Тег, сбежал на сухую каменистую землю, вскочил в седло. Над рекой пронесся тягучий шипящий свист снаряда, и неподалеку от уходящей под воду «Принцессы» взлетел белопенный столб — настырный крейсер из последних сил пытался достать, но безнадежно проиграл этот раунд.





ГРАФ, КОТОРЫЙ ЧТИЛ ТРАДИЦИИ

Сварог погнал коня наугад, ориентируясь по солнцу и забирая к хелльстадской границе, от которой их отделяло лиг пятьдесят. Странная Компания браво неслась в неизвестность, нахлестывая коней. Они долго скакали по перелескам и равнинам, ненадолго переходили на рысь и вновь пускались галопом. Сварог начал беспокоиться за коней, пора было дать им роздых, но тут показались наконец поля с пожухлой стерней, выгоны, окруженные заборами из толстых жердей, утопанные скотом дороги, а там и большая деревня в низине, за которой чернел на холме господствующий над окрестностями пятибашенный замок — три башни пониже, две повыше, вокруг подножия холма идет вторая, внешняя стена с бастионами.

— Это еще что такое? — удивился Сварог. — Стены... Он помнил, что лет сто назад кто-то из тогдашних Баргов, голубиной кротостью примерно равный Конгеру Ужасному, задумал извести под корень магнатские амбиции и в борьбе с буйной титулованной вольницей издал указ о сносе всех частных укреплений, проводя его в жизнь с помощью тех громохочущих штук, что и в этом мире истари считались последним доводом королей. За свои новшества в области архитектуры он удостоился в конце концов то ли мушкетной пули, то ли отравленного пудинга, но наследный принц, оказавшийся пареньком решительным, продолжил дело, и стены замков были



скрыты. Но этот, на холме, был укреплен по всем правилам, однако маловат для государственной крепости...

Делия поняла его недоумение:

— Здесь, в Заречье, на границе с Хелльстадом, Чоррийский указ не действовал. Стены и прочие укрепления местным дворянам разрешили оставить. На всякий случай, все-таки пограничье...

Сварог вспомнил свою знакомую хелльстадскую змеюку, подумал, что в Хелльстаде могут отыскаться твари и почище, с сомнением покрутил головой. Нет, стены — защита весьма проблематичная. Впрочем, есть еще Волчьи Головы...

— Если это поместье — здесь есть лошади, — сказал он. — Каковых можно купить... или обрести иными методами, в нашем положении вполне простительными.

— Золотые слова, — поддакнул Бони, погладив приклад пулемета.

— Замок — это еще и дружина, — рассудительно сказал Шедарис.

— А выбор у нас есть? — прищурилась Мара. — Любую половину дружины я беру на себя. Надеюсь, с другой половиной вы как-нибудь управитесь.

— За что я тебя люблю, так это за твою жизнерадостность, — сказал Сварог. — Оптимизм всегда достоин уважения... А посему едем к замку. Может, все обойдется миром...

И тронул коня, подумав мельком, что форма ганзейских матросов сейчас выглядит довольно нелепо — особенно если матросы эти движутся верхами в противоположном от реки направлении. Но не было времени на очередной маскарад. И вся надежда на дворянскую спесь, на то, что здешний хозяин поможет брату лауру скрыться от погони, — обитающие на захолустной границе сеньоры на многое смотрят иначе и проще, нежели утонченная столица...

Отыскав стежку, они въехали в деревню, еще издали чуточку удивившую их тишиной и полным безлюдьем. Только кое-где шмыгали кошки. Не видно ни людей, ни какой бы то ни было скотины, собачьи будки пусты, возле них валяются цепи с расстегнутыми ошейниками, ворота хлевов распахнуты, кое-где валяется оброненная впопыхах утварь — миски, кочерга, новый башмак...

— Ну, этого мы навидались, — хмыкнул Шедарис. — Они все ушли в замок. Но никакой противник сюда еще не наехал — все



дома целые, а наш брат солдат, попав во вражескую деревню, по детской резвости непременно что-нибудь да подпалит...

— Может, это они от нас спрятались? — предположил Паколет, браво подбоченившись в седле и стоя на стремянах, чтобы поберечь стертую задницу.

— Не переоценивай, дружок, себя... — хмыкнул капрал.

Сварог натянул поводья, достал из чехла подозрную трубу и стал обозревать замок. Фортиция выглядела готовой к серьезной осаде — широкий ров, окаймляющий холм, заполнен водой по самую кромку, мост опущен, но на стене над воротами внешней стены маячат двое с алебардами, и возле них лениво поднимается дымок над котлом со смолой. Тому, кто возьмет эту стену, придется немало повозиться и с замком — наступать нужно по довольно крутому склону, с умыслом засаженному высокой травой, даже на вид влажной, скользкой, а также зарослями колючего кустарника. А одно-единственное бревно, пущенное сверху, натворит дел, сметая шеренги наступающих, как кукол...

На внутренней стене курились тонюсенькие сизые дымки — похоже, иные стрелки вооружены старинными фитильными мушкетами. Кое-кто опирается на древки прадедовских алебард с огромными широкими лезвиями, вырезанными самым причудливым образом, со множеством шипов и крючьев. Но виднеются и современные мушкеты, и парочка пушек, а вон и пулемет лежит посередине зубца в форме ласточкиного хвоста...

— Там есть какой-нибудь флаг? — спросила Делия.

— Никакого, — ответил Сварог, не отрывая от глаза трубу.

Рядом с часовыми на внешней стене появился человек в отделанной серебром кирасе и рокантоне с высоким гребнем, украшенным вдобавок щеткой из лошадиных хвостов. Посмотрел на всадников, и, как это часто бывает, возникло ощущение, что они со Сварогом встретились взглядами. Сварог ждал, не опуская трубу, и его терпение вознаградилось: человек в кирасе обернулся к замку, взмахнул длинным мечом, и над главной башней взвился флаг с гербом. Следом толчками взвилось крайне странное знамя: три узких алых вымпела, три черных, три белых. Люди на стенах заорали, махая оружием.

Пожав плечами, Сварог передал трубу Делии:

— Взгляните, принцесса. Может, вам знакомы здешние народные обычаи? Я решительно теряюсь...



Делия трубу не взяла — длиннющие разноцветные вымпелы были отлично видны и невооруженным глазом. Глаза ее округлились, рот приоткрылся совершенно по-детски.

— Жизнь становится все интереснее... — покачал головой Леверлин.

— Да объясните вы! — рявкнул Сварог.

— Это рокош, — сказала Делия. — Старинная разновидность мятежа. Как бы освященного законом, понимаете? Вассал согласно древнему праву может поднять рокош против сюзерена. Сюзерен, разумеется, будет стараться его подавить, но людей бунтовщика в этом случае нельзя вешать без суда и следствия, а самого его следует судить непременно Судом Королевской Скамьи, и...

— Хватит, я уловил суть, — прервал Сварог. — Судя по вашему удивлению... Сколько веков уже не развлекались таким вот образом благородные дворяне?

— Лет триста или больше...

— Но юридически рокош не отменен, как и ваганум? — догадался Сварог. — Забавная вещь — юриспруденция...

— Я бы этих судейских сначала вешал, а потом разбирался, — проворчал Шедарис.

— Посмотрите лучше назад, господа, — безразличным тоном сказала тетка Чари. — Что-то там,далече, пыль подозрительно клубится, на фоне леса ее прекрасно видно...

— Вперед, — сказал Сварог, тронул коня и первым поехал меж домов, к дороге, упиравшейся прямо в подъемный мост. Когда до моста, сбитого из толстенных плах и окованного железом поперек, оставалось шагов сорок, на стене громынуло, и тяжелая мушкетная пуля звучно шлепнула в утопанную землю перед конем. Сварог тут же натянул поводья. Чутьочку подумав, извлек из седельной сумы баронскую корону вольного ярла, на всякий случай изготовленную по его заказу в последние дни пребывания в Равене, нахлобучил на голову. В сочетании с нарядом ганзейского капитана зрелище, должно быть, оказалось презабавное, но на стене молчали — возможно, здешний бесхитростный провинциальный народ видывал баронов во всяких обличьях и был наслышан о превратностях жизни и ее крайней сложности, выражавшихся в самых диковинных примерах.

Человек в кирасе и рокантоне нагнулсся над зубцом, внимательно изучая Сварога. Сварог тоже смотрел во все глаза. Те-



перь он видел, что хозяин замка совсем молод, даже юн, а старым показался издали из-за буйной черной бородачи (надо сказать, по-юношески реденькой, хоть и длинной).

— Назовитесь, — сказал чернобородый.

— Барон Готар, вольный ярл, — сказал Сварог.

— Сказать по правде, лаур, когда я в прошлый раз, год назад, видел вас в Равене, вы были потолще и омерзительнее рожей, ничуть на себя нынешнего не походили...

— Ничего удивительного, лаур, — сказал Сварог. — Вы видели прежнего барона, а я — нынешний.

— Наследник?

— Как сказать... — пожал плечами Сварог. — Вам про вагунум доводилось слышать?

Чернобородый просиял:

— Лаур, рад встретить дворянина, соблюдающего славные обычаи и старинные традиции! Прежний барон был страшной скотиной... Я — граф Сезар. Готов пригласить вас в гости, но обязан сразу предупредить: я в рокоше, и вы рискуете...

— Предоставляя нам гостеприимство, граф, вы рискуете еще больше, — вежливо сказал Сварог, оглянувшись. Погоня была еще далеко. — На нас объявлен шаррим, да будет вам известно...

— Хур Симаргл! Все верно — три дамы, одна как две капли воды похожа на принцессу... Только мужчин не четверо, а пятеро. Прошу в замок, господа! Вы у друзей! Это не за вами ли скачут? Пыль столбом у леса...

— За нами, — скромно сказал Сварог.

— Великолепно! Просто превосходно, клянусь перьями из хвоста Симаргла! В замок! Эй, шантрапа, пропустите этих дам, этих господ и поднимайте мост! Хур Симаргл, дождались, наконец появился и неприятель!

Сварог проехал в ворота, спрыгнул с коня и повел его вверх, к замку. Странная Компания въехала следом, и люди графа налегли на огромные рукоятки воротов, заскрипели цепи.

— Великолепно! — восторгался граф, шагая рядом со Сварогом и от возбуждения то и дело забегая вперед. — Наконец-то будет осада! Вы не поверите, барон, я объявил рокот еще двое суток назад, но власти самым возмутительным образом это игнорировали. Сегодня утром я не вытерпел, посадил ребят на коней, мы поскакали в Илки, выпороли бургомистра, спалили архив, а с ним по случайности и всю ратушу, разогнали габеларов, выпустили вино из бочек, осквернили гербовый столб...



И что бы думаете? Никто так и не нагрязнул. Все, должно быть, заняты вами. Следовало бы обидеться и вызвать вас на поединок, но вы, во-первых, мои гости, во-вторых, ищите убежища, а в-третьих, наконец-то притащили на хвосте людей короля, и теперь-то им от осады не отвертеться, начнется веселье!

— Простите, граф, а из-за чего вы, собственно, объявили рокош? — осведомился Сварог осторожно.

— Но, барон! — удивился граф. — Неужели непременно нужно иметь причину? Какие пошлости, право! Настоящий дворянин обойдется без всяких крючкотворств. Рокош — старинная привилегия дворянина, и этого достаточно! В один прекрасный день я спохватился, что прожил на свете двадцать лет и успел воспользоваться всеми привилегиями дворянина, даже такими забытыми, как «седьмой жбан пива» и «исцеление старух рукавицей» — всеми, за исключением рокоша. Нужно было что-то предпринимать. Я вас удивил, барон?

— Ну что вы, я уважаю людей с твердыми принципами... — сказал Сварог. — Могу вас заверить, осада выйдет первосортная. За нами гонятся синие мушкетеры, на реке стоит несколько крейсеров, и вся эта орава не замедлит обложить замок. Вам следовало бы все взвесить...

— Мне не хотелось бы нарушать законы гостеприимства, барон, но если вы и далее будете подвергать сомнению серьезность моих намерений, может дойти и до дуэли...

— Я умолкаю, — сказал Сварог.

— Вам нужен приют или у вас иные планы?

— Иные, — сказал Сварог. — Нам нужно немного отдохнуть и скакать дальше.

— Никаких сложностей, барон. Лошадей я вам дам, их у меня много, с темнотой выпущу подземным ходом. Ход длинный, в половину лиги, и до сих пор не раскрыт. Выходит в лес, вы ускользнете, как король Шого, проверено предками на опыте... А куда вы направляетесь, можно ли узнать?

— Тут недалеко, — сказал Сварог. — В Хелльстад.

Граф не удивился:

— Великолепно, клянусь ушами Симаргла! Пока мы с вами живы, рыцарство не умерло. О причинах, влекущих вас в Хелльстад, я не спрашиваю — они достаточно вески, коли уж на вас объявлен шаррим. Будьте покойны, дворянин не задает лишних вопросов, особенно каталаунский... — Он оглянулся. — Ваша спутница и впрямь похожа на принцессу Делию,



вот только в глазах нет конгеровской наследственной блудливости, как у настоящей...

Сварог обернулся как раз вовремя, схватил под уздцы коня Делии, которого она успела повернуть к воротам:

— Принцесса, умоляю вас!

— Возможно, граф, вам только нравится, когда ваш взгляд называют блудливым, — ледяным тоном произнесла Делия, тщетно пытаясь вырвать у него повод. — Но я такого слушать не намерена.

— Барон, так вы еще и граф? — поднял брови Сезар. — Успокойтесь, милочка, я имел в виду не вас, а настоящую...

— Она и есть настоящая, — устало сказал Сварог.

Вот тут Сезар удивился по-настоящему:

— Господа, вы меня решительно сбили с толку... Должен честно предупредить, что быстрота мышления в число наших фамильных достоинств никогда не входила...

— Это видно, — безжалостно сказала Делия.

— Ну ничего не понимаю... — Он обеими руками сбил ро-кантон на затылок и погрузил пальцы в буйную шевелюру, не-милосердно ее терзая. Вскоре просиял: — Ага, начинаю соображать! И шаррим с ясного неба, и все остальное... Неужели фейт? Давненько у нас такого не случалось...

— Угадали, — чтобы избежать лишней болтовни, сказал Сварог, умоляя Делию взглядом умерить гордыню и помалки-вать. Она возмущенно отвернулась. — Граф, мы обязаны были хранить молчание, вы понимаете...

— Ни слова более! Я вас понял, барон.... граф...

— Милорд, — сказал Сварог, чтобы добить его окончательно.

— Милорд? Понятно, — сказал граф ошарашенно, явно оставив все попытки хоть что-то понять. — Шаррим, рокош, фейт — одновременно?! Господа, в какое интересное время мы живем! Прошу в замок, лауры... — И он уставился на спутников Сварога, явно пытаясь сообразить, сколько еще среди них переодетых милордов и принцев. Сокрушенно вздохнул: — Еще раз простите, принцесса, за необдуманные слова, я как-никак в рокоше, вот и положено осыпать ругательствами короля и весь его род, традиция требует... Можно ли мне осведомиться, по какой причине вы объявили фейт?

— От скуки, — безмятежно сказала Делия. — Принцесса не обязана искать причины, вам не кажется?

— Великолепно! — восхитился Сезар. — Ответ, достойный крови Баргов! Могу ли я считать себя вашим верным рыцарем?



Леверлин хмуро уставился на него, Сезар моментально все понял и больше в верные рыцари не навязывался. С надеждой покоился на Мару, но та гордо показала язык. Попытка ожечь взглядом тетку Чари была пресечена зверским взглядом капрала.

Сварогу давно уже казалось, будто чего-то недостает, привычного и естественного. Наконец он сообразил: в отличие от прошлых приключений, сейчас в нем не опознавали на каждом шагу прежнего графа Гэйра, и ему больше не было нужды рассказывать свою историю — жаль, только начал привыкать и втягиваться...

Кованая решетка у входа в замок была поднята, и ее острые концы зловеще нависали над самыми головами, когда они проходили под аркой ворот. Внутренний двор оказался просторнее, чем выглядел снаружи. В загонах сгрудился крестьянский скот, а его владельцы толпились тут же, вооруженные чем попало. И особенного боевого пыла Сварог на их лицах не усмотрел — только извечное крестьянское терпение. Но видно было, что юный сеньор давно приучил их к любым неожиданностям.

— Говядины полный замок, — пояснил на ходу Сезар. — В замке есть подземный колодец, пороховой погреб набит по самую крышку. Так что просижу я здесь, пока самому не надоест. Обещал еще подойти отец Грук, смиренный слуга Едино-го, лесной отшельник со своей паствой...

— Не с той ли, что живет под волчьей головой? — спросил Сварог.

— Здесь, в Заречье, мы на многое смотрим терпимее, — сказал Сезар. — А среди Волчьих Голов и в самом деле хватает вполне приличных людей, загнанных под зеленый флаг не страстью к разбою, а житейскими обстоятельствами. Хотя и откровенных душегубов, конечно, полно. Каталаунский Хребет, что вы хотите. Сам святой Катберт в свое время сказал, что к здешним обитателям не стоит подходить с обычной меркой... Паства отца Грука обожает подраться, не особенно и заботясь о поводах, так что рад буду вскоре узреть родственные души. Нужно же, чтобы рокош вышел, как следует, чтобы не пришлось потом краснеть ни перед соседями, ни перед судом, чтобы предки в гробах не ворочались... Прошу в башню, господ, повара с утра стараются, как каторжные, а вы, должно быть, проголодались...

К нему подбежал дружинник в начищенной кирасе и азартно зашептал на ухо.



— Поздравляю, господа, началось, — сказал Сезар. — К воротам уже прискакала какая-то банда, именующая себя синими мушкетерами. И командует ими, по определению моего верного оруженосца, смазливая черноволосая девка. Одеты, правда, как настоящие синие мушкетеры... Пойду взгляну.

— Я с вами, — сказал Сварог.

— Подождите, я тоже. — И Делия шепнула на ухо Сварогу: — Вдруг удастся ей что-то объяснить...

— Попробуйте, — сказал Сварог. — Но что-то не верится...

Они поднялись на внешнюю стену по каменной лестнице без перил. У ворот, с той стороны, топтались десятка два синих мушкетеров. Их кони выглядели свежими — явно меняли где-то неподалеку.

— Прикройте пока лицо, — сказал Сварог Делии, и она низко надвинула бадагар.

Сезар прорычал вниз:

— Ну, хамье, какого рожна приперлись?

Оскорбленные дворяне ответили дружным ревом, но Арталетта подняла руку в красной замшевой перчатке, и все моментально умолкли. Сварог констатировал, что черноволосая красотка неплохо управляется с буйными гвардейцами. И вежливо раскланялся с ней, снявши бадагар.

Она смотрела на Сварога внимательно и недобро — должно быть, знала о нем больше, чем хотелось бы. Какое-то время они мерились взглядами, и ее прекрасные синие глаза Сварогу крайне не понравились — таилось там что-то дикое, жестокое, непонятное, прежде Сварог ее такой не видел. Чтобы внести ясность, произнес про себя должное заклинание — и растерянно пожал плечами.

Вокруг ее стройной фигурки, затянутой в полковничий мундир, зловеще чернел странный ореол, напоминавший гирлянду причудливых снежинок, — совершенно непонятный, неизвестно что означавший. Примерно так Сварог чувствовал себя когда-то в Монголии, ради развлечения тыкая пальцем в клавиши компьютера и тупо взирая на сменявшие друг друга таблицы, желтые на черном, то ли просившие что-то сделать, то ли прилежно о чем-то докладывавшие — на английском, с которым он был не в ладах...

Примерно так было и сейчас, разве что теперь он был трезв. Одно различие: он не знал, что видит, но не сомневался, что витающая вокруг Арталетты аура связана с самым черным злом.



Слишком много непонятного — столько, что перестаешь его опасаться...

Арталетта потрянула головой, отбросив на спину повисший на шнурке форменный бадагар. И крикнула:

— Немедленно опустить мост и сложить оружие! Именем короля!

Сварог покосился на Сезара. Граф был великолепен. Он тщательно оправил кирасу, водрузил на голову рокантон так, чтобы его гребень был строго перпендикулярен земной поверхности, величественно скрестил на груди руки в кольчужных рукавах и невыносимо долго держал паузу, доводя всадников до белого каления. И, на миг упредив раскрывшую было рот Арталетту, звучно заговорил:

— Милая девица, если вы хоть немного разбираетесь в геральдике и сопутствующих ей дисциплинах, равно как и в старинных традициях благородного дворянства, вам следовало бы давно понять, что водруженный над сим замком вымпел рокота прямо-таки обязывает нас отнестись и к отдаваемым от имени короля приказаниям, и к нему самому без малейшего почтения. Совершенно, я бы сказал, наплевательски. Я готов пропустить в замок вас одну, если только не заломите за ваши услуги чересчур дорого.

Она сдержалась невероятным усилием воли. Побледнев от злости, выговорила холодно:

— Я — Арталетта, герцогиня Браг, полковник Синих Мушкетеров. Полагаю, это имя известно и в вашем захолустье? Именем короля приказываю сложить оружие и сдаться. Люди, стоящие рядом с вами, — государственные преступники, злодеи короны...

— Помилуйте, я сам вот уже третий день — государственный преступник и злодей короны, — сказал Сезар. — Объясняю вам внятно и разборчиво: я тут объявил рокош согласно исконным вольностям. А посему на короля нам плевать. И чихать тоже. И даже, я бы сказал... ну, вы поняли. Если вы в самом деле дворяне, ведите себя, как положено. На штурм, господа, на штурм!

— Не пройдет и часа, как вам предоставят это удовольствие.

— Вот и прекрасно! — захохотал Сезар. — К чему тогда лишняя болтовня?

Сварог придвинулся к Делии, встал так, чтобы моментально заслонить ее при нужде, тихо предложил:



— Ну, попробуйте...

Делия сдвинула бадагар на затылок, она волновалась. Арталетта что-то тихо приказала своим, Сварог насторожился, переглянулся с Сезаром. Тот легонько хлопнул по спине пулеметчика. Пулеметчик кивнул, не оборачиваясь.

— Алетта! — громко сказала Делия. — Я могу доказать, что я — настоящая, могу вспомнить все, что знаем только мы с тобой, начиная с детства...

Мушкетеры вдруг развернули коней, уносясь прочь. Арталетта подняла руку с пистолетом, но Сварог загородил Делню, и пуля ушла неизвестно куда. Он выхватил из-за пояса два своих пистолета, выстрелил вслед. Стена окуталась дымом — строчил пулемет, вразнобой грохотали мушкеты, свистели арбалетные стрелы. Двое всадников вылетели из седел. Третий упал вместе с лошадьёю. Остальные унеслись под защиту ближайших деревенских домов.

— Я же говорил, — сказал Сварог Делии. — Не стоило пытаться.

— Не могу верить, что она хотела меня убить...

— А если она не верит, что вы — это вы? И если она — уже не совсем она?

— О чем вы?

— Потом...

Сезар, совершенно их не слушавший, торжествовал:

— Почин есть, милорд! И счет, хур Симаргл, в нашу пользу! Ах, ты, еще ползет...

Он выхватил пулемет у дружинника. Сварог глянул в поле. Тот, что упал с конем, пытался отползти, упираясь локтями и волоча ноги.

— Подождите, — Сварог отвел пулеметное дуло. — Как насчет пленного, граф?

— Мне он совершенно не нужен. На данном этапе осады. Что он может знать?

— Зато мне он весьма пригодился бы. Он же из тех, кто за нами гнался.

— Ах да, я не сообразил. Быстрота мышления не входит... Эй, опускайте мост! Волоките сюда этого обормота! Интересно, кем меня пугала герцогиня? Неужели королевские войска уже подходят? Быстро что-то. В округе имеется егерский полк и сотня конных габеларов, а это убого. Ни егеря, ни габелары штурму крепостей не обучены.



— Я же говорил, что на реке стоят крейсера, — сказал Сварог. — Если они снимут с кораблей команды и пушки...

— Простите, милорд, но вам определенно не приходилось ни штурмовать замки, ни защищать их... Моряки, ха! Если у них на борту есть морская пехота, дело осложнится. Если же нет — я настроен наплевательски. Как они притащат пушки? Коней, допустим, соберут по окрестностям, ладно, но где взять упряжь для перевозки пушек? И потом, у половины корабельных орудий вообще нет колес, а у другой колеса крохотные, ничуть не подходящие для перевозки по суше. Матросы брать замки не обучены, жалкое выйдет зрелище, если они рассчитывают только на крейсера...

Каким бы чудачком граф ни выглядел, военное дело он знал, и тенью следовавший за Сварогом Шедарис посмотрел на Сезара не без уважения. А похвалы капрал раздавал скупое.

Вернувшись во внутренний двор, Сварог уже не увидел ни своих людей, ни лошадей.

— Вступило в действие знаменитое гостеприимство Сезаров, — сказал граф. — Ваннхих комнат у меня целая куча, благодаря артезианским колодцам. Вон та башня в полном вашем распоряжении, два десятка комнат, размещайтесь, как привыкли. А подземным ходом я вас выведу меж ночью и рассветом, в Час Лешего, когда дрыхнут самые рьяные караульные и меж стенами ползет туман вперемежку с видениями...

— Ход надежный? — спросил Сварог.

Граф блеснул великолепными зубами:

— Милорд, вы недооцениваете Сезаров! В старые времена, признаться, иные из них развлекались на королевских трактах... Ход выложен камнем, есть вентиляция, совершенно незаметная снаружи, и выходит в симпатичный крутой овраг, сущее ущелье. А овраг этот тянется в лес еще лиги на три. Предки все предусмотрели. Вы уйдете отсюда, словно святой Рох по водам с острова Снимуре, тихо и безопасно. Позвольте представить — моя милая супруга. Не знаю, что бы я делал без ее вдохновенной поддержки. Дорогая, это... барон Готар. У него срочные дела в Хелльстаде, так что он, увы, не сможет погостить подольше.

— Рада вас видеть, барон, — сказала графиня чуть застенчиво. — Извините, не можем вас принять, как должно, с фейерверками и крестьянскими плясками на лугу, муж, как видите, в ссоре с королем, предстоят хлопоты...



Ее ничуть не удивило, что Сварог собирается в Хелльстад — должно быть, окружавшие ее мужчины на мелочи не разменивались, и безумная удаль считалась здесь нормой поведения.

— Пришел отец Грук, и с ним — сорок человек, — сказала она мужу. — Я их разместила на заднем дворе. Сегодня штурм будет?

— Сомневаюсь, — фыркнул Сезар. — Пойдемте, милорд, познакомлю вас с лесным пастырем.

Лесной пастырь сидел на перевернутой корзине и расправлялся с жареной индейкой — только жалобно похрустывали птичьи косточки. Он был лет на десять постарше Сезара, на локоть повыше, шире вдвое, чревом превосходил втрое. Мускулами не обижен, крайне жизнерадостная физиономия, румяная от здорового лесного воздуха, шрам на щеке. Рядом, прислоненная к бочке, стояла дубинка длиной с оглоблю, наполовину окованная стальными кольцами — да и железный массивный крест, висевший на цепи, способной удержать волкодава, в два счета можно превратить в жуткий кистень, стоит снять с шеи.

Вокруг расположились дюжие молодцы в зеленых кафтанах и кожаных каталанах, с длинными сложными луками, короткими мушкетами, мечами и чапагами — маленькими топориками на длинных топорищах, пригодными и для рубки, и для гойкара. Все усердно жевали мясо, черпали из бочки нэлыг и держались с веским спокойствием тертых ребят, прекрасно знающих, ради чего их созвали. Тут же лежали пять-шесть гланских ладаров — пепельных, поджарых псов, похожих на догов, зорко следивших, как оголяются от мяса наиболее прищипанные косточки.

— Отец Грук, смиренный лесной пастырь, — сказал граф. — А это барон Готар, он направляется в Хелльстад, у него там срочные дела.

Отец Грук что-то благодушно проворчал, швырнул ближайшему псу остатки индейки и вытер руки о подол рясы:

— В Хелльстад так в Хелльстад. Не удивляйтесь, барон, что я так спокойно принял известие о цели вашего путешествия. Если рассуждать философски, Хелльстад есть непреложная реальность, принадлежащая нашему миру, и нет ничего удивительного в том, что он служит конечной целью чьего-то путешествия. Правда, я впервые вижу человека, у которого там срочные дела. Сам оборот удивляет — «срочные дела»... Все остальные, с кем мне доводилось общаться, употребляли другие обороты,



и многие честно говорили: совершить бы наспех хоть что-то героическое да побыстрее унести ноги. Бывало, и уносили. Иные, кому особенно везло, уносили ноги вместе с головой.

— А что, бывало — и по отдельности? — спросил Сварог.

— Ого! — серьезно сказал отец Грук. — В позапрошлом году один лихой бедолага вышел оттуда, неся свою забубенную головушку в руках. И в зубах головушка держала кошель с золотом. Лиги четыре прошагал, прежде чем свалился. Видите вон того верзилу? Сейчас-то соколом смотрит, а в тот день, узревшиэтакого путника, сидел на верхушке дуба и щелкал зубами на весь лес. Уж я-то точно знаю, ибо сидел на соседнем суку и зубами щелкал не тише, хотя в наших местах полагалось бы ко всему притерпеться. Золото мы потом забрали, какую, хелльстадское — не обязательно дьявольское, самые настоящие монеты оказались, только ужасно старые, иных даже ювелиры не опознали... Вам туда непременно нужно?

— Увы,— сказал Сварог. — Дела. Что поделать.

— Топорик у вас интересный, право... — он глянул цепко, умно. — Ну, да чего только с собой не таскает проезжий народ... Сам бы охотно сходил с вами, столько лет рядом живу, да так ни разу и не собрался. Да паству мою никак не уговорить, а в одиночку неудобно как-то. Бог даст, выберусь. Как только поднакоплю решимости на славный подвиг. Есть там, если верить слухам, заброшенная церквушка, а в ней, по тем же слухам, сам святой Сколор оставил знаменитый свой посох, которым во времена оны выгнал всю нечистую силу из Горрота...

— А она опять поналезла, — буркнул Сезар, зачерпнул из бочки нэльга себе и Сварогу, и они уселись на корзины. — Да, барон, пленный-то ваш помер, едва принесли... Вот я и говорю: ваш святой Сколор нечистую силу выгнал, а она опять набилась во все щели, стоило святому уйти подальше...

— Все оттого, что люди не почитают Единого Творца и поклоняются созданиям, незаслуженно именуемым богами, — сказал монах. — Взять хотя бы вас, граф. С вашим крылатым псом. Ну зачем вам, человеку умному, сей богомерзкий кумир?

— А когда он существует! — запальчиво сказал граф. — Я его сам видел.

— Это еще не значит, что ему нужно поклоняться, как богу. Вы еще перед моими песиками падите ниц, они ведь тоже существуют, а при случае цапнут почище Симаргла...



— Отец!

— Граф!

Но препирались они, видно было, насковзь привычно, с добродушной терпимостью старых знакомцев, давно оставивших надежду друг друга переубедить. Сварог вдруг сообразил, что ничегошеньки не знает о Хелльстаде. Одни общие фразы, из-за крайней расплывчатости не позволявшие даже испугаться, как надлежит. А его собственный визит туда не одарил ни особыми ужасами, ни глубокими познаниями...

— Послушайте, — сказал он. — Старая церковь, вы говорите? Но, насколько я знаю, Хелльстад изначально был страной зла, а церковь означает, что когда-то и там шла самая обычная жизнь...

— В этом-то и суть пробелов в сегодняшних наших знаниях, — сказал отец Грук. — Никто не знает в точности, как обстояло до Шторма. Сплошь и рядом никто не знает также, что имели в виду авторы иных древних хроник — какие их иносказания следует понимать буквально, а какие так и останутся иносказаниями, чей подлинный смысл забыт начисто. Сам я давно подметил одну любопытную закономерность: в Хелльстаде, голову даю на отсечение, слишком многое слишком часто меняется. Люди, проходившие по одним и тем же местам, описывают их совершенно по-разному. Географические ориентиры — горы, реки — остаются прежними, а вот обитатели меняются разительно. Что решительно противоречит доброй старой сказочной традиции, по которой, скажем, обитающий у ручья с медными берегами дракон так у этого ручья и останется, пока его не укокошат. Но чтобы дракон вдруг откочевал куда-то, а берега из медных вдруг стали хрустальными и к ним перебрались болотные хохотунцы — такого в сказках не водится. Я, понятно, чисто умозрительные примеры привожу.

— Но ведь Хелльстад — не сказка, — сказал Сварог.

— Тем более! Все должно подчиняться определенным законам, даже магия и заколдованные страны. А когда законы, как выясняется, не действуют...

— Тогда? — жадно спросил Сварог.

— Тогда приходится признать, что загадку нашим скромным разумением не одолеть, — вздохнул отец Грук. — И нужно идти самому, проверять рассказы и гипотезы, но поди ты выбери время, да и храбрости следует поднакопить. И насущной жизненной необходимости в этакое вояже пока что нет...



— А легендарный посох?

— Чтобы наложить руку на этот посох, надо кое в чем не уступать его прежнему хозяину...

— Да, насущная жизненная необходимость... — вздохнул Сварог, вставая. — Пойду я, пожалуй, к своим людям. Не проводите, граф?

— Ну конечно, пойдёмте.

Когда они отошли шагов на двадцать, граф покрутил головой.

— А ведь не вытерпит, пойдет в Хелльстад. Давно уже собирается с духом... Честное слово, и я с ним пойду. Если уцелею после всего этого. Умная голова отца Грука давно оценена, теперь и со мной то же будет. Старые предания гласят, что в Хелльстаде удачи добивался главным образом тот, кому в большом мире терять было совершенно нечего. Правда, удача эта может выпасть двоякой, неизвестно, к добру или к худу — если не врут насчет хелльстадского короля, если он в самом деле есть и большой мастер искушать... Вон туда, видите вход?

Сварог вошел в башню. Там было чисто, подметено, висели на крюках вдоль лестницы керосиновые лампы, пол устилали грубые домотканые половики. В общем-то, замок — жилище уютное, если за ним следить. И жить там, где не бывает зимы.

Он стал подниматься по лестнице, пробуя тяжелые двери. Две оказались запертыми, третья отворилась.

Леверлин, Делия и Шедарис сидели за столом, с полководческим азартом водя пальцами по огромной карте. Мара, засунув ладони под ремень, критически разглядывала огромный неуклюжий арбалет на стене и моментально обернулась на едва слышный скрип двери.

— Военный совет? — спросил Сварог.

— Разговор о странностях бытия, — ответил Леверлин.

— И где же вы их усмотрели?

— В нашем нынешнем положении.

— А что, в нем есть странности? — хмыкнул Сварог. — Вот не замечал, по-моему, все ужасно буднично...

— Они дело говорят, — Мара взяла подзорную трубу и принялась смотреть в окно.

Сварог сел, спросил уже серьезно:

— Какие странности вы видите, господа мои, и где?

— Очень странно как-то нас ловят, — сказал Леверлин. — Мы с принцессой дворяне и в военных делах обязаны художественно разбираться. А у капрала огромная практика.



— Видели бы вы, как наш платунг ловили во время Таромайской войны, — не без самодовольства сообщил капрал. — Мы, надо сказать, были не без греха — сперли кое-что из княжеской сокровищницы. Между прочим, так и не поймали, иначе бы я тут не сидел... Так вот, там я впервые и понял, какая сложная и коварная вещь — толково поставленная облава. А Таромай, между прочим, — паршивенький Вольный Манор...

— Итак, — нудным профессорским тоном начал Леверлин. — Мы вчетвером долго все обсуждали и пришли к выводу, что ловят нас крайне бездарно. Против нас — могучая государственная машина с опытными тайными службами, хорошей полицией, телеграфом и другими средствами связи. И тем не менее к объявленному шарриму весьма подходит унижительное определение «пресловутый». Конечно, большую часть пути мы прошли без дорог, лесами, обходя крупные города и гарнизоны. Но оказались у самой границы, так и не увидев признаков грандиозной облавы. Здесь, в Заречье, и вовсе царит сонная тишина. А такого не должно быть. Места отнюдь не идиллические — контрабандные тропки, поблизости — четыре границы. Насколько помнит принцесса, в Правом Треугольнике размещены самое малое пять егерских полков — опытные, хваткие головорезы, привыкшие гонять контрабандистов и разбойников. Я не специалист, но за двадцать минут набросал план, вызвавший полное одобрение капрала, — поднять воздушные шары и планеры, рассыпать по лесам егерей, выставить на трактах и лесных тропах конные дозоры с собаками, посты на господствующих над местностью высотах. Это мы идем по незнакомым нам местам, а егеря и пограничные габелары знают здесь каждый кустик...

— Может, они из-за шаррима сидят по казармам? — спросил Сварог.

Делия ответила вопросом:

— А вы стали бы полагаться в игре с такими ставками исключительно на кучку мушкетеров, пусть и наделенных странной способностью неотвязно идти по следу?

— Пожалуй, нет, — признался Сварог.

— Вот видите, — сказала Делия. — Это не похоже на отца. Он ни за что не допустил бы подобного безобразия. Дело тут не в семейной гордости, просто я знаю, на что способны его генералы и протекторы. Мы бы не дошли до реки... — Она внимательно посмотрела на Сварога. — Ну, вы ведь тоже так подумали?



— О чем?

— Что отца уже нет, а вместо него... ч т о-т о...

— Была у меня такая мысль, — сказал Сварог. — Но я ее по размышлении отбросил. Даже если на месте вашего отца... нечто, не обладающее умом и волей, остаются те самые генералы и протекторы, люди опытные. Что, их тоже всех подменили?

— Вот и я им говорю, — сказал Шедарис. — Ситуация в точности отвечает старой солдатской мудрости: «Слушаю, но не исполняю». Приказы, быть может, и поступают исправно, но никто не торопится их выполнять. Пару раз по нам пальнул крейсер, вот и все.

— Вот что, господа мои, — сказал Сварог. — Все это — зряшная гимнастика для ума. Как бы мы ни изощряли свои пытливые недюжинные мозги, загадку эту нам не разгадать. И все эти дискуссии положения нашего не облегчат. Правда, и не отяготят. И на том спасибо... Уж лучше будем отдыхать. Выезжать придется до рассвета.

— Словом, не будем искать короля Шого, — не оборачиваясь, бросила Мара через плечо. — Ага, пылит что-то на горизонте, но слишком далеко пока...

— Послушайте, кто такой король Шого? — спросил Сварог. — «Исчез, как король Шого»... «Искать короля Шого»...

— Попусту тратить время, — пояснила Мара. — Искать короля Шого — заниматься заведомо бесполезным делом.

— А в чем тут соль?

— Плохо же вас учили истории, милорд, — улыбнулась Делия. — Около двух тысяч лет назад король Шого создал могучую державу, занимавшую около двух третей Харума. Даже, кажется, успешно очищал Ямурлак от нечисти — тогда в Ямурлаке ее водилось множество... Король исчез средь бела дня, когда шел из тронного зала, чтобы сесть в карету. Дворец в Аррахе сохранился до сих пор, я там бывала, туда до сих пор заходят любопытные. Прямой коридор без окон поворачивает под прямым углом, тянется уардов двадцать и выходит на крытую галерею, откуда во двор ведет лестница. Король прошел мимо стоявшей у поворота стражи, свернул за угол, но на галерее, где ждала свита, так и не появился. Коридор — сплошной камень, без окон, дверей, потайных ходов и люков. Загадка... В свое время ею интересовались даже лары, но ничего, насколько мне известно, не обнаружили. Король словно растворился в воздухе. Иные некроманты клялись, что им удалось вызвать душу короля, но каждый раз оказывалось, что они лгали...



— И версий за две тысячи лет набралось на приличную библиотеку, — сказал Леверлин. — Одна беда — ни одна проверка не поддается...

— Идут, — возвестила Мара. — И не вижу я что-то в их стройных рядах боевого задора...

Сварог подошел, взял у нее трубу. Из-за леса показался пеший отряд человек в триста. Красные мундиры, расшитые на груди черной тесьмой, а по рукавам — белой, черные лангилатаны с узкими полями, отделанные медью. Матросы с крейсеров. Впереди, как и положено, шел командир, сверкая золотым шитьем. Ехавшая рядом Арталетта что-то горячо ему втолковывала, то и дело нагибаясь с седла, а он шагал темнее тучи, хмуро уставившись в землю. Пушек при отряде не было.

— Ну, это несерьезно, — сказал Сварог. — Пожалуй, нашего хозяина даже обидит такая пародия на штурм... Пойду отдохну. Кто знает, где мои командирские покои?

— Пошли, — сказала Мара.

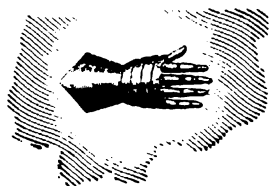
Когда они вышли на лестницу, на внешней стене бахнула пушка — граф Сезар радостно приветствовал визитеров.

— А не попахивают ли эти странности родным восьмым департаментом? — задумчиво сказал Сварог.

— Вряд ли, — мотнула головой Мара. — Давай уж и дальше рассчитывать исключительно на себя... Между прочим, в твоей комнате отличная ванна, я уже поплескалась. Вода, правда, чуть тепленькая, ну да нам, бродягам, не привыкать. А на полу совершенно великолепные медвежьи шкуры, ничуть не облысевшие, мечта юной девы.

— Послушай, юная дева, а если кто-нибудь ввалится? Мы в осажденном замке как-никак, — сказал Сварог, чтобы подразнить ее, он и сам сгорал от нетерпения.

— Там засовы внутри. И я всех предупредила, что командир будет занят разработкой стратегических планов. Иди купайся. Вино на столе, штопор на подоконнике, юная дева, как легко догадаться, будет на медвежьих шкурах.





Глава 5



ГАДАНИЕ В ЧАС ЛЕШЕГО

Впереди шагал граф Сезар с керосиновой лампой. Следом шел Сварог, ведя под уздцы коня. Древние Сезары и в самом деле умели обустраиваться — ни один камень не выкрошился из старинной кладки, сверху через равные промежутки падали тоненькие лучики алого света (который Сварог простоты ради до сих пор именовал про себя лунным), вяло прохладой. Копыта коней бесшумно ступали по выложенному войлоком полу. С поверхности земли не доносилось ни звука. Осада и в самом деле обернулась чистой комедией. Моряки расположились в деревне под защитой домов и время от времени вяло постреливали из мушкетов — их командир не был идиотом и не собирался бросать их на убой. Иногда появлялась Арталетта, бесившаяся от злости, что легко можно было определить даже без помощи подзорной трубы. Ближе к вечеру притопало две роты пехотинцев в синих мундирах, с легионными значками. За ними подъехали четыре упряжки с орудиями — но это оказались не осадные жерла, а обыкновенные полковушки. И боевого духа осаждающим прибытие пушек не добавило — как и появление двух верховых в раззолоченных чиновничьих вицмундирах (судя по перьям и позументу на высоких виклерах, не ниже пятого класса). Сановники с безопасного расстояния обозрели замок, посовещались с Арталеттой и обоими командирами, отбыли и больше не показывались. Четыре пушки стали изредка постреливать по воротам внешней стены, из-за малого своего калибра не причиняя урона. Сварог окончательно убедился, что



Сезар — чудака весьма прагматичный и предусмотрительный, а затеянный им рокош так и не перерастет в кровавую бойню. Как выяснилось, согласно каким-то старым правилам «горродельский огонь» против дворянских замков применять воспрещалось, а убитых с королевской стороны пока что насчитывалось всего трое (это означало, что у графа есть все шансы отделаться штрафом и золотым арестом на пару лет). У Сварога зародились подозрения, что Сезар, изрядно помотав нервы чиновникам вплоть до столичных, намерен дожидаться, когда государственная машина раскачается, к замку нагонят парочку полков и сотню пушек, окрестности изроют траншеями, контрэскарпами и тихими сапами — и вот тут-то замок самым коварным образом сдастся. Судя по некоторым намекам отца Грука, так оно и обстояло. Возможно, дело было заверчено еще хитрее — если вспомнить, какой беспредел будет твориться на разбойничьих контрабандных стежках, пока все внимание и рвение пограничных властей будет приковано к мятежному замку...

Тусклый свет керосиновой лампы упал на высокую дверь, окованную продольными железными полосами.

Сезар открыл глазок, припал ухом к слуховой трубке и надолго замер. Бони держал наготове пулемет, пока граф бесшумно откатывал вправо дверь по хорошо смазанным роликам. В лицо им пахло холодком ночного леса. Сезар выскользнул во тьму и вскоре вернулся, прошептал:

— Все тихо. Удачи, господи! Хур Симаргл!

Сварог вывел коня под звездное небо. Дверь была устроена в крутом склоне широченного оврага. Высоко над головой виднелась причудливая кайма леса, деревья на краю оврага росли довольно редко, иные накренились, меж ними светили звезды, и тишина, Сварог чувствовал, была мирной. Один за другим из проема появлялись кони — копыта обмотаны тряпками, тщательно уложенные переметные сумы ничем не брякают, сапоги по мягкой земле ступают бесшумно. Сварог сам себе показался призраком. И ощутил легкое возбуждение — предстоял последний рывок, Хелльстад, как ни странно, обернулся желанной целью, которой все жаждали достичь побыстрее, тамошние опасности были неизвестными, а оттого словно бы и не страшными...

Сварог пожал руку Сезару и подумал, что хороших людей ему все же встречается в этом мире больше, чем скверных, но этого не выскажешь словами, в чем вся печаль. Вскочил в седло и приказал:



— Тронулись, держать строй...

Всадники двинулись вперед, как тени Зачарованной Кавалькады. Проходили полные напряжения минуты, но сверху не гремели выстрелы, не трубил тревогу рожок, никто не заступал дорогу, и Сварог самую чуточку расслабился. Все находящееся под землей, насколько он знал, в большинстве случаев скрыто от любых магических усилий. Таинственное чутье Арталетты, гнавшее ее по следу лучше любой гончей, здесь окажется бес- сильно, и они успеют выиграть время. По крайней мере, Сварог надеялся, что так оно и обстоит. Сварог легонько коснулся конской шеи. Коней (Сезар щедро одарил каждого и заводным) следовало беречь пуще самих себя. Это последние. Других неоткуда будет взять — разве что в Хелльстаде отыщутся лошадиные барышники, готовые принять в уплату деньги большого мира...

Вот и конец оврага. И никакой засады. Проскочили. Как и объяснял отец Грук, слева виднеется покосившийся каменный конь, ушедший в землю по колена, покрытый мелкими трещинами, почти сплошь заросший цепким плющом и увитый плетями синего вьюнка. Этот конь не имел никакого отношения к Хорсу — старинный межевой знак, магический символ, отгонявший нечисть, поставленный в неизвестные времена неизвестно кем. Лесовики болтали, что в полночь он восстает из земли и на нем объезжает чащобу Лесная Дева. Сначала Сварог им не поверил, но вспомнил, что ему собственными глазами довелось лицезреть Лазурную Деву, чье существование официальной городской наукой решительно отрицается, и сейчас на всякий случай бросил каменному коню под ноги серебряную монетку, как его научила паства отца Грука. Поехал дальше. За спиной еще чья-то монетка звякнула о камень.

Он смотрел во все глаза. Так и есть — слева показалась старая просека, заросшая папоротником, высоченным, по грудь коням. Кони шли размеренной поступью, папоротник тихо шелестел, пару раз Сварога мазнула по лицу невесомо-липкая паутина, и он торопливо вытер щеки тыльной стороной ладони. Хотелось курить, но он крепился. Порой то слева, то справа раздавались эти непонятные ночные звуки, каких хватает в любой чащобе во все времена: резкий вскрик, то ли птичий, то ли лешачий, далекое уханье, взвизги, тихое фыркание, тихий треск веток, шорохи... Кони то и дело настораживали уши, косясь в полумрак, но особенно не беспокоились, а потому не тревожился и Сварог.



Мара вдруг подняла левую руку и растопырила пальцы — подзывала его. Сварог дал коню шенкеля и моментально оказался рядом. Она тихо сказала, вертя головой:

- Дымком несет. Из-за поворота.
- Пожар?
- Не похоже. Дымок кухни пахнет.

Сварог принюхался, но не ему с безнадежно испорченным курением чутьем было состязаться с дикой кошкой. Он только спросил:

- Думаешь, жилье?
- Думаю.
- Лесной пастырь меня ни о чем таком не предупреждал...

И он поехал первым. Заводной конь послушно чапал следом. Сварог опустил руку на седло, коснулся ладонью рубина, украшавшего топор, смиренхонько висевший у луки топориком вниз.

Действительно, жилье. Довольно большой дом на расчищенной вырубке, окруженный невысокой оградой и больше всего похожий на обиталище зажиточного фригольдера. Светится только одно окошко.

Откуда-то выкатился здоровенный лохматый пес и побежал вдоль ограды параллельно всадникам, скупно побрехивая. Пес оказался самым настоящим. Сварог тихонечко цыкнул на него, подумав, что собака — это хорошо. А замычавшая в хлеву корова — еще лучше. Ибо домашние животные на подворье и нечистая сила в доме — две вещи несовместимые.

Скрипнула дверь. Высокая старуха, кутаясь в мужской плащ с капюшоном, проворно спустилась с высокого крыльца и направилась к низким воротам. Пес моментально подскочил к ней, заплясал вокруг. Потом успокоился вдруг и чинно удалился в будку — и осталось полное впечатление, что он получил недвусмысленный, неслышный людям приказ.

Сварогу понадобилась пара секунд, чтобы убедиться: с черной магией старуха не имеет ничего общего. Но это еще не значит, что она вообще не имеет отношения к магии. Он чувствовал себя в безопасности, но подлинного облика старухи не смог ни рассмотреть, ни понять. Отчего-то казалось, будто перед ним нечто столь же изначальное и незабываемое, как лес и облака над кронами. И он, как нередко уже случалось, подчинился инстинкту.

Старуха, не произнеся ни слова, распахнула створку ворот и взялась за другую.



— Мы к вам в гости, бабушка, вроде бы не собирались... — сказал Сварог, остановив коня напротив нее.

— А в засаду вы собирались? — проворчала старуха.

— Вот уж туда мы точно не стремимся...

— Почему же прямо на засаду едете?

— Кто там, впереди? — спросил Сварог, решив не удивляться. Начнешь удивляться, суетишься в три раза больше и задаешь кучу ненужных вопросов...

— А вам, в вашем положении, не все равно? — старуха управлялась со второй створкой. — Те, кто исчезнут с рассветом. И лучше вам не стараться им доказать, что в этом лесу вы самые пробивные... Очень может быть, что и докажете. Вот только вас после этого не в пример меньше останется...

Сварог молча направил коня в ворота. Он так и не смог вспомнить с маху, кто из здешней нечисти исчезает с рассветом, — да и не собирался ломать над этим голову.

Странная Компания дисциплинированно повернула следом, и на дворе сразу стало тесно от сгрудившихся верховых.

— Коней ведите в конюшню сами, — сказала старуха, безбоязненно похлопав по шее Сварогова жеребца (что тот перенес совершенно спокойно). — Слуг нету. Да не тревожьте вы топор, граф Гэйр, пусть себе висит.

«Снова начинается», — подумал Сварог и сказал:

— Я не тот граф...

— Сама вижу, что не тот, а этот.

— Откуда?

— А вы откуда знаете, что я не вампир?

— Знаю уж, — сказал Сварог.

— Вот и я знаю.

— Может, знаете еще, когда меня произвели в капитаны? — спросил Шедарис.

— Ты до лейтенанта сначала дослужись, — отрезала старуха. — Проверять вздумал, сопляк... Поживи капралом. А вот кем ты умрешь, это я тебе, пожалуй, скажу, когда присмотрюсь поближе. Если ладонь дать не побоишься.

Капрал, человек независимый и невоспитанный, повел коней в конюшню (странно обширную для такого домика с одинокой хозяйкой), бормоча под нос, что побоится он доверить старухе одну-единственную вещь, которую непременно доверил бы, будь она годочков на сотню помоложе. Старуха, обладавшая, похоже, тонким слухом, ласково сказала вслед:



— Будешь нести похабщину — верь или не верь, ты у меня и молоденьким станешь без надобности...

— Бабка, да я так, из ворчливости, — отозвался капрал не без испуга в голосе. — Что ты, в самом-то деле?

Сварог без опаски поднялся следом за старухой на высокое крыльцо. Бони с пулеметом не расстался, поставив его у двери. Расселись по лавкам и на табуретах.

— Есть хотите? — спросила старуха.

Есть они не хотели после графского хлебосольства.

— Ну, тогда просто так сидеть будем и ждать рассвета... — самым обычным тоном сказала хозяйка.

Сварог огляделся — да, обычная комната крестьянского дома. Вот только... Почему к обычному крестьянскому дому нет никакой дороги, даже утоптанной стежки? Ладно, к постоялому двору ямурацких вампиров как раз и вела дорога...

— А покажи-ка ты нам, бабка, что-нибудь этакое, — сказал Бони. — Сидеть нам тут долго, а бабка ты необычная...

— У трех из вас будут на головах короны, — сказала старуха небрежно, словно отмахнулась от надоедливой мухи.

Сварог призадумался. В первую очередь, конечно, Делия — как-никак наследница престола. Следом, вероятнее всего, идет он сам — очень уж часто здешние колдуньи предсказывали ему корону, совершенно непонятно, правда, которую, все вроде бы расхватали и никто своей отдавать на сторону не собирается. Кто же третий? Его спутники заворуженно переглядывались, тоже пытаясь угадать.

— Я и сама не знаю, кто, — тут же сказала старуха, отвечая на невысказанный вопрос, начертанный на всех без исключения лицах. — Это ж не письмена, господа проезжающие. Это образы, их еще прочитывать нужно, а они, знаете ли, не всегда читаются. Вот и приходится предлагать их, какие есть, без всякой расшифровки... Три короны над тремя головами я вижу, а вот распознать эти головы — не взыщите...

— Ну, а что нас ждет в ближайшем будущем? — спросил Сварог.

— Это вам к астрологу следует, граф. Они большие мастера делать предсказания и на будущий год, и на завтрашний день. И не все из них шарлатаны — да сама я этого не умею. Удачи предсказывать бессмысленно — у всякого, кто играет в игры вроде ваших, удач впереди немало. Как и потерь. Насчет мелких неудач у меня плохо получается. Вот насчет крупных, к



коим безусловно относится смерть... — Прохаживаясь по горнице, она вдруг мягко взяла ладонь Шедариса, вопросительно посмотрела.

Капрал оказался на высоте: даже и не пытаясь вырвать руку, ответил вызывающим взглядом.

— Ты умрешь генералом, — заключила старуха.

— Значит, проживу еще чертову уйму времени, — хладнокровно прокомментировал капрал.

— Ну, кто следующий? — На ладонь Лейверлина она взирала подольше. — Берегись нежных песен, они могут принести и смерть...

— Я их и сам пою...

Она всмотрелась, покачала головой:

— Пожалуй, берегись тех песен, что другие поют...

Мара с видом крайнего скептицизма протянула руку.

— Берегись солнца.

— Учту и постараюсь побережью, — отозвалась Мара покровительственным тоном рассудительного взрослого, не спорящего по пустякам с капризным ребенком.

— Голову тебе отрубит лучший друг, — сообщила старуха Бони.

— Эх, бабушка, будь у тебя зубов побольше, стало бы их поменьше... — вздохнул верзила, с точностью до миллиметра измерив взглядом дистанцию меж своим кулаком и острым старухиным подбородком.

Делия смело протянула сверкнувшую перстнями руку.

— Маленьких опасностей остерегайся еще сильнее, чем больших.

Принцесса подняла бровь, но удержалась от вопросов.

— Эх, а ну-ка... — азартно воскликнула тетка Чари, протягивая руку.

Ответ последовал мгновенно:

— Смерть тебе сулит шакра-чатурандж...

Тетка даже огорчилась:

— Я-то думала — море... В чатурандж я и до того не играла, а теперь и учиться не стану...

— Ну, давай грабку, — капрал подтолкнул Паколета локтем. — Ты у нас последний остался, на закуску...

— А командир? — запротестовал Паколет.

— Командир пойдет замыкающим, как ему в иных случаях и положено...



Одноглазый робко вытянул руку.

— Смерть тебя подстерегает там, где много съедобного мяса без костей, — сказала старуха.

Паколет откровенно почесал в затылке. Сварог, придав себе бравый вид, протянул ладонь.

— Вот вам, граф, я такие вещи предсказывать не берусь, — пожалла плечами старуха. — Вы кое-какими законами и правилами ну совершенно не предусмотрены... Учено говоря, расстояние безменом не измеришь, а вес линейкой не определишь... Только берегитесь вы мостов, очень вас прошу. Потому что сулят они вам сплошные неприятности. И своей крови остерегайтесь. — Она оглядела их всех, одного за другим. — Уж как получилось, господа мои, лучше объяснить не могу, по-другому и не бывает... Что всплывает, то и выкладываешь. А чем это обернется — знать не дано.

— Был у нас в роте один организм, — сказал Шедарис. — В кости мощенничал гениально, но суть не в том... Предсказано ему было, что ждет его смерть от животного, на котором ездят верхом. Парень с тех пор и близко не подходил не то что к лошадям — ко всему, на чем только ездят верхом, к ослам, верблюдам. Дело было на Сильване, там верблюды водятся... Ну вот. А зарезала его из-за кошелька в одном поганом городишке местная шлюха, на которой, прошу прощения у принцессы, верхом ездили по-всякому. И если она была не животное, то я — университетский профессор мудрой науки астрономии...

— Улавливаешь суть, — благосклонно кивнула старуха. — Я-то решила сперва, что ты чурбан чурбаном, — а у тебя, гляди-ка, проблески...

— Говорят, правда, что высказанное на людях предсказание не сбывается...

— Когда как. И смотря где. И смотря с кем.

Леверлин кивнул:

— Написано об этом много...

— И, как у вас, книжных людей, водится, все солидные авторы друг другу противоречат? — спросил Сварог. Леверлин развел руками:

— Есть такое обыкновение у авторитетов... Так что твой мост — не обязательно натуральный мост, соединяющий берега реки. Это может оказаться и улочка, звавшаяся в незапамятные времена Мостом Кожевников, и деревня, и какое-нибудь урочище с местным прозванием Чертов Мост...



— Как хотите, а к доске для шакра-чатуранджа я и близко не подойду, — заявила тетка Чари. Шедарис положил ей руку на колено:

— А я постараюсь остановиться подальше от генеральских чинов — даже не на полковнике для пущей надежности...

Паколет жалобно воззвал:

— Объясните вы мне, где много съедобного мяса без костей!

— Да на кухне, — сказал Шедарис. — У особы познатнее, где мясо отборное...

— Не пойдет, — хмыкнула Мара. — Любой знатный человек ест и рыбу, и птицу, так что кости все равно будут...

— Бабка не говорит, что там совсем нет костей, — сказал Шедарис. — Она говорит, что мяса без костей там много. Точно, кухня. Может, даже дворцовая. А тебе бы я посоветовал: как только встретишь человека с солнцем в гербе — в геральдике частенько встречается, — на всякий случай приканчивай его первой или уж гляди в оба. Да, и у Горрота солнце на флаге, черное, правда...

— Учту, — сказала Мара. — Ну-ка, руку убери!

— Да я так... — буркнул Шедарис, но руку убрал с рукоятки пистолета.

— Что вы там? — вскинулся Сварог.

— Есть такое поверье, — старуха безмятежно скрестила руки на груди. — Мол, если убить колдунью, предсказанное и не сбудется. Только это опять-таки — смотря чем убивать, когда как... Спасибо, деточка.

— Не за что, — сказала Мара. — Я не из доброты душевной. Просто отчего-то чувствую, что ничего у него не вышло бы.

— Это точно, — многозначительно кивнула старуха.

Шедарис уставился в пол, бормоча:

— Да болтают, понимаете ли...

— Капрал! — грозно сказал Сварог. — Я тебя, мать твою...

— Скажи деточке спасибо, что остался жив, — без всякой злобы сказала капралу старуха. — Не сердитесь на него, граф, дело житейское. Научится когда-нибудь прежде думать, а уж потом хвататься за оружие... Между прочим, светает.

— Нет, у меня ты генералом точно не станешь, — пообещал Шедарису Сварог и встал. — Собирайтесь. — Когда все направились к двери, обернулся к старухе. — Вам, может, деньги нужны?



— Вы ж мне уже дали, — усмехнулась старуха. — Прощайте, граф. Я, право слово, хотела как лучше. Всегда полезно предупредить, хоть предостережение и видится туманным... Как смогла. А там, впереди, вас и в самом деле ждали.

«Когда ж это я давал ей деньги?» — подумал Сварог. И понял вдруг.

— Готов спорить, если мы вдруг вернемся, дома уже не найдем на этом месте? — спросил он.

Старуха медленно кивнула. Глаза у нее были зеленые. Цвета весенней яркой листвы. Сварог ощутил не страх, а легкое стеснение, не представляя, что еще сказать и как держаться. Он торопливо поклонился, вышел и в два прыжка сбежал по ступенькам, услышав настигший его, словно бы ставший бесплотным и удивительно напоминавший шум крон под ветерком молодой девичий голос:

— Не все, что в лесу, нравится лесу...

Он прыгнул в седло, крутнул плеткой в воздухе, давая сигнал выезжать со двора. Небо из неуловимо-серого становилось неуловимо-синим, мир словно рождался заново, стоял тот волшебный миг рассвета, когда нет ни мрака, ни света, ни ночи, ни дня, но любоваться этой красотой было некогда. Еще и оттого, что непонятное обычным людям и неопишемое обычными словами неудобство в спине, ощущение тяжелого взгляда в затылок прямо-таки вопило: Арталетта уже в седле...

Подметив, что Шедарис с помощью довольно неуклюжих маневров остался в арьергарде, а рядом с ним держится Бони, Сварог бросил Маре повод своего заводного коня, подскочил к обоим заговорщикам и сказал:

— Значит, улучшить момент, вернуться тихонько... А?

— Так ведь не нами придумано, что если прикончить такую вот вещунью... — мрачно сказал капрал. Бони решительно кивнул:

— Меня старики учили, как делать...

— Соколик ты мой, а про Лесную Деву тебе твои старики ничего не говорили? — спросил Сварог. — Ну-ка, рысью марш, герои!

Вскоре впереди открылась большая ложбина. По ее дну струился быстрый ручей, а подъем и спуск оказались довольно крутыми, коням поневоле пришлось перейти на шаг. Сам Сварог именно здесь и устроил бы засаду. Стороной не объедешь — чащоба. Он пропустил всех вперед, огляделся. Никто, конечно, не увидел того, что открылось ему — а он видел словно бы



черные клочья дыма, все еще реявшие меж желтыми стволами сосен на фоне росной паутины, над изящными листьями папоротника. Здесь их поджидало Зло, ушедшее с рассветом. Не следовало терять времени, однако он все же спрыгнул с коня, сделал несколько кругов, пригибаясь к самой земле. И в одном месте, где не росла трава, отыскал-таки на влажной песчаной почве смазанный четырехпалый след, напоминавший птичий, только огромный. И сразу вспомнил Ямурлак, мертвого верхового ящера с нелепо задранной четырехпалой лапой — похожа... Открытие оказалось бесполезным — все равно никто, даже Гаудин и Карах, не знали, что это за твари, откуда берутся, зачем приходят и куда уходят потом...

Стоя рядом с камнем, он напряг слух. Сквозь ставший оглушительным птичий гомон где-то далеко, на пределе восприятия, пробивался глухой ритмичный перестук копыт — кони шли полным карьером.

Он вскочил в седло. Достал кожаный мешочек и покопался в нем двумя пальцами. Наследство бабки-гусятницы оказалось не столь уж и большим — колдуны передают свои знания всерьез, только лежа при смерти, а если сложится иначе, тебе достанется пара подручных мелочей... Очень полезных, правда, в дороге. Там лежал маленький клубок желтых ниток, две красные ленты, одна синяя, большой моток бечевки и грубо вырезанный из черного камлота силуэт — так рисуют дети, то ли собака, то ли волк, ясно лишь, что это не корова и не крокодил. К камлоту был плотно приметан белыми нитками волчий зуб.

Ленты не годились — Сварог не нашел бы в душе сил ни поджечь этот лес, ни затопить его водой. Он взял за хвост волка, швырнул через правое плечо левой рукой. Что бы там ни завладело Арталеттой и ее людьми, под ними самые обычные кони, все прекрасно получится...

Он негромко произнес, как учила старуха:

— Дует ветер от Камня Блуйгне, от Крепости Королей, не сет ветер жизнь неживому, острые зубья к зубу, пламя глаз и шерсть черного цвета, цвета смерти и печали, чтоб сверкнули клыки, как семью семь печалей, и вонзились, как тридцать три тоски, чтобы сверкнули глаза, как семью семь невзгод...

И подхлестнул коня. Конь отчаянными скачками взобрался на песчаный склон. Сварог оглянулся и успел еще увидеть, как из папоротника поднимается черная спина громадного волка. И подумал, что заклятье, должно быть, ужасно древнее, сочи-



нено в забытые эпохи, когда цветом смерти и печалей не считался еще белый...

Кавалькаду он догнал быстро. Все внимательно слушали Делию, а она рассказывала:

— ...и когда королю предсказали, что он будет поражен на балу ударом в сердце, сам он лишь посмеялся, потому что был совершенно бесстрашным человеком. Но начальник тайной полиции обязан относиться серьезно решительно ко всему, когда речь заходит о жизни монарха. Начался бал, где ликторов в маскарадных костюмах было едва ли не больше, чем гостей. Короля опекали искусно и неустанно, не отступая ни на шаг, отчего то и дело происходили разные мелкие недоразумения. Бал близился к концу, а злоумышленник все не появлялся. И тут вошел курьер с письмом. Любимый и единственный сын короля погиб на попавшем в шторм корабле. Король рухнул, как подкошенный, и в ту же ночь скончался...

— Это сказка? — спросил Сварог.

— Это правда, — ответила Делия. — По крайней мере, именно так хронист описывает конец династии демурских Рогесов...

Потом Шедарис вспомнил про одного своего дружка из Вольных Топоров, которому было предсказано, что смерть он примет от кошки. К пророчеству дружок отнесся с величайшей серьезностью, ни за что не останавливался в доме, где были кошки, более того, со временем пошел дальше, стараясь прикончить любую мурлыку, имевшую несчастье попасться ему на глаза, за что в конце концов заработал среди своих прозвище Кошкодав. Несмотря на все предосторожности, Кошкодаву все же случилось раньше срока отбыть из нашего мира, когда во время пустычной стычки в крохотном городишке на голову ему рухнула тяжеленная вывеска трактира «Синяя кошка»...

Капрал склонен был считать, что от судьбы не уйдешь (правда, больше всего его удручало, что сделанное ему предсказание лишено всякой конкретности), Леверлин придерживался иной точки зрения, и они долго забрасывали друг друга соответствующими примерами из жизни и из книг, но так и остались каждый при своем убеждении. Мара непочтительно оборвала ученый спор, заявив обоим, что они, по крайней мере, точно знают теперь, какой образ действий следует избрать, чтобы побыстрее покончить счеты с жизнью, буде потеряют к таковой охоту — одному следует быстренько дослужиться до генерала, а другому — сутки напролет слушать нежные песни, каковые его непременно доконают...



С КОМФОРТОМ И УЮТОМ

Никто и не догадался бы, что они вышли к Хелльстаду, если бы не остатки древних пограничных знаков и укреплений. Несколько тысяч лет назад, в смутную и до сих пор загадочную эпоху забытых потрясений, уже после Шторма, когда лары ушли за облака, а на земле царил сущий хаос, от Хелльстада ждали ужасных нашествий невиданных чудищ. И тогдашние правители пытались обезопасить свои рубежи, как умели. Вдоль границы сооружали засеки на много лиг в глубину, рыли грандиозные рвы, возводили длинные стены, магические кромлехи, часовни, сажали замороженные деревья, посвященные забытому ныне лесному богу Даргасу, даже натягивали серебряные цепи и устраивали целые поля серебряных колокольчиков, звеневших при малейшем ветерке. Время шло, никаких нашествий не происходило (хотя слухов о вышедшей из Хелльстада одиночной нечисти хватало, и вряд ли все они были сказками), и понемногу успокоившиеся короли переходили к более насущным делам вроде войн с соседями и усмирению то бунтующих крестьян, то разгулявшихся баронов. Рвы и часовни пришли в запустение, засеки сгнили и стинули без следа. А серебро частью разворовали, частью успели вернуть в казну.

Остатки такого рва они сейчас и увидели — заросшую травой канаву с оплывшими краями, уардов в полсотни шириной и глубиной в локоть, не более. Слева возвышался покосившийся менгир со стершимися остатками то ли надписи, то ли магического рисунка-оберега, а рядом — наполовину вросшие



в землю плиты рухнувшего строения, заросшие зеленым лишайником. Канавка тянулась в обе стороны, насколько хватало взгляда. А по другую сторону — те же сосны, те же тисы, плавно поднимавшаяся вверх долина, а за ней — поросшие лесом округлые холмы и голые скалы. Пейзаж, где демонического и зловещего было не более, нежели в канцелярии равенского департамента освещения улиц.

Сварог оглянулся на спутников. Их лица не выражали ни особой бравады, ни особого страха — просто все тягостно напряглись в ожидании неизвестных опасностей. Кто знает, кому было неуютнее: им, ногой туда не ступавшим, но с детства привыкшим считать Хелльстад воплощением зла, или Сварогу, убравшемуся оттуда живым, но едва не наделавшему в штаны при общении с глорхом. Одна Мара, получившая чуточку иное воспитание, во всем блеске не ведавшей смерти юной беззаботности нетерпеливо теребила поводья.

Медлить далее было глупо, назад все равно не повернуть, и Сварог первым тронул коня, бросив:

— Ну, с богом, что ли...

Пересек ров. И ничего не произошло. Он даже засомневался в глубине души, что перешел границу. Но сомнения тут же рассеялись, стоило мимоходом глянуть на кроны сосен. По обе стороны рва росли могучие сосны — и тени от них падали навстречу друг другу. Оглядевшись внимательнее, Сварог с неприятным холодком под сердцем обнаружил, что его собственная тень протянулась навстречу тени Мары, первой двинувшейся за ним. Он смотрел во все глаза — но прозевал неувловимый миг, когда тень юной всадницы изменила направление на сто восемьдесят градусов, протянувшись к солнцу, светившему Мару в спину.

— Видел тени? — спросила Мара, подъехав.

— Видел, — угрюмо сказал Сварог. Остальные тоже все видели, но ехали, словно ничего не произошло.

— Куда теперь? — совсем буднично спросил Шедарис, когда они на пару ферлонгов углубились в таинственные земли.

Сварог огляделся, прикинул направление по солнцу и махнул в сторону скал:

— Туда, пожалуй...

— Может, сначала подеремся? — спросила Мара.

— С кем это?

— А вон с теми назойливыми мипами.



Сварог оглянулся, зло сказал сквозь зубы:

— Ну, это меня уже достало...

По другую сторону рва стояла тесно сбившаяся кучка всадников, человек двадцать. Половина — в форме синих мушкетеров, которую Сварог начинал уже тихо ненавидеть, половина в зеленых с желтым шитьем мундирах пограничных егерей. Почти все они были без шляп — несомненно, часть большого отряда, отполовиненного пусть недолговечным, но свирепым и тяжелым в общении колдуньиным волком. Колдовство бабки-гусятницы дало сбой — они все должны были остаться в той ложбине с порванными глотками или, по крайней мере, лишиться всех лошадей. А они прошли. Причина, скорее всего, в Арталетте — в том, что за ней стоит...

Арталетта стояла впереди, у самого рва, яростно жестикулируя, взмахивая плеткой, но не похоже было, что ее пылкие речи и строгие приказы двигаться вперед находят горячий отклик в массах. Со стороны противника последовало несколько выстрелов, вслед за чем на границе вспыхнули ослепительно огненные шарики и тут же погасли. Свиста пуль беглецы так и не услышали — Хелльстад, судя по всему, умел защищаться от направленного извне хамства. Сварог кивнул Маре. Она выхватила пистолет и наугад выпалила. Еще один огонек полыхнул и погас точнехонько на границе.

Дискуссия в рядах преследователей достигла финала — Арталетта вытянула коня плеткой, в три прыжка миновала ров и, не сбавляя аллюра, понеслась по владениям Хелльстада.

— С-стерва... — сказал Сварог не без уважения. Следом за ней неслись человек восемь. Два мушкетера, остальные — егеря. Оставшиеся у рва повернули коней, целеустремленно припустили в лес.

— Ну, пора кончать с этими догоняшками, — сказал Сварог. — Сколько можно?

Бони кивнул, слез с седла, отвязал пулемет, лег и покрестьянски обстоятельно стал выбирать удобную позицию, елозя животом по земле, вытягивая шею и всматриваясь.

— Граф! — умоляюще воскликнула Делия.

— Я понял, — мрачно сказал Сварог. — Что ж, я не добрый, мне просто нужно разобраться... Эту бешеную девку брать живой, понятно? Чтоб ни волоска с ее головы... Держите коней!

Он спрыгнул на землю, вынул топор из петли. Всадники Арталетты неслись вскачь — вопреки всем законам тактики,



решительно запрещавшей кавалерии атаковать вверх по склону. Должно быть, их тоже допекло, и они хотели побыстрее со всем этим покончить. Бони, прижав приклад к плечу, поднял голову:

— Командир, скажи историческую фразу. Больно уж торжественный момент.

Сварог не видел в моменте ничего торжественного, но всегда старался удовлетворять мелкие капризы своего воинства, если они не шли в ущерб делу. Подумав, он сказал историческую фразу:

— Огонь!

Пулемет загрохотал, понемногу заволакивая дымом все вокруг себя. Лошади волновались, шарахались, ржали — а там, впереди, кони летели наземь вместе со всадниками, как сбитые кегли, кто-то вылетел из седла, и его гнедой промчался мимо Сварога, кто-то повернул назад, но все равно не успел, кто-то стал забираться в сторону, но его достал выстрел Мары. Благодарную ратную схватку это ничуть не напоминало, но тут уж было не до благородства. Полное поражение погони обозначилось почти моментально — одна Арталетта неслась вперед, и Сварог, приложив ко рту вертикально правую ладонь, послал ей навстречу несколько коротких слов, магию Гэйров, оказавшуюся вполне актуальной и весьма полезной — и ее конь, пробороздив землю задними ногами, застыл, как вкопанный. Арталетта, еще не понимая сторяча, что произошло, бешено его шпорила.

Сварог подошел к ней и, поигрывая топором, сказал:

— Слезайте, герцогиня, приехали...

Она прыгнула на землю, замахнулась мечом. За пистолеты и не пыталась хвататься — видимо, знала, что против Сварога это бесполезно. Сварога так и подмывало одним ударом отправить ее к праотцам, особенно когда он увидел вблизи ее совершенно безумное лицо с посиневшими губами, но не следовало срывать раздражение на человеке, вполне возможно, ставшем жертвой загадочного зла. Он снес ее клинок у самого эфеса, а потом, плюнув на всякую галантность, метко угодил ей концом топорика в солнечное сплетение.

И все равно, вязать ее пришлось вчетвером, она сопротивлялась, как фурия. С силой обычного человека вовсе уж невероятной. Связанная, принялась кататься по земле. Сварог растерянно гадал, что делать дальше.



— Держитесь подальше, принцесса, — сказал он. — Честное слово, укусит... Скажет мне кто-нибудь, что с ней теперь сделать?

— Прикладом по башке, — мрачно предложил Бони, по-сасывая прокушенный палец.

— Раздеть ее надо и осмотреть, как следует, — подал голос Паколет. — Вдруг что и найдем.

— Чувствуешь что-нибудь? — заинтересовался Сварог.

— Да толку от меня, вот бабка... Короче, это не в ней. Столько-то я пресекаю, а дольше не хватает учености. Или наговорная иголка, или что-то в одежде, а может, и опоили, тогда придется тягомотнее...

— Это сколько же у нас будет покусанных, пока осмотрим? — с сомнением сказал Сварог.

— Палку в пасть, завязочки на затылке, — со знанием дела предложил Шедарис.

— Четыре колышка в землю, привязать руки-ноги. Тогда не подрыгается. Бывало... — он крикнул и поспешно умолк.

Сварог не стал уточнять, для чего предназначалась такая технология — примерно догадывался и сам, что с ее помощью творят в захваченных городах. Он кивнул:

— Ну ладно. Походно-полевой сеанс борьбы с черной магией, говорите...

Присел на корточки, когда все было готово, попытался применить все, чему его научили. Явственно видел загадочный черный ореол, окаймлявший лежащую девушку, эту гирлянду причудливых черных снежинок, бесплотных, как дым, вызывавших в висках неприятное покалывание. Осторожно коснулся растрепавшихся черных волос и убедился, что ищет, где следует: ладонь кольнуло в нескольких местах, словно он трогал не просто колючего, а еще и невероятно холодного ежа.

— Держи-ка ей голову покрепче, — сказал он Шедарису. — Помогите кто-нибудь, быстро! Да навалитесь вы без церемоний, чтоб не дергалась! Есть там что-то! Принцесса, не путайтесь под ногами!

Растопырил пальцы, собрал волосы в пучок, откинул с висков. Паколет, во многих ситуациях бесполезный балласт, здесь оказался прав: за ухом под нежной кожей сидела длинная то ли игла, то ли булавка, наружу торчала лишь странная головка. Бесцеремонно намотав ее волосы на кулак, Сварог тремя паль-



цами ухватил крохотную треугольную пластинку, примерился как следует, дернул.

Арталетта испустила дикий вопль, испугавший коней. И обмякла с закрытыми глазами, запрокинув голову, едва не перекусив палку во рту. Сварог одной рукой перехватил кинувшуюся к ней Делию, сунул принцессе под нос черную булавку с треугольной головкой, покрытой микроскопическими знаками:

— Вот и все, надо полагать.

— Она же без сознания!

— Что делать дальше, я совершенно не представляю, — честно признался Сварог, вонзил булавку в землю и притоптал каблуком. — Нашатыря у нас нет... носки, что ли, с кого-нибудь снять?

Вновь присел на корточки, похлопал Арталетту по щекам, не глядя, взял у кого-то фляжку, брызнул в лицо водой. Цвет лица стал уже совершенно нормальным, ни следа этой жуткой синюшности, и больше всего девушка походила на безмятежно спящую.

«Врачевать так врачевать», — подумал Сварог, зажимая ей ладонью рот и нос. Она дернулась, но кусаться не стала, ресницы затрепетали, глаза медленно раскрылись. Больше она не выглядела ни злой, ни бешеной, но недоверчивый Сварог побыстрее убрал руку, развязал ремешки и вынул из ее рта палку.

— Кто вы? — спросила она медленно, с трудом ворочая языком, повернула голову. — Где я?

— А вы кто? — спросил Сварог.

— Я — Арталетта, герцогиня Браг. Что происходит? Кто вы все такие?

Сварог кивнул Делии:

— Вот теперь можете побеседовать по-родственному. Но развязывать я ее пока не стану, уж не взыщите...

Взглядом приказал Маре быть начеку, поманил за собой остальных, устало улыбнулся:

— Вот так, соколики, командир ваш — мастер на все руки...

Там, куда он вогнал булавку, медленно поднималось над землей пронзительно-синее свечение, раздулось до размеров крупной тыквы, подернулось бурыми полосочками и погасло.

— Горсть золота тому, кто объяснит, что это такое, — сказал Сварог вяло.



Награда осталась невостребованной — да он и не ожидал откровений. Делия что-то горячо говорила, опустившись на колени, лицо Арталетты было недоверчивым и испуганным, вокруг стояла тишина, кони пощипывали траву, и Сварог больше всего боялся расслабиться. Он не смотрел в ту сторону, где лежали трупы, — этих пешек нужно бы пожалеть, но жалеть некогда...

Делия оглянулась на него. Сварог подошел.

— Развяжите, — попросила Арталетта. — Все тело затекло.

Он рассек веревки кинжалом, вернул его Маре и спросил:

— Ну, что скажете, герцогиня?

— Если все, что говорит Делия, правда...

— Правда, — сказал Сварог устало. — Чистейшая. Хотите верьте, хотите нет, некогда с вами возиться, а бить себя в грудь, клясться и убеждать ничуть не тянет...

Мара бдитительно стояла рядом, поигрывая кинжалом;

— Где мы? — спросила Арталетта. — Неужели это...

— Это Хелльстад, — сказал Сварог. — Куда вы сами нас старательно загнали. Я повторяю, некогда вести с вами чинные беседы. И я до сих пор вам не доверяю, если честно...

— Это было, как сон, — сказала Арталетта. — Один сплошной кошмар. Я скачу, я вас вижу, только не глазами, знаю, как вас найти и где, и у меня нет ни собственной воли, ни желаний. Меня гонит вперед, как ураганным ветром в спину. Останавливаться нельзя, мне становится плохо, если задержаться хоть ненадолго, жар, все тело горит, страх смерти...

— А когда все это началось, можете вспомнить?

Она задумчиво покачала головой:

— Когда... Утром. Потом убежал медведь, оно уже оказалось в голове, и я видела вас с этой девчонкой полупрозрачными, как призраки, я тогда еще не знала, что должна вас поймать... Потом мне сказали. Но вас уже не было в городе.

— Кто сказал?

— Не помню. Ни лица, ни фигуры, ни голоса. Он все время приказывал... а может, она или оно. Оно все время говорило из-за спины, как быстро ни поворачивайся, увидеть не удастся. Если подумать... Все началось с завтрака. Видимо, что-то подмешали — я едва добрела до кабинета, уснула прямо в кресле, а когда проснулась, оно мной уже командовало...

— Веселый у вас дворец, принцесса, — сказал Сварог. — Ни за что бы не согласился в нем жить. Действительно, тут начнешь



городить себе серебряную комнату... Ох, не зря ваш папенька что-то хитрое изобретает, неуютно ему... Ну что же, герцогиня... Садитесь на лошадку и отправляйтесь домой.

Арталетта передернулась:

— Там волк, с коня ростом...

— Нет там больше волка, — сказал Сварог. — Волк был одноразовый.

— Какой волк? — удивилась Делия.

— Был тут один... — сказал Сварог. — Она знает.

— Пусть она едет с нами, — сказала Делия.

— Нет, — сказал Сварог. — Дело даже не в том, что я ей не доверяю до конца. Если ей можно доверять полностью, она нам гораздо больше пригодится в Равене.

Делия надменно вздернула подбородок, но Сварог сказал резко, безжалостно:

— Мы, простите, не в «четыре шарика» играем. Принцесса, вам не кажется, что вы мне кое-чем обязаны? И обещали меня слушаться?

На сей раз Арталетта оскорбленно воздела очаровательную растрепанную головку:

— Ну, если вы мне не доверяете! Где конь? Я немедленно возвращаюсь в столицу и сделаю все, что смогу...

Сварог невольно залюбовался обеими — хороши были, чертовски, раскрасневшиеся в приливе фамильных амбиций. И чем-то очень схожи, хоть и происходили от разных матерей — гордой статью, конгеровскими синими глазами, дерзкими и властными, породой. Каким бы тираном и братоубийцей Конгер ни был, за таких дочек ему кое-что можно и простить... Но второй раз пускаться в рискованную экспедицию, имея в подчинении настоящую, капризную и гордую принцессу, — нет уж, увольте...

— Только поосторожнее, ладно? — сказал он Арталетте. — Тот, кто все это устроил, наверное, все еще во дворце...

Он посмотрел вслед удалявшейся рысью всаднице, деликатно тронул за локоть Делию:

— Пойдемте, принцесса. Ничего с ней не случится. Второй раз так просто не попадется...

— Надеюсь, — сказала Делия. — Страшно хочу надеяться... Послушайте, быть может, попробуем вернуться и идти другой дорогой? Я ее убедила...

— А остальных кто убедит? — пожал плечами Сварог. — Смешно, но здесь я отчего-то почувствовал себя в безопасности.



Поедем напрямик, к морю. Мы с вами как-никак персонажи пророчества, вы не забыли? С нами ничего не может случиться...

Смешно, но он и сам чуточку в это верил.

Делия устало улыбнулась:

— Вам со мной не очень трудно?

— Я думал, будет гораздо тяжелее, — искренне сказал Сварог. — Просто вас жизнь к такому не готовила... а кого она готовила? Но вы прекрасно держитесь. Вы замечательная, в другое время я непоправимо влюбился бы в вас... Идемте, отряд ждался...

Сев в седло, он достал компас из замшевого чехольчика. Чертыхнулся. Изящная стрела размеренно вращалась, помедленнее, чем это делает секундная стрелка часов, но столь же целеустремленно и неостановимо. Гвозди забивать таким компасом.

С таким видом, словно собирался сделать это с самого начала, он достал бабкин клубок, прошептал над ним должный наговор и швырнул под копыта коню. Желтый клубочек высоко подпрыгнул, не хуже резинового мячика, замер, покружился на месте и, наконец, уверенно покатился, подпрыгивая на ухабах, огибая крупные камни.

Все изумленно таращились на него, даже Паколет.

— Это что такое? — спросил Шедарис.

— Это наш компас и проводник, — со всей возможной безмятежностью ответил Сварог, трогая коня. — Других здесь не бывает, знаете ли. Не теряйте его из виду, но и по сторонам поглядывайте...

Клубок задавал темп. Он катился не особенно быстро, и кони, двигаясь рысью, вполне за ним успевали. К кавалькаде прибились еще две лошади, оставшиеся без всадников и привыкшие ходить в строю. Сварог только порадовался такому прибавлению материальной части, приказав взять их на чембуры.

Всадники поднялись на гребень. Внизу расстилалась необозримая долина, выглядевшая вполне мирным уголком дикой природы: ни дымка, ни строения, ни малейшего движения. Правда, справа виднелось что-то округлое, бело-желтое, чересчур уж правильных для природы очертаний, скорее купол, но клубок бодро катился в том направлении, и пришлось ему довериться.



Вскоре все хорошо рассмотрели, что там белеет впереди, но коней не придержали, подъехали вплотную. Череп, лежащий у скалы, в точности походил на человеческий, но был повыше любого всадника и напоминал скорее дом, возведенный окончательно спятившим зодчим. На левом виске зиял пролом, куда мог бы протиснуться человек. Других костей поблизости не видно.

— Вот вам и легенды о великанах, — сказал Леверлин тихо. — Не на пустом месте изошрялась фантазия...

Сварог попытался представить этого гиганта живым — а заодно и неизвестного врага, проломившего череп. Образ получался неуютный и жутковатый.

Мара, вынув ногу из стремени, непочтительно постучала каблуком по толстой грязно-желтой кости. Череп ответил глуховатым эхом, словно треснувший колокол. Он покоился на земле прочно, как каменная стена, и Сварог кивнул в ответ на вопросительный взгляд напарницы, ему самому было интересно. Мара ухватила обеими руками за верх глазницы, гибко изогнулась и ногами вперед прыгнула внутрь. Видно было, как она ходит там, оглядывается, нагибается. Вскоре она тем же путем выбралась наружу, взлетела в седло, пожала плечами:

— Там лежит свинцовый шар довольно грубого литья. Если сравнить с размерами черепа, очень похоже на великанскую пулю из соответствующего мушкета...

— С мушкетом сможет каждый дурак... — сказал Бони. — Тем более с соответствующим. А вот у нас в Скатуре лет через пятьсот после Шторма ухайдакали такого же дядю, когда он приперся на выгон и стал ловить коров. И ухайдакали простыми деревенскими средствами, какие были под рукой. Старики рассказывали.

— А ты скелет видел? — фыркнула Мара.

— Нет, конечно. Но место, где его закопали, всякий в деревне знал. Так и звалось — Великаний Лужок.

— А вашим пращурам с молодого вина не привиделось?

— Возможно, и не привиделось, — заступился Леверлин. — Вряд ли такой верзила был один на всем белом свете... Меня другое смущает: неужели ваши пращуры смогли его прикончить цепями и вилами?

Бони хмыльнулся:

— По правде говоря, наши ему приволокли чан вина, куда заранее намешали волчьей красавки... Тут же околел, не допивши.



— Ладно, естествоиспытатели, едем дальше, — сказал Сварог. — Если начнем устраивать научные диспуты вокруг каждой находки — надолго задержимся...

— Командир, а вот это — находка или вовсе наоборот? — Шедарис произнес это внешне спокойным, безжизненным голосом, он застыл на коне в неудобной позе, ладонь медленно-медленно ползла к седельной кобуре. — Вон они, от солнца заходят...

Сварог поднял голову. Со стороны солнца по небу надвигалось журавлиным клином десятка полтора округлых предметов, и за ними, немного отставая, скользили по земле их тени. Предметы были огромны — если шли на приличной высоте, или с человека ростом — если держались невысоко. Прикинув, Сварог пришел к выводу, что верно второе.

За спиной у него глухо клацнул затвор пулемета.

— Не стрелять, — сказал он яростным шепотом.

Больше всего они походили даже не на отсеченные головы, существовавшие сами по себе, — на гигантские маски, зеленые, синие, грязно-белые. Но чудовищные подобию лиц выглядели живыми: они таращились выпученными глазищами, подмигивали, расплывались в гримасах, обнажая квадратные желтые зубы, высовывая широкие, алые, с закругленными концами языки, откровенно дразнились, пучили глаза, отчего на лбу возникали валики морщин, поводили широкими ушами, похожими на крылья летучих мышей, болтавшимися свободно, как разболтанная калитка на одной петле. С нечистью они не имели ничего общего — разве что вдруг отказало умение Сварога распознавать таковую. И он медлил, поглаживая обух топора.

Затылки у них, успел заметить Сварог, все же были, но головы выглядели сплюснутыми. Они кружили как-то лениво, недобро облизываясь, откровенно причмокивая с самым гнусным видом, пуча глаза. Казалось, эта война нервов продолжается целую вечность, и Сварог не знал, чего он больше всего боится — то ли нечаянного выстрела кого-то из своих, то ли внезапной атаки, когда эти твари кинутся вниз и начнется беспорядочная свалка, которой невозможно будет управлять.

Хриплый, трубный голос оборвал немую сцену:

— Эй вы, предъявите подорожную!

Это было настолько нелепо, что Сварог подавился идиотским смешком. Пересилил себя и громко ответил:



— А откуда мы знали, что здесь нужна подорожная?

Вверху раздался утробный гогот:

— Она тут и не нужна!

— Что же вы ее тогда требуете?

— А мы ее и не требуем, — заржала другая рожа. — Просто интересно стало — вдруг подорожная у вас есть?

— А девочки у них мя-аконькие, — подхватила третья. — Мясо молоденькое...

— И лошади вкусные...

— Да и мужчины не старые, поглотать стоит...

Шедарис не выдержал, привстал на стременах и в сочных, выразительных словах описал все подробности расстройства пищеварения, каковое постигнет всякого, рискнувшего им пообедать. Головы дружно загоготали, дразнясь языками, и вдруг, словно вспугнутые воробьи, прыгнули вверх всей стаей с небывалой синхронностью, снова выстроились журавлиным клином и понеслись прочь, кувыркаясь в воздухе, ухая, визжа и хохоча. Сварог едва разжал пальцы, намертво впившиеся в топориче. Когда он успел выхватить Доран-ан-Тег из чехла?

— Странно, — сказала Мара. — Ну не испугались же они нас? Закругитесь все по-настоящему, еще неизвестно, кто кого уделал бы.

— Может, они здесь вместо шутов, — сказал Сварог, убирая топор. — Или здешние юродивые именно таковы и есть...

Но сам он в такое верил плохо. И больше всего ему не понравилось, что первая же встреча с обитателями Хелльстада обернулась откровенной клоунадой. Такое не бывает без причины в местах, подобных Хелльстаду. Со змеей обстояло совсем иначе, она была страшная, но тупая, а эти рожи, несмотря на шутовское обличье, вовсе не выглядели примитивами...

Клубок вопросительно колыхнулся. И Сварог сказал:

— Вперед.

Клубок вел их среди скал весьма заботливо, с человеческим прямо-таки разумением выбирая легкую для коней дорогу и задавая приемлемый темп. Смешно, но на это время клубок и стал командиром, потому что самому Сварогу никак не подворачивалось оказии покомандовать — вокруг было тихо и спокойно, и ничто живое больше не нарушало девственной чистоты небес своим внезапным появлением, и не попадалось более никаких монстров, и окружающую тишину никак не тянуло называть гнетущей. Самая обыкновенная тишина. Это покой-



ное благолепие Сварога и раздражало больше всего, он никогда еще не был в столь дурацком положении — радоваться, что нет драки, что его люди целы и невредимы, и в то же время по-немногу стервенеть от мирной тишины...

Он даже оживился, когда, обогнув скалу, все увидели впереди, на равнине, что-то сверкнувшее металлическим блеском в лучах уже кренившегося к горизонту солнца, нечто протяженное, показавшееся бесконечным. Узкая сверкающая полоса пересекала равнину чуть наискосок, появляясь из-за горизонта и уходя за горизонт. Сварог долго смотрел на нее в подзорную трубу, перебирая сравнения и ассоциации. Озарение, как ему и полагалось, полыхнуло словно бы из ниоткуда. Только что его не было — и вот оно, в голове, и удивляешься, как раньше до этого не додумался.

— Рельсы в Хелльстаде? — проворчал Сварог себе под нос. — Более чем оригинально...

Но это и в самом деле больше всего напоминало новехонький рельс, словно вчера проложенный, дабы подгадать к их визиту.

Остальные молчали. Он понял, в чем дело. Спросил:

— Кто-нибудь в жизни видел рельсы? Что, не узнаете? Вы же в подземелье, по-моему, насмотрелись вдосыть...

— Но их же должно быть четыре, — пожал плечами Леверлин. — Или в крайнем случае два...

— Я вам открою страшную тайну, — сердито сказал Сварог. — Иногда достаточно всего-навсего одного. Поезд удержится. Только не спрашивайте меня, почему — я сам плохо представляю... — Он ошеломленно помолчал. — Есть в Хелльстаде какое-нибудь государство?

— Что? — Леверлин смотрел непонимающе. — Да не должно здесь быть никакого государства, откуда ему взяться...

— Так все-таки — «нет»? Или — «не должно быть»?

— Послушай, сам я здесь не бывал. Из всего сумбура, что нагородили вернувшиеся отсюда, удалось извлечь немного полезного, и никто еще не составил мало-мальски пригодного путеводителя... но про государство не может быть и речи. Даже государство чернокнижников, магов, нечистой силы... Здесь только чудища и опасности. Да, кое-кто говорит о хелльстадском короле, но это еще не означает государства, согласись...

— Согласен, — сказал Сварог. — Но перед нами несомненный рельс. Рельсы — пути сообщения — государство...



- Если только это рельс, — сказала Мара.
- Чертовски похож, — сказал Сварог.
- Смотри, вон там!

С той стороны, куда она показывала, появился движущийся предмет, он словно парил над рельсом, мчался слева направо с приличной, но не столь уж безумной скоростью. Сварог топорливо вперился в подозрную трубу. Прямоугольная платформа, окрашенная ярко, весело — лимонно-желтый с синими разводами вроде павлиньих перьев и белыми узорами. Там была еще надпись, несомненная надпись светло-малиновыми буквами, но прочитав ее на таком расстоянии не удалось даже в Сварогову сильную трубу. Целеустремленно, с постоянной скоростью, совершенно бесшумно, огражденная высокими синими перилами платформа пронеслась к горизонту, за каковым и сгинула во всей своей загадочности. Загадка? Сварог вспомнил заброшенное метро под Равеной, где за пять тысяч лет не вылетел ни один мозаичный камешек, не отлетела и чешуйка краски, не проржавел и крохотный болтик, даже пыли с паутиной не прибавилось. Поспешные версии, как известно, вещь рискованная, но почему бы и на поверхности земли древней технике не сохраниться столь же идеально? Стоит воспользоваться тестом Оккама и допустить, что это осталось с прежних времен, — и получаешь простую, вполне пригодную гипотезу, не требующую нагромождения допущений и оговорок...

Он посмотрел на клубок. Тот шевельнулся и покатил вниз по склону — гораздо медленнее, чем катился бы обычный шарик. Сварог пустил коня следом. Клубок свернул, покатился параллельно рельсу, уярдах в пяти от него. Бесшумная, как призрак, платформа обогнала кавалькаду, всхрапнули кони, Сварог невольно вздрогнул от неожиданности, успел рассмотреть, что выглядит она, как новенькая, точная копия первой, а вот надписи на борту разобрать не успел, платформа выжимала лиг сто в час.

Вскоре они увидели впереди остановку. Станцию. Разъезд. То есть это Сварог окрестил в уме строение остановкой — и готов был отстаивать свою точку зрения в споре с любым оппонентом, подвернись таковой. Новехонький на вид павильон — изящно выгнутая белая крыша, три стены из малиновых и синих стеклянных блоков. И вывеска, где синим по светло-серому значилось: «Кардея».

Клубок крутнулся на месте и замер.



— Ну, и что ты предлагаешь? Ехать? — проворчал Сварог, как будто надеялся на ответ.

Разума в клубке имелось не больше, чем в лесном орехе. Безмозглый сгусток магии, он был создан для одной-единственной цели: единожды указать своему владельцу самую безопасную дорогу. Все наследство бабки-гусятницы состояло из одно-разовых магических штучек. Причем личность и моральные качества владельца никакого значения не имели. Вора клубок провел бы подальше от полицейских, купца — подальше от разбойников, и так далее. Эрго...

Сварог спрыгнул с седла, прошел под крышу. Вдоль стен тянулись белые, изящные, вроде бы пластмассовые лавочки, пол был из синих квадратных плиток, ничуть не скользивших под подошвой, а на одной из боковых стен, на уровне груди Сварога, белела плоская коробка, отнюдь не внушавшая непосвященному комплекса неполноценности. Потому что там была одна-единственная кнопка, черная, квадратная, и две лампочки в виде полушарий. Верхняя светилась синим, нижняя не горела. Ничуть не колеблясь, Сварог придавил большим пальцем кнопку — и синяя лампочка погасла, а нижняя засветилась красным.

Сварог вернулся к своим, но на коня не сел.

— А что дальше? — с любопытством спросила Делия.

— У меня сильные подозрения, что следующая платформа теперь остановится, — сказал Сварог. — Если так и случится, мы сядем и поедем. Благо нам почти в ту же самую сторону. Наш поводырь отчего-то спокоен, а я склонен ему верить. Если платформа остановится, значит, и там, где мы решим сойти, остановить ее будет легко. Хоть убейте, не связываю я это сооружение с чудищами и злыми чарами. Правда, смешно будет, если окажется, что на платформе стоит автоматическая касса, наши монеты туда вряд ли пролезут...

Увы, никто не смог оценить его последнюю фразу должным образом — все, включая Мару, не поняли, в чем тут юмор, вообще не усмотрели юмора.

Вскоре показалась платформа. Плавно гася скорость, она остановилась напротив павильона, осела, скрыв под собой рельс, став совсем низкой, по колени лошадям, и синие поручни на обращенной к людям стороне опустились, ушли в желтый борт. Теперь можно было не торопясь прочитать надпись, сделанную, как и в метро, абсолютно знакомыми буквами: «Та-



харот — Тодиар». Клубок, подпрыгнув, взлетел на платформу, откатился к перилам и замер.

Сварог попробовал платформу ногой — ничуть не колыхнется, — решился взойти. На перилах впереди — узкая коробка с окошечком, где светилась надпись «Кардея», и одной-единственной кнопкой. Гениально просто. И почему-то ни единого кресла, лавки, сиденья. Что, поездка по этому маршруту считалась короткой и пассажиры предпочитали стоя любоваться окружающей природой? Ага, вот — узкая белая клавиша с черным силуэтом стула. Надо полагать, нажмешь — стулья и выскочат снизу. Но придется постоять, иначе кони не уместятся...

Не прибегая пока что к семейному умению Гэйров-лошадников, он потянул коня за повод, и тот, поколебавшись, спокойно ступил на платформу — она не гремела, не чадила и оттого, надо полагать, совсем гнедого не пугала. Следом завели коней остальные. Сварог, уже с показной лихостью, нажал кнопку.

Перила поднялись. Вспыхнула новая надпись: «Куманте», но Сварог не стал больше трогать кнопку. Платформа плавно приподнялась над рельсом и устремилась вперед. Положительно, сотня лиг в час, не меньше, однако скорости не ощущается и ветер вовсе даже не бьет в лицо, есть тут какой-то секрет... Сварог ободряюще оглядел спутников, но они и без того держались молодцом.

— И это — дорога предков? — спросила Делия, встав рядом с ним.

— Очень похоже, — сказал Сварог. — Какая-то фантастическая сохранность...

— Сказка... Поневоле позавидуешь.

— Предкам? — криво усмехнулся Сварог. — Право, не стоит, принцесса. Голову могу прозакладывать, бок о бок с этими приятными удобствами у них имелась масса такого, отчего вы пришли бы в ужас...

Но Делия его не слушала, задумчиво улыбалась, подставив лицо легкому ветерку, мечтательно полужакрыв глаза. Сварог мысленно махнул рукой, догадываясь, где блуждают ее мысли и фантазии. Зримых остатков древних ужасов в наличии не имелось, а яркая платформа, невесомо летящая посреди заросших лесами холмов и зеленых равнин, была доподлинной реальностью. Сварог отстранил ладонью ткнувшуюся ему в плечо



тяжелую конскую морду, облокотился на перила и молча глядел по сторонам. Уходил квадранс за квадрансом. Час, полтора, два... Платформа неслась, не задерживаясь на многочисленных остановках. Вокруг — равнины и холмы, потемневшие после захода солнца леса. И ни единого чудища ни на земле, ни в небе, ни малейших следов цивилизации, если не считать самого монорельса. Идиллия и пастораль.

— Граф, — громко сказал Сварог, не оборачиваясь. Леверлин подошел справа.

— Слышал ты о чем-нибудь подобном? — спросил Сварог, похлопав ладонью по перилам. — Или, может, читал?

— Ни строчки и ни словечка...

— Занятно, — сказал Сварог. — А ведь эта штука расположена в жалких паре лиг от границы, и конца-края ей пока что не видать. Что, никто из тех, кто сюда забредал, так и не наткнулся на рельс?

— Куда ты клонишь?

— Сам не знаю. Размышляю вслух.

Кто-то охнул за его спиной, беспокойно зафыркали кони — впереди вдруг открылась неширокая река, рельс пересекал ее, держась на ажурных, уходящих в воду опорах. На миг и у Сварога замерло сердце, но платформа лихо пронеслась на другой берег над серой морщинистой водой, с высоты показавшейся твердой и неподвижной. Рельс круто забирал влево, протянувшись вдоль реки. Возможно, это и был таинственный исток Итела. Дорога пошла под уклон. Справа темнел лес, впереди показался залив, нечто вроде бухточки, отделенной от реки узким каналом. Бухточка была чересчур уж округлая, а канал чересчур уж прямым для игры природы. Возле бухточки желто-коричневым полумесяцем выгнулось невысокое каменное здание со стрельчатыми окнами, башенками и нависавшими над водой террасами.





«А ДАЛЬШЕ – ДРЕВНИЕ ДОРОГИ...»

Платформа замедлила ход, остановилась. Рельс кончался у темно-синего сооружения, напоминавшего решетчатую антенну радара, врытую нижним краем в землю. Рядом на двух столбиках красовалась вывеска: «Тодиар».

— Поздравляю, приехали, — сказал Сварог. — Дилижанс дальше не пойдет.

Перила опустили, и он сошел на землю первым, отметил в окружающем некую странность, но никак не мог сообразить, в чем она заключается. Клубок скатился следом, замер у сапога.

— Выводите коней, — распорядился Сварог. — Нужно же где-то ночевать. Дом есть, а хозяева, сдаются мне, уже не объявятся.

Больше всего одноэтажное здание походило на уютную гостиницу — вполне возможно, стилизованную под некую тогдашнюю старину. Под то, что считалось стариной пять тысяч лет назад. Сварог уже почти не сомневался, что видит дело рук людей, населявших Талар до Шторма, — и шрифт надписей был тем же, что в метро, и еще что-то неуловимое, некое сходство дизайна, уловленное не разумом, а словно бы чутьем... Так уж выглядел этот красивый, целехонький, ничуть не тронутый разрушением дом. Он был из другого времени, не нынешнего.

Наконец Сварог сообразил, что показалось ему странным. Опережая их, той же дорогой прошли две платформы. Сварачивать им было некуда, ни единого ответвления по пути не ока-



залось. С рельса они не сходили, иначе непременно попались бы на глаза. Но все же исчезли, как дым.

Растерянно оглянулся. Его brave сподвижники стояли, держа коней под уздцы, дисциплинированно дожидаясь дальнейших указаний, а за их спинами был только рельс и никакой платформы там уже не имелось...

— Ты что, черта увидел? — тихо спросила Мара. — Аж глаза на лоб вылезли...

Он молча ткнул пальцем за их спины. Все оглянулись и тоже увидели — точнее, уже ничего не увидели.

— Колдовство, — поежился Бони и посильнее зажал под мышкой пулемет, как будто любимая громыхалка могла убедить его от злых чар.

— Вряд ли, — подумав и припомнив кое-какие заоблачные чудеса, сказал Сварог. — Скорее уж — высокоразвитая техника. Платформа, добравшись сюда, по миновании в ней надобности просто испаряется. Куда она девается, я вам не скажу — объяснения не хватает...

— Ну, уж если это не колдовство, тогда неизвестно, что колдовством и звать... — проворчал Шедарис.

— Говорят тебе, наука, — чуть свысока глянула на него тетка Чари. — Командиру виднее.

— Я и не спорю, — утрюмо сказал капрал. — Командиру виднее. Я так понимаю, все это построено до Шторма? А помните ту симпатичную зверушку из подземелья? Как бы и здесь на нас что-нибудь бойкое и зубастое не выпрыгнуло...

— Пойдем посмотрим, — обыденным тоном сказал Сварог и взял коня под уздцы.

Клубок покотился перед ним к невысокому, в три ступеньки, крыльцу меж двух рядов фонарей на изящных, с большим искусством выкованных столбах. Фонари были четырехгранные, их стекла напоминали скорее крохотные витражи. И вдруг они все разом вспыхнули в сгущавшемся сумраке, справа и слева, так что и люди, и кони шарахнулись, оказавшись в полосе света. Сварог исключением не стал. Зажглись и несколько окон по обе стороны крыльца — это осветился обширный вестибюль с ковром на полу, длинными мягкими диванами вдоль стен и фонтаном посередине. Фонтан действовал как ни в чем не бывало, подсвеченные хитро укрытыми в бортике круглого бассейна разноцветными лампочками струи зыбкими, искрящимися дугами окружали бронзовую статую — русалку, грациозно опирающуюся на якорь.



Клубок подкатился ко входной двери и вопросительно замер. Сварог распахнул перед ним дверь, пропустил внутрь, словно даму, встал на пороге с топором наготове и смотрел, как желтый проводник, описав вокруг фонтана своеобразный круг почета, остановился в гордом одиночестве возле сооружения из деревянных резных панелей, напоминавшего стойку портье.

— Это кто же свет включил? — подозрительно поинтересовался Шедарис.

— Скорее всего, фотоэлемент, — рассеянно сказал Сварог.

— Люблю я тебя, командир, за редкий дар толково изъясняться...

— Ладно, не ной, — сказал Сварог. — Если я где-то почую колдовство, так и скажу. А насчет всего, что есть не колдовство, а наука, объяснять придется до утра...

Вошел в вестибюль, с любопытством огляделся. Под ногами упруго пружинил ворс роскошнейшего ковра, в простенках висели огромные полотна в массивных золоченых рамах, а на полотнах кипели морские сражения — гроздь белых парусов, целых и разорванных в клочья, тяжелые тучи порохового дыма, пламя, облепленные людьми сломанные мачты на волнах, чернеющие в воде головы, незнакомые флаги и выпелы, багрово-золотистое зарево... И потемневшие от времени штурвалы на стенах — определенно настоящие. И модели фрегатов в стеклянных ящиках. Несомненный уклон в морскую тематику, причем военно-морскую... Если это и в самом деле приют моряков, окружающий комфорт недвусмысленно указывает, что простые боцманы и прочие гардемарины с кондукторами сюда вряд ли попадали. Неброская роскошь и отсутствие вывески — сие нам знакомо донельзя...

Он сделал несколько шагов в глубь коридора, потрогал начищенную (сколько тысячелетий назад?) медную ручку первой же двери. Дверь бесшумно подалась, за ней обнаружился шикарный гостиничный номер: уютные кожаные кресла, ковер во весь пол, огромный телевизор непривычного дизайна, но легко узнаваемый, и что-то крайне похожее на видеомэгнитофон, и что-то весьма смахивающее на компьютер, и затейливая люстра с кучей висюлек цвета чистейшего аквамарина. Окна выходят на заливчик. И никакого следа нечистой силы.

Мара бесшумно выскользнула из-за его спины, распахнула дверь в глубину комнаты. Спальня. Огромная, идеально застеленная кровать. За стеклом бара батарея разнокалиберных бутылок с красочными этикетками.



- Отдыхать здесь умели, — сказала она.
- Разлагались со вкусом, — кивнул Сварог.

Он добросовестно обошел все номера, коих набралось всего по семь в каждом крыле, зажигая повсюду свет. Везде одно и то же — комнаты словно пять минут назад убраны до блеска в преддверии адмиральского смотра. Можно подумать, здесь и не жили-то никогда.

— Ну вот что, — сказал Сварог, вернувшись на крыльцо. — Заводите-ка коней внутрь. Расписание боевых дежурств — обычное, сложившееся за время славного похода. Оружие держать под рукой, но расслабляться не возбраняется. — И закончил брюзгливо: — Потому что мне сердце отчего-то вещует: либо нас вообще не потревожат, либо заявится что-то такое, против чего можно бороться только путем немедленного самоубийства... Другие мнения есть?

Не было других мнений. Коней завели в вестибюль, чему они не особенно и удивились. «Бедный ковер», — подумал Сварог, глядя на импровизированную конюшню, имевшую явственный оттенок этакого варварского сюрреализма. Шедарис, одержимый, должно быть, теми же мыслями, хохотнул:

— Видок, конечно, жуткий, да видел бы ты, командир, как мы в Лоране ставили лошадок на ночь в музей с ученым названием «минералогический»...

И разошлись они по роскошным номерам — Делия с Леверлином, Сварог с Марой, тетка Чари с Шедарисом, Бони с пулеметом. Паколета оставили на страже за стойкой портье. Сварог еще раз прошелся по комнатам, снабжая всех едой и питьем, ободряюще похлопал Паколета по плечу (тот грустно-философски развел руками) и ушел к себе.

Мара, скинув сапоги и блаженно вытянув ноги, развалилась в кресле перед телевизором.

— Там, между прочим, роскошная ванная, — сообщила она. — Течет и холодная, и горячая, еще какие-то краники. Чур, я плескаюсь первая. Может, телевизор включим?

— Так он тебе и заработает, — сказал Сварог. Однако, чисто машинально, подошел и потыкал пальцем в кнопки.

Огромный экран вспыхнул всеми цветами радуги.

— Да я пошутила... — успела еще сказать Мара.

И замолчала. Музыка, яркие декорации, игра цветных огней, камера скользит то по эстраде, то по залу, выхватывая аплодирующих зрителей. Самый обычный концерт, самая обычная



публика, только одета по незнакомой моде. Зато молодая певица, темноволосая красотка в открытом алом платье, поет на знакомом языке, почти не изменившемся за пять тысяч лет:

Но кто мы и откуда,
когда от этих лет
остались пересуды,
а нас на свете нет...

Сварогу стало чуточку жутковато — так идеально подходила песня к ситуации, о чем певица, умершая тысячи лет назад, и подозревать не могла. Как и все, кто сидел в зале. Они были заблудившимся в веках миражом, все эти люди, как и сама гостиница. Вот только одни миражи, как и положено порядочным видениям, неосязаемы, а другие можно потрогать и даже жить в них... Порой изображение пропадало на миг, его сменял электрически гудевший, затейливый черно-белый узор, какие-то хитрые помехи, должно быть, сопровождающие загробное существование таких миражей. Но помехи случались редко, и Сварог перестал бояться, что телевизор вспыхнет или взорвется.

— Совершенно иначе представляла себе Хелльстад, — сказала Мара.

— Да ну? — хмыкнул Сварог, направляясь к компьютеру.

Заложенная ему в сознание программа-отмычка не подвела и теперь. Сварог вновь ощутил словно бы прошивший тело слабенький удар тока — едва положив пальцы на клавиши, но знал, как с этой штукой управляться.

Только вот не от всякого знания бывает толк. На черном экране монитора вспыхнули желтые буквы: «Пожалуйста, наберите код нужного вам абонента». А какие у него здесь абоненты? И где взять коды? Сварог вяло выругался.

— Эй! — позвала Мара. — А ведь в шкафу барахлишко...

Сварог подошел к распахнутому ею шкафу. Внизу рядом с черными низкими сапогами стоял большой коричневый чемодан, а на металлических плечиках висел синий с сиреневым френч, расшитый золотом по рукавам и лацканам, украшенный полудюжиной затейливых, совершенно незнакомых орденов. Из-под него виднелись синие брюки с красно-золотым узеньким лампасом. На полочке лежала синяя шляпа в виде полумесяца острыми концами вниз (на концах красовались золотые кисточки, а сама шляпа щедро вышита золотой каните-



лью). Рядом — великолепной работы кортик в ножнах. Мара им немедленно завладела и с решительным видом заткнула за пояс. Сварог не препятствовал. Взял шляпу, повертел, положил назад — настоящая, тяжелая, парадная, похоже. Двумя пальцами вытянул из бокового кармана френча торчавший наружу лист белой бумаги, свернутый в трубочку.

Короткая строчка букв и цифр, видимо, код. И совершенно понятный текст.

«База „Стагар“ Полночного Флота — штандарт-навигатору Горонеро. Получением сего немедленно прибыть базу. Вертолет за вами выслан. 11:24 шифровкой морского министра объявлена Белая Тревога. Вероятность учений исключена. ОДШ-4 Турзо».

«Если ОДШ не означает „оперативный дежурный штаб“ — я не граф, а балерина», — подумал Сварог.

Потом он подумал: «Это нам тоже знакомо. Блаженствуешь в глуши, понемногу разоряешь бар, прижимаешь горничных, которым по должности положено быть отзывчивыми и безотказными, а депеша уже в пути, и все летит к чертям. Если и в те времена белый был цветом смерти и траура, Белая Тревога наверняка означала что-то крайне серьезное. Но вряд ли штандарт-навигатор, судя по золотому шитью и допуску в эту уютную гостиничку, чин немалый, мог предвидеть, что все это означает Шторм... Более того, есть сильные подозрения, что высланный вертолет сюда не добрался и штандарт-навигатор остался здесь навсегда — собираясь по тревоге, можно бросить все пожитки. Но какой офицер оставит мундир и кортик? Черт, как же э т о выглядело пять тысяч лет назад? Ничего хорошего, если вкратце, тут и гадать нечего — апокалипсис...»

Он подошел к компьютеру и пробы ради отстучал предварявший депешу код. Что было вознаграждено вполне прогнозируемым ответом: «Простите, база „Стагар“ на вызов не отвечает». Интересно, имела эта база отношение к нынешнему Стагару или просто — случайное созвучие? Сварог скомкал депешу и отправил под стол, в корзинку для бумаг. Вряд ли она представляла интерес для историков. Мара тем временем вытащила чемодан, положила посреди комнаты, попробовала замки — заперто — и занесла ногу, чтобы сбить замки точным пинком.

— Эй, а это не мародерство? — спросил Сварог лениво.

— Учитывая возраст чемодана, это скорее археологические раскопки, — сказала Мара и нанесла молниеносный удар, сорвавший замки. Вывалив содержимое на пол, присела и стала



энергично ворошить кучу, что мало походило на методичный обыск, но Сварог удержался от ехидной реплики, ему и самому было интересно.

Небольшой кожаный бювар — Сварог заглянул внутрь, увидел конверты, бумаги, фотографии и швырнул на стол. Форменные рубашки с якорьками на воротнике, трусы, носки. Куча книг в ярких мягких обложках — на одних девицы в negligé, на других амбалы с пистолетами, на третьих жуткие чудища, а на иных — все вместе. Названия соответствующие: «Брюнеты в жизни Лонеллы», «Удар из-за угла», «Мсть призрака».

— Богатый у него был внутренний мир, — фыркнула Мара.

— Может, ему просто хотелось прочистить мозги и отвлечься от серьезности жизни, — сказал Сварог. — Так тоже бывает. Что-то я тебя ни разу не видел за чтением древних философов, да и себя за этим занятием что-то не заставал...

Мягкая коричневая кобура с пистолетом параметров «Вальтера ППК». Возможно, наградной — весь в золотых накладках с крохотными сапфирами, гравированными парусниками, якорями и неизвестными гербами. Обойма полная, патрона в стволе нет, конечно.

В общем, ничего удивительного. Обычный чемодан обычного офицера на отдыхе. Только один-единственный предмет категорически не гармонировал и не вписывался — бронзовая дверная ручка затейливой, тонкой работы. Или не ручка. Штырь, на котором нормальной ручке полагалось бы держаться в двери, здесь заканчивался хитроумным переплетением бронзовых лепестков, таким экзотическим цветком, идеально вписывавшимся в полусферу.

— Если это и ручка, место ей не в двери, — задумчиво сказала Мара.

— А где?

— Откуда я знаю? Как в том анекдоте... Послушай, а мог он быть сумасшедшим? Зачем нормальному офицеру с собой такое таскать?

— Чего только не таскала с собой военная братия в качестве сувениров... — сказал Сварог. — Может, это ключ от его служебного сейфа. Или какого-нибудь пульта. Кто их теперь разберет... Все? Иди-ка ты в ванную.

Она ушла, а Сварог, положив на стол кобуру и загадочный предмет, устроился в кресле с одним из романов.

«Вспышка сверкнула в темноте туннеля, и над головой Федер раздался характерный свист пули. Федер немедленно отве-



тил огнем. Глухой шум падающего тела возвестил, что сыщик не промахнулся...

Незаметно для себя Сварог зачитался. Непобедимый сыщик Федер, паля по всему, что двигалось, вышел живым и невредимым из туннеля, из подожженного со всех концов гаража, из залитого водой подвала, где падали сверху капли горящего бензина, а в воде плавали загадочные зубастые и кусучие «аранлегулы», пробрался-таки в кабинет, вырубив по пути еще парочку злодеев, но драгоценностей в сейфе не оказалось, а это неопровержимо свидетельствовало, что графиня...

— Как там древние философы? — спросила Мара над самым ухом.

Сварог не сразу вернулся к действительности, потянулся даже перевернуть страницу, но Мара отобрала книгу и швырнула на стол.

— Представляешь, драгоценностей в сейфе не оказалось, — сказал он, печально провожая взглядом летопись подвигов неуязвимого Федера.

— Значит, маркиза сперла. Или прочие графини. Как в таком деле без графинь?

Она улыбнулась, посвежевшая, чистенькая, в синем пушистом халате, волочившемся по полу. Судя по мундиру и халату, штандарт-навигатор был верстой коломенской. Сварог потянулся к ней, но боевая подруга непостижимым образом переместилась в пространстве, оказавшись за спиной. Правда, из-за великанской хламиды должного эффекта не получилось — видно было, как мелькнула по комнате смазанная синяя полоса.

— Теряешь хватку, — сказал Сварог. — Тебя было видно.

— Тебя бы закутать в такой балахон... Иди поплавай. В кои-то веки после походной любви под плащом — такая роскошь и все условия...

Отправляясь купаться, он украдкой, пока Мара отвернулась, сцапал со стола приключения Федера, но только в ванной обнаружил, что промахнулся, и, не глядя, сунул под камзол бювар с навигаторскими бумагами. Ничего не поделаешь. Со вздохом он улегся в огромную мелкую ванну, синюю в светло-зеленых узорах, пустил воду, тоненькую струйку пенистого шампуня из особого краника, еще струйку — какого-то зеленого эликсира, приятно пахнувшего хвоей. Подумал, что жить в Хелльстаде можно, хмыкнул, закурил и свободной рукой принялся пере-



бирать бумаги, положив бювар на удобную фарфоровую полочку, приспособленную к ванне ради вящего комфорта.

Там оказалось служебное удостоверение штандарт-навигатора в роскошном оформлении и солидном исполнении — в синей замшевой обложке, с обилием печатей, секретов, штампов и кодов. Судя по фотографии, флотский чин был немногим старше Сварога, но пост занимал серьезный — начальник отдела штаба Полночного Флота. Цветные фотографии запечатлели самого Горонеро и его коллег-приятелей в такой же форме — то напыщенно-валяжных на палубе и у пирса, на фоне громадных оружейных башен, гроздьев разнообразнейших антенн, подводных лодок и остроносых ракет, то хмельных, веселых за столом в обществе симпатичных девиц. Несколько снимков военных кораблей, полным ходом идущих в открытом море. Фотография светловолосой, черноглазой красотки в крохотном золотистом купальнике, безмятежно лежавшей на залитом солнцем пляже. Рядом сидит, вывалив розовый язык, потешная ушастая собака, серая в черную крапинку. Красотка нарисовала на песке якорь и весело улыбается — конечно же, о войне ни слуху ни духу, все веселы и беззаботны, все живы пока... На обороте аккуратная надпись: «Мы с Дуфи бросаем якорь здесь. Ждем. А.» Несколько бланков с грифом Полночного Флота и базы «Стагар», покрытых сущей абракадаброй из цифири и странных значков — как бы не ошибиться, но это может иметь прямое отношение к навигации... Очень уж похоже на перечни координат. Две глянцевые картонки с кодами и цветными полосками — должно быть, пропуска, довесок к удостоверению. Одна украшена силуэтом надводного корабля, другая — подводной лодки. И повсюду, на каждом документе, на каждом бланке, эмблема-крест: горизонтально, рукоятями к центру — два меча, вертикально, проушинами к центру — два якоря, и крест этот посередине скреплен кругом, вернее, змеей со странной головой, глотающей собственный хвост.

Итак, до Шторма существовали великолепно оснащенные военные флоты, знавшие толк в бюрократии, — вот и все наблюдения.

Длинный розовый конверт, адресованный на базу «Стагар» штандарт-навигатору Горонеро, Сварог оставил напоследок и взялся за него, лишь убедившись, что бювар опустел.

«Тогир, милый! Я боюсь, чем дальше, тем больше, и, что страшнее всего, что самое скверное, я прекрасно знаю, чего бо-



юсь. Поэтому письмо пойдет не почтой — ты сам постарался просветить насчет ваших хитроумных цензурных аппаратов. Спасибо, наука пошла впрок... По счастью, здесь оказалась До-найра с „Рагнарока“, она и передаст. Уж она-то, надеюсь, не стукачка. Хоть ты и объяснял с важным видом, что в стукачи вы вербуете только таких, о ком никогда и не подумаешь... Все равно. Если она и стукачка, письмо в любом случае попадет к тебе. Тогир, ЭТО приближается. Это будет не простая война. Шар заволакивает кровавая пена, мне даже не нужно к нему подходить, он вспыхивает сам, и это страшнее всего. Я проверяла трижды — с шаром, с кольцом в хрустальной вазе, с облаками. Результат неизменен. Я боюсь даже представить, что ждет Талар. Очертания континентов в шаре меняются, искажаются самым диким образом. Это не война, даже атомная, это хуже — глобальная катастрофа, ужас, совершеннейшее небытие! Вот уже три дня не хожу на пляж — Маска Смерти на лице каждого встречного, видеть это невыносимо. Между прочим, некоторые начинают держаться странно и уезжают вдруг, хотя вовсе не собирались. Подозреваю, это тоже Керуани — мы ведь сплошь и рядом не знаем друг друга, не спросишь же открыто... Облака даже не красные, Тогир, — они черные! Понимаешь? Уж тебе-то следовало бы знать, что магия никогда не обманывает. Она полна символов, верно, однако символы, в отличие от слов, двойного толкования не допускают. Мы все обречены! Обречены, Тогир! И не надо напоминать о присяге, о гербе — мой герб не моложе твоего. Это вовсе не будет дезертирством, какое тут дезертирство, если обречены все воюющие стороны, если не будет ни победителей, ни побежденных? Если вообще не будет выживших? Ты не изменишь своим и не сыграешь на руку противнику, потому что не останется ни своих, ни врагов. К тому же... Я не верю, что Изначальные мертвы. Для этого они были слишком коварны. Они спят... или уже проснулись? А то и не все спали... И мы расплатимся за предков-завоевателей, мы не так уж и виноваты, вовсе мы не виноваты, разве в том, что родились, — но суда с адвокатами у нас не будет, и это наши предки сжигали Девейн — Горт... И никто не предоставит нам последнего слова, нас вообще не будут слушать. Нас уже нет, Тогир. Я избегаю зеркал, чтобы не увидеть Маску Смерти у себя на лице. И по той же причине убрала твои фотографии. Но хочу верить, что мы спасемся. И верю, что Древние Дороги не лгут. Милый, любимый, единственный, самый лучший,



желанный мой! Мое небо, мое сердце! Если ты меня любишь, беги! Времени нет!»

Остальное — уже другими чернилами. И почерк из аккуратного, мелкого стал размашистым, почти неразборчивым, словно писали в страшной спешке или не помня себя от волнения:

«Только что умер Дуфи. Форброны чувствуют беду, ты сам прекрасно знаешь древнюю историю наших псов... Когда молодой здоровый форброн умирает так, как умер Дуфи, это может означать только одно. Он лизал мне руки, просил прощения, что бросает меня, но этого знания, такого ужаса он вынести не смог. Тогир, это конец. Я больше не могу умолять — нет сил. Но время еще есть. Возможно, Белой Тревоге еще будут предшествовать Синяя с Красной. Или одна Красная. Магия таких тонкостей не улавливает и не передает — но она беспощадно предсказывает итог. Так вот, я задержусь ровно настолько, чтобы похоронить Дуфи. А дальше — Древние Дороги. Уж лучше они. Назови меня дрянью, подлой, но я спешу уйти из этого мира, пока он играет всеми красками, пока он незыблем и беспечен, как встарь, хочу его запомнить именно таким, чтобы не покидать бегством дымящиеся развалины. Довольно с меня и последних открытий. Словом, самое позднее через час я уже буду на Древней Дороге. Вероятнее всего, Мерцающая Корчма или Овраг. Нам трудно будет отыскать друг друга — если хотя бы половина рассказней о Древних Дорогах верна. Зато известно совершенно точно: туда нет доступа Изначальным, и все другое несущественно. Остается надежда — и некая определенность. На всякий случай напишу еще раз все заклинания. Я ухожу — и жду тебя. До встречи. Анелла».

И ниже — две строчки совершенно бессмысленных слов, на сей раз выписанных с прежней аккуратностью, каллиграфически, тщательнейше. Сварог, едва глянув на них, сунул письмо в конверт — чтобы не перенестись, чего доброго, неведомо куда в совершенно голом виде, без оружия, не зная заклятья на возвращение...

Видимо, она все же ушла. Решилась, по письму видно. Ей было чертовски страшно... А вот ушел ли за нею вслед по неведомым дорогам штандарт-навигатор, успевший прочитать сообщение о Белой Тревоге? С которой, похоже, все и началось, грянуло без промежуточных Синих-Красных... И где эти Древние Дороги? Уж, конечно, не в этом мире...



Сварог выбрался из ванны, встал под поток теплого воздуха, моментально его обсушивший и волшебным образом насытивший все тело бодростью, живым электричеством. И все равно из ванной он выходил понурый — в ушах словно бы еще стоял долетевший сквозь пять тысячелетий женский крик. Сколько ни успокаивай себя воспоминанием, что истлели самые прочные кости и рассыпалась самая прочная броня, сколько ни огорчайся собственными заботами — на душе пасмурно. З д е с ь, в доме, нет ощущения, что эти пять тысячелетий и в самом деле протекли плавно и величественно... Здесь прошлое не умерло, не покрылось слоем пыли, не превратилось в черепки и скелеты...

Мара лежала на роскошной постели, сбросив халат на пол, и так углубилась в книгу с красавицей в пышном платье на обложке, что вовсе не заметила явления Сварога. Сварог уселся рядом и потянул ее за ухо. Она нехотя подняла затуманенные глаза:

— В самом деле, захватывает. «Глаза барона искрились любовным томлением, столь долго таившимся под спудом. Он нежно привлек к себе Кармину, прильнул к ее полураскрытым алым губкам. Прерывистое дыхание юной маркизы выдало обуревавшие ее чувства, которые бедняжке пришлось так долго таить от безжалостного света, готового с циничной насмешкой надругаться над святой наивностью первой любви...» — Она мечтательно закинула голову. — Граф, ну почему я от вас никогда не слышала подобных речей?

— А ты смогла бы разминировать мост? — спросил Сварог строгим голосом экзаменатора.

— Плевое дело. Если мы имеем дело с пороховым шнуром, без химических взрывателей... — Мара спохватилась, негодуяще фыркнула. — Ну, нечестно! Только я настроилась...

Сварог рассмеялся, привлек ее к себе и прильнул к полураскрытым губам, даже не пытаясь разобраться в обуревающих его чувствах. Знал одно: так неистово и яростно они друг друга еще не любили — растворяясь друг в друге, теряя всякую связь с окружающим бытием, зная друг про друга, что оба слышат где-то на границе сознания беззвучное карканье: «Вокруг Хелльстад, Хелльстад, Хелльстад...»



Глава 8



БЕЗ НЕДОМОЛВОК

Сварог открыл глаза, прислушался, пытаясь понять, что его разбудило.

Для этого и не потребовалось особого напряжения чувств. Дверь в кабинет была полуоткрыта, как он ее оставил, — только сейчас там горела на столе лампа и в спальню падала полоса света, достигавшая постели, задевавшая краешек лезвия Доран-ан-Тега. Потом в кабинете послышались шаги — кто-то прошелся по комнате, ступая громко, уверенно, ничуть не прячась. Шумно отодвинули кресло.

Сварог толкнул локтем Мару — но ее ровное, глубокое дыхание ничуть не изменилось, она безмятежно спала, хотя такого с ней не могло случиться. Не отрывая взгляда от полосы света, Сварог ощупью нашел плечо девушки, потряс. Мара должна была мгновенно вскинуться — но она спала. Мелькнула дурацкая мысль — Горонеро вернулся за чемоданом...

На полпути задержав протянувшуюся было к топору руку, Сварог бесшумно вытащил из-под подушки пистолет — тот, что стрелял серебряными пулями. Замер, прикидывая варианты.

Вариант был один — встать и выйти туда... В кабинете громко откашлиались — вновь открыто, демонстративно. Кто бы там ни сидел, он честно предупреждал о своем присутствии, и это сбивало с толку. Мара перевернулась на другой бок, лицом к стене, умиротворенно посапывая. Пора было решаться. Помогая себе одной рукой, Сварог влез в штаны, опустил ноги на



пол и бесшумно направился к двери, держась подальше от полосы света.

— Входите, что же вы, — послышался оттуда спокойный мужской голос, совершенно незнакомый.

Сварог вошел, держа под прицелом расположившегося в кресле человека, — лампа на гибком кольчатом шнуре опущена вниз, лицо и фигура нежданного гостя скрыты мраком. Не помог и «кошачий глаз», как Сварог ни напрягался, лицо сидящего оставалось словно бы подернуто густой мглой.

Сварог слегка повел стволom.

— Не нужно, — так же спокойно сказал сидящий. — Вреда вы мне не причините, но придется уйти, а нам непременно нужно побеседовать. Рубашку не накинете ради пущей респектабельности? Вы, во-первых, гостя принимаете, во-вторых, вы граф, барон и лорд, а среди моих многочисленных титулов есть и княжеский.

Сварог, чувствуя себя на удивление спокойно, придвинул второе кресло и сел, бросив пистолет на колени. Сон слынул, голова была ясная, и он ни на миг не собирался упускать инициативу. Посему демонстративно пошевелил пальцами босых ног, шумно почесал голый живот, взял со стола бутылку с красивым парусником на пестрой этикетке и налил только себе, пояснив:

— Вам не предлагаю. По слухам, другой у вас любимый напиток...

Сидящий напротив посмеялся коротко и вежливо, как человек, способный понять хорошую шутку. И продолжал беззаботно:

— Вполне понимаю ваше мальчишеское желание показать себя крутым и нестигаемым, но не оставить ли нам и состязания в плоском остроумии, и скоропалительные колкости?

— Я вам особых колкостей не говорил.

— Ну, собирались. Ведь правда? Мы с вами не дети. Я не страдаю повышенной обидчивостью, но вам, дорогой лорд Сварог, следовало бы отнестись ко мне чуточку уважительнее, потому что я — это... я.

Он поднял лампу повыше, покрутил регулятор, осветил все вокруг. Сварог жадно уставился на непрошеного гостя и ощутил легкое разочарование. Гость был одет в скромный темно-серый камзол, обшитый черной тесьмой, — ни дать ни взять, добропорядочный горожанин Бронзовой гильдии,



не выше. И лицо самое что ни на есть народное — скуластое, худое, располагающее лицо неглупого крестьянина или служаки-сержанта, работяги и философа войны. Руки, спокойно лежащие на коленях, — тяжелые, неуклюжие, с натруженными ладонями. Только глаза выбиваются из образа — темно-желтые, словно бы бездонные, удивительным образом и умные, и пустые, зрачок-точечка, словно проколота иглой дырка в иную реальность, где нет ничего, кроме абсолютного мрака.

— Неплохо, — сказал Сварог. — Великолепная маска. Это не колкости, я серьезно говорю. С такой физиономией ко мне и следует являться. Свой мужик, ах, какой свойский, не усатенький демонический красавчик, не седовласый благообразный аристократ...

— Даже если вы все понимаете, ваше подсознание независимо от ваших побуждений играет на моей стороне, — усмехнулся гость. — Вы знаете, кто я, но от моей маски никуда не деться... Вам постоянно приходится делать над собой некоторое усилие, чтобы видеть за маской сущность...

— А как насчет настоящего облика?

— Вы не то чтобы этого не перенесете, но... Понимаете, нет таких слов... Вы человек, а я — совершенно другое.

— Кстати, о сущности, — сказал Сварог. — Кто мне поручится, что передо мной — самый главный? Не заштатная нечисть, обосновавшаяся вблизи пансиончика? Не мелкий здешний бес?

Несколько секунд стояла тишина, и слышно было, как в холле время от времени тревожно фыркают лошади, ржут коротко, испуганно, словно вскрикивая.

— Забавно, — сказал наконец гость. — С таким оборотом дела мне почти не доводилось сталкиваться. Ну не могу же я, простите великодушно, выправлять самому себе солидный документ с подписями и печатями? Что за абсурд... Ага... Вас ведь там, наверху, насколько мне известно, обучили наспех мелким фокусам? Вот и попробуйте усмотреть мою истинную сущность. Потом поделитесь впечатлениями...

— Вы правы, это мысль, — со светской улыбкой сказал Сварог и произнес про себя нужные слова.

С таким он еще не сталкивался. Все в комнате осталось прежнему, и в то же время она пропала, Сварог был в двух местах сразу, в двух мирах, одинаково реальных, и перед ним



грустно перекатывались, клубились в непонятной бездне исполинские потоки мрака. Тьма обрела мириады оттенков, переливов и колеров, то оформляясь в осязаемое переплетение необозримо гигантских змей, то расплываясь невесомыми извивами туманов, пронизанных колючими лучами черных, ослепительно черных звезд. Он погружался в бездну, липкую, засасывающую, сомкнувшуюся над головой, уплывал в нескончаемые пучины, и все, имевшее формы, очертания, контуры, иные, кроме черной краски, осталось наверху, в неизмеримой дали... И это был Ужас.

Зажмурившись, сжав кулаки, он вернул себя в прежнее состояние.

— Вы удовлетворены? — мягко спросил гость. — Неужели то, что вы видели, душонка мелкого беса? У которого и нет души...

— Удовлетворен, — сказал Сварог, не в силах побороть странную слабость во всем теле.

— Впечатлениями поделитесь?

— Нет. Я не смогу этого описать. Что это?

— Вы видели Тьму. Из Тьмы и слагается Вселенная. А на долю света, простите за убогий каламбур, приходится ничтожнейшая доля...

— А если отделить тьму, над которой вы властны, от той, что к вам не имеет никакого отношения? Это какая доля будет?

— О, не стоит... — слегка поморщился гость. — Не нужно этого, не будем играть в слова... Я — хороший логик, слышали, должно быть? И практика у меня неизмеримо богаче, отточена на дискуссиях с интеллектуалами, стократ превосходящими по подготовке вас. В иных спорах и мне случалось оказаться посрамленным. Все равно, не надо погружаться в пучины схоластики. «Что есть взгляд в крошечной темноте?» И тому подобное. Вам все равно не превзойти, к примеру, Катберта... Поздняя ночь, скорее уж раннее утро, в заброшенной тысячелетия назад гостинице для военно-морских чинов сгинувшего мира сидят мятущийся граф и Князь Тьмы — и старательно состязаются в красноречии... Нелепо. Как если бы мы, подобно оперным тенорам, стали петь свои реплики. Мы же не персوناжи философского трактата...

— А какой стиль вы предпочитаете?

— Насквозь деловой, — сказал гость. — Сбережем время.

— Что же вы хотите? Договора не вижу...



— Помилуйте, вы же взрослый человек, лорд Сварог... Или всерьез верите, что я заставил бы вас расписываться кровью? А то и в случае вашего согласия обрек бы на вечные муки после смерти? Все это — примитивный вздор. Нет ни вечных мук, ни вечного блаженства. Все одновременно и сложнее и проще. Одни в свое время становятся частицей Тьмы, а другие — частицей Света. Вот краеугольный камень, фундамент. Все остальное — детали, частности, дополнения.

— Но чего же вы все-таки хотите? И что предлагаете?

— Хочу я немногого — чтобы вы, собравшись утречком, повернули назад в Равену. Где и вы, и ваши спутники вернутся к прежним занятиям. Не беспокойтесь о принцессе. Мелкие неприятности, клянусь Великой Тьмой, улаживаются походя...

— А что взамен?

— Да ничего! — досадливо поморщился гость. — Ничего. Вы удивлены или разочарованы? Нет, если вам так уж необходимы все эти пошлые глупости — бриллианты размером с кулак, какой-нибудь трон, толпы прелестниц — составьте на досуге список, не ограничивая себя решительно ни в чем. — Он презрительно скривился, махнул рукой. — Что угодно. Корону Четырех Миров? Место в моей свите? Место — немедленно, корону — чуть погодя, быстро это не делается... словом, дать я могу почти все. Но ничего не предлагаю. Потому что способен вознаграждать вас не в пример щедрее — вовремя остановить. Чтобы вы избежали всех глупостей, какие можете совершить. Вот настоящая награда и достойная плата. Покой. Если хотите позаботиться еще о ком-то, скажите.

— Интересно...

— Удивлены? Я так и думал. Но если вы рассудочно все взвесите, поймете, как велика награда. Поймите, я не в ответе за все, что обо мне придумали и наговорили за тысячелетия... И категорически отвергаю все попытки приписать мне стремление насадить повсюду Хаос. Тяга к Хаосу — забава тех самых мелких бесов. Мне нужен Порядок. Иной, правда, не тот, что нужен кое-кому другому, не будем вспоминать его к утру...

— Ну, это мы проходили, — сказал Сварог. — Разный бывает порядок. Вам нужен один, мне другой.

— Вам не порядок нужен, — сказал гость. — Вы стремитесь остаться среди тех, кто обуян идиотским стремлением облагодетельствовать человечество. Облагодетельствовать отсутствием зла. Жратвой и питьем. Книгами и картинами. Элек-



трическим светом на улицах и чистыми лестницами. Задача благородная, но невыполнимая. В первую очередь по причине скотской сущности этого самого человечества. Оно разрушит, опошлит, осквернит и опохабит все мудрое, чистое и возвышенное, дай ему только волю. На каждый недюжинный ум приходится тысячи голов быдла, озабоченного наполнением желудка и поисками щели, куда можно излить сперму. Пусть желудок стремятся наполнить не хлебом, а жареными павлинами в тончайшем соусе из соловьиных язычков — животная сущность от этого не меняется. Вас всегда будут предавать и продавать, использовать втемную, с циничным расчетом. Неужели вы не навоевались? Когда-нибудь, безмерно уставши от того, что считали великими свершениями, вы с ужасом поймете, что все было зря, все было впустую. А еще вы вспомните, что вас искренне пытались предостеречь...

— Это все — обещание благодеяний, — сказал Сварог. — А как насчет угроз?

— Что ж, угрозы у меня — богатейшая палитра, и все до единой я могу претворить в жизнь... Но самая крупная и страшная угроза, какую я твердо могу вам обещать, — это клятва никогда не вставать на вашем пути... ну, почти никогда. Вы и сами, если только не уgomонитесь, заработаете себе столько поражений, потерь и горечи, сколько я не смог бы вам причинить при всем старании. Я, как и тот, — за свободу воли...

— Но прежде...

— Все прежние покушения на вас — либо самостоятельность мелких исполнителей, либо мелкие шуточки, легкие уколы, ленивая разведка боем. Вам эти шутки показались скверными? Простите старика, так уж привык...

— Где мой отец? — резко спросил Сварог.

— Не знаю, — без малейшей заминки ответил гость. — Об этом я вам и говорил — страшен не враг, а бездействие врага... Я ведь не всемогущ, вам доводилось слышать? Представления не имею, куда он по одержимости своей ухитрился провалиться. Я предупреждал его, как сейчас вас... И так?

— Ну не прельщает меня перспектива стать частицей Тьмы, — сказал Сварог.

— Потому что вы не представляете, чего себя лишаете, и оттого в вашей решимости нет мудрости. Ну как можно отнестись к слепому от рождения, отказывающемуся прозреть и увидеть полотна великих мастеров, прекрасные скульптуры? Хотите, я



проведу вас по мирам, чьих многообразия и сложности вы и представить не можете? Хотите проникнуть в тайны пространства, Вселенных, неощутимо существующих бок о бок, в одной и той же точке бытия? Пропутешествуйте по всем уровням, закоулкам и этажам мироздания, какие мне доступны, и после свободно, без малейшего принуждения решите все сами. Хотите такого путешествия? Ни к чему, замечу, вас не обязывающего?

— Нет, спасибо.

— Бойтесь дать слабину?

— Я просто считаю, что тот, кто выдумал поговорку «Кого-ток увяз — всей птичке пропасть», был гением, — сказал Сварог. — Не хочу я с вами больше разговаривать, погово-рили...

— Подумайте о других, о тех, кого таскаете за собой. Вы их всех загубите.

— Я никого не принуждаю.

— Принуждаете. Тем, что сами не сидите спокойно.

— Я же сказал — довольно, — сказал Сварог. — Вы не верите в людей, а я верю... даже после всего... И мне не нравится тьма. В любых ее проявлениях. Вам объяснить по буквам?

Гость встал. Его голос звучал ровно, даже безразлично:

— Я еще с вами встречусь. В пору, когда в сердце у вас не будет ничего, кроме пустоты. Я не злопамятен, но люблю, когда рано или поздно признают мою правоту. И вы сами, слышите, сами согласитесь, что прав был я. И это будет лучше всякой подписи под договором... Ожидайте и бойтесь этой неминуемой встречи, любезный граф...

Впервые лицо его исказилось в хищной улыбке, он склонил голову и исчез, словно нажали выключатель. Порыв ледяного ветра свистнул по комнате, от закрытой двери к закрытому окну, стегнув Сварога по лицу холодной лапой, взметнув штору, тряхнув раму так, что задребезжали стекла. Сварог налил себе еще чарочку забористого навигаторского коньяка пятитысячелетней выдержки, ахнул залпом, подошел к окну, прижался лбом к прохладному стеклу, уставился на бухту, реку и деревья, подернутые мутно-серой рассветной мглой. На душе было неуютно и муторно. Он и раньше знал, что война ему объявлена серьезная, но теперь убедился воочию. Самые серьезные угрозы как раз высказывают тихо и спокойно, без дурацких эффектов и страшных рож...

И все же, будь Хелльстад вотчиной Князя Тьмы, тот держался бы не в пример наглее...



Почти в центре бухточки явственно перемещался бурун, напоминавший широкий наконечник копья, след плавника. Жаль, под рукой не было подходящего оружия, иначе непременно шарахнул бы туда на всякий случай. Сходить, что ли, к Бони за пулеметом? Нет, не похоже, чтобы в гостиницу забредала здешняя фауна, иначе непременно остались бы следы, сломанная дверь хотя бы. А от Князя Тьмы следует ожидать более сложных пакостей, нежели некий зубастый обитатель вод. Да и бурун быстро продвигается по каналу, уходя в реку...

Сварог плюнул, стянул штаны и полез в постель, твердо решив перед сегодняшней неизвестностью еще хоть пару часиков отработать взаимодействие щеки с подушкой. Мара шевельнулась, сонно спросила, не размыкая глаз:

— Что такое?

— Пописать выходил, — успокоил ее Сварог, чмокнул в щеку и подгрреб под голову подушку.





БУДНИ ГУЛЛИВЕРА

Как следовало из докладов, ночь для всех остальных прошла спокойно. Никто, похоже, и не заметил настигшего перед рассветом приступа мертвого сна — потому что и так спали без задних ног. Один Шедарис, дежуривший последним, выглядел чуть смущенно — раздумывал, признаться или нет, что заснул на посту.

Сварог, пихавший в свою седельную суму охапку увлекательных навигаторовых книжек, посмотрел на бравого капрала, не вставая с корточек, хмыкнул:

— Да знаю я, что ты дрых...

— Командир, да со мной такого не случалось, курвой буду...

— Не переживай, — сказал Сварог. — Ты тут ни при чем совершенно. Потом расскажу...

Он задумчиво достал из-под стола загадочную «дверную ручку», прикидывая, кинуть ее обратно или взять с собой. Глаза у капрала и вовсе полезли на лоб:

— И у тебя, командир?

— Ты о чем?

— Об этой штуковине. Я ее у тебя что-то раньше не видел...

— Ничего удивительного, — сказал Сварог. — Я ее здесь нашел.

— Сейчас, сейчас...

Капрал бомбой вылетел в дверь, прогрохотал сапогами по коридору и вскоре вернулся. Протянул Сварогу бронзовую штуковину. Форма другая, узоры не те, завитушки-лепестки на конце штыря ничуть не похожи — и все же некое неуловимое сходство стиля и исполнения поневоле заставляет предположить,



что обе ручки вышли из одной мастерской. Разве что капралова уже покрыта зеленой паутиной да изрядно поцарапана.

— А у тебя твоя откуда? — спросил Сварог.

— Когда служил на Сильване, был у нас один, родом, кажется, из Лорана. Штуку эту он берег пуще добычи. И после второго ведра начинал напускать тумана — мол, это его талисман на самый крайний случай. Убережет, если припечет так, что другого выхода не будет. Только не уберег. Получил он топором по башке в одной дурацкой стычке, мозгами раскинул так, что любо-дорого... Ну, его барахлишко потом разыграли на всех, как водится. Эта хреновина мне и досталась. Выбрасывать жалко — вдруг это и в самом деле талисман и найдется знающий человек, научит с ним обращаться? Мне кажется порой, тот чудак и сам не знал, как это штука работает и для чего служит, иначе давно проговорился бы, хоть намеком...

— А про Древние Дороги ты что-нибудь слышал? — спросил Сварог.

— Про них только одно и известно — что соваться туда может только полоумный. Такое впечатляет, командир: когда о чем-то ничегошеньки не известно, но твердо оговорено, что дорога туда — верный путь для самоубийц. Предки...

Пинком распахнув дверь, вошла Мара, чернее тучи. На конце обнаженного клинка она несла какой-то черный, сморщенный комочек, пронзительно вонявший паленым.

— Это еще что? — поинтересовался Сварог.

— А это наш бывший поводырь. Клубочек бабкин, извольте любить и жаловать.

Сварог помотал головой:

— Тьфу ты, до чего мелко... Это он, должно быть, сгоряча. — Предупреждая вопросы, сказал самым непререкаемым тоном: — Вот что, соколы мои, живо завтракать. Сгорел наш клубочек, сгорел. А чего же вы хотели — пройти по этим клятым местам весело и игриво, без малейшей неприятности?

— И кони так держатся, словно на них домовый катался... — задумчиво сказал Шедарис.

— Катался, — сказал Сварог. — Есть тут домовый...

— Как же мы теперь, без поводыря?

— А по солнышку, — сказал Сварог. — Как пращуры наши в незапамятные времена. Благо солнышко в должном месте и никаких фокусов пока что не выкидывало, гуляет по обычному маршруту. — Он решительно сунул свою «ручку» среди прочих вещей. — Так что — надемся на лучшее и готовимся к худ-



шему. Особая точность тут не нужна, нам бы к морю выйти, и ладненько...

...Рысью. Галопом. Шагом. Смена коней.

Рысью. Галопом. Шагом. Смена коней.

Рысью. Галопом. Шагом. Смена коней.

Временами Сварогу казалось, что отныне он на веки вечные возненавидит коней и в жизни не полезет в седло, а сядет лучше на раскаленную плиту и высидит на ней битый час без всякого ущерба для задницы, давно уже превратившейся в сплошную мозоль. Он утешал себя тем, что Паколету с теткой Чари, самым некавалерийским в отряде людям, приходится еще хуже, однако ж они не жалуются и как-то притерпелись.

Собственно, больше всего его доставала скука. Скорость лошади — это всего лишь скорость лошади. Чересчур уж медленное перемещение для того, кто привык к другим скоростям, тем более что ничего вокруг не происходит, нет погони, нет угрозы, остается покачиваться в седле и за неимением других занятий — думать, думать, думать. Тянутся равнины, тянутся леса — редколесье, густолесье, попадаются холмы и скалы, озерца и овраги, ручьи и небольшие болотца. Но ни разу не попалось больше не то чтобы строения — поросших травой развалин. Ни единого сооружения или предмета, к которому прикасалась бы человеческая рука. И никаких скелетов. И ничего живого. Мертвая тишина. Это угнетает невероятно, и все раздумья крутятся вокруг парочки вопросов: почему Хелльстад, прямо-таки обязанный служить приютом чудовищам и нечисти, напоминает сонное царство? Почему, кроме загадочных летучих рож, больше похожих на вульгарные игрушки, никакой живности не встретилось? Даже если сделать все мыслимые поправки на буйную фантазию хронистов, книжников, сказочников, менестрелей и трактирных болтунов, приходишь к выводу: окружающего благолепия никак не должно быть. Отчего-то же исчезали экспедиции и восьмого департамента, и Магистериума, и земных университетов, и просто десятки одиноких волков, ловцов удачи...

Не похоже, чтобы спутников Сварога такие мысли занимали и угнетали. Они откровенно радовались тишине и покою, даже Мара блаженствовала. Что ж, вся умственная работа ложилась на отца-командира, отчего ему хоть волком вой...

Прескверно чувствовал себя отец-командир. От полного отсутствия информации и, выражаясь ученым языком, внешних раздражителей в голову лезла самая несусветная чушь — параллельные пространства, сопряженные миры, девятые измерения



и прочие «черные ямы» (название он только что выдумал сам от безделья по аналогии с «черными дырами»). Начинало мерещиться, будто они давно уже незаметно для себя соскользнули в неведомые иные пространства и вокруг уже не Хелльстад, а какая-нибудь Древняя Дорога, бесконечная, как время, и равнины, перемежаясь лесами, будут тянуться до бесконечности. Они ехали целый день, часа через два должно зайти солнце, и следующий ночлег будет лишен всякого комфорта и уюта. Хорошо хоть, солнышко не торчит в небе, как прищипленное, исправно движется в полном соответствии со стрелками часов...

Для борьбы с монотонностью пути Сварог временами выпускал вперед боевое охранение — то одного, то двоих. Или менял местами всадников в колонне, или заставлял осматривать подковы. Он вовсе не чудил — каждый толковый командир знает, что солдат не следует расхолаживать бездельем. Подобная езда без происшествий похуже праздного лежания в казарме...

Вот и сейчас он отправил вперед Делию с Шедарисом — уардов на триста, дав направление на видневшуюся над лесом голую скалу, похожую на лошадиный зуб. Лес здесь был довольно редкий, и меж высоченных раскидистых дубов попадались странные карлики, не выше человеческого роста, выглядевшие, однако, не молоденькими подростками, а настоящими вековыми дубами, во всем подобными нормальным: пышные кроны, толстые узловатые стволы, вот только всадник смотрит на них сверху вниз... Проезжая мимо, Сварог сорвал крохотный желудь, меньше кедрового орешка, повертел, подивился и выкинул — великанские черепа, крохотные желуди...

Увидев, что Делия с капралом несутся назад подозрительно резво, он испытал нечто вроде облегчения, как ни странно — замаячила некая определенность...

— Соприкосновение с противником? — спросил он, оживившись, подав остальным знак остановиться.

Делия откинула за плечо выбившиеся из-под шляпы золотистые пряди, пожала плечами:

— Не знаю. Там что-то непонятное. Такие пятнистые маленькие штуки, они летают и жужжат. Кружат над одним местом, как привязанные...

— То ли они и в самом деле маленькие, то ли летают очень далеко, — уточнил прилежный капрал.

— А почему именно «штуки»? — спросил Сварог.

— Не похожи на животных и на птиц тоже, — сказала Делия. — Такой у них вид...



— И на самолеты тоже не похожи. — Шедарис задумчиво почесал щеку, мучаясь от недостатка подходящих слов. — Самолет с крыльями и летает грузно, а эти — вроде красивой шкатулки. Словно стекло отблескивает. Но кружат очень уж осмысленно, словно ищут что-то.

— Они вас не заметили?

— Да нет вроде... И так вертятся, и эдак... Очень уж быстрые, если будем обходить стороной и они нас заметят, непременно догонят. Такое у меня впечатление.

Сварог лихорадочно размышлял. Обернулся к Бони:

— По птицам стрелял?

— Из лука и из мушкета.

— Значит, знаешь, что такое упреждение?

— А то!

— Ну, для пулемета, работающего по летучей цели, принцип тот же... — сказал Сварог.

— А почему не я? — моментально вмешалась Мара. — Уж я-то пулемет лучше знаю.

— Ты у нас — мастер штучной работы, — сказал Сварог. — И с пистолетом справишься. Леверлин, тетка Чари, Паколет — с заводными лошадьми. Остальные — за мной. Показывай дорогу, Шег...

Пятеро верховых осторожно двинулись вперед. Подзорную трубу Сварог засунул за пояс. Уардов сто они проехали рысью, потом Шедарис с Делией перешли на шаг, остановились, Делия вытянула руку:

— Вон там, в конце прогалины, они кружили...

Сварог спрыгнул с коня, прошел вперед, к крайним деревьям. Явственно слышал вдалеке однотонное механическое жужжанье, ритмичный шелестящий стрекот, и эти звуки показались странно знакомыми, но опознать их никак не удавалось, видимо, еще и оттого, что подсознание ему упрямо талдычило: здесь этого быть не должно... Сбивая тем самым с толку.

Прижав к глазу холодный окуляр трубы, он наугад нашаривал источник звука. Ветви, сучья, кроны... Стрекотанье приблизилось, вновь чуточку отдалилось, приблизилось — отдалилось, словно производивший его предмет настойчиво кружил над одним и тем же местом, как и докладывала разведка.

Сварог замер — чисто случайно в поле зрения оказалось искомое, и он охнул от удивления. И узнавания...

Над лесом, левым бортом к Сварогу, висел вертолет, красивая, хищно вытянутая стрекозиная тушка в зелено-бурой камуф-



ляжной раскраске, кое-где вздымавшаяся буграми с торчащими из них дулами. Сварог хорошо рассмотрел две головы в круглых шлемах за прозрачным фонарем, толстенькие колеса, эмблему на хвосте: черный крылатый меч в белом круге, а ниже — белые, привычные цифры: 51. Одновинтовой вертолет, несомненно боевой. Из-за леса поднялся второй, этот повис дельфиньим рылом к Сварогу, преспокойно выставляя себя напоказ, и оба замерли в воздухе, пилоты, должно быть, совещались. Сварог опустил трубу, глянул в ту сторону невооруженным глазом, оценил расстояние до вертолетов — не меньше лиги. Все равно скверно.

Блин, еще два! Ему самому от пуль никакого вреда не будет, пулеметы там или пушки, плевать, но несдобровать его людям и коням, лес негустой, не спрятаться, а на равнине догонят в два счета. Четыре боевых вертолета не могут существовать сами по себе, они подразумевают радиосвязь, армию, государство, высокий уровень организации. А вдруг после Шторма уцелел не только отель для высоких чинов? И заблудившиеся в веках вертолеты... Нет, вздор, вздор... Но что делать? Драться с ними кишка тонка...

Он вновь посмотрел в трубу. Вертолеты зависли на разной высоте, все четыре. Один чуточку отличался раскраской — такой же камуфляж, но по борту от носа до кончика хвоста с акульным плавником-килем тянется двойная золотистая полоса, а на боку, кроме крылатого меча, еще одна эмблема: в черном горизонтальном овале — золотой силуэт короны, неизвестной таларской геральдике, как земной, так и небесной.

— Это же вертолеты, — сказала Мара за его спиной. — Как на картинке...

— Вот смажет эта картинка из всего бортового... — зло бросил Сварог.

Сжав зубы, он смотрел вдаль, оттягивая момент, когда нужно будет принять решение, зная, что оттягивать до бесконечности нельзя.

Вертолеты вдруг разлетелись, два ушли влево, один вправо, тот, что с короной, пошел вперед, ниже, ниже...

И тут в глазах Сварога молниеносно изменились пропорции расстояния.

Вертолет с короной шел к земле... на фоне дуба, росшего урдах в двухстах от Сварога! Вертолет был меж Сварогом и деревом. Значит, Сварог ошибся, положившись лишь на зрение, не привязавшись к пейзажу... Вертолеты казались маленькими вовсе не оттого, что находились далеко. Они и были маленькие.



С кошку величиной, а то и меньше, крохотные боевые машины, крохотные пилоты. Лилипутия. Будни Гулливера. Даже окажись у них в бустерах не пулеметы, а пушки, если прикинуть пропорции, снаряды не так уж и страшны, главное — беречь глаза.

Вертолеты спустились к самой земле, растянувшись в шеренгу, прошли над прогалиной, прямо-таки принохиваясь, как гончаки, и вдруг резко отвернули влево, все четыре, послышалось сухое стрекотанье, дула засветились желтыми иголочками пламени. Все четыре ожесточенно палили в лес, по невидимой Сварогу цели, заслоненной толстенными дубами. Крайний вертолет шархнул, как вспугнутая муха, — похоже, из леса ответили огнем. Остальные рассыпались, безостановочно паля. Следовало бы потихоньку убираться отсюда — если они наравлись на какую-нибудь линию фронта, в большом количестве даже такие крохотульки могут оказаться опасными...

В лесу, у самой земли, ослепительно блеснуло, бахнул негромкий взрыв, и из-за дуба повалил черный дымок. Вертолеты достали-таки неизвестного противника.

— Вот что, — сказал Сварог. — Потихоньку сматываемся, пока они заняты...

— Поздно, — с кривой улыбкой бросила Делия, глядя через его плечо.

Сварог оглянулся. Вертолеты стремительно неслись к ним. Заметили! И он, взлетая в седло, еще успел подумать: пилоты отчаянны до глупости или им не впервой драться с великанами и есть наработанный опыт?

Потом думать стало некогда.

Он первым бросился навстречу стрекочущим малюткам, уже не надеясь, что кончится миром. Вертолеты издали открыли огонь, передний, не сворачивая, шел прямо в лицо.

— Глаза берегите! — заорал Сварог. — Рассыпаться!

Поднял пистолет, ведя стволом снизу вверх, не снимая пальца с курка, — вертолет пьяно колыхнулся, словно врезавшись в невидимую стену. Сварог видел, как разлетается прозрачный фонарь кабины, как лилипутская машинка переворачивается, дымя, как замирает винт. Вертолет рухнул в траву, взметнув дым и пламя.

Слева громыхнул гулкий выстрел из кремниевого пистолета. Еще. Еще. Шедарис палил навскидку и мазал, конечно. Пригнулся, вжимая голову в плечи, бросая коня в стороны, пытаясь увернуться от кружившего над самой головой вертолетика. Его конь дико заржал, подбрасывая зад — ужалило очередь.



Всадники рассыпались по прогалине. Сварог беспрестанно стрелял, но промахивался или не мог угодить в уязвимое место. Бони, окутанный сизым дымом, едва удерживался на бесновавшемся коне — и все его труды пропадали впустую, верткие крохотульки уходили от очередей — тут масштабы работали на маленьких пилотов, они были проворнее гиганта...

Сварог поискал взглядом Мару. Ее конь уносился в лес, а Мара стояла, широко расставив ноги, держа мушкет одной рукой. Неуловимая перемена позиции — грохнул выстрел, вертолет дернулся, вихляя и дымя, пошел к земле, нырнул, попробовал набрать высоту и, оказавшись под огнем Сварога, рухнул, нелепо задирая нос. Бони азартно добил его у самой земли — но взрвался он, только грянувшись оземь.

Остервенело оглядевшись, Сварог увидел, как совсем близко от него вертолет с короной несется к Делии, выписывая зигзаги, словно крылатая ракета, а принцесса, ссутулившись, заслонив глаза вывернутой наружу ладонью, должно быть, оцепенела от страха. Четвертый вертолет все еще кружился над разрядившим все свои стволы Шедарисом, отмахивавшимся от него, как от назойливой мухи.

Сварог скакал к принцессе и понимал, что не успеет. Вертолет, как по ниточке, несясь прямо ей в лицо, он не стрелял, решив, видимо, бить в упор и наверняка. Сварог катастрофически не успевал, стрелял на скаку, нелепо подпрыгивая, и мазал, мазал...

— Лицо! Лицо закрой! — заорал он что есть мочи, всем своим существом предчувствуя желтые язычки огня на концах крохотных стволов.

То, что произошло миг спустя, навсегда впечаталось ему в память.

Делия вдруг отвела ладонь от глаз, выпрямилась, бледная, решительная, прекрасная, прикусив нижнюю губу, выбросила вперед правую руку — и громынул тяжелый двуствольный пистолет, пороховой дым окутал девушку одновременно с первыми вспышками выстрелов вертолета — но тут же лобастая прозрачная кабина брызнула стеклянными крошечками, и вертолетик с короной, пролетев по инерции мимо шарахнувшегося коня Делии, врезался в землю.

Четвертый вертолет, взмыв вертикально вверх, застыл на пару секунд и, выписав сложную кривую, помчался прочь, к тому месту, где Сварог увидел их впервые. Бони понесся было следом, паля напропалую, но Сварог вернул его яростным окриком, мешком свалился с коня, подбежал к Делии:



— Все в порядке?

Она оперлась на его руку, сошла с коня спокойно, даже величественно, словно они были на королевской охоте, взглянула в глаза:

— Что-то покалывает правую щеку, посмотрите... Сварог приблизил лицо. На щеке атели три микроскопические капельки крови. Очень бережно Сварог вытер их тыльной стороной указательного пальца — Делия даже не вздрогнула, и новые не выступили, — облегченно вздохнул:

— Пустяки, занозы... Сами выйдут, я думаю.

— Значит, это меня ничуть не обезобразит? — озорно сверкнули синие глаза. Сварог тихо засмеялся:

— Нет, вы удивительная...

— Да, мне это часто говорят, — Делия одарила его невиннейшим взглядом. — И я сама начинаю в это верить...

«Ох, как бы я хотел в тебя влюбиться, — подумал Сварог, — да вот поди ж ты, не получается. Боевой товарищ, и все тут».

Оглянулся. Над прогалиной поднимались три струйки дыма — обломки вертолетов еще чадили в траве. Прочие боевые товарищи съезжались к нему, еще охваченные медленно остывающим возбуждением боя. Только Шедарис выглядел по-нуро и виновато.

— А не пора ли нам отсюда поскорее убираться со всей возможной скоростью? — спросила Мара. — Ничего я прежде не слышала о таких лилипутиках, но народец это склочный, все видели...

Сварог молча сел на коня и поехал к тому месту, где вертолеты обстреливали неведомого противника. У него возникли смутные догадки, еще не оформившиеся окончательно, но удержавшие от бегства...

Под дубом еще курился черным дымком крохотный вертолет — в точности такой, как преследовавшая его четверка. И точно такая же эмблема сохранилась на полуобгоревшем хвосте. Сварог опустился на корточки, заглянул в кабину. За рычагами скрючилась обгоревшая черная куколка ростиком не больше мизинца. В ноздри ударил отвратительный запах гари, жженой резины и синтетики, спаленной человеческой плоти — запахи не бывают ни большими, ни маленькими, смерть пахнет одинаково... Брезгливо отдернув голову, Сварог хотел встать. Но вместо этого опустился на четвереньки и так прополз несколько шагов к синему пятнышку, четко выделявшемуся на фоне бледно-зеленой жухловатой травы. Услышал за спиной шаги,



не оборачиваясь, выставил ладонь — чтобы не подходили ближе, всмотрелся.

Человек в синем мундире, украшенном неразличимыми в деталях золотыми нашивками, лежал на боку, поджав ноги, прижимая ладони к груди, — ладони были в крови. Следов огня не видно — видимо, его зацепило очередью, и он успел отползти, насколько хватило сил. Сварог жадно разглядывал это диво — и вдруг заметил, что крохотное личико еще живет, кривится от боли, а губы шевелятся. Сварог растерянно дернулся. Он не представлял, как перевязать такую кроху, не покалечив.

Мара осторожно пристроилась рядом, прошептала:

— Шевелится... Сделай «чуткое ухо», что ты копаешься?

Спохватившись, Сварог произнес должное заклинание, обострившее слух, и тут же расслышал бормотанье:

— Перископная глубина... Я сказал — перископная глубина! Торпедная атака со стороны солнца всеми аппаратами... Зря, все зря... Крохотный король навсегда останется смешным, даже если вырастет...

Человечек бредил.

— Эй, — осторожно позвал Сварог, немного отодвинувшись.

Раненый то ли услышал его, то ли почувствовал на лице дыхание великана — и повернул голову, всмотрелся, выговорил громче:

— Посты все-таки были, следовало ожидать...

— Как вы? — тихо спросил Сварог.

— Не орите... Конечно. Вы из Вентордерана?

— Я из Ронеро, — сказал Сварог. К его удивлению, раненый ничего не стал переспрашивать:

— Равена... это лучше, если не врите... портфель... имперскому наместнику... получите награду... черный портфель, я его вынес...

Сварог быстро прошептал на ухо Маре:

— Портфель. Черный. Его габаритов, конечно. Poiщи. — И вновь нагнулся к раненому: — Откуда вы?

— Снизу... пещера... командир субмарины, теперь при штабе, до конца... пусть капитуляция... надоело это идиотство... поколение за поколением... где погоня...

— Трех мы сбили, четвертый ушел, — сказал Сварог. — Они могут вернуться с подмогой?

— Вряд ли... он не рискнет днем... что вы здесь делаете...

— Свои дела, — сказал Сварог. — Чем вам можно помочь? Рана тяжелая?



На глаза навернулись слезы — так он шурился и напрягал взгляд до рези, пытаясь рассмотреть крохотное личико. И он мог бы поклясться, что это лицо кривится сейчас в усмешке.

— Нигде уже не болит, — сказал раненый. — Значит, конец. Жаль, нет выпить...

Сварог вытащил из кармана плоскую серебряную фляжку, прихваченную в баре навигатора, отвинтил колпачок, растерянно замер, соображая, что тут можно предпринять. Осторожно выворотил концом кинжала комочек земли рядом с головой раненого, уложил колпачок в образовавшейся ямке, плеснул туда янтарную жидкость.

Раненый дернулся со стоном, отнял руки от груди, приподнялся, прополз, опираясь на кулаки, опустил лицо в коньяк — по его росту колпачок был для него побольше иной бадьи. Долго не шевелился. Сварог забеспокоился, но вскоре моряк, двигаясь гораздо энергичнее, перекатился на спину и попытался рассмеяться:

— Лучшая выпивка в моей жизни. Благодарю.

— Похоже, мы нашли портфель, — сказал Сварог, увидев, что Мара держит кончиками пальцев черный квадратик размером с ноготь мизинца.

— Отлично. Теперь отодвиньтесь, взорвется граната.

— Но...

— А что вы еще можете предложить? Ну, живо!

Долго было бы растолковывать, что гранаты Сварогу не страшны, ни большие, ни маленькие. И он молча поднялся на колени. Раненый резким движением перевалился на живот, спрятав под грудь руки. Хлопнул негромкий взрыв, тело подбросило, из-под него взвилось сизое облачко и тут же растаяло. Сварог медленно снял бадагар. Подумав, вновь достал кинжал и тщательно забросал землей крохотное тело.

Выпрямился и увидел на прогалине свой отряд в полном составе.

— Очень мило, — сказал он хмуро. — Я вам где остаться приказывал? А если бы нас здесь...

— То без тебя нам все равно конец, — сказал Леверлин. — А без Делии путешествие теряет всякий смысл. Так что давай уж в будущем рисковать всем скопом. — Он ухмыльнулся. — К тому же тут нет ни доски для шакра-чатуранджа, ни нежных песен, ни съедобного мяса без костей...

— Зато костей хватает, — проворчал Сварог. Подошел к ближайшему исковерканному вертолету, уже догоревшему, натя-



нул перчатку, поднял за хвост. Тяжелый, конечно. — Интересно, — сказал он, демонстрируя трофей остальным. — Означает ли эта корона, что у них там есть свой король?

— Где — там? — спросила тетка Чари.

— В пещере, — сказал Сварог. — Перед смертью люди обычно не врут. Раненый говорил про пещеру — надо полагать, огромную...

— Плохо представляю пещеру, где плавают подводные лодки, — пожала плечами Мара.

— Торпедная атака со стороны солнца... — задумчиво произнес Сварог. — Вряд ли в пещере есть солнце, как по-твоему?

— Да расскажи ты толком! — не выдержал Леверлин.

— Тогда уж и поедим заодно, — сказал Сварог. — Привал. Только быстро. Я верю, что они не вернуться, но береженого бог бережет...

— Без еды обойдемся, — безмятежно отмахнулась Делия. — Рассказывайте, граф.

Сварог постарался изложить все предельно четко и как можно короче — ему интересно было, что скажут о лилипутиках местные уроженцы. Даже если в портфеле и лежали кое-что объяснявшие документы (а так, скорее всего, и было), без микроскопа их не прочитать, а ближайший микроскоп неизвестно где...

— Вот и все, — сказал он и промочил малость пересохшую глотку добрым глотком из фляжки. — А теперь напрягите-ка память и вспомните все, что может иметь отношение к этим лилипутикам. Уж если мы столкнулись с проблемой, нужно ее обсудить по горячим следам, коли есть время. Благо в нашем тесном кругу представлены самые разные сословия: тут вам и принцесса, и колдунин внук, и фригольдер, и ученый студент, и много странствовавший латро, и... гм, морская путешественница.

Сама по себе огромная пещера в недрах земли не особенно и удивляла — Сварог успел одолеть некоторое количество старых книг и в своем замке, и в богатейшей библиотеке восьмого департамента. В недрах, по самым достоверным данным, таились прямо-таки исполинские подземелья, где некогда обитали гномы. То, что ходы в подземелья оставались неизвестными и недоступными, достоверности ничуть не умаляло. Другое дело, что вымершие гномы были народцем довольно крупным, Сварог сам видел скелеты, а вот о столь крохотных подземных жителях нигде не упоминалось...

Итак... Среди крестьян испокон веков кружили рассказы о крохотном «земляном народце» — то дьявольски злокоз-



ненным, то способном при ласковом обращении и обогатить, и выручить из неприятностей. Но Сварог, выслушав Бони, поскучил — все эти рассказы прочно, как патрон в обойме, сидели в рамках самой обычной сказки. Так же обстояло и с морским фольклором в изложении тетки Чари — она не смогла вспомнить ничего, наводившего бы на мысль о загадочных подводных лодках. Хватало и пропавших без вести кораблей, и разнообразной нечисти, таившейся в глубинах, но даже крошки-кровососы, по слухам, будто бы обитавшие в дебрях Инбер Колбта, не пользовались техникой и, по рассказам, были крохотными обезьянками с крыльями наподобие стрекозиных... Да один шкипер, выделявшийся необузданной фантазией даже среди морского народа, любил рассказывать, как однажды его корабль лишился в бурю всех мачт и волны прибили его к неведомому острову, где обитали люди ростом с мизинец, и все у них было такое же крохотное — деревья и животные, замки и города. Шкиперу нисколько не верили: во-первых, все таларские моря были за тысячелетия исхожены и изучены вдоль и поперек и острова известны наперечет, тем более обитаемые; во-вторых, никаких доказательств шкипер не представил; а в-третьих, кто-то трезвомыслящий тут же наповал сразил рассказчика вполне логичным вопросом: если его корабль пошел ко дну, а все деревья на том острове оказались не крупнее трости, как вралю удалось выбраться оттуда, из чего он построил лодку или плот, из этих самых тросточек? Шкипер стал нести что-то насчет магии, которой его обучили крохотные островитяне, окончательно запутался в деталях и больше с этой историей в приличном обществе не выступал.

— Не то, — вздохнул Сварог.

— Я еще буду вспоминать, — виновато пожала плечами тетка Чари — Трудно вот так, с ходу, перебрать все, что в жизни приходилось слышать...

— Пойдем дальше, — сказал Сварог. — Что слышала о лилипутиках почтенная гильдия «ночных парикмахеров»?

Как поведаль Паколет, его покойная бабка ни о чем подобном в жизни не заикалась. А среди городского уголовного люда жило древнее поверье: якобы с помощью сложного ритуала, совершенного в полночь на кладбище, можно вызвать крохотного гнома, способного стать неоценимым помощником в воровском ремесле. Как это обычно и водится, никто этого ритуала не знал сам, а о счастливых слышал из десятых уст.



Шедарис крохотных человечков видел раза два в жизни — в юности, не имея еще должного навыка в истреблении спиртного и не обучившись грамотно выходить из запоя. В более зрелые годы лилипутики-видения уже не являлись, а о реальных он не слышал ничего, достойного внимания командира...

Делия еще в раннем детстве по недосмотру нянек услышала легенду о «белых карликах Бранбарга». В ночь перед смертью коронованной особы по замку шествовала вереница карликов во всем белом либо горько рыдавших, либо смеявшихся — в зависимости от того, пользовался умирающий государь народной любовью или наоборот. Естественно, за сотни лет не было недостатка в любителях выдавать желаемое за действительное или попросту потрепать нервы коронованной особе. И потому ронерские короли издавна поступали весьма круто с теми, кто будто бы узрел в Бранбарге белых карликов (что, впрочем, болтовню на эту тему так и не пресекло окончательно).

— Остался ученый студент, — сказал Сварог, с надеждой глядя на Леверлина.

Тот медленно помотал головой:

— От меня толку выйдет ровно столько же, сколько от предыдущих ораторов... Во многих гильдиях кружат предания о крохотных домовых-подмастерьях — вроде крестьянского «земляного народца». Оставишь им кувшинчик сливок, а они за ночь сапоги и сошьют...

— Что-то не похоже, чтобы эти лихие вертолетчики за кувшинчик сливок взялись шить сапоги... — сказал Сварог.

— Вот именно... Что еще? Про особенно искусных ювелиров и часовщиков любят рассказывать, будто в особо тонких работах им помогают крохотные мастера. Но такое болтали о многих искусниках — то им помогают крошки-подмастерья, то сам дьявол. Плохо верят люди, что их ближние достигли в чем-то высокого мастерства исключительно собственными трудами... Да, а в Сегуле в антикварной лавке я однажды увидел крохотный, с указательный палец, человеческий скелетик в золотом гробике. Продавали его в качестве останков короля «земляного народца», приносящих владельцу удачу и богатство. Купил я его курьеза ради. Потом, в Ремиденуме, его тщательнейшим образом изучили и пришли к выводу, что это виртуозная подделка из слоновой кости. В антикварных лавках такого товара хватает. Есть мастерские, где на заказ сделают хоть чучело Великого Кракена, хоть скелет русалки... — он повертел в пальцах крохотный желудь с карликового дуба. — А ведь это и х дубы.



Вход в пещеру где-то неподалеку, вот желуди наверх и попали. В другое время я с большим удовольствием слазил бы туда...

— Вот именно, в другое время, — Сварог встал. — По коням. И если кто-то что-нибудь еще вспомнит, тут же выкладывайте.

Вскоре крохотные дубы, попадавшие все реже, окончательно исчезли. Покачиваясь в седле, Сварог не в силах был оторваться мыслями от подводных лодок. Плохо верилось, будто в недрах земли расположились настоящие моря, и вовсе уж невозможным выглядело бы допущение, будто там есть свое солнце. Значит... На чьи же корабли выходил в торпедную атаку с стороны солнца покойный моряк?

Существует какой-то проход, по которому вертолеты могут вылетать из пещеры. Может найтись и проход для субмарин — не зря столько говорят о подземных рукавах Итела. Подводная лодка — идеальное средство, чтобы передвигаться в большом мире, оставаясь незамеченным. Земные флоты представления не имеют о термине «противолодочные средства», а контроль ларов ниже уровня моря не простирается. Если прикинуть пропорции, подводная лодка лилипутов будет уардов десяти длиной. Ител — река глубокая. Не составит особого труда выйти по нему в океан... вот только зачем? Какие у лилипутиков могут быть интересы и цели в большом мире? Но раненый знал о Ронеро и Равене — значит, в пещеру попадает информация о Таларе. И язык тот же, и даже цифры — те же... Но подводная лодка не может совершать дальних рейсов без дозаправки...

Может. Если она атомная. Достаточно компактный реактор при соответствующем развитии науки и техники создать можно — а подземная техника, судя по вертолетам, харумскую превосходит стократ. Кстати, атомная бомба размером с апельсин была бы лилипутикам вполне по плечу — если они умеют обогатить плутоний, если у них есть плутоний...

При этой мысли Сварогу стало не по себе. Атомная бомба, тайком доставленная в крупный земной город, понятия не имеющий о таком устройстве, совершенно беззащитный перед ядерной атакой... Стоп, что-то очень уж безудержный полет фантазии получается. Уж если давать простор шальным гипотезам, почему бы и не допустить, что наверху все прекрасно известно, а погибший был агентом Гаудина и спешил с донесением? Иначе зачем ему имперский наместник?

Леверлин поравнялся со Сварогом, теперь их кони шли голова в голову:



— Знаешь, есть одна старая история... Ты не подскажешь, как надежнее всего воевать с подводной лодкой? Какие-нибудь пушки?

— А как глушат рыбу, ты знаешь? — спросил Сварог. — Гранатами?

Леверлин пожал плечами:

— Не приходилось...

Зато Шедарис, ехавший слева от Сварога, оживился:

— Ну, это дело знакомое. Берется обычная граната, присобачивается непромокаемый подрывной шнур подлиннее, приматывается к палке потолще, чтобы палка плавала, а граната погрузилась, — и поплыла рыбка кверху пузом, только успевай собирать. А если запал новомодный, химический, получается еще проще — бросай и лезь за рыбкой...

— Точно так же и с подводными лодками, — сказал Сварог. — Кверху пузом она не всплывет, потому как железная, но если бомба рванет достаточно близко — лодка, что характерно, потонет...

Леверлин задумчиво начал:

— История двадцатилетней давности. Жил один старый граф, большой любитель научных забав и экспериментов. Иные из его забав кончались взрывами, и близкие, опасаясь за родовое гнездо, уговорили его построить для научных занятий особый домик, подальше. Старик согласился, а дом построил на берегу Итела, был у него там кусок земли. Дом этот стоял на берегу заливики, вернее, бухточки, отделенной от реки узким рукавом вроде того, что мы видели на месте прошлого ночлега... Собственно, там было несколько домов, и немаленьких. При графе состояло человек пятьдесят — ученые, инженеры, писцы, чернорабочие. Денег у него хватало и платил хорошо.

— Свой университет? — хмыкнул Сварог.

— Пожалуй. Между прочим, наряду с кучей действительно глупых забав граф сделал и несколько серьезных открытий — в области химии и механики главным образом. Блестящий был дилетант, хватался за все подряд, увлекался то химерами, то дельными вещами — словом, личность противоречивая. Так вот, странности начались года через полтора после того, как он перебрался к бухточке. Он стал замкнутым — а до того бомбардировал ученых заведением подробнейшими отчетами обо всех своих изысканиях. Кое-кто, не получая от графа ни строчки, стал даже думать, что старик умер... И однажды в родовом



поместье появились трое подмастерьев, в жутком состоянии внешнего облика и рассудка, сущие безумцы. По их словам, в поместье давно уже творилось что-то неладное — правда, ни в одной бумаге нет подробностей. Не исключено, что подробностей трицца и не приводила... Зато о последнем дне они рассказали подробно. Ближе к вечеру граф вдруг собрал всех своих людей и велел немедленно отрезать бухту от реки. Берега там каменистые. Заложили бочку с порохом, подорвали утес, и обломки завалили протоку. Потом граф распорядился опустить в бухту бочонки с порохом и взорвать под водой. Действительно, так глушат рыбу. Я только сейчас сопоставил...

— И взорвали?

— Взорвали, — кивнул Леверлин. — Попробуй послушайся... Пять бочонков. Непромокаемый подрывной шнур к тому времени уже был изобретен. А ночью что-то произошло. Когда трое дошли до этого места, решительно перестали выглядеть нормальными людьми. Только повторяли на все лады — это, мол, был ужас... И заверяли, что они — единственные спасшиеся. А к ночи умерли и они. Естественно, был шум и была огласка — дворянин старинного рода, человек заметный, король к нему благоволил... Родственники сразу же поскакали туда, а следом прибыл для расследования и коронный судья. Обнаружили они на месте поместья обгоревшие развалины и трупы. Вскоре самым загадочным образом умерли еще несколько человек из побывавших там, в том числе и судья. Пошли толки, идиотские слухи, следствие довольно скоро прекратили из-за полной невозможности докопаться до истины. Официальная — и самая правдоподобная — версия гласила, что граф пал жертвой собственной неосторожности. Он давно пытался получить новое взрывчатое вещество, еще до того, как перебрался к бухте... С тех пор развалины совершенно заброшены, место считается проклятым, и его обходят десятой дорогой. Мой двоюродный дядя был дальним родственником сестры графа и пять лет назад за отсутствием более близких наследников унаследовал кусок земли, куда входит и бухточка. В кадастрах Землемерной Палаты та земля официально значится как «мертвое место». Есть такой юридический термин. Например, общие могильники, где хоронили умерших во время эпидемий, или место, где когда-то стоял дом «королевского злодея», но потом его снесли, посыпали землю солью и объявили «мертвой до скончания времен». «Мертвые места» исключены из всякого оборота, с них не берут земельного налога...



— Ага, — сказал Шедарис. — Своими глазами видел холм, где закопаны сотни три не самых бедных жителей одного богатого города. Со всеми кошельками и драгоценностями. Со кровища нескитанные. Прошло триста лет, но самые отпетые головушки туда не лезут с лопатами — город-то вымер от «багровой трясовицы»...

Леверлин кивнул:

— У графа была в поместье немаленькая казна — на текущие нужды. Не слышно, чтобы кто-то попытался рыться в развалинах. Очень уж дурная слава у того места... Что скажешь?

— Насчет проклятья судить не берусь, — сказал Сварог. — Но если допустить, что он хотел уничтожить в бухте подводную лодку, — более разумных и толковых действий и представить нельзя...

И подумал: «Такая бухточка была бы идеальной промежуточной стоянкой. Если лилипуты незамеченными передвигаются за пределами Хелльстада, они могут делать это единственным способом — под водой. А на этом пути поневоле достигнешь высот изощренности и изобретательности...»

— А как объяснить все остальное? — спросил Леверлин.

— Представления не имею, — пожал плечами Сварог. — Нужно посмотреть на месте, понырять...

Леверлин помрачнел:

— Неужели эти крохи могут оказаться такими опасными?

«Еще как, — столь же хмуро подумал Сварог. — Если вспомнить иные изыскания пытливой военной мысли, сопутствующие эпохам, когда умели делать такие вот боевые вертолеты... Атомная бомба, радиологическое оружие, химическая и бактериологическая война, лазеры... Возможно, подземное государство лилипутов — доброе и благостное. Почему тогда их вертолеты оснащены автоматическим оружием? Губительным, правда, лишь для сограждан, но кто сказал, что у них есть только это? Коли без всяких угрызений совести стреляют по своим, в чужих палить еще легче. А в лексиконе их морских офицеров присутствует термин „торпедная атака“. Скверные симптомчики...»

И тут он вспомнил — толчком. Хелльстад, берег реки, он впервые увидел «Божьего любимчика», но еще раньше услышал грохот, увидел фонтаны от взрывов. В ту минуту было не до раздумий, зато потом, когда он проснулся в каюте и выбежал на палубу, разбуженный грохотом, никаких сомнений не осталось: люди капитана Зо швыряли в Ител нечто, больше



всего напоминавшее примитивные глубинные бомбы... Очень уж многозначительно для простого совпадения. Но тетку Чари расспрашивать бесполезно — с капитаном Зо она никогда не плавала, а Зо, Сварог успел убедиться, ни единой тайны своего корабля посторонним не доверяет, будь они и братьями по нелегкому ремеслу... Выходит, Зо знает? Как бы там ни было, есть еще один интересный вопрос, о котором Сварог прежде как-то не задумывался: а собственно, что делал тогда в Хелльстаде капитан Зо? Откуда он возвращался? Неужели перед столь важной и ответственной операцией, какой была охота за Гарпагом, отправился к истокам Итела забавы ради, полюбоваться на Хелльстад? Что-то было...

Увы, по телефону с капитаном не свяжешься. И где он сейчас, неизвестно — вроде бы, когда Сварог собирался на землю, «Божий любимчик» ушел к островам Девайкир, опять-таки неведомо зачем...

Они обогнули холм, и Сварог взмахом плетки приказал уклониться правее — там было поровнее. И впереди, на равнине, его уставший от окружающей безжизненности взгляд ментально и цепко выхватил далекое шевеление. Взмах руки — и отряд встал.

— Похоже, потянулись обитаемые места... — сказал Сварог.

Равнину усеивали хаотично разбросанные среди огромных иззубренных листьев полосатые шары, зелено-черные, крутобокие, крайне напоминавшие арбузы. А на окраине этой бахчи без особого шума кипела яростная драка. Загадочные мохнатые создания, темно-бурые и светло-рыжие, кидались на человека в синем, то наваливаясь кучей, скрывавшей его с головой, то, рассыпаясь, подступали вновь, вертелись вокруг, прыгали, норовя вцепиться в горло и свалить. Человек отбивался странным топором, вертясь, как волчок. Бешено крутилась сверкающая сталь, порой разбрызгивая веера алых капелек. Все вокруг усыпано мохматыми телами — неподвижными, бившимися в агонии, ползущими.

Сварог вымахнул на открытое место, послал коня вперед, свободной рукой выхватывая топор. За его спиной слитно грохотали копыта, кто-то выстрелил, кто-то испустил прошивающий уши разбойничий свист. Мохнатые сорентировались мгновенно — замерли, встав на дыбки, потом разом отхлынули от человека с топором и на четвереньках припустили к близкому лесу, невероятно проворно петляя среди арбузов. Еще миг — и все исчезли, как не было...



Сварог натянул поводья. Вновь, как и с вертолетами, мاسштабы он прикинул неправильно — доверился глазам, а глаза подвели. Человек в мешковатой синей одежде, с рыжей шевелюрой, до глаз заросший густой бородищей, ростом был не выше годовалого ребенка, но сложение отнюдь не детское — широкоплечий, коротконогий, почти квадратный, огромные ладони с поросшей рыжей шерстью тыльной стороной сжимают древко лабриса, двойного топора. На груди большая медная бляха, и на ней в виде трехлучевой звезды отчеканены те же лабрисы: три штуки, топорищами к центру, а лезвиями наружу. Из рыжей, вившейся тугими кольцами поросли зло и настороженно таращились колющие серые глазки.

— Чтоб мне сдохнуть! — охнул Шедарис. — Натуральный гном! Как на картинке!

Карлик сверкнул на него глазами и выставил перед собой топор, покрепче уперся в землю ножонками, пригнулся. Неподалеку в луже крови вытянулась крохотная, под стать гному, лошадка — серая, косматая, с длиннющим хвостом и заплетенной в толстые косички гривой. Она уже не дышала, огромный лиловый глаз, налитый застывшим ужасом, уставился в небо.

Какое-то время они с гномом молча переглядывались.

— Воюешь? — спросил наконец Сварог.

— А тебе какое дело? — отозвался гном не писклявым, как ожидалось, а низким, густым голосом. Выговор у него был странный: словно бы, произнося согласные, каждый раз прилизывал зубами.

— Характерный... — ухмыльнулся Шедарис. — Самое время поспрашивать его про клады...

— Ну зачем тебе сейчас клады? — ласково спросила Мара.

Капрал чуточку смутился:

— Да ведь истари заведено: как поймаете гнома, первым делом пытай насчет кладов...

— Ты меня поймай сначала, пыталыщик, — мрачно отозвался гном, медленно поворачиваясь по сторонам, словно пытаясь угадать, кто бросится на него первым.

Сварог тем временем приглядывался к мохнатым созданиям — иные еще пытались уползти. С белку величиной, только бесхвостые, мех густой, богатый, а морды, даже у мертвых, выглядят чересчур уж умными для простых грызунов. На крохотных запястьях — чеканные браслеты, а возле иных трупиков валяются длинные, узкие, изогнутые ножи...



— И что ж ты с ними не поделил? — поинтересовался Сварог.

— Да было что, — отрезал гном.

— Ясно, — сказал Сварог. Неподалеку лежал мешок, а в нем явственно круглились два арбуза. — Ты, голуба моя, к ним в огород залез, они и осерчали...

— Кто ж знал, что они поблизости, — пробасил гном без малейшего раскаяния. — Не обеднели бы.

— Непринужденная у тебя натура, я смотрю, — покачал головой Сварог.

— Какой есть, — сказал гном. — Если жрать хочется. Нужно отсюда убираться, вот что. А то нагрянут всей бандой. Их тут нечитано. Продай коня. Их у тебя хоть завались.

Леверлин за спиной гнома корчил Сварогу страшные рожи, сопровождая это яростными непонятными жестами, и Сварог, кажется, понял...

— А что взамен? — спросил он гнома с видом заправского торговца. — Кони в этих местах — товар редкий...

— Один клад.

— Не пойдет, — торопливо вмешался Леверлин, не выдержав. — Если верить предкам, гномы однажды данного слова не нарушают, но казуистические прорехи выискивают не хуже наших крючкотворов с Людоедского бульвара. Ты согласишься, а потом окажется, что до этого клада месяц ехать. Или год копать. Ни к чему нам сейчас клад, пусть ответит на три вопроса. Для науки это бесценный материал. Идет?

— Идет, — сказал гном.

— Только поклянись сначала двойным топором, двойной киркой и каменным небом.

— Грамотный... — пробурчал гном. — Ладно, клянусь двойным топором, двойной киркой и каменным небом, что отвечу на три вопроса без лжи.

— Где здесь безопаснее всего переночевать? — тут же спросил Сварог.

— В ту сторону, — показал гном. — Если поспешите, еще до заката увидите курганы. Безопаснее всего ночевать на вершине. Любого.

— Значит, гномы не вымерли? — быстро спросил Леверлин.

— Где мой конь? — ответил вопросом гном.

Сварог кивнул Делии, и она отвязала повод одного из двух своих заводных. Сунув топор за пояс, за спину, гном хозяйственно подобрал мешок, закинул его за плечо, ухватил край зубами,



освободив руки, разбежался, подпрыгнул, уцепился за стремя и одним махом, с кошачьим проворством взмыл в седло. Лошадь фыркнула, переступила на месте, но к странному всаднику отнеслась, в общем, спокойно. Шедарис словно бы невзначай повел дулом пистолета, приготовившись принять незамедлительные меры, если гном вздумает удрать, не расплатившись сполна. Но клятва, должно быть, оказалась из тех, что нарушать не годится ни при каких обстоятельствах: гном поерзал в седле, примеряясь к поводьям, ответил:

— Гномы не вымерли. Третий вопрос.

— Тихо! — вскрикнул Леверлин.

— Молчать всем, — поддержал Сварог. — Думайте, граф, ради науки...

Гном молча ждал. Из-за буйной бородачи никак не удавалось разобрать, что за выражение у него на лице.

— Ага! — Леверлин радостно воздел указательный палец. — Спроси его, где они сейчас живут, он быстренько ответит: «В подземелье». Уговора не нарушит, а вопросы кончатся...

— Грамотный... — проворчал гном.

— Вы остались на Таларе?

— Нет, — сказал гном, как плюнул. — Я могу ехать?

— Валяй, — кивнул Сварог.

Гном гикнул, вцепившись обеими руками в гриву, ударил ножонками по конским бокам — и галопом унесся прочь.

— Все же, сдается, не много ты узнал, — сказал Сварог Леверлину.

— Почему? Не так уж... Если они покинули Талар, а так оно определено и есть, уйти они могли только на Сильвану. Были такие подозрения и раньше, а теперь можно говорить с уверенностью. По-моему, выжал, сколько удалось...

— Господи, как мало порой нужно для счастья ученым людям, — сказал Сварог. — А если они ушли не на Сильвану? Если они отправились шляться по Древним Дорогам?

— Они же не идиоты... — ответил Леверлин, спохватился, глянул с интересом: — Кто это тебя просветил насчет Древних Дорог? О них повсюду забывать начали, даже наверху.

— Ты же помнишь? А чем я хуже? Нашел я один интересный документ эпохи, дам почитать, если стоянка будет безопасная... — Он огляделся. — В самом деле, нужно убираться. Не ровен час, эти мохнатые нахлынут целой ордой... У кого мешок во вьюке? Срежьте-ка быстренько по паре арбузов на брата и скачем.



КТО БЕРЕЖЕТ КУРГАН

Гном не врал — на закате они увидели впереди с десяток прихотливо разбросанных курганов, оплывших от времени, но все еще высоких и широких, довольно крутых. Очень уж они походили друг на друга, чтобы оказаться творением слепой природы. Сварог наудачу выбрал один из ближайших, указал на него, и вереница всадников, описав по склонам суживающуюся кверху спираль, поднялась на вершину, поросшую, как и весь курган, сухой реденькой травой. Места для лагеря нашлось предостаточно. Они еще не кончили расседлывать лошадей, как Шедарис, управившись со своими раньше всех, пошел вокруг строянки, густо раскладывая серебряные монеты.

— Никак не похоже это на природные холмы, — сказал Сварог Леверлину. — Именно курганы, хотя я, признаться, курганов в жизни не видел... Интересно, кого тут могли хоронить? Или не стоит поминать к ночи?

— Да не стоит, пожалуй. На всякий случай. Что у тебя за документ? Насчет Древних Дорог? На постоялом дворе нашел?

— Ага, — сказал Сварог, доставая письмо. — Займись, а я пошел.

И направился поить-кормить лошадей. Да и людям следовало подкрепиться. Каждый раз, создав одним махом столько воды и провианта, он ощущал нешуточную усталость, словно переколол машину дров. Лег, удобно устроил голову на чьем-то вьюке и принялся блаженно пускать дым, глядя, как на темном небе проступают первые блеклые звездочки — словно призраки ночных светил. Темнота в Хелльстаде отчего-то на-



ступала заметно быстрее, чем водится в нормальных землях, и хозяйственный Бони уже складывал в кучу сушняк, коим нагрдузил своих заводных коней в дубраве.

— Ну зачем тебе тут костер? — лениво поинтересовался Сварог. — Еще увидит кто...

— Захотят, углядят и без всяких костров, верно? — махнул рукой крестьянский сын, ловко нащипал кинжалом лучинок, воткнул кинжал в землю. — Шег, где там арбузы?

Подошел Шедарис с растерянным и озабоченным видом. Молча показал две половинки «арбуза».

От них пахло мясом — свежим, сырым. И темно-красная мякоть на вид ничем не отличалась от мяса. Сварог потыкал его пальцем — упруго-плотное. Капавшая с половинок жидкость в полумраке казалась черной.

— Выкинь ты их, — сказал Сварог решительно, вытер палец о штаны и направился к Леверлину. Тот сидел с письмом в опущенной руке, невидящим взором уставившись в пространство. Рядом, задумчиво глядя на него, положив руку ему на плечо, стояла Делия.

— Впечатления? — спросил Сварог.

— Нет у меня впечатлений, — сказал Леверлин тихо. — Видишь ли, это первый написанный до Шторма связный текст, попавший нам в руки. До сих пор было только несколько копий, в трудах первых книжников. И веры этим копиям мало... Как и «надписям» на скалах и утвари. Ведь ничего не осталось, ни книг, ни вещей, ни домов. Топор Дорана принадлежит столь далекому времени, что к нему относишься с полным равнодушием, он и во времена, предшествовавшие Шторму, был антиком... А здесь — совершенно целый дом, вся эта великолепная домашняя утварь... Чего им еще не хватало? Нет, решили воевать...

Сварог мягко сказал:

— Знаешь, я уверен, сейчас очень многие то же самое думают о королях и дворянах. Зачем им еще и воевать, если у них есть перстни с самоцветами, телевизоры и водопровод в доме... А что до книг — я из своей комнаты прихватил на память все, что там нашлись, десятка полтора, но это, господа мои, бульварное чтиво ничуть не лучше того, что мне случилось листать в Равене... И мне отчего-то не верится, что где-то в подземельях еще ждут своего часа сокровища духа. Похоже, все началось так внезапно... — Он помолчал. — Интересно, что это были за Керуани?



— Откуда мне знать? — пожал плечами Леверлин.

Чересчур уж торопливо и равнодушно он это произнес — и Сварог с удивлением открыл, что впервые за время их знакомства Леверлин с ним неискренен. Брошенный на Леверлина выразительный взгляд Делии тоже должен был что-то означать. Что-то такое эти двое знали — и делиться со Сварогом не хотели. Его это обидело, но он промолчал, решив отменить все разборки до лучших времен. В конце концов, мир не обязан вращаться вокруг его персоны, и всякий имеет право на свои секреты...

— Собаки, способные чутя грядущие несчастья, — сказал Леверлин. — Особая порода. Значит, не сказка...

Делия выразительно глянула на него, и Сварог вполне отчетливо ощутил себя третьим лишним.

— Ну, я пошел... — начал он.

Земля исчезла из-под ног, близкий огонь костра рванулся куда-то вверх, Сварог, вмиг вспомнив свои монгольские злоключения, в ужасе дернулся к Делии и Леверлину, цепляясь за них, дотянулся, схватил за полы камзолов — и сообразил, что все трое медленно опускаются вниз в крошечной тьме, в облаке трухи и пыли, забивавшей уши, глаза, рот. Падение с приличной высоты — но благодаря Сварогу его друзья не рисковали расшибиться в лепешку. Уже обретя присутствие духа, Сварог «кошачьим глазом» видел вокруг бревенчатые стены. Вскоре его ноги коснулись укрытого грубой тканью пола — и ткань рассыпалась под сапогами, а под ней оказались трухлявые бревна. Сварог задрал голову. Высоко вверх зияло отверстие неправильной формы, в которое они и сверзлись. Но почему?

Еще выше равнодушно светили звезды.

Скрежетнуло — это Делия выхватила меч.

— Оставьте, — сказал Сварог. — Это гробница, похоже. Вокруг никого. Нечто вроде купола, выложенного изнутри бревнами. Там и сям валяются какие-то предметы, а в центре нечто вроде помоста, там лежит что-то длинное, покрытое тканью... Точно, гробница. На то и курган... Как же мы сюда сверзлись? Потолок не выдержал, что ли?

— Эй! — послышался сверху голос Мары, довольно спокойный. — Живы?

— Живы, — крикнул Сварог. — Тащи веревку!

— Как вас утразило?



— Тащи...

Его оборвал отчаянный визг Делии — принцесса, храбро переносившая доселе все мытарства, тяготы и опасности, сейчас, не помня себя от страха, визжала, как завидевшая мышь кухарка. Меч, правда, не бросила — но шарахнулась, вцепившись в Сварога, оказавшегося ближе. Рядом дважды шелкнул курок — Леверлин выхватил пистолет. От всех троих протянулись зыбкие длинные тени — гробница осветилась мутно-зеленоватым сиянием, колышущимся, неприятным. А из дальнего угла на них надвигалось нечто белое, напоминавшее фигуру в бесформенном балахоне, от нее веяло сырым холодом и незнакомыми запахами, гнилостными, тяжелыми. Физиономия этого создания оказалась не страшной и не уродливой — она была настолько другой, чуждой всему на свете, самому этому миру, что сердце леденело не от страха, а от совершенно непонятных ощущений, к приятным решительно не относившихся.

Мара что-то кричала сверху. Сварог не отвечал, старательно лоя на мушку наплывавшую фигуру. Несколько раз даванул на спуск. Бесполезно. Тварь надвигалась. С таким он еще не сталкивался. Есть случаи, когда исключений из правил попросту не бывает. Нечисть — а это именно нечисть — обязана раствориться или хотя бы отступить. Но белая фигура игнорировала незыблемые доселе законы. Ее огромные фасеточные глаза горели пронзительно-сиреневым светом, а редкие острые клыки странной формы — ярко-желтым, на шее сияло ожерелье из разноцветных треугольных камешков — удивительно чистые спектральные цвета, вся палитра радуги, хоть и в беспорядке, словно внутри горят крохотные лампочки, озаряя чистейшее стекло. Руки взметнулись, из широких рукавов показались когтистые трехпалые ладони — и корявые пальцы тоже унизились разноцветно светящимися шариками. Оно остановилось шагах в пяти, и на том спасибо, но положение аховое, если бессильно испытанное серебро...

Не в ушах, а прямо в голове у Сварога зазвучал шелестящий, бесплотный голос, где эмоций было не больше, чем в стуче тележных колес:

— Я — Йор-Фулаох, Радужный Демон, страж гробницы, чей покой вы нарушили огнем, пролитой кровью и железом. Никто не смеет безнаказанно осквернять гробницы великих вождей...

— Мы вовсе и не хотели... — вскрикнула Делия. Значит, тоже слышала.



— Меня не заботит, хотели вы этого или нет. Мое дело — беречь покой и наказывать тех, кто его нарушит. Все, кто приплыл на заклятый остров нарушить покой вождей, здесь и останутся до исхода времени...

— Остров? — растерянно сказал Сварог. — Да что ты несешь такое, какой остров...

Он пытался выиграть время, не представляя, какой от этого может выйти толк. Чудище колыхалось перед ним, словно абсурдная помесь тумана с новогодней елкой. Делия прижалась к нему, вся дрожа. Столь мерзкого бессилия Сварог еще не испытывал.

Леверлин внезапно шагнул вперед:

— Ты знаешь, что такое планета?

— Конечно, — бесстрастно произнес демон.

— Как называется эта планета?

— Йорхор.

— Святая Бригита... — охнул Леверлин. — Не может такого быть.

— Чего? — рявкнул Сварог.

Голос Леверлина словно бы резко повеселел:

— Йорхор... Ох, как интересно...

— Да что такое?! — Сварог за это время еще пару раз выстрелил в чудище, чего оно словно бы и не заметило.

— На языке Изначальных Талар назывался Дагросар, это-то мы знаем, — сказал Леверлин. — А Йорхор — так планету называли те, кто обитал здесь до Изначальных. Точнее, до сих пор это было гипотезой... Значит, она верная. Значит, Изначальные тоже, вопреки названию, откуда-то сюда пришли. Йорхор — это даже не сотни тысяч лет назад. Миллион, быть может. Между нами и этим красавчиком — словно бы ступенька...

Сварог начал понимать. Магия Изначальных влияет на нынешних обитателей Талара, подчиняясь тем же законам, что и магия последних, — но как быть с созданиями, грубо говоря, отстающими по фазе? Если на него не действуют нынешние методы борьбы с нечистой силой — подействует ли на них древняя магия демона исчезнувшего времени?

Леверлин тем временем крикнул:

— Ну, давай! Покажи, что ты можешь!

Радужный Демон застыл, распростерши руки. Колыхались тени, ползли минуты. Делия горячо дышала в щеку Сварогу. Он высвободился, прошел вперед и остановился прямо перед де-



моном, весь озаренный теперь радужным светом. Страх и потерянности понемногу таяли, сменяясь прежней решимостью. Потому что ничегошеньки с ними не происходило, разве что незнакомые запахи стали сильнее. Вблизи физиономия демона напоминала застывшую карнавальную маску — фасеточные глазищи занимают добрых две трети треугольного лица, ушей не видно, нос на манер клюва, сливается с верхней челюстью...

— Что, не получается? — спросил Сварог едва ли не сочувственно.

— Вы давно должны были... — протянул демон.

— Да пойми ты, — сказал Леверлин. — Ушли не только твои хозяева, но и те, кто пришел им на смену. Миллион лет, а то и дольше... Тебя никогда не учили, что в мире нет ничего вечного? Здесь уже не остров, часть континента, никто и не знал, что тут когда-то был остров...

Они со Сварогом полностью овладели собой, только Делия держалась поодаль. Демон медленно-медленно опустил руки, его голос оставался столь же бесстрастным, но меж словами появились долгие паузы, соответствовавшие, быть может, эмоциям:

— Континент... ничего прежнего... никого прежнего... миллион лет...

«Не помер бы, — подумал Сварог. — Такая плюха любого уложит».

— Это что еще за сумасшедший фонарщик? — раздался юный дерзкий голосок.

Сварог оглянулся. Мара стояла, отвязывая с талии конец спущенной сверху веревки.

— Это демон, — сказал Сварог. — Из прежних времен. Совершенно выдохся, бедняга. Сущее привидение демона, я бы сказал...

— Ну, перепугали вы нас. Бог знает что подумали, а вы тут с привидениями демонов шушукаетесь... — Мара задрала голову и закричала наверх: — Все в порядке!

Обошла вокруг радужно сиявшего демона, задумчиво его разглядывая, хмыкнула, пожала плечами и направилась к помосту. Леверлин пошел следом, даже Делия стала с любопытством озиаться. Демон торчал посреди гробницы перестоявшей все сроки новогодней елкой, нелепый и бессильный. Сварогу стало его немного жаль, и он громко сказал:

— Орлы, поуважительнее, что вы, как деревенщина в музее. Великий вождь все-таки...



— Один из самых великих, — печально подтвердил демон. — Он разбил войска фоморов, срыл крепости Змеиноного мыса, спустился в подземную страну вераджей и захватил драгоценности их гнусных владык, изгнал жрецов Змееноного, нанес рану Великому Кракену...

— Что? — повернулся к нему Сварог. — Эта пакость уже тогда жила в глубинах?

— Великий Кракен уже обитал здесь, когда наши предки пришли на Йорхор. Твой друг прав — для живущих вечности нет. Но она существует для Зла...

— Да? — усмехнулся Сварог. — Что-то твое зло испытание временем не выдержало...

— Ты уверен, что я представляю зло по отношению к твоему добру? Что наши добро и зло друг на друга похожи?

— Ни в чем я не уверен, — сказал Сварог. — И вдобавок — не философ. Я авантюрист на государственной службе. Это вот он — ученый, да и то недоучившийся. Хотя ты не втягивай меня в философские споры, я их по темноте своей старательно избегаю, о чем что-то не сожалел...

Он подошел к помосту. Из-под плотной материи, расшитой странным узором с преобладанием спиралей и треугольников, выступала верхняя половина скелета. И скелет был не человеческий, судя по черепу. Больше всего череп напоминал физиономию стража гробницы — те же огромные глазницы, верхняя челюсть-клюв, редкие клыки странной формы. Сварог осторожно прикоснулся пальцем к уголку покрывала, и уголок рассыпался хлопьями тяжелого праха. Миллион лет — это серьезно... Наряд покойника, должно быть, рассыпался пылью уже давно — меж ребер, сходящихся острым клином, отчето грудная клетка напоминала лезвие колуна, валялись в беспорядке то ли бляшки с выпуклым узором, то ли пуговицы, пряжки, обрывки звеньев рассыпавшихся цепочек, тусклые прозрачные камешки. Из-под покрывала виднелась рукоять меча — с гардой, похожей на четырехлопастный пропеллер, вся в спиральных узорах.

— Три ночи горели костры, — бормотал за спиной Радужный Демон. — Три ночи били барабаны, ритуальный напиток богов, шипя и пенясь, лился в пламя, и падали под жертвенным ножом пленники, и ржанье Горлорга походило на рыданье, ибо он ведал, что никогда уже не понесет вождя по Древним Дорогам...



— Что? — Сварог обернулся. — Ваши кони могли скакать по Древним Дорогам?

— Горлорг — не обычный конь. Это Конь Талисмана, — Демон вытянул худую руку и указал на лежавший слева от черепа массивный треугольный предмет, напоминавший наконечник копья с выпуклыми гранями. — Конь Древних Дорог. Он все еще ждет зова, он и сейчас на тамошних пастбищах, потому что время на Древних Дорогах течет иначе, а то и не течет, то оно есть, то его нет...

Сварог, охваченный шальным желанием, не выдержал:

— Меня очень интересуют Древние Дороги...

— Иными словами, Талисман? Я могу предложить тебе то, что на языке смертных существ называется сделкой. Отдам тебе Талисман и расскажу, как с ним обращаться. Но ты уйдешь со своими людьми, ничего больше не тронув, и никогда больше не потревожишь гробницу. — Его голос едва уловимо изменился, что могло означать и злорадство. — То, что я оказался бессилен, еще не означает, что ты можешь безнаказанно нарушать данное слово. И еще. То, что наше добро и зло могут не совпадать с вашим, ты подметил верно. А потому предупреждаю честно: вина за возможные последствия, каковые влечет обладание Талисманом, ложится не на чьи-то древние козни, а на того, кто возжелал владеть вещью, сотворенной не в его мире...

— Согласен, — сказал Сварог, отстранив легонько потянувшего его за рукав Леверлина.

— Слово вылетело, — бесстрастно отметил демон, протягивая Сварогу Талисман. — Я и сам не знаю, что из былых законов потеряло силу, а что уцелело. И потому уговор...

— Я же дал слово, — сказал Сварог. — Идите, орлы.

Когда он после короткой беседы с демоном тет-а-тет последним взобрался по веревке под звездное небо, Леверлин покачал головой:

— Тебе не кажется, что он тебя примитивно надул? Коли уж он так легко расстался с Талисманом, там могло остаться что-то неизмеримо более ценное, от него-то и отвлекал внимание, жертвуя меньшим...

— Все возможно, — пожал плечами Сварог. — Но в конце-то концов, мы не гробокопатели и не археологи Королевской академии. И не стоит печалиться о том, что осталось неизвестным. А Древние Дороги стали меня чертовски занимать... Привычка



у меня такая, как у сороки, — собирать коллекцию всевозможных экзотических находок. Сам не заметил, как и появилась.

— Был у нас один придурковатый, — сообщил Бони. — Все хвастал, что знает калиточку, выходящую на Древние Дороги, и порой там гуляет. Врал всякое, благо не проверишь. Так и сгинул. Спихватились однажды, что долгонько не появляется, стали искать, а он как в воду канул. Правда, нашли у него в лачуге какой-то странный горшок, у нас таких сроду не делали...

— Ладно, — сказал Сварог. — Давайте-ка спать. Чем бы дыру огородить, чтобы кони не попадали...

И осекся. Не было никакой дыры — нетронутая земля, жесткая трава. Молча махнул рукой, завернулся в плащ и устроился у догорающего костра, на сон грядущий недобрым словом помянув гнома. Гном оказался редкостной паскудой — но и Сварог был хорош. Следовало семь раз отмерить и взвесить каждое слово. Во фразе «Где здесь безопаснее всего переночевать?» он пропустил «нам». И гном, скрупулезно соблюдая букву уговора, и не солгал, и не сказал всей правды. Хотя... Кто его знает. Быть может, самим гномам как раз безопаснее всего ночевать на вершинах курганов. И кто мог знать насчет огня, железа и крови, отворяющих гробницу?

Сон надвинулся какой-то зыбкий, нечеткий, никак не складывался в нечто осмысленное, мелькали странные лица, бесвязные обрывки разговоров, все плыло, смысл ускользал. И вырвал Сварога из тоскливой полудремы реальный, гулкий выстрел. Он вскочил, путаясь в плаще, отшвырнул его, схватился за топор.

Кто-то успокаивал коней, кто-то, пригнувшись, вертелся во все стороны, держа мушкет наготове. Страхнув остатки сна, Сварог присмотрелся. Нападающих не видно. Бони шарил стволом пулемета, выискивая цель. Мара с Шедарисом, согнувшись в три погибели, чиркая спичками, осматривали землю, старательно целя из пистолетов в освещенные места.

Ни противника, ни пострадавших. Успокоившись, Сварог спросил:

— Что такое?

— Видел я его! — не разгибаясь, отозвался Шедарис. — Крохотный такой, стерва, как жучок...

— Но бежал-то он на двух ногах, — сказала Мара.

— А кто спорит? На двух. Да шустро, падла, что твой таракан...



— Командир! — позвал Леверлин. — Ты в темноте видишь, у тебя лучше получится...

Он стоял над Делией, а она сидела, как-то странно склонив голову, прижавшись правой щекой к плечу.

Сварог одним прыжком оказался рядом. Она показала указательным пальцем, не касаясь шеи:

— Здесь кольнуло... И ноет.

Осторожно, растопыренными пальцами Сварог подхватил и перекинул направо ее роскошные волосы, присмотрелся. На шее темнела крохотная точка, явственно выступая над кожей. Кончиками нестриженных за время путешествия ногтей он ухватил что-то твердое, потянул, вырвал. Делия тихонько ойкнула, потеряла шею пальцем, улыбнулась:

— Все, не больно... И кровь не идет, так, царапина...

Сварог поднес ладонь к глазам, разглядывая скользкую от крови занозу. Больше всего это напоминало десантный кинжал с широким, затейливым, зазубренным с одной стороны лезвием — но длиной он был с ноготь мизинца. Вытащив из кармана уже порядком измявшийся конверт с письмом подружки штандарт-навигатора, Сварог запрятал туда находку, сложил конверт вчетверо и спрятал назад.

— Тихо! — поднял палец Леверлин.

Вдали, на равнине, с той стороны, откуда они пришли, раздалось жужжанье. Оно быстро удалялось, перемещаясь словно бы над самой землей. Вертолет улепетывал на предельно малой высоте — вот что это было. Крохотный вертолетик. Бони соряча развернул туда пулемет, Сварог успел рывкнуть:

— Отставить! Далеко, полная темень... Как все случилось?

Оказалось, Шедарис, которого Мара сменила на карауле, стал было укладываться спать, но, как он честно признался, загляделся на спящую Делию. И увидел, что по шее у нее, по белому кружеву воротника ползут словно бы два паука — большие, размером с палец, и передний уже вылез к уху, на кожу. Одного капрал моментально смахнул ладонью, второй ухитрился как-то соскользнуть наземь. Шедарис нацелился прижечь его спичкой, ибо пауков с детства ненавидел — и обнаружил при вспышке, что никакой это не паук, вообще не насекомое, что это удирает на двух ногах крохотный человечек. Тут вскочила Делия, подбежала Мара, тоже заметила человечка и выстрелила наугад...

— Уж простите, принцесса, — глядя в землю, покаянно сказал капрал. — Угли догорали, осветили вам лицо, и были вы очаровательны, как фея...



— Ладно, — сказал Сварог. — Ты ей, похоже, жизнь спас, ценитель прекрасного...

— Значит, нож? — тихо спросила Делия.

— Нож, — сказал Сварог. — Крохотный, конечно, но если бы второй нашарил сонную артерию...

Ноги у него стали ватными от запоздавшего ужаса — он ведь мог и не успеть остановить кровь... Делия, обведя их застывшим взглядом, подошла к потупившемуся капралу, приподнялась на цыпочки и чмокнула в щеку. Из смущенного бормотанья Шедариса стоявшие поблизости разобрали, что за принцессу он готов умереть.

— Вот только почему они прицепились именно к принцессе? — нарушил сентиментальную сцену деловой вопрос Мары. — Она ведь не с краешку спала — в самой середине...

— Потому что именно она сбила единственный вертолет, отмеченный короной, — сказал Сварог. — Другого объяснения я что-то не вижу. Стоит лишь предположить, что он принадлежал невероятно важной особе, персоне, связанной с короной, что эта персона была на борту и погибла... Сам король? Любимый сын? Любимый дядя? Лучше не гадать, все равно не узнаем. Но должна же корона что-то значить?

— Подготовочка у них... — не без уважения сказал опомнившийся капрал.

— Ребята лихие, — кивнул Сварог. — Следили за нами издали, надо полагать, и не один вертолет, а несколько, мы после драки с ними отмахали изрядный конец, один-единственный вертолет давно выжег бы горючее. Передавали нас друг другу, приземлились подальше, в темноте отправили группу... Задание для самоубийц, дураку ясно. Но они сделали все, что могли. Нельзя не уважать... Вот что. Вы двое, — он указал на Леверлина с Шедарисом, — назначаетесь личными тело-хранителями принцессы. Глаз не спускать. — Он взял Делию за локоть, отвел на пару шагов. — Простите, принцесса, за столь дерзкие и вульгарные подробности, но впредь, когда вам понадобится в уединении проинспектировать кусты, непременно предупредите Мару, пусть идет с вами и озирает окрестности. Это строжайший приказ. Пока мы отсюда не выберемся, уединения для вас не существует.

— Думаете, они вернутся? — тихо спросила Делия.

— Не знаю. Но рисковать не будем. Вы ухлопали кого-то, за чью смерть они вознамерились мстить. Однако возможности у них невеликие...



Он не кривил душой, именно так и считал — за время пути успел многое обдумать. Да и неудачное покушение добавило кое-что к прежним размышлениям. Очень уж примитивно оно было обставлено: несколько командос, высаженные вертолетом... Значит, у лилипутиков нет ни реактивных самолетов, ни авиабомб, ни ракет «воздух — земля», способных нанести человеку рану не легче той, что оставляет разрывная пуля. Реактивные самолеты — излишняя игрушка для пещеры, какой бы гигантской пещера ни была. А отсутствие бортового ракетного вооружения, транспортируемых по воздуху взрывных устройств можно истолковать двояко: либо этого еще не научились делать, либо, что гораздо вероятнее, — там, внизу, одно государство. У них просто-напросто нет противника, внешнего врага, против которого следовало бы создавать боевую авиацию. В таком случае вертолеты — не более чем полицейское оружие. А для скрытных путешествий по большому миру годятся исключительно подводные лодки.

И все же следовало сделать поправку на неизвестное. Под землей таился целый мир, о котором ничегошеньки не известно — тут лучше бы обойтись без скоропалительных выводов и не считать свои гипотезы святой истиной... Чертовски пригодился бы пленный, вот что. Смело можно сказать: вертолет улетел раньше, чем оставшийся в живых (или оставшиеся) десантник успел до него добраться. Но отыскать брошенных командос — дело немыслимое. Даже если не затоптали в суматохе, под каждую травинку не заглянешь, а заклиний подходящих нет. Затаился под любым седлом, под расстеленными плащами... Ко всем неприятностям прибавилась еще одна: теперь и небо таило угрозу. Незаметно подкравшийся вертолет может и швырнуть канистру с какой-нибудь химической пакостью. Судя по всему, нападение на Делию готовили в страшной спешке, вызванной яростью кого-то власть имущего, второпях отданным приказом, неминуемо влекущим столь примитивное исполнение — и это тоже знакомо до отвращения... Что случится, когда за дело возьмутся более умные люди? Или они достаточно удалились от входа в пещеру? Но входов может быть и несколько. Словом...

Словом, удирать надо побыстрее, вот что.



КОРОЛЬ ВО ВСЕМ ВЕЛИКОЛЕПИИ

Встали рано, когда солнце еще не выглянуло из-за курганов. Радужный Демон и крохотные преследователи не подавали признаков жизни — зато Мара с Леверлином, когда Сварог проснулся, уже старательно разгуливали на четвереньках там, где ночью лежала Делия, чуть ли не тычась лицами в землю, передвигаясь так осторожно, словно повсюду рассыпано битое стекло или посверкивают проволоочки противопехоток. И вскоре Мара удовлетворенно хмыкнула, без тени брезгливости подняла что-то двумя пальцами, положила на ладонь, подошла показать Сварогу. Вокруг, сталкиваясь головами, столпились остальные.

На ладони в нелепой позе лежал крохотный трупик — в пятнистом буро-зеленом комбинезоне, голова закрыта капюшоном, на поясе виднеются какие-то черные чехлы, одна нога в высоком черном ботинке вывернута совсем уж неестественно. Ощутив смешанную с отвращением жалость, Сварог буркнул:

— Закопайте его. И седлайте коней.

«Всегда одно и то же, — зло подумал он, направляясь за своим седлом. — Неразбериха, спешка, идиотские приказы — и нелепо гибнущие рядовые. Мир упорно не меняется...»

За курганами простиралась до горизонта унылая равнина, не обремененная ориентирами и красотами пейзажа. Мару с Шедарисом Сварог определил периодически поглядывать на небо и слушать в четыре уха. Сам он был откровенно мрачен —



потому что единственный из всех представлял, что такое атака с воздуха, пусть и проведенная крохотными боевыми машинами.

Однако с воздуха сюрпризов не последовало, зато на земле началась сушая чертовщина. Когда конь шарахнулся, храпя, Сварог сначала зашарил взглядом по небу, и переключил его внимание лишь сдавленный вскрик Делии, вытянувшей вперед руку.

Там шагали ноги — не особенно и спеша, пересекая им путь. Две голые человеческие ноги, правая и левая, синюшно-белые, аккуратно отсеченные на всю длину, они целеустремленно, размеренно переступали по земле, и никакого туловища при них не наблюдалось. Сахарно белели аккуратно перерубленные кости, багровело мясо — никакого человека-невидимки, просто две отрубленные ноги, пустившиеся странствовать. Отряд моментально сбился в кучу, Мара неуверенно потянулась за пистолетом, Сварог яростно зашипел на нее, и все застыли в седлах, боясь дохнуть. Зрелище было столь дикое и неожиданное, что не нашлось никаких мыслей, даже панических, и это оцепенение передалось дрожащим всем телом лошадям.

Ноги спокойно удалились, топча и раздвигая сухо шуршащую траву. Их долго провожали взглядами, Шедарис зачарованно выругался оборотами, вовсе уж противоречившими этикету, но златовласая принцесса, не обратив внимания, сама вполголоса отпустила такое, что Сварог фыркнул. Она опомнилась, чуть покраснела:

— Дичаем, граф, право...

— Одичаешь здесь, — сердито сказал Сварог. Ноги размеренно мелькали вдалеке. — Поехали побыстрее...

Вскоре на берегу ручья, заросшего высоким камышом, они наткнулись на жирного, крайне деловитого енота. Енот примостился над медленной серой водой, обмывая желтый человеческий череп, старательно вертел его крохотными когтистыми лапками, окунал, вытаскивал и внимания на путников, проехавших в трех шагах, не обращал совершенно. У Сварога руки чесались вклепить пулю в мохнатого полоскуна, просто так, от злости на непонятные, начавшиеся-таки поганенькие чудеса, но он крепился, и кавалькада проехала мимо, не задерживаясь. Сварог прикидывал направление, стараясь ни о чем не думать; так было легче. Но нехорошее предчувствие тупо ныло где-то под ложечкой.



И напоролись. Черные колышущиеся пятна вдруг стали возникать впереди, словно расплывались в прозрачной воде кляксы туши, сначала казалось, что они появляются хаотично, но вскоре обозначилась четко очерченная ими гигантская дуга, далеко протянувшаяся по равнине, замыкавшая всадников в полукольцо облавы, а пятна приняли форму громадных черных псов. До них было не так уж и далеко, они медленно надвигались, то и дело замирая, настороженно всматриваясь, прижав уши.

Сварогу не раз доводилось пугаться во время странствий по Харуму, но такой страх его еще не захлестывал. Основой было пронзительное осознание бессилия — полного и окончательного. Он помнил дьявольское проворство Акбара и понимал, что шанса нет ни малейшего. И все же взялся за топор.

Кони давно остановились, прикованные к месту заклинанием Сварога, — иначе понесли бы. Псы один за другим садились, вывалив розовые языки, они не грозили и не нападали — просто преграждали дорогу, и их было столько, что страх помаленьку истаивал, перевалив все мыслимые высшие точки и оттого притупившись. В жизни так случается. Когда страха слишком много, его просто не чувствуешь. И отчаянно хочется проснуться...

Отчаянно цепляясь за любую соломинку, Сварог повторял про себя: «Они не охотятся стаями. Не охотятся стаями». Он слышал это от кого-то. Определенно. Еще на «Божьем любимчике». Хельстадские псы, в отличие от обычных волков и диких собак, повадками схожи скорее с тиграми и медведями. У каждого своя территория, строжайше охраняемая. И коли уж они собрались вместе, то... Что?

То их **н а т р а в и л и**.

Он бросил взгляд вправо-влево. Его орлы держались достойно, на лицах читалась скорее обреченная решимость, чем страх. Шедарис даже оскалился не хуже псов.

Немая сцена затягивалась, и поведение гармов все больше убеждало, что дело тут нечисто. Ни один дикий зверь так себя не ведет. Он либо нападает, если превосходит числом или твердо надеется на победу, либо бежит — а в крайнем случае делает угрожающие выпады. А эти сидели, ни один не лег, не встал. Выполняли приказ... или ждали такового.

Сварог вздрогнул, услышав ненатурально спокойный голос Делии:



— А в самом деле, с чего мы взяли, что за нас так и не возьмутся всерьез?

«Старухина бечевка, — вспомнил он. — Но неизвестно, куда понесет ветром...» Косясь на псов, сказал сквозь зубы:

— Если здесь есть хозяин...

— Есть, — уверенно ответила Делия, глядя назад через его плечо. — Обернитесь. Если это не хозяин, я съем свою шляпу. И вашу тоже.

Сварог обернулся. Да, впечатляло.

С противоположной стороны на них надвигался замок, летевший над равниной на высоте человеческого роста. Он не походил ни на замки ларов, ни на земные фортеции — несколько соединенных крытыми галереями зданий с прильнувшими к ним круглыми башнями, темно-вишневые стены с выпуклым белым узором, черные крутые крыши, затейливые флюгера и горгульи цвета старого золота, стрельчатые окна, сплошь в радужных разноцветных витражах, изящные зубцы... Замок был прекрасен незнакомой, чужой красотой и казался выточенным из одного куска с недоступным человеческим рукам изящным мастерством. Невесомо плывущий над землей, он выглядел самой естественной деталью пейзажа, ничуть не казался нелепым или необычным. Замок был здешний, а они — чужими, со всем их изумлением и испугом. Никогда еще за все время пребывания в Хелльстаде Сварог не чувствовал так остро, что попал в совершенно чужой мир, живущий отдельно...

А в следующий миг, вспомнив о долге командира, четко произнес про себя все необходимые слова.

Что бы там ни таилось в замке, сам замок был именно таким, каким предстал взору. И вместе с тем... Сварог в который уж раз проклял убогость мага-недоучки, то бишь себя самого. Перед ним — далеко не впервые — оказалась некая загадка, чьей сути он не понимал. Словно бы и нет здесь ни зла, ни добра, а замок — не просто замок. И это все, что оказалось доступным «внутреннему взору», точнее не выразишь по невежеству своему в высокой магии...

Замок остановился, опустился наземь. Высокая дверь (определенно парадный вход) вдруг медленно и плавно откинулась, словно подъемный мост, на ее внутренней стороне обнаружились ступени. Приглашение было самое недвусмысленное, и все же они, как легко догадаться, медлили. Приходи, красotka, в гости, мухе говорил паук... Тогда за спиной раздалось корот-



кое могучее рычание, словно гром тяжело ворохнулся в безоблачном небе, псы придвинулись разом и садиться уже не стали, замерли, растопырив передние лапы, угрожающе склонив головы.

Сварог первым слез с коня, угрюмо бросил:

— Пошли? На замок людоеда что-то не похоже...

— На замок примитивного людоеда, — тихо повторил вслух Леверлин его невысказанную мысль. — Людоед с чувством прекрасного, сдается мне, еще опаснее...

Бони решительно взвалил на плечо пулемет. Сварог покоился с большим сомнением, покачал головой, но промолчал. И пошел впереди, как и надлежит отцу-командиру, громко насвистывая «Пляску смерти», песенку невеселую, но все же не относившуюся к похоронным маршам: «Гроб на лафет, он ушел в лихой поход...»

Поднявшись по широким ступеням, они оказались в длинном высоком коридоре, сечением напоминавшем перевернутый колокол. Стены были темно-розовые с белыми прихотливыми прожилками, на равном расстоянии горели неярким золотистым свечением ажурные шары, словно бы висевшие в воздухе у стен, едва касаясь камня, выглядевшего монолитным и, вот чудо, теплым. Чтобы проверить это странное, неотвязное впечатление, Сварог воровато провел ладонью по ближайшему плавному изгибу. Ненамного, но теплее все же, чем обычный камень, и словно бы отталкивает ладонь, самую чуточку, едва заметно.

Впереди показалось что-то, летящее навстречу. Птица. Золотая, украшенная дивной чеканкой, сверкавшая радугой самоцветов. Распахнув неподвижные крылья-веера, она подлетела, замерла в воздухе, отвесила церемонный поклон (едва слышно, мелодично звякнули золотые чешуйки на шее, колыхнулись над головой огромные рубины на тоненьких стебельках), развернулась на месте вокруг невидимой оси и очень медленно поплыла назад, в глубь коридора, распространяя тонкий, как весенняя капель, звон.

Все молча направились следом. Высокие коридоры, широкие лестницы, залы, колонны — зеленые с черным, густо-алые с синим, фиолетовые с пурпурными прожилками, золотистые с черными нитями, полупрозрачно-лимонные с таинственным переплетением темных прожилков внутри. Повсюду этот странный камень, менявший цвета, оттенки и сочетания



красок, как личины, чересчур красивый, чтобы опошлять его роскошными украшениями. Только однажды Сварог увидел в нише невысокое золотое деревце тончайшей работы, а в другом месте — коня из темного камня, выглядевшего страшно древним, вытесанного грубовато, примитивно, но казавшегося идеально завершенным, так что еще один, слабехонький удар резца бесповоротно испортил бы скульптуру. Под ногами не было ковров, но шаги отдавались глуховато, словно прихотливые узоры каменного пола, похожие то на письмена, то на древние географические карты, поглощали звуки.

Неожиданно за очередным поворотом открылась высокая стрельчатая арка, а за ней — огромный зал в розовато-лиловых тонах с алыми и черными прожилками. В обрамленных полуколоннами нишах стояли черные сундуки, все в золотом узоре с неизбежными самоцветами, а сводчатый потолок усыпан красными камнями, словно бы повторявшими созвездия ночного неба неизвестной планеты.

У стены, на троне, будто вырезанном из цельной глыбы янтара, сидел человек в пурпурной мантии и ажурной митре цвета серебра. Птица, пролетев над его головой, опустила на спинку трона меж двух прозрачно-золотистых шаров, застыла. Сварог весь подобрался, удивляясь, как много можно ухватить взглядом в минуту опасности.

Слева от трона — странное сооружение, больше всего напоминающее груды черных и фиолетовых шаров, отчего-то не рассыпавшихся согласно закону всемирного тяготения, а слипшихся подобно виноградной грозди, только высотой в три человеческих роста. Совершенно не гармонирует со всем остальным — и, коли уж присутствует, надо полагать, вещь в обиходе необходимая.

Справа от трона — двое в богатой одежде незнакомого фасона, один помоложе, другой постарше. Смотрят не без интереса. Меж троном и стеной — две лежащие пантеры из черного металла.

Человек на троне шевельнулся, лениво и плавно переменял позу — и пурпурная мантия на миг вспыхнула радужными переливами. Его митра, Сварог хорошо рассмотрел, состояла из множества серебряных сосновых шишек, сплетенных в нехитрые узоры. Работа тончайшая, каждая чешуйка видна, шишки словно бы удерживает вместе не искусство мастера, а волшебная сила. Скверно. По легендам, короны из сосновых



шишек носят горные тролли, точнее, их короли, личности насквозь злокозненные и человеку враждебные изначально. Правда, и горные тролли, и их короли проходят по разряду совершеннейшей небывальщины, но мы в Хелльстаде, господа, мы в Хелльстаде...

И Сварог вежливо наклонился по всем правилам придворного этикета, прижав ладони к груди (для чего пришлось, чтобы освободить руки, засунуть топор за пояс). Их разделяло шагов двадцать. Он хотел было подойти ближе, но один из стоявших у трона остановил его, чуть заметно пошевелив ладонью.

Что-то обрушилось на него невидимой лавиной. Беззвучный удар оказался так силен, что Сварог не сразу и распознал его природу. Прошло несколько долгих, мучительных секунд, раздиравших разум и душу неопикуемой людскими словами болью, прежде чем он понял: это зауряднейшее Заклятье Ключа, это маг прощупывает мысли. Как и вся здешняя магия, на Сварога заклатье не подействовало — но все равно, удар был невероятно могуч. Сварог сам было попытался определить, кто перед ним. После такой плюхи он словно бы полуслеп и наполовину оглох в магическом смысле, умение-то было не принесенное с собой, а полученное здесь и оттого здешним воздействием вполне подверженное...

И все же он, словно через мутное стекло, разглядел, что человек в короне горных троллей ничего общего с нечистой силой не имеет.

Человек на троне удивленно поднял левую бровь:

— Недурно для мира, где колдовство забыто и задушено... Или вы из Керуани?

— Я из Готара, — взвешивая каждое слово, ответил Сварог. — Я — барон Готар. И представления не имею, где такое место — Керуани...

— Где это — Готар?

— В Пограничье, ваше величество, — ответил за Сварога придворный постарше.

— Ах, вот как... — холеное, породистое лицо осталось то ли равнодушным, то ли исполненным устоявшейся брезгливости ко всему и вся. — И что же вам понадобилось в моем королевстве, барон? Вас не предупреждали, что к незванным гостям здесь относятся... прохладно?

— У меня не было другого выхода, — сказал Сварог осторожно. — Нас прижали к вашей границе, и мы рискнули... —



Он искал обороты поцветистее. — В наши планы отнюдь не входило нанести оскорбление или бесчестье вашему славному королевству, равно как и его владыке, но, движимые необходимыми обстоятельствами... Позволено ли мне будет осведомиться о вашем благородном имени, если сие не противоречит этикету...

— Я — Фаларен. Первый — и последний. Король Хелльстада. Говорите проще. Пожалуй, я разрешу вам сесть, как-никак с вами дама, принцесса... «Просек, сука», — мысленно охнул Сварог. Глаза короля на миг стали сосредоточенно-отрешенными, потом он сделал небрежный жест, и Сварог, по наитию обернувшийся, узрел за спиной фиолетово-черное кресло, словно бы составлявшее одно целое с полом, — и за спинами его людей возникли такие же. Краешком глаза успел заметить, что лица у его орлов растерянные, болезненно искажившиеся, — на них обрушился тот же удар, и им пришлось еще хуже.

— Девчонка — ваша дочь? — спросил вдруг король.

— Племянница, — сказал Сварог.

И затаил дыхание. Но король преспокойно кивнул. «Все не так плохо, — подумал Сварог. — Есть шансы. Это человек, и Высшего Знания он не достиг, если не может читать мысли, если не может узнать имя, коли оно не названо...»

— Племянница. — кивнул король. — Значит, наследственное. И все остальные... Как вам удалось, обладая такими способностями, остаться незамеченными бандой этих летучих идиотов? Я имею в виду ларов.

— Мы старались этих способностей не проявлять, — сказал Сварог. — Места у нас захолустные, на них давно махнули рукой...

— Это похоже на ларов, — улыбнулся король одними губами. — Прежде всего, дорогие гости, хочу вас попросить не бросаться на меня с мечами и не палить из ваших примитивных хлопушек. У иных из вас это шальное желание саженными буквами начертано на лицах... Видите ли, я бессмертен... почти. На мне заклятье, — сказал он, словно извиняясь. — Ни один из рожденных под этим солнцем не может причинить мне вреда. Охотно позволил бы вам развлечься, сколько душе угодно, встретиться мы этак три тысячи лет назад. Но меня давно уже не занимает людское бессилие против нашей персоны — исчезла всякая прелесть новизны... Или дать все же вашей очаровательной, упрямой девочке возможность убедиться? Я же вижу, как



сжигает ее недоверие. Ко мне так редко попадают дети... Хорошо, наша персона будет милостива. Пожалуйста, детка.

Сварог не оборачивался, не видел даже, что бросила Мара. Зато видел, что из этого вышло: мелькнуло что-то темное, крутящееся и в тот же миг исчезло в тусклой вспышке перед самой грудью короля.

— Думаю, этого довольно? — вежливо спросил Фаларен. — Оставим эти скучные забавы и перейдем к более интересным вещам. Признаюсь, я пресыщен жизненными впечатлениями — по причине их удручающего однообразия. И, когда случается что-то любопытное, небывалое доселе, я терзаюсь любопытством, как самый обычный человек. Вы меня не на шутку заинтересовали, дорогой барон, и вы, господа и дамы. Хелльстад не может пожаловаться на забвенье. Нас посещают не столь уж редко. Но все визитеры столь же удручающе однообразны. Большая их часть заявляется сюда в поисках кладов и приключений. Другие, их меньше, пытаются укрыться здесь от врагов, пересидеть погоню, наивно надеясь, что я оставлю их в покое, если они забьются куда-нибудь в уголок и затаятся, как мышки. Впрочем, порой я и оставляю их в покое, все зависит от настроения, друзья мои, с какой ноги встанешь, увлечен ты делом или празден... Но впервые за последние четыре тысячи лет — впервые! — здесь появилась компания, решительно не похожая на всех прежних гостей. Не кладоискатели, не беглецы, не ищущие уединения отшельники. Вы целеустремленно пересекаете Хелльстад на пути к своей, неведомой цели — мимоходом, словно лесную полянку или деревню при дороге. Давно, давно уже мои владения не использовали столь бесцеремонно, в качестве проезжего тракта...

— Вас это обижает? — невинно спросил Сварог.

— Обижаться на людей? Мне?! — усмехнулся Фаларен. — Меня это ужасно заинтриговало, милейший. Всего лишь. И я приказал оставить вас в покое. Мои Летучие Рожи — примитивные шуты, привратники, не более. Правда, они отхватят вам голову, как вы отхватываете кусок печенья... Но я не велел вас трогать. Решил подождать. Это великолепная игра — сидеть и думать, пытаясь угадать, как поведет себя очередной захожий бродяга. Признаюсь вам, первое время не трогают никого — пока я не решу, что угадал намерения незваного гостя. И тогда начинается забава. Я редко отдаю конкретные приказания —



разве что гость особенно меня интересует. В большинстве случаев, стоит мне убедиться, что мы столкнулись с очередным примитивом, вступают в игру давно отработанные механизмы — и не всегда я досматриваю до конца.

— Насколько я знаю, были люди, которым удалось отсюда выбраться...

— Ну естественно! Я же не стремлюсь уничтожать абсолютно всех, кто ко мне попадает. Во-первых, порой оставить в живых бывает еще забавнее. Какой-нибудь бродяга, отягощенный тем, что он полагает себя ценной добычей, вырывается из Хелльстада, себя не помня от радости и славя свои везение, удачу и богатырский меч... Меня такой исход развлекает, давая повод к философским раздумьям об ограниченности человеческого ума и относительности всего сущего. Во-вторых, нужно быть практичным. Если станет известно, что отсюда не возвращается н и к т о, ко мне перестанут заходить в гости — кто решится на заведомо обреченное предприятие? И я лишусь развлечения, а у меня и без того почти не осталось развлечений... О, если бы я наконец решил засесть за книгу! Это была бы поучительная и грустная книга, барон, столько репутаций славных героев, попавших в летописи, удостоившихся монументов, гербов и корон, рассыпалось бы прахом... Но никто не оценит сей труд по достоинству. Вернемся к вам. Вас оставили в покое. Наблюдали, конечно. И я убедился, что мои владения для вас — не более чем досадная преграда, которую вы стремитесь побыстрее преодолеть, направляясь к морю. Каюсь, у меня не хватило терпения подождать, пока вы достигнете берега, и я послал собак... вы неплохо держались. Иногда я н а ч и н а ю с собак, и многим этого бывает достаточно, улепетывают, бросая dospехи...

— И они гибнут?

— Не всегда, что вы. В том-то и прелесть игры. Хотя трупов я не люблю. Смелый еще имеет шансы, но труп... — холодные синезеленые глаза чуть сузились. — Не одобряете таких забав, а?

— Вам виднее, как распоряжаться у себя дома, — сказал Сварог.

— Совершенно справедливо. С какой стати мне становиться добреньким? Почему-то волшебные страны считаются самым подходящим местом для бесцеремонных прогулок без согласия хозяев. Как бы вы себя повели, начни по вашему баронству болтаться незванные прищельцы из иного мира, охотиться на



ваших коров, обижать ваших крестьян, долбить стены вашего замка в поисках кладов?

— Многие и не подозревают, что вы существуете, — сказал Сварог. — Считается, что здесь нет хозяина. Только туманные слухи о некоем короле...

— Не заступайтесь за них, за этих наглых людишек. Они с той же бесцеремонностью ломились бы сюда... По крайней мере, четыре с половиной тысячи лет назад, когда о моем существовании было прекрасно известно всем поголовно, это ничуть не останавливало нахалов, наоборот...

— Сколько же вам лет? — с ненаигранным любопытством поинтересовался Сварог.

— Пять с половиной тысяч... И сколько-то там еще прежних. Кажется, сорок с небольшим. Точнее не помню, годы для меня... вы же не помните, сколько вам минут?

— Значит, вы жили еще до Шторма?

— Я с удовольствием расскажу вам о себе, — сказал король с ноткой нетерпения. — Но сначала вы расскажете, куда направлялись и зачем, чтобы наша персона утолила любопытство. Тогда и решим вашу судьбу. Возможно, окажетесь полезны. Вы мне представляетесь довольно интересным для провинциального барона экземпляром, ваши люди храбры и вымуштрованы, не паникуют, во всем положились на вас — чувствуется выучка. К тому же с вами принцесса, а особы королевской крови в последний раз посещали эти места... да, около полутора тысяч лет назад. О, простите, долг гостеприимства...

Он слегка завел глаза под лоб, и откуда-то из дальнего угла зала вереницей поплыли золотые подносы с фруктами и разноцветными винами в хрустальных графинах невыносимой прозрачности. Когда один остановился в воздухе рядом с локтем Сварога, тот легонько отшатнулся — как-никак он был захолустным бароном, не привыкшим к таким чудесам. И в то же время быстренько проверил угощение, убедившись, что ни отравы, ни наведенного заклятья нет, налил себе черного вина. Потом сказал:

— У вас несколько странные порядки, ваше величество. Гости, люди совершенно случайные, сидят, а придворных ваших вы оставили стоять...

— Да? — Король с непритворным удивлением оглянулся. — Совсем забыл, конечно... А напомнить они не осмелились, вымуштрованы не хуже ваших... Можете сесть, господа.



Сварог смотрел во все глаза. Пол за спинами придворных беззвучно вспучился двумя бутонами, они раскрылись, формируясь, покрываясь дырами, выгибаясь, — и появились два кресла. Придворные уселись с явным облегчением.

— Я не деспот, — сказал король. — Просто, любезный барон, как-то забываешь о всяких мелочах... Итак. Попробую сначала догадаться сам, нужно тренировать интеллект... Вы, конечно, не Керуани, иначе не остановились бы перед гармами. Керуани были великие мастера общаться с собаками, это умение не подводило их даже с гармами. Впрочем, Керуани давно исчезли... Но в вашем роду, несомненно, были сильные маги, затаились, ничем себя не проявляя, оттого и избежали пристального внимания ларов. Примерно так же обстояло и с вашими людьми. Какое-то время вы сидели тихо... А потом... Вас что-то погнало в дорогу с неодолимой силой? И цель заставила наплевать даже на Хелльстад?

Сварог молча поклонился. Все оборачивалось — Король Сосновая Шишка сделал неверное предположение, а дальше строил на нем стройную, логически непротиворечивую версию. «Захолустный барон, потомок притаившихся магов»... Говорят, так бывает и с шизофрениками — логика непоколебима, построения изящны, вот только исходная предпосылка абсолютно неверна...

Был страшный соблазн врать и дальше, но Сварог побоялся запутаться. К тому же его люди не обладали теми же способностями и защитой, пока что им удалось выкрутиться, но при малейшем подозрении за них возьмутся всерьез. Что-то странное говорил король о его орлах, какую-то фразу, достойную детального анализа, но ведь не переспросишь...

— Мы идем, чтобы уничтожить Глаза Сатаны, — сказал он, чувствуя под ногами вместо каменного пола тонкий лед. — Отец... он оставил мне письмо, которое следовало вскрыть к определенной дате. Дата эта наступила три недели назад. Там говорилось, что на основе какого-то старинного предсказания мне суждено доставить в три королевства принцессу Делию Ронерскую, которая одна и способна уничтожить Глаза Сатаны. Вот и все, если вкратце. Мы отправились в путь...

Король взглянул через плечо Сварога, и тут же раздался голос Делии, звучный, ровный, чуточку надменный:

— Барон выразил суть удивительно кратко и точно.



Взгляд короля стал пронзительно-сверлящим, он прямо-таки лежал на плече Сварога, как железный шест, и Сварог поймал себя на том, что перестал дышать. На короле заклятье, его не может убить никто, родившийся под этим солнцем... но Сварог-то, если вдуматься, родился под другим светилом! Эти предсказания с их казуистическими крючками... Там же не сказано, будто короля не может убить вообще никто...

— Ну что ж... — медленно произнес король, и по его лицу Сварог понял, что испытание выдержал. — Вы говорите правду...

Да, вот именно. Сварог уже давно понял, какие юридические крючки и коварные оговорки кроются за чеканными, казалось бы, пророчествами, напоминающими строгие математические формулы только с виду...

— Мы вас разочаровали? — спросил Сварог.

— Ничуть. Меня разочаровало то, что ответ на загадку наконец прозвучал. Печально, когда с тайны падают все покровы — ведь скука подступает вновь... Что ж, задумка была неплоха. В этом унылом мире давно не случалось столь дерзких и масштабных предприятий, на меня прямо-таки пахнуло добрыми старыми временами, когда богатыри были богатырями, а колдуны колдунами... — Он небрежно бросил через плечо: — Вам известно что-нибудь о таком пророчестве, Лагefeldь?

Тот, что постарше, моментально отозвался:

— Так называемый Кодекс Таверо, ваше величество. Один из его разделов, а именно...

— Избавьте меня от таких подробностей, Лагefeldь. Вам до сих пор не хватает умения воспарить над несущественными деталями, охватывать умом целое... Пророчество было. Этого достаточно. Правда, это означает лишь, что однажды оно было произнесено. И не более того. Вам доводилось слышать, барон, что не всякое пророчество с роковой непреложностью воплощается в жизнь?

— Доводилось, — кивнул Сварог, насторожившись еще сильнее, если только такое было возможно.

— Будущее — вовсе не застывший монолит, скрепленный пророчествами и предсказаниями, как вечным «кромольским раствором». Секрет «кромольского раствора», кстати, нынешними гильдиями каменщиков утрачен... — Король усмехнулся. — Барон, вы и ваши спутники — идеалисты? Подвижники? Вы одержимы горячим желанием облагодетельствовать человечество?



— Боюсь, до таких высот наш идеализм не простирается, — сказал Сварог, усмехнувшись елико возможно циничнее.

— Благодарю за откровенность. Скорее уж на лицах иных из ваших людей читается не идеализм, а страстное желание проникнуть взором в мои сундуки... Вон тот здоровенный, с крестьянской рожей, скоро прожжет их взглядом... Сокровища там, милейший верзила, сокровища, как же без них? Барон, чего вы ждали — герцогской короны? Земель? Орденов?

— Возможно, я вас разочарую, но мое нахальство простирается на все сразу... — сказал Сварог.

— Ничего, — благодушно сказал король. — Дело житейское. Идеалисты среди магов — великая редкость, сколько живу, встречать не доводилось. Возможно, есть что-то такое в потоке апейрона, влияющее на сознание мага... Словом, идеалистов нет. Другое дело — святые, но меж святыми и магами мало общего еще и оттого, что магия подчиняется законам природы, а чудеса, творимые святыми, проистекают... гм, из другого источника. Нет, барон, вы меня не разочаровали, это я вынужден вас разочаровать. Наша персона не желает, чтобы Глаза Сатаны были уничтожены. Не вздумайте только подозревать меня в симпатиях к силам Тьмы. Я одинаково равнодушен и к Тьме, и к Свету, я — это Нечто Третье, хотя мудрецы и вбили себе в голову, будто такого не может быть... Даже мой мэтр Лагефель когда-то так считал, до знакомства со мной. Не смущайтесь, мэтр, вы с тех пор на глазах поумнели... Я — это я, — он значительно поднял палец, и в его голосе сквозило самодовольство. — Ибо добился всего собственными трудами, без помощи и темных сил, и светлых, а посему свободен и от обязательств перед ними, и от симпатий с антипатиями. Даже лары вынуждены со мной считаться. Я еще в древние времена предпринял кое-какие меры, делающие их бессильными передо мной. Так вот, мои взгляды можно назвать свободными и исполненными терпимости. Здесь может разгуливать Князь Тьмы, когда ему захочется. А в горах на полуночи обитает отшельник из приверженцев Единого, я велел его не беспокоить. Подлинно могучему владыке присуща терпимость. Особенно такому, как я. За те тысячелетия, что я здесь правлю, ушло в небытие столько темных и светлых богов, столько бессмысленных сражений Света и Тьмы оттремело...

Сварог мысленно поздравил себя с удачей — не пришлось ломать голову, проявляя чудеса проницательности, на каковые



он, трезво мысля, и не способен. Король сам преподнес свой главный пунктик, на блюдецке. Мания величия в самой примитивной и недвусмысленной форме. Справедливости ради стоит заметить на полях — а чего еще прикажете ожидать от самодержца, ухитрившегося усидеть на троне пять с половиной тысячелетий?

И еще — Король Сосновая Шишка как-то не тянул на настоящего мага. Хоть Сварог и не видел настоящих никогда... То, что он владыка Хелльстада, ничего еще не доказывает. На иных тронах, отнюдь не захолустных, сиживали и дебилы, и просто дикие посредственности. Правда, это ничуть не умаляет могущества Хелльстада, но ведь и с земными державами точно так же обстояло...

— Иными словами, вы намерены мне воспрепятствовать? — спросил он.

— Ну разумеется, — сказал король. — По-моему, я уже воспрепятствовал...

Что-то не клеилось. Если за всеми имевшими несчастье сюда забрести наблюдают с момента их появления, почему Сварог в прошлый раз выбрался незамеченным? Или в этом и заключалась игра? И король, сразу его опознавший, готовит коварнейшую ловушку, играет, как кошка с мышкой?

— Ну что же, умные люди, оказавшись в вашей ситуации, тактично молчат, — сказал король. — Вы молчите, а значит, умны. Что вас больше интересует — ваша участь или желание узнать движущие мною мотивы?

— Второе, — сказал Сварог. — Поскольку догадываюсь, что моя участь не от меня зависит...

— Верно. И все же... Каждый сам определяет свою участь. Определили свою и вы. Я решил взять вас на службу. Даже великому владыке прискучит одиночество, если оно затягивается. Ему нужны верные слуги...

«И свежие слушатели, способные должным образом оценить хозяйские монологи», — добавил для себя Сварог. Как учит история, выслужившиеся из грязи князя четко делятся на две категории — одни стараются напрочь забыть свое свинопасье прошлое, вытравить его из памяти окружающих. Другие, наоборот, кстати и некстати любят вспомнить вслух, из какой грязи поднялись. И та, и другая линии поведения еще не свидетельствуют ни о высоком интеллекте, ни о широте души. Просто одни — снобы, а другие — нет. Фаларен, скорее, из тех,



кто бережно сохраняет помянутую грязную канаву, огородив ее золотым забором, и любит под настроение показывать гостям...

А вслух он сказал:

— Я безмерно благодарен, ваше величество, за столь высокую честь. Но не представляю, чем могу оказаться вам полезным...

— Откровенно говоря, я тоже в данный момент не представляю, — признался король. — Но непременно что-нибудь придумаю. Мое владение ничуть не напоминает убогое поместье, куда нанимают работников для примитивных конкретных дел. Подлинный ум заглядывает далеко вперед... Эти господа, — незначительный жест ладони, — тоже не имели сначала четко определенных обязанностей, но со временем оказались полезными. Так же поступим и с вами. Да, есть еще ваши люди... Можно отправить их восвояси, насыпав полные карманы бриллиантов, а можно и использовать в какой-нибудь новой забаве... — Он опять глянул мимо Сварога. — Прелесть моя, не нужно столь гордо и возмущенно вскидывать вашу изящную головку. Сколько лет правит в Ронеро ваша династия? Тысячу двести? Я сидел на этом троне, когда предки всех вас бродили в звериных шкурах, отброшенные Штормом к началу времен... Итак, ваши люди, барон. Неплохая коллекция индивидуумов, в той или иной мере одаренных магическими способностями. Жаль разбивать столь тщательно подобранный оркестр. Пожалуй, и они мне пригодятся. Жалую долголетие, роскошь, удовлетворение всех и всяческих прихотей... и так как далее, нужно подчеркнуть, недостающее вписать самим. Согласием не интересуюсь, поскольку не предоставляю выбора. Надеюсь, среди вас нет идеалистов и безумцев, способных отказаться и подвергнуться моему гневу? — И он медленно обвел всех капризно-деспотическим взором.

Стояло молчание. Сварог волчьим чутьем угадывал — все полагаются на него, прекрасно понимая, что ничего другого не остается.

— А главным вашим предназначением станет — помочь мне победить скуку, — продолжал Фаларен. — Скука — единственный и главный враг бессмертного. Впервые она объявила войну уже через несколько столетий после моего воцарения. Перед вами — неутомимый воитель, в борьбе со скукой испробовавший все. Все мыслимые разновидности добрых и злых



поступков. Добро быстро истощает изобретательность, оно удручающе однообразно и оттого становится невольным союзником скуки. Зло не в пример многограннее, оно тысячелично, но пороки, извращения и злодейства тоже в конце концов исчерпываются, как ни пытаешься их разнообразить, порой вовлекая в свои забавы миллионы смертных двуногих, не ведающих о том... — он мечтательно уставился в потолок. — И со временем обнаруживаешь, что собственноручно содрать кожу с какой-нибудь принцессы так же скучно, как и столкнуть в бессмысленной схватке две самые сильные державы... Да-да, это я развязал Лабурскую войну... вы ее не помните? Вот видите, как все бессмысленно... А короля Шого и его таинственное исчезновение еще помнят? Ах, даже вошло в поговорку? Ну конечно, это был я. Показалось забавным сесть на престол обычного земного королевства, потом, очень быстро, стало скучно... Насколько мне известно, иные глупцы там, наверху, всерьез подготавливают меня в попытках развязать с ними войну за власть над Империей Четырех Миров. Болваны. Власть над Империей мне наскучила бы столь же быстро. Хотя, оговорюсь, стоит и попробовать. Но что прикажете делать потом? Лишь тот стремится к власти, кто примерно знает отпущенный ему срок...

— Но видите же вы хоть какой-то выход? — с интересом спросил Сварог.

— Конечно же! Во-первых, история человечества при всей ее черепашней медлительности и однообразии — материал для изучения. Любопытно увидеть, куда все придет и чем кончится, будут ли повторены прежние ошибки, каким станет финал... И если после очередной катастрофы — которая нашу персону, разумеется, не затронет — на смену придет иная раса, как это стряслось и с Изначальными, и с Хоррами, и с чередой их предшественников, впереди меня ждут новые впечатления и острые ощущения. Во-вторых, я еще не исчерпал всех загадок этого мира. Есть еще и Багровая Звезда, и Нериада и Тетра с их тайнами, я оставил их напоследок, и теперь пришла пора...

Сварог покосился на сановников — король сидел к ним спиной, и они смогли чуточку расслабиться. На лицах у них читалась безудержная, безграничная скука. Все эти монологи оба бедолаги явно выучили наизусть и могли отбарабанивать без запинки, разбуди их посреди ночи. И король не может этого не понимать. Еще одна беда бессмертного — ему необходимы свежие слушатели, и менять их желательно почаще, иначе все



кончится полубезумным обитателем необитаемого острова, часами церемонно беседующим с попугаями и пальмами. Пожалуй, бессмертие и впрямь коварнейшая ловушка. Если настаивает одиночка. А если одиночка вдобавок — личность весьма посредственная, он ничуть не поумнеет за все тысячелетия, как ни штудируй умные книги...

— Как же вышло, что вы стали властелином Хелльстада? — спросил Сварог. — Если Хелльстад существовал еще до Шторма... Но эта гостиница, оставшаяся целехонькой, как-то не совсем уместна в волшебной стране...

Ему и в самом деле было интересно. Но имелась еще и подоплека — он подсознательно оттягивал неизбежную схватку, боялся, что может ее проиграть, злился на себя за этот страх, но ни на что не решался пока...

— Вы, право, неглупы, — сказал король. — Гостиница для флотских чинов никак не вяжется с волшебной страной. Хелльстада, конечно же, до Шторма не было. Пока я его не создал. — В его голосе прозвучала кокетливая мечтательность, словно придворная красotka вспоминала свои победы. — Здесь, на сотни лиг вокруг, были великолепные курорты. Вы еще не видели ни Граневильского водопада, ни Озерной Страны, а ведь все сохранилось с тех времен, моим тщанием... Я любил отдыхать в этих краях — о, не в той гостинице, где вы побывали, для нее у меня не хватало кистей на эполетах...

— Вы были моряком? — спросил Сварог. — Военным?

— Угадали. Только корабли, естественно, неизмеримо превосходили все, какие вам доводилось видеть в жизни. К моему превеликому сожалению, барон, вы пока что не представляете, что такое атомный авианосец Длинного Прыжка. Верх совершенства и мощи (Сварогу очень хотелось спросить, что такое Длинный Прыжок, но это могло и выдать его знакомство с термином «атомный авианосец», так что он промолчал). К счастью, я был на суше, когда это началось, здесь, где отдыхал обычно. Бедняга «Трезубец», он сейчас то ли лежит на дне в Фалейском заливе, то ли пребывает в таких местах, что оторопь берет... Что случилось с успевшими взлететь самолетами, даже я не берусь гадать. Увы, никогда не питал пристрастия к сложным наукам. Ученый у меня есть, и этого достаточно. Не королевское дело — всерьез заниматься науками.

«А служил ты, не исключено, каким-нибудь квартирмейстером, — подумал Сварог. — Даже пять тысяч лет спустя на-



поминаешь разбогатевшего буфетчика, благо все твое государство — это ты сам, и нет окружающего мира, где престижно быть сведущим в науках или хотя бы меценатом. Господи, это ж не человек, это растение, его и положить не грех...»

— Это была война? — спросил он.

— Все вместе. Мне трудно судить, катаклизмы ли вызвали войну, война ли спровоцировала катаклизмы или все разразилось одновременно и обстояло еще запутаннее... Достоверно известно одно: и война, и катаклизмы стали буйством сорвавшейся с цепи магии, разбушевавшегося колдовства. Были лаборатории, засекреченные, разрабатывавшие нечто такое, что, должно быть, послужило детонатором. Вам, к счастью, все это совершенно незнакомо — напыщенные ученые болваны, беззаботно ковырявшиеся во внутренностях непонятного им могучего чудовища, живого, заметьте, и отчего-то убежденные, что чудовище на такое обращение не обидится...

Увы, Сварогу это было знакомо. Брезгливое отвращение к недоумкам-ученым, беззаботно дергавшим за усы демонов, — единственное, в чем он с королем полностью согласен. Всегда одно и то же — интеллигент считает, что способность мыслить делает его равным Богу, начисто забыв, что Бог — это создатель, а роль ученого при всей ее значимости и богатстве интеллектуальных исканий сводится к должности прилежного регистратора и толкователя. Создавать может один лишь Бог, и там, где человек посягает на это умение, кончается Хиросимой, Штормом, Судным днем...

— Интересно, успели они улететь из гостиницы? — подумал он вслух. — Я там нашел на столе срочный вызов...

— Сомневаюсь, что успели, — ничуть не удивившись, сказал король. — Там промчалось... нет, вы не поймете, барон. Ни сейчас, ни когда-либо потом. Никто ничего не понимал. Для многого из творившегося тогда слов в человеческом языке нет, не было и не будет. Меня еще долго преследовали сны...

Сейчас он казался Сварогу ближе и понятнее. И все равно его следовало убить, потому что добровольно этот заживевший псих их ни за что не отпустит. Остаться, войти в доверие, ждать подходящего случая — чересчур скользкий и чреватый полной неизвестностью путь, а время уходит...

— Как же вам удалось? — спросил он тихо.

— Везение, признаюсь откровенно, — сказал король. — Именно у меня отыскивались необходимые качества, какие-то



врожденные способности, хотя Керуани в нашем роду определенно не было. Мой ученый, — легкий кивок в сторону мэтра Лагефеля, — порой пытается отыскать объяснение, но забредает в непролазные дебри даже раньше, чем я перестаю его понимать. Бывают прирожденные лозоходцы, прирожденные кулинары и даже прирожденные палачи. Так и со мной. Когда пронесся Поток... Я называю это Потоком за неимением лучшего слова... больше всего это было похоже на дакату. Вам не случалось видеть дакату? Порой смертным удастся попасть под нее и остаться в живых...

— Не видел, — сказал Сварог. — Даката — это что-то из морского фольклора? Нечто магическое, ужасное и легендарное?

— Да, так. Ладно, если вы не видели дакату, не поймете... Когда пронесся Поток и слизнул все и всех вокруг меня, я, к своему превеликому изумлению, обнаружил, что остался цел и невредим. Но очень скоро оказалось, что Поток не исчез. Что он — во мне. То ли я его впитал, то ли он меня. Кстати, первое время я долго и безуспешно искал подобных себе, потом перестал... Одним словом, я обрел удивительные способности. О первых пробах невозможно вспоминать без смеха — учился на ходу, да к тому же менялся еще довольно долго. Постепенно удалось многое упорядочить, усвоить и производить осмысленные действия, к тому же время подгоняло — Шторм все еще буйствовал, требовалось уцелеть, выжить, наладить безопасное и спокойное бытие... На нечто грандиозное я не замахивался. Хелльстад в нынешних его границах, надо признаться, вышел таким чуточку по воле случая. Когда все немного успокоилось, принялся обустраиваться. Ну а одновременно со мной обустраивались бежавшие за облака и ухитрившиеся выжить субъекты, которые потом стали называть себя ларами. Высокое дворянство, ха! Вообще-то дворяне там были, что правда, то правда, но их насчитывалось не более четверти, это потом они все поголовно сочинили себе красивые гербы или захапали оставшиеся бесхозными. Кучка ученых, причастных к определенным лабораториям, родня, технический персонал вплоть до уборщиков, охрана, горсточка армейцев, случайные маги, друзья-приятели, бабы... Ни одного члена тогдашних венценосных фамилий там не оказалось. Предок нынешней императрицы был, правда, герцогом, но по женской линии происхождение у милейшей Яны-Алентивиты самое сиволапое — герцог женился на какой-то красотке из obsługi, чуть ли даже



не поварихе... Еще и оттого они меня ненавидят, те немногие, кто знает обо мне, — я-то прекрасно помню, кем были хваленые прадеды, основатели большинства родов. Им бы успокоиться, в конце концов, любой король, если вдуматься, происходит из быдла, у меня тоже не было герба... Но они знают, что я помню... Небесные повелители, ха! Лет с тысячу спустя они отважились вернуться на землю, попытались возродить королевства и прочие державы, но выживший народец стал очень уж диким и примитивным, получилось сплошное безобразие, и они, не продержавшись и ста лет, вновь упорхнули за облака, на сей раз окончательно. Но перед тем по своему дурацкому обычаю ломать все, до чего способны дотянуться слабыми ручонками, вызвали очередной глобальный катаклизм, именуемый в народе Вьюгой. Вы о Вьюге, вероятнее всего, и не слышали, любезный барон? Ну да, о ней высочайше велено забыть, дабы никто не узнал, что могучие лары проявили себя беспомощными идиотами...

— Вы их не любите, я вижу... — усмехнулся Сварог.

— Презираю, вот и все. Они которое тысячелетие стремятся быть владыками, совершенно не представляя, что им в этой роли делать. А делать-то и нечего! Остается гордо парить за облаками, старательно выпалывая внизу все, что способно в будущем усилить землю. Знаете, отчего они пять тысяч лет так старательно сохраняли в неприкосновенности прежний язык, на котором говорили до Шторма? А когда внизу появилась письменность, позаботились, чтобы и алфавит остался прежним? Да потому, что овладение новым языком, изменение его сулит прорыв в новые области магии, а это им решительно ни к чему. Но они недооценивают людской изобретательности, а я на нее посмотрелся на своем веку. Лазейка обязательно отыщется, там, где и предполагать нельзя...

Он говорил что-то еще, Сварог слушал плохо — чересчур был взволнован. Короля следовало убить, иначе отсюда не вырваться. Взять и убить посреди разговора — а это не так просто, хоть и успел привыкнуть ко многому. Обыкновенный человечешка, препустой, ничего от демонического чудища — потому-то и жалко его, потому-то он и страшен...

Чтобы решиться, Сварог подумал о тех, кто сидел у него за спиной, о каждом по очереди. Стиснул зубы, заводя себя. Они, каждый по отдельности и все вместе, были в тысячу раз ценнее зажавшегося пустоцвета, по чистой случайности су-



мевшего посреди сотрясавших планету катаклизмов ухватить один-единственный выигрышный билет. У Сварога была цель. И она, как бы ни кривились гуманисты, оправдывала средства. Те мушкетеры, охранявшие королевский автомобиль, те егеря, что попали под пулемет, представления не имели, что угодили пешками в чужую жестокую игру. Уж они-то были во всех отношениях лучше Фаларена, но их нельзя было не убить... Пора решаться. А История, как давно подмечено, вновь соврет по своему обыкновению. Наведет глянец, побрызгает духами, летописцам нет дела до погибших пешек и лирических пустяков вроде «внутреннего борения». Летописцы имеют дело с результатом. Пресловутым итогом.

— Вы меня не слушаете, барон?

— Каюсь, ваше величество, каюсь... — сказал Сварог. — Простите тысячу раз, но я рискнул бы все же просить вас позволить нам идти своей дорогой. Для вас смысл жизни состоит из забав, но в остальном мире обстоит как раз наоборот...

— Вы что, белены объелись? — Голос короля стал резким, холодным. — По-моему, все решено. Мне очень интересно наблюдать, что произойдет дальше с Глазами Сатаны, как они будут двигаться. Сюда они не пройдут, на границе возведена роскошная серебряная стена, в которую они и уткнулись... Вы же выразили полную покорность? С чего вдруг...

— Пока вы забавляетесь игрушками, гибнут люди, — сказал Сварог. — Можете вы это понять? Мыслить, как взрослый человек?

Он нагло нарывался. И король гневно выпрямился, хлопнул ладонью по широкому подлокотнику, вскочил. Сановников враз покинула сонная одурь. Вряд ли в этих стенах с королем когда-нибудь разговаривали столь дерзко. Прямо-таки хлопоча, как перекипевший чайник, Фаларен, шурша и шелестя бесценной мантией, прошелся взад-вперед у стены. За спиной лязгнуло — это Мара выхватила меч, чуть присела, разведя руки, готовая играть вторую скрипку в любом концерте. Король кипел. Видимо, ему никогда не давали отпора, и он плохо представлял, что следует делать, чтобы гнев выглядел по-королевски достойно.

— Положительно, такой наглости... — протянул король неожиданно тонким голосом, огляделся, честное слово, растерянно, словно проверяя, у себя ли он в тронном зале. — Вы полагаете, вашим мнением будут интересоваться? — Голос креп, набирая



уверенность. — Или плохо представляете, что такое моя воля? — Его глаза стали страшными. — Я вам напомню, с кем вы...

Сварог метнул топор, и время остановилось. Доран-ан-Тег, туманный свистящий круг, неимоверно долго плыл к замершему в немом удивлении королю, чуть вскинувшему руку не забытым за тысячелетия инстинктивным жестом, застыли в креслах сановники, весь мир оцепенел, рубин в наверху топора описывал злоеущие алые круги, и на лице короля изумление так и не успело смениться страхом...

Отсеченная голова в серебряной митре покатилаcь по полу, кровь взлетела фонтаном, темная на пурпуре, и тело, сделав шаг, шумно грохнулось у трона. Рукоять топора, вернувшегося к хозяину, больно ударила Сварога по скрюченным пальцам. Он не почувствовал боли, вперившись взглядом в утасующие глаза самого древнего на планете короля. В голове вертелось — никому не может везти до бесконечности...

Огладелся. Его орлы оказались на высоте — Мара с Шеда-рисом приставили клинки к груди сановников, а остальные развернулись полукольцом с оружием наготове. Механически переставляя ноги, Сварог подошел и поднял с пола митру. Изумительная работа, каждая чешуйка видна...

Побуждение было внезапным, оно не слынуло, и оттого к нему как-то моментально удалось привыкнуть. В конце концов, случались вещи и диовиннее. Сварог надел митру, оказавшую ему самую чуточку великоватой из-за короткой прически, повернулся к присутствующим и спросил:

— Кажется, это называется ваганум?

Пол вдруг косо вздыбился под ногами — казалось, накрепился весь замок, — вернулся на место, дернулся вверх, и Сварогу показалось, что он стоит на исполинской патефонной пластинке, вращавшейся тяжело, грузно. Сквозь акварельно-прозрачные краски ближайшего витража видно было, как за окном медленно проплывают справа налево низкие холмы — это замок вращался вокруг оси. И тут же все кончилось. Замок остановился. Мелодичный звон волнами поплыл по залу, затекая во все уголки. Это из-под другой арки, в противоположной стене, входили шеренгой золотые истуканы, напоминавшие экзотические рыцарские доспехи. Позвякивая при каждом шаге, они, прошествовали на середину, четко повернулись через левое плечо со сноровкой вымуштрованных гвардейцев и замерли лицами к Сварогу. Лиц, правда, не было, забрала опущены.



— Ну, и что это означает? — спросил он громко.

— Слуги приветствуют вас, ваше величество, — сказал сановник постарше. — Особенного страха на его лице не было. — Знали вы заранее или нет, это уже неважно... У вас на голове не обычная корона. Когда-то, в незапамятные времена, король сделал несколько предметов, приспособлений и устройств, облегчавших ему управление своими владениями. Тогда он, по его меркам, был совсем молод и не потерял интереса к творчеству, переделкам и усовершенствованиям. Потом он ко всему этому остыл и не предпринимал ничего, что можно было бы назвать крупными усовершенствованиями...

— Увлечшись борьбой со скукой? — сказал Сварог.

— Можно это и так назвать. Из-за давнего заклатья король решил, что он в полной безопасности, а потому не придумал ничего, что воспрепятствовало бы переходу его достоинства в чужие руки...

— А не безопаснее ли прикончить эту парочку без особых дискуссий? — деловито перебила Мара. — Кто их знает, что за пташки.

— И с кого они кожу драли, — мрачно поддержал Шедарис, озирая осиротевших царедворцев без всякого доверия. — Мертвый, известно, не кусается...

— Мы шуру ни с кого не драли, молодой человек, — сказал тот, кого король называл мэтр Лагефель. Второй, по имени неизвестный, по-прежнему безмолвствовал.

— Вообще-то он не врет, — сообщил Сварог задумчиво. — Но я не сказал бы, что моментально воспылил к ним доверием. Служба у покойного борца со скукой не представляется мне богоугодным делом. Или вас, господа, завлекли сюда коварством и принудили силой? Вы отвечайте, а я проверю, врете вы или нет, я это умею, знаете ли...

Мэтр Лагефель смотрел на него спокойно и словно бы устало:

— Истина где-то посередине. Я попал на нынешнюю должность не по своей воле, но принял ее без особых колебаний. Я ученый, господа. Потому и пошел в Хелльстад. Экспедиция Латеранского университета, четыреста двадцать лет назад, о ней давно забыли. Здесь у меня открылась возможность познать такое, чего я никогда не узнал бы во внешнем мире, проживи хоть сто жизней...

— Понятно, — кивнул Сварог. — Пока ваш хозяин развлекался, как умел, вы штудировали науки. Ради бескорыстной страсти к познанию. Прекрасная вещь — одержимость...



Тот немного смешался, но глаз не опустил:

— Я такой, какой есть. Не подумайте, будто я специально стараюсь втереться к вам в доверие, но я ведь вас не выдам. В прошлый раз, когда вы свалились неподалеку от Итела на летающей лодке ларов, мы вас видели. И сейчас узнали почти с первых минут. Но промолчали.

— Ага, — сказал Сварог. — Значит, хозяин сплошь и рядом текущие дела на вас перекадывал? Есть какое-то устройство? И если границы нарушены, оно дает сигнал?

— Вроде этого. Сам хозяин этим не занимался. И он был не настолько сильным магом, чтобы обходиться без подручных приспособлений. Откровенно говоря, никудышный был из него маг... Словом, мы вас не выдали. Хотя в прошлый раз, конечно, доложили о странном госте. Король отсутствовал, и вы успели убраться отсюда до его возвращения... Он очень заинтересовался, ведь летучие лодки ларов никогда не падают. Даже попытался отыскать вас во внешнем мире, но не получилось...

— А вы? — Сварог повернулся ко второму. — Вас тоже погнала сюда необоримая страсть к познанию?

— Не совсем, ваше величество. Я ронин. Терять было совершенно нечего, вот и рискнул, прибил к отряду. Шли искать то ли клад, то ли славы, уж и не помню. Угодил сюда, да, знаете ли, и прижился. Служба нетрудная, а плата велика — вдобавок ко всему еще и долголетие. Я был чем-то вроде управителя, если перевести на обычные мерки, а мэтр Лагфельд — библиотекарем.

— И никого больше?

— Никого. Королю давным-давно надоел пышный Двор.

«Бог ты мой, — подумал Сварог в растерянности и тоске. — И эти места служили пугалом пять тысяч лет. Зажившийся на белом свете морячок с давно рассыпавшегося прахом авианосца, то ли боцман, то ли каптенармус, один небрежливый книжник, один бродячий ронин, парочка устройств и приспособлений — вот вам и Хелльстад...»

Он усмехнулся:

— И оба вы неустанно служили восторженными слушателями?

— Эта часть наших обязанностей была тягостнее всего, — усмехнулся в ответ управитель уже довольно смело. — Но и к ней, в конце концов, удалось привыкнуть. Что ж, все позади.



Я надеюсь, в вашем лице мы обрели повелителя, мыслящего не в пример шире и дерзновеннее. Вы очень быстро освоитесь, мы приложим все силы, чтобы...

— И что же? — спросил Сварог. — Теперь это все мое? Без малейших условий?

— Все это ваше, пока вы живы. В деталях вы быстро разберетесь, ваше величество, — почтительно поклонился управитель. — Нельзя ли полюбопытствовать: как вам удалось обойти заклатье? Кто вы такой? Вы никак не можете оказаться простым ларом...

Не отвечая, Сварог задумчиво разглядывал многочисленные сундуки в нишах, опустевший трон, застывшую изящной статуткой золотую птицу. Столь неожиданно обретенный престол и новое положение, безусловно, на многое сулили ответы и делали обладателем множества тайн. Но, несмотря на всю увлекательную выгоду, проистекавшую из обладания серебряной короной, — не врал насчет короны Лесная Дева, черт возьми! — Сварогом владело одно-единственное желание: побыстрее убраться отсюда.

— Должен вас разочаровать, господа, — сказал он. — Некогда мне осваивать хозяйство. Как-нибудь потом. Вы сами прекрасно слышали, с каким делом мы едем.

Управитель поднял брови:

— Вы серьезно, ваше величество? Поймите же, Хелльстад — ваш. И вам следует мыслить новыми категориями. Что вам теперь мелкие заботы внешнего мира? О, я вовсе не пытаюсь вас отговаривать, но гораздо интереснее было бы, как это собирался сделать покойный король, спокойно понаблюдать со стороны, как будут продвигаться дальше Глаза Сатаны. Как они упрутся в Ител, что тогда произойдет...

— Любезный управитель, — сказал Сварог. — Извольте-ка запомнить на будущее: ваши советы насчет доставшегося мне владения и освоения такового всегда будут приняты с благодарностью. Но во всем, что касается моих намерений и дел, — приказы не обсуждаются.

Управитель низко поклонился. Сварог против него ничего не имел, но челядь следовало сразу поставить на место — еще и потому, что он неуверенно себя здесь чувствовал. Трудно привыкнуть к мысли, что Хелльстад теперь твой...

Он оглянулся на шеренгу золотых истуканов:

— Долго они тут будут торчать?



— Если они вам не нужны, прикажите им уйти, — чуть заметно улыбнулся мэтр Лагефель.

Сварог, полагая насмешку, нахмурился:

— Но я же не...

И умолк, удивленный. Он откуда-то знал, как командовать мысленно золотыми болванами. И скомандовал. И они вышли, мелодично погромыхая. Странная Компания во все глаза таращилась на своего предводителя, а он, в свою очередь, торопливо перебирал новые знания, лежавшие на некоей полочке в мозгу так уютно, словно пребывали там всю жизнь и даже успели чуточку подернуться паутиной.

— Корона? — громко спросил он.

— Корона, ваше величество, — кивнул мэтр Лагефель. — Иные способности, какими обладал король, погибли вместе с ним, но того, что осталось вам в наследство, достаточно, чтобы управиться с Хелльстадом. — Он указал на то самое странное сооружение из черных и фиолетовых шаров. — Это и есть хранилище знаний, основной центр управления всем... здешним бытием.

Сварог подошел поближе и обошел вокруг, заложив руки за спину. Теперь он рассмотрел, что каждый шар под прозрачной оболочкой состоит из множества шариков помельче, а те — из скопища совсем уж крохотных, и так, похоже, продолжается до некоего предела, за которым человеческий взгляд бессилён. Приблизил лицо — и ближайшие шары заполнились мириадами его уходивших в бесконечность отражений.

— Ну и где здесь нажимать? — спросил он. — Что вертеть?

— Разрешите, ваше величество? — спросил управитель. Сварог кивнул Маре — та отвела клинок от горла управителя, но неотступно сопровождала его, когда он торопливо шагал к Сварогу, прямо-таки горя энтузиазмом и преданностью. Подойдя, он не сотворил ничего чудесного — просто-напросто коснулся ладонью одного шара, фиолетового, отмеченного бледно-золотистым значком. Десятка три шаров плавно разлетелись в стороны, словно на невидимых рычагах, повисли, открыв проем в рост человека, а за ним, внутри, лениво колыхались струи белого тумана. Не просовывая голову внутрь, Сварог осторожненько заглянул туда — казалось, белесая мгла занимает пространство гораздо большее, чем можно бы предполагать, высчитывая объем.

— Ну и где здесь нажимать? — повторил он.



— Минуту, ваше величество... — управитель деликатно протиснулся мимо него к проему.

И отчаянным прыжком, головой вперед рванулся в туман, где моментально растворился, сгинув с глаз. Мара в азарте рванулась было следом, Сварог поймал ее за воротник, резко обернулся к библиотекарю, словно бы и не удивленному:

— Это и называется — верные, преданные слуги?

— Сбежал, ваше величество, — спокойно сказал тот. — Должно быть, решил, что будущее непредсказуемо, и не надеялся, что вы его отпустите добром...

— И где же он теперь? — крадчиво, с угрозой спросил Сварог.

— Вероятнее всего, он сейчас что было прыти улепetyивает от границ Хелльстада во внешний мир. Это еще и устройство для перемещения, при жизни короля мы не сумели бы им воспользоваться, но теперь, пока вы еще не освоились... Где он решил перейти границу, представления не имею. В любом месте мог... Конечно, не там, где к нашим рубежам подступили Глаза Сатаны. Насколько я его знаю, все драгоценности, что удалось утаить, он держал при себе...

— Вы еще и драгоценности утаивали, преданные люди? — нехорошо усмехнулся Сварог.

— Он.

— Нет, надо бы его прикончить, — сказала Мара. — Сюрпризов будет меньше.

— Вы очень добрая и отзывчивая девочка, — чуть напряженно усмехнулся мэтр Лагфель.

— И не добрая, и не девочка, — отрезала Мара.

— Но вы ведь — сообразительная? Вот и подумайте: если вы меня прикончите, его величеству придется потратить гораздо больше времени, чтобы освоить все, и это получится гораздо труднее. Я уже понял, что новый король вовсе не собирается немедленно воссесть на трон, но потом, управившись с делами, он из элементарного любопытства непременно захочет изучить здесь все — от подвала до флюгеров...

— Что, очень жить хочется? — фыркнула Мара.

— Не стану отрицать, — слегка поклонился мэтр Лагфель. — Прожив четыреста с лишним лет, как-то привыкаешь к этому занятию — жить дальше... Хочется задержаться в этом мире подольше. И ради моей библиотеки, и ради желания узнать, что будет с миром дальше... и ради самой жизни, не отрицая.



Он смотрел почти спокойно, устало. Сварог, вовсе не жаждавший лишней крови, решил рискнуть. Интеллигента гораздо легче держать на поводке, нежели вороватого управителя, библиотеку с собой не унесешь...

— Отставить, — сказал Сварог Маре, нетерпеливо игравшей кинжалом в опасной близости от сонной артерии подконвойного. — Оставляю мэтра в прежней должности, но ежели что...

— С чего начнем, ваше величество? — совсем мирно спросил библиотekarь.

— С вопросов, конечно, — сказал Сварог. — Как вам выдавалось долголетие — куском или ломтиками?

— Пожалуй, «ломтиками» — самое удачное выражение...

— И что, ваш напарник решился сбежать, не получив очередного ломтика?

— Ему осталось еще лет двести. Видимо, он предпочел эти верные двести лет и утаенное золото непредсказуемости...

— Логично, — сказал Сварог.

— Кроме того, служба у вас может таить известные неудобства...

— Точнее?

— Король не особенно утруждал себя чтением. Барон сначала тоже не посещал библиотеку, но от скуки пристрастился к книгам. Он не хуже меня помнил Кодекс Таверо. Если вы — Серый Рыцарь, а так оно, вернее всего, и обстоит, то всякий, кто служит у вас, рискует попасть в немилость к Князю Тьмы. — Он взглянул Сварогу в глаза. — Хотя покойный король в самомнении своем и привык думать, что занимает почетную позицию высоко над схваткой, на самом деле довольно давно был заключен некий молчаливый уговор... Так давно, что король успел уверить себя, будто стоит в стороне. Князь Тьмы не задевает нас, пока мы не наносим ущерба его интересам. А уничтожение Глаз Сатаны ему весьма не понравится...

— Так-так, — сказал Сварог. — И что, теперь эти пакостные глазыньки могут к нам нагрять?

— Нет. Король говорил о серебряной стене чистую правду. А в заключенном некогда уговоре ваше появление, понятно, не предусматривалось. Понимаете ли, у Князя Тьмы есть крайне уязвимое место. Будущее для него закрыто, он не в состоянии предвидеть. Строить далеко идущие планы он может, но это ведь совсем другое...



— Неужели он не знает о Кодексе Таверо?

— Неужели вы никогда не слышали о страшной самоуверенности и ограниченности? Один Господь от этого избавлен...

— Ясно, — сказал Сварог. — Итак, что мне нужно сделать?

— Войти туда, осмотреться, изучить все. Опасности нет никакой. Я буду вас сопровождать, ваши люди тоже могут...

— Я бы на твоём месте... — начала Мара, покачав головой.

— Да нет, я же вижу, что он не врет, — решительно прервал её Сварог. — Тут другая загвоздка... Пожалуй, это потребует времени, а?

— Разумеется. Пару дней хотя бы, для азов...

— Тогда не стоит и пробовать, — сказал Сварог без сожаления. — Некогда. Подождет эта великолепная игрушка до моего возвращения, никуда не денется.

Он взял сочный, нежнейший персик с висевшего у локтя подноса и откусил, вытянув шею, чтобы не закапать камзол.

— Подожди, — забеспокоилась Мара. — А этот так и останется разгуливать на свободе?

Сварог доел персик, бросил на поднос скользкую косточку и ухмыльнулся:

— Да успокойся, милая, не лучусь я добротой и верой в человечество... Любезный мэтр на время моего отсутствия будет вынужден несколько ограничить передвижения, хотя от голода и жажды не умрет...

— А если вас тем временем убьют? — уже далеко не так спокойно поинтересовался мэтр.

— Рад, что вы желаете мне успехов... — сказал Сварог. — Если убьют, получите свободу, но не раньше. Как видите, я осваиваюсь с короной.

— И что она тебе еще подсказала? — поинтересовалась Мара.

— Что до моря мы доберемся в небывалой роскоши и уюте, — сказал Сварог. — Прямо в замке, благо летучий. А коням придется гулять самостоятельно, что поделаешь... Вот только... — Он надолго замолчал, прислушиваясь к новым ощущениям, крайне необычным и весьма непростым. — Странное у меня чувство, замок словно бы и не мертвый...

— Он и не живой, — сказал мэтр Лагефель. — В человеческом языке нет подходящих слов, или их, вернее, забыли... Вентордеран — не мертвый и не живой. Он — нечто иное. Его чувства — не совсем чувства, но они у него есть. Я подозреваю, такие здания



умели строить до Шторма — насколько можно судить по редким обмолвкам короля... И не сказал бы, что замок особенно был привязан к королю. Королю было свойственно несколько преувеличенное презрение ко всему окружающему, выражавшееся порой прямолинейно и без малейшего такта. Вентордеран никогда не выйдет из повиновения хозяину, но ему свойственна толика симпатий и антипатий, как и живым существам.

— Хорошенькое дельце, — сказал Шедарис, опасливо оглядываясь во все стороны. — Как примется вдруг капризничать, еще пришибет колонной или клозетной чашкой за сиденье цапнет...

— Главное, не ковыряйте стены столовым ножом. — На губах библиотекаря мелькнула мимолетная улыбка. — Капризы — это исключено...

— Твоим бы хлебалом, дедушка, да медок наворачивать... — пробурчал капрал довольно громко.

Однако успокоился. Мара по-прежнему надзидала за библиотекарем, но остальные понемногу разбрелись по углам. Леверлина отчего-то особенно заинтересовали пантеры, Делия с профессиональным, надо полагать, интересом озирадала трон. Вызванные Сварогом золотые болваны выносили труп короля.

— Куда ты его? — спросила Мара.

— За ворота, — хмуро сказал Сварог. — Пусть закопают где-нибудь. Препустой человекишка был, и что-то не тянет меня устраивать ему погребальную процессию с венками и факелами... Эй, эй! — окликнул он благодушно. — Это что же, своего короля грабить?

Бони, подняв крышку ближайшего сундука, откуда так и брызнуло радужным сиянием бриллиантов, запустил туда широченную ладонь и горстью, как семечки, переправлял камни в карманы.

Ничуть не смешавшись, он хладнокровно пояснил:

— Когда выберемся, мне еще короля Арсара свергать, сволочь старую. А такое предприятие требует серьезных денег. Тут еще до лешевой матери остается, командир, не обожру я тебя...

— Да ладно, — великодушно сказал Сварог. — Черпайте, ребята, в шляпы и за голенища, я ж обещал, что вы у меня либо голову сложите, либо озолотитесь.

Мэтр Лагефель охотно пустился в пояснения — иные сундуки были по крышки полны самоцветами, иные — украше-



ниями, иные, — золотыми монетами всех времен и народов, включая напрочь исчезнувшие из писаной истории и людской памяти. «Бог ты мой, ну зачем он все это копил?» — недоуменно подумал Сварог. Леверлин не проявил никакого желания набивать карманы, поглощенный пантерами. Делия с Марой, не в силах побороть женскую натуру, мимо драгоценностей не прошли, но угомонились довольно быстро. Остальные надолго прикипели к королевским сокровищам, и Сварог получил немалое удовольствие, наблюдая за ними: как они заворуженно бродят от сундука к сундуку, хватая новое, выкладывая прежнее и философски убеждаясь в конце концов, что пора остановиться, потому что семи жизней у человека не бывает, а за одну-единственную промотать любую добычу решительно невозможно. Тетка Чари опомнилась первая, отошла, смущенно улыбаясь:

— Слышала я сказочки про такие клады, да по глупости не верила. Теперь и гостиницу отстраивать как-то смешно. Впору снарядить эскадру да поплавать вольной адмиральшей...

— Подождите, то ли еще будет, — сказал Сварог рассеянно. — Отвоюем мы для Конгера земли, и сделает он вас всех графами да герцогами, благо вакансий на означенных землях предвидится немерено... Принцесса, не покусится ваш батюшка для таких-то орлов?

Делия отрешенно улыбнулась ему, из чистой вежливости, сказала тихо:

— Грустно. Вы не отсюда, граф, вам не понять, сколь жуткой славой был оваян этот замок и весь Хелльстад. А в итоге — жалкий человечиска на троне, зажавшийся фигляр...

— В жизни так оно частенько и бывает, знаете ли, — сказал Сварог.

Мэтр Лагefeld с ноткой задетой гордости поторопился уточнить:

— Сколь бы ограниченным ни был покойный король, это отнюдь не лишает Хелльстад его нешуточного могущества...

Сварог, ничуть не пытаясь проникнуться этим могуществом, столь неожиданно свалившимся прямо в руки, задумчиво погладил стену. Словами это не описать, но ему чудилось присутствие огромного живого пса, теплого и преданного. И обрадованного — самое подходящее слово. Слишком много пинков и просто пренебрежения пришлось вынести от старого хозяина, пожалуй, и самого-то себя не любившего из-за безмерной



мании величия. Венец мании величия — когда обожествляют даже не себя, а свой трон...

Пол едва заметно дрогнул под ногами — громада Вентордерана двинулась, плавно скользила к восходу, к океану. Пес уловил желание хозяина и торопился исполнить. Холмы и горизонты неспешно уплывали назад, скоро скрылись из виду и сидевшие в ряд громадные хелльстадские псы, провожавшие взглядами новоявленного повелителя, словно солдаты на смотре.

«Да ведь это ВЛАСТЬ, — вдруг подумал Сварог. — Власть над краем, где бессильны и обитатели небес. И никто больше не сможет дергать за ниточки, поучать и приказывать... вот только на что эту власть употребить, против кого обратить и за что бороться?»

— Что ты так прикипел к этим кискам? — спросил он Леверлина.

Леверлин сказал, не оборачиваясь, не вставая с колен:

— Об этих кисках с незапамятных времен кружит любопытное поверье — будто они могут оживать. Но что для этого нужно делать, никто не знает. А знаменитую историю с кошкой из черной бронзы, выкопанной крестьянами на свою беду, многие считают сказкой. Да, те же самые, что в Акобаре, словно из одной мастерской...

— Существует такое поверье, вы правы, — мэтр Лагefeldь исправно играл роль предупредительного гида. — Эти статуи были антиками еще задолго до Шторма. В Вентордеране немало подобных редкостей. Король когда-то интересовался пантерами, но так и не доискался разгадки. Возможно, ваше величество сможет продвинуться гораздо дальше на пути познания посредством устройства, которое ваш предшественник, насколько я могу судить, использовал далеко не в полную силу...

— Э, нет, — сказал Сварог. — Кажется, договорились уже — новый король полезет внутрь этой штуки не раньше, чем разделается с текущими делами... Стоп, я этого не заказывал!

В зал вошел золотой истукан и направился прямо к нему, неся на вытянутых руках, прямо-таки благоговейно, пурпурную мантию, переливавшуюся при малейшем колыхании всеми оттенками алого, багряного и малинового. Вид у истукана был серьезный и сосредоточенный, как у какающей собаки.

— Он исполняет свои обязанности, ваше величество, — сказал мэтр Лагefeldь. — Вы их еще не научились различать, но



это ваш камердинер. Король никогда не ходил без мантии, разве что в спальне снимал. За тысячи лет появляются устоявшиеся привычки... Позвольте помочь?

— Форма одежды — дело святое... — проворчал Сварог. — Надеюсь, это не та же самая?

— Ну что вы, ваше величество!

Оказалось, дело нехитрое и мантия снабжена удобными застегжками, совершенно незаметными снаружи, словно брезневский стульчик на Мавзолее. Сварог, с непривычки наступая на полы, прошествовал к высокому, под потолок, зеркалу, обозрел себя и нашел, что выглядит в должной степени глупо, то есть именно так, как и надлежит королю-выскочке с живым замком и скопищем жутких чудищ вместо нормальных подданных. Обернулся. Странная Компания, включая Делию, тарасилась на него серьезно и уважительно. Только Мара из-за спины Шедариса показала язык без всякого почтения к торжественной минуте. Сварог прошел к янтарному трону, ухитрившись ни разу не наступить на подол багряной хламиды, сел, положил руки на подлокотники и вполне искренне попытался ощутить себя грозным, могучим самодержцем, но в голове упрямо вертелся анекдот о маленьком зеленом крокодилчике. Он махнул рукой, слез с трона и спросил:

— Просьбы, прошения, челобитные? Еще по пригоршне брильянтов, быть может?

— У меня покорнейшая просьба, — сказала Делия совершенно серьезно. — Нельзя ли отыскать ванную?

— Разумеется, принцесса, — сказал Сварог. — Их тут навалом. Вас проводят. До моря нам еще ехать и ехать, и посему объявляю гарнизону роскошный отдых со всеми излишествами.

Он сосредоточился, и тронный зал наполнился мелодичным звоном потревоженного золота — появились истуканы, с церемонными поклонами удивившие его верных сподвижников, дабы вкусили заслуженного отдыха. Сподвижники, успевшие освоиться со многими чудесами и молниеносными переменами в судьбе, шествовали без всякой робости. Только Мара осталась, сопровождая книжника, словно вторая тень. Некоторое время Сварог откровенно забавлялся, путешествуя мысленно по закоулкам дворца, наслаждаясь незнакомым доселе чудом — он оставался на троне, чувствуя его всем телом, и в то же время словно бы бесплотным духом блуждал по коридорам, лестницам, анфиладам пышных покоев, обозревая



древние статуи, золотых зверей, яшмовые статуи, коллекции драгоценностей и оружия. Потом он наткнулся на раздевавшуюся в ванной Делию, смущенно фыркнул и вернул зрение в тронный зал. Встал, прошелся возле трона, за ним почтительно следовал мэтр Лагефель, за мэтром бдительно следовала Мара. Сварог резко остановился (отчего вся процессия сбилась с ритма), обернулся:

— А теперь поговорим о серьезных вещах. Мэтр, что вам известно о маленьком народце из подземной пещеры?

— Только то, что они существуют и обитают там, — ответил тот. — Покойный король ими ничуть не интересовался, полагая их полными ничтожествами, а сами они наверху никогда не появлялись. Насколько я знаю, они живут в пещере с незапамятных времен, возможно, обитали там еще до Шторма, хотя с уверенностью сказать не берусь.

— Можно узнать о них побольше?

— Боюсь, нет. Вся магическая власть — да и любая прочая — короля Хельстада имеет силу лишь на поверхности земли. В свое время король не озаботился расширить свои возможности, а потом все устоялось, иные законы стали незыблемыми, иных установлений уже не изменить. Впрочем, попробуйте впоследствии, вдруг и удастся придумать что-то... Знаете ли, у нас здесь обитают, если можно так выразиться, старые постояльцы. Гномы обитали под Хельстадом, когда он не был еще Хельстадом, но позже ушли. Около тысячи лет назад. Иногда здесь появляются одиночки по каким-то своим делам, они не причиняют вреда, а интереса не представляют. Есть и приблудившиеся позже, милостиво оставленные в покое — вроде тех полумразумных мохнатых тварей, Крошек-Огородников, вы их видели...

— Понятно, — сказал Сварог. — Потом разберемся. Теперь скажите: есть у нас реальная возможность отказать от дома персоне, именуемой Князем Тьмы? Проще говоря, выставить его из Хельстада ко всем чертям?

Мэтр то ли задумался, то ли откровенно мялся. Из-под арки, распростерши неподвижные крылья, вылетел огромный сокол цвета старой бронзы с черным, как ночь, клювом, бесшумно проплыл над головой Сварога, обдав легоньким дуновением, уселся на спинку трона рядом с золотой птицей-мажордомом, с тихим звоном сложил крылья и застыл. Глаза из ограненных рубинов, подсвеченные изнутри загадочным сиянием, уставились куда-то в пространство.



— Видите, даже ваш телохранитель встревожен, — тихо сказал мэтр Лагефель.

— Что-то он не тревожился, когда покойному хозяину пришлось туго, — буркнул Сварог.

— Потому что ничуть не встревожился сам хозяин. Это же механизм, он не мыслит — появляется на зов. Вы его не звали, но от вас, стоило завести разговор о Князе Тьмы, помимо вашего желания исходила такая тревога, такое беспокойство, что сокол счел это за призыв...

— Я и не вру, будто спокоен, — сердито сказал Сварог. — Вы не виляйте. Мне нужно знать точно, и не вынуждайте вы меня на всякие пошлости вроде классического монаршего гнева...

— Избавиться от Князя Тьмы не столь уж сложно, ваше величество. Но персона эта, осмелюсь заметить, весьма могущественна, злопамятна и крайне мстительна, следует трезво взвесить все последствия...

— Зарубите себе на носу, милейший мэтр, — сказал Сварог. — Нам с ним вдвоем тесно. У меня в королевстве, на этой планете — и далее везде...





ОТШЕЛЬНИК В СТИЛЕ ЭПОХИ

Он последним спустился по лестнице Вентордерана, оглянулся на замок. То ли оставшаяся на голове корона причиной всему, то ли Сварог стал во многом опытнее и без подручных предметов, но от Вентордерана явственно веяло печалью, словно зябким холодом. Мэтр Лагефель, пребывавший сейчас под домашним магическим арестом, заверял, что замок не теряет своих качеств и за пределами Хелльстада, и на нем, если возникнет такая блажь, можно совершить хоть кругосветное путешествие, что над землей, что над морем, но Сварог в который уж раз постановил, что жить следует скромнее. Появление Вентордерана в большом мире вызвало бы совершенно излишний фурор с паникой — и пересуды в буквальном смысле слова долетели бы до небес. Если их не опередят доклады гаудиновских наблюдателей. Чего доброго, налетят сгоряча лихие ребята из Серебряной Бригады...

Лестница поднялась — очень медленно, словно замок надеялся, что Сварог передумает и вернется. Сварог ободряюще похлопал ладонью по темно-желтому с белыми прожилками парпету, отвернулся, подошел к откосу.

Вниз можно было спуститься без особого труда. Там, стиснутая откосом и морем, тянулась неширокая полоса каменистой земли, усеянная отшлифованным волнами плавником. Солнце уже наполовину скрылось в воде, от него протянулась колышущаяся дорожка цвета расплавленного золота, повсюду лежали длинные тени, от Вентордерана, от валунов, от них



самых, стояла тишина, в море не видно ни единого паруса, и, если повернуться спиной к замку, легко представлялось, что планета безлюдна и пуста.

Сварог без нужды поправил серебряную корону. Очередной отрезок пути — вроде бы самый бесхитростный, но, как положено, таивший сплошную неизвестность. До берегов Шагана предстояло преодолеть лиг восемьсот (правда, если считать в морских лигах — ровно вдвое меньше выходит), и нежелательные встречи вполне возможны. Уж если их так старательно ловили на суше, вряд ли оставят эту скверную привычку на водах. Так что стоит рискнуть и отчалить на ночь глядя...

— Не беспокойтесь, командир, — наверняка угадав его мысли, тихо сказала тетка Чари. — Не буду врать, что знаю залив, как свою ладонь, но доводилось хаживать и здесь. Вода глубокая, отмелей и подводных скал почти что и нет, компас опять будет работать. С темнотой поставим паруса — и суток через двое, если повезет...

Сварог молча кивнул и стал спускаться первым. Солнце окончательно утонуло, исчезла золотая дорожка, и стало прохладнее. За спиной шептались Паколет и Шедарис — первый беспокоился, что вечерний колокол явно отзвучал, а потому можно наткнуться на любую нечисть, второй, мысливший прямолинейными военными категориями, успокаивал, что Сварог как-никак здешний король, а значит, верховный главнокомандующий всей здешней нечисти, каковая в большинстве своем, как обнаружилось, и не нечисть. Паколет сомневался: вся ли нечисть в курсе, что у нее новый король, кроме того, обнаружилось ведь, что не все здешние обитатели почитают короля своим сувереном...

Теперь, снизу, берег открылся на значительном протяжении. Сварог первым увидел дом у самой воды и остановился. Дом был старинный на вид, сложенный из обомшелых валунов, с плоской крышей из потемневших плах. Он напоминал скорее блокгауз, где можно неплохо отсидеться, если только у противника не найдется пушек. В узеньких окнах целы все стекла, дверь и оконные рамы покрашены, к вбитому меж двумя валунами кованому крюку привязана большая шляпка. Очень похоже, что здесь живут.

— Это еще кто на моих коронных землях? — чисто риторически спросил Сварог.

— Похоже на приют мореходов, — сказала тетка Чари. — Кто поотчаяннее, даже сюда заходят отсидеться.



— Гранату в окно ради пушей вежливости, — предложил тихая и воспитанная девочка Мара. — Капрал, у тебя вроде осталась?

Шедарис, уже привыкший относиться к ней серьезно, молча полез в мешок. Сварог цыкнул на них — дверь медленно отворилась. Громко щелкнул взводимый курок чьего-то пистолета.

На крыльцо вышел бледный чернобородый человек в высоких морских сапогах, натянутых во всю длину, и темно-вишневом бархатном костюме, чересчур чистом и опрятном для простого матроса. Совершенно спокойно оглядел пришельцев, ничуть не смущаясь при виде направленных на него стволов и обнаженных клинков (Сварог не оглядывался, но хорошо знал свою команду, нипочем не удержавшую бы сейчас рук в карманах), поклонился и сказал как ни в чем не бывало:

— Прошу в дом, господа. Особой роскоши не обещаю, но гостей принять смогу. Я сейчас один в доме, корабль вернется не скоро...

— Благодарю, мы, собственно, торопимся... — сказал Сварог медленно. Помолчал и резко бросил: — Ну и какого черта вам, любезный, в земле не лежится?

После ночлега у ямурлакских вампиров он зарекся входить в такие дома, не оглядевшись предварительно. А оказалось, дома-то и нет: наполовину развалился, крыша давно рассыпалась, крыльцо тоже, окна зияют пустотой, лодка вовсе не на привязи, и то, что от нее осталось, напоминает мокнувший в воде у берега рыбий скелет, а меланхоличный хозяин оказался самым обычным призраком, опасности не представлявшим. Правда, ему по всем канонам не следовало бы показываться смертным на глаза до полуночи — но здесь все-таки Хелльстад...

— Ну? — Сварог нападал без особого запала. — Что вам не лежит, спрашиваю? Отправить назад по всем правилам?

По правде говоря, премудрость изгнания призраков он пока что не превзошел — но не сознаваться же в этом первой встречной нежити?

Призрак подался назад.

— Кто это? — спокойно спросил Бони. — Морок, что ли?

— Обыкновенный призрак, — сказал Сварог. — У толкового некроманта таких — на пучок десятков.

— То-то одежда на нем такая старомодная... — Бони, засунув обе руки за пояс, подошел поближе, хладнокровнейшим образом оглядел призрака, склоняя голову вправо-влево, заклю-



чил: — У нас такой же в лесу под деревней лет сорок болтался, как стиральная рубаша на ветру, что ни ночь, шатался, все давно привыкли уже, благо вреда от него не было. По всему видно, прирезали где-то на большой дороге, вот и таскался без погребения. Если по совести, надо было поискать шкелет и упокоить, как надлежит, да все руки не доходили. — Помолчал и хмуро добавил: — А теперь уж и некому. Это в городах у вас напрочь отвыкли от любой нежити, а в деревнях еще попадают самые разные обморочки, и если они безобидные, отношение к ним самое равнодушное, как к гнилому бревну при дороге...

Вообще-то и простым глазом, не обремененным магическими свойствами, можно было подметить, что человек в бархате порой странно колышется, словно колеблемое легким сквознячком пламя свечи, и тогда сквозь него явственно просвечивает грубое дерево двери. Так оно и бывает, если призрак вылезет до полуночи, в неурочное время, — не получится того качества...

— Просвечивает, — сказал Бони. — Рано вылез. Будем гнать в три шеи, командир? Влепи-ка ему на семь заклятий, на восемь ветров, а я подмогну, ежели что...

Но Сварогу не хотелось ронять свой авторитет даже в такой мелочи. Помедлив, он сказал:

— Заклятья — дело серьезное. Что их рассыпать попусту. Ну, любезный, что вам не лежится?

— Я бы и рад, — сказал призрак.

— Ну, точно! — Бони хлопнул себя по бедрам. — Это называется — непогребенные косточки. И насколько я понимаю, они тут где-то близенько валяются.

— А насколько я понимаю, — ехидно добавила Мара, — если косточки оказались беспризорными и их хозяина бросили без погребения, он, очень даже вероятно, не из порядочных... Учтивая место.

— Ну, зачем так уж сразу, — сказал Сварог. — Есть еще жертвы кораблекрушений...

— Это конечно, — сказала тетка Чари. — Вот только порядочные люди сюда не заходят и домиков таких в этих местах не ставят. Чтобы безвинный утопленник оказался в аккурат возле этого блокауза, должен, учено выражаясь, получиться чистейшей воды феномен, вроде синего алмаза гланских королей...

— Я и не выдаю себя за благонравного купца, — сказал призрак. — Что причиталось, то и получил. Не к тому повернулся



спиной, будучи без кольчуги под камзолом. Но лежать без погребения одинаково тягостно и праведнику, и грешнику.

— Это точно, — хмуро пробасил капрал. — Давайте закопайте, что ли. Тебе как, яму выкопать, или — в море?

— Лучше бы в море.

Паколет возбужденно протиснулся вперед:

— Спросите его про клад! Вдруг есть...

— Шпана переулочная, — фыркнула тетка Чари. — Какой тебе еще клад нужен после командирской сокровищницы? По всем карманам каболары распиханы...

— Тьфу ты, я и забыл...

— Вот и помалкивай. — Она повернулась к призраку. — А что это тебя до сих пор не похоронили по-людски? Корабли не заходят?

— Заходят. Только все сначала, вроде этого одноглазого, начинают допытываться, где зарыт клад. А клада давно уже нет.

— Ладно, — проворчал Сварог. — Вы тут договаривайтесь, а я пошел мастерить пароход...

Отвернулся и решительно направился к зеленоватой воде. Через минуту уардах в десяти от берега, где начиналась глубокая вода, носом к берегу стоял пароход — точная копия бесславно погибшей на Ителе «Принцессы». Сварог сосредоточился, шумно обрушился в воду якорь, взлетели брызги — и вновь настала тишина. Показалось, на горизонте крохотным темным треугольничком маячит косой парус. Сварог торопливо приставил к глазу подзорную трубу, но ничего не узрел, то ли почудилось, то ли судно ушло.

Мара позвала его, и он подошел к задней стене полуразрушенного дома. Рядом с замшелым валуном белели кости — лежавший ничком скелет. Одежды и сапог не сохранилось (а то и сняли сразу же), слева, под лопаткой, чернеет трухлявая рукоятка проржавевшего ножа.

— Вот он, красавчик, — тихо сказала тетка Чари. — Со шхуны «Синяя косатка». Сроду о такой не слышала, очень уж давно дело было, судя по одежде... Шег, давай упаковывай.

Капрал послушно присел на корточки и без всякой брезгливости стал собирать кости в мешок.

— А этот... где? — спросил Сварог.

— Растворился, как дым. Когда твердо пообещали, что похороним честь по чести. — Она задумчиво покрутила головой. — Клада от него не дождались, да и зачем теперь клад, но кое-что



с покойничка все же получили. Сказал он мне старое морское заклинание, якобы из Книги Бездны. Правда, про Книгу Бездны чего только не врут, притом никто ее в глаза не видел, разве что стагарцы, так от этих не дознаешься...

— Какое хоть заклинание? — вяло спросил Сварог. — Полезное или так себе?

— Вот я и сама ломаю голову. При нынешнем полном упадке колдовства любое заклинание — вроде бы прибыток, даже самое бесполезное, потому что никогда не знаешь, где оно пригодится и на что его можно выменять... Короче, командир, заклинание это способно отпугнуть рогатого ящера. Вот только водится рогатый ящер на приличных глубинах и наверх не поднимается, разве что перед большим землетрясением. Или извержением подводного вулкана. А это редко случается и всякий раз попадает в ученые книги как феномен столетия. На моей памяти его видели один раз, у Инбер Колбта. И не такая уж это грозная тварь, если на борту пушки. Гривастый крокодил не в пример опаснее, так что преподнесли нам вещь, в хозяйстве совершенно бесполезную. Задаром, правда...

— Это, конечно, утешает, — столь же задумчиво сказал Сварог. — Ну а кто сказал, что находить нам суждено исключительно полезные вещи?

Через полчаса он стоял на мостике «Принцессы», держа корабль на курсе, указанном теткой Чари. Одежду решил не менять — места были безлюдные. Тетка внимательно наблюдала, как капрал укладывает на фальшборт широкую доску. Остальные взирали на них довольно безразлично — речь шла о совершенно чужих костях, погретаемых из чистой любезности.

Тетка Чари что-то недолго бормотала, глядя в море (Сварог так и не спросил, в какого бога верил пират, да и не собирался выяснять). Отошла от борта, кивнула. Капрал поднял доску, мешок с костями и положенным для тяжести булыжником шумно проехал по ней, за бортом плеснуло, и тут же kloкочущая под колесом вода настигла, стерла этот всплеск. Самое время философски подумать о бренности бытия, да хватает других забот.

— В Шаганае бывать не доводилось? — спросил Сварог, не оборачиваясь. — Вас ведь где только не носило, граф...

— Был однажды, — сказал Леверлин. — Самая обычная страна. И воруют, и заводят любовниц, и торговцы обсчитывают за здорово живешь. Обыкновенные люди, и в чем их отличие



от нас, объяснить трудно, хотя это отличие и существует. Это, ваше величество, неведомые тайны души, как выражался один пьющий монах. Откровенно говоря, я человек легкомысленный, молюсь одной Бригите, да и то парой фраз, отец Калек на меня рукой махнул, и затрудняюсь я объяснить, что такое «верить по-настоящему»... Но уважаю их очень, ибо самому не дано...

Он говорил тихо, отрешенно. Делия положила ему руку на плечо — в сумраке остро сверкнули бриллиантовые перстни. Тетка Чари что-то скомандовала, и Паколет с Шедарисом бросились к мачте. Догадавшись, что пришла пора довериться ветру, Сварог склонился к медной воронке:

— Стоп машина!

— Уф! — облегченно вздохнула воронка голосом Бони. — А то ведь уголек швырять не нанимался...

— Перетерпишь, — безжалостно сказал Сварог, заткнул воронку конусообразной пробкой на цепочке и повернулся к поднявшейся на мостик тетке Чари. — Курс прежний?

— Прежний, ваше величество. Для короля у вас неплохо получается. Вот только не стоило бы торчать на мостике рядовым членам экипажа, будь они графья с принцессами...

— Как уголек швырять, сгодится и принцесса, а с мостика, значит, слазь? — сказала Делия сварливым баском ярмарочной торговки, весело рассмеялась, взяла Леверлина под руку. — Пойдемте, граф, погуляем на носу.

— На юте, горе мое, — проворчала вслед тетка Чари, схватила рупор с полочки рядом со Сварогом и гаркнула: — Шег, осьминога тебе в задницу, кто так крепит? Обмотай сначала раза три, ага, так! А ты, кошелечных дел мастер, натягивай потуже, не бойся пернуть! Послал черт командочку, хуже, чем на...

Она замолчала, недоуменно озираясь. Сварог ничего не понял сначала, но мигом спустя его шатнуло в сторону правого борта, да так, что от неожиданности он упустил гладкие, пузатенькие рукоятки штурвала. «Принцессу» круто развернуло влево, почище, чем машину на крутом повороте. Купол звездного неба колыхнулся над головой и тут же вернулся в прежнюю позицию — это Сварог сцапал штурвал, выпрямился. Плечом отшвырнув его, тетка Чари крутанула штурвал вправо, на полный оборот — и никакого толку. «Принцесса» все быстрее и быстрее неслась новым курсом, неизвестно кем проложенным, — целеустремленно, тупо и неотвратимо, как поезд,



на полном ходу вдруг лишившийся машиниста. Парус вздулся пузырем — навстречу ходу. Жалобно, как старая береза под ураганным ветром, скрипнула мачта.

Первой опаматовалась тетка Чари, изрыгнув отборнейшие проклятия попеременно с громогласными командами. Все, кто был на палубе, кинулись спускать парус, и это, как ни поразительно, удалось им почти моментально. Скорость ничуть не упала, но мачта больше не грозила завалиться — а корабль, казалось, уже скользит над водой, сопротивления воды не чувствуется совершенно. Неизвестно на что надеясь, Сварог еще раз крутанул штурвал, от души, что есть мочи, но результат вышел самый плачевный, то есть не вышло никакого. Куда бы ни направлялся корабль, повиноваться команде он отказался напрочь. Сварог, лихорадочно пытаясь вспомнить, найдутся ли на «Принцессе» шлюпки, услышал за спиной короткий треск и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как сорвавшийся с тали баркас по широкой дуге улетает за корму, в ночь.

И постарался взять себя в руки, вспомнить о долге отца-командира. На мостике уже столпился весь его отряд, даже кочегары вылезли, почуяв недоброе. Паники в рядах не было ни малейшей. Во-первых конкретного врага в пределах видимости пока что не имелось, а во-вторых, инициатива принадлежала отцу-командиру — что его, понятно, лишь удручало, он тоже был в полной прострации. Оставалось лишь испробовать «третий глаз», что он и сделал.

— Ну? — вскоре спросила тетка Чари, уже освоившаяся с его возможностями и тактикой.

— Совершенно не представляю, что это может означать, — сказал Сварог. — Нас словно бы волокут на канате, и выглядит он красной светящейся линией. Где она кончается, и не видно, но определенно где-то далеко. И если это даст кому-то зыбкое утешение, спешу обрадовать: не вижу ничего, что говорило бы о присутствии сил зла...

— Но это магия?

— Несомненно, — сказал Сварог. — И высокосортная. Между прочим — мы и в самом деле летим над водой, совсем низко, правда, но все же... Сами взгляните.

— Значит, влипли, — спокойно бросила Делия. — Командир, а не способны вы в качестве владыки Хелльстада предпринять чего-то эффективного и могучего?



— Будь это в Хелльстаде... — вздохнул Сварог. — Не успел я толком со своим могуществом разобраться, сами знаете...

Корабль скользил над темной водой, как призрак. Скорость была дикая — Сварог глянул за борт и поневоле отпрянул, закружилась голова, так все сливалось в мерцающие полосы, но на палубе этого не ощущалось ничуть. А в открытом море не нашлось ориентиров, по которым можно определиться, и потому, если не смотреть за борт, а уставиться вперед, все не так уж и жутко... Оставалось одно — ждать. И они ждали.

— Компас работает, — сказала тетка Чари. — Как ни в чем не бывало. И волочит нас, похоже, напрямик к островам Твергор.

— А там водится что-нибудь необычное?

— Не припомню что-то. — Она задумалась. — Вообще-то о них, как о всяких необитаемых островах, кружит множество побасенок — клады капитана Бонета, девицы-оборотни, кабаны-людоеды. Правда, добрую половину слухов распускают как раз те, кто имеет на таких островах свой интерес, чтобы отпугнуть посторонних. Подыскивали вы удобное местечко для кренгования или зарыли клад — вот и пускаете сказки о старике-змееноге, чтобы обходили стороной... Одно я знаю точно: там есть остров, к которому никто не может причалить. Остров Роил. Как ни мудри с парусами, корабль относит прочь, словно пьяного боцмана от проповедников трезвости. И паровые тоже...

— Даже если это правда, с нами обстоит как раз наоборот, — сказал Сварог. — Нас-то, наоборот, притягивает...

Тетка Чари явственно поежилась:

— Говорят, такие фокусы с кораблями выкидывает Магнитная Скала. Но она четко к Морю Мрака относится. Если только существует, конечно.

— Плевать, — заявил Бони. — Командир вытащит.

— Вы на командира-то надеетесь, но и сами ушами не хлопайте, — хмуро сказал Сварог. — Я у вас не бог... И, между прочим, вижу впереди остров.

— Даже два, — сказала Делия. — Второй чуть правее и дальше.

— Пулемет готовить? — деловито спросил Бони. — А то — ракетами шарашнем.

— погоди ты, — отмахнулся Сварог. — С мысли сбил...

Словно бы две загадки, вовсе даже друг с другом не связанные, пришли на ум одновременно, они мешали друг другу, да



еще Бони крикнул под руку, и оттого одна загадка сразу же ускользнула, а вторую никак не удавалось разгадать. Нужно что-то попросту вспомнить, нечто связанное с островами Твергор...

Часть звезд вдруг пропала с небосклона — это их закрыла гора, высокий остров, к которому они неслись, сбавляя скорость. Сварог увидел узкий вход в бухту, стиснутый двумя утесами дубняк, подступавший к самой воде. Острова Твергор... И почему-то вспоминается бедняга Борн... стоп! Он говорил, тут кто-то живет! Ну да, теперь вспомнил...

Корабль вошел в бухту, как клинок в ножны, двигаясь словно бы отяжелело, грузно, против сильного встречного течения, — но это лишь означало, что он опустился на воду после бешеного бега над волнами. Капрал без команды пробежал на ют, и слышно было, как там скрежетнул ракетный станок.

— Вон он стоит, у деревьев, — сказал Сварог сквозь зубы и крикнул громче: — Шег, отставить! Чует мое сердце, не испугать здешних жителей нашим арсеналом...

Замеченный им человек не спеша шагал к берегу. «Принцесса» остановилась, якорь самостоятельно прогрохотал в клюзе, разматывая цепь, плюхнулся звучно в воду.

— Сходни, — приказал Сварог. — Всем оставаться на борту. И ни единого выстрела!

Сошел на берег по торопливо поданным сходням и, неприужденно помахивая Доран-ан-Тегом, как тросточкой, направился к незнакомцу. Дабы не выглядеть излишне агрессивным, остановился первым, оперся обеими руками на топориче и выжидательно замер. Человек шел к нему, самый обычный человек. Вернее, самый обычный лар. Однако при попытке прощупать его детальнее Сварог, маг-недоучка, грянулся о невидимую стену. Случись такое с телом, отшиб бы бока — а сейчас, при очередной дилетантской попытке баловать с магией, осталось странное ощущение, помесь рези в желудке с мгновенно накатившей и схлынувшей невесомостью.

— Не стоит повторять, — сказал человек. — Это и у того, кто посильнее вас, не получится.

— Не буду, — сказал Сварог. — Вы — лорд Роил? Борн говорил...

— Да.

— Остров назвали по вас или вас — по острову?

— Остров по мне. Первым это в шутку сделал Борн. На самом деле остров называется Алайт.



— И к нему никто не может пристать?

— Не может. Вы и в самом деле так невозмутимы?

— Конечно же, нет, — сказал Сварог. — Но положение обязывает. Я ведь командир... и король. Трусить неуместно.

Его собеседнику на вид было лет пятьдесят — значит, все пятьсот. Лысоватый, с великолепной ухоженной бородой. Коричневая ряса с откинутым капюшоном, в точности такие носят монахи Братств, но на поясе нет никаких символов, да и пояс не из веревки.

— Простите за бесцеремонное приглашение в гости, — сказал Роил без всякой удрученности в голосе. — Обстоятельства. Я долго раздумывал, какую форму предупреждения избрать, и в конце концов решил, что вы не поверите никаким предостережениям...

— Пожалуй, так оно и случилось бы.

— Что, никому не верите?

Сварог усмехнулся:

— Бывают исключения. Кое-кому я верю, взять хотя бы тех, кто сейчас на борту. Но чуждые силы, неожиданно возникающие на пути, меня в первую очередь настораживают...

— А как обстояло с этим беднягой, хельстадским королем? Судя по его короне у вас на голове...

— Он, честное слово, напросился сам, — сказал Сварог. — Я просил одного — дать нам уйти. Вы о нем сожалеете?

— Не знаю. Мне он немного нравился, потому что был безобиден. Бесспорно, иные его забавы переходили все и всяческие границы, но по большому счету бедолага остался ребенком, а дети злы и себялюбивы. Страшно представить, чем могло кончиться, окажись на его месте тиран, одержимый подлинной страстью к власти...

— Это интересный, где-то даже философский вопрос, — сказал Сварог. — В данную минуту меня интересует другой, более практический...

— Вам не утомительно все время смотреть «кошачьим глазом»? — усмехнулся Роил. — Давайте отойдем подальше по берегу, не мните, вы уже поняли, что я не представляю для вас угрозы. Хочется поговорить с глазу на глаз.

Сварог оглянулся, прикинул расстояние:

— На корабле и так не услышат.

— Вы полагаете? — с загадочным видом усмехнулся Роил. — У вас на корабле хватает чутких ушей...



И неспешно направился вдоль берега. Сварог раздраженно пожал плечами, видя, что потерял всякую инициативу, но двинулся следом.

Под дубом обнаружился стол в стиле Чалатара, словно угодивший сюда с террасы загородного дворянского особняка: накрыт для легкого ужина, посередине горит сиреневая карбильская лампа с колпаком из тончайшего стекла в виде таларского глобуса. Повинуясь жесту хозяина, Сварог сел первым, прислонил топор к столу и спросил:

— Что это за чуткие уши на моем корабле?

— Оглянитесь.

Лампа светила неярко, и Сварог хорошо различал у ардах ста темный контур «Принцессы». Оттуда протянулись в сторону стола словно бы три узких луча карманных фонариков: один зеленоватый, тусклый, два других — сапфирово-синие, гораздо длиннее и ярче. Но сидящих не достигали и они, рассеиваясь и пропадая где-то на полдороге.

— Зеленый — это ваша девочка в меру своего скромного умения пытается до нас дотянуться. Ну а синие — результат усилий двух других ваших людей, и, не будь у меня наработанной защиты, они все видели и слышали бы...

— Чуть, — сказал Сварог. — Двое моих?

— Вы уверены, что знаете все о своих людях? (Сварог промолчал.) Любезный граф, у них есть свои маленькие тайны, как и у вас — секреты от них. Вполне естественное явление, вы ведь и сами в них из-за этого не сомневаетесь... Поговорим о хлопотах посерьезнее. Я хотел вам помочь. Сейчас в заливе курсируют девятнадцать кораблей из разных стран, которые я не стану перечислять, потому что вы легко догадаетесь и сами... Неужели вы решили, что после бегства из Равены от вас отстанут... заинтересованные стороны?

— Я так и не думал, — сказал Сварог. — Вообще-то «Принцесса» неплохо сконструирована, меня клятвенно заверяли, что при нужде она уйдет от любого здешнего корабля, хватило бы кочегаров...

— Возможно. А об этом что вы скажете?

Справа от стола словно бы распахнулось широкое окно с видом на вечерний океан, укутанный мягкими тенями подступающего сумрака. На воде лежало чудовище. Черный панцирь, напоминавший пухлый желудь, усажен длинными шипами в три ряда, щупальца покачиваются на волнах, раскинувшись ве-



ером, под краем панциря светятся зеленоватым гнилушечьим мерцанием три круглых глаза. Рядом с ним вдруг появился крохотный кораблик, раза в три короче самого короткого щупальца. Выглядел кораблик жалко.

— Ваша «Принцесса», — пояснил Роил. — С точнейшим соблюдением масштаба. Много ли вы смогли бы сделать даже с вашим великолепным топором? Магия здесь ни при чем. Всего-навсего морское чудовище, считавшееся вымершим еще до Шторма, — но океан велик, то и дело там обнаруживается нечто, числившееся в нетях... Лорд Сварог, сдается мне, вы до сих пор не представляете, какая идет игра и сколь велики ставки. Это не телевизор, как вы уже поняли, — экран компьютера я моделирую. На самом деле оно плавает у поверхности, не показываясь наружу. И парочка кораблей упорно крейсирует поблизости, словно зная о чудище и готовясь натравить...

— Горрот?

— Вряд ли. Чьи-то неизвестные корабли. Знаете уже, как это бывает: флага нет, место постройки еще ни о чем не говорит, на борту самый разный народ со всего света... Иные древние источники связывают эту тварь и с Великим Кракеном, и с Князем Тьмы, что, в принципе, есть два лика одной сущности. Забудьте вы сейчас и об этой твари, и о кораблях. Не это главное. Вам нужно добраться до Шагана, там вас уже не достанут. Я помогу.

— Значит, мне следует благодарить вас за спасение?

Хозяин не поднимал глаз. Экран как-то незаметно погас.

— Забавно, — сказал наконец Роил. — От скуки я тысячу раз вел во всех подробностях долгие беседы с кем-то вроде вас. Но когда вы сидите здесь вживе, все, оказалось, следует начинать заново... Пожалуй, вы не должны меня благодарить, лорд Сварог. И потому, что эта услуга не потребовала от меня мало-мальски серьезных трудов, и оттого, что я не чувствую себя достойным принимать благодарность... Что вам говорил обо мне Борн?

— Да ничего, собственно. Что вы существуете и живете отшельником.

— В том-то все и дело... Максимально точное определение. Я не служу злу, потому что не люблю зла, и не служу добру, потому что не представляю, что мне для добра сделать. Я не борец. Не гожусь в борцы. Не мое призвание. Лары мне глубоко противны, а обитатели земли, откровенно говоря, — совершенно чужие. Нет ни сил, ни желания, ни стремления про-



никнуться их бедами и разделить их радости. Одной нелюбви к злу еще слишком мало, чтобы стать рыцарем добра с обнаженным мечом. Добавьте ко всему этому, к такому образу мыслей кое-какие магические возможности, позволяющие окружить остров непроницаемой для всякого воздействия защитой, — и получится... отшельник. Я не удивлюсь и не обижусь, если вы меня осудите. Покойный Борн положил массу сил и времени, чтобы подвинуть меня на некие глобальные дела. Какие, он плохо представлял и сам. Я отказался. Он не порвал со мной окончательно, но отказа не забыл... Признаюсь, со своей стороны я считал избранный им образ жизни чем-то вроде детской игры в солдатики. Возможно, мы оба неправы. Возможно, один я неправ. И вы можете...

— Кто я такой, чтобы вас осуждать? — проворчал Сварог. — Катберт-Молот или святой Рох? И зачем вам, простите, мое скромное мнение?

— Я слишком долго прожил один, — со смущенной улыбкой сказал Роил. — Долгое одиночество порождает самые причудливые метания духа. Иногда охватывает бешеное, неудержимое желание исповедаться и услышать себе приговор...

— Тут нужен священник, — сказал Сварог, чувствуя себя крайне неловко. — Я не гожусь.

— Священник скажет, что мне следует обратиться к богу. Но что прикажете делать, если я, как ни стараюсь, не могу и не умею «обратиться к богу»?

«Беда с этими интеллигентами», — растерянно подумал Сварог, а вслух сказал:

— Я тоже не умею...

— Но вы — действуете.

— Вы тоже, — ободряюще сказал Сварог. Беседа начинала его тяготить. — Странно, что там, где следует, меня о вас не предупредили, хотя уделяли внимание гораздо более мелким деталям.

— А я — государственная тайна, — чуть веселее признался Роил. — Никто не предполагал, что мы с вами можем встретиться. А о нашей с Борном дружбе они как-то забыли, много воды утекло, да и Борн погиб. Понимаете, Борн был для них понятен, а я — нет. Похоже, меня до сих пор подозревают в коварных замыслах. И в покое не оставляют. Взгляните.

Сварог задрал голову. В зените висела большая синяя звезда, ее лучи светили холодно, остро, даже заломило глаза, словно он слишком долго таращился на пламя электросварки.



— Что это?

— Так для систем моей защиты выглядит орбитальная станция слежения. Мой персональный шпик на «суточной» орбите. Иногда, очень редко, случается атака. О, ничего смертельно опасного. Просто, изобретя что-нибудь новенькое, проверяют на прочность мою защиту. Видите ли, ни одна государственная машина, сколь бы терпима и могуча она ни была, по самой природе своей не потерпит полностью независимого и неподконтрольного индивидуума. Сам факт его существования, как бы нейтрален он ни был, становится словно бы ревом охотничьего рога для гончей. По-моему, и я, и недотепа Фаларен возбуждали подозрения как раз тем, что ничего не предпринимали, — такова уж логика тайной полиции. Приготовьтесь в роли короля Хелльстада столкнуться со страхом и недоверием... Ну вот, теперь вы многое обо мне знаете. Судите, как хотите. Только одного не нужно, умоляю — не просите меня к чему бы то ни было примкнуть, присоединиться, встать в ряды... Не смогу.

Они долго молчали.

— Знаете, чего мне порой хочется? — вдруг спросил Сварог. — Забрать три королевства себе. Пустить всякого, кто пожелает. И в меру разума наладить там жизнь чуточку более свободную и добрую.

— Не получится.

— Я же сказал: «чуточку более».

— Все равно.

— Но тянет попробовать. Ужасно.

— Ох, как вы молоды... Завидую. В юности, в студенческие годы, от разговоров на схожую тему сам воздух, казалось, сыпал искрами, я прекрасно вас понимаю, вот только не выйдет у вас ничего... Вы нигде не учились?

— Разве что убивать, — сказал Сварог. — А вы, насколько я понимаю, были в Магистериуме?

— Ого! Проект «Алмазная стрела». Не доводилось слышать? Значит, все еще засекречен. Институт, пытавшийся увидеть прошлое. Когда-то там работали и я, и Борн, и столь загадочно исчезнувший лорд Луинтар. Семьдесят лет адского труда — и все впустую. Возможно, при удаче ни я, ни Борн не пришли бы к нынешнему своему состоянию, да и Луинтар был бы жив. Коли вы ничего не слышали об «Алмазной стреле», работы определенно продолжаются...

— А магия тут не поможет?



— То, что осталось от магии, ничему уже не поможет, — пренебрежительно махнул рукой Роил. — Создавать из воздуха дворцы и отлавливать реликтовых демонов «Серебряной сетью» — еще не магия. Уже не магия, вернее. Конечно, надутые идиоты вроде Багорена полагают, будто кохлеарный прорыв... О, простите. Кому это теперь интересно... Одним словом, вы можете ничуть не беспокоиться. Наверху не заметили происшедшего с вашим кораблем. Я все же считался неплохим ученым в прежние годы и прямо причастен к разработке иных систем... И в Шаган я вас смогу доставить незамеченными гораздо быстрее, чем вы сами тащились бы. Лучше всего вам будет высадиться в Гриммортеле и отправляться напрямик в тамошнее Братство Святого Роха. Утром...

— Если вас не особенно затруднит, я попросил бы отправить нас прямо сейчас, — сказал Сварог. — Это возможно?

— Разумеется. Но хотелось поговорить с вами подольше...

— Мне тоже, — сказал Сварог мягко. — Но я боюсь расслабляться. Мне нужно мчаться вперед. И времени остается все меньше. Представления не имею, сколько времени у меня отнимет пребывание в Шагане, да и до виманы еще нужно добираться...

— Вы уложите в два-три дня. Братство Святого Роха, я уверен, уже знает все от равенских друзей. К сожалению, информация столь же быстро передается и куклосами «Радуги»...

— Кем?

— Вы серьезно? — Роил едва не упустил бокал. — Представления не имеете, с кем схватились? Кто вам мешает и противостоит?

— Мне постоянно противостоят разнообразные черные — сказал Сварог. — Это-то я уже уяснил.

— И никогда не слышали о «Черной радуге»?

— А что, есть и такая? Радуга обычно семицветная...

— Узнаю Гаудина, — сказал Роил. — «Каждый знает ровно столько, сколько ему необходимо в данный момент». Возможно, в вашем случае он, при всей моей к нему неприязни, был прав. Не следовало посвящать нового человека во все сложности жизни, к тому же и для его престижа сие было унижительно: углубившись в историю вопроса, ему пришлось бы признать, что он до сих пор не может истребить куклосы...

— Пойдите, — сказал Сварог. — Я только сейчас сообщил... Выходит, вы обо мне отлично осведомлены?



— Я же говорил, что причастен был к серьезным работам. Не только они наблюдают за мной, удовольствие взаимное... Так вот, «Черная радуга», она же «Черная благодать» — это черное братство служителей зла, состоящее из разбросанных по всему свету групп-куклов. Возникло оно около двух тысяч лет назад, когда разгромили храм Сета-Змеенога. Все сведения по этому делу есть даже в земных библиотеках, почитайте как-нибудь... Братство это существует до сих пор, несмотря на все усилия небесных и иных из земных властей, — очень уж серьезный и деятельный у него покровитель. Многие из тех, кто владеет сохранившимися азами «золотой», то есть основанной на добре, магии, живут, не зная друг о друге и не поддерживая никаких связей. Другое дело — черные. Зло деятельно и энергично. Среди его адептов почти нет одиночек — разве что стагарцы, патриархально балансирующие меж двумя силами. Да король Стахор, великий мистификатор, лицедей и мастер напускать туман, то и дело выдающий авансы то мраку, то свету, но упрямо ведущий свою игру... Не берусь судить непрерываемо, но в случае с двойником Делии и Арталеттой явственно прослеживается рука равенского куклоса. Впервые вы им встали поперек дороги, убив Мораг. Сшибли пинком осиное гнездо и прошли мимо, не заметив. Правда, с вами пытались покончить еще до того... но в том-то и заключается трагикомический парадокс, что не устрой они аварию вашему ялу, Мораг осталась бы жива, а вы, возможно, так и не замешались бы в схватку — или ворвались бы в нее гораздо позднее... Словом, против вас действуют организованные и сильные враги.

— Понятно, — медленно сказал Сварог. — А у меня после объяснений Гаудина как-то незаметно осталось впечатление, что люди, злоумышлявшие против меня там, наверху, — случайно совращенные нестойкие душонки, досадные исключения, выродки...

— Я и не говорю, что их много; но всех Гаудин не выловил, и крайне опасно считать их выродками и досадными исключениями... Насколько мне известно, в последние годы наверху появилась еще и «Черная пустота». Крайне рафинированная разновидность поклонения и служения злу с потугами на большую философию. Видите ли, если зреть в корень, ничего этого нет, — он постучал пальцами по столу. — Ни стола, ни этих дубов, ни берега. Нет понятий «твердое» и «мягкое», «прочное» и «аморфное». И дым костра, и стальной меч — лишь скопление



разделенных пустотой атомов. Разве что скопление атомов в виде меча более твердое и устойчивое, чем скопление атомов в виде дыма... Ощущения — тоже не более чем условность. Прикасаясь пальцами к лезвию меча, вы ощущаете, что он тверд и остер. Меж тем это означает лишь, что стайка атомов под условным названием «палец» сблизилась со стайкой атомов по прозвищу «меч». Пустота соприкоснулась с пустотой. Далее для научного обоснования (если возникнет такое желание или надобность) приводятся фундаментальные законы, объясняющие сущность магии. И магия, и физическое воздействие — не более чем перемещение атомов. И удар кулаком в зубы, и создание с помощью заклинания кувшина с вином — явления одного порядка. И в первом, и во втором случае вы с помощью возникающих в клетках вашего мозга комбинаций атомов (ибо мысль материальна) переместили в пространстве определенные группы атомов...

— Я рискну продолжить, — сказал Сварог. — Поскольку все на свете — лишь скопление атомов и перемещения таковых, понятия «добро» и «зло» становятся чисто абстрактными понятиями. И — все дозволено...

— Совершенно верно. Разумеется, это учение облечено в гораздо более изысканные и наукообразные формы. И выражено не в пример более многословно. На умы, надо признаться, порой воздействует. Вас, быть может, удивит, но больше всего приверженцев «Черной пустоты» насчитывается не среди невежественных придворных вертопрахов, а среди людей высокообразованных, с рационалистическим складом ума...

— Иными словами, в Магистериуме, — сказал Сварог.

— Как ни печально... Когда лет пятьсот назад в одном из земных государств некий книжник выпустил ученый труд, где впервые, пусть на примитивном уровне тогдашней эпохи, излагались идеи «Черной пустоты», король отреагировал быстрее, чем мудрые университетские профессора и священники. Незадачливый автор сторел на костре из собственных книг. Некоторые склонны вульгаризировать этот поступок короля, считая, будто он попросту испугался: вдруг его подданные задумаются, стоит ли повиноваться монарху, каковой, по зрелом размышлении, есть не более чем скопище атомов, теоретическая пустота? Но я читал королевский указ, и там есть примечательные строчки: «Поелику этот богомерзкий труд способен отвратить незрелые умы от осознания понятий добра и зла,



уничтожив в глазах иных всякую разницу меж таковыми понятиями...» Но сейчас книжников не жгут даже на земле. А на небесах царит и вовсе уж умирительная терпимость...

Со стороны моря донесся короткий треск, сменившийся длинным шипением, над кораблем взлетела зеленая сигнальная ракета, описала дугу, на несколько секунд озарив «Принцессу» и волны колышущимся тусклым свечением с резкими тенями. И погасла еще в воздухе.

— Что это?

— Мои орлы шалят, — сказал Сварог. — Деликатно напоминают, что они, личности и индивидуальности, озабочены отсутствием отца-командира... Пожалуй, мне и в самом деле пора.

Роил посмотрел на берег:

— Ну да, ваша девочка раздумывает, не запустить ли еще одну. Интересно, почему Гаудин послал с вами именно ее?

— А в чем вы усматриваете странность?

— Не знаю, стоит ли называть это странностью... Ваша девочка — из породы так называемых всадников. Все малолетние «леопарды» Гаудина, и мальчишки, и девчонки, подобно фигурам шахра-чатурандж, делятся на пешек и всадников. Пешек больше. Они подвергаются обработке с применением всех достижений науки, после чего навсегда становятся не в пример ближе к роботоподобным боевым машинам, чем к людям. И процесс этот необратим. Меншинство, всадники, остаются людьми. Их мозг не подвергается... гм, реконструкции, все ограничивается обучением боевым искусствам, а интеллект, наоборот, стремятся развить. Я вовсе не пытаюсь настроить вас против Гаудина. Всю жизнь питал к нему смешанные, двойственные чувства: уважаю за яростную борьбу со всем черным и ненавижу за... иные поступки. Просто... Все его действия, шаги, операции подчинены определенным целям, просчитанным на много ходов вперед. Все. И вы обязаны это помнить, если хотите играть с ним на равных. Именно девочка, именно «всадник»... Можно объяснить просто: вы новичок на Таларе и такая спутница не в пример предпочтительнее хмурого юнца-убийцы, глухого и слепого ко всему, что выходит за рамки конкретного задания. Но простота — не в характере Гаудина... Особо в случае с вами.



Глава 13



КОГДА НИКУДА НЕ СПЕШАТ

Ожидание атаки стократ тягостнее самого жестокого боя — в бою некогда думать...

Сварог уже отошел от предпоследнего, самого стремительного этапа пути — феерическое скольжение «Принцессы» над ночным морем, доставившее к берегу еще до рассвета, монастырь Святого Роха, где его встретили так буднично, что стало даже чуточку обидно, завтрак на скорую руку и пятичасовая бешеная скачка к границе, где по другую сторону, как он прекрасно видел из окна замка, тянулись те же равнины, те же перелески. Городок у горизонта, насколько удалось рассмотреть в подзорную трубу, выглядел прекрасно сохранившимся, да и проходивший мимо него тракт, упирившийся в шаганскую границу, построенный когда-то на века, казался проложенным вчера — ни одна травинка не пробилась меж продолговатых белых плит, уложенных на щебень и лиственничную кладку.

Вот только ничего живого не видно на той стороне, даже птиц не заметно, как ни шарил Сварог трубой. И Глаз Сатаны не наблюдалось. Поначалу Сварог решил, что они во множестве будут рыскать вдоль границы, пляясь немигающими взглядами, как голодные волки у изгороди скотного двора. Нет, до самого горизонта с зеленовшей кое-где каемкой лесов и холмов — ни малейшего шевеления. Ну да, колокольный звон разносится далеко...

В замке, принадлежащем некоему графу, как-то связанному с Братством Святого Роха, Странная Компания впервые за время пути оказалась в полнейшей безопасности — и совершенно



не у дел. Самого графа в замке вообще не было, слуги двигались бесшумно, как тени, и появлялись редко, исключительно на звук колокольчика, брат Тивадар пропадал по своим загадочным делам, прямо связанным с завтрашним предприятием (о характере коих отмалчивался, мягко заверяя, что все будет подготовлено должным образом и Сварогу после всех тягот не стоит забивать этим голову), другие монахи не приходили, в отведенных гостям комнатах не хватало только птичьего молока, благо здесь не существовало запретов ни на мясо, ни на вино — короче, можно наслаждаться безмятежным покоем. Если забыть, что им завтра предстоит, — а забыть-то и не удастся. А неподалеку сидит Мара, в отличие от командира являющая собой воплощение безмятежности, и при взгляде на ее невозмутимое личико обуревают разнообразнейшие чувства — от грешных помыслов до желания прочитать вдумчивую лекцию о печальной участи иных чрезмерно уверенных в себе суперменов.

Но ничего не выйдет — ее спокойствие не от излишнего суперменства, а от полнейшего неумения бояться риска и смерти. Попробуйте заставить бедуина из сердца африканских пустынь проникнуться опасностями, подстерегающими пловцов на быстрой реке с коварными омутами и голодными крокодилами...

Сварог уютнее утвердил ноги на столе, поправил на коленях виолон и принялся бренчать:

Над землей бушуют травы,
облака плывут, кудрявы,
и одно, вон то, что справа —
это я.
Это я...
И нам не надо славы,
ничего уже не надо,
мне и тем, плывущим рядом,
нам бы жить — и вся награда.
Да нельзя...

Мара уже прекрасно усвоила, что эта песня в его устах означает крайний предел дурного настроения и откровенной хандры.

— Ты еще «Пляску смерти» виртуозно изобрази, — фыркнула боевая подруга, золотая дикая кошка на синем фоне.



Сварог, как ни в чем не бывало, ухом не поведя, заиграл «Пляску смерти»:

Гроб на лафет! Он ушел в лихой поход.
Гроб на лафет! Пушка медленно ползет...
Гроб на лафет! Все мы ляжем тут костями.
Гроб на лафет! И барабан — греми...

В него полетел его собственный бадагар, чувствительно угодивший по уху, но карательных мер он предпринять не успел. Раздался короткий вежливый стук в дверь, и вошел брат Тивадар, косая сажень, мужик могучий и совсем бы симпатичный, если бы не жуткий синий шрам во всю правую половину лица, больше всего напоминавший отпечаток когтистой трехпалой лапы. Сварог виновато убрал ноги со стола, второпях свалив блюдо со сливами, кинулся подбирать узорчатые осколки, от смущения громохкая на всю комнату.

Словно не заметив, великан-монах уселся за стол, налил себе полстакана розового вина, медленно выпил и кивнул:

— Все готово. Завтра, с рассветом... Не прогуляться ли нам в аллеях, граф Гэйр?

Сварог охотно вскочил, подхватил шляпу — привык уже, как и следует дворянину, выходить под открытое небо непременно с покрытой головой.

— А я? — вскочила Мара.

— Лауретта, есть разговоры, касающиеся лишь двоих...

Мара разочарованно уселась — поняла уже, что с братом Тивадаром не поспоришь.

Неизвестно, что за гости посещали замок раньше. Но сейчас он прямо-таки лучился самым неприкрытым и непринужденным весельем. Одна из дверей в конце коридора оказалась приоткрытой, оттуда доносились переливчатые переборы Леверлинова виолона, сделанного на особый заказ в одной из лучших мастерских, и голос Делии, певшей с откровенно хмельной задумчивостью:

В тяжелой мантии торжественных обрядов,
неумолимая, меня не встретить.
На площади, под тысячами взглядов,
хочу я умереть.
Чтобы лился на волосы и в губы
полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
и гарцевал мой конь...



На первом этаже из-за толстой, надежно притворенной двери доносился тем не менее громоподобный хохот Шедариса, притопы и прихлопы под звон струн расстроенного дагара-са, звяк кубков и уханье — там отдыхали от трудов праведных остальные четверо. Сварог сконфуженно покосился на спутника снизу вверх:

— Мои орлы не особенно вольничают?

Брат Тивадар усмехнулся здоровой стороной лица:

— Лишь бы они смогли завтра держать оружие...

— Смогут, — сказал Сварог. — Этого у них не отнять.

— Вот и прекрасно. Грешно не вино и не тот, кто его пьет.

Вы не в обители виргинатов, граф...

Они спустились с невысокого крыльца, украшенного каменными мифологическими зверями, пошли меж двумя рядами высоченных и густых черных кедров. Вверху зашуршало, сердито цокнула белка. Уардах в двухстах, на невысоком округлом холме, на фоне потемневшего вечернего неба четко рисовалась высокая круглая башня, и маленькое окно под самыми зубцами было озарено изнутри чуть колышущимся пламенем свечи.

— Там и вчера всю ночь горела свеча... — сказал Сварог рассеянно.

— Разумеется. Там читают «Неостановимое поучение смиренного». Свод молитв, отгоняющих нечистую силу. Некий брат, чье имя забыто, составил ее в незапамятные времена...

— Давно читают?

— Не особенно. Последние четыре с половиной тысячи лет. Конечно, башню много раз чинили и перестраивали, а люди смертны, но чтение не прерывалось ни на минуту. Такова церковь, лорд Сварог...

— И это останавливает...

— Останавливает вера, — сказал брат Тивадар. — Это закливание сплошь и рядом остается механизмом, послушно действующим в любых руках, а с молитвой обстоит несколько иначе... Успокойтесь, я не собираюсь вести с вами богословские беседы — ваше время еще не пришло. Человек сам должен почувствовать, когда для него настала пора идти в храм, — со своей печалью или стремлением к истине... Поговорим о конкретных делах. Все готово, как я уже сказал, мы можем отправиться на рассвете.

— Это очень опасно?

— Для подавляющего большинства людей. И совершенно безопасно для вас. Но это еще не означает, что вам следует ве-



сти себя беспечно, словно посетителю зверинца. Там не одни только Глаза Сатаны. Порой появляется нечто иное, отношения к нечистой силе не имеющее, но смертельно опасное. Я проник туда одиннадцать раз. Есть братья, совершившие по три десятка вылазок. Хватает и не вернувшихся, и гибнут не обязательно новички. — Он поднял руку к лицу, так и не коснувшись, однако, шрама, словно шрам болел до сих пор. — Приходится еще останавливать лихих рыцарей, стремящихся туда из одного шального желания совершить подвиг. Кое-кого мы отговариваем, но далеко не всех. Иных потом удастся и спасти...

— Значит, вы — что-то вроде заставы?

— Не только. Там до сих пор живут люди.

— В дельте Сентеры?

— Те — в относительной безопасности. Есть другие. В самом сердце трех королевств. Им удалось отгородиться серебром...

— Значит, это не сказка?

— Конечно, нет. К сегодняшнему дню нам известны одиннадцать таких островков. Кто-то обезопасился серебром, рассыпанным вокруг фермы, кого-то спасла близлежащая церковь. За последние сто лет многих удалось вывести оттуда. Но есть и люди, категорически отказавшиеся уйти. В одних местах это монахи, в других — упрямые фригольдеры с семейством, упорно не желающие оставлять землю предков. Есть еще два крайне заносчивых дворянина, укрепившиеся в манорах. При всем несходстве этих людей и разных взглядах на Единого — там есть и приверженцы Симаргла, и Хорса — всех объединяет одно: они свято верят, что еще при их жизни нечисть сгинет. Что ж, отрицание Зла порой становится первым шагом к Добру... — Он долго молчал, бесшумно шагая, мимоходом касаясь широкой ладонью разлапистых кедровых веток. — Лорд Сварог, вы, должно быть, понимаете, что я не стал бы уводить вас в уединенное место ради вышесказанного? Все это преспокойно можно было поведать у стола, за бутылкой вина, в компании вашей юной спутницы. Но у меня есть еще одна миссия...

— Валите с места, — сказал Сварог.

— Речь пойдет о Сером Рыцаре. То есть о вас. Ибо сейчас ваше тождество с Серым Рыцарем ни у кого уже не вызывает сомнений, ни у нас, ни у нашего противника. Таверо — не единственный, писавший о вас. Есть еще книга святого Круахана. Заглавия она не имеет, но среди богословов давно повелось именовать ее «Слово о четырех воплощениях Сатаны». «Во времена, когда еще не было Времени», как любят выражаться ста-



ринные авторы, князь Тьмы создал четыре своих воплощения: для стихий Огня, Воды, Воздуха и Земли. В этих воплощениях, в каждом из них — частичка его личности и сути. Грубо говоря, воплощения эти — нечто вроде якорей, удерживающих его в этом мире, позволяющих посещать наш мир, когда заблагорассудится, передвигаться по нему относительно свободно. Когда четыре Черных Воплощения будут уничтожены — если они будут уничтожены, — Князю Тьмы станет заказан путь в иные обжитые им места, и многие дороги окажутся для него запретными, а могущество — подорванным. Воплощение Воды — Великий Кракен. Воплощение Огня — дракон Брелганд. Воплощение Земли — исполинская змея Митгард. Воплощение Воздуха неизвестно до сих пор. Великий Кракен спит где-то в пучине, и местоположение его, как и змеи Митгард, остается тайной. Дракон Брелганд около двух тысяч лет назад был сражен братом-рыцарем.

— Но не хотите же вы сказать... — начал Сварог, ощущая нехороший холодок под сердцем.

— Святой Круахан считал, что именно Серому Рыцарю суждено сразить три оставшихся Черных Воплощения. Во всем остальном он ни разу не ошибся... Нет, не думайте, что это предсказания, что они на что-то обрекают вас. Речь скорее идет о том, что именно вы можете это сделать — а никто другой не сможет... Вы вправе и отказаться от столь опасного и нечеловечески трудного предприятия. Господь избирает, но не принуждает своего избранника пройти путь до конца. Всегда остается свобода воли и свобода выбора. Даже ваш отец, человек целеустремленный и непреклонный, однажды дрогнул, терзаемый сомнениями... Простите. Возможно, жестоко было с моей стороны взваливать на вас такую ношу перед завтрашним... Но иногда следует сказать все сразу. Как бросаются в холодную воду... или в бой.

Какое-то время они шагали молча, незаметно для себя повернув в обратный путь, к замку.

— Подождите, — сказал Сварог и остановился первым. — Я не говорю, что готов... и не отказываюсь. Это слишком грандиозно, вы понимаете? Я дерьмо, если смотреть широко. Я паршивый офицер из засранного гарнизона. Мне до сих пор кажется порой, что непременно проснусь... Вы уверены, что не ошибаетесь? И моя спина все это выдержит?

— А разве до сих пор вы смиренно сидели в золотом углу, пресыщаясь радостями жизни?



— Меня просто увлекало во все эти дела, как в водоворот.
— Неудачная ассоциация. Водоворот увлекает щепки. Мусор.

— И еще — случайного пловца.

— Борьба добра со злом — не мертвая, нерассуждающая вода. Лорд Сварог, вы искренне полагаете, что до сих пор занимались смешными мелочами? Поймите, от вас не требуют, чтобы вы немедленно вдели ногу в стремя и поскакали во весь опор, потрясая копьём. Просто-напросто вы знаете теперь, что сможете это сделать. Никто больше не сможет, а вы сможете. Древние строки не сулят вам ни легкой жизни, ни счастья, что, впрочем, не означает, будто вас будут постоянно преследовать неудачи и потери... Вы знаете теперь, в чем ваша судьба. И как вы этим знанием распорядитесь — ваше право. В конце концов, вы видели достаточно зла — и с маленькой буквы и с главной.

— Видел, — сказал Сварог. — Вот только добра я что-то видел гораздо меньше. Я не говорю, что его вовсе не существует, но маловато я его видел, откровенно-то говорю...

Ему показалось, что монах улыбнулся во мраке:

— Лорд Сварог, у вас никогда не возникало ощущения, что вы невероятно молоды?

— Здесь у меня такое чувство не единожды возникало, — признался Сварог.

— Ничего удивительного. Вы склонны к максимализму и торопливым обобщениям, как любой юнец, потому что прожили здесь всего два месяца. В определенном смысле это и есть юность. Я не из тех, кто схоластически прячется за цитаты, но есть замечательное высказывание Катберта-Молота: «Тому, кто не свершает добрых дел, глупо сокрушаться об упадке добра». Все в наших руках... Простите, мне пора, — указал он на башню. — Скоро мой черед.

Они распрощались, и Сварог направился к замку, пребывая в полнейшем смятении чувств. Как-то незаметно он свыкся с мыслью, что жизнь ему здесь суждена запутанная и бурная, но не ожидал т а к о г о...

В обширной прихожей он постоял у старинных доспехов неведомого рыцаря, бережно, без единого пятнышка ржавчины сохранявшихся в углу, на дубовой подставке. Это не бутафория, а настоящий доспех, когда-то побывавший в жарком деле — так и сям видны недвусмысленные вмятины.



Не без зависти послушал, как безмятежно и лихо веселятся загулявшие соратники. Дагарас тренькал не в лад, но тетка Чари выводила со всей возможной аффектацией:

А якорь счастья не приносит:
он одинок, его бросают одного;
причалил к суше,
уйдут — и бросят,
а если в море ураган,
уж обязательно бросят его...

Два хмельных баса вкупе с хмельным тенором старательно орали припев:

По всей руке — татуировка:
русалка, шхуна, якорь, сердце и подковка.
Драчливый кортик,
бульдог-фиордик...
Зачем ты, юнга, себе ручонки портишь?

Сварог помнил эту песню по «Божьему любимчику». Он едва не зашел туда отвести душу за чаркой, но вспомнил, что Маре обещали принести микроскоп, и направился наверх.

И встретил Делию. Вот теперь она выглядела настоящей принцессой — открытое короткое платье из тончайшего палевого бархата, украшенное желтыми кружевами, золотистыми лентами, великолепные волосы уложены крупными локонами, в золотых прядях сверкает огромными изумрудами древняя диадема из сокровищницы Вентордерана, подаренная ей Сварогом. Принцесса, чье предназначение в жизни — чаровать, пленять и похищать сердца. Правда, прическа слегка растрепалась, а на открытом плече наливаются розовым след долгого поцелуя, но это лишь прибавляет прелести.

— Граф, отчего вы так серьезны? — Она послала ему лукавый, чуть хмельной взгляд и хотела пройти мимо.

— Потому что думаю о серьезных вещах, — сказал Сварог, довольно невежливо стоя у нее на дороге. Что ж, не встретиться она сейчас, пришлось бы отложить до другого раза, но коли уж так удачно вышло...

— Думаете о завтрашнем дне?

— Не только. Пытаюсь понять, что вы от меня скрываете.



— Я?! Великие небеса, с чего вы решили? — Она нетерпеливо притопнула туфелькой. — Конечно, вы теперь король, но я же дама. Согласно этикету я не могу обходить вас, как столб, вы должны уступить дорогу. Достойно ли это короля — задерживать даму, спешащую к любовнику?

— Бросьте, — сказал Сварог. — Вы не так уж пьяны и трены, как пытаетесь представить... Вы насторожились, я же чувствую...

— Допустим. И что же я, по-вашему, от вас скрываю?

— Я и сам плохо представляю, — сказал Сварог, почувствовав себя довольно глупо. — Знаете, я никудышный маг, да что там, я и не маг вовсе... Но кое-что я все же умею, вдобавок в последнее время стал чутким к умолчаниям и логическим промахам, должно быть, образ жизни, роль загнанного зверя сказываются. Вокруг вас что-то многовато странностей и темных мест. Почему вы, скрываясь в том домике, даже не пытались снестись ни с отцом, ни с друзьями, хотя они у вас есть? Как вышло, что вы видите в темноте не хуже меня? Почему я порой не могу определить с помощью магии, когда вы говорите правду, а когда лжете? Как вам удалось сбить тот вертолет в Хелльстаде? Откуда у вас вдруг взялся пистолет? Когда мы вас нашли, у вас его не было, такого пистолета не было ни у одного из моих людей, мы его не захватывали в стычке, Сезар ничего из оружия не дарил. А после схватки с вертолетами, когда можно было все не спеша обдумать, у меня осталось стойкое убеждение, что вокруг вас, когда вы этот пистолет выхватили, явственно стало холоднее... Что за магией вы владеете? Владеете, не спорьте... Все по отдельности выглядит безобидно, но вместе взятое заставляет ломать голову...

— Над чем? — спросила Делия. — Ну, над чем? Надеюсь, вы не подозреваете меня в служении темным силам? Или в том, что мое бегство из дворца было инсценировкой? Нет? И на том спасибо. В чем же вы хотите меня уличить, что услышать?

— Кто такие Керуани?

— Откуда мне знать?

— Врете, — сказал Сварог убежденно. — Керуани, возможно, больше и не существуют, но что-то схожее осталось. Я чувствую, что тайные общества не сводятся к одной лишь «Черной благодати», что вокруг идут какие-то потаенные игры...

— Вы великолепно, граф. — Делия подошла вплотную и коснулась губами его щеки. Ростом она почти не уступала Сварогу, и на цыпочки ей становиться не пришлось. — Жаль, что



мы не были знакомы раньше, кто знает, как все повернулось бы... Вы отважны и умны, и ум у вас острый... Конечно, я бесконечно благодарна вам, вы спасли мне жизнь... Но скажите честно, для чего вам чужие тайны? Ради того, чтобы испытать удовольствие от решения загадки? И только? Коли уж вы поняли, что существуют некие секреты, должны бы сделать следующий шаг: понять, что речь идет о крайне серьезных вещах. Секреты, которые не раскрывают даже в благодарность за спасение жизни, потому что они не являются чьей-то единоличной собственностью... Вам никогда не приходило в голову, что в иных делах вам все еще не доверяют до конца? Не оттого, что питают недоверие к вам лично, а потому, что вы — частица недалекой мощи, диктующей всем остальным свою примитивную волю? Неполноценной в обоих смыслах — и близкой, и глуповатой... Вы — лучшая частичка. И все же не принадлежите всецело этому миру...

— Простите, — сказал Сварог, уставясь в пол. — Совершенно не следовало затевать этого разговора. Нужно было подумать сначала, и крепко...

— Не думайте, что я настроена к вам враждебно хоть в малейшей степени, — Делия положила ему руку на грудь. — Как-никак я уже доверила вам свою жизнь. И доверю вновь, если придется. И буду драться бок о бок с вами, когда понадобится. Но сейчас вы требуете того, чем я одна распоряжаться не вправе. И Леверлин тоже. Хотите достаточно веский аргумент? Вы слишком неопытны в нашем мире, очень уж недолго здесь пробыли...

— Откуда вы знаете?

— На облаках прочла, — улыбнулась Делия.

— То самое, присущее Керуани умение?

— Ой... Просто пословица. Видите, вы даже простых пословиц не знаете. Не сердитесь. Когда-нибудь мы с вами обязательно поговорим о многих увлекательных, страшных и загадочных вещах. Мое слово. Не сердитесь?

Сварог молча поцеловал ей руку, стоял и смотрел, как она уходит по коридору грациозной летящей походкой. Печально вздохнул и отправился к себе.

Мара сидела за микроскопом, левой рукой пинцетом придерживая на предметном стекле нечто неразличимое, крохотное. Время от времени отрывалась, быстро писала несколько строк и вновь принималась к окуляру. Сварог тихонько сел в углу и принялся наблюдать.



— Сейчас, немного осталось, — сказала Мара, не отвлекаясь и не оборачиваясь. — Увлекательное чтение, весьма. Наши крохотные друзья достигли высот дипломатии, изощряются и виляют... Переполох, когда мы вернемся, будет нешуточный. Подданные твои, скажу я тебе, народец своеобразный...

— Почему мои?

— Ну, не мои же. Кто из нас король Хелльстада? — Она размашисто черкнула еще несколько строк, встала и блаженно потянулась. — Все. Прочитай и оцени по достоинству.

«Ваше Императорское Величество!

К вам обращаются люди, с традиционно-юридической точкой зрения, вполне вероятно, и не являющиеся вашими подданными, но безусловно признающие ваш титул, престол и сюзеренитет. Пребывая в вынужденном затворничестве около пяти тысяч лет, мы в последнее время благодаря достижениям нашей науки и техники получили возможность навещать большой мир и получать довольно точную и подробную информацию о его делах, в том числе и о начале вашего правления — каковое, мы надеемся, будет долгим и славным. К сожалению, по ряду серьезных причин короли Токеранга (как именуется наша страна) были лишены возможности засвидетельствовать вам свое почтение. К числу таковых причин следует отнести и отсутствие на территории Хелльстада, под поверхностью коего располагается Токеранг, имперского наместника, равно как и любых других чиновников вашей администрации.

Дабы не осталось недомолвок, должны предупредить сразу: это письмо — плод размышлений группы довольно высокопоставленных лиц, занимающих ключевые или близкие к ключевым посты в вооруженных силах, полиции и гражданских учреждениях. Группа эта не представляет ни короля, ни правительство, не знающих о ее существовании. Возможно, вы посчитаете нас простыми заговорщиками. Чтобы снять с себя столь неприглядный ярлык, спешим объяснить причины, побудившие нас выбрать именно такой образ действий. Во-первых, правящий ныне король не является вашим вассалом — следовательно, и мы, совершая противоречащие законам Токеранга действия, тем не менее не предстаем нарушителями имперских законов. Во-вторых, как ни печально это сообщать, но король и его брат-наследник преисполнены самой откровенной и прискорбной гордыни и спеси, публично заявляя, будто не ви-



дят причин и поводов становиться вашими вассалами, оправдывая свою дерзость тем, что за последние тысячелетия еще не имели случая убедиться в способности вашей администрации осуществлять должный контроль над нашими землями (равно и землями, под которыми мы находимся). Обладание ракетно-ядерным и иным, не менее эффективным оружием, увы, позволяет королю и далее упорствовать в своих заблуждениях.

Мы, группа прогрессивно мыслящих руководителей, полагаем, однако, что следовало бы радикально покончить с таким положением дел, таящим в себе зерно возможных конфликтов и недоразумений. Ведущиеся в настоящее время научно-исследовательские работы по возвращению нам (и всему созданному нашими руками) нормальных масштабов, повторяющих масштабы большого мира, внушают опасения, что успешное их завершение еще более распалит гордыню нашего короля и приведет к непредсказуемым последствиям. (Заметим сразу, что мы, как и вы, потомки прежних обитателей Талера, в результате катастрофы, именуемой Штормом, пришедшие в нынешнее состояние сверхкарликов.) Взвесив все, мы взяли на себя смелость предложить вашему величеству свои услуги и сотрудничество ради урегулирования столь сложной и деликатной ситуации. Отстранение от власти короля и высокопоставленных сторонников конфронтации мы могли бы взять на себя, проведя это быстро и бескровно. Со своей стороны, администрация вашего величества могла бы оказать нам помощь в завершении проекта „Нормальный масштаб“, что ускорило бы превращение Токеранга в вассальное королевство Империи Четырех Миров. Разумеется, столь сложные вопросы требуют долгих консультаций и вдумчивого обсуждения. Однако смеем напомнить, что Токеранг по своему научно-техническому развитию неизмеримо превосходит многих ваших вассалов, и потому взаимопонимание можно будет отыскать не в пример легче.

В знак того, что данное послание благополучно достигло адресата, просим с наступлением темноты зажигать над воротами резиденций ваших наместников в государствах Харума четырехгранные фонари с двумя синими противостоящими сторонами, одной красной и одной желтой. Узнав, что наша петиция получена, мы найдем способ незамедлительно связаться с вами с более конкретными предложениями.

От имени общества „Друзья Империи“:

Регонт Вистар, Адмирал Трех Львов, начальник штаба подводного флота.



Альконтер Лог Дерег, генерал-гранд, начальник столичного округа Крылатых Мечей (военная полиция).

Даргарт Чендери, коронный министр научно-технического обеспечения Проекта „Нормальный масштаб“.

Клорена, Токеранг.

4896 г. Каменного Неба (3716 г. Х.Э.)»

— Действительно, весьма дипломатично составлен, — сказал Сварог. — Эти ребятки не прочь свергнуть своего короля, но торгуются отчаянно — мягко намекают, что увешаны серьезным оружием по самые уши, а в Хелльстаде их ни за что не достать и оттого лучше пойти с ними на мировую — с предоставлением особых привилегий, понятно... Что ж, просидевши неуязвимым пять тысяч лет, можно преисполниться гордыни... — Он взглянул на Мару и ухмыльнулся во весь рот. — А слабое место у них есть, как не быть... Если бы этот их проект «Нормальный масштаб» был близок к успеху, держались бы иначе.

— Наверняка держат в рукаве что-то еще, — сказала Мара. — Они же непременно должны подстраховаться, чтобы их не надули, на том и стоит политика...

— Ракетно-ядерное оружие — сама по себе угроза серьезная.

— Но они же крошки? А ядерная бомба — большая?

Сварог взял из вазы персик:

— Бомбочки такого размера достаточно, чтобы снести половину Равены. Если только у них есть плутоний. Похоже, я прав был насчет субмарин... — Он помрачнел. — Фонари над воротами резиденций наместников. Фонари. Над воротами.

— Ну и что? Сигнал как сигнал.

— Попробуй мысленно представить все резиденции и определить, видно ли их с Итела, — сказал Сварог. — Я бывал только в харланской и видел ронерскую. А ты говорила как-то, что знакома со всеми столицами.

— По фильмам, макетам. А в Акобаре и Сноле бывала.

— Вот и думай, — сказал Сварог. — Даю вводную. Ты на подводной лодке, способной поднять перископ высотой не выше локтя. Какую из резиденций наместника ты сможешь увидеть с реки?

И еще раз перечитал подобострастно-нагловатую петицию. Минут через пять Мара пожала плечами:



— Черт, да ни одна резиденция не видна, дома заслоняют... — И вдруг нахмурилась. — Во-от оно что...

— Догадалась? — сказал Сварог. — Или у них есть агенты нормального роста, или они сами устроили наблюдательные пункты. Во всех столицах. Наблюдательные пункты, явки, конспиративные квартиры, резидентуры. А это означает — тайные базы подводных лодок, склады горючего, если лодки не атомные, ремонтные мастерские, переброска персонала. Притом радиосвязью пользоваться нельзя, засекут немедленно. И ведь они не могут не понимать, что мы натолкнемся на эту мысль, об укрытиях. Значит, спрятались надежно. Представляешь размах? Нет, без помощи обычных людей такой паутины не создашь, а я по всегдашней привычке готовиться к худшему склонен допускать, что есть и паутина, и бомбы... Готовь дырочку для ордена, прелесть моя синеглазая. Представляешь, что мы открыли? — и тут же поскуцнел: — Но чтобы обезопасить их, придется поработать...

— Глупости, — отмахнулась Мара, во всем блеске юной самонадеянности. — Все равно они — лилипутики, хоть и вооруженные до зубов. За нами, мой повелитель, — Империя. Не видел ты бортового залпа крейсера... Мы их наловим, посадим на стол, и будут маршировать перед игрушечным замком, как миленькие. — Она деланно зевнула, лукаво косясь на него, стянула камзол, заложила руки за голову и медленно потянулась, повернувшись к Сварогу в профиль. — Словом, я пошла в ванную. Монахи не обидятся, если мы здесь немного напроказим...

И направилась в ванную, сбрасывая по дороге одежду. Сварог смотрел ей вслед чуточку отрешенно. Он тоже верил в мощь Империи, но крохотные воинственные создания могли причинить неизмеримо больше вреда, чем полагала девчонка. Для Мары земля виделась не более чем полигоном, населенным объектами, которых следовало, смотря по вводной, то охранять, то убивать, то игнорировать, если они вели себя мирно, но Сварог, так уж выпало, провел на земле гораздо больше времени, чем за облаками, у него здесь хватало друзей, и поневоле ловишь себя на непреклонном желании защищать эту землю...





ПРИМИТИВНОЕ ИСКУССТВО ПОБЕДЫ

...Если кто-то станет уверять вас, будто путешествие на ковре-самолете — приятная и романтическая прогулка, значит, сам он никогда на этой штуке не летел, и вы можете со спокойной совестью послать его подальше, как препустого теоретика.

Ковер жесткий, как доска. Сидеть на нем неудобно — особенно если хочешь смотреть вниз. Приходится, скорчившись в нелепой позе и вцепившись одной рукой в широкую петлю, пришитую неподалеку от края, вытягивать шею. Стоит увеличить скорость — и тугой ветер бьет в лицо, хоть ты и нахлобучил поглубже шлем, а нижнюю часть лица замотал шарфом, глаза все равно слезятся, потому что нет в обиходе заклинаний, способных усмирить встречный ветер. Ведь ветра этого не существует как естественного перемещения воздушных масс, он возникает лишь при быстром движении, и магической управы на него нет. И сам ковер выглядит довольно уныло, ветхий, потертый, кое-где под ногами зияют прорехи размером с ладонь, узоры едва различимы, торчат оборванные нити.

Брат Тивадар, заметив, должно быть, его разочарованные взгляды, пожал плечами:

— Чем богаты... Все давно забыли, как их делать, да и запрещено. Когда они вконец обветшают, новых уже не раздобудешь.

Они с Делией и Марой сидели на ковре-флагмане. Следом, далеко рассыпавшись цепью, шли еще три с остальными спод-



вижниками Сварога и тремя монахами. Различить сподвижников и монахов было легко — первые целиком упряты в серебряные кольчуги из мельчайших колечек, а вторые — в своих повседневных коричневых рясах (правда, подшитых кусками серебряной сетки так, чтобы не стесняли движений) и серебряных шлемах. Один Сварог щеголял лишь в кирасе и рокантоне, самых обычных, — и это его чуть смущало, словно он выпендривался. Но что поделать, если обитателям здешних мест он не по зубам?

Они летели невысоко, урдах на ста. Глаза Сатаны вовсе не кишели кишмя, как поначалу думалось Сварогу, — плавали над землей в одиночку и кучками на приличном расстоянии друг от друга, их насчитывались тысячи, но уж никак не мириады. Правда, чем дальше диковинная эскадрилья углублялась в покинутые человеком земли, тем больше шаров, обратив к ним немигающие глаза, сопровождали неотступно, сбиваясь в табун.

— Пока что — никакой опасности, — сказал брат Тивадар. — Они нас давно знают, учены... Но у Ворот может начаться драка. В последнее время тут появились твари, ничуть не страшнее серебра. Их мало, но мирно с ними не разойдешься...

— Вроде этого? — Делия спокойно показала влево. Оттуда, медленно взмахивая черными крыльями, налетало чудище — крылья странных очертаний, вроде лезвий лабриса, круглая морда с тремя желтыми глазами и впечатляющим набором клыков, две длинные когтистые лапы, берущие начало меж шей и кромкой крыльев, сжимают что-то длинное, бугристое, черное...

— Оно, — сказал брат Тивадар. — Опустите забрала, — и первым опустил на лицо серебряную маску с узкими прорезями для глаз. — Сейчас оно выстрелит и сбежит...

Вз-з-зиууу! Ливень черных шариков обрушился на людей, шарики рикошетили и от Сварога, и от серебряных доспехов. Отшвырнув свою пушку, чудище в изящном развороте спикировало на ковер, выставив перед собой когтистые лапы.

И смялось, словно газетный лист под ударом вихря, черным комом провалилось вниз. Мара опустила разряженный арбалет, обернулась к ним, подняла забрало:

— Вы вроде бы говорили, святой брат, что оно выстрелит и удержит?

— До сих пор они именно так и поступали... Неужели чуют что-то? Осмотрите ковер! Тщательно!



Совсем рядом с сапогом Сварога набухал черный клубок, выпуская во все стороны тонюсенькие черные щупальца, намертво вцеплявшиеся в ковер, змеившиеся, испускавшие густой дым... Сварог растерянно уставился на него, не зная, что следует предпринять. Оттолкнув его, брат Тивадар молниеносно очертил вокруг шара круг кинжалом, звонко распарывая ветхий ковер, — и шар улетел вниз, оставив в ковре дыру, куда можно просунуть и голову, если только возникнет такое дурацкое желание. В дыре виднелись скользившие над землей Глаза Сатаны.

— Вот так, случилось, мы и теряли людей, — сказал брат Тивадар.

— Это, стало быть, не животное? — спросил Сварог. — Вполне осмысленно стреляло?

— Да какая разница? — Глаза монаха были холодными и яростными. — Чем больше разума у создания, служащего злу, тем быстрее его следует убить...

Он вынул из кошелья на поясе горсточку крохотных серебряных стрел и прямо сквозь проделанную шаром дыру сыпанул их вниз. Сварог дважды видел, как гибнут Глаза Сатаны, и сейчас произошло то же самое — столбы густого черного дыма, пронизанные ядовито-зелеными вспышками, многоголосый отвратительный вой... Оставшиеся, разомкнув строй, по-прежнему сопровождали ковер.

— Раньше они всегда убегали после такого, — сказал монах. — Нет, положительно чуют. Готовьтесь к доброму бою, сердце подсказывает...

Далеко впереди, справа, полыхнула ослепительная зарница, окрасив полнеба чистейшим изумрудным свечением. Миг спустя в том же месте разлилось алое свечение, быстро принявшее форму правильного исполинского круга, — лишь нижний его краешек был срезан мгlistым горизонтом с зубчатой полосочкой леса. Круг вновь позеленел, подернулся беспорядочной паутиной алых ветвистых зигзагов. Сварог обернулся к брату Тивадару, но монах и сам смотрел туда в крайнем изумлении. Вспышки зеленого и алого накладывались друг на друга, словно в рехнувшемся калейдоскопе, так что глаза едва ли не перестали различать цвета этой беззвучной какофонии. Что бы это ни было, оно не перемещалось, полыхая исполинскими вспышками, к которым прибавились и фиолетовые, столь же яркие, спектрально-чистые, а там и паутина стала черной...



Загадочное диво осталось позади, ковры вновь летели в пустом небе, сопровождаемые растущей сворой Глаз Са-таны.

Драккары появились сзади, пересекая их курс наискосок. Сгоряча Сварог принял их за очередных обитателей чертова логова, но тут же опознал боевые машины Серебряной Бригады, напоминавшие изящные, острые наконечники копий. Три драккара пронеслись мимо, как пули, сбросили скорость и вернулись на коротком развороте, медленно прошли слева. Передний выглядел жутко — будто огромная могучая кувалда с размаху врзала в борт, оставив глубокую впадину на половину длины машины, окруженную лучиками разломов и трещин. Но драккар уверенно держался в воздухе впереди ведомых, и за прогнувшимся внутрь боковым стеклом Сварог различил взмах руки, способный сойти и за приветствие, чью-то оскалившуюся в застывшей улыбке незнакомую физиономию. Описав круг вокруг них, драккары рванули вперед тем же курсом и моментально исчезли из виду.

— Не спрашивайте, — сказал Сварог торопливо. — Сам ничего не пойму.

— Здесь нет силы, способной нанести такие повреждения...

— Значит, теперь есть, — выговорил Сварог сквозь зубы.

Ковер плавно пошел вниз по отлогой кривой. Монах, вцепившись одной рукой в петлю, свободной опустил маску. «Начинается», — подумал Сварог, вытаскивая из-за пояса Доран-ан-Тег.

И увидел Чашобу.

Одинокие деревья, словно выскочившие вперед из боевых порядков нетерпеливые застрельщики-егеря, росли на равнине там и сям — кучки зеленых, коленчатых, серпо-образных стеблей высотой с колокольню, скользких на вид. И толстые, покрытые фиолетово-синей чешуей загогулины, торчащие из земли, словно вставшие на хвост жирные кобры — эти уступали ростом человеку. Бурые чаши размером с ведро, на нескольких коротеньких стебельках, усыпанные по кромке мутно-белесыми пульсирующими бусинками, желтоватые волокнистые мотки спутанных волокон — повыше стога сена. И еще какие-то окрашенные в унылые оттенки серого и темно-синего полосы, осьминожьими щупальцами расходящиеся от рыхлых на вид бурых клубней. Черные кусты — сплошное переплетение шипов, прямых и изогнутых.

А впереди вздымалась сплошная стена, где все это сливалось воедино, переплетение немислимых лиан, корявых веток,



уродливых цветов, колючек, мешанина блеклых красок, гротескных изгибов — джунгли, настолько чуждые и отвратительные, что тошнота подступала к горлу.

— Где вимана? — спросил Сварог.

— Там, — брат Тивадар показал в чашу. — Рядом с Воротами. Это от Ворот все распространяется...

Мара показала в сторону — там, разметавшись и оскалась, лежала черная трехглазая тварь. И еще одна, и еще. Множество. Когти сжаты в последней судороге, крылья зияют прорехами, земля залепана зелеными густыми потеками. Шагнув вперед, Сварог носком сапога отбросил крыло и увидел изящную серебряную стрелу, до половины ушедшую в землю. Похоже, Серебряная Бригада все-таки внесла свой скромный вклад — хотя этот вариант ни на каких совещаниях не проигрывался...

Он оглядел свое воинство — неузнаваемые под серебряными масками, напряженно застывшие фигуры в серебряных кольчугах и коричневых рясах. Только Мару можно опознать по росту да Делию — по выбившимся из-под шлема золотым прядям. Пожалуй, вот тот, на голову выше остальных, — это Бони, сменивший пулемет на сверкающую секиру. Итак, дошли все же. И никаких сложностей впереди, никаких интриг, возни разведок и тягостных ночей. И нет ни знаменосцев, ни трубачей.

Вокруг, на значительном расстоянии, уже сомкнулось кольцо — сотни глаз уставились с холодным бешенством, что-то потрескивает с противным электрическим шипением, сыплются фиолетовые искры, но все это — вдали, последние потуги, бесплодные попытки остановить...

Вой и шипенье раздалось в чащобе. И тогда Сварог пошел вперед, как кабан сквозь камыши, прорубая дорогу, стараясь не поддаваться азарту, размеренно махая топором. Не в первый уж раз казалось, что Доран-ан-Тег, подобно живому существу, сам по себе наносит удары расчетливо и скупно, став легким, подвижным, живым. Спутанные клубки отсеченных веток рушились на голову, брызгая соком, Сварог уклонялся, отталкивая плечами и локтями эту дрянь, орошавшую вонючей липкой жидкостью. Выдирали ноги из гибких петель, стелющихся над землей, рокантон давно слетел, в волосах застряло что-то колючее и склизкое, рушились зеленые стволы, застревая в путанице лиан, косо повисая. То и дело навстречу выныривали оскаленные рожи, цепкие лапы тянулись к горлу, хватали за



руки, он уклонялся, не различая облика нападавших, наносил удары без размаха, рыча:

— Всем вместе! Не разбредаться!

Сосредоточился на одном — ударить первым, снести преграду, не зацепить своих. Успевал порой бросить взгляд вокруг — все живы вроде бы, все на ногах, валят вперед сомкнутой кучкой, слышится резкое хаканье — это удар попадает в цель — звенит, сталкиваясь ненароком, сталь, из глоток рвутся ругательства, короткие, чтобы хватило дыхания матюгнуться на одном выдохе. Сварог ухитрился еще прикрывать Делию, насколько удавалось, — а с другой стороны шел брат Тивадар с двуручным мечом.

Они продвигались медленно, потеряв всякое ощущение времени, не стало ни мыслей, ни чувств — одно первобытное упорство и тщательно отмеренная ярость. Шли вперед посреди воя, оханья, визга, фонтанов мутно-скользкого древесного сока, зеленой крови, чужого ужаса и злобы — будто века минули и нет другого мира, нет ничего, одна омерзительная сеча, взлетающие что ни миг мечи и топоры, сносившие живое и неживое...

Тупо уставясь на возникшее среди лиан невиданное явление, Сварог с рычаньем прыгнул вперед, опомнился не без труда, вновь стал человеком, вернувшись от начала времен, где рвало друг друга зверье, — но в голове еще долго плескались сладкие волны хмельного остервенения.

Он едва не напал с топором на виману. Она возвышалась перед ним — огромная, трехэтажная, зеркально-черная, напоминавшая безликие коробки Магистериума. Нечто вроде сине-багрового плюща оплетало стены, свешивалось прядями с плоской крыши, полукрыв квадратные окна, высокую дверь над тремя полукруглыми ступенями — и дверь была чуть приоткрыта. Шагая к ней деревянной походкой робота, Сварог пытался пробудить в себе хотя бы тень торжества, но понимал, что не сможет. Дорога к заветной цели отнимает все чувства и переживания — на то она и дорога.

Дверь распахнулась легко. Внутри чужая растительность отчего-то не проникла, все здесь было чистым, блестящим и раздражающе ярким, как сто двадцать лет назад: синий ковер под ногами, мозаичные стены теплых, желто-оранжевых тонов, золотистые мягкие кресла.



В одном сидел скелет, откинувшись на косую спинку, вытянув руки вдоль широких пушистых подлокотников. Сварог подошел поближе, немилосердно пачкая ковер вонючими следами. Скелет без малейших повреждений, раскинувшийся в спокойной позе решившего вздремнуть человека. Ни одна косточка не сдвинута.

Брат Тивадар аккуратно притворил за собой дверь, и этот будничный жест, легкий стук, казалось, разбудили неведомые силы. Скелет дернулся, пытаясь встать. Не рассуждая, не сообразив отшатнуться, Сварог толкнул его обухом топора — кости, будто только и ждавшие этого сигнала, осыпались кучей на кресло и на пол. Никто даже не успел удивиться, предпринять что-то, вскрикнуть. Необычное на этом и закончилось — кости больше не шевелились.

Все уже подняли забрала. Вид у них был самый плачевный — кольчуги зияют прорехами, свисают гроздьями вырванных колечек, доспехи заляпаны жуткой мешаниной древесного сока и крови неизвестных созданий. Вот только лица, кое у кого исполосованные кровавыми царапинами, несмотря на всю усталость, выглядят именно так, как надлежит лицам победителей. И это заставило Сварога вспомнить, что последнего удара они пока что не нанесли.

Снаружи, за окнами, он увидел совсем не те джунгли, сквозь которые они только что прорубались добрую тысячу лет. Там багровело чужое небо с пронзительно-колючим, белоснежно-ледяным солнцем, по буро-желтой равнине протянулись длинные черные тени от непонятных громад — то ли утесов, то ли грубо обтесанных статуй, и в небе проплывали бахромчатые черные лоскутья, чересчур осмысленно двигавшиеся для гонимых ветром листьев или туч. Но эти странности его уже не занимали — пора было кончать работу.

Все объяснения он помнил назубок. Не произнеся ни слова, стал подниматься по широкой лестнице из розового камня. Следом молча шли остальные. Черный скелет, лежавший навзничь на втором этаже, дернулся, зашарил руками, ища опоры. Носком сапога Сварог угодил по черепу, и кости, как в прошлый раз, тут же рассыпались, будто лишившись враз невидимых скреп.

На втором этаже задерживаться нет нужды. Третий. Здесь уже нет роскошных покоев, ковров и малахитовых ваз — огромный зал, наполовину занятый непривычного вида пуль-



тами, черными, синими и белоснежными, и там нет ни кнопок, ни клавиш. Только странные рычаги, смахивающие то на птичьи лапы, то на цветы, то на плавники. И половодье огней всех цветов радуги — вспыхивающие прямо в воздухе акварельно-прозрачные цифры, символы, знаки, полосы, зигзаги, круги с разноцветными секторами, параболы, гиперболы, спирали, огни, огни, огни... На сей раз даже Сварог не мог разобраться во всей этой причудливой мешанине и определить, что работает исправно, а что разрегулировалось за сто двадцать лет.

Три черных скелета в синих креслах шевельнулись при их появлении, подняли руки, касаясь рычагов, — и пляска огней кое-где изменилась резко, а кое-где осталась прежним монотонным чередованием непонятных фигур и знаков. Сварог с застывшим лицом прошагал мимо, ребром ладони сшибая угольно-черные черепа, к светло-синей стене с черной широкой дверью, снабженной золотисто-овальной нашлепкой кодового замка. Казалось, снаружи нарастает тоскливый нелюдской вой, пронизывающий каждый атом воздуха и стен.

Кода Сварог не знал. Никто у Гаудина его не знал — нельзя было запрашивать Магистериум, чтобы там не заподозрили неладного, не поняли, что готовится покушение на одну из их любимых игрушек.

Он оглянулся. Мара, не двигаясь с места, растерянно развела руками.

— Потеряла? — рывкнул он сгоряча, спохватился. — Прости...

Отмычки у нее больше не было. Сделанная в виде небольшого браслета электронная отмычка после пребывания в Хелльстаде превратилась в бесполезный кусок бронзы — как и парочка других приборов, бывших при Маре. Заклятья покойного Фаларена, защищавшие его от вторжения любой техники ларов, действовали исправно и после смерти незадачливого короля — а у Сварога не было тогда времени проникать в эти тонкости...

Он нацелился было топором на то место, где предполагались запоры, но передумал вдруг и поманил Паколета.

Беспутный внук благочестивой бабушки, звеня изорванной кольчугой, сосредоточенно и важно положил ладони на замок. Сварог затаил дыхание. Мелодично звякнуло, прозвучала бесстрастно-бесполая, простенькая электронная мелодия из



трех ног — и двери машинного зала дрогнули, створки разошлись в стороны, скрылись в стенах.

Ничего особенно уж экзотического внутри не оказалось — лес соединяющих стены и потолок толстых белых колонн, усеянных змейками мигающих огоньков и мерцающих знаков. Иные покрыты бледно-золотистой оплеткой, косой решеткой, иные — пушистой пленочкой инея, а две — прозрачны и внутри колышутся, переливаются тяжелые густо-золотые струи. Пульт, к которому они так долго добирались и так яростно стремились, выглядел и вовсе уж скучно: синий грибок на тонкой синей ножке, украшенный золотым контуром человеческой ладони.

Первым положил туда руку Сварог — из желания увидеть, в какую форму будет облечен отказ. Убийственных в прямом смысле слова сюрпризов он не боялся: во-первых, что бы то ни было, метательное на него не подействует, а во-вторых, что весомее, убежден был, что никакой стреляющей защиты нет.

Нерационально было бы снабжать замок чем-то убийным — кто-то из членов экипажа мог оказаться молодым любителем шуток и сунуть туда руку из чистого озорства, что же, убивать его за это?

Грибок засветился венчиком густо-алых огней, откуда-то сверху рывкнула басовитая сирена — коротко и пренебрежительно, словно плюнула смачным матерным словечком. Сварог отступил, кивнул Делии.

Златовласая принцесса, прекрасная даже в мешковатой серебряной кольчуге, изодранной и испачканной, в сбившемся на сторону шлеме с маской, торчавшей козырьком над глазами, с косой, уже подсохшей царапиной на щеке и спутанными грязными локонами, сделала шаг вперед, не выпуская меча. Сварог осторожно высвободил из ее пальцев черную рифленую рукоять и отбросил клинок, не глядя. Царапая подушечки пальцев, сорвал застёжки и стянул с ее руки кольчужную перчатку. Делия протянула руку и, сжав губы, накрыла ладонью золотой контур.

Венчик зеленых огней по кромке грибка. Гриб медленно ушел в пол. Гасли покрывавшие колонны огоньки и знаки, замедлялось кружение золотых струй, они словно бы замерзали, прозрачные колонны становились непроницаемо белыми. Корабль засыпал. Сварог повернулся и зашагал прочь, по-прежнему ничего волнующего не испытывая. Ве-



ликие предприятия всегда кончаются буднично, как осенний дождь.

В зале уже погасли почти все огни и краски. Спускаясь вниз по лестнице, они видели, что за окнами вместо угрюмых картин неизвестного чужого мира появились не менее отвратительные, но здешние как-никак джунгли. Диковинная чашоба умирала на глазах — одни ветки истаивают, как уходящий призрак, другие рассыпаются струйками дыма, гибнут, пропадают, стекают крупными каплями мутной слизи, лес растворяется, как злой мираж, как кошмарный сон, и сквозь него проступают дубы и сосны вдаль, синее небо, облака, солнце, два высоченных камня — пресловутые Ворота. И наваждение сгинуло окончательно, не оставив следа.

Встав у двери, Сварог пропустил всех наружу. Достал из мешочка бабки-гусятницы красную ленту, бросил через левое плечо, произнес все нужные слова, пришедшие бог ведает из какого далека. Потому что в уснувших машинах дремала память, готовая к употреблению в любой момент, — память о мире, откуда приходит Зло, и ее никак не стоило отдавать лихим экспериментаторам из Магистериума, способным походя, из неутолимого научного любопытства, подпалить мир. И экспертам Гаудина тоже не следовало этот трофей отдавать. Гаудин безусловно не одобрил бы — ну и черт с ним...

Выскочил под солнце. Все его люди уже что есть духу бежали прочь, угадав его намерение, сообразив, что он замыслил напоследок какое-то безобразие, — и за ними, как верные псы, скользили над самой землей четыре стареньких, продранных и потертых ковра. Сварог не спеша двинулся следом.

Уардах в пятистах остановились. Пламя захватило все три этажа, вырывалось из распахнутой двери, и вимана казалась стеклянной шкатулкой, налитой бурлящей, клокочущей алой водой. Вимана была чудом научной мысли, и при другом раскладе пламя, даже магическое, наверняка погасили бы хитрые устройства — но они уснули вместе с мозгом корабля, и все, что было внутри, сгорело во сне. Стены и окна выдержали, конечно.

Лишившись пищи, ярое пламя понемногу затухло, но дым долго еще валил, выбиваясь тугими клубами сквозь единственный отыскавшийся выход.

— Сообразили, черти? — устало спросил Сварог. — Утекли?



Мара ухмыльнулась:

— Ну, когда ты остался, стало ясно, что следует ждать эффектной концовки...

Монахи стояли на коленях посреди жухлой зимней травы, подняв к небу грязные, исцарапанные лица. В приливе блаженной усталости Сварог сказал про себя, сам толком не представляя, к кому обращается: «Видишь? Мы это сделали, и сделали хорошо. На нас все-таки можно полагаться...»

В небе снова возникли три драккара, подлетели на дикой скорости, мгновенно замерли в воздухе, пренебрегая законами инерции и тяготения, плавно опустились на землю. Ближе всех к Сварогу оказался тот, изуродованный. Вблизи он выглядел вовсе уж страшно — весь левый бок в лохмотьях рваной, вздыбленной серебряной обшивки, покрыт глубокими воронками, разрывами, вмятинами.

Справа мягко щелкнула дверца. Вылез офицер и, с небрежным гвардейским изяществом печатая шаг, направился к Сварогу — элегантный, безукоризненный, как теорема Пифагора, лейтенант Серебряной Бригады в черно-сиреневом мундире со множеством серебряных шевронов, нашивок и эмблем, с золотыми лавровыми ветками на лацканах и умопомрачительным кортиком у бедра, в зеркально блистающих белых сапогах. На лице — рассеянность и скука, высший шик «охотников за демонами». Словно и не его машина выдержала страшную схватку.

— Граф Гэйр? — Он небрежно-лихо отдал честь, глядя только на Сварога, не удостоив остальных и мимолетного взгляда. — Маркиз Оклер, командир крыла. Мои поздравления. Надеюсь, вы не в претензии за то, что мы немного распугали здешних пташек?

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Где это вас угораздило?

— Пустяки, — гвардейский пижон и бровью не повел. — Небольшая стычка. Прошу в драккар. Вас с нетерпением ждут.

Сварог улыбнулся, глядя ему в глаза. Оглянулся на свою притихшую команду и сказал столь же небрежно:

— Благодарю. Я в состоянии добраться сам. Видите ли, у меня не все дела здесь закончены...



ПОЛУДЕННЫЙ ОГОНЬ

Город походил на пышный праздничный букет, собранный любовно и тщательно.

С балконов и с подоконников свисали гербовые полотнища с золотой бахромой — где новенькие, где ветераны, помнившие не одно торжественное шествие и не один коронный праздник. Сине-черные штандарты и деревянные позолоченные короны красовались в строжайше утвержденных Департаментом Церемоний местах (поскольку дело государственное и любая самодетельность тут неуместна). Но в память о старинных вольностях гербового города его жителей следовало побаловать и иллюзией сопричастности к принимаемым в верхах решениям. А потому не возбранялось вносить свой вклад в декорум. И от окон протянулись чуть ли не до земли полосы разноцветных тканей, смотря по богатству домохозяев — от дорогущего узорчатого абердарского далматина в невиданных цветах и сложных орнаментах до матово-синего бархата с Катайр Крофинд. Кое-кто по простоте душевной вывесил праздничные скатерти, расшитые и украшенные по кромке шлифованными полудрагоценными камнями. Пестрели гильдейские знамена, даже за гулом толпы слышно было, как в близлежащих храмах трезвонят колокола, звенят гонги и птелосы. Время от времени с Ите-ла долетал тяжелый гром пушек — стоявшие на реке корабли палили бортами, и слева, над крышами, висели клубы дыма.

Крыши были усеяны людьми, как подсолнух — семечками. По старому обычаю, во время таких шествий зевакам разре-



шалось взбираться даже на памятники, и бронзовый король Арленг, первый Барг, восседал на могучем бронзовом жеребце в компании доброго десятка студентов Ремиденума — самый отчаянный вскарабкался его величеству на плечи и устроился удобнейшим образом, свесив ноги по обе стороны вошедшей в легенды королевской бороды.

Вдоль улиц рядами стояла гвардия, блиставшая ради такого случая не просто парадными мундирами, а мундирами коронного парада, шившимися за свой счет и украшавшимися драгоценными камнями на пределе возможностей каждого гвардионца (а поскольку brave вояки располагались спиной к толпе, среди которой замешалось немало темного народа, промышлявшего делами несправедливыми даже в столь торжественные дни, иным камешкам суждено было поменять хозяев еще до проезда кортежа).

Виновница торжества возглавляла процессию — в костюме вишневого бархата, в сиянии фамильных самоцветов, в короне и синем геральдическом плаще, расшитом золотыми лилиями. Сварог, ехавший слева и чуть позади, поглядывал на ее гордое, отрешенно-надменное личико и развлечения ради вспоминал совсем другой — то перемазанной углем на мостике «Принцессы», то собиравшей хворост для костра. И мечтал, чтобы все это побыстрее кончилось — знал, что в пурпурной мантии и серебряной короне привлекает внимание не только в качестве brave сподвижника в одночасье прославившейся на всю планету принцессы. Нравы здесь были бесхитростные, и народ попроще откровенно тыкал в него пальцами, дивясь и перешептываясь с восхищенным ужасом (можно представить, какие ходили слухи и как горячечно работала фантазия). Один раз на узкой Жемчужной, когда ликующие «поселяне и слуги» оказались вплотную к процессии, до Сварога уже долетело из толпы чье-то заполошное оханье: «Горный дух...» — и ответная реплика: «Сам ты, куманек, горный дух, уж прости на грубом слове. И вовсе это Змеиный Король, старики-то знают. И хвост у него змеиный, только под мантией не видно, подобрал, чтоб народ не пугать выше меры...» После чего Сварог явственно слышал фыркание в рядах Странной Компании — но все лица, стоило ему обернуться, оказались серьезными и важными.

Это был единственный раз, когда его орлы поддались легкой мыслию. Новоявленные дворяне блаженствовали в лучах славы — вполне заслуженной, черт возьми. Однако самому Сварогу ничего так не хотелось, как оказаться наконец в королевском



дворце. Где нипочем не избежать новых торжественных церемоний и обильных наград, которые из дипломатии и согласно правилам хорошего тона придется принимать, но любопытных глаз, по крайней мере, будет в тысячу раз меньше. Он мысленно прикинул: еще и не выехали на Адмиральскую, а ведь по ней придется проехать из конца в конец (лиги три, не меньше) в роли обезьянки шарманщика...

Делия обернулась, позвала его взглядом. Он подъехал, откровенно завидуя невозмутимости принцессы, державшейся столь свободно, словно и не на них глазела вся Равена от мала до велика, словно толпы вокруг и не было.

— Теперь вы, конечно, нас покинете?

— Не сразу, — сказал Сварог. — Кое-кто обещал поговорить со мной откровенно...

— Обещания я держу... Вас ждет там, наверху, что-то вроде отчета?

— Увы, — сказал Сварог. — Придется.

— Но вы же теперь — король. И не простой король. Нет нужды давать кому-то отчет. С Хелльстадом за спиной вы получили независимость, не снившуюся ни одному здешнему монарху... — Она грустно улыбнулась. — И вызовете к себе ненависть, какой не устаивался ни один земной монарх...

— Догадываюсь, — сказал Сварог. — Это-то меня и тревожит, честно говоря.

— Странно, но со всеми вами мне было безопаснее, чем во дворце... Подвиги кончаются уныло, не правда ли?

— Еще бы, — сказал Сварог. — Потому что не кончаются, подобно сказкам, и жизнь продолжается... Не грустите. Вы — опять вы. А мои орлы, кроме Мары, остаются с вами. Только не торопитесь делать их герцогами и генералами. Они хорошие люди, и мне не хотелось бы, чтобы у них закружилась голова...

— Знаете, у меня тягостно на душе, — сказала она. — Мы ведь привезли в Равену войну.

— Как так?

— Вы до сих пор не поняли? Мало провозгласить три королевства ронерским владением. Нужно еще их удержать. Не рассчитываете же вы, что наши близкие и дальние душевные соседи столь восхитятся славным подвигом, что из рыцарского благородства даже не попытаются урвать себе кусочек столь сладкого пирога? Рудники, порты, пашни, леса... Это война. Тяжелая и долгая. Все против всех. Когда-то давно так было и с Островами, до окончательного их раздела войны



шли около восьмидесяти лет, да и потом не сразу успокоилось...

— Верно, — хмуро сказал Сварог. — Я об этой стороне дела совершенно не думал. Казалось, самое главное — дойти... Простите за избитую фразу, но вы всегда можете на меня рассчитывать. Я плохо представляю, что лежит по закромам в моем странном королевстве, но подозреваю, там отыщутся весьма веские аргументы.

— И если вы их пустите в ход, выступая на нашей стороне, восстановите против себя императорский двор... Знаете, каким был бы идеальный выход? Вам следовало провозгласить эти земли своими.

— Но...

— Вот у вас, у короля Хелльстада, их поостерегутся отнимать, — серьезно сказала Делия. — Конечно, мне хотелось бы раздвинуть пределы Ронеро до полночных берегов... но на деле, боюсь, получится не новая великая держава, а истощенная войной до предела нынешняя. Право же, я предлагаю не столь уж нелепый выход.

— Вы умница, — сказал Сварог. — Я для вас горы сверну, только позовите. Но принять ваше предложение — означало бы ограбить вас самым примитивным образом.

— Почему же, если я согласна, чтобы меня ограбили? — Она засмеялась. — Думаете, мне не жалко? Не хочется остаться в Хрониках с почетным титулом Делии Собирательницы Земель? Нет, я все обдумала. Мы можем получить долгую, страшную войну, и лучше ее избежать.

— А что скажет ваш отец? Пока что он на троне. Вряд ли он захочет...

— Пожалуй, в нынешней ситуации следует скорее прислушиваться к тому, чего хочу я, — синие глаза потемнели в приливе семейного, упрямого гнева Баргов. — После того, как со мной обошлись в собственном дворце. Отца я беру на себя.

— Но у меня же нет подданных, черт побери, — сказал Сварог, все еще пытаясь свести все к шутке. — Хорошо я буду в этой мантии посреди безлюдных земель, усыпанных опустевшими городами и заброшенными замками... Я вам не рассказывал притчу о маленьком зеленом крокодилчике?

— Подданных у вас быстро отыщется превеликое множество. Младшие сыновья, безземельные крестьяне, потомки беглецов из трех королевств, избыток гильдейских отпрысков...

— Неужели вы так хорошо успели все обдумать?



Делия лукаво покосилась на него:

— Дорогой граф, мы с Леверлином посвящали время не одним лишь легкомысленным забавам — хотя, каюсь, наши чинные дискуссии о будущем государственном устройстве трех королевств не раз прерывались в самых серьезных местах...

Догнавший их камергер, не человек, а живая подставка для ходячей вывески бриллиантов, умоляюще взглянул на принцессу:

— Ваше высочество, помашите рукой народу, вы совершенно не обращаете внимания на ликующих подданных... — и опасливо покосился на Сварога: — Простите, ваше величество, что дерзнул прервать вашу беседу, но со стороны ее высочества были бы как нельзя более уместны изъявления милостивого расположения...

И придержал коня, давая им проехать вперед. Сварог воспользовался случаем:

— Помашите народу, принцесса, мы поговорим позже...

И натянул поводья. Кorteж как раз свернул на узенькую Волчью, откуда предстояло выехать на Адмиральскую. Трубачи и герольды, ехавшие впереди вроссыпь, торопливо перестраивались в колонну по трое, окаймлявшие процессию ликторы оказались совсем близко к Делии, и Сварогу легко удалось отстать. Он медленно ехал, едва не задевая полами мантии вытянувшихся в струнку гвардейцев, взиравших на него во все глаза — без присущего суеверному простонародью страха, потому что бравым усачам не полагалось бояться и самого дьявола, не говоря уж о странном змеином короле, сиречь горном тролле. Улица была тесная, как зауженный недотепистым портным кафтан, тротуар чуть ли не в ладонь шириной, и зрители разместились главным образом на подоконниках, бесстрашно свесив ноги и цепляясь друг за друга: но что поделаешь, если в незапамятные времена Волчья наряду с более презентабельными проспектами удостоилась нешуточной Привилегии «улицы королевских corteжей и коронных шествий». То ли отважный бочар спас здесь короля от страшного волка, то ли отважный король — бочара. В точности неизвестно. Но эта тройца — король, бочар и волк — присутствовала во всех вариантах преданий.

Гвардейцы стояли не локоть к локтю — на уставном расстоянии, именуемом «длина мушкета». И в промежуток меж двумя черными пикинерами вдруг прошмыгнул невесть откуда взявшийся незаметный человек. Бдительный ликтор, тоже вынырнув невесть когда, собрался было наехать на него конем,



но Сварог удержал его жестом: незнакомец не походил ни на убийцу, ни на челобитчика, в глазах у него читалось нечто, заставившее им заинтересоваться.

Человек пошел рядом, уцепившись за стремя. Они молча мерились взглядами, потом незнакомец бесстрастно сказал:

— Лорд Сварог, Князь Тьмы напоминает, что высшая форма его неудовольствия — не вмешиваться в события вообще...

Мысленно прицелившись, Сварог высвободил ногу из широкого золоченого стремени и впечатал каблук в неприметное, брызгливое лицо. Незнакомец спиной вперед улетел в шарахнувшуюся публику. Бешено оглянувшись, Сварог увидел Шедариса совсем рядом, кивнул в ту сторону и сделал понятный для любого Вольного Топора знак.

Капрал в таких случаях не вступал в дискуссии и не терзался сомнениями — молча выполнял приказ. Он круто развернул коня в ту сторону, визгнул выхваченный меч, послышался свист клинка и тупой удар. Не оглядываясь, Сварог ехал дальше. На сердце стало беспокойно.

Вновь ударили корабельные пушки. Над крышами заполошно носились вспугнутые голуби и воробьи. Узкая, кривая Волчья наконец осталась позади, и кортеж выехал на широкую Адмиральскую, словно бы даже затерявшись на ней, как щепотка крупы на тарелке. Здесь вдоль тротуаров стояла шеренгами конная гвардия и гардемарины из школы «Морской ястреб», а публика была почти сплошь благородная, дворяне и сословия, и не теснилась на тротуарах, а вольготно разместилась на высоких подмостках в несколько ярусов. Время от времени поэты с горящими взорами и буйными кудрями принимались декламировать баллады и оды, но их не слышно было за гулом толпы и приветственными криками, ибо благородные вопили не хуже простонародья, каждый точно так же надеялся, что именно на него упадет пусть мимолетный, но милостивый взгляд принцессы. Кто-то пригоршнями швырял с балкона цветы, кто-то рассыпал золото, кто-то по старинной традиции размахивал шестом, увенчанным конской головой и увешанным колокольчиками — отгонял злых духов и призывал на головы виновников торжества благословение Хорса.

Сварог задумчиво посмотрел через плечо. Сразу за Странной Компанией ехал в окружении блестящих офицеров своей эскадры загадочный адмирал Амонд — сухопарый старик с непроницаемым лицом каменного истукана, какие еще встречаются близ дорог в Ямурлаке. На нем был синий мундир с



золотыми адмиральскими касатками (геральдическими, имевшими самое отдаленное сходство с настоящими), для моряка он удивительно непринужденно держался в седле, прямой, как мачта, и столь же мало подверженный эмоциям.

...В Ронеро Сварог решил возвращаться из трех королевств самым коротким путем. Они переплыли залив, высадились на хелльстадском берегу, где их встретил верный Вентордеран, добрались на нем до Итела, а там Сварог в третий раз создал новехонькую «Принцессу», и они двинулись вниз по течению, наняв в Пограничье нескольких кочегаров, не скрывая уже своего настоящего облика.

Конечно, молва их не обгоняла. О происшедшем в Пограничье еще не знали, ибо там не было ни газет, ни телеграфа. Зато в Харлане, остановившись запастись углем, они сами узнали прелюбопытнейшие новости, доставленные всезнающими речниками еще до подхода официальных сообщений.

Все рассказчики, ничуть не расходясь в существенных деталях, повествовали, что король Конгер вкупе с адмиралом Амондом провели какую-то коварнейшую, изощренную интригу, вынудив ронерскую «Черную благодать» выползти на свет божий и раскрыться. Что по всему королевству идет грандиозная облава на куклосы. Что заговорщики пытались подменить принцессу Делию неким созданным с помощью самой черной некромантии оборотнем — не подозревая, что тем самым суют руки в настороженный волчий капкан, обрекая себя на разоблачение и погибель. Что принцесса Делия еще до претворения в жизнь гнусного замысла заговорщиков отправилась в три королевства, дабы сбылось пророчество Таверо, и вот-вот должна появиться во всем блеске триумфа, чтобы упасть в объятия сурового и хитроумного родителя, решившего окончательно и бесповоротно очистить свои владения от черных магов.

Сварога такая трактовка событий ошеломила — как, впрочем, и всех остальных, включая Делию. Справившись с удивлением, в глубине души он посмеивался — дело житейское, не впервые власти в лице короля, давшие поначалу маху, попытались срочно подстроиться к ситуации, обьявив себя всеведущими и с самого начала, извольте ли видеть, прекрасно обо всем знавшими. Зато Делия была вне себя от ярости, вспомнив свои мытарства. И Сварог уже не сомневался, что встреча отца с любящей дочерью пройдет отнюдь не идиллически — если вспомнить, что в жилах обоих течет буйная кровь Баргов, не выдохшаяся ничуть за последнюю тысячу лет. Он попытался



было мягко втолковать расшвирипевшей принцессе, что положение поневоле обязывает венценосцев изящно маскировать крупные промахи, но Делия, сверкая глазами не хуже пантеры, кипела:

— Изошренные интриганы, знавшие все наперед?! Да они ручки целовали этой твари, пока я пряталась в борделе и не знала, буду ли завтра жива!

Потом она немного успокоилась и перестала швыряться матросскими словечками. Однако когда на рассвете на ронерской границе «Принцессу» встретили выстроившиеся поперек реки разукрашенные флагами расцветивания королевские фрегаты, еще издали сотрясавшие берега пушечной пальбой, и на борт к ним поднялся адмирал Амонд, на Делию вновь накатило, и она держалась с адмиралом так, словно он и был виновником всех ее невзгод. Странно, но адмирала это словно бы нисколько не удручало, и Сварог частенько ловил на себе совершенно непонятные взгляды старика — то ли пытливые, то ли насмешливые. И порывался поговорить по душам — но как-то так получалось, что за несколько часов плавания до Равены ни Сварогу, ни Делии не удалось остаться с адмиралом наедине. Вряд ли это было случайностью, офицеры имели четкие инструкции. Можно и не гадать, кого первого постигнет опала, стоит Делии взойти на трон...

Возможно, из-за этой обиды она и держалась столь надменно, гордо воздев голову, ехала впереди, совершенно не обращая внимания на пеструю толпу.

И тут Амонд, чуть подхлестнув рыжего, «солнечного» жеребца, оторвался от своих офицеров, проехал меж теткой Чари и Леверлином. Поравнялся со Сварогом, теперь их кони шли голова в голову. Украдкой покосившись на безмолвного спутника, Сварог подметил, что на круглой тулье лагнилатана, прямо под вычурной золотой бляхой заметна тщательно заделанная кожаной заплаткой круглая дырочка. И спросил не без иронии:

— Заветная шляпа, а?

— Верно, — невозмутимо ответил адмирал. — Картечь. У Инбер Колбты. Моряки — люди суеверные, ваше величество.

— Значит, с вас сняли опалу?

— Я никогда не был в опале, — сказал старик столь же бесстрастно. — Вам приходилось когда-нибудь видеть, как ловят рыбу на свет? На носу лодки разжигают костер, и к нему из ночного мрака плывет рыба. И ее бьют острой... или выхва-



тывают подсачком. Обычно человек, угодивший в опалу, но по-прежнему располагающий верными ему войсками и сторонниками при дворе, становится тем самым костром, на который плывет рыба. Хищная рыба, не самая глупая... Искренне полагающая, что опальный жаждет мести. Так и бывает... если опала настоящая. А когда она оказывается мнимой, рыба обречена на острогу... — Он жестко усмехнулся. — У короля, скажу вам честно, хватает недостатков. Одного среди них нет — излишней доверчивости. Вообще нет доверчивости. И чтобы обмануть его в серьезном деле, потребуется нечто большее, чем старания доморощенных черных магов с их сотканными из вонючего воздуха двойниками... — Он повернул голову и уставился на Сварога холодными светло-синими глазами. — Разумеется, принцесса ни о чем не подозревала. Мы не могли рисковать. К тому же опасности для нее не было почти никакой. По двум причинам. Во-первых, всем она нужна была живая. Во-вторых... Не хотелось бы сейчас об этом говорить.

Сварог смотрел на него и видел, что адмирал не врет. И не мог разобраться в собственных ощущениях, понять, чего там больше — разочарования или злости. Пожалуй, злости. Потому что разочаровываться вроде бы не в чем и не в ком...

— Понимаю, мы доставили вам много неприятных минут, — кивнул адмирал. — Но игра требовала максимального правдоподобия. Потому мы и заперли вас на ограниченном пространстве, как поросенка в загородке, каким охотники приманивают волков... «Черная радуга» охотилась за вами, а мы смыкали петлю вокруг них. Шла охота на охотника. И допустимые потери оказались неизмеримо ниже намеченных, собственно, они были ничтожными...

— Допустимые потери... — повторил Сварог с горечью.

— Не будьте ребенком. Это война. Зато теперь в наших руках — добрых три четверти членов «Черной благодати». Куклосы в Ронеро практически разгромлены. Уцелевшие разбежались и прячутся, бегут за границу, они еще долго не опомнятся... Таких успехов не случилось лет пятьсот, со времен Катберта-Молота. Понимаете вы это? Не было другого выбора. В сущности, мы, как не раз уже случилось, продавали за ваши тайные службы изрядную работу. А ваши с принцессой переживания и сантименты — это, простите, ненужная лирика.

Он покачивался в седле, бесстрастный и невозмутимый, глухой к любым возражениям. «Снова в роли куклы, — задыхаясь от бессильного бешенства, подумал Сварог. — И, что самое



скверное, не найти убедительных аргументов против адмирала. Как бы ты ни изощрялся, тебе сунут под нос результат, а результат таков, что и в самом деле превращает в сентиментальный лепет все протесты...»

— Значит, вы знали обо мне с той минуты, как мы приплыли в Равену?

— Кое-что о вас мы узнали еще раньше, — сказал адмирал. — Чего вы хотели? Оказаться в гуще столь серьезных событий — и не обратить на себя внимания?

— И все же я усматриваю кое-какие несообразности, — сказал Сварог, пытаясь выглядеть столь же бесстрастным. — Рискуя, вы превзошли меру допустимого. Я уж не говорю о том, что Делию могли убить чисто случайно — при погоне, в стычке... Арталетта, сдается мне, оказалась и для вас совершенно неожиданным сюрпризом? То, что с ней произошло?

— Конечно. В таком предприятии ни за что не обойтись без неприятных сюрпризов и непредвиденных ходов противника. Но она ведь не смогла причинить вам ощутимого вреда? Объявленный нами шаррим, как вы, должно быть, согласитесь, вспомнив все происшедшее, служил в первую очередь вашему удобству. Не считая Арталетты, никто вас не преследовал и не пытался задержать.

— Ну да, — сказал Сварог. — Нас всего лишь умело и продуманно загоняли в Хелльстад. Как вы могли пойти на такой риск? Либо вы с королем — самонадеянные идиоты... либо ваша уверенность в том, что с Делией ничего не случится даже в Хелльстаде, была основана на чем-то весьма серьезном. Я об этом думал уже. Сохранившиеся тексты Таверо, каких нет у других, или нечто иное?

Адмирал помолчал. Впереди зазвучали во множестве фанфары. Уже показались две высокие башни Адмиралтейства, крытые темно-красной черепицей, — голова кортежа приближалась к Морской площади.

— Тексты Таверо, — сказал Амонд. — Так называемые Дополнения к Кодексу. Еще более редкий манускрипт, чем сам Кодекс. Видите ли, за последние сто лет люди, именовавшие себя Серыми Рыцарями, появлялись дважды. Первый, явившийся к снольдерскому двору, был примитивным авантюристом, его разоблачили очень быстро, а там и опознали, сбежать не успел... Со вторым не так просто. По-моему, он искренне верил, что предсказание о Сером Рыцаре относится к нему. Кое-какие обстоятельства благоприятствовали. И король Орса из Вольных



Маноров тоже поверил, что Златовласая Привратница — его дочь. Репутация короля позволяла именовать его и Ужасным, королевство Орс когда-то носило прозвище «Длинная земля»... Сгоряча не обратили внимания, что другие детали предсказания нисколько не совмещаются с данными действующими лицами. Или обратили, но решили, что строки Таверо не стоит толковать очень уж буквально, достаточно, что совпадает половина... Можно с уверенностью сказать, что Дополнения им были неизвестны. Но о Воротах они кое-что слышали, как-никак Ворота, хоть и бездействующие, были достопримечательностью Демура... Кстати, я до сих пор не знаю, что именно вы там сделали. Как нужно было запереть «дверь, которой нет»?

— Потом, потом, — нетерпеливо сказал Сварог. — Что там было дальше?

— Рыцарь с принцессой и небольшим отрядом отправился в три королевства. И никто не вернулся. Никогда. Теперь вы понимаете, что король должен был твердо увериться? В Дополнениях сказано... — Он прищурился. — Сейчас... «Когда пятнадцать цифр изгонят из города волка, а мертвый станет бесполезным проводником...» Между прочим, мы до сих пор не понимаем, что это означает.

— Потом! Дальше!

— «...и принцесса покинет город, но не по земле и не по воде», — заученно процитировал адмирал. — Когда вы захватили самолет, эти слова нашли превосходное объяснение. — Он холодно улыбнулся. — И оставалось сделать все от нас зависящее, чтобы проверить последнее утверждение: «И принцесса пройдет невредимой через Хелльстад». Собственно, делать ничего и не пришлось, вы полагали облаву настоящей и справедливо рассудили, что путь у вас один, через Хелльстад. Когда вы переправились в Правый Треугольник, мы уже не сомневались, куда вы отправляетесь. И тревожились, скажу вам откровенно, скорее по инерции, за Арталетту, с которой приключилась какая-то беда, а не за Делию. Таверо, бывало, ошибался, но в мелочах, не настолько же... И все закончилось успешно. Вы сделали свое дело, вы свое, не менее эффективно. — Он быстрым, чуть насмешливым взглядом окинул наряд Сварога. — Полагаю, у вас нет оснований жаловаться на судьбу? Я пожилой и много повидавший человек, но и мне, скажу по секрету, немного не по себе, когда рядом едет король Хелльстада. Вооруженный топором, подозрительно напоминающим прославленное в легендах оружие...



— А вы не боитесь получить по голове этим легендарным оружием? Мне ведь теперь никто не указ...

В холодных глазах адмирала на миг мелькнули обычные человеческие чувства — но страха, пожалуй, все же не было, хотя ты тресни...

— Что ж, если вы считаете, будто исправите этим что-то, вернете кого-то...

— Простите, — сказал Сварог. — Погорячился. И не во мне дело. В конце концов, со мной столько раз играли втемную, что я незаметно свыкся, и злюсь, когда все всплывает, лишь первые пять минут... Но есть еще и она, — он дернул подбородком, указав на Делию. — Она отличный товарищ и отличный солдат, уж я понимаю... Мать вашу так, всегда ведь остаются случайности! Особенно на войне, большой или маленькой. До определенного момента у вас просто не могло быть твердой уверенности, что все обойдется благополучно. Случайная пуля...

— Ну, хорошо, — сказал адмирал. — Не хочется отчего-то представлять в ваших глазах законченной скотиной. Придется выдать одну из государственных тайн, благо вы не из болтливых. Вы никогда не слышали о Мане Антакайде?

— Нет. Что это?

— Не «что», а «кто». Мане Антакайд — астролог. Сейчас он уже умер. Когда Делия родилась, именно он составил гороскоп. Все предсказанное им всегда сбывалось — даже его собственная смерть, происшедшая в результате совершенно вроде бы непредсказуемой случайности... Он предрекал, что какое оружие никогда не способно будет причинить Делии вреда.

Сварог вдруг насторожился, сам не понимая отчего. Словно вдали прозвучал выстрел, так далеко, что долетел до тебя не сам отзвук, а его тень, и теперь пытаешься понять — было или почувдилось? Мать Бальдра взяла клятву со всех, кроме омелы...

— Вы помните подробно? — спросил он. — Слово в слово?

— Конечно. «И какое оружие, холодное или огнестрельное, покинувшее мастерскую под этим небом, под этим солнцем, не сможет причинить ей вреда». Ну, где тут каверза? О сильванском оружии и речи быть не может — Сильвана освещена тем же солнцем. А оружия гномов уже три тысячи лет никто не видел и не держал в руках, оно сгинуло вместе с гномами. Не говоря уж об оружии с Диори — каковое, впрочем, изготовлено было и под этим солнцем, и под этим небом...



Они выехали на широкую Морскую площадь, почти идеальным полукругом примыкавшую к Адмиральской улице. И добрую половину дуги этого полукружья занимало Адмиралтейство — громада в семь этажей из коричневого камня, стрельчатые окна, темно-красная черепица, по углам две круглые башни с острыми конусами крыш, шпили увенчаны золотыми фрегатами, а меж башнями, по кромке кровли — шеренга позеленевших медных статуй, мифологических фигур вроде Морского Коня, Тюленьего Короля и Жемчуголова. Правее — квадратное возвышение, Камень Глашатаев, откуда до сих пор возглашали порой важнейшие новости и королевские указы. Сейчас с протянутого меж башнями каната свисали длинные морские вымпелы, их разно-цветье и подбор определенно что-то значили, но Сварог не умел их читать. Люди в поисках лучшего местечка для обозрения поднялись даже на нижние ступени Камня Глашатаев (на сам камень, понятно, никто не осмелился забраться, это при любых праздниках воспрещалось).

— Что вас беспокоит?

— Предсказания, — медленно сказал Сварог. — Точнее, форма их изложения — таящая, как я успел убедиться, каверзы и лазейки. Может отыскаться оружие, может... Правда, оно уже дважды было применено против принцессы, но вреда не причинило, так что можно бы и успокоиться. И все же... Почему ваш астролог не написал просто: «Смерть ее никогда не последует от оружия»?

— У астрологии свои законы изложения, как в поэзии. И я не большой их знаток, мне достаточно помнить, что Антакайд никогда не ошибался. Успокойтесь. Нет причины...

— Есть причина! — почти крикнул Сварог. — Есть, понимаете вы?

— Возьмите себя в руки. На нас обращают внимание ликторы...

— Пошли они... — сказал Сварог грубо. Ощущение мучительного неудобства, тупой тревоги в сердце не проходило. — Посмеетесь потом над моими глупыми страхами, разрешаю. Уводим кортеж на галопе. Во дворец.

И, видя, что адмирал колеблется, пустил коня рысью, не пытаясь разобраться вдумчиво в своих смутных и непонятных страхах, догоняя Делию, чтобы схватить ее коня под уздцы и дать своему шпоры, не объясняя причин. На скаку выбросил вверх руку, дважды разжал стиснутые в кулак пальцы, подавая своим сигнал тревоги. Как бы ни удивились, препятствовать



никто не посмеет, Делия не разучилась еще сначала повиноваться его командам, а потом спрашивать...

Белая дымная полоса, завиваясь спиралью, метнулась ему наперерез высоко над головами толпы, чертя синусоиду, снижаясь, неотвратно выходя на прямую, и он вонзил шпоры в конские бока, бросил гнедого вперед, уже различая обострившимся взглядом черную остроконечную палочку, исторгавшую этот дым, спеша заслонить Делию, остановить мгновение, вернуть время назад — и понимая в секундном промельке трезвого расчета, что никому еще этого не удавалось...

Яркая вспышка, и мгновенно взметнувшееся туманно-чадное облачко заволокло Делию. Сварог натянул поводья — так, что конь взвился на дыбы и едва не рухнул, сбившись с аллюра. Слетел на брусчатку, схватил широкий синий повод, жесткий от золотых блях и нашитых лилий.

Делия соскользнула с седла ему на руки, от неожиданной тяжести и рывка он не удержал равновесия и упал, завалился спиной вперед, осмысленно и умело рухнув так, чтобы смягчить для нее падение собственным телом. И по тому, как безвольно мотнулось ее тело, уже знал, что дело плохо. А потом, когда встал на колени, поддерживая девушку, хватило одного взгляда. Похуже разрывной пули. Ладони мгновенно стали влажными и липкими. На алом кровь — черная... Глядя поверх ее плеча, видел, что под самой крышей одной из башен Адмиралтейства еще тает, расплывается тугое белое облачко, видел, как подбегает Леверлин, на себя не похожий из-за перекосившей лицо жуткой судороги, а остальные, оставшись в седлах, смыкают тесное кольцо, заслоняя от всего окружающего.

Опомнился. Стараясь изгнать, вытолкнуть из сознания все посторонние мысли, отгородиться от загроможденного конского топота и криков, наложил ладони на ужасную рану, зажмурился, закинул голову, повторяя про себя все нужные слова, и снова, стараясь не сбиться, беззвучно шевеля губами, с заходящимися в смертной тоске сердцем.

Не почувствовав под ладонями ни малейшего движения, открыл глаза. Делия лежала неподвижно, золотые локоны разметались по грязной брусчатке, лицо было совершенно спокойным, а в глазах отражалось небо. И он понял, что бессилен. Этой разновидности оружия обучавшие его азам врачевания не предусмотрели, потому что не знали о существовании такого. Не уберег. Спас от всего, а теперь вот не уберег.



Грузно поднялся и стоял, цепляясь за высокую луку седла, — конь Делии послушно остался на месте. Остановившимся взглядом смотрел, как сквозь раздавшуюся толпу несутся к Адмиралтейству ликторы, как ловят его коня, как мечутся люди, как гвардейцы, сами ничего не соображая, то отжимают зевак мушкетами, держа их перед грудью обеими руками, то озираются, тщетно ожидая ясных приказов. И Сварогу хотелось кого-нибудь убить. Поискал бешеным взглядом Амонда, увидел Мару и осознал, что она, еще не понимая всего, моментально пресечет любую его безумную выходку.

И обмяк, словно выдернули некую жилочку, на которой все и держалось. Впустил происшедшее в сознание. Вновь смог думать, а не просто кипеть тупой ненавистью, но боль оказалась столь огромной, что переросла в вялую отрешенность. Такое случается, не обязательно на войне, сознание заключает боль куда-то в дальний уголок — но жизнь у боли долгая...

Когда к нему почтительно подвели пойманного гнедого, он не сразу сел в седло. Старательно вытирал руки, скомкав протянутый кем-то большой синий платок. Там, где лежала Делия и стоял рядом с ней на коленях Леверлин, уже не протолкнуться было от нахлынувших царедворцев, сплошь накидки с гербами и золототканые плащи придворных чинов — но все стояли недвижно, словно окаменев. Сварог вспомнил, что на его глазах произошло еще одно историческое событие — династия Баргов пресеклась. Король еще жив, но вряд ли успеет за отведенное ему время жениться и озаботиться продолжением рода. Новые земли оказались решительно не ко времени. И предсказанная Делией война все-таки разразится. Кто-нибудь ее обязательно развяжет, даже если Ронеро с исчезновением династии погрязнет во внутренних распрях и не примет участия, упоенно драться будут другие. Бесхозные земли возбуждают еще сильнее, чем слабо защищенные.

У парадного подъезда Адмиралтейства все еще продолжалась суета, мелькали ликторы, подъезжали новые всадники, со стороны дворца показались шеренги малиновых драгун. Кто-то уже распоряжался энергично и толково — гвардейцы выстраивали цепи на прежних местах, из-под арки Адмиралтейства вылетели платунги конной полиции, быстро, привычно отгесняя толпу крупными обученными коней. Толпа отошла после первого шока, еще бурлила, колыхалась, но хаос и панику удалось погасить. Вокруг того места, где стоял Сварог, вокруг Делии, придворных, Странной Компании все теснее сжима-



лось кольцо бдительно поигрывавших мечами конногвардейцев, хотя это было уже совершенно ни к чему.

Сварог завертел головой.

— Адмирал уехал, — тихо сказала Мара, наклоняясь к нему с седла. Она была бледна, и на лице четко проступили веснушки. — И правильно сделал — не велика удаля подставлять лоб под твой топор... Что у вас с ним такое вышло?

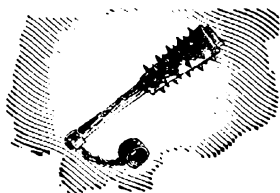
Сварог молча вставил ногу в стремя, сел в седло. Направил коня на гвардейцев, и драгуны торопливо разомкнулись. Он ехал прямо к Камню Глашатаев, и толпа расступалась в совершеннейшем молчании, и кто-то неотступно сопровождал его верхом, но он так и не обернулся за все время оказавшегося невероятно длинным пути. Поводья липли к рукам, гневной выгибал шею и фыркал, чуя кровь, перед Камнем он слегка заартачился, но быстро покорился и осторожно зашагал вверх по низким широким ступеням.

Камень был всего уардов трех в высоту, но с самого верха, да еще с седла, с высокого коня, площадь открывалась взгляду целиком, до самых отдаленных уголков, — море голов в разнообразнейших шляпах, разноцветье мундиров, повсюду флаги, выпелы, гирлянды цветов и ярких бумажных фонариков. Украшения эти вмиг стали ненужными и нелепыми, но никто их, конечно, не успел еще убрать. И тишина, медленными волнами распространявшаяся все дальше.

Когда эта тишина, молчаливое ожидание и тысячи глупо вытаращенных глаз стали невыносимыми, он поднялся на стремянах. Хотелось сказать что-то большое и важное, но у него не было слов, он никак не мог отыскать достойные слова. А если они были, значительные и ценные, их никак не годилось орать во весь голос перед замершей толпой.

И он закричал, не в силах избавиться от впечатления, будто обращается к кому-то одному:

— Я, лорд Сварог, граф Гэйр, король Хелльстада, объявляю три королевства своим безраздельным и неотъемлемым владением, каковое намерен защищать от любого, дерзнувшего посягнуть на мои земли огнем ли, сталью или дерзкой стопой!





ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ

Сварог сидел на широком парапете, покачивал ногой и смотрел на реку, непривычно пустынную для этой поры дня. Мара сидела тут же, смотрела в другую сторону и развлекалась от души — выбирала из горсти медной мелочи монетку и, не прицеливаясь, запускала в кого-нибудь из благопристойных горожан, чинно гулявших по набережной неподалеку, неизменно попадая то по кончику носа, то по уху. Задетый невольно вздрагивал, щурился от боли, но продолжал променад, притворяясь, будто ничего не произошло вовсе, а на парапете никто и не сидит. Обижаться ему не полагалось по службе — добрых три четверти гуляющего благонравного народа были тихарями из тайной полиции, приставленными к Сварогу для пущего бережения. А остальные наверняка — иностранные шпионы, отнюдь не оставившие своим вниманием новоиспеченного короля, пусть и не состоящего в Виглафском Ковенанте.

Эта сюрреалистическая пастораль продолжалась довольно долго — терпение у Мары было железное, и она маялась от безделья, а господа шпики, как ни проклинали про себя судьбу, сойти с дежурства не могли.

— Двадцать четыре, — сказала Мара.

— Что?

— Я их считаю. Для разминки. Трое, скорее всего, были случайными прохожими, должны же и такие тут оказаться? Но за две дюжины тихарей ручаюсь. Сейчас пойду по второму кругу. Дай мелочи, у меня кончается.

— Уймись, — сказал Сварог беззлобно. — Люди на работе.



И посмотрел в сторону Манфокона. Оттуда несколькими потоками тянулся над городом тяжелый черный дым, и, если приглядеться как следует, можно было различить крохотные языки огня и отблески косых лучей заходящего солнца на парадно начищенных алебардах и наконечниках копий. Историческую виселицу застилал дым, и рассмотреть ее не удавалось, да Сварог и не стремился. Король правил кровавую тризну, все изловленные к тому времени адепты «Черной благодати» прощались с жизнью, и почти каждый — довольно медленно.

— Адмирал катит, — объявила Мара и к превеликому облегчению тихарей ссыпала оставшиеся медяки в карман.

Амонд подъехал один. Шпики старательно сделали вид, что знать его не знают. На сей раз старик был без формы, в темном дворянском платье, с белой траурной лентой на шляпе. Он небрежно бросил поводья одному из топтунов, подошел к Сварогу и встал у парапета, заложив большие пальцы за пояс. Сварог, не переменив позы, исподлобья смотрел на него.

— Там, в башне, ничего не нашли, — сказал адмирал. — Более того, окно, на которое указывают все достойные доверия очевидцы, и не окно вовсе — это вентиляционный проем размером с тарелку, и ведет он на чердачок в полчеловеческого роста высотой. Когда-то его специально сделали для голубей — тогдашний морской министр их любил. Попасть туда изнутри, с винтовой лестницы, невозможно — стена сплошная.

— Значит, где-то есть потайной ход.

— Но ни один человек не пролезет...

— Пролезет, если человек размером с мизинец, — сказал Сварог.

— О чем вы?

— Это моя забота, — сказал Сварог. — Раз вы не знаете, ничем мне помочь не сможете. И не будем об этом. У вас ко мне дело или?

— Я не хочу, чтобы вы считали, будто она погибла из-за меня. Король, узнав об обстоятельствах ее смерти, держался почти так же, как вы только что. Он тоже знает что-то, чего не знаю я, и ее смерть для него — не загадка. Страшная трагедия, но не загадка. Признаться, я впервые в жизни был на волосок от смерти не в море, а во дворце. Он махал мечом и орал, что зарубит меня и застрелится сам, что это мы ее убили, отправив в Хелльстад. К счастью, он умеет сдерживать гнев — хотя, с прискорбием должен заметить, на этот раз его заставила бросить меч не рассудительность, а далеко зашедшая болезнь и слабость, так что трезвомыслие возвращалось медленно. И я сказал ему то,



что думал. Могу повторить вам то же самое. Либо виноваты мы все, либо не виноват никто, а третьего не дано. Если бы не появились вы, Серый Рыцарь, если бы Таверо не получил от небес этого дара... Виновных так много, что нет ни одного. Так уж было угодно силам, с которыми нам не поспорить....

— Я вас ни в чем не обвиняю, — устало сказал Сварог. — Я тоже научился сдерживать гнев, ваше счастье, что не подвернулись на площади... Вы только за тем и приехали, чтобы рассказать, что не виноваты?

— Нет. Король хочет вас видеть. Есть тайны...

— А я не хочу. Вы, быть может, и не поймете, но у меня такое ощущение, будто кончилась моя юность. Я больше не бегу, сломя голову, на слово «тайна». Я устал. Так и передайте королю. Да, добавьте еще, что там, где предстоит мстить, я обойдусь без него. — Он чувствовал, как рот и пальцы сводит злой судорогой, но остановиться пока не мог. — Боже мой, там все будет гореть до горизонта, если только отыщется горизонт...

Амонд долго и внимательно смотрел на него, щуя холодные глаза. Подъехала коляска тетки Чари, остановилась в стороне.

— Простите, меня ждут, — сказал Сварог нетерпеливо.

— До встречи. — Адмирал коротко поклонился и, почти не сгибая колен, зашагал к своему коню. Сварог подхватил топор в чехле, кожаный мешок с застежкой, в каких носят бумаги стряпчие, вразвалочку подошел к коляске и сел. Следом запрыгнула Мара. Верзила в ливрее тряхнул вожжами. Продубить так ему физиономию, несомненно, могло только море. Среди тихарей возникло оживление, из выходивших на набережную улиц мгновенно показались разнокалиберные экипажи, всадники, иные с оседланными лошадьми в поводу — и не прошло и минуты, как следом тащилась целая процессия. Местные шпики держались ближе, а иностранные агенты в силу деликатности своего положения — в хвосте, конечно.

— Вы не в студейские ли поступаете? — спросила тетка Чари, кивнув на мешок.

— Отнюдь, — сказал Сварог. — Наследство Гискара. Враги долго и старательно выискивали его тайный порок, но никто не додумался, что протектор был заядлым книжником, что старательно и скрывал, ибо несолидно для его должности и стези... Как у вас дела?

— Кораблик я вам нашла, — сообщила тетка. — Очень приличная бригантина. Человек надежный, довезет со всем тщанием. А зачем это вам? Неужели от наместника улететь не можете?



— Наследство — это куча бумаг, — сказал Сварог. — И нужно просмотреть их хотя бы бегло, вдруг потом не будет времени... А где орлы?

— Улетели орлы. Бони собрался незамедлительно свергать короля Арсара. Успел набрать человек полсотни, и сплошь такие рожи, что я за него спокойна, а на месте короля заранее бы повесилась. Граф поехал с ним, оно и понятно, для него сейчас нет лучше лекарства, кроме как позвенеть мечом вдоволь, снести парочку голов, самому получить протазаном по каске... Тут и мой капрал следом увязался — подозреваю, по тем же поводам. Очень уж ему принцесса в душу запала, все пил и матерился, что не успел заслонить. Ну а какого лешего Паколета с ними понесло, я уж и не знаю. За компанию, должно быть, трудно было после всего взять да и остановиться. Совершенно не знал, куда себя приткнуть — воровать дальше как-то смешно, а в дворянах непривычно...

— Итак, вы у нас теперь графиня? — Сварог глянул на ее руку с новеньким перстнем-короной. — На большее что, не расщедрились? Или вы сами не зарывались?

— Да как сказать, командир... Понимаете, такое впечатление, будто король ничуть на вас и не обиделся, когда вы те земли забрали себе. А может, стремно показалось менять объявленную королевскую волю, кто его там ведает... Одним словом, приехали за нами за всеми и повезли в Королевский Кабинет. Я-то, деревня, думала, это и впрямь кабинет, а там целый домина на четыре этажа, куча королевских советников, а уж просто советников — тех и вовсе, что грязи. И покатилося все, как в сказке: кладут перед нами грамоты на титулы, а самих титулов и не вписано. Диктуйте, говорят, что вам вписать — только, понятно, в принцы не лезьте, потому как это уже против правил. Ну, граф Леверлин туда вообще не ездил. Тоскует. И вообще, говорит, мои предки королям города дарили в старые времена... Паколет по скромности отхватил маркиза, потом, правда, жалел, что продешевил. Из орденов повесили на него Бирюзовую Цепь — тоже сам выбирал, орден средненький, да понравился нашему щипачу, больно уж, говорит, красивый. Мой обормот почесал в затылке, надел на шею Алое Пламя и попросил вписать его в бароны. Я, сказал мне потом, человек раздумчивый, в грязи ползать не люблю, но и на самый верх карабкаться смешно, следует держаться золотой середины... Зато с Бони был сущий цирк. Крестьянин наш, прямая душа, наложил лапу ни более ни менее как на Алмазный Венец, выше коего и не быва-



ет — с лентой, мечами и подвесками. Мне это, говорит, для вящего авторитета необходимо, мне еще короля свергать, так что выглядеть я должен соответственно. И по той же причине зачислил себя в герцоги. Тамошные золоченые шишки и ухом не повели, вписали в герцоги. Доходит очередь до меня. И начинаю я рассуждать в точности, как мой Шег, — ну что мне делать на самых верхах? Неуютно как-то. Хотела было в баронессы, да вспомнила, что деревня наша стояла на графской земле, я ведь из дворянских крестьян — и так мне в детстве мечталось стать графиней... Пишите графиней, говорю. Записали. Я вежливо интересуюсь: а нельзя ли мне вместо ваших орденов патент на чин флотского лейтенанта? Они на дыбы: у нас в державе, мол, даме флотских чинов не полагается. Я им втолковываю: флаг-капитанства не прошу, но экзамен на лейтенанта хоть сейчас сдам, не отходя от стола, поскольку есть кое-какой опыт морского плавания. Мы вам, говорят они, на слово верим, госпожа графиня, но даму во флотские офицеры и сам король не решится произвести, потому что это против всех традиций и будет бунт. Ну, взяла я себе с горя Скипетр Морских Королей — все-таки морской орден, в якорях весь, самоцветы синие... Вот тут они носами покрутили, да уговор дороже денег, и на ордена есть юридическая лазейка. То бишь нет традиционного запрета, потому что дам испокон веков этим орденом не награждали, специально запрещать и в голову не пришло... И вышли мы все оттуда, как четыре новогодних елки. А эти, кабинетские, нам закатываньем глаз и шевелением ушей дают понять, что мы, олухи, все же продешевили... Ну вот, и улыбнулись наконец, а то сидели, как сыч... Ничего мы не продешевили, скажу я вам. После походов с вами, командир, все эти титулы и орден — чистый мусор... Да, а вы-то что? Ну, с вами понятно, вы теперь и сами король, можете измышлять любые ордена, а вот Мару можно было с нами отпустить, чтобы ей что-нибудь блестящее навесили. Право слово, заслужила девка.

— Да я ее и не держал...

— Глупости, — сказала Мара. — Я сама когда-нибудь буду королевой, зачем мне сейчас побрякушки от чужих королей?

— Скромница она у меня, — погладил ее по голове Сварог.

— Просто у меня хорошая память, — сказала Мара. — Лесная Дева предсказала, что троим из нас суждено надеть короны. Один уже напялил. Остаются целых двое, почему бы мне среди них не оказаться?

В стороне королевского дворца глухо, тяжело ухнул пушечный залп. После короткой тишины в нескольких местах пе-



чально ударили колокола, неспешно, с большими промежутками меж ударами, и в эти паузы вплетался долгий, медленно затухавший звон птелосов. Сварог понял, посмотрел на реку. В этих широтах ночь подступала моментально, падала, как занавес, вода уже стала почти черной, дома над рекой протянулись темной стеной. Пора было ударить колоколу Главной Башни, означая наступление ночи, а двум десяткам звонниц в разных концах столицы этот удар повторить. Но, что случилось невероятно редко, Вечерний Колокол так и не прозвучал. Еще дважды ударили пушки, продолжался печальный перезвон храмовых колоколов, гонгов и птелосов, что-то засветилось там, где королевский мост соединялся с левым берегом, а длинная лодка заскользила к середине реки, призрачно белая на фоне темного могучего потока. Остановилась, удерживаемая слаженными взмахами весел, Сварог снял шляпу.

Сине-желтое пламя, яркое, горевшее ровно, вспыхнуло у борта лодки и, отделившись от нее, поплыло по течению, вскоре миновав то место на набережной, где сидел в коляске Сварог со спутниками. Теперь они видели, что это фонарь в форме перевернутой и усеченной снизу пирамиды, синий, покрытый золотыми геральдическими лилиями. Рокубон, погребальный фонарь ронерских королей. Сварог долго смотрел ему вслед. С этим фонарем, отправившимся к океану, уходили в небытие Барги — развратники и покровители храмов, великие стратеги и дебилы, меценаты изящных искусств, то осыпавшие золотом художников, то сжигавшие по пьяной прихоти фаворитки библиотеки и ценнейшие полотна живописцев прошлого; черно книжники и святые, моты и скупцы, полнокровные эпикурейцы и аскеты-ханжи, собиратели и неудачники — и, наконец, личности, бесцветные во всех отношениях.

Фонарь скрылся за близлежащими домами, но Сварог долго еще смотрел на темную реку, чувствуя себя чужим в этом городе, где больше не было Делии, которую он не сумел уберечь. Потом сказал, ни на кого не глядя:

— Знаете, о чем я подумал? Оказывается, в отличие от нашей бравой компании, великому множеству народа так и не случается за всю свою жизнь кого-нибудь убить. Странно, правда? Как другой мир, честное слово... — И совсем тихо произнес:

И вы едва ли
вблизи когда-нибудь видали,
как умирают.
Дай вам Бог и не видать...



УНЫЛАЯ БРИГАНТИНА

Ледяной Бугас, Шкипер Темного Моря, капитан почтенной бригантины «Невеста ветра», четвертые сутки пребывал в унылом, каком-то устоявшемся недоумении. С теткой Чари он был знаком с незапамятных времен, знал за ней (как и она за ним, взаимно) столько озорных дел, что хватило бы на полдюжины Монфоконов, и сделал бы ей одолжение не в пример серьезнее, чем просто отвезти из одного места в другое, вдобавок за хорошую плату, парочку ее друзей, обходясь с ними со всей любезностью. Бригантина все равно уходила в море, а каюта квартирмейстера так и пребывала пустая (ибо сам квартирмейстер давненько покачивался на рее горротского корвета «Гривастый крокодил», должным образом просмоленный для долгой сохранности — а нового еще предстояло подобрать со всем тщанием).

Вся беда была в том, что Бугас терпеть не мог нераскрытых загадок. Любых. Водился за ним такой грешок, из-за которого капитан дважды совершенно бескорыстно впутывался в опасные дела, пахнущие серьезными тайнами, ради одного удовольствия оказаться среди знающих разгадку. Бывают страстишки и похуже, а на доходы капитанская слабость мало влияла, так что команда давно свыклась — всех на свете денег все равно не захапашь, нужно иногда что-то и для души...

Но эта странная парочка была загадкой непробиваемой. Высокий барон со спокойными серыми глазами серьезного убийцы, привыкшего перерезать глотку лишь при необходимости (каковое качество Бугас в людях ценил и уважал, будучи



сам таким же), и смазливая девчонка — лауретта (сначала представлялось — дочка или племянница, оказалось — любовница).

Поначалу Бугас, еще не видев их, решил, что у них хлопоты с легальным выездом из страны. Каковую гипотезу вроде бы подтверждало невиданное количество тихарей, перед самым прибытием странной парочки прямо-таки хлынувших в порт, как зерно из распоротого во всю длину мешка. Но парочка поднималась на бригантину открыто, без малейшего волнения, а тихари, такое впечатление, порывались встать навытяжку и тарасились пугливо, как пассажиры захваченного «купца» на abordажную команду. И «вольную» Бугасу принес из капитаната вместо обычного письмоводителя, с благодарностью получавшего за эту услугу серебрушку, сам комендант порта, министерский секретарь, чин, как известно, приравненный в армии к полковнику, а на море к флаг-капитану. От какового неслыханного феномена, ни разу не случившегося ни с одним мореходом, будь он честный каботажник или головорез с корсарским патентом в кармане, Бугас ошалел настолько, что по многолетней привычке сунул его превосходительству сестерций — а тот, ровно пребывая в некотором затмении чувств, монету взял...

Первые два дня барон, отвлекаясь лишь на завтраки, обеды и ужины, затворником сидел в каюте покойного квартирмейстера и, по докладам главного кухаря, беспрестанно читал бумаги, которых у него с собой был целый мешок. Даже с наступлением темноты ставил «карбилку» и продолжал шуршать. Добросовестный кухарь, за годы плавания на «Невесте ветра» малость заразившийся от капитана той же страстишкой, успел запустить глаз — благо бумаги барон после его прихода не прятал и ничем не прикрывал. Кухарь клялся, что никакими картами кладов или «золотыми шарами» и не пахнет. Насколько удалось усмотреть, обычная ученая заушь, упражнения книжников. Скорее Бугас мог оказаться главой снольдерских виргинатов, проповедовавших трезвость, целомудрие и полный отказ от мясного, чем барон — книжником. И все же он сидел над своими бумагами двое суток, как пришитый.

Одно можно утверждать со всей уверенностью виргинатом барон не был. Мясо он наворачивал, подаваемое вино аккуратно выпивал, а кухарю, заодно и убиравшему в каюте, девчонка в первый же вечер непринужденно и буднично заметила, что возиться с двумя постелями не следует, нужно приготовить одну на двоих. Веселого нрава кухарь, простодушно попытавшийся ухмыльнуться, вдруг на пару секунд выпал из реальности и об-



наружил себя лежащим на полу с дикой болью в области лопатки. Увы, и он сам, и все остальные не связали сначала этот феномен с рыжей девчонкой — решили, что кухарь опять обожрался и получил что-то вроде апоплексического удара.

Рыжая лауретта, в отличие от спутника, часто и подолгу гуляла по палубе, откровенно маясь скукой. Поскольку выяснилось, что мужская постель ей знакома, а соблазнительна была девчонка, как чертенок, мысли иных морских волков помоложе приняли игривый оборот. Заметивший это Бугас процедил сквозь зубы, что два раза он не повторяет, а пассажиры — друзья его друзей, так что любой, вышедший за рамки хорошего тона, немедленно пожалеет, что родился на свет. Большинство из одержимых игривыми мыслями вообще оставили всякие поползновения от греха подальше, но Красавчик Ройбен, разбивший больше женских сердец, чем князь Клабур — стаканов, и не подумал обстенить паруса. Увешавшись всеми своими побрякушками и разодевшись в лучший «береговой» наряд, он с виолоном наперевес тенью скользил за синеглазой прелестницей, что ее определенно забавляло.

К полудню второго дня на юте раздался дикий вопль, и сбегавшиеся вахтенные подняли с палубы Красавчика, правая ключица у него оказалась сломанной. Бугас моментально провел дознание — но Красавчик клялся богом Руагату, старушкой мамой и долей в добыче, что из рамок он не выходил, а всего лишь с надлежащей галантностью и грацией положил руку синеглазке на талию. И обнаружил себя на палубе.

Девчонка разгуливала как ни в чем не бывало с самым беспечным и примерным видом. Сопоставив феномены кухаря и Красавчика, общественное мнение ужаснулось, сделало выводы, и рыжую стали сторониться, насколько это возможно на палубе не самой большой бригантины. Кухарь появлялся в каюте пассажиров, превратив лицо в бронзовую маску, лишенную и намеков на мимику. Бугасу, попытавшемуся было с несвойственной ему неуклюжестью бормотать какие-то извинения, очаровательное рыжее создание мило улыбнулось:

— Не удручайтесь, капитан, я за такие пустяки, вдобавок без приказа, еще никого не убила...

Капитан пошел и напился в компании с зеркалом.

Бугас нападал на идущие с Островов «золотые караваны», высаживал в Хелльстаде искателей приключений, искал клады, закапывал клады, проникал на Дике в поисках пещерного жемчуга, первое прозвище оправдал даже дважды, а второе —



трижды, с горротским корсарским патентом топил снольдерские корабли и наоборот, трижды бегал из тюрем, один раз с каторги и один — с «чертовой мельницы», искал в лабиринтах Инбер Колбты Крепость Королей, освоил все виды контрабанды, прямо на рейде Малабы дрался с Джагеддином, два года (когда особенно припекло) обретался на Сильване, где полгода прослужил флаг-капитаном гиперборейского флота и едва не был возведен в дворянство, но потом приговорен к плахе за разные прохиндейства, едва унес ноги и полтора года пробивался более привычным ремеслом, не отягощая себя мундиром. Семь раз его награждали орденами (и трех потом лишили высочайшими указами, но Бугае все равно их носил), четырежды вешали «в изображении», а однажды всерьез собирались набить из него чучело (на той же гостеприимной Сильване). Словом, у капитана «Невесты ветра» была самая обыкновенная, ничем не примечательная биография типичного джентльмена удачи. И он, нутром и нюхом чуявший Необычное, день за днем ждал, когда странный барон наконец признает, что достаточно присматривался и валял дурака, — и предложит Нечто. Капитан заранее готов был согласиться, предвидя, что мелкого или глупого дела этот предлагать не станет.

Но ничего подобного Бугас не дождался. На третий день барон покончил с бумагами и принялся гулять, потребовав корзину вина и виолон. Гулял он серьезно и сосредоточенно, без битья посуды и шума истребляя содержимое корзины, порой брался за виолон, и тогда из каюты неслись приятные, но совершенно неизвестные песни — иной раз даже на незнакомом языке. Дважды, уже к вечеру, он даже плакал — коротко и зло, так что это походило на рычанье пса. Капитану, не единожды с таким сталкивавшемуся (и самому пару раз отводившему душу именно таким образом), уже было ясно, что этот человек то ли спихнул благополучно неподъемное дело, то ли заливает серьезное горе — а то и все сразу, похоже. Капитан пытался как-то связать все это с последними ронерскими странностями, о которых толковали черт-те что, но простоял в Равене всего два дня, занятый погрузкой выше крыши, а все новости, какие залетели в уши, оказались чересчур уж запутанными и сумбурно изложенными. Тетка Чари, похоже, что-то знала, и вообще страшно интересно было, как это ей удалось просквозить аж в графини, но очень уж мимолетно они свиделись.

И Бугас, тихо сатанея от всех непонятностей, посиживал в своей каюте, аккурат по соседству с квартирмейстерской, попивая



«Косаточью кровь» и коряво записывая за бароном очередную незнакомую прежде балладу:

Наш век — арена битв...
Но как посмели
вы, раб Его, вы — человек, не Бог,
жизнь молодую положить у ног
властителя чертовской карусели?
Сильнейшие сломить его хотели,
да не сумели выиграть войну...

Я им не ставлю этого в вину.
Пусть полегли они, мы следом ляжем.
Но кто-то встанет над курганом нашим
и в рог бараний скрутит сатану.
Не отпевайте ж до поры живого —
проснется жнец, когда зерно взойдет...

Он не унизился бы подслушивать специально, однако переборка была тонкая, а голосище у барона — дай боже. Были моменты, когда капитану все же нестерпимо хотелось унизиться — но останавливал его, прямо скажем, не гонор, а скорее уж предчувствие, что ничего он не узнает, ибо барон не из тех, кто во хмелю развязывает язык. Вот и сейчас он в который уж раз рычал, что не уберег, но отомстит так, что ужаснется сам черт. Но никаких имен и названий, ничего конкретного так и не последовало. Зато последовала песня на абсолютно незнакомом языке, нечто вроде:

Nad zemlej buszujt trawy,
oblaka pluvut kudrivy,
i odno, won to, chto zprawa,
etto ij...

Капитан не понял ни слова, но пригорюнился пуще — от всех непонятностей, вместе взятых. Впервые он был посередине загадки — и она ему не подчинялась. До сих пор он терпел поражения, но это совсем другое дело. Не удалось найти ни Крепости Королей, ни иных кладов — однако это означало лишь, что их следует искать в другом месте, причем тут поражение, это и не поражение вовсе...

На третий день, ближе к вечеру, барон появился на палубе, отыскал Бугаса и вежливо осведомился, нельзя ли раздобыть



газет. Бугас без малейших возражений (решив, что эта просьба может и дать ему ключик) повел «Невесту ветра» к ближайшему крупному порту (они плыли уже по Ягартале) и выслал шлюпку с наказом раздобыть все газеты за последние двое суток. Раздобыли без особого труда, привезли кипу. Барон перебирал их в молниеносном темпе, определенно высматривая что-то конкретное. И отыскал-таки, прочел крайне внимательно, рассмеявшись коротко, жестко, сунул лист синеглазой. Синеглазая столь же вдумчиво это прочитала, улыбнулась и сказала спутнику совершенно непонятную сторонним свидетелям фразу:

— Вот видишь, вас уже двое, так что не скаль ты зубы над моими светлыми мечтами, в самом-то деле...

Когда они направились в каюту (девчонка заявила, что такое дело полагается отпраздновать), Бугас ухитрился непринужденно забрать у рыжей газету, и она небрежно отдала. И тут же впился жадным взглядом в то место, он хорошо запомнил, что оба читали.

Это были новости из Вольных Маноров. Из королевства Арир, если точно. Там в одночасье все встало вдруг с ног на голову. Некий ронерский герцог (о котором ничего толком неизвестно, даже имя приводилось в трех вариантах), объявив ваганум по всем правилам, вдруг вторгся в пределы королевства с сильным отрядом из Волчьих Голов, Вольных Топоров, каталаунских дворян и прочего пограничного лихого народа. Сметая выставленные впопыхах жиденькие заслоны баронских дружин, они оставляли за собой переполох и пожарища, сжигая маноры, оказавшие сопротивление. И очень скоро местная знать наперегонки бросилась изъяснять герцогу свою полную лояльность, а те, кто находился вдалеке от театра военных действий, увели свои отряды в поместья, после чего король лишился трех четвертей войска. Оставшаяся у него наемная панцирная пехота вышла из игры — она, вообще-то, выстроилась в боевые порядки у столичных предместий, но галопом подскакавший к ним герцог швырнул наземь горсть невиданно огромных бриллиантов и прокричал, что дарит это им на бедность, пусть сделают выводы. Камни оказались настоящими, и пехота мгновенно сделала выводы — боевые порядки вмиг распались, панцирники в жуткой схватке из-за неожиданного подарка судьбы принялись истреблять друг друга, и конница герцога, пройдя через них, как горячий нож сквозь масло, помчалась к королевскому дворцу, где и нашел свой бесславный конец Арсар Сорок Второй, оказавшийся последним в длинном ряду Арсаров Арирских. Герцог возло-



жил на себя корону под приветственные крики магнатов — не вполне искренние, быть может, зато громогласные.

После прочтения сего Бугасу сделалось еще грустнее, потому что дело запуталось еще туманнее и круче. Он с превеликой охотой взял бы кого-нибудь на abordаж, просто так, чтобы только успокоить расстроенные нервы, но на реке, проплывая к тому же в пределах Снольдера, такие номера откалывать было опасно. Свободные от вахты моряки сидели в кубрике, как мышки, но капитан, против обыкновения, пребывал тих. Даже когда он перехватил вдрызг пьяного кухаря, отправившегося потрогать барона серебряным половником и глянуть, что из этого выйдет, взрыва не последовало. Бугас лишь благостно улыбнулся и, наставительно подняв палец, сказал:

— Дурень, эта загадка так просто не решается...

Кухарь, уже смирившийся было с килеванием на пару оборотов, от непривычно ласкового тона протрезвел. А капитану в приступе светлой отрешенности от бытия захотелось вдруг совершить что-нибудь доброе, и он распорядился отнести болящему Красавчику сливового пудинга. Потом напился. Он медленно загонял себя в состояние напрочь измененного сознания, знакомое каждому пьющему, лежа в кресле, задрав сапоги на привыкший к такому обращению стол, созерцая занимавшие полстены материальные доказательства своих прошлых триумфов. В стеклянном ящике утрюмо находилось чучело летучей мыши-бормотуньи, полтыщи лет считавшейся мифологической тварью из туземных легенд — до появления у острова Гурган «Невесты ветра» и лихой экспедиции в джунгли, основанной, впрочем, на вдумчивом анализе легенд, которые Бугас промывал, как золотиносный песок, пока не извлек четкие указания. На особой полочке, прикрепленный проволокой, покоился Перстень Ланкара, который долгие годы полагали магическим украшением, несущим гибель любому новому владельцу, не знающему отворотного заклатья — пока не объявился капитан Бугас и не доказал, что никакой магии тут и не ночевало, а все смерти происходят от дьявольски хитроумного механизма с отравленной иглой, заделанного в перстень неизвестным умельцем и исправно прооработавшего сорок лет. Ящичков двадцать с застекленной передней стороной было отведено мелким предметам из найденных им кладов. В других лежали расшифрованные рукописи. Была еще невзрачная пластинка с коротким текстом, поднятая со дна океана в известном лишь Бугасу месте и неопровержимо свидетельствовавшая (для того, кто понимает), что Бугасу, единствен-



ному на Таларе, известны координаты затонувшей страны Альдариин. Увы, ученые профессора с редкостным единодушием, немислимым во всех прочих случаях, в подлинность пластинки напрочь не верили (ибо для половины из них это означало бы похерить собственные книги и диссертации, построенные на решительном отрицании Альдариин), и после конфуза в Латеранском университете Бугас зарекся предъявлять ее «фиолетовым». Сам он нисколько не сомневался, что пластинка подлинная, но никак не выпадало удачи вторично протралить дно в том месте и раздобыть что-нибудь еще — в прошлом году неподалеку разместилась база горротского военного флота, чьи адмиралы с некоторых пор считали Бугаса лучшим украшением нок-рея. Стояло несколько солидных ученых фолиантов, чьи авторы, хоть раз на полтыщи страниц, да упоминали мимоходом капитана Бугаса, отмечая его вклад или ссылаясь на его свершения. Имелась и бутылочка с джинном, которую Бугас пока опасался открывать — письма стерлись, к какой стихии принадлежит джинн, неизвестно, а восстановить надписи руки не доходили, хоть и имелась хитрая технология, которой Бугаса научил один фальшивомонетчик из Абердара. Ждали своего часа несколько предметов из предшествовавших Шторму эпох — раздобытых там, где знающий человек может разжиться многим. В углу, у самого пола, прятался нарочито неказистый, грубо сколоченный ящичек, заслуженно считавшийся, однако, жемчужиной коллекции, ибо содержал неоспоримое доказательство того, что крохотные моряки на маленьких подводных лодках, о которых втихомолку болтают всякую чушь, есть не миф и не мистика, а самая доподлинная реальность. И еще много всякого, способного, пожалуй, принести Бугасу титул почетного доктора Ремиденума — и обеспечить пожизненное роскошное проживание в замке Клан...

Но самая манящая загадка — это та, что приходит последней. И капитан тихо сатанел, вполуха слушая доносившуюся из соседней каюты самую будничную болтовню, перемежавшуюся долгим молчанием определенно лирического порядка. Он все еще искал связь меж загадочной смертью принцессы Делии, ошеломительным явлением толпе неведомо откуда вынырнувшего короля Хелльстада, разгромом ронерской «Черной благодати», неслыханным поведением коменданта порта и песнями на неизвестном языке, — но мозг уже погружался в здоровый алкогольный сон, и последней связной мыслью было — «барон на кого-то чертовски похож».



Окажись на столе на одну бутылку меньше, капитан, изощривший ум в решении хитрых загадок, мог и ухватить конец клубочка. Но черная пузатая бутылка рома знаменитого сорта «Семь якорей» (варившегося с ананасами, корицей и ароматическими травами пяти разновидностей) сыграла ту же роль, что и отлетевший каблук короля Гарепо Злосчастного, по легенде как раз и ставший причиной поражения королевской армии в Сандоварской битве. И капитан ухнул в сладко пахнущее ромом беспамятство, успев еще подумать, что вспомнил, на кого барон похож, но завтра обязательно забудет.

И забыл, конечно. Проснувшись утром в том же кресле и меланхолично посасывая из горлышка столь обычное для такой ситуации лекарство, он уже совершенно точно знал, что совершил вчера великое открытие, но клятая бутылка «Семи якорей» все сгубила. В каюту после деликатного стука сунулся главный кухарь (не похмельный, а просто еще не ложившийся со вчера) и прошелестел:

— Барон нас намерен покинуть. Просит лодку.

— Хоть две, — подумав, сказал капитан. — Пусть плывет, пока мы с тобой окончательно не рехнулись.

Он допил лекарство и выбрался на палубу, терзаясь унылой ненавистью к миру и человечеству. Справа виднелись на горизонте темно-синие отроги гор Оттершо. Слева тянулись бурные торфяники. Места были малообитаемые, насквозь неинтересные и какие-то нелепые, одному барону и пришло бы в голову здесь высаживаться — вполне достойное завершение. Барон уже стоял у борта, аккуратно сложив рядом боевой топор в чехле, мешок с бумагами и еще какой-то непонятный сверток — тот еще подборчик багажа, в самый раз для ситуации. Синеглазая, правда, принесла самый обычный кожаный дорожный сундук — но Бугас готов был продать душу морскому черту, что самым обычным содержимым там и не пахнет.

Он сумрачно поклонился издали, осведомившись:

— Надеюсь, путешествие было приятным, барон?

— В высшей мере, — ответил барон столь же вежливым поклоном, шагнул на трап.

Два человека, позарез друг другу необходимые, но в тот момент об этом не подозревавшие, надолго расстались, причем каждый полагал, что больше они не увидятся никогда.

Вимана, ожидавшая Сварога на берегу, была конечно же, невидимой для окружающих.

ИТОГ

«Четырем мирам и восьми сторонам света! Мы, Яна-Алентевита, Императрица Четырех Миров, Высокая Госпожа Небес, рассмотрев результаты операций, известных под рабочими названиями «Полночные Ворота» и «Серебряная черта», сим повелеваем:

1. За особые заслуги перед Империей, не требующие развернутых пояснений и перечислений, наградить лорда Сварога, графа Гэйра, барона Готара, камергера Двора, лейтенанта лейб-гвардии Яшмовых Мушкетеров, орденом Высокой Короны с гербовой цепью.

2. За причастность к вышеупомянутым заслугам наградить письмоводителя третьей категории восьмого департамента Канцелярии земных дел Мару, известную также как лауретта Сантор, орденом Имперского Меча с бантом.

3. Удовлетворить прошение лорда Сварога, графа Гэйра, об исключении из списков восьмого департамента означенной лауретты Сантор и о переводе ее в дружину лорда Сварога.

4. Удовлетворить представленный Геральдической Коллегией протокол о признании за графом Гэйром прав на титул «король Хелльстада» со всеми проистекающими отсюда геральдическими и юридическими последствиями (проект каковых надлежит незамедлительно представить для окончательного решения).

5. Аресты сотрудников Магистериума, произведенные восьмым департаментом, признать правомочными, отклонив все вызванные таковыми арестами прошения и докладные записки.

6. Лишить лорда Алферса, герцога Ингера, и лорда Герена, барона Аркаса, членства в Нашем Тайном Совете и званий пэров Империи, поместив обоих в тюрьму Лоре.

Дано и собственноручно подписано в Нашем замке Келл Инир третьего Датуша 5507 г. Н. Л. (Небесных Лет)».

...На экземпляре высочайшего указа, переданном лорду Сварогу, графу Гэйру и прочая, и прочая, рукой императрицы приписано:

8. (Конфиденциально). Запретить лорду Сварогу, графу Гэйру, впредь подавать прошения об отставке его как с военных, так и придворных должностей, строго предупредив, что в случае очередного такого прошения графа ждет лишь автоматическое повышение в воинских званиях и придворных должностях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. РАВЕНА, КРАСИВЫЙ ГОРОД 5

Глава 1. Заговорщики под шорох снежинок	6
Глава 2. Напарница с мечтой о гербе	25
Глава 3. Отец	37
Глава 4. Белый пароход	42
Глава 5. Принцесса, которой нет	55
Глава 6. Поиски начинаются	80
Глава 7. Беспутный внук добропорядочной бабушки ...	91
Глава 8. 15 и 14	106
Глава 9. Капрал, который уцелел	121
Глава 10. Цитадель ученых познаний	139
Глава 11. Самолеты как символ колдовства	151
Глава 12. «Я ее нашел!»	158
Глава 13. Бесприютные	169
Глава 14. Виват, богема!	178
Глава 15. Человек из золота	190
Глава 16. Право убежища	219
Глава 17. Хозяин подземелья	229
Глава 18. О практическом использовании серых медведей	246

ЧАСТЬ II. ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО БЕГСТВА 259

Глава 1. Паренек от сохи	260
Глава 2. Городок и его обитатели	277
Глава 3. Берег правый, берег левый	294
Глава 4. Граф, который чтит традиции	312
Глава 5. Гадание в Час Лешего	331
Глава 6. С комфортом и уютом	343
Глава 7. «А дальше – Древние Дороги...»	360
Глава 8. Без недомолвок	372
Глава 9. Будни Гулливера	380
Глава 10. Кто бережет курган	402
Глава 11. Король во всем великолепии	414
Глава 12. Отшельник в стиле эпохи	450
Глава 13. Когда никуда не спешат	469
Глава 14. Примитивное искусство победы	483
Глава 15. Полуденный огонь	494
Глава 16. Предпоследняя	510
Глава 17. Унылая бригантина	516
ИТОГ	517

Авторы стихов, приведенных в романе: Анна Ахматова, Ольгерд Довмонт, Редьярд Киплинг, Маттиас Клаудиос, Аркадий Кулешов, Хорхе Манрике, Новелла Матвеева, Борис Пастернак, Хуан де Тассис Перальта, граф де Вильямедиа, Мария Цветаева, Роберт Рождественский

Бушков Александр Александрович

ЛЕТАЮЩИЕ ОСТРОВА

Роман

Ведущий редактор В. В. Кузьмин

Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой

Компьютерная верстка Е. Э. Алексеева

Корректор Л. А. Пруткова

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 22.05.2017.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook.

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 32,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3204

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru

По вопросам приобретения продукции просим обращаться
по следующим адресам:

г. Москва и регионы РФ

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения про-
дукции:

Интернет-магазин: tdabris.ru

8(495) 981-10-39; 8(926) 611-98-46

zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения про-
дукции: 8(495) 615-29-01 (многоканальный)

г. Санкт-Петербург

ООО «Абрис СПб»

По вопросам розничного приобретения про-
дукции:

Железнодорожный пр., д. 20 (м.

«Ломоносовская»)

8 (812) 612-11-03, 8 (812) 327-04-50 (51),

факс: 8 (812) 560-24-17

Книжная ярмарка ДК им. Крупской, пави-
льон № 43

пр. Обуховской Обороны, дом 105

(м. «Елизаровская») 8 (812) 335-01-61

Интернет-магазин: srb-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения про-
дукции: 8(812)560-92-73

info@prosv-spbr.ru

г. Симферополь, Республика Крым

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения про-
дукции: 8(3652)78-83-65; 8(3652) 78-84-07;

krimea-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения
продукции: 8 (978) 091-05-91

znanie@textbook.ru

г. Калуга

ООО «Школьный МИР»

По вопросам розничного приобретения
продукции:

ул. Достоевского, д.29 п.66

8 (4842) 57-58-51

zakazmir40@mail.ru

По вопросам оптового приобретения
продукции: тел./факс. 8 (4842) 57-58-51;

8(4842)53-89-26; 8 (910) 866-51-81

ooomir40@yandex.ru

г. Киров

ООО «Абрис Вятка»

По вопросам розничного приобретения
продукции: ул. Комсомольская, 63

8 (8332) 705-805, 705-787, 705-788

AbriSVTK@textbook.ru

По вопросам оптового приобретения
продукции: тел.: 8 (8332) 705-805

Интернет-магазин: tdabris.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»

127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 1

ЛЕТАЮЩИЕ
ОСТРОВА

20 лет приключениям СВАРОГА

На земли государств Талара
вторгаются Глаза Сатаны —
зловещие создания, умеющие
принимать чужой облик.
Закулисные игры ларов
вынуждают Сварога инкогнито
отправиться туда и уничтожить
врага, избавив таким образом
опустевшую территорию трех
государств от чудовищ и исполнив
пророчества из Кодекса Таверо.
Граф Гэйр, Лорд Сварог
отправляется в путь, чтобы
окончательно подтвердить
то, что именно он и является
легендарным Серым Рыцарем...



ОЛМА



абрис

ISBN 978-5-00111-174-0



9 785001 111740

